

У Н И В Е Р С И Т Е Т С К А Я

Б И Б Л И О Т Е К А

А Л Е К С А Н Д Р А

П О Г О Р Е Л Ь С К О Г О

С Е Р И Я

С О Ц И О Л О Г И Я

П О Л И Т О Л О Г И Я

УЛЬРИХ БЕК

ВЛАСТЬ И ЕЕ ОППОНЕНТЫ
В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗМА

НОВАЯ ВСЕМИРНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ЭКОНОМИЯ

Перевод с немецкого
А. Григорьева и В. Седельника

ПРОГРЕСС - ТРАДИЦИЯ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ТЕРРИТОРИЯ БУДУЩЕГО»

МОСКВА 2007

УДК 316
ББК 65.03
Б 42

СОСТАВИТЕЛИ СЕРИИ:

В. В. Анашвили, А. Л. Погорельский

НАУЧНЫЙ СОВЕТ:

*В. Л. Глазьев, Л. Г. Ионин,
А. Ф. Филиппов, Р. З. Хестанов*

Издано при финансовой поддержке фонда
ИНСТИТУТ им. ГЁТЕ – ИНТЕРНАТИОНЕС, Бонн

Die Herausgabe dieses Werkes wurde aus Mitteln von
GOETHE-INSTITUT INTER NATIONES, Bonn, gefördert

Бек У.

- Б 42 Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономика / Пер. с нем. А. Б. Григорьева, В. Д. Седельника; послесловие В. Г. Федотовой, Н. Н. Федотовой. – М.: Прогресс-Традиция; Издательский дом «Территория будущего» (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»), 2007. – 464 с.

Ульрих Бек (р. 1944) – ведущий немецкий социолог, профессор Мюнхенского университета, известный русскому читателю по книгам «Общество риска» и «Что такое глобализация?».

Его новая работа, «Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма», посвящена одной из наиболее актуальных проблем современного мира – проблеме глобализации, ее сущности и последствий. По мнению автора, в исследовании феномена глобализации на смену политическому реализму, ориентирующемуся только на национальную точку зрения, приходит космополитический реализм, который подчеркивает решающую роль мировых экономических сил и акторов в сотрудничестве и противостоянии государств.

ББК 65.03

© Suhrkamp Verlag Frankfurt am Main 2002

© А. Б. Григорьев, перевод, 2007

© В. Д. Седельник, перевод, 2007

© В. Г. Федотова, послесловие, 2007

© Н. Н. Федотова, послесловие, 2007

© Прогресс-Традиция, 2007

© Территория будущего, 2007

ISBN 5-89826-286-5

ISBN 5-91129-033-2

ОГЛАВЛЕНИЕ

Повод для написания этой книги: подъем правого популизма в Европе. <i>Перевод В. Седелника</i>	7
Предисловие. <i>Перевод В. Седелника</i>	12
Глава I. Введение. Новая критическая теория с космополитической целью ¹	17
Глава II. Критика национального взгляда	64
Глава III. Меняющаяся правила мировая внутренняя политика: к разграничению экономики, политики и общества	88
Глава IV. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Стратегии капитала	169
Глава V. Государственные стратегии между ренационализацией и транснационализацией	231
Глава VI. Стратегии движений гражданского общества	315
Глава VII. Кто выигрывает? О трансформации понятия и форм государства и политики во Втором модерне	329
Глава VIII. Маленькая надгробная речь у колыбели космополитической эпохи	368
Литература	405
<i>В. Федотова, Н. Федотова. Вторая Великая трансформация: политические и экономические основания нашего времени</i>	433

¹ Главы I–III — перевод В. Д. Седелника, IV–VIII — перевод А. Б. Григорьева.

ПОВОД ДЛЯ НАПИСАНИЯ ЭТОЙ КНИГИ: ПОДЪЕМ ПРАВОГО ПОПУЛИЗМА В ЕВРОПЕ

Распространение правого популизма в Европе (и других частях света) есть реакция на отсутствие какой бы то ни было перспективы перед миром, границы и основания которого пришли в движение. Неспособность господствующих властных институтов и элит воспринимать и продуктивно упорядочивать эту новую реальность связана с характером данных институтов, с историей их возникновения. Они появились на свет в мире, в котором ведущую роль играли полная занятость, доминирование в национальной экономике национально-государственной политики, функционирующие границы, строгая территориальная независимость и идентичность. Это можно продемонстрировать почти на любой из ключевых тем, волнующих людей. Кто при наличии массовой безработицы и стремительно распространяющейся сомнительной занятости провозглашает идеалы полной занятости, тот издевается над людьми. Кто в странах, где средняя численность детей сократилась до угрожающих 1,3 %, утверждает, что доходам ничто не угрожает, тот издевается над людьми. Кто во время драматического снижения поступлений от промыслового налога превозносит глобализацию, которая позволяет транснациональным концернам сталкивать лбами страны и не платить налогов, тот издевается над людьми. Кто на фоне конфликтов, в которых оказываются этнически разнообразные сообщества, проповедует идеалы мультикультурной любви к чужим, тот издевается над людьми. Кто в век текущих или грозящих экологических катастроф и отравления продуктами питания заявляет, что техника и индустрия способны решать ими же порождаемые проблемы, тот издевается над людьми. Мы, европейцы, делаем вид, будто все еще существуют Германия, Франция, Италия, Нидерланды, Португалия и т.д. Но их давно уже нет, так как закрытые национально-государственные держатели власти и отделенные друг от друга границами государства стали ирреальными самое позднее с введением евро. В нынешней Европе нет больше Германии, Франции, Италии и т.д. в том виде, в каком они остались в головах людей и в иллюстрированных сочинениях историков, так как нет больше границ, компе-

тентности и обособленного опытного пространства, т. е. всего того, на чем зиждился национально-государственный мир. Но если все это уже стало прошлым, если мы мыслим, действует и исследуем категориями зомби, то что тогда должно возникнуть или уже возникло?

Вот вопрос, который поднимает и на который пытается дать ответ эта книга. Возникла еще не осмысленная *политика границ*, переплетение отсутствующих рубежей, старых и новых границ и динамик, которые давно уже следует воспринимать не в национальных понятиях, а в рамках *транснациональной* мировой внутренней политики. Именно сохранение верности старым нормам безопасности — борьба с преступностью, выдворение иностранцев и тех, кто просит убежища, — вынуждает к отказу от национального монополизма силовых ведомств, полиции и пограничной службы, т. е. от священных прав суверенитета, ради того, чтобы снова обрести национальную безопасность и суверенитет.

Во взаимоотношениях между возникшими вследствие модернизации проблемами, изменяющими основы мироустройства, и затишьем в политике,двигающейся по замкнутому кругу, появилось табу, инсценированное средствами массовой информации, нарушение которого способствует непредвиденному росту правого популизма и одобрительного отношения к нему. Уже недостаточно карикатурно представлять популизм в виде балаганного силомера для установившегося политического консенсуса, надеясь при этом на его уязвимость. Чтобы понять политические потрясения, которые вызывает и использует правый популизм, следует открыть источники его силы. Они заключаются в том, что мотивы и темы заложенного в европейском модерне контр-просвещения — борьба с распадом и декадансом, возрождение старых ценностей и общностей — применяются к актуальному табу радикальной модернизации. Сбивающим с толку моментом здесь выступает принцип «не только..., но и», который по-новому перемешивает политические фронты. Так называемый правый популизм представляется теперь как «нетолькоправый, ноилевыйпопулизм». Его сила и внушающий беспокойство потенциал состоит в том, что такого рода политика соединяет, поглощает, комбинирует, синтезирует несовместимые вещи: правые цели, левые методы и инсценируемые средствами массовой информации просветительские нарушения табу, чтобы дать волю ядовитому потенциалу направленной против модерна озлобленности. Это находит отражение и в реакции общества. Демагогию популистов разоблачают, видя в ней опасность для демократии, но по крайней мере тайно приветствуют как взбадривающую шоковую терапию, в которой эта демократия нуждается. Поэтому сила популистов столь же велика, как и неумение правящих по-

литиков дать ответы на вопросы, которые ставит перед ними радикально изменившийся мир.

Как под лупой (и как в этой книге), это легко продемонстрировать на *последствиях глобализации*. Одни в публичных дебатах отметаю «глобализацию» как не имеющее никакого смысла слово; другие, наоборот, возносят ее до уровня новой судьбы, которой должно подчиниться человечество. Незаметно для этой перепалки общественные науки перевели дискуссию в деловое русло. К настоящему времени разработано два подхода. Первый осмысливает и исследует глобализацию в духе растущей *interconnectedness*¹ [Held и др., 1999; Beisheim и др., 1999], т. е. в духе все увеличивающихся переплетений, взаимозависимостей, международных потоков, идентичностей и социальных связей. Второй подход делает упор на «упразднение пространства временем» [Harvey, 1990; Giddens, 1997] благодаря новым средствам коммуникации. Люди все больше хозяйствуют на интернациональной основе, работают, любят, выходят замуж и женятся, живут, путешествуют, потребляют, питаются, воспитывают в интернациональном духе детей, существуют в обобщенном, ничейном пространстве телевидения и Интернета; политические идентичности и пристрастия тоже больше не повинуются заповеди национальной моногамии лояльности. Глобализация уже мыслится здесь не как при первом подходе — растущей взаимозависимостью между продолжающими свое существование национально-государственными общественными пространствами, а как *внутренняя* глобализация самих этих пространств.

Подхватывая эти тезисы и одновременно делая существенный шаг вперед, данная книга поднимает и развивает идею глобализации как *историческую трансформацию*. Таким образом, игравшее до настоящего времени ведущую роль во взгляде на мир *различение между национальным и интернациональным* *растворяется* в пока еще нечетко очерченном силовом пространстве всемирной внутренней политики. Во всяком случае, в рамках этого различения сложилось мировоззрение Первого модерна, ключевые понятия (и теории) общества, идентичности, государства, суверенитета, легитимности, силы и господства, поэтому в данной книге ставится вопрос: каким образом можно прийти к пониманию этого мира с его всемирной динамикой — мира, в котором последствия и проблемы радикальной модернизации уничтожают опоры и логику действия национально-государственных образований, исторически возникшие центральные различия и базисные институты? Ответ, который дается и трактуется в отдельных главах книги, звучит

¹ взаимосвязанности (англ.).

так: новая всемирная внутренняя политика, действующая здесь и сейчас за рамками различия между национальным и интернациональным, стала *совершенно открытой в своих истоках силовой метаигрой*, в которой границы, основополагающие правила и центральные различия заново согласуются не только на национальном и интернациональном уровне, но и на уровне мировой экономики и государства, транснационально действующих гражданских общественных движений, наднациональных организаций, национальных правительств и обществ.

Если национальное перестает быть национальным, а интернациональное интернациональным, то оказывается ложным и политический реализм, ориентирующийся только на национальную точку зрения. На его место приходит — в этом аргумент данной книги — *космополитический реализм*, логику силы которого предстоит раскрыть в научных понятиях. Этот реализм в той же мере выделяет решающую роль мировых экономических сил и акторов в сотрудничестве и противостоянии государств, в какой стратегии транснациональных общественных гражданских движений, включая нецивилизованные (а точнее — террористические) международные организации, используют в своих политических целях приватизированную силу против государств.

Космополитический реализм (иначе говоря: макиавеллизм) дает ответ прежде всего на два вопроса. Во-первых, как, с помощью каких стратегий мировые экономические акторы навязывают государствам свой образ действия? Во-вторых, как государства в свою очередь могут отвоевать у мировых экономических акторов государственно-политическую метавласть, чтобы заставить всемирно-политический капитал принять *космополитический режим*, включающий политическую свободу, глобальную справедливость, социальную безопасность и экологическую устойчивость? Эта *новая всемирно-политическая экономика* обретает актуальность и научную значимость вследствие того, что, с одной стороны, она в качестве теории власти развертывается над стратегическим пространством транснациональной экономики, а с другой стороны, одновременно подхватывает возникающий отсюда контрвопрос: каким образом можно подготовить основанную на идее государственности политику (в ее основополагающих понятиях, стратегическом силовом пространстве, институциональных типовых условиях) к ответу на вызовы не только мировой экономики, но и глобальных проблем, возникающих вследствие модернизации?

В пользу продвижения и, может быть, даже доминирования культуры глобальности говорит многое, наряду с прочим и то, что в напоре глобализированной модернизации мировые проблемы давно стали повседневностью. Изменение климата, разрушение окружающей среды,

риски, связанные с продуктами потребления, глобальные финансовые риски, миграция, опережающие следствия новшеств в сфере генетики человека, нанотехнологии и т. п. самым непосредственным образом ставят под сомнение основы совместного проживания людей на Земле. Кроме того, национальное государство давно уже перестало создавать общий порядок взаимоотношений, который содержал бы в себе все другие принципы поведения и был способен давать ответы на политические вызовы. Террористические акты 11 сентября 2001 г. показывают, что власть не может чувствовать себя в безопасности. В радикально расколотом мире безопасность наступит только в том случае, если будет приемлемыми способами разбужена и станет повседневностью готовность и способность видеть мир спущенного с цепи модерна глазами других, т. е. инаковость. В этом смысле создание космополитического *common sense*², духа признания инаковости других, который пронизывал бы этнические, национальные и религиозные традиции и постоянно обновлялся во взаимном обмене, после 11 сентября уже не сомнительная, наивная словесная игра, а скорее вопрос выживания — в том числе и прежде всего — для супердержав.

Поэтому данную книгу можно считать ответом на вопрос: каким образом морально, интеллектуально и политически подготовиться к встрече этих правопопулистских перемен? Когда мировое внутриполитическое пространство власти будет концептуально и политически освоено вне старых категорий национального и интернационального, то откроются (наряду с объяснением правопопулистской реакции) перспективы космополитического обновления политики и государства.

Формы глобализации требуют смены точки зрения с национальной на космополитическую, реализм, значение — и опасности! — которой пытается осмыслить и понять эта книга. Чтобы убедиться в этом, читателю следовало бы начать чтение книги с последней главы, «Маленькая надгробная речь у колыбели космополитической эпохи», а затем, прежде, чем обратиться к Введению, просмотреть предпоследнюю главу («Кто виноват? О трансформации понятия и форм государства и политики во Втором модерне»).

Мюнхен, июнь 2002.

² здравого смысла (*англ.*).

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Те, кого мы выбирали, не имеют власти.
А тех, у кого в руках власть, мы не выбирали.*
(плакат в руках демонстранта)

Каковы основы легитимного господства в эпоху глобализации? Тревога, заключенная в этом вопросе, который невысказанным присутствием за контрверзерами нашего времени, торопит написание данной книги. Мы полагаем, что знаем, и тем не менее знаем, что не знаем, о чем говорим, когда употребляем слова «политика» и «государство». Как известно, политика творится в парламенте, правительстве, в политических партиях, в предвыборной борьбе. Но не эти ли готовые ответы на все вопросы о причинах легитимного господства мешают нам понять смысл битв за власть, которые сотрясают мир?

Мы еще убаюкиваем себя верой в то, что знаем, к каким инстанциям нужно обращаться, чтобы, наконец, подступиться к проблемам общего благосостояния. Но потом читаем на газетной странице, посвященной вопросам экономики, что потоки капитала текут туда-то и туда-то по правилам мирового рынка, которые не подчиняются требованиям налоговых органов национальных государств. Экспорт рабочих мест, гибкая локализация производства, информационные потоки, глобальные миры символов, супернациональные организации — Всемирный банк, Международный валютный фонд, Европейский союз — вторгаются в нашу жизнь. Надо отдавать себе отчет в том, что глобальные экологические кризисы или интернациональная политическая экономия — ключевые проблемы, о которых спорят эксперты, — определяют ход политики. Специалисты в области правового популизма убеждают, что уже не только государства создают интернациональные законы и осуществляют интернациональное право. Локальные группы активистов действуют в глобальном масштабе: глобальные концерны высказываются по локальным проблемам, но в то же время уклоняются от своей обязанности платить промышленные налоги; под предлогом соблюдения прав человека угрожают военным вторжением в чужие государства и осуществляют эти вторжения. Или вот еще один свежий пример: универсализация подозрений

в причастности к терроризму подталкивает даже демократические военные власти и государства выдавать себе лицензии на всеобщую «охоту на террористов». Не исключено, что мы соскальзываем в век «вечного мира», который нельзя будет отделить от «вечной войны», и что установится такой «мир», который будет хуже войны. Но что же тогда в условиях размывающихся и перемешивающихся границ и различий означает легитимное господство?

В настоящее время происходит — такова основная мысль этой книги — творческое разрушение легитимного миропорядка, при котором доминируют национальные государства. Это в высшей степени амбивалентное развитие, скрывающее в себе (наряду с многими другими сценариями) возможность космополитического взгляда или дальнейшее развитие политики к космополитическому государству. Речь, стало быть, идет не о *clash of civilizations*¹, а о борьбе за человеческую культуру, в которой уживались бы самые разные традиции. Никакая стена не защитит государства центра от гуманитарных катастроф в других частях света. Новые угрозы существованию цивилизации не делают различий между расами, нациями и континентами.

Новый космополитический реализм витает в воздухе! Но чтобы из понятия космополитизма, который самое позднее с эпохи Канта принадлежит к философско-политической традиции западной цивилизации, могла возникнуть реалистическая критика господствующего порядка вещей, его необходимо сначала очистить от хлама, подвергнуть «спасительной критике» (Вальтер Беньямин). Под словом «космополитический» я не имею в виду идеалистически-элитарное понятие, служащее в качестве идеологического оружия имперским притязаниям транснациональных элит и организаций; мне видятся ценности признанного, живого многообразия, пронизывающие все социальные позиции и исторические контексты в духе космополитического *common sense*, который касается больших групп людей и ведет к тому, чтобы придать нужное направление на первый взгляд хаотическому развитию.

В начале третьего тысячелетия основной принцип национальной реальной политики: «национальные интересы достигаются в национальных границах» — следует заменить принципом космополитической реальной политики: «наша политика тем национальнее и успешнее, чем она космополитичнее». Только многосторонняя политика открывает многосторонние пространства действия. Если бы не было мировых проблем, их следовало бы придумать, ибо они способствуют образованию транснациональных общностей. Действующая в головах

¹ столкновении цивилизаций (*англ.*).

людей национальная игра с нулевым выигрышем в суверенитете становится исторически ошибочной, ибо создание взаимозависимости может и должно пониматься и осуществляться как игра с взаимным выигрышем во власти. В этой книге освещается на первый взгляд парадоксальный тезис нового космополитического реализма: «в эпоху глобальных кризисов и рисков политика «золотых наручников», создание густой сети транснациональных зависимостей ведут к регенерации национальной независимости — в противовес властным достижениям высококомобильной экономики».

Противоречивые культурные течения сталкиваются на узком пространстве и вступают в нередко насыщенные конфликтами связи. Двуязычие, т. е. способность освободиться от фиксации на привычном, возможность жить во многих местах, легкость передвижения, все большее количество людей с двойным гражданством, жизнь, не замкнутая национальными границами, — все это создает сложное переплетение частичных лояльностей, но не ведет к отказу от изначально обретенной идентичности. Имея корни и крылья, провинциализм, сопряженный с богатым опытом и практикой космополитизма, мог бы стать общим цивилизационным знаменателем создающихся на основе мировой культуры гетерогенных обществ и, следовательно, ответить на болезненно затрагивающий всех вопрос: в каком устройстве нуждается современный мир?

Такое признание различий (не путать с предписываемой сверху любовью к иностранцам!) открывает широкие возможности, но само не лишено явных внутренних противоречий. Дело не только в растущей пропасти между богатством и бедностью, нишами благосостояния и ловушками бедности, между севером и югом, но прежде всего в создании условий для достойной жизни, в возможности и невозможности существования минисоциального государства в глобальном масштабе, «глобализированного кейнсианства», даже если он сохранит ориентацию на *minima moralia* основных потребностей. Дело в значительно большем. Космополитический взгляд имеет отношение к тому, каким образом национально-государственные базовые институты будут (и будут ли вообще) в долгосрочной перспективе открываться изнутри и извне навстречу вызовам глобальной эпохи. Он имеет отношение к тому, какова будет реакция на меньшинства, на иностранцев, на асоциальные элементы. Но главным образом, он имеет отношение к фундаментально преобразующей, формирующей роли в этих взаимосвязях государства и правительства, к проблеме, которую в век глобализации ставит защита прав человека в различных группах с целью укрепления и перестройки демократии. Он имеет отношение к функциональным

эквивалентам государства и прежде всего к вопросу: как предотвратить акты насилия, возникающие вследствие разочарований и унижений?

Космополитический взгляд, таким образом, связывает уважение к достоинству культурной инаковости с заинтересованностью в выживании каждого индивида. Иными словами, космополитизм — это очередная великая идея, которая приходит на смену исторически исчерпавшим себя национализму, коммунизму, социализму, неолиберализму. Эта идея *могла бы* сделать невозможное возможным — добиться, чтобы человечество пережило XXI век, не впадая в новое варварство.

Экономика мирового рынка в силу своей принудительной динамики изменила правила мировой политики. Из-за размывания границ между экономикой, политикой и обществом начинается новая борьба за власть и противостояние власти. Более того, заново согласовываются сами правила легитимного господства. Но знание о неотвратимом появлении космополитического модерна — это не торжествующее, а в высшей степени амбивалентное знание. Да и может ли быть иначе, учитывая опыт с разгулом тоталитарной политики в катастрофическом XX веке? Ретроспективное обозначение мира идей, выстроенных по национально-государственному принципу экономики, общества и политики как *первого модерна*, и отграничение его от еще расплывчатого *второго модерна* с его глобальными экологическими и экономическими кризисами, обостряющимся транснациональным неравенством, индивидуализацией, непостоянным заработком и другими вызовами культурной, политической и военной глобализации, — все это способствует преодолению протекционистского рефлекса, который не только в Европе после краха биполярного миропорядка ведет к интеллектуальному и политическому застою. В связи с этим главной проблемой книги являются метаперемены в экономике, политике и государственности в эпоху глобализма. На первый взгляд, сверхстабильные ведущие идеи и координаты этих перемен меняются, а вместе с ними меняются основы и центральные понятия власти и господства, легитимности и насилия, экономики, государства и политики. Главный вопрос заключается в том, каким образом второй модерн может перейти в модерн космополитический. Такая постановка проблемы нацелена на осуществление альтернативного миропорядка, в центре которого окажутся политическая свобода, а также социальная и экономическая справедливость, а не законы мирового рынка. Глобализация проводится сильными мира сего в ущерб бедным. Форсируется не охватывающее разные культуры взаимодействие обществ, а насаждается одна линия, направленная против всех остальных. В космополитической идее находит выражение универсальная заинтересованность гуманности в себе самой. Это попытка заново

осмыслить взаимозависимости и взаимодействия вне рамок национальной аксиоматики и заносчивости, а именно в духе космополитического *реализма*, открывающего и обостряющего взгляд на незнакомые, «глокально» переплетенные общества, в которых мы живем и действуем.

Эта книга в большей мере обязана беседам с друзьями и коллегами, чем любая другая, вышедшая из-под моего пера. Эдгар Гранде, в идеях которого нашла воплощение креативность нашего совместного мюнхенского исследовательского проекта о рефлексивной модернизации, в продолжавшихся дни напролет беседах активно способствовал выработке внутренней формы произведения. Кристоф Лау, который в качестве одной из креативных опор этого исследовательского центра тоже эмпирически помогал в разработке теории рефлексивной модернизации, со свойственным ему остроумным интеллектуализмом предлагал все новые варианты текста этой книги. Многим я обязан и беседам с Борисом Хольцером, который лучше многих разбирается в противоречивых культурах общественных наук. Альмут Кляйне не просто помогла написать эту книгу — она ее выстрадала. Армин Нассехи, Карл Палонен, Шалини Рандериа, Натан Шнайдер, Боб Джессоп, Матс Сёренсен и Петер Велинг с пользой для автора высказали свои соображения по начальному варианту книги. Стимулирующий интеллектуальную деятельность климат London School of Economics and Political Science², которой руководит Энтони Гидденс и в работе которой я имел честь и удовольствие участвовать, существенно повлиял на *cosmopolitan imagination*³ данной книги. Кроме того, следует упомянуть беседы с Мэри Калдор, Дэвидом Хелдом, Саскией Сассен, Ричардом Сеннетом, Ральфом Дарендорфом, Стенли Коэном, Доном Слатером, Роджером Сильстоном и многими другими, а также беседы в рамках Goldsmith University с Анджелой МакРобби и Скотом Лэшем. Last but not least⁴ нашел время обговорить со мной начальный вариант Юрген Хабермас. Йоханнесу Вильмсу, спутнику по интеллектуальным спорам, я обязан большим, чем просто благодарностью. Но и эта книга является прежде всего частью моих бесконечных разговоров с Элизабет Бек-Гернсхайм, и слово «благодарность» в данном случае не выражает полноты моих чувств.

Хочу также высказать свою сердечную признательность фонду концерта «Фольксваген», щедрая стипендия которого помогла выполнить данную работу.

Ульрих Бек

² Лондонской школы экономики и политических наук (*англ.*).

³ Здесь: космополитические воззрения (*англ.*).

⁴ последним в этом ряду, но не последним по значению (*англ.*).

ГЛАВА I

ВВЕДЕНИЕ. НОВАЯ КРИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ С КОСМОПОЛИТИЧЕСКОЙ ЦЕЛЬЮ¹

В начале третьего тысячелетия будущее человечества неожиданно предстает открытым. Наступает то, что наряду с другими предсказывали Фридрих Ницше, Карл Маркс, Иммануил Кант и Макс Вебер.

Еще 150 лет назад Ницше требовал, чтобы «Европа наконец приняла решение... и покончила с затянувшейся комедией партикуляризма, а также со своими разнонаправленными династическими и демократическими устремлениями. Время мелкой политики миновало. Уже следующее столетие принесет с собой борьбу за мировое господство — *принуждение к большой политике*».

Но уже до него Иммануил Кант предвидел появление ведущей космополитической идеи этой большой политики: «Самая возвышенная идея, которую только может вообразить человек, размышляя о своем предназначении, и которая не может быть воспринята без энтузиазма, — это представить себя членом мирового сообщества, включенным в него на правах государственного гражданства».

Карл Маркс предсказывал, что не политика государств, а глобализирующий капитал взламывает национально-политическую аксиоматику и откроет дорогу большой политике. «Место старого глобального, национального самодовольства займет всестороннее общение, всесто-

¹ В этой главе я использовал следующую литературу: *Nietzsche* 1966; *Kant* 1956; *Marx – Engels* 1969; *Max Weber* 1972; *Palonen* 1998; *Czerny* 2000; *Habermas* 1999, 2001; *Grande/Risse* 2000; *Cheah/Robbins* 1998; *Hardt/Negri* 2002; *Albrow* 1998; *Coulmas* 1990; *Connolly* 1975; *Hitzler* 1996; *Fichte* 1806; *Randeria* 2001; *Cohen* 2001; *Stichweh* 2000; *Young* 1999; *Beck/Bonn* 2001; *Bronschier* 1988, 2002; *Cutler/Haufler/Porter* 1999; *Cohen/Kennedy* 2000; *Czada* 2000; *Drucker* 1977; *Embong* 2000; *Greven* 1999; *Lash* 2002; *Latour* 2001, 2002; *Luard* 1990; *Luhmann* 1975; *Luhmann/Scharpf* 1989; *Machiavelli* 1968; *Macropoulos* 1989; *Meier* 1980; *Meyer* 2000; *Meyer et. al.* 1997; *Palonen* 1995, 1998; *Plessner* 1931, 1962; *Polanyi* 1994; *Robertson* 1992; *Scharpf* 1991; *Scott* 1998; *Wallerstein* 1991; *Wapner/Ruiz* 2000; *Weber* 1972; *Wolf* 2000. — *Здесь и далее прим. автора.*

ронняя зависимость наций друг от друга как в сфере национального, так и в сфере духовного производства. Духовная продукция... станет общим достоянием. Национальная односторонность и ограниченность станет все более невозможной, и из многих национальных и локальных литератур образуется мировая литература». Наконец, Макс Вебер сделал вывод для исторической науки: «Но когда-нибудь все изменится: значение необдуманно представляемых точек зрения ослабнет, путь потеряется в тумане. Но свет великих проблем культуры пробьется. Вот тогда наука обретет способность менять свою точку зрения и свой понятийный аппарат и с высоты мысли взирать на поток событий».

1. МЕТАИГРА МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Эти и другие перспективы, парадоксы и следствия принуждения к большой политике можно рассмотреть, развить и осветить с точки зрения *метаигры мировой политики*.

Метаигра означает, что старая мировая политика, *применявшая* правила игры, и новая мировая политика, *изменяющая* эти правила, переплетаются, становятся — что касается отдельных акторов, стратегий и союзов — неразделимыми.

Понимание, что в полумраке уходящей национальной и возникающей космополитической эпохи политическая активность подчиняется двум совершенно разным и в то же время взаимосвязанным сценариям, что на сцене в зависимости от точки зрения два актерских ансамбля представляют две отличающиеся друг от друга пьесы, в которых парадоксальным образом переплетается еще существующая, но уже завершающая свой путь политическая драма с альтернативной, открывающей свою историю, — это понимание, каким бы точным и доказательным оно ни было, смущает умы, как смущает их и сама реальность. Именно эта реально существующая путаница категорий, сценариев, пьес и действующих лиц, более того, переделка пьес в ходе представления составляет суть метаигры².

² Именно Хельмут Плеснер нанес неожиданный критический удар по типично немецкому восприятию политики, которой занимаются скрепя сердце: «У немца на душе кошки скребут, когда он занимается политикой, не доверяя правилам игры» [1931, 104; 22]. Именно он сделал игровой принцип центральным понятием политики. Этим понятием Плеснер выражает свое положительное отношение к обществу и общественности и призывает их не доверять всеобщей идиллии — во имя растущих «возможностей игры» [38]. Игро-

Системные правила игры мировой политики поддаются различению по институциям и организациям. Под *институциями* понимаются действующие базисные и скрытые правила осуществления власти и господства, т. е. формальные и неформальные предписания, как себя вести, необходимые для осуществления определенных форм национальной и международной политической практики. К институциям национально-государственной силовой игры в эпоху Первого модерна относились, например, государственный контроль за ограниченной территорией, вопросы международного признания и дипломатии, монополия на инструменты власти, правовая независимость, но также и обеспечение безопасности социального государства, основные гражданские и политические права и т. д. В то время как институции учреждают базисные формы и нормы, т. е. категориальные рамки политической активности, под *организациями* имеются в виду специальные акторы, располагающие определенным количеством

вое поле, по Плеснеру, является публичным пространством для возможных стратегических действий. Эти возможные действия реальнее самой реальности, которая, по замечанию Роберта Музиля, есть всего лишь гипотеза, за пределы которой еще никому не удавалось выйти. Плеснер подчеркивает историческую открытость политики: «В связи с этой неопределенностью человек ощущает собственную силу и отказывается воспринимать свою жизнь... как нечто предопределенное. То, чего он из-за этого отказа лишается, вырастает в нем как потенциал новых возможностей. Открывающаяся перед ним широта возможностей в то же время решительно избавляет его от бесконечного множества других возможностей самопознания и самоопределения, которые ему больше не нужны» [Plessner 1931, 188].

Это взаимная игра со случайностями имеет цель их укрощение. Однако у Плеснера система регулирования *конвенций* в конечном счете одерживает победу над чрезвычайными, взламывающими границы шансами политической игры. Соответственно Плеснер подвергает анализу дипломатию, которая пытается усмирить неорганизованные случайности раскованной политической игры с помощью договоров: «Дипломатия, со своей стороны, означает игру с помощью угроз и запугивания, хитрости и уговоров, торговли и переговоров, методов и приемов расширения власти, по необходимости внутренне связанных со способами защиты и оправдания власти» [99]. В противоположность этой уже почти аполитичной «возможности политического априори», которое не выходит за пределы «политики в ее человеческих возможностях» [1931: 142], я использую метафору игры в смысле *метаигры*, т. е. политической игры вокруг основ, основных правил борьбы за власть и господство в эпоху перехода от Первого ко Второму модерну.

членов, финансовыми и пространственными ресурсами, а также определенным правовым статусом. В метаигре я различаю (по первым, грубым прикидкам) три организации: это государства, всемирно-экономические акторы и акторы глобального гражданского общества.

Комбинация институций и организаций определяется и раскрывается, согласно преобладающей теоретической контрверзе, посредством двух логик действия, которые Джеймс Марч и Йоган Ользен называют *логикой ожидаемых последствий* и *логикой соразмерности*. Согласно логике последствий политические действия вытекают из рационального поведенческого расчета, который подчиняется правилу, заключающемуся в том, чтобы ту или иную ситуацию с необъяснимыми предпочтениями довести до наивысшего предела. Примерами могут служить классическая теория игры, а также неоклассическая экономия. Напротив, логика соразмерности понимает политические действия как продукт власти, ролей и идентичностей, которые в той или иной ситуации стимулируют соответствующее поведение [Arch/Olsen 1989; Krasner 1999].

Теория метаигры противоречит логике ожидаемых последствий и логике соразмерности, так как она подчиняется *логике изменения правил*. Это означает, что старый национально-государственно-интернациональный институциональный порядок не является онтологической данностью, а сам выступает ставкой в игре. Соотношение между институциями и организациями переворачивается, институции уже не определяют пространство и границы, внутри которых организации проводят свою политику; скорее организации (например, хозяйствующие акторы) *выламываются* из институциональных рамок и переводят в запас «национальные априори» политического действия³.

Стало быть, изменяющая правила метаигра мировой политики — это вторая great transformation, великая трансформация [Polanyi 1944].

³ То, что в сфере мировой политики называют метаигрой, и есть, говоря обобщенно, «рефлексивная модернизация» [Beck/Giddens/Lash 1996; Beck/Bona 2001]. Общетеоретическая идея заключается в *интерференции побочных последствий*, которые устраняют базисные институции и ограничения Первого модерна и подталкивают к метаполитике, в которой заново устанавливаются основные правила и многочисленные рамочные конструкции сосуществования. Борьба власти за правила достижения власти определяется побочными следствиями в той же мере, в какой, например, транснациональные акторы действуют не политическими, а экономическими методами, однако благодаря побочным следствиям их транснациональных инвестиционных решений ликвидируют национально-государственную политическую аксиоматику (см. об этом главы III/13, главы IV и V).

Государства больше не конституируют в исключительном порядке арену коллективных действий в том смысле, что они определяют пространство и системные правила политической игры, включая создание общественных институтов для коллективного нахождения решений и проведения этих решений в жизнь. Вместе с рефлексивной метаигрой *в действительности* встает вопрос, в какой мере основы государственной власти *сами* становятся объектом всемирно-политических и всемирно-экономических властных стратегий. Но это значит, что глобализация, а не государство определяет и изменяет арены коллективных действий. Ключевой темой становится трансформация *второго порядка* – великая трансформация ориентированного на государственность устройства *per se*! Эксклюзивный сценарий, согласно которому национальные государства и система международных отношений между государствами определяют пространство коллективных политических действий, взламывается одновременно изнутри и снаружи и мало-помалу заменяется более сложной, не признающей границ, изменяющей властные правила, парадоксальной, непредсказуемой, субполитической и всемирно-политической метаигрой с неясным исходом⁴. Что это значит?

2. СТАРАЯ ИГРА БОЛЬШЕ НЕВОЗМОЖНА

Глобализация имеет двоякое значение. Начата новая игра, в которой правила и основные понятия старой игры перестали действовать, но ими продолжают пользоваться. Старая игра, у которой много назва-

⁴ «То, что мы в этом случае получим, будет не жесткой смирительной рубашкой, а новым сложным полем действия. Игра *политической* глобализации еще во многих отношениях совершенно открыта. В самом деле, новая властная игра диктуется не только с одной стороны; это взаимно повторяющаяся, колеблющаяся игра, в которую можно играть до бесконечности; игра со стратегиями и тактиками игроков и их эпистемологическими «теньями, отбрасываемыми в будущее», которые отзываются в постоянно возникающих ситуациях действия и противодействия. Более того, эта игра характеризуется еще и тем, что она открывает массу альтернативных результатов или «множественных равновесий» – от всемирного правительства до хаоса с массой различных промежуточных возможностей. Сюда относятся как некоторые формы неуравновешенного глобализма или секторальной гегемонии финансовых рынков и мультинациональных корпораций, так и «двойной беспорядок», который иногда называют новым Средневековьем; это лишь некоторые из возможных сценариев. И различия между этими явлениями уже так же огромны» [Czerny 2000: 35].

ний, например «национальное государство», «национальное индустриальное общество», «национальный капитализм» или «национальное социальное государство», *сама по себе* уже невозможна. Эта простая игра напоминает *grosso modo* игру в шашки, когда оба игрока имеют в своем распоряжении однородный набор шашек и соответствующих ходов. Вместе с глобализацией возникло новое пространство и новые рамки действия: политика *вышла за пределы государств и границ*, вследствие чего появились дополнительные игроки, новые роли, новые ресурсы, незнакомые правила, новые противоречия и конфликты. В старой игре у каждой шашки был только один ход. В новой игре за власть и господство этого уже недостаточно. К примеру, шашки, представляющие капитал, открывают для себя новую мобильность, напоминающую мобильность коня или ладьи в шахматах, т. е. в стратегическом качестве шашек и ходов появляются поразительные различия и странные поливалентности. Главное, однако, заключается в том, что старые и новые акторы должны сами находить в глобальном игровом поле или изобретать свои роли и ресурсы, следовательно, должны их определять и конструировать. Остаются неясными не только *ходы*, но и *цели* игры. При игре в шашки речь шла о том, чтобы побить все шашки противника. Если уподобить новую игру шахматам, то теперь задача заключается в том, чтобы дать мат королю. Но и тут нет уверенности, доведено ли дело до конца и закончена ли игра.

В старой политической игре целью было национальное (социальное) государство: возможно большая безопасность для всех. Имеет ли это смысл сегодня? Сегодня имеет смысл достижение политической цели «социал-демократического столетия» [Ralf Dahrendorf 1970], высшей меры социального равенства на основе национальной гомогенности. Сколько культурного разнообразия, сколько социального неравенства можно и нужно допустить? В старой, национально-интернациональной игре действовали правила международного права, вследствие чего во внутригосударственной сфере с гражданами можно было делать все, что угодно. Остаются ли эти правила еще в силе? Или давно уже применяется нечеткое правило ограниченного суверенитета: каждое государство в случае этнических чисток или грубого нарушения прав человека в отношении своих граждан должно считаться с «гуманитарным вмешательством» мирового сообщества на основе прав человека и гражданина мира? Могут ли председатели правительств, министры или послы, которые в своей стране грубо нарушают признанные в мире права человека своих сограждан, рассчитывать на дипломатическую неприкосновенность или же должны отдавать себе отчет в том, что в стране, куда они направятся с визитом, их арестуют и предадут суду?

В старой игре действовали правила корректного поведения: кто при игре в кости выбрасывает «шесть», пропускает ход, или же ходы удваиваются. Или действовало правило, когда после каждого хода наступает очередь ходить противнику, т. е. происходила смена играющих. Действует ли это правило сегодня? Или же при одних условиях, при одном раскладе сил действует, а при другом — нет? Кто решает, какие правила действуют, а какие нет? Политика в переходный период попадает в неопределенное положение *двойной контингентности*: неустойчивы ни старые, базисные институции и системные правила игры, ни специфические организационные формы и роли действующих сил; все это в ходе игры ломается, переписывается и согласовывается заново. Как далеко это может зайти, столь же неясно и зависит от случайных обстоятельств, как цели и альтернативы политики в целом.

Соль аргумента метаигры заключается в следующем: шансы игроков в значительной мере зависят от их самоидентификации и нового толкования политики. В них — предпосылка успеха. *Только* критика национально-государственной ортодоксии и новые категории, берущие на вооружение новый космополитический взгляд, открывают новые шансы в игре. Кто цепляется за старые догмы, применимые при игре в шашки (например, за фетиш суверенитета), будет обойден, обманут и даже не сможет пожаловаться на свою участь. Это *издержки*, которые за верность старым правилам игры в шашки платят одни государства другим — тем, которые сменили национальный взгляд на космополитический. Иными словами, методологический национализм — настаивание на том, что всемирно-политическая метаигра была и остается национальной игрой в шашки, — оказывается делом чрезвычайно дорогостоящим. Он замутняет взгляд и одновременно мешает пониманию определять новые ходы и ресурсы власти. Более того, возможность преобразовать правила метаигры, при которых можно выиграть или проиграть, в абсолютно беспроигрышные правила на пользу государства, глобального гражданского общества и капитала, остается теоретически, эмпирически и политически не исследованной. Имеет смысл перевернуть марксистский принцип: не бытие определяет сознание, а сознание новой ситуации — космополитический взгляд — увеличивает шансы игроков во всемирно-политической метаигре. Существует королевский путь для изменения собственного властного положения (а по возможности даже и мира политики): надо изменить взгляд на мир. Скептическое, реалистическое мировоззрение — и в то же время *космополитическое!*

Неолиберальная точка зрения является попыткой институционально закрепить временные (в историческом плане) выигрыши мобильного всемирно-политического капитала. Радикально додуманная

до конца перспектива капитала абсолютно и автономно определяет самое себя и таким образом развивает стратегическое пространство власти и возможностей классической экономики как субполитической, всемирно-политической борьбы за власть. Отсюда следует: что хорошо для капитала, хорошо для всех. Обещание гласит: когда все станут богаче, в конечном счете в выигрыше окажутся и бедные. Соблазнительная сила этой неолиберальной идеологии заключается не в разжигании эгоизма или максимальном увеличении конкуренции, а в обещании глобальной справедливости. Подтасовка гласит: максимальный рост власти капитала — это в конечном счете лучший путь к социализму. А поэтому социальное государство становится ненужным.

Вместе с тем неолиберальное направление напирает на то, что в новой метаигре у капитала будет две шашки и два хода. В распоряжении всех остальных игроков будет по-прежнему по одной шашке и по одному ходу. Стало быть, сила неолиберализма покоится на радикальном неравенстве относительно того, кто может нарушать правила игры, а кто нет. Изменение правил игры было и остается революционной привилегией капитала. Все остальные обречены соглашаться с этим. Национальный взгляд на политику (и методологический национализм политических наук) закрепляет это игровое превосходство — властное превосходство капитала, который вырвался из рамок национальной игры в шашки, но превосходство которого в значительной мере покоится на том, что государства за ним не следуют, а политика сама загнала себя в железный футляр национальной игры в шашки. Кто же в таком случае противостоит глобализированному капиталу? Кто является его оппонентом и антагонистом?

3. ГЛОБАЛЬНОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК ОППОНЕНТ КАПИТАЛА

Роль оппонента капиталу, нарушающему правила игры, общественное сознание и многие исследователи отводят не государствам, а глобальному гражданскому обществу и его многочисленным акторам. В старой игре «капитал против труда» власть и противодействие ей мыслились в рамках диалектики «хозяин — батрак». Противодействие батрака, т. е. рабочего, заключается в том, что он может не предоставлять свою рабочую силу. Ядро противодействия — организованная забастовка: рабочие отказываются выходить на работу. Границы этого противодействия среди прочего заключаются в том, что рабочие имеют работу и, следовательно, трудовые соглашения, т. е. чтобы бастовать, они должны быть членами организации. Кроме того, им

в ответ грозит увольнение (локаут). В этом сила противодействия капитала. Форма диалектики «хозяин — батрак» все еще существует, но она выхолощена новыми, не признающими государственных границ мобильными ходами капитала. Как это происходит, можно ясно видеть на примере Германии 2001 года.

«Фольксваген», прибыльный концерн мирового масштаба, хочет заставить новых сотрудников работать больше, но платить им меньше — и все в восторге! Профсоюзы, социал-демократический бундесканцлер Шрёдер, предприниматели — все нахваливают новую модель, считая ее образцовой, в том числе для других отраслей. И вот работодатели уже требуют «раскрыть» структуру заработной платы — разумеется, в сторону понижения. Это называют гибкостью; проще говоря, в условиях глобальной конкуренции отношения между трудом и вознаграждением развиваются вниз по спирали. Концерн «Фольксваген» пригрозил, что будет строить свои минимодели в Словакии или в Индии. Ликование рабочей партии и профсоюзов было вызвано тем, что удалось воспрепятствовать осуществлению этого проекта. Для Германии это означает, что в будущем за существенно меньшие зарплату и социальные обязательства придется работать больше, включая субботние дни. Высота падения, внушающая страх перед *такой* глобализацией, особенно велика в богатых социальных государствах. Никто не думает о международной солидарности (например, о том, что немецкие рабочие отнимают работу у тружеников Словакии).

В отличие от этого оппонирующая сила глобального гражданского общества покоится на фигуре *политического потребителя*. Потребитель находится *по ту сторону* диалектического двуединства «хозяин — батрак». Его противодействие власти вытекает из того, что он везде и в любое время может отказаться от покупок. «Оружие непокупания» нельзя сократить ни в пространстве, ни во времени, ни материально. Оно находится в зависимости от нескольких условий (например, от наличия денег или от превышения предложения над спросом товаров и услуг, когда потребитель может делать выбор). Благодаря этим условиям, т. е. плюрализму покупательских и потребительских возможностей, сокращаются субъективные издержки, что позволяет методом организованного бойкота наказать именно *этот* продукт именно *этого* концерна.

Фатальным для интересов капитала является то, что против растущей власти потребителей не существует контрстратегии: даже всемогущие мировые концерны не могут уволить своих потребителей. Потребители — в отличие от рабочих — не являются членами корпорации и не хотят ими быть. Совершенно негодным инструментом оказывается и шантаж — угроза производить свою продукцию в тех стра-

нах, где потребитель еще покладист и готов проглотить все, что ему предлагают. Во-первых, потребитель глобализирован и желателен для концернов именно в этом своем качестве. Во-вторых, нельзя отвечать на протесты потребителей в одной стране переводом производства в другие страны, не нанося вреда самим себе. Не удастся сыграть и на национальной солидарности, противопоставляя потребителей одной страны потребителям другой. Протесты потребителей *сами по себе* транснациональны. *Потребительское общество – это реально существующее мировое сообщество.* Потребление не признает никаких границ – ни границ производства, ни границ потребления. Потребители – это совсем не то что рабочие. Это делает особо опасной для капитала их еще не развитую силу противодействия.

В то время как сила противодействия рабочих – в соответствии с диалектикой «хозяин – батрак» – напрямую связана с пространственно-временными интерактивными и договорными отношениями, потребитель не знает ни одной из этих территориальных, локальных и договорных связей. При хорошем взаимодействии и целенаправленной мобилизации ничем не связанный, свободный потребитель, организованный в транснациональном масштабе, может сформироваться в острое оружие. Забастовка для одиночки – рискованное дело; не покупать определенные продукты и, таким образом, противостоять политике концернов, напротив, исключает какой бы то ни было риск. Во всяком случае, эта контрвласть потребителей должна быть организованной: без акторов, защищающих интересы гражданского общества, контрвласть потребителей бессильна. Возможности противостояния потребителей зависят от их организованности. Покупательский бойкот адресуется не членам той или иной организации, его трудно организовать, ему нужна целенаправленная драматургия в средствах массовой информации, инсценировка символической политики, при отсутствии внимания со стороны общественности он потерпит крах. Предпосылкой были и остаются деньги. Без покупательской способности нет власти потребителей. Все это ставит силу противодействия потребителей в имманентные границы.

4. ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВА

Ни один путь не ведет мимо нового определения государственной политики. Адвокаты и акторы в глобальном гражданском обществе – вне всякого сомнения обязательные участники глобальной игры между властью и ее антагонистами, особенно если речь идет о проведении в жизнь глобальных ценностей и норм. Но абстрагирование

от изменения основ государства и политики ведет к великой иллюзии нового экстра-политического миролюбия в свободном от экономических и культурных скреп мире. Новый гуманизм гражданского общества позволяет сделать смягчающее заключение: противоречиям, кризисам и побочным следствиям нынешней Второй великой трансформации якобы можно придать цивилизованный вид благодаря новым носителям надежды цивилизационно-гражданского ангажмента в глобальном масштабе. Но это образ мыслей из давно устаревшего арсенала, лежащего за пределами реальной политики.

В связи с этим существенно другое понимание проблемы: метаигра может быть преобразована из вдвойне проигрышной во вдвойне выигрышную игру *только* благодаря изменению государственной политики (в том числе теории политики и государства). Ключевой вопрос звучит так: каким образом можно и нужно раскрыть и преобразовать понятие и организационную форму государства, способного ответить на вызовы экономической и культурной глобализации? В какой мере возможно космополитическое самопреобразование государства? Иными словами, кого считать в духе космополитического макиавеллизма «демократическими князьями» Второго модерна⁵?

Ответ гласит: космополитический князь — это коллективный актер. Но какой? Разве новые князья — это владельцы концернов, обращаю-

⁵ Вопрос о *космополитическом макиавеллизме*, поднимаемый в этой книге, не следует путать с тайными рецептами презирающего людей абсолютизма. Я примыкаю скорее к традиции *республиканского макиавеллизма*, которая — как показывает Покок в своей книге «The Machiavellian Moment» (1975) — оказала влияние на отцов американской (США) конституции, на ее понятие политической свободы и независимости. Для Макиавелли (1986) власть означает вросшую в закон и опирающуюся на него силу. Ее можно толковать и использовать только исходя из понимания ее социального генезиса и динамики. Власть, с его точки зрения, — это по своей внутренней сути республиканская власть, так что эти понятия почти синонимичны. Власть предполагает контрвласть и может быть достигнута только при возможности быть замененной контрвластью, ей должна постоянно противодействовать контрвласть — в стратегическом процессе взаимодействия на основе институционального порядка. Этот взгляд на вещи Макиавелли приходилось вырабатывать в борьбе против досовременных форм аполитичности. Сегодня подобная постановка вопроса затемняется весьма противоречивыми объединениями представителями аполитичности — от политики системной теории (Луман) через антиполитику постмодернизма, неолиберального самораспускания государства до теоретиков (не актеров!) антигосударственности гражданского общества.

щие в глобализм «творческое разрушение» Шумпетера? Или, может, это новые давиды, сопротивляющиеся голиафам, т. е. акторам Гринписа или «Эмнести Интернэшнл»? Или же таковыми могут считаться герои социального государства, называющие себя модернизаторами и пережевывающие неолиберальные теориейки? Нет. Каким бы аполитичным ни казалось представление, что глобальное гражданское общество в состоянии заменить обновление государственной политики, таким же новым и неиспробованным является представление, что, так сказать, *гражданское общество берет власть в свои руки*. Подобный симбиоз гражданского общества и государства я называю космополитическим государством. Искомые демократическими князьями глобальной эпохи оказались бы, следовательно, космополитические обновители государства. Ключевой вопрос как для стабилизации глобального гражданского общества, для мирового мобильного капитала, так и для обновления демократии, т. е. вопрос о правилах двойного выигрыша в мировой политике, заключается в том, как освободить идеи, теории и институции государства от тупой национальной ограниченности и открыть их навстречу космополитической эпохе.

Чтобы избежать в этом плане дискуссии о ложной альтернативе «государственная политика — политика гражданского общества» в глобальную эпоху, необходимо дать четкое различие между концентрацией на *государстве* и *национальном государстве*. Как ни верна мысль о необходимости избавиться от концентрации на национальном государстве, поскольку государство уже не является *актором* интернациональной системы, а *одним из* акторов *среди других*, все же было бы неверным выплескивать вместе с водой ребенка и вместе с критикой взгляда, сконцентрированного на национальном государстве, упускать из вида возможности действия и самопреобразования государства в эпоху глобализации. Метаигра властей означает, что государство должно мыслиться, строиться и исследоваться как зависимое от разных обстоятельств и политически изменяемое. Встающий в связи с этим вопрос звучит так: возможна ли — и если да, то каким образом? — транснационализация государств?

Дело обстоит вовсе не так, как чаще всего предполагают — будто политика глобализации диктуется глобализацией экономики; скорее сама политика в ее реакциях на вызовы глобализации располагает стратегическими выборами, которые — и это главное — отличаются в зависимости от того, остаются они в рамках старой национальной игры в шашки или же *порывают* с этой игрой. Действует закон национально-государственного распада власти: *кто в глобальной метаигре разыгрывает только национальную карту, тот оказывается в проиг-*

рыше. Необходимо перевернуть перспективу, т. е. должен также действовать принцип: *противодействие государств становится возможным вместе с их транснационализацией и космополитизацией*. Только если государствам удастся идти в ногу с мобильным капиталом и по-новому определить и организовать свои властные позиции и ходы в игре, можно будет задержать распад государственной власти и авторитета и даже превратить его в их противоположность.

Следует различать два типа самотрансформации государств — *ложные* и *подлинные* стратегии транснационализации. Транснационализация может быть ходом в старой национально-государственной игре; тогда этот ход будет неразрывно связан с этой игрой и нацелен на «новое государственное благоразумие» [Klaus-Dieter Wolff 2000]. На этом пути, например, союзы между Всемирной торговой организацией (ВТО) и отдельными государствами могут служить для завоевания внутреннего авторитета, к примеру, в борьбе с претензиями гражданских общественных организаций на сотрудничество. Таким образом, можно через Европу, через НАТО, через ВТО и т. п. выключить из игры собственную оппозицию. Но транснационализация может порвать с национальной аксиоматикой и стать первым шагом на пути образования космополитического государства или союза государств. В этом последнем случае я говорю о подлинной транснационализации.

Метаигра открывает возможности для двойной игры с поменявшимися ролями: вина за неудачу и политика «горьких пилюль» сваливается на соответствующего партнера по игре. Возникает политика «хитрого и вероломного государства» [Shalini Raderia 2001]: отказываются от собственной власти, чтобы лучше сыграть на этом и переложить ответственность за последствия своих решений на другую сторону или же приписать ее полученному от глобализации праву на бездеятельность. Главы правительств, ловко объявив себя приверженцами нового, могут объяснить свои слабости действиями новой всемирной власти ВТО, неправительственных организаций (НПО) и т. п., чтобы оправдаться перед своими избирателями и избежать ответственности за свою бездеятельность. Актеры ВТО поднимают руку для клятвы в верности своей старой роли экспертов, заверяют в научном нейтралитете и, таким образом, проталкивают всемирную внешне-внутреннюю политику, направленную против избранных правительств, через все границы. Властители во всем мире обличают новый «империализм прав человека», кичатся «культурными различиями», т. е. правом на культурное своеобразие, но используют это как оружие во внутренней борьбе, для того чтобы устранить политическую оппозицию и свободу мнений. НПО провозглашают и отстаивают (самопризнание) права человека,

но эта глобальная миссия является для них одновременно инструментом в конкурентной борьбе друг с другом за кормушки глобальных проблем, из которых они кормятся сами.

5. ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ КАК НОВЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ АКТОРЫ

Вместе с картинами ужасов, произошедших 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне и распространенных по всему миру средствами массовой информации, террористические группы сразу заявили о себе как о глобальных акторах в конкуренции с государствами, экономикой и гражданским обществом. Сеть террористических организаций сходна по своим действиям с НПО. Как и общественные НПО, они проводят свои акции по всему миру децентрализованно, т. е. с одной стороны, в локальных, а с другой — в транснациональных масштабах. В то время как, например, Гринпис борется с загрязнением окружающей среды, «Эмнести Интернэшнл» — с нарушением прав человека, террористические НПО нацелены на борьбу с государственной монополией на власть. Но это означает, что, с одной стороны, этот транснациональный терроризм не закреплен на *исламской* территории, а может быть связан со всеми возможными целями, идеологиями и фундаментализмами. С другой стороны, следует делать различие между террором национально-освободительных движений, действующих в территориальных и национальных границах, и новыми транснациональными террористическими акциями, не связанными с национальными границами и потому одним махом обесценивающими национальную грамматику военного дела и войны.

Если до сих пор военные соперничали с подобными себе, т. е. с другими национально-государственными военными организациями, готовясь к защите от нападения с их стороны, то теперь вызовом всему государственному миру является транснациональная угроза со стороны субгосударственных преступников и созданных ими сетей. Как ранее в сфере культуры, так теперь в военной области мы сталкиваемся с *устранением расстояний*, с концом государственной монополии на власть в цивилизованном мире, в котором все, что находится в руках решительных фанатов, может превратиться в ракету. Мирные символы гражданского общества грозят обернуться адом. В принципе, тут нет ничего нового, но этот ключевой опыт становится вездесущим.

Совершив преступление, прежние террористы пытались спасти свои жизни. Террористы-самоубийцы черпают из сознательного отречения от собственной жизни чудовищную разрушительную силу.

Террорист-самоубийца – наиболее радикальная противоположность homo oeconomicus. В экономическом и моральном отношении он совершенно раскован и, таким образом, становится носителем абсолютной жестокости. Преступление и преступник-самоубийца в строгом смысле слова *единичны*. Террорист не может совершить самоубийство дважды, а государственные власти не могут его уличить. Эта единичность подкрепляется одновременностью преступления, признания своей вины и самоуничтожения.

Поэтому антитеррористический альянс хочет схватить предполагаемых инспираторов, кукловодов, государственных меценатов этих террористов. Но пока террористы казнят самих себя, теряются, улещиваются причинные связи. Это значит, что для создания транснациональных террористических сетей необходимо существование государств. Может быть, именно безгосударственность, отсутствие функционирующих государственных систем являются почвой для террористической активности? Вполне возможно, что причисление государств и инспираторов к тем, кто отдают приказы, всего лишь следствие старого военного мышления, тогда как мы уже давно стоим на пороге *индивидуализации войны*, когда воюют уже не государства против государств, а отдельные индивиды против государства.

Мощь террористических акций растет вместе с рядом условий: с ранимостью нашей цивилизации, с глобальным (благодаря СМИ) присутствием террористической опасности; с высказыванием президента США, что из-за этих преступников возникает угроза самой цивилизации; с готовностью террористов жертвовать собой; наконец, угроза терроризма увеличивается в соответствии с темпами технического прогресса. Вместе с технологиями будущего – генотехникой, нанотехнологиями и роботизацией – мы заодно открываем «новый ящик Пандоры» (Билл Джой). Манипуляции с генами, коммуникационная технология и искусственный интеллект, которые к тому же сольются воедино, подставят ножку государственной монополии на власть и, если всему этому не будет вскоре поставлен эффективный заслон в интернациональном масштабе, откроют дорогу к индивидуализации войны.

Так, созданная генетическим путем чума, благодаря своему длительному инкубационному периоду угрожающая определенным популяциям, т. е. миниатюрная генетическая атомная бомба, может быть произведена каждым без особо крупных затрат. И это лишь один пример из многих. Отличие от атомного и биологического оружия существенно. Речь идет о базирующихся на науке технологиях, которые могут легко распространяться и постоянно самосовершенствоваться, лишая государства возможности контроля, который у них был в слу-

чае с атомным и химико-биологическим оружием (определенные материалы и ресурсы, пригодный для оружия уран, дорогостоящие лаборатории). Этот рост полномочий отдельных личностей, по сравнению с государствами, откроет ящик Пандоры и в *политическом смысле*: будут сметены существующие ныне перегородки не только между военными и гражданским обществом, но и между подозреваемыми и находящимися вне подозрения, которых до сих пор правосудие четко отделяло друг от друга. Когда возникнет угроза индивидуализации войны, гражданину придется *доказывать*, что он не опасен; ибо в этих условиях под подозрением окажется каждый, ведь каждый может оказаться потенциальным террористом. Каждый должен смириться с тем, что его без всякого конкретного повода будут проверять на предмет благонадежности. Если додумать ситуацию до конца, то индивидуализация войны ведет к смерти демократии, ибо государства должны объединяться с государствами *против* граждан, чтобы избежать опасностей, грозящих им со стороны граждан.

6. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ ВОСПРИНИМАЕМЫХ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ РИСКОВ

Здесь не в последнюю очередь проявляется закон, гласящий, что глобальное *восприятие рисков* открывает простор для новых транснациональных шансов власти. Во всяком случае, президент США Буш не использовал *moment of decision*⁶ для того, чтобы войти в космополитическую систему государств. Скорее, он начал с создания на основе политической власти воспринимаемых террористических угроз *транснациональных государств-надзирателей*, в которых милитаризму и службе безопасности придается гораздо большее значение, чем свободе и демократии. Ключевой вопрос звучит так: кому решать, кто является транснациональным террористом? США не только жертва нападения террористов, но в одном лице глобальный шериф, обвинитель, судья всего мира, присяжный заседатель и судебный исполнитель. Тем самым опасность терроризма порождает промискуитет власти; похоже, она способна выдавать неограниченную лицензию на охоту за террористами даже демократическим военным властям и государствам; точнее, они сами уполномочивают себя для отражения угрозы человечеству. Следуя цепи умозаключений, что террористы действуют не изолированно⁷, а нуждаются в поддержке «зловред-

⁶ решающий момент (*англ.*).

⁷ Эта установка порывает с практикой, введенной президентом США Клинтонем.

ных» государств, президент США Буш выстраивает новую военную доктрину, оправдывая вооруженные интервенции против угрожающих США государств правом на самозащиту. Более того, Вашингтон зашел так далеко, что не исключает немислимое – нанесение по подозреваемым в терроризме государствам первого удара так называемым миниатомным оружием.

Какую цель имеет война с терроризмом? Нечеткие определения цели – уничтожение зла, корней терроризма – не знают границ, возможной конечной точки и, таким образом, эквивалентны *всеобщему полномочию*. Отменяются фундаментальные различия между войной и миром, нападением и защитой. Подозрение в терроризме делает более радикальным и гибким конструирование образа врага. Концерны производят товары независимо от государств, и точно так же мощные государства могут создавать меняющийся образ врага. Кто будет (следующим) врагом и может рассчитывать на военную интервенцию, определяется не объявлением войны со стороны враждебного государства, а полномочным решением, которому угрожает опасность. Эта гибкость не привязанного к *определенной территории или государству образа врага* позволяет, во-первых, всеобщее применение военной силы для внутренней защиты США, России, Германии, Израиля, Палестины, Индии, Китая и т. д.; во-вторых, всеобщее объявление войны государствам без нападения с их стороны; в-третьих, нормализацию и институционализацию чрезвычайного положения внутри страны и за ее пределами; в-четвертых, вывод из правового поля не только международных отношений и врагов-террористов, но и собственного правового государства, а также иностранных демократий. Вообще говоря, лишнее привязки к конкретному государству конструирование образа врага девальвирует прочные военно-политические союзы (такие как НАТО), так как они ориентированы на государственный образ врага. Их место занимают антитеррористические альянсы, которые гибко реагируют на то и дело возникающие конструкции образа врага, вследствие чего дипломатия побуждается к разрыву с мышлением, присущим союзам и сообществам государств.

Террористические конструкции образа врага убивают плюрализм общества и рационализм экспертов, независимость судов и безусловную законность прав человека. Они уполномочивают государства и тайные службы на политику разрушения демократии. Сила восприятия риска проявляется еще и в том, что даже *внутри* развитых демократи-

Он полагал, что ответственность за террористические акции следует возлагать на отдельных людей, а не на государства.

ческих государств основные гражданские и политические права вдруг отменяются с согласия подавляющего большинства воспитанного в демократических традициях населения. Поставленные перед альтернативой «безопасность или свобода» правительства, парламенты, партии и население, которые обычно конкурируют и попеременно блокируют друг друга, единодушно и быстро приходят к отказу от фундаментальных свобод. Одновременно в жертву необходимости транснациональной кооперации для борьбы с воинствующим терроризмом приносится право на национальный суверенитет, касающееся полиции и армии.

Это говорит о том, что глобальное восприятие цивилизационных рисков увеличивает политическую гибкость, которая разрушает национальную ортодоксию, открывает простор для политических действий и возможность для космополитического взгляда на происходящее.

Это, как видим, касается воспринимаемой угрозы терроризма. Но это же относится и к воспринимаемым в глобальном масштабе экологическим и экономическим угрозам, что позволяет установить нечто вроде закона взаимной политической валентности глобальных финансовых и глобальных цивилизационных рисков: глобальные экономические риски индивидуализируются и тем самым содействуют ренационализации; экологические риски, напротив, космополитизируются. Под глобальностью в этом смысле понимается опыт саморазрушения цивилизации и конечности планеты, который устраняет плюрализм народов и государств и создает закрытое пространство действий с межсубъектно связанными значениями. Глобальные финансовые кризисы, как показывает кризис в Азии в 1997/1998 гг., повергают целые группы населения в безработицу и нищету, но сначала проявляются (поскольку речь идет об уничтожении собственности) в миллионах отдельных судеб; напротив, глобальность цивилизационных угроз указывает на повседневный смысл связанного одной судьбой космополитического сообщества. Тем самым она открывает новое пространство опыта, который является одновременно глобальным, индивидуальным и локальным и создает (в определенных условиях!) космополитические взаимосвязи смысла и действия. Эта космополитизация цивилизационных рисков — главная исходная точка для адвокатских стратегий общественно-цивилизационных движений.

7. А КТО ИГРОКИ?

Не является ли разговор о перспективах развития капитала, глобального гражданского общества, государства грубым, преднамеренным нарушением научной добросовестности, которое упрощает внутрен-

нее многообразие, очевидные противоречия названных скопом больших и малых групп? Что или кто, например, имеется в виду, когда речь заходит об экономике, — отдельные предприятия? *определенный* капитал? *тот или иной* класс? *определенные* менеджеры или акционеры? Или же имеются в виду индивидуальные акторы, коллективные акторы, корпоративные акторы? Не относятся ли так называемые стратегии действия капитала, государства и глобального гражданского общества к совершенно иным социологическим агрегатам и агрегатным состояниям? Возможно ли такое, когда, как утверждает Фуко, действует «никто», когда место игрока за столом остается *пустым*?

Ответ, который я пытаюсь дать в этой книге, звучит так: *игроков как таковых нет, в игроков превращаются через участие в метаигре*. Участники должны политически определяться и организовываться в *процессе* игры, будучи частью игры. Иными словами, работает интеракционистская логика взаимосвязанной социальной структуры игроков и их партнеров. Шансы на власть у игроков и их партнеров, их ресурсы, пространство их действий не только принципиально связаны друг с другом; акторы вообще выявляются благодаря их ходам, их самоинтерпретации, артикуляции, мобилизации, организованности; они выигрывают (или проигрывают) во взаимном противостоянии своих идентичностей и действий.

Из логики метаигры вытекает специфическая властная асимметрия стратегических способностей капитала, государства, глобального гражданского общества. Появление политического оппонента власти зависит от множества предпосылок. Это касается как глобализации гражданского общества, так и транснационализации государств. Наоборот, особую силу стороны, представляемой капиталом, составляет то, что эта сторона не должна выступать в виде организованного всеобщего капиталиста, чтобы продемонстрировать государствам свою мощь. Капитал — это суммарное выражение нескоординированных действий отдельных предприятий, финансовых потоков наднациональных организаций (ВТО, ВМФ и т. п.), чьи *результаты* в смысле политики побочных последствий более или менее незаметно или невольно оказывают на государства давление и тем самым подталкивают их к отказу от старой игры в национальное государство. Этот капитал чрезвычайно разнородный; его имманентные игроки и их противники сами ощущают на себе угрозу вражеских интервенций и глобализационных рисков. Но благодаря политике побочных последствий они все же переигрывают государства. *Этому* капиталу не нужно существовать в форме единства действий, ему не нужно занимать место за игровым столом, чтобы утвердить свою власть. Это место во все-

мирно-политической метаигре может быть занято «ником»; но именно это увеличивает власть всемирно-экономических акторов.

Напротив, государства должны отказываться от национальной ортодоксии и объединяться в коллективы (например, в форме Европейского союза), чтобы проявить свою власть и свою роль в транснациональном пространстве. *Слабость* исполнения как государственной, так и общественно-гражданской власти состоит в том, что ее не существует как таковой, что она должна сначала определиться политически, сориентироваться, организоваться и конституироваться в борьбе с противостоящими ей силами в глобальном поле действия.

Множатся акции, подобные следующим: государства, входящие в блок НАТО, договариваются о совместной акции в Македонии, чтобы погасить там огонь этнической, гражданской войны. Эта военная акция «зеленой точки» не только странным образом оказывается между категориями войны и мира, военной и социальной активности. Она протекает как по маслу, без противодействия со стороны оппозиции и при всеобщем одобрении. Обобщая, можно, вероятно, сказать: кто выходит на улицу, протестуя *против* экономической глобализации, тот *борется* за глобализацию прав человека, защиты окружающей среды, профсоюзного права на самоопределение и т. д. В этом проявляется новая *асимметрия расхождения и консенсуса в национальном и транснациональном пространстве*. В то время как конструктивная политика (обвиняемая многими) в национальном пространстве застревает в «политических сплетениях» (Шарпф), транснациональная способность к действиям у государств возникает под знаком принуждения к консенсусу, допускающему противоречия и сопротивление только как вариации одобрения. Глобальные проблемы – права человека, предотвращение климатической катастрофы, борьба против нищеты и за справедливость – открывают новые внедемократические, внегосударственные источники обосновывающей самое себя легитимности: голосование заменяется одобрением; иными словами, возникает в пространстве глобального опыта странный закон неустранимой имманентности противостояния. Выражаясь по-другому, глобализация пожирает своих врагов. Кто против, тот за *другую* глобализацию.

8. СМЕНА ПАРАДИГМЫ ЛЕГИТИМНОСТИ

Вопрос вопросов, который ставит радикально додуманная до конца метаигра, и одновременно вопрос крайней необходимости звучит так: кто (или что) выносит решение о легитимности *смены* правил игры? Происходит ли трансформация правил игры на старой, легитимной

основе национальной игры в шашки? Или же сами национальные источники легитимности власти и господства находятся в распоряжении метаигры? Кто что защищает? Кто играет в «игра-изменись» и с какими тайными намерениями?

Легко предположить, что ответ на этот ключевой вопрос дается, исходя из перспектив действия игроков, т. е. из противоречивой логики интерактивности. Но это, по меньшей мере, имело бы следствием то, что метаигра за мировую политику находится под знаком *грандиозного недоразумения*. Сторонники национальной игры в шашки, находясь в плену веры в вековую неодолимую силу легитимности старой национально-интернациональной системы правил, играют в новую игру за власть, предполагая, что любые, в том числе будущие, правила игры в конечном счете соответствуют легитимности правил национальной игры в шашки. Глобальный порядок в его легитимной основе есть национальный, выводимый из национально-государственной легитимности порядок. При этом национальные правила игры в шашки переносятся по принципу луковицы на следующую луковичную оболочку — на наднациональные институты. Методологический национализм предполагает национальное государство в качестве неизменного и абсолютного источника легитимности наднациональных норм и организаций. Самолегитимация глобального порядка — прагматическая, рационально-философская или правопозитивистская — выносится за скобки.

Нет, говорят иные участники игры, космополитика располагает автономными источниками легитимации. Новые правила и источники правил возникают, например, из соединения *прав человека* и *господства*, которое эти права в случае необходимости использует против национальных правил игры. Это не означает, что космополитический режим образуется как прямая империалистическая претензия на моральное, военное и экономическое мировое господство, например, США. Скорее наоборот: действительность космополитического режима — мир, справедливость, диалог — создает пространство власти, которое требует военного соглашения и обоснования (миссии ООН, НАТО и т. д.). Это взаимосвязь моральной, экономической и военной самолегитимации, которая (во всяком случае в своих требованиях) лежит в основе космополитического режима и в конфликтных ситуациях наделяет отдельные государства правом санкций против притязаний на монопольную власть.

Становится ясно, что только различение и противопоставление национального и космополитического взгляда на вещи не только открывает новые пространства для деятельности и ресурсы власти, но

и вообще дает понять, *на что* в конечном счете ведется метаигра. Ее цель — основы легитимации политики в целом. Только с ограничениями методологического национализма, который мыслит наднациональный властный порядок как порядок *интернациональный*, должна протекать трансформация правил игры в рамках старого национального порядка. Но в действительности метаигра включает возможность *смены парадигмы легитимации*. Однако метафора игры подходит здесь к своему пределу, так как именно смена легитимации, как мы видели на примере войны 1999 года в Косове, отменяет санкционированный международным правом национальный суверенитет и открывает путь легитимным интервенциям военного гуманизма⁸. Призыв к справедливости и соблюдению прав человека становится тем мечом, который обрушивается на иностранные государства. Как можно представлять космополитическую легитимность, если она ведет к кризисам и войнам и тем самым к кровавому опровержению этой идеи? Кто обуздает побочные последствия космополитического морального принципа, который провозглашает мир и делает возможной войну? Что значит мир, если он открывает возможность для ведения войны?

Отсюда понятно, в каком полумраке ведется метаигра и какой двойственный свет она отбрасывает. В плане республиканского макиавеллизма необходимо делать четкое различие между *истинным* и *неистинным* космополитизмом. Но именно четкость в этом деле часто труднодостижима, так как огромное значение легитимности космополитического права делает слишком привлекательным ее национально-имперское оформление. Неподлинный космополитизм обеспечивает космополитическую риторику — мира, прав человека, глобальной справедливости — для достижения национально-гегемонических целей. Поэтому о неподлинном и/или символическом космополитизме можно говорить в том случае, если универсальное право и трансцендентальные моральные притязания (как их понимал в своем трактате «О вечном мире» Иммануил Кант) сливаются с притязаниями могу-

⁸ Понятие «военный гуманизм» я ввел в оборот ввиду войны в Косове в статье, опубликованной в «Зюддойче цайтунг». В статье под названием «Military humanism» Ноам Хомски (2000) выступил с резкой критикой военных действий НАТО и американского военно-индустриального комплекса в Косове. Но при этом он ностальгически придерживается военной логики методологического национализма и не замечает опасности, которая всплывает в понятии «военный гуманизм», а именно того, что *за пределами* национальной точки зрения возникает новая опасность военного попечительства о правах человека, стирающего границы между войной и миром.

шественных государств и становятся источником легитимации глобально-гегемониальной риторики новой игры. История дает тому немало разных примеров.

Неподлинной, служившей обоснованию национальных целей космополитизма была политика Сталина, который лишил Коммунистический интернационал самостоятельности и сделал его инструментом национальных интересов Советского Союза. В области философии, как показал Петер Кульмас, Иоганн Готлиб Фихте выдвинул скандальное обоснование космополитического самовозвышения национального начала. Фихте приписывает немецкому народу роль космополитического фореитора, так как этот народ как никакой другой предназначен для этой роли благодаря своим достижениям в области науки и философии. Только немец, по Фихте, может взять на себя эту космополитическую роль, «ибо он положил начало науке, и на его языке эта наука получила выражение. Только те нации, которые смогли породить науку, обладают великой способностью ее развивать. Только немец в состоянии хотеть этого; ибо только он, благодаря обладанию наукой и свойственной ему способностью постижения времени, может понять, что является ближайшей целью человечества. Эта цель — единственно возможная патриотическая цель; благодаря ей он может, служа своей нации, охватить все человечество; напротив, со времени отказа от инстинкта разумности и опоры только на чистый эгоизм патриотизм любой другой нации будет своекорыстным, мелочным, направленным против остального рода человеческого»⁹.

⁹ *Fichte*, 1807/8, 28. Цит. по: *Culmas* 1990, 420. Великий мыслитель Фихте дает яркие примеры совращения мышления через посредство ложных оппортунистических умозаключений. В цитируемой выше работе «Патриотизм и его противоположность» (1806) он пишет: «Космополитизм есть господствующая воля, направленная на достижение цели бытия человеческого рода самим этим родом. Патриотизм есть воля к тому, чтобы эта цель была достигнута прежде всего той нацией, к которой принадлежим мы сами, и чтобы успех этой цели распространился на весь род» (229). Космополитизм предполагает наличие патриотизма, откуда логически следует, что космополитизм в его патриотическом варианте должен распространиться на весь мир. Далее следуют другие исторические побочные явления: «Что есть отечество для по-настоящему образованного христианина-европейца? В целом — Европа, в частности же — в каждую эпоху то государство Европы, которое находится на вершине культуры» (212). Что это именно Германия как культурная нация, следует отсюда с неумолимой ясностью оппортунистического духовного прозрения: германским духом спасется мир.

Совершенно иной пример дают США, которые видят в глобальном утверждении прав человека миссию мировой державы. Еще одним центральным признаком неистинного космополитизма является возвращение средневекового представления о справедливой войне.

Трудности различения между истинным и неистинным космополитизмом не в последнюю очередь возникают потому, что кажущееся подчиненное *существование* космополитического режима является предпосылкой его претворения в жизнь. Ситуация, когда меняются местами проект и реальность, представляется особенно действенной стратегией достижения недостижимого, а именно объединения многого, чего требует космополитический режим. Утверждение, что цель достигнута, становится средством ее достижения. Только когда глобальность будет *подчинена реально*, ее можно будет направить на устранение все еще существующих противоречий в нациях, регионах мира, мировых религиях, лагерях и ситуациях.

Есть ли в космополитизме противоположные позиции, выявляющиеся по мере укрепления этого режима, и насколько они возможны? Все партнеры и противники по игре не могут выиграть *в одиночку*, они зависят от союзов. Так, например, говоря упрощенно, цель стратегии капитала — слияние капитала с государством ради получения в образе *неолиберального государства* новых источников легитимации. И наоборот: цель глобального гражданского общества и его акторов — слияние гражданского общества и государства, т. е. развитие и расширение *космополитической формы государственности*. Формы объединений и цели неолиберального государства готовят государство (и теории государства) к всемирной оптимизации и легитимации интересов капитала. Наоборот: идея общественно-гражданской формы космополитического государства заключена в выработке и осуществлении спорного многообразия и постнационального, даже постглобального устройства мира. Неолиберальная сфера деятельности окружает себя аурой *саморегуляции, самолегитимации*. Общественно-гражданская сфера деятельности, наоборот, окружает себя аурой *глобальной морали* и борется за новый Великий эпос радикально-демократической глобализации. Таким образом метаигра открывает для политики свою собственную *имманентную* альтернативу и оппозицию. Под риторику космополитизма сталкиваются гегемониальные и антигегемониальные движения.

В рамках теории метаигры обретает особое значение и ключевое понятие стратегии. Логика изменения правил гласит, что политическая борьба за власть и господство становится борьбой за двойную контингентность: на старую систему правил шашечной игры (включая основы ее легитимации) уже нельзя положиться, а новая еще

не действует. В этом двойственном статусе «уже не» и «еще не» абстрактные слова о (самовоспроизводящихся) структурах и системах рассыпаются «под ногами, как трухлявые грибы» [*Hofmannsthal Hugo von* 2000]. Между речью о структуре и анархии втискивается речь о стратегиях. Тем самым понятие стратегии отделяется от целей и намерений отдельных (коллективных или индивидуальных) акторов. Стратегией теперь называется меняющееся интерактивное противоречивое соотношение открывающейся и закрывающейся мировой политики и ее внутренней динамики, которые заложены в связанных друг с другом перспективах действия капитала, государства и глобального гражданского общества. Стратегия в этом смысле есть понятие реального пространства возможностей, которое, благодаря метаигре, открывается для интегрированных друг в друга на конфликтной основе групп акторов.

В этом смысле теория метаигры должна развиваться как определенная *игровая логика*, т. е. как стратегическая констелляция интегрирующихся, более или менее коллективных, устанавливающих и изменяющих правила акторов, чьи позиции, ресурсы и участие во власти определяются и изменяются на взаимной основе. Игровую логику нельзя путать с эмпирическим *течением* игры, с отдельными ходами. Приходится считаться с логикой отдельных перспектив действия и их взаимозависимости (конфликты, противоречия, парадоксы), т. е. с логикой перспектив капитала, адвокатских движений гражданского общества и государственной перспективы. Под логикой имеется в виду аргумент «что было бы, если». Что было бы, если бы капитал был как можно мобильнее? Что было бы, если государство устранило бы национальные преграды и в своем самоопределении и своих институциональных границах превратилось в космополитическое государство? Это значит, что партнеров нужно стимулировать, измерять их возможности, делать их как можно сильнее.

При этом действительность и возможность в плане приоритетов меняются местами: чтобы понять *действительные* ходы в игре, нужно знать ходы *возможные*. В этом смысле Макс Вебер воспринимает историческую и политическую контингентность как объективную возможность. Историк, специалист в области социальных наук должен постоянно держать в уме нереализованные возможности, чтобы иметь возможность сравнить с ними реализованные: «Чтобы понять подлинные причинные взаимосвязи, мы конструируем невероятные» [*Kritische Studien*, s. 287; цит. по: *Palonen* 1998].

Язык игры учит, что возможное должно раскрываться понятийно, чтобы единственно возможная реальность не воспринималась в лож-

ном свете. Тем самым утрачивает силу вполне естественный упрек в том, что кто-то иммунизирует себя вопросом о логике перспектив действия и их взаимозависимости, направленной против эмпирического развития. Поэтому важно не путать объективные пространства возможностей экономической или политической глобализации с *реальными* ходами в игре, с эмпирикой глобализации. Но действительно и обратное правило: установка исключительно на эмпирику политического действия ведет к недооценке контингентности этого действия, а заодно и самой политики.

9. СЛЕПАЯ ЭМПИРИКА?

Однако глобализационный дискурс подталкивает к самодостаточной теории, к возвращению метафизики в центр эмпирической социологии. Но можно сказать и наоборот: отношение между пространством возможностей и эмпирикой глобализации часто до неузнаваемости меняется *ложными индикаторами*. В статье «Измерение глобализации» (Foreign Policy, January / February, 2001, s. 56-65) читаем: «Все говорят о глобализации, но никто не пытается измерить ее масштаб... по крайней мере до настоящего времени. Выработанный нами индекс глобализации различает комплексные силы, которые ускоряют во всем мире интеграцию людей и экономик. Какие страны стали в большей мере глобальными? Они стали не такими, как другие? или более коррумпированными?» Далее авторы перечисляют свои индикаторы: возникающие поверх границ личные контакты, измеряемые уровнем международного сообщения, международных телефонных звонков, обменом международными письмами и т. д.; измеряется также World Wide Web (Всемирная паутина), при этом охватывается не только количество пользователей, но и количество гостей Интернета и серверов; наконец, разработаны и собираются индикаторы экономической интеграции. Задаются вопросы о движении товаров и услуг, исследуется меняющееся участие в международной торговле каждой национальной экономики и т. д. и т. п. Отдельные результаты не являются здесь предметом дискуссии (о профессиональной эмпирике глобализации см. классические труды Бейсхейма и др. (1999), а также Хельда и др. (1999)). Интересно здесь то, что в приведенном выше примере создание эмпирических индикаторов предполагает различение понятий «национальное-интернациональное», т. е. следует логике национальной точки зрения. Таким образом, систематически выпускается из виду особенное — транснационализация производства, потоков капитала, форм жизни и т. д. Взаимосвязь между экономикой и на-

ционально-государственной точкой зрения двойственна: с одной стороны, homo oeconomicus не признает национально-государственных связей, с другой – сбор статистических данных основывается на концепте национального государства. Это значит, что на макроэкономическом уровне национальные государства являются существенными сравнительными величинами, и приходится исходить из того, что национальное государство есть естественное институциональное устройство, созданное для поставок коллективно произведенных товаров. Выводимые отсюда индикаторы могут легко привести к ложным интерпретациям.

Поясним на примере. Международная торговля измеряет сообщение и обмен между различными народами. Однако вместе с растущим значением транснациональных концернов этот индикатор будет выдавать ложные сведения, станет фиктивным. С одной стороны, то, что по-прежнему измеряется как международная торговля, заменяется торговлей между фирмами; инвестиции, потоки капиталов и услуг, идущие внутри сети фирменных предприятий из одного государства в другое, не пересекают национальных границ; с другой стороны, речь-то идет не о международной торговле, товары не продаются и не покупаются, а всего лишь передвигаются и заново комбинируются на транснациональной географической карте концернов, на которой национальные дислокации и границы имеют стратегическое значение. Возможность избежать национального контроля (будь то таможенный контроль или контроль посредством официальной статистики) составит для концернов в перспективе стратегическую суть транснационализации, так как она открывает простор для двойной игры с ценами и налогами, вследствие чего транснациональные концерны в так называемых родных странах платят все меньшие налоги. Заметим: национальная точка зрения (по причине стратегически нацеленной логики метаигры) не замечает скрытой реальности транснационализации. Следует исходить из того, что от трети до половины мировой торговли происходит в форме неторговых отношений между фирмами. Одновременно чрезвычайно трудно эмпирически и статистически отслеживать эту развертывающуюся поверх границ прямую торговлю внутри транснациональных экономических пространств концернов, так как этот вид торговли не поддается отслеживанию и контролю [Köhler 2002]. Кроме того, сами концерны стратегически не заинтересованы в том, чтобы кто-то заглядывал им в карты, так как они маневрируют транслегально, т. е. в серой зоне (ил) легальности. Национальный взгляд официальной статистики – это взгляд государственных налоговых органов. Считать ли педантично оказываю-

щиеся в конечном счете ложными данные – вот вопрос, на который нельзя ответить эмпирическим путем, который требует критики эмпирического национального взгляда, требует смены эмпирически-методологического взгляда, замены методологического национализма методологическим космополитизмом¹⁰.

«В целом, – подводят итог Эдгар Гранде и Томас Рисс, – имеющиеся эмпирические данные о состоянии глобализации можно обобщить и свести к тому, что, *во-первых*, исходящее от глобализации давление во многих сферах меньше, чем принято считать. *Во-вторых*, от глобализации не только исходит призыв к уменьшению роли государства, но и во многих сферах интернациональной политики (например, в сфере защиты окружающей среды и прав человека) транснационально оперирующие акторы требуют усиления государственного регулирования и международной кооперации... *В-третьих*, разные реакции национальных политических систем говорят о том, что экономическая глобализация не просто сметает исторически сложившиеся институции. *В-четвертых*, давление глобализации на способность к действию и автономию национальных государств сказывается очень по-разному. Даже в экономической и финансовой политике остаются значительные игровые пространства, которые могут использоваться государствами, чтобы, как и прежде, добиваться таких приоритетных для общества целей, как социальное обеспечение и полная занятость» (2000, 244).

Но что имеет силу для предприятий, имеет такую же силу для государств. Эмпирическое подтверждение старой политики не опровергает аргумента, что того, кто продолжает играть в старую игру, обгоняют другие; не опровергает оно и того факта, что для государств не существует возможности выбора транснационализации и космополитизации. И для теоретиков, и для эмпириков различие между логикой игры и ходами в игре существенно. Вряд ли можно определять ходы, исходя из логики игры, и еще реже идти в обратном направлении: исходя из определенных ходов, делать вывод об отсутствии логики игры. Кто привлекает эмпирические данные, чтобы *опровергнуть* открывающиеся в эпоху глобализма возможности государственных действий, тот, скорее, низводит эти действия к неисторическому, абстрактному понятию государства и одновременно лишает критического потенциала научно-политический и научно-теоретический анализ.

¹⁰ Само собой разумеется, национальный взгляд критикуется и внутри экономики (см.: Voigt 1999, Hellwig 1998).

10. НОВАЯ КРИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ С КОСМОПОЛИТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТЬЮ

Различие между национальным и космополитическим подходами следует еще раз дифференцировать, чтобы понять, что имеется в виду — *перспективы действия акторов* (национальный взгляд на вещи) или же *научная перспектива наблюдателя* (методологический национализм)¹¹. Вера в национальное государство покоится (часто неосознанно) на следующих предпосылках: общество приравнивается к национально-государственному обществу; государства и их правительства считаются вершиной научно-политического анализа. Исходят из того, что человечество распадется на определенное количество наций, внутренняя структура которых будет соответствовать национальному государству, а в системе международных отношений они будут отделены друг от друга границами. Более того, в этом отграничении друг от друга, а также в конкуренции между национальными государствами видится фундаментальный принцип организации политической жизни. Вера в национальное государство обосновывается (особенно претендующими на аналитический подход политологами) тем, что демократия осуществляется *только* в национальном государстве, если вообще может осуществиться. Без национального государства нет демократии. Вот почему постнациональная констелляция — вопреки аргументам Юргена Хабермаса (1999) — ставит демократию под угрозу.

Ни в коем случае нельзя смешивать *методологический* национализм с *нормативным* национализмом. Если первый связан с социально-научной перспективой наблюдателя, то второй — с перспективой действия политических акторов. Первый модерн позволяет установить характерное слияние национального взгляда на политико-государственную деятельность и методологического национализма социальных наук. При этом речь, в духе Макса Вебера, идет об отношении к национальным ценностям, которое имело и имеет силу как для предметной сферы социальных исследований, так и для самого этого отношения¹².

¹¹ К вопросу дискуссии о методологическом национализме см.: *Marius H.* 1974; *Smith A. D.* 1995; *Beck* 1997; *Gilroy* 1993; *Zürn* 2000; *Scott J. C.* 1998; *Sasseb* 2000; *Falk* 1995; *Taylor* 1995; *Shaw* 2000; *Luard* 1990; *McNeil* 1985.

¹² Методологический национализм не ограничивается социальными науками, он выражается в определенном постулате основных философских гипотез, которые Жак Деррида назвал национальным философизмом: «The claim laid by one country or nation to the privilege of “representing”, “embodying”, identifying

Эта скрытая и потому сверхстабильная гармония социальных и научных точек зрения на ценности и закулисные гипотезы эпохи перехода ко Второму модерну, очевидно, больше не имеет силы. Здесь следует различать две констелляции: отдельные выходы к космополитическому взгляду на вещи, методологическому космополитизму как в поле политических игроков (НПО, политические партии, наднацио-

with the universal essence of man, the thought of which is supposedly produced in some way in the philosophy of that people of that nation» («Требования, выдвигаемые одной страной или нацией, о том, что она наделена привилегией “представлять”, “воплощать” или отождествляться с универсальной сутью человека, идея которой, как предполагается, возникает каким-то образом в философии этого народа или нации») (1992, 17). Еще дальше идет Майкл Уолцер, устанавливая в качестве центрального элемента национального философизма диалектику государственного суверенитета и прав человека: «The recognition of sovereignty is the only way we have of establishing an arena in which freedom can be fought for... It is this arena and the activities that can go on within it that we want to protect, and we protect them as much as we protect individual integrity, by making out boundaries that cannot be crossed, rights that can not be violated. As with individuals, so with sovereign states, there are things that we cannot do to them, even for their ostensible good» («Признание суверенитета – это единственный способ создать арену, на которой можно бороться за свободу... Именно эту арену и те действия, которые разворачиваются на ней, нам и хочется защищать; и мы защищаем их так же, как мы защищаем индивидуальную целостность, прочерчивая границы, которые нельзя пересекать, закрепляя права, которые нельзя нарушать. Как в случае с индивидами, так и в случае с суверенными государствами есть определенные вещи, которых с ними делать нельзя, пусть даже во благо им») [Walzer 1977, 89]. Этот национальный философизм лежит в основе теории справедливости Джона Роулза [Rawls], что находит выражение уже в заглавии – «The Law of Peoples» («Право народов») (1999). Единство теории составляют peoples, народы, а не государства или отдельные граждане; в народах Роулз видел основу структуры либерального внутреннего общества. У национального философизма есть интернациональная сторона. Под народами подразумевается единство государства, территориальности, морали и памяти. Только так, по Роулзу, возможна справедливость. Наблюдателя философских дискуссий нашего времени охватывает, так сказать, философское прайзумление, настолько глубоко засело в национальном взгляде на вещи предрасположение к универсалистскому мышлению. Иногда кажется, что слышишь Карла Шмитта: «Центральным понятием демократии является народ, а не человечество. Существует, если демократия вообще выступает как форма политического правления, только народная демократия, демократии обще-

нальные организации, концерны), так и в сфере социальных наук. Но большинство — это *главное направление* — на аренах национальной политики и национальной политической науки непоколебимо действует и занимается исследованиями в аксиоматике национального взгляда.

ловеческой не бывает» [Schmitt, 1983, 234]. О критике см., например, Habermas 1996, гл. 5; Kuper 2000; Gilroy 1993; McCarthy 1999; Held 2000, a, b; Baumann 2000; Levy/Sznajder 1998; Cheah/Robbins 1998; Boyarin/Boyarin 1993.

В то время как термин «национальная культура» понимается в территориальном и гомогенном (в крайнем случае в экзистенциалистском) духе, подобные представления (если вообще соглашаться с этим термином) *не применимы* к космополитическим культурам. Постнациональные, транснациональные или космополитические культуры не могут мыслиться как некая целостность. Неверно представлять себе космополитические и национальные культуры отдельно друг от друга, как более или менее самостоятельные, самодостаточные, до известной степени даже автономные и в любом случае как интегрированные. В национальном философизме все «примеси», вроде культурных норм, ценностей и предписаний, мыслятся как эндогенные. Понятие «космополитические культуры» *противоречит* видению относительно разделенных культурных миров, в которых люди живут рядом друг с другом, — по образу политически и административно поделенных территорий. *Нельзя* думать, будто, покидая одну культуру, вступаешь в другую. *Нельзя* думать, будто можно передвигаться между различными культурами. *Нельзя* даже приблизительно утверждать, в какой культуре человек находится в определенный момент и в сторону какой движется. С космополитической точки зрения, культура выступает как абсолютное отрицание представления о естественных, замкнутых в себе целостностях, которые нельзя выбирать, которые уготованы (или не уготованы) тебе судьбой. Космополитический реализм отвергает также представление, будто укорененность в этнической или национальной целостности есть естественное и потому здоровое состояние человека в мире, тогда как все другие состояния — находиться между культурами, черпать из разных источников, быть лояльным к разным национальностям — считаются ненормальными, гибридными, по необходимости плоскими, даже опасными, нездоровыми и чудовищными. Если методологический космополитизм вообще имеет смысл и способен быть действенным, то именно как отрицание представления о культурной гомогенности, мультикультурализма и мультикоммунитаризма, так как эти понятия отрицают или отвергают то, что составляет содержание космополитического common sense: поиск сосуществования в полиэтническом мире исключаящих друг друга достоверностей, мире, который часто болезненно и жестоко борется за признание инаковости других.

Здесь диссонансы переходят в разделение перспективы действия и перспективы наблюдателя, политики и политологии, которые вообще могут восприниматься только вне рамок национального взгляда, а лишь вместе с разработкой и усвоением космополитической перспективы. Зомбированная наука национального взгляда, которая мыслит и исследует в категориях интернационального действия, интернациональных общностей, интернационального диалога, национального суверенитета, «государственного народа» и т. д., становится призрачной наукой национальной социологии; подобно национальной экономике, национальная социология окончательно зашла в тупик. Она не видит и не исследует то, в какой мере транснациональные формы жизни, трансмигранты, глобальные элиты, наднациональные организации и динамики определяют отношения внутри национально-государственных держателей власти и между ними.

Не менее важно различать шансы на успех (и неуспех) методологического космополитизма и космополитического режима. По крайней мере с точки зрения возможности, вполне допустимо, что смена горизонта методологического национализма на горизонт методологического космополитизма обретет силу убеждения, не высказываясь прямо о шансах космополитизации государств и обществ. Это значит, что оптимист относительно смены взгляда может быть пессимистом относительно смены политики. Было бы до смешного наивно ожидать от смены научной парадигмы космополитической открытости государств.

Таким образом, если делать различие между политическим действием и политологией и, с другой стороны, между национальным и космополитическим взглядом, а также между методологическим национализмом и методологическим космополитизмом, то получается таблица, поделенная на четыре поля:

- 1) ориентированные на национальное государство общество и социология;
- 2) зомбированная национальная наука;
- 3) космополитическая критика ориентированных на национальное государство общества, политики, социологии и политологии, т. е. Новая критическая теория;
- 4) космополитическое государство; космополитический режим и т. д. (табл. 1).

Однако вероятность развития этих вариантов политики и политологии можно рассматривать по-разному. К примеру, допустимо (по крайней мере в ближайшей исторической перспективе) *то и другое*: считать невозможным как смену политической перспективы, так и смену научной парадигмы. Но чтобы считать оба варианта веро-

Таблица 1. Смена национального взгляда и парадигмы на космополитический модерн и социальную науку

		<i>Политическая деятельность</i>	
		<i>Национальный взгляд</i>	<i>Космополитический взгляд</i>
<i>Политология</i>	<i>Методологический национализм</i>	Ориентированное на национальное государство понимание общества и политики в политической практике и политологии	Зомбирующая наука о нации: национальная социология упускает из виду транснационализацию
	<i>Методологический космополитизм</i>	Космополитическая критика ориентированных на национальное государство общества и политики, социологии и политики: Новая критическая теория	Космополитическое общество и его враги: что имеется в виду под космополитическим государством, космополитическим режимом, транснациональным надзорным государством?

ятными, т. е. надеяться на непосредственный прорыв космополитического государства и космополитической социологии или бояться этого прорыва, понадобилось бы предъявить слишком высокие требования к способности большинства верить в оптимистический исход. Но даже скептику остается в качестве задачи на обозримое будущее вера в продвижение методологического космополитизма без реально-политического прорыва в эру космополитического государства. Но это, собственно, и означает рождение Новой критической теории с космополитической направленностью.

11. НОВАЯ КРИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НЕРАВЕНСТВ

А теперь я хотел бы остановиться на тематической и исследовательской взаимосвязи, которая вплоть до настоящего времени оставалась центральной и почти не затрагивалась космополитической сменой взгляда, а именно на социологии социальных неравенств, чтобы на этом примере проверить и наглядно продемонстрировать возмож-

ности Новой критической теории и эмпирики. Опубликованный в марте 2002 года отчет Всемирного банка о финансовом положении развивающихся стран читается как обвинение «Terre des Hommes»¹³ в адрес богатых стран. Падение мировых цен на сырье, протекционизм в торговле и застой в конъюнктуре в индустриальных странах, но в первую очередь сокращение мирового туризма после 11 сентября 2001 г. драматически обострили бедственное положение людей в нищих регионах. Мир из-за неравенства превратился в опасное место — в том числе для богатых в западных метрополиях. Только на обслуживание долгов с юга на север ежегодно перетекает 200 млрд долл. Одновременно приток частных капиталов на юг сократился пятый раз подряд и составляет сумму, на 100 млрд меньшую по сравнению с 1997 годом. Глобальное неравенство растет: с 1960 по 2000 год доля самых богатых 20 % населения планеты выросла с 70 до 90 % глобального дохода, тогда как доля 20 % беднейшего населения уменьшилась с 2,3 до 1 %. 1,2 млрд людей, т. е. почти пятая часть населения планеты, вынуждены тратить менее доллара в день, но помощь развивающимся государствам с 1990 года сократилась еще на 20 %. Как объяснить противоречие между растущим обеднением населения и растущим игнорированием этой проблемы?

В Германии многие депутаты бундестага относятся к поколению, которое 20-30 лет тому назад клялось в интернациональной солидарности, принимало активное участие в инициативах по оказанию помощи странам третьего мира или требовало на церковных соборах сочувствия к бедам и нуждам единого мира. Теперь же именно политика этого поколения в Германии плетется в хвосте помощи развивающимся странам. Можно это объяснить личной непоследовательностью политиков или же невниманием к глобальному неравенству обусловлено структурными факторами? Существует ли принцип, способный устранить это противоречие? Глобальное неравенство растет и одновременно, с социологической точки зрения, узаконивается.

На вопрос: что узаконивает социальное неравенство? — возможны по меньшей мере два ответа: *принцип успеха* и *принцип национального государства*. Первый ответ известен, разработан и повергался критике, так как он вытекает из самоопределения национальной перспективы и относится к внутригосударственному неравенству. Второй вопрос раскрывается в рамках космополитической перспективы и относится к легитимации глобальных неравенств. Отсюда следует, что значительные белые пятна — и источники ошибок — становятся

¹³ «Планета людей» (*франц.*) — роман А. де Сент-Экзюпери.

Таблица 2. *Социология социальных неравенств между национальной и космополитической перспективой*

		Социальное положение	
		<i>большие (глобальные) неравенства</i>	<i>малые (национально-государственные) неравенства</i>
<i>Легитимация</i>	национальный взгляд	не имеет значения, не существует	принцип успеха
	космополитический взгляд	принцип национального государства: исключение исключенных	национально-государственные принципы несущественности конструкции глобальных неравенств

очевидными лишь при систематическом чередовании национальной и космополитической перспективы, ибо только в рамках Новой критической теории социальных неравенств может быть вскрыта *фундаментальная асимметрия находящегося в плену национального взгляда восприятия неравенств как в социальной, так и в социологической перспективе*. Отсюда ясно: легитимационный успех национального государства заключается в том, что оно обращает внимание только на внутренние проблемы и исключает из поля зрения глобальное неравенство (относительно) привилегированных слоев¹⁴.

С чисто пространственной точки зрения, целесообразно различать *большие* неравенства (которые в свою очередь делятся на транснациональные, наднациональные, интернациональные и глобальные) и *малые* неравенства. К малым относятся внутренние национально-государственные неравенства, которые затронутым ими людям и группам людей кажутся большими, но с космополитической точки зрения, яв-

¹⁴ В дальнейшем мы будем пользоваться методом «двойной интерпретации» [Beck/Bonss/Lau, 2001], который мы разработали в особой исследовательской сфере «рефлексивной модернизации». Там показано, как одни и те же реальности социального неравенства, рассматриваемые то с национальной, то с космополитической точки зрения, кажутся абсолютно противостоящими друг другу и как подобное чередование перспективы позволяет приходить к новым постановкам вопроса и новым гипотезам, т. е. позволяет показать, почему методологический космополитизм открывает новые перспективы исследований и действий в духе «позитивного сдвига проблем» [Lakatos 1970].

ляются малыми, так как они при самоописании, самоопределении и самоконтроле напоминают конусообразный луч прожектора. Принцип успеха указывает на внутригосударственные неравенства и легитимирует их. Его парадигмой выступает экзаменационная работа: все входят в аудиторию равными, а выходят неравными (по-разному позиционированными в иерархии отметок). Благодаря принципу успеха можно, например, распределять доход неравномерно и в то же время легитимно. Тот же, кто говорит о национально-государственном принципе как о легитимации неравенств, хочет сказать, что национально-государственное фокусирование на национальных неравенствах приводит к исчезновению глобальных неравенств. Это легитимация посредством затемнения: большие неравенства выносятся за пределы национального взгляда. Отсюда следует, что они могут перерасти в институализированную иррелевантность и ирреальность и одновременно легитимироваться. Это не отказ от тематизации глобальных неравенств, а тематизация малых национальных неравенств, которая легитимирует большие неравенства.

Таким образом, разделение на большие и малые неравенства относится к пространствам восприятия и к численности населения. Разумеется, этот закон национально-государственного исключения глобальных неравенств заостряет ситуацию. Сам по себе национальный партикуляризм государства не исключает целиком универсальные принципы и восприятия. И все же национально-государственный взгляд уводит от бедственного положения в мире. Он функционирует по принципу *двойного исключения*: исключает уже исключенных. Поразительно, с каким постоянством большие неравенства, от которых страдает человечество, легитимируются благодаря молчаливому сговору между государственными авторитетами и ориентированной на государственность социологией, отказывающимися эти неравенства замечать (табл. 2).

В то время как принцип успеха делает возможным *позитивную* легитимацию малых неравенств, национально-государственный принцип приводит к *негативной* легитимации больших неравенств. Позитивная легитимация означает, что принцип успеха выставляет в выгодном свете *рефлексивную* и *обоюдную* (взаимную) легитимацию, т. е. что социальные неравенства могут, в принципе, найти понимание тех, кто лишен привилегий. Напротив, легитимацию национально-государственного принципа следует считать негативной, так как она *не рефлексивна* и *не обоюдна*, следовательно, не ведет к соглашению с отверженными и лишенными привилегий. Национальное государство есть принцип, в темноте ищущий оправдание глобальным неравенствам.

Национально-государственный принцип покоится не на рефлексии как принципе достижения успеха, а на отказе от рефлексии. Негативная легитимация, достигаемая посредством институализированного замалчивания, игнорирования, в конечном счете нелегитимна, так как исключает соглашение с теми, в чьем согласии она чаще всего нуждается, — с бедными, униженными и отверженными. Национальное государство, таким образом, не легитимирует глобальные неравенства. Скорее, эти нелегитимированные глобальные неравенства исключаются из поля зрения и, таким образом, стабилизируются. С исторической точки зрения, это означает, что национальное государство есть институализированное забвение колониализма и империализма, которым оно обязано своим подъемом. Но что придает этой негативной легитимации, достигаемой посредством замалчивания, стабильность перед лицом растущей прозрачности границ? Что ее дестабилизирует?

Дополнительно можно выделить четыре принципа национально-государственной иррелевантной и ирреальной конструкции.

Первый принцип — *национально-государственная фрагментация и вменяемость глобальных неравенств*. Пока не существует глобальной компетенции и наблюдающей инстанции за глобальными неравенствами, эти неравенства распадаются, представляя из себя мозаичный ковер национальных неравенств. Поскольку существует около 200 государств, имеется столько же точек наблюдения за малыми социальными неравенствами. Но сумма этих зафиксированных в каждом государстве внутренних неравенств не равна большим глобальным неравенствам, так как логика национального взгляда не соответствует логике взгляда космополитического. Национально-государственный самоконтроль и связанные с ним эндогенные предположения о причинах явления противоречат прежде всего космополитическому образу мышления, при котором в поле зрения попадают транснациональные взаимозависимости, властные соотношения, инстанции, принимающие решения и определяющие причины явлений, т. е. все то, что пригодно и для объяснения внутренних национально-государственных неравенств.

В докладе South Commission (1990; цит. по: *Falk* 1995, 50) приводится следующая аргументация: «Если бы человечество представляло собой единое национальное государство, то нынешний раскол на север и юг превратил бы это государство в политически взрывчатое, полуфеодалное образование, стабильности которого угрожали бы внутренние конфликты». Это верно и в то же время ложно, так как оставляется без внимания то, что национально-государственный миропорядок структурно игнорирует глобальные неравенства и тем самым легитимирует их.

Национально-государственный принцип — это аналитический ключ к пониманию того, почему взаимосвязь между глобализацией и бедностью мало исследуется национальной социологией. До тех пор пока в политических действиях и социологических анализах будет задавать тон национальный взгляд, бедность и богатство будут локализоваться в национальном контексте. Тем самым исключается возможность *аналитической* конкретизации последствий глобализации в различных исторических контекстах в форме растущих неравенств, сокращающихся доходов, эксплуатации природных ресурсов и подрыва демократических основ. Что же касается социологического исследования неравенств, то с принципом национально-государственной фрагментации сопряжен крупный источник ошибок — опасность принятия *ложных национально-государственных решений*.

Второй принцип: *восприятие социальных неравенств предполагает наличие норм равенства*. В национально-государственной перспективе стабильность, исключаяющая большие неравенства, базируется на национальных нормах неравенства — культурных или этнических, правовых или политических. Объективность глобальных социальных неравенств не подвергается сомнению с политической точки зрения, пока эти неравенства находятся в тени институализированных норм равенства [Stichweh 2000]. Отсюда следует: в той мере, в какой национальные нормы равенства заменяются нормами космополитическими, возникает необходимость и потребность в государственной легитимации существующих больших неравенств. На чем базируется в национальной парадигме это равенство внутри западных социальных государств? На формальном равенстве гражданского статуса: различия в доходах мужчин и женщин, место жительства и т. п. не служат основанием для снижения гражданского статуса. Все члены общества имеют равные права и обязанности. Этому основанному на праве гражданства равенству соответствует национально-государственный образ культурной однородности (одинаковые язык, история, культурные традиции). Национальные принципы включения и исключения, таким образом, определяют и стабилизируют границы восприятия социальных неравенств.

Это ведет к третьему принципу — *межнациональной несравнимости* социальных неравенств. Национальный взгляд и функциональные достижения национального государства, направленные на легитимацию глобальных неравенств, не в последнюю очередь базируются на том, что политизирующие сравнения могут иметь смысл только во *внутринациональном* масштабе и никогда — в *межнациональном*. Делегитимирующие сравнения в свою очередь предполагают нацио-

нальные нормы равенства. В этом смысле, к примеру, различия в доходах нигерийцев и немцев, южноамериканцев и финнов, русских и китайцев, турков и корейцев даже при одинаковой квалификации и сфере деятельности могут быть весьма существенными, но действовать делегитимирующим образом они будут только тогда, когда эти сравнения будут протекать внутри единого горизонта восприятия институализированного равенства. Это может происходить в случае принятия гражданства того или иного государства или работы в глобально оперирующем концерне.

Отсюда вытекает интересный вопрос: в какой мере интернациональные различия в доходах внутри Европейского союза в будущем могут быть легитимированы посредством принципа несравнимости? Или в какой мере вместе с растущим европейским самосознанием (и институционализацией европейского взгляда на собственные проблемы) до настоящего времени затемненные в интернациональном масштабе неравенства станут восприниматься как внутринациональные и, следовательно, подвергаться легитимации? В той мере, в какой (неважно, по каким причинам) будут падать барьеры межнациональной несравнимости, Европейскому союзу — даже при константных соотношениях неравенства — будут угрожать большие волнения.

Но роль национального государства в системе глобальных неравенств ни в коем случае не исчерпывается так называемой функцией легитимации. Четвертый принцип — *затемнение легитимирует бездеятельность*; или оно легитимирует такую деятельность, которая обостряет большие неравенства, так как эти внешние для национального взгляда эффекты воплощаются в предрешенную нереальность, т. е. в иррелевантность избирателей. Обособленность, в которой социальные неравенства тематизируются как неравенства внутренние, открывает возможности для политики глобального передела, при которой риски выходят наружу и перегружаются на слабые страны третьего мира, в то время как барыши в рамках национального государства максимально возрастают.

В то время когда западные государственные мужи мечтали о *десятилетиях неожиданного мира и богатства*, растущее число стран тонуло в долгах, безработице, снижало услуги по здравоохранению и социальному обеспечению, переживало распад жизненно необходимых инфраструктур. То, что для западных концернов может быть полезным, а именно настойчивое разрушение управления, приватизация и политика перемен в развивающихся странах, для этих стран часто имеет разрушительные последствия. Приведем один пример: Всемирный банк, как удлинённая рука «семерки» ведущих государств, поощрил в Индо-

незии и других странах заключение договоров с частными поставщиками энергии. Эти договоры обязывали данные страны получать большое количество электроэнергии по очень высоким ценам. Интернациональные концерны получали доходы, в то время как на и без того бедные страны взваливался риск ответственности. «Именно ради этой формы частной экономической активности были усилены Министерство финансов США и Всемирный банк. Уже это плохо. Но когда были свергнуты коррумпированные правительства (Сухарто в Индонезии в 1998 г.), администрация США стала оказывать давление на новые правительства и требовать выполнения договоров, вместо того чтобы освободить их от платежей или по крайней мере вступить в переговоры о новых условиях. В действительности имеется длинный список “нечестных” договоров, выполнение которых западные правительства добивались посредством давления» [Stieglitz 2002, 38f].

Национально-государственный миропорядок фрагментирует глобальные неравенства; национальные нормы равенства исключают глобальное неравенство; сравнение интернациональных неравенств закрепляет невозможность сравнения в национальных рамках; предопределенная иррелевантность больших неравенств — все это позволяет сильным и богатым государствам перекладывать риск за свои решения на бедные страны. Эта практика не в последнюю очередь стабилизируется тем, что национальная перспектива действий подтверждается и укрепляется методологическим национализмом социальных наук. Базирующееся на этом исследование неравенства удваивает национальную закрытость, планирует себя и свой объект в духе национально-государственной «врожденной науки». То, что, с научной точки зрения, обычно считается проблематичным, возводится здесь в методологический принцип самоисследования. В лучшем случае этот аутизм национального взгляда расширяется до сравнительного аутизма интернациональной компаратистики. Но и этот сравнительный методологический национализм сохраняет подверженность большим ошибкам методологического национализма. Однако эта социальная и социально-научная фабрикация нереальности растущих глобальных неравенств в национальных социологиях становится все проблематичнее.

Ошибки национального взгляда делаются все очевиднее в той мере, в какой границы становятся более проницаемыми, а не признающие границ взаимозависимости явно растут. Это можно объяснить очевидными противоречиями, в плену которых оказалась ограничительная миграционная политика. С одной стороны, именно богатые северные страны были потрясены резким уменьшением населения, а также по-

следствиями этого — старением, разрушением пенсионной системы и системы здравоохранения, политическим консерватизмом. С другой стороны, именно эти страны вынуждены превращаться в крепости, чтобы защититься от возможных и реальных миграционных потоков из бедных южных стран. В то же время в мире растут военные, экономические и политические взаимозависимости, в свою очередь порождающие новые потоки мигрантов и беженцев. Любое мероприятие в этом смысле обретает характер дьявольского наваждения, влечет ожидаемые «побочные эффекты», легко превращающие свои цели в их противоположность. Так, террористические акты 11 сентября 2001 г. укрепили и обострили (особенно в США) политическую волю, направленную на контроль миграционных потоков. Упразднение демократических свобод идет вразрез с необходимостью увеличить иммиграцию, чтобы решить проблему сокращения рождаемости и старения населения.

Кроме того, национальный взгляд ставится под сомнение процессами внутренней глобализации национально-государственного пространства. Свою роль в этом играют следующие процессы: права человека отделяются от статуса государственной принадлежности, вызванные неравенством карьеры отделяются от национальных контекстов. Об этом свидетельствуют карьеры, ставшие возможными благодаря интернациональному образованию, а также растущее число межнациональных браков, семей, увеличивающиеся транснациональные трудовые и житейские взаимосвязи [*Beck-Gernsheim* 2000]. В конечном счете национальный взгляд разрушается в той мере, в какой растут мобильность коммуникации, информации, денежных потоков, рисков, продуктов, услуг, а также транснационализируются благодаря средствам массовой коммуникации, рекламы и т. п. в своих внутренних пространствах сферы, оставшиеся иммобильными (см. эмпирические данные об этом у *Beisheim u. a.*, 1999; *Held u. a.*, 1999). Наднациональные институты, такие как Всемирный банк, ЮНЕСКО или различные НПО, систематически выдают данные, которые показывают всему миру большие неравенства и тем самым ставят под сомнение механизмы национальной ирреализации¹⁵.

¹⁵ Уже давно существуют инстанции и организации космополитического социологического исследования, конкурирующего с группой ученых, опирающихся на национально-государственные данные и их изучение. Примечательно, что постоянство, с которым опровергаются соответствующие критические выпады в адрес академии, существенным образом обязано пониманию высших ценностей, которое академические инстанции противопоставляют методи-

Ошибки национального взгляда становятся ясными, когда усиливается значение новых примеров и способов различения между включением и исключением. Все большее количество механизмов включения и исключения уже не подчиняются классификации неравенства по классам и слоям, границы которых заканчиваются вместе с границами государств. Новые центральные примеры включения и исключения образуются вдоль линий:

- а) наднациональных торговых блоков (Европейский союз, НАФТА¹⁶ и т. д.);
- б) культур, складывающихся на принципах диаспор, аскриптивных признаков (например, «Черная Атлантика» см.: Paul Gilroy) или
- в) в условиях жизни в *global cities* (глобальных городах) (см. об этом анализы Сассена, Кастальса, Олбрау, Ида, Дюршмидта).

Тем самым оказываются несостоятельными и те аргументы, посредством которых защищают национальный взгляд.

Прежняя знаменитая защита национальной перспективы и критика перспективы космополитической, предпринятые Гарретом Хардиным в его книге «Living on a Lifeboat» («Жизнь на спасательном ка-

ке глобального исследования производства и управления в наднациональных организациях. Это прежде всего научная этика, опирающаяся на более высокое качество национально-государственных данных. Одновременно опасаются, что при обращении к космополитическому взгляду в центре снова окажутся метафизики и/или ненаучность. Кроме того, методологический национализм освящается предшествующим философским и политико-теоретическим убеждением, что ценности Запада — демократия, правовое государство, социальная справедливость — возможны *только* в национально-государственных формах и контекстах. Отсюда делается вывод, что космополитическая открытость предает и подвергает опасности демократический духовный облик.

В обоих случаях ошибка покоится на следующих упущениях. Во-первых, претензии классиков и их национально-государственные предпосылки лишаются исторического подхода и абсолютизируются. Кто восхваляет классиков, тот скрывает усталость собственной мысли и соглашается с давно усвоенной ролью эпигона. Во-вторых, снова совершается большая ошибка (следуя старому принципу: «не может быть того, чего не должно быть»), когда в жертву устоявшимся убеждениям приносится интерес к меняющейся реальности. Даже методологически безупречные данные могут оказаться недостоверными и привести к неспособности видеть реальный космополитический мир, вторгающийся в нашу жизнь (см. выше).

¹⁶ North American Free Trade Agreement — Североамериканское соглашение о свободной торговле.

тере») (1974), сравнивают национальные государства с по-разному оснащенными спасательными кораблями, в которых выжившие в кораблекрушении ищут убежище. Согласно аргументации Хардина каждое государство может предоставить борющимся в море за свою жизнь место на спасательном корабле. Но отсюда не вытекает никаких обязательств хотя бы уже потому, что прием на борт потерпевших кораблекрушение приводит к нарушению правил безопасности самих спасательных кораблей, т. е. в конечном счете опасности подвергаются все. Этот действующий по сей день аргумент о лодке, полной до краев, ложен потому, что национально-государственных спасательных судов, о которых толкуют сторонники национального взгляда, становится все меньше. Не принимаются во внимание реально существующие пост- и транснациональные позиции, формы и каузальности неравенства. Поэтому космополитизму обеспечивает перспективу и превосходство не моральная критика ложной диагностики национального взгляда, а ее обнажение.

Наконец, ошибки методологического национализма становятся очевидными по мере того, как становится сомнительным само различие между большими и малыми неравенствами, или, говоря иначе, между космополитической и национальной перспективой. Таким образом, мы имеем дело со все большей *интернационализацией моделей национальной перспективы*. Вместе с проницаемостью национальных границ растет конкуренция как внутри национальных образований, так и между ними. В соответствии с этим в производственных секторах, защищенных властью и насаждающих власть, происходит деление на тех, кто выигрывает от глобализации, и на тех, кто оказывается в проигрыше. Кроме того, затемняющее смысл слово «глобализация» часто используется в борьбе национальной элиты против элиты интернациональной, которые сражаются за позиции и ресурсы внутри национальных пространств.

В интернациональных отношениях тоже уменьшается прозрачность разделяющих страны границ. После террористических атак исключение исключенных дается труднее, нищета населения в мире растет с учетом интернациональной проблемы богатых стран Запада — правда, о практических последствиях этого судить пока рано. Опасность терроризма, несущая угрозу национальным границам, устранивает заодно и прозрачность этих границ, за которыми с угрожающей скоростью растут глобальные неравенства.

Нет сомнения в том, что эти процессы сопряжены с повышенными требованиями к отдельным государствам. Им недостает не только соответствующих возможностей для вмешательства. Они не распо-

лагают необходимой способностью к наблюдению, не говоря уже о возможностях каузального контроля [*Stichweh 2000*]. Это позволяет — в плане самокритики — обосновать главный парадокс новой космополитической ориентации: в той мере, в какой становятся прозрачнее границы между большими и малыми неравенствами и перестают совпадать с национальными границами, *возрастает* значение «стены» в головах, т. е. институционализируемая неспособность воспринимать большие неравенства. Почему? Потому что только таким образом может быть перекрыта растущая асимметрия между претензиями на вмешательство в политику государств и возможностями такого вмешательства. Ре-национализация в век растущего глобального неравенства и его восприятия мировой общественностью стала для богатых государств функциональной.

Можно сделать и другой вывод: когда государство, следуя принципу Брехта: «ибо в темноте ничего не видишь», легитимирует глобальные неравенства, эта легитимация разрушается с началом космополитизации государства. Космополитическое государство, которое (каким бы избранным оно ни было) интегрирует в себя другие культуры, вызывает даже в благоприятном случае константных неравенств лавину легитимационных проблем. Почему? Причина проста: государство размывает и устраняет границы несравнимости социальных неравенств. Тем самым вместе с космополитизацией растут искушение и шансы ре-этнизации и ре-национализации общества и политики. Именно потому, что размываются границы, мешающая восприятию «стена» в головах еще больше укрепляется.

Можно ли теперь говорить о том, что представляет собой принцип национального государства — достижение или ловушку? Каким бы ни был ответ, ясно одно: не подвергнутое тщательному анализу единство государственного и общественно-научного затемнения глобальных неравенств самым противоречивым образом сказывается как на политических, так и на научных акторах. Национальный взгляд можно относить или не относить к функциональным достижениям национального государства. В любом случае он извращает суть общественных наук. Они осознаются и критикуются как национальная социология, национальная политэкономия и постепенно оказываются в плену все более очевидного противоречия между соответствующей реальному положению дел научной задачей и взятой на вооружение этикой. Ибо они (часто незаметно и невольно) связывают себя с искажением реального положения вещей. Замалчивание социологических понятий о глобальных неравенствах приобрело скандальный характер.

Поэтому в век глобализации Новая критическая теория с космополитической целью становится ключевой задачей. Она должна вскрыть и разрушить встроенную в категориальную систему и исследовательскую практику стену методологического национализма, чтобы, к примеру, показать легитимационную роль национального государства в системе больших неравенств. Общепринятые *внутринациональные* карты социальных неравенств сделаны элегантно и весьма детально и, в общем, достаточны для того, чтобы регулировать государственными средствами возникающий потенциал беспорядков в привилегированной части мирового населения. Но драконы больших, неизвестных, совершенно недостаточно исследованных неравенств превратились уже не просто в декоративные мотивы, украшающие окраины. Разумеется, нельзя замалчивать или игнорировать веру в национальное государство, национальные мифы, которые господствуют в публичных комментариях и академической науке. Самое позднее со времени террористических атак 11 сентября 2001 г. многим стало ясно, что взгляд сквозь стену восприятия, которая отделяет малые неравенства от больших, равен взгляду в дуло винтовки¹⁷.

В конце концов Новая критическая теория – это одновременно и самокритичная теория. Она утверждает, что только космополитический взгляд делает видимыми реальности и *пропасти*, угрожающие человечеству в начале XXI века. Критическая теория исследует *противоречия, дилеммы и незаметные, невольные побочные следствия* космополитизирующегося модерна и черпает силу своих критических дефиниций из напряженности между политическим самописанием и его социологическим рассмотрением. Тезис гласит: *космополитический взгляд открывает пространства и стратегии деятельности, которые предпочитает не замечать национальный взгляд*. Такое толкование становится еще убедительнее, так как открываемое космополитическим взглядом пространство деятельности противоречит той безальтернативности, которую обнаруживают в национальной перспективе как акторы, так и ученые.

В этом плане можно назвать четыре основные ошибки, указывать на которые – задача Новой критической теории. Это, *во-первых*, обна-

¹⁷ Изучение «тонких различий» (Бурдьё) и появившаяся в 70-80-х годах истекшего столетия микроскопическая социология неравенств филигранной стилизации и дифференциации стиля жизни проводят свои исследования небудувано, в свете методологического национализма. Нетрудно предсказать, что они подвергнутся резкой критике, с точки зрения космополитически обновленной социологии неравенств, за их эмпирический подход и опору на нормы национальной государственности.

ружение и обозначение форм и стратегий затемнения космополитических реальностей; *во-вторых*, критика неспособности выйти за пределы национальной идеи, т. е. необходимость указывать на то, что национализация и этнизация перспектив деятельности не может оправдать методологического национализма в социологии; *в-третьих*, преодоление неисторического увековечения социологической понятийной системы и исследовательского опыта с помощью альтернативных понятий и исследовательских стратегий; наконец, *в-четвертых*, внесение своего вклада в пробуждение интереса к изменению представлений о политике, т. е. в установление различий между национальным взглядом политических деятелей и космополитическим взглядом политэкономии социологии и в использование этих различий на практике¹⁸.

¹⁸ Во всяком случае, не надо думать, что на знаменах Новой критической теории с космополитической целью написан призыв к революции в социологии. Эта революция уже давно идет. Трудно сказать, когда все началось. Юрген Хабермас в своей книге «Пост-национальная констелляция» (1999) исследовал важные вопросы и заложил основы нового подхода. Еще раньше Николас Луман, например, указал на то, что для коммуникационных процессов национальные границы не препятствие; он изрядно поиздевался над сторонниками противоположного взгляда и, иронизируя и аргументируя, выстроил свой тезис о мировом сообществе как основополагающем единстве и единственно возможном консистентном понятии. Несколько лет назад Джон Майер и его великолепно организованная американская социологическая команда, так сказать, перевели Эмиля Дюркгейма в плоскость глобализма. Нетрудно реконструировать этапы перехода от национальной перспективы к глобальной – даже если при этом (используя всевозможные ухищрения под влиянием почти глобального ассортимента данных) не будут учтены требования «Global America». После прозорливого отхода Энтони Гидденса от линейной социологии (1990, 1997), после трех новаторских произведений Мануэля Кастельса о сетевом обществе (2001), после постоянных усилий Зигмунда Баумана по замене представленный застывшего модерна представлениями модерна меняющегося (1999), после успешных атак и проектов постколониализма, после избавившихся от своей кажущейся автаркической локальности антропологии, этнологии и географии, которые в разных взаимосвязях заменяют предпосылки методологического национализма новыми – смешанными формами глобально-локального и локально-глобального, после более всего недооцененного классического произведения о космополитической редефиниции социологии – книги Мартина Олбрау «Global Age» (1996), после предложения Арджуна Аппадурай говорить о «Flows» и «spaces», т. е. о финансовых, миграционных, информацион-

В спорах о глобализации речь идет не о значении национального государства и его суверенитете (как неверно утверждают, например, Шарпф и Оффе), а об обретении нового космополитического взгляда на единое пространство борьбы за власть, который выдвигает в поле зрения новых акторов и их сетевые производства, шансы на власть, стратегии и организационные формы не признающей границ политики. Космополитическая критика выстроенной и сцементированной на национально-государственных принципах политики под углом зрения Новой критической теории и эмпирики центрирована как в эмпирическом, так и в политическом плане. У этого аргумента двойной смысл: всемирно-политическая борьба за власть носит открытый характер и требует космополитической смены ориентации социологической теории и эмпирики, чтобы сделать видимыми и пригодными для использования в политике амбивалентность открытости основных положений, а также цели и альтернативы мировой политики. Сообразно с этим моя книга ставит вопрос: каким образом можно по-новому определить в XXI веке власть и господство, политику и государство? Кто (или что) является новым демократическим принципом, макиавеллистическим обновителем космополитического века?

ных и культурных символических потоках, и после «Critique of Information», которую представил Скотт Лэш (2000), — во многих кругах социологов стало общим местом требование переделать и заново переписать книгу родоначальника социологии Макса Вебера «Экономика и общество», приспособив к требованиям *cosmopolitan imagination*.

ГЛАВА II

КРИТИКА НАЦИОНАЛЬНОГО ВЗГЛЯДА¹

Скажи мне, от чего ты отрещиваешься, и я скажу тебе, что ты защищаешь. Пусть противники глобализации окажутся не прозорливее ее сторонников, но они набрасывают образ глобальности и борются с этим образом глобальной, космополитической или мировой культуры, который породила их негативная фантазия и о котором с уверенностью можно сказать только одно: этот пугающий образ глобального будущего рисуют и насаждают прежде всего его противники с целью его примитивного опровержения. В соответствии с ним приметы новой эпохи читаются как проявления глобализирующейся культуры (я глобализую, ты глобализуешь, он глобализует), забывшей о своем происхождении, утратившей свою родину и свою память. Парадоксальным образом эта мечта (или кошмарный сон) о глобальной культуре выливается в то, что породила в своем стремлении к универсализации и современная литература: в собственное место обобщающего «где-то там», которое выступает одновременно и как обобщающее «нигде». Эта утратившая привязку к определенному месту культура побуждает к поиску новых образцов идентификации, но на ее долю, как утверждают, приходится только суррогаты глобальной гомогенности.

По мере обращения социального опыта и общественных кругов к транснациональной открытости и отделения нации от государства, как надеются многие представители приближающегося космополитического режима, нация превратится в чисто культурный, или фольклористический, феномен, т. е. лишится какого бы то ни было политического значения².

¹ В этой главе я использовал следующую литературу: *Dewey* 1996; *Krüger* 1996; *Goethe* 1897; *Jens* 1992; *Albrow* 1998; *Graneel/Risse* 2000; *Levy/Sznajder* 2001; *Habermas* 2000; *Luhmann* 1999; *Zürn* 1998; *Ortmann* 2001; *Barry* 1999; *Hobsbawm* 1991; *McNeill* 1986.

² Этот образ, содержащий такого рода критику национализма, рисует Энтони Д. Смит (1995), чтобы обосновать и противопоставить ему свою «спасительную критику» национализма.

1. КОСМОПОЛИТ — ЭТО ОДНОВРЕМЕННО ГРАЖДАНИН КОСМОСА И ГРАЖДАНИН ПОЛИСА

Понятие и период влияния национализма порождены *новейшей* историей модерна и проявляют свою мифотворящую силу в Европе XVIII–XIX столетий. Напротив: понятие и история космополитизма столь же стары, как и политическая мысль. Понятия «космополит» и «космополитизм» — это изобретения греческой Античности. Они восходят к Диогену. Он полемизирует (вполне в современном духе) с утверждениями о различиях между эллинами и варварами как между «своими» и «чужими». Диоген критикует не только противопоставление «нас» «другим», но и отвечает на вопрос о том, что должно занять место этого противопоставления. Он выводит космополитизм из не признающей границ, смешивающей границы мобильности. Таким образом, именно мобильность эллинов (точно так же, как это происходит сегодня) поставила под сомнение расхожую антитезу «мы — другие»; в результате эллины смешались с варварами.

Оглядываясь назад, можно сказать, что понятийная конструкция «космополит» революционизирует расхожую логику различения. Различение между «мы» и «другие» больше не обусловлено онтологически и потому не предписывает и не утверждает абсолютной эксклюзивности. Логический принцип эксклюзивного различения «или — или» заменяется принципом инклюзивного различения «как..., так и». На уровне равенства «другой = чужой» он утрачивает и обретает свою инаковость. Стало быть, космополитизм означает, что различение «мы — другие» одновременно снимается и обновляется благодаря конструкции *двойной локализации для всех*.

Следуя своим идеалам и воззрениям, космополит живет на двойной родине, является носителем двойной лояльности. Он есть как гражданин космоса (мира), так и гражданин полиса (города и страны). Стоики рассматривали управляемый логосом космос как свою родину, к которой причастны все люди, свободные граждане и рабы, эллины и жители Востока. Все являются тем и другим — гражданами мира и гражданами города, у всех есть корни и крылья, все одинаковы и различны, все родом из определенного места и из космоса — одним словом, все живут в космополисе. Этот космополис в сущности мыслится как политическое единство, выходящее за пределы этносов, культур, религий и классов, как некое «вроде бы равенство» в смысле *rooted cosmopolitanism*³ [Cohen 1992, Beck 2002], т. е. в смысле локально укорен-

³ укоренившийся космополитизм (англ.).

ненного и ангажированного космополитизма. У кого больше опыта, кто смотрит дальше, тот одумывается и делает ставку на особенности своего существования. Прохождение через глобализм приводит к осознанию привычных горизонтов. Космополитическая идентичность не предает (как, прибегая к обману, утверждают адепты национального взгляда); напротив, она *способствует* обретению национальной и локальной идентичности. Под *космополитическим common sense*⁴ я понимаю вполне естественную в политическом и культурном смысле (но отнюдь не само собой разумеющуюся) способность одновременно ощущать и во всей полноте переживать внешне противоречащие друг другу идентичности и лояльности, не воспринимая это в самоосознании или в отношении к возможным «другим» как противоречие. Поэтому, например, о США говорят как о нации многих наций или нации многих народов, в которой (по крайней мере, в соответствии с господствующим идеалом) быть одновременно американцем и африканцем, американцем и ирландцем, испанцем, немцем, японцем и т. д. есть нечто само собой разумеющееся⁵.

⁴ здравым смыслом (*англ.*).

⁵ Джон Дьюи уже давно описал это космополитическое качество американского самосознания: «Such terms as Irish-American or Hebrew-American or German-American are false terms because they seem to assume something which is already in existence called America, to which the other factors may be externally hitched on. The fact is, the genuine American, the typical American, is himself a hyphenated character. Its ties not mean that he is part American and that some foreign ingredient is than addEd. It means that... he is international and interracial in his make-up. He is not American plus Pole or German. But the American is himself Pole-Jew – and so on». («Термин “американец ирландского (irish-american) происхождения” или “американец немецкого происхождения” (german-american) – неправильный термин, так как он предполагает, что уже существует нечто, называемое Америкой, к которой можно приладить другие факторы. Все дело в том, что настоящий, типичный американец уже является кем-то другим по происхождению. Это не означает, что он отчасти американец, с добавкой какого-то иностранного ингредиента. Это означает, что он по складу своему – существо межнациональное и межрассовое. Его формула не выглядит так: американец + поляк или немец. Сам американец – польский еврей и т. д.») (Цит. по: *Kallen H.*, 1924, 132f.) Насколько мало это подходит для Европы, показывает цитата из Ницше, которая и спустя 100 лет остается поистине сверхактуальной: «Благодаря болезненному отчуждению, которое пролегло между народами Европы и продолжает разделять их из-за безумия национализма, а также благодаря политикам, которые мало думают, но быстро действуют, которые сегодня с помощью национализма

Важно отделять этот способ инклюзивного различения от, на первый взгляд, такой же логической фигуры, т. е. от *дуализма христиан и язычников*. Христианское представление о человеке тоже снимает онтологическое различие, христианство ставит под сомнение, отрицает мифы о происхождении. В христианской вере утрачивают свое значение различия между расами, этносами, классами, полами и возрастами, они в христианской религиозной общине несущественны. Но в противоположность космополитизму, эта община требует от отдельного человека *признания* христианской веры. Место онтологического различения занимает обусловленное верой противопоставление христиан и язычников, которое *обновляет* различие «мы» и «варвары» на уровне крещения, обращения в веру и отлучения от церкви.

Напротив, инклюзивное различие между «мы» и «другие» по принципу «как..., так и» достигает двойного результата: во-первых, идея двойной родины имеет отношение ко *всем*, независимо от решений и различий. Тем самым предвосхищается идея всеобщих прав человека. Во-вторых, инаковость других не устраняется, как в (христианском) универсализме, а признается в рамках ощущаемого равенства. Признание инаковости других, включая возникающие в связи с этим реальные дилеммы, потенциалы насилия, а также соответствующее этому диалогическое воображение, составляет ядро космополитического самосознания и космополитического реализма особых (жизненных) историй.

В этом смысле выражение «гражданин мира» стало в Европе XVII–XIX веков модным словом. Шли споры о значении, необходимости и пользе взаимосвязи и взаимопроникновения космополитизма и нации, универсализма и партикуляризма. В этих спорах принимали участие (опять-таки до того как национализм завоевал умы и сердца людей) писатели, философы, обществоведы, экономисты, т. е. почти все лучшие умы Европы. Таким образом в донациональную эпоху были созданы и укоренены основы и интеллектуальные традиции *постнациональной, космополитической Европы*, которые сегодня, в век глобализации, необходимо заново открыть и оживить, направив против не-долгое время прoderжавшейся мечты о вечной нации⁶.

оказались на вершине власти и не подозревают о том, насколько проводимая ими политика разделения лишь необходимое промежуточное явление, — благодаря всему этому и еще кое-чему, что пока не поддается выражению в слове, сегодня не замечаются или ложно истолковываются недвусмысленные признаки, напоминающие о том, *что Европа хочет быть единой*» [Nietzsche, Bd. 2, 724].

⁶ Так, обновляется различие нации и космополитизма, мирового гражданства и патриотизма в связи с гётевским различением мировой литературы и нацио-

2. ОТКРЫТОЕ МИРОВОЕ СООБЩЕСТВО — ЭТО ВСЕ, ЧТО ВОСПРИНИМАЕТСЯ КАК РАЗДРАЖАЮЩЕЕ СЛЕДСТВИЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РЕШЕНИЯ

Джон Дьюи, следуя этой традиции, уже в 1927 году отправляется на «поиски условий, в которых Большое общество может стать Боль-

нальных литератур [Albrow, 1998, Jens, 1992]. В мае 1827 г. в статье Гёте, опубликованной в журнале «Kunst und Altertum» («Искусство и древность»), впервые появляется словосочетание «мировая литература», причем в конце переведенных отрывков из одного французского журнала. Журнал назывался «Глобус» («Le globe»), а его издатели в тогдашней Европе были известны как глобисты. Если принять во внимание ситуацию образованных сословий того времени, то можно сказать, что журнал имел глобальную направленность. Выходивший в издательстве Котта «Morgenblatt für gebildete Stände» («Утренняя газета для образованных сословий») сообщал 11 сентября 1824 г. из Парижа: «Вместо прекратившего свое существование “Фельетона” возник “Глобус”, выходящий через день и впервые в Париже регулярно ссылающийся на лондонскую “Literary Gazette” и итальянскую “Antologia”».

С 1826 г. Гёте внимательно следил за «Глобусом» и переводил для своих записных книжек отрывки из некоторых публиковавшихся там статей, к примеру следующий отрывок: «... но сегодня, когда благодаря добровольно возникающим движениям и вопреки противоположным усилиям правительств народы устраняют все препятствия в поисках взаимного сближения; сегодня, когда нации склоняются к взаимовлиянию, образуют своего рода общность одинаковых интересов, одинаковых привычек и даже сходных литератур, они должны, вместо того чтобы вечно обмениваться насмешками друг над другом, взглянуть на себя с высшей точки зрения...» «Народы, которые взаимно сближаются», «одинаковые привычки» — похоже, мы здесь имеем дело с ранней формой глобализации.

В мае 1827 г. Гёте вставил в журнал «Искусство и древность» отрывки из рецензии на французский перевод его пьесы «Тассо», опубликованной в «Глобусе». Он пишет, что приводимые им отрывки из французской прессы не должны способствовать распространению его собственной славы: «Повсюду можно услышать и прочитать о движении вперед рода человеческого, о новых воззрениях на мир и отношения между людьми. Как бы ни обстояли дела в целом, исследовать и точнее определять которые не моя задача, я со своей стороны хочу все же обратить внимание моих друзей на то, что, по моему убеждению, образуется всеобщая мировая литература, в которой нам, немцам, предназначено играть почетную роль». Это определение мировой литературы еще не отличается от канона, от того, что книги, написанные на одном языке, переводятся на другой язык. Годом позже Гёте уточняет свое понимание мировой литерату-

шим сообществом»⁷. Он ставит вопрос: какое значение для действий индивида имеют политика и открытость, которые (и тут его тезис об-

ры, причем делает это в поздравительном адресе собравшимся в Берлине естествоиспытателям: «Если мы решились провозгласить европейскую и даже всеобщую мировую литературу, то это не означает, что различные нации должны узнавать друг о друге и о достижениях друг друга, ибо в этом смысле мировая литература существует уже давно, развивается и более или менее обновляется. Нет! Речь идет скорее о том, чтобы живые и умершие литераторы знакомились друг с другом и, благодаря взаимной склонности и чувству солидарности, ощущали потребность влиять на общество». Отсюда следует, что мировая литература включает не только беллетристику, не только триаду — лирику, эпос и драму. Похоже, к мировой литературе причисляются ученые всех мастей. Но этим гётевское понятие мировой литературы еще не получает адекватного определения. Мировая литература в его понимании возникает, когда литераторы знакомятся с творчеством друг друга и ощущают потребность в солидарной деятельности на пользу общества.

Но и это определение еще не дает полного ответа на вопрос о том, что Гёте понимал под мировой литературой. За год до смерти, 25 апреля 1831 г., он различал в том, что сегодня можно было бы назвать проектом речи канцлера Мюллера, три эпохи общительного образования. После третьей, более общей эпохи идет четвертая, последняя: «Чтобы эта [более общая] эпоха стала универсальной, требуется удача и благосклонность... Мы добросовестно поощряли долгие годы развитие этих эпох; поэтому требуется высшее вмешательство, чтобы воздействовать на то, что мы сегодня переживаем, — объединение всех образованных кругов, которые пока только соприкасаются друг с другом, признание единой цели, убеждение в необходимости быть в курсе современных событий в реальном и идеальном смысле».

Мировая литература, которую в течение столетий возвышали, оспаривали или с презрением отвергали, таким образом, оказывается, если следовать ее зачинщику, так называемому классику Иоганну Вольфгангу Гёте, не чем иным, как необходимостью для каждого отдельного человека «быть в курсе современных событий, в реальном и идеальном смысле». Иными словами, мировая литература существует тогда, когда отдельный человек интересуется состоянием мира. Именно Генрих Гейне видел в спорах о космополитизме *вклад* немцев в политические дебаты своего времени. И именно он сказал: «Когда это сосуществование и противостояние космополитизма и национализма в Германии будет забыто, тогда ей придется худо». Точно так и случилось. Национал-социалисты на всех тех, кого они собирались истребить в газовых камерах, т. е. евреев, коммунистов, цыган, навешивали этикетку «космополит».

⁷ John Dewey (1996, 128); см. об этом также Hans-Peter Krüger (1996).

ретают актуальность для космополитической констелляции) не обусловлены с точки зрения общества ни естественным правом, ни этносом, ни национальной принадлежностью? В поисках открытости, закрепленной в действиях индивида и одновременно транснациональной, он предлагает двойственный подход: во-первых, он различает (выражаясь в терминах политологии) сплывающие народы *решения* и, во-вторых, *последствия* этих решений. С этим он связывает гипотезу, согласно которой открытость общества возникает всегда только при пристальном внимании со стороны СМИ, причем не из внимания к сплывающим народы решениям, а из последствий этих решений. Решения сами по себе оставляют людей равнодушными. Только восприятие, информация об их проблематичных последствиях нервует, пугает, возбуждает людей, выводит их из состояния равнодушия, из эгоизма собственной жизни и побуждает к общности и коллективизму открытого пространства действий. Масштабы этого пространства напрямую зависят от озабоченности последствиями и информации о последствиях. Это вариант скептической мысли, сформулированной Эпиктетом, – не поступки потрясают людей, а публично сказанные слова об этих поступках.

Люди, как аргументирует Дьюи, объединяются по самым разным причинам. Но ни один элемент или сумма их социального действия не приводит к открытому осмыслению их действий. Оно возникает «только тогда, когда *воспринимаются* и становятся объектом желаний и устремлений последствия взаимосвязанных действий, точно так же как “я” и “мое” появляются только тогда, когда настаивают на особом участии во взаимной деятельности. Какими бы органичными по своему происхождению и постоянными по воздействию ни были человеческие ассоциации», они способствуют развитию качества рефлексивной открытости только в том случае, если их последствия, когда они осознаются, ценятся, становятся предметом желания «или же вызывают опасение и стремление от них избавиться» (1996, 131; см. также *Hans-Peter Krüger* 1996).

На вопрос о том, в какой мере политическая деятельность становится возможной в мультиэтническом, транснациональном, космополитическом контексте, Дьюи отвечает так: политика, ее связующая сила, ее сенсорные возможности, ее нервная система, которые порождают предупредительность, нравственность и готовность к действию, вырабатываются *только* в публичном осмыслении последствий. Радиус этого осмысления возникает и исчезает не в национальных границах; *открытое мировое сообщество – это все, что воспринимается как раздражающее последствие цивилизационного решения*. Одним словом, это

риск, точнее, восприятие риска, которое поверх всех границ создает открытость. Чем больше, благодаря СМИ, ощущается вездесущность угрозы, тем сильнее взрывная, разрушающая границы политическая сила восприятия риска. Додумав эту мысль до конца, можно сказать: повседневное пространство опыта человечества возникает не как любовная связь всех со всеми; оно возникает и существует в воспринимаемых бедах глобальных последствий цивилизационной деятельности. Другими словами, это рефлексивность мирового общества риска, которое устанавливает взаимосвязь между открытостью общества и глобальностью. Поверх всех национальных границ и окопов вместе со сконструированной и принятой планетарной дефиницией угрозы создается общее пространство ценностей, ответственности и деятельности, которое, по аналогии с национальным пространством, *может* (но не обязано) способствовать политическому взаимодействию между разными народами. Это происходит в том случае, когда признанная дефиниция угрозы ведет к глобальным нормам, переговорам и совместным действиям.

При этом важен и обратный ход мысли: определения риска всегда спорны. Если они создают общность, то это предполагает наличие общих оценочных горизонтов, т. е. в разделенных по принципу культурной принадлежности (социально сконструированных) дефинициях риска создаются также обязательная, с *транснациональной* и социальной точки зрения, близость и нормативность. Ибо рефлексивность риска ставит на транснациональном уровне вопрос о взаимных обязательствах: от кого я могу ждать помощи в случае провала? К кому я должен прийти на помощь, если он попадет в беду или окажется в опасности? Каким образом можно институционализировать эти нормы, с одной стороны, транснациональной справедливости, а с другой — превентивного попечительства? Открытость в смысле ограниченной *разговорами* рефлексивности только тогда обретет *политический* характер, когда она приведет к практическим действиям.

Связанное с цивилизационными последствиями открытое общество возникает еще и потому, что в нем находит выражение нервующий, сбивающий с толку, угрожающий аспект (он тоже включен в понятие риска). То, что показано для современных национальных государств (они могут поддерживать форму только благодаря постоянной информации об угрозах), похоже, сохраняет силу и для еще не оформившегося планетарного нормообразования. *Осознание глобальных норм, побуждающее к политическому действию, возникает в виде побочного продукта их собственной уязвимости.*

Прежде всего холокост открыл глаза на пропасти цивилизационного варварства и заставил говорить о космополитических ценностных масштабах, превратившихся в глобальный моральный горизонт «искупления» [*Sznajder* 2000, *Levy/Sznajder* 2001]. «Парадоксальным образом невообразимость холокоста ведет к его деконтекстуализации, и он может стать моделью для добра и зла, вины и невинности. Тем самым холокост образует глобальную исходную точку памяти. Эта рефлексивная форма воспоминания есть необходимая предпосылка для перехода от национально-государственной памяти к памяти космополитической. Американизация холокоста играет в двойном смысле центральную роль. Во-первых, американский медийный ландшафт трансформирует холокост в потребляемый продукт; во-вторых, он трансформирует холокост в универсальную заповедь, которая позволяет превратить всеобщие права человека в политически актуальное понятие в сознании людей, участвующих в этом новом воспоминании. Этим мы, разумеется, не собираемся разделять наивную веру в то, что политики США руководствуются императивами, основанными на правах человека. Но в то же время мы не хотим разделять широко распространенную веру в то, что политические интересы и чувства (как в случае с правами человека) взаимно исключают друг друга. Скорее, речь идет о том, чтобы показать, как американизация холокоста способствовала переводу этого события на уровень глобально значимой ценности. Этот перенос специфического (в историческом отношении) холокоста на уровень глобализированной, ориентированной на будущее политики, на основе которой нарушение прав человека может быть обжаловано в любом месте мира (что в свою очередь послужит предотвращению новых холокостов), влечет отказ от локализации политического суверенитета. Это означает, что американизация холокоста есть одновременно и его космополитизация. То, как государство обращается со своими гражданами, стало частью интереса всего человечества, и конфликт международного права, которое гарантирует государственный суверенитет, с правами человека, которые этот суверенитет ограничивают, означает новейший этап развития» [*Levy/Sznajder* 15of.]. Точно так же атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, как и случившаяся по иной причине катастрофа реактора в Чернобыле, вынудили государства объединиться в сообщество по устранению последствий и побудили к заключению договоров (хотя и недостаточных) о нераспространении атомного оружия. Полицейская интервенция НАТО в Сербии, направленная на предотвращение геноцида албанцев в Косове, создала и обострила сознание и понимание того, что только всемир-

ное гражданское право может создать предпосылки к тому, чтобы выступление в защиту преследуемых людей и народов не оставалось больше только делом морали⁸.

Все эти примеры показывают, что глобальность пространства опыта возникает, во-первых, из разрушения норм, обеспечивающих моральное выживание всех; и во-вторых, из воспринятых последствий для всех и, стало быть, для каждого. Космополитическая впечатлительность и нравственность ни в коем случае не появляются автоматически вместе с глобализацией мира; для этого необходимо сознание, что твое собственное выживание и выживание всех не отделимы друг от друга. Всеобщий ужас перед глобальными последствиями социальных решений и возникающее при этом обостренное сознание норм, вполне возможно, создадут задним числом социально-полити-

⁸ Юрген Хабермас аргументирует следующим образом: «Ибо желаемое установление мирового гражданского режима означало бы, что нарушения прав человека не осуждались бы непосредственно с моральной точки зрения, а преследовались бы как преступные деяния внутри государственного правового порядка. Радикальное подчинение международных отношений действующему праву невозможно без выработки методов разрешения конфликтов. Именно институционализация этих методов защитит юридический корректный подход к нарушениям прав человека от морального неразличения права и предотвратит непосредственно проявляющуюся дискриминацию “врагов”. Такое состояние также недостижимо без монополии мирового государства на силу и без мирового правительства. Но для этого необходимы, по меньшей мере, действующий Совет Безопасности, обязательное судопроизводство уголовного суда и дополнение Генеральной Ассамблеи ООН, состоящей из представителей правительств, “вторым уровнем” представительства граждан мира. Поскольку такая реформа Объединенных Наций – дело довольно отдаленного будущего, ссылка на различие между подчинением праву и морализацией остается хотя и верным, но обоюдоострым возражением. Ибо пока права человека относительно слабо институционализированы на глобальном уровне, граница между правом и моралью, как в данном случае (имеется в виду военное вмешательство НАТО в конфликт в Косове против Сербии. – У. Б.) останется размытой. Поскольку Совет Безопасности блокирован, НАТО может ссылаться только на моральные требования международного права – на нормы, для которых не существует эффективных, признанных мировым сообществом инстанций применения и использования права. Недостаточная институционализация мирового гражданского права выражается, например, в ножницах между легитимностью и эффективностью миротворческой интервенции» [*Habermas 2000, 60*].

ческую основу действия⁹. В пользу того, что глобальность сознания последствий действительно приводит к политическому взаимодействию разных наций, говорят по крайней мере три фактора: институционализация глобальной морали холокоста, наднациональные правительственные организации и суды, а также международные НПО¹⁰.

⁹ Николас Луман приводит следующий аргумент: «Юристы по привычке полагают, что нарушение нормы может быть зафиксировано только тогда, когда эта норма уже существует. Социологи права, и прежде всего антропологи права, признают возможность и противоположного случая: нормы возникают, когда не оправдываются ожидания и в результате сенсационных происшествий становится ясно, что это неприемлемо. Это относится, например, к попыткам в тюрьмах, к политическим убийствам; быть может, скоро будет относиться и к инцидентам с отягчающими последствиями, направленным против атомной безопасности или против минимальных условий экологической безопасности. Это относится сегодня к так называемым *ethnic cleaning*, этническим чисткам, к выселению больших групп населения с их исконных мест проживания, что в огромных масштабах практиковалось еще в 1945 году без каких-либо озвученных сомнений правового характера. Это относится и к уголовному преследованию за военные преступления — независимо от того, существовал ли к моменту совершения противоправного деяния в уголовном праве того или иного государства соответствующий закон (т. е. с очевидным нарушением существующего правила, что уголовный закон не имеет обратной силы действия). Можно наблюдать возникновение норм во всем мире; вероятно, этика — неподходящее название для этого, ибо речь ни в коем случае не идет только о проблемах совести или морали; речь идет о своего рода праве, способ санкционирования которого еще предстоит найти». Можно бы даже сказать, что речь идет о космополитическом режиме, нормативность и обязательность которого освещается и устанавливается в его обсуждаемых мировой общественностью нарушениях [*Luhmann Niklas* 1999, 252].

¹⁰ Так, в 1909 году было примерно 37 наднациональных правительственных и 176 НПО, в то время как в 1989 году в транснациональном пространстве действовало примерно 300 наднациональных правительственных и 4624 НПО. В середине XIX века проходили две или три конференции (съезды), организованные и профинансированные наднациональными организациями; в 1998 году состоялось ровно 4000 таких мероприятий. Когда представляешь себе многообразие дискуссий на конференции 1992 года по проблемам земного климата (Рио-де-Жанейро) или на конференции 1995 года по правам женщин (Пекин), то уже один факт созыва этих конференций — а не только их возможные неудачи — свидетельствует о связующей силе сознания риска (см. об этом: *Held u. a.* 1999).

3. КОММУНИТАРИСТСКИЙ МИФ

Широкое осознание социальной рефлексивности грозящих человечеству опасностей одновременно устраниет то, что можно назвать *коммунитаристским мифом*, т. е. *сначала* должны быть в наличии общественные связи и только *потом* в этих национальных или этнических, территориально *ограниченных* рамках и пространствах станет возможной политическая деятельность. Этот временной и логический приоритет заданной общности, якобы являющейся единственной формой, в которой возможна сначала общественная и только потом и благодаря этому политическая деятельность, путает отсутствие связующей силы решений и коллективного действия как такового с политизирующим воздействием воспринимаемых опасностей.

Методологический национализм основывается на *фиксации* не только государственного, но и *этнического* начала. Национальная социология, опираясь на мнимую заданность и приоритетность общности, которая создает политическую идентичность для политических действий индивидов, приходит к ложному выводу: она отворачивается от задаваемого Дьюи вопроса о том, может ли быть *независимой* общественная открытость (и тем самым политическая деятельность) от предварительных эссенциалистских решений. Коммунитаристский миф, таким образом, ведет к параличу мысли, из-за чего не видно главного — как, собственно говоря, создаются общественное транснациональное пространство и политика действенной опеки и обязанностей индивидов. Если принцип коллективности не вытесняется, то не разрушается и политическое действие. Вероятно, возникает новая форма одновременно индивидуализированной и глобализированной общности риска, которая рождается (при соответствующих условиях в мировом масштабе) из конфронтации модерна с произвольно вызванными им самим же последствиями и угрозами.

Ключевое возражение против теории национального подхода и национального государства одновременно вскрывает и *монологически-национальный самообман* этого метода: история насилия, мифы, кажущиеся ценности национальной идеи возникали, *пересекая* границы, *нарушая* границы, т. е. они всегда *транснациональны*, и в конечном счете могут быть реконструированы и поняты только в рамках космополитического взгляда. Национальная история, если она не удваивает национальное право, есть история *транснациональная*, кровавая история империализма, колониализма, порабощения, войн, нападения и защиты, история обществ-преступников, которые видят в себе вечных жертв. Только тот, кто отходит от национально-государственной

парадигмы, в состоянии понять скрытую транснациональность национального сотворения мифов. Расшифровка национализма и его государственной идеи возможна только в рамках космополитического объяснения сути дела. Только постнациональная и транснациональная смена перспективы может соответствующим образом реконструировать и деконструировать национализм как глобальный принцип наведения порядка XIX–XX веков. Образ эгоцентричного, интровертивного национализма, который, анализируя его на собственной базе, создает Энтони Смит (1995), – это ложное, отражающее только одну сторону понятие, упускающее из виду имперский интеграл. Национально-государственный модерн есть экспансионистский проект, эмоциональная и политическая сила которого вытекает из постоянного нарушения границ – нации, рынка, науки, техники. Энтони Смит совершенно не замечает, что кровавую историю и политическую активность национальных обществ можно понять только с точки зрения постнационального столетия, его истории и социологии и что только через такое объяснение национализма можно прийти к *главному методологическому проекту космополитического просвещения*. Если и возможны немецко-еврейские, немецко-французские, француско-алжирские, британско-индийские, североамериканско-южноамериканские, польско-русские, японско-китайские и т. д. проекты взаимопонимания и институционализированные, диалогические форумы воспоминаний, где *можно было бы* раскрыть, распутать и, может быть, даже устранить травмы и мифы национальной эпохи, то только возвращаясь к начальным этапам, когда складывались эти отношения.

Для этого нужна *метаточка зрения*, в которой национальные точки зрения могли бы сравниваться и меняться местами таким образом, чтобы каждую из них можно было поставить в определенный контекст, используя при этом систематическую смену перспектив. Только так будет возможно открыть друг для друга изолированные монологи национальных обществ, в которых постоянно повторяются и закостеневают стереотипы своего и чужого, а также осознать особость, своеобразии собственной точки зрения.

«Освобожденная из национального контейнера “история” может уже и не быть славной историей. Скептически рассказанная история неожиданно подчеркивает былую несправедливость собственной нации. Появляется чувство вины. Космополитическая память означает, наряду с прочим, необходимость признать и включить в свою историю также историю (и историческую память) “других”. Такой угол зрения оттесняет историю уверенной в своей правоте нации на задний план. Героическая история Первого модерна – это история “дея-

тельных” преступников. Напротив, история Второго модерна становится историей “бездеятельных” жертв. Им причиняют или причинили зло, и это дает им право на моральное превосходство. В Первом модерне различие между памятью преступников и памятью жертв было важным аспектом взаимного непонимания и служило отграничению одних от других. Во Втором модерне осуществляется компромисс, основанный на взаимном признании истории другого. Именно этот акт примирения становится главным переживанием памяти. Речь во многих отношениях идет уже не о несправедливых деяниях как таковых (так как пострадавшие чаще всего уже стали жертвами биологического времени), а о том, как их потомки обойдутся со своими историями и своей исторической памятью. Иными словами, приобщение другого смягчает различие между памятью виновников и их жертв. Остается только память об общей истории. Не общность судьбы, порожденная удобными кому-то мифическими представлениями и служащая продолжению прежнего процесса, а осознанное, добровольное приобщение к страданиям другого создает космополитическую память о прошлом. Таким образом, из коммуникации и взаимозависимости возникает новая морально-политическая ответственность. И не только это: возникают новые космополитические установки Второго модерна. Космополитическая память как эпистемологическое начало ставит под вопрос так называемый методологический национализм» [*Levy/Sznajder 2001: 236 f.*].

Космополитический режим означает в этой связи, что национальные монологи о принесенных жертвах, отмечаемых как праздники национальной исторической памяти, заменяются транснациональными формами, диалогами и форумами памяти, которые позволяют прийти к взаимному открытию глубинной сути нации — ее мифотворчества. Национальный модерн, ориентированный на фиксацию однородности, предельно умаляя образующую идентичность силу межнационального, межэтнического, межрелигиозного диалога — силу, часто мучительную и парадоксальную, диалогической фантазии. Именно эту силу проверяет и учреждает космополитический взгляд. Это значит, что национальные пункты произвольно превращаются в интернациональные, в пункты, где должны создаваться условия для встречи и обеспечиваться публичность этого процесса. Необходимы транснациональные организации, объединенные общими интересами, и национально-интернациональные всемирные партии или же соответствующим образом переориентированные и реорганизованные партии, которые отражали бы и укрепляли пространство транснационального опыта и горизонты транснациональных ценностей. Тесное сближение

чужих идентичностей является неисчерпаемым источником креативности и конфликтов. Без испытания способов урегулирования транснациональных конфликтов *в центре* национально-государственных, политических и корпоративных организаций может возникнуть угроза предстоящей нам фазы появления рефлексов ренационализации или вступления в постполитическую эру высокой технократии.

4. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ КАК ИСТОЧНИК ОШИБОК

Существует пять систематических ошибок методологического национализма, которые обнаруживает и исправляет Новая критическая теория, на которых она проверяет свой теоретический уровень и доказывает свою эмпирическую плодотворность.

Во-первых, это самовольное включение в социологическую перспективу наблюдения и анализа границ, категорий, представлений об общественном устройстве и вариабельности, присущих национальному взгляду. Приведем пример. Если политика и общество отказываются от границ и разгосударствляются, то в результате то, что считалось по отдельности национальным и интернациональным, становится неделимым, а кажущаяся однородность, т. е. священное средоточие национально-государственного пространства власти, становится непосредственным полем интервенций со стороны интернациональных, наднациональных и транснациональных акторов, организаций и «кризисных происшествий». Больше нельзя делать вид, будто, например, национальные неравенства и конфликты поддаются анализу с помощью национальной методологии, как нельзя исходить из того, будто акторы, темы, бюрократические системы и властные органы внутренней политики совпадают с акторами, темами, бюрократическими системами и путями влияния, что молчаливо допускается национальным взглядом и методологическим национализмом. Новая критическая теория, напротив, концептуально показывает, что классические границы между внутренней и внешней политикой размываются и стираются, что отдельные политологические дисциплины, такие как международная политика и национальная наука управления, освобождаются от догм национального взгляда и объединяются и что наука управления должна быть создана заново, под космополитическим углом зрения. Такие, с классической точки зрения, внешние факторы, как глобальные риски, глобальные нормы, наднациональные акторы, условия жизни и нарушения прав человека в Африке и арабском мире, ста-

новятся внутренними вариантами и должны быть поставлены в систематическую взаимосвязь с их отражением в национальной общественности, в политике национальных и интернациональных объединений, НПО и т. д., «и при этом должна быть преодолена ориентация исследования международных отношений на государство». Перед лицом факта, что «управление во все большей мере происходит в “пространстве без границ”, постоянно критикуемое, но все еще характеризующее эту дисциплину разделение между внутренней и внешней политикой, между наукой управления и международными отношениями можно считать окончательно устаревшим. Речь идет не только о том, чтобы включать национальные факторы объяснения в анализ интернациональных политических процессов или подчеркивать важность интернациональных доминант в национальном политическом процессе, как это не раз делалось в прошедшие годы; а о том, чтобы поставить под вопрос само деление политики на внутреннюю и внешнюю. Требуется понимание того, что такие традиционные понятия, как “внутренняя политика” и “внешняя политика” или “общество” и “государство” все меньше годятся для аналитического подхода к вызовам, связанным с глобализацией и “управлением без границ”» [Grande/Risse 2000, 251 f.].

Во-вторых, это ошибки, заблуждения и искажения национального и национально-государственного центризма. Здесь важно представить себе кажущуюся невозможной возможность следующего: то, что в национальной перспективе предстает распадом и гибелью, с космополитической точки зрения может рассматриваться и анализироваться как вклад в новый порядок. Хотя денационализация экономики подрывает способность национального государства к самостоятельной политико-экономической деятельности, она же может стать важным шагом к транснационализации этого государства. Денационализация государства содействует национальной плюрализации общества и тем самым, возможно, космополитизации государства. Точно так же денационализация права может привести к разнообразным формам транснационализации и космополитизации права и государства.

Мы, разумеется, не утверждаем, что это обязательно произойдет и уж тем более что крах национально-государственного устройства станет *причиной* установления космополитического режима. Но совершенно ясно, что расширение поля зрения и взаимодействие национальной и космополитической точек зрения играют в этом процессе центральную роль. В незыблемом методологическом национализме процессы и феномены, выходящие за его рамки, обязательно

игнорируются или рассматриваются как распад, в то время как в космополитической перспективе, по крайней мере, может и должен ставиться и исследоваться вопрос возникновения нового строя, т. е. не является ли кажущийся крах существенным элементом трансформации. Вполне возможно также, что кажущиеся непоколебимыми результаты исследований, достигнутые на основе опыта национального государства, нельзя переносить на транснациональное пространство опыта. Благодаря переплетению политики в национальном и транснациональном пространстве власти могут проявиться *противоречивые* качества и функции, когда в национальном масштабе способность к действиям уменьшается, а в транснациональном — увеличивается (см. об этом с. 332 и сл.).

В-третьих, это неисторичность и абстрактность государства и понятия государства. То новое, что открывает космополитический взгляд и ради чего следует открывать теорию политического действия, заключается в глобализации контингентности [Palonen Karl 1998]; точнее, *контингентизации национальной политики*; более того, понятия государства и политики через посредство экономической, культурной и политической глобализации. Так называемым побочным последствием глобализации удается извне и в широких масштабах добиться того, чего революционные движения не добивались изнутри и что было немислимо для Макса Вебера, а именно прорвать железный футляр национально-государственной зависимости и открыть путь к политике. «Это новое изобретение политики не должно ограничиваться национальным уровнем и сферой политики социального государства. Примеры глобализации и политизации встречаются также в области защиты прав человека и окружающей среды. В обеих сферах глобализация социальных движений гражданского общества и негосударственных акторов (НПО) создает предпосылки для проникновения международных норм во внутреннюю политику¹¹... Вполне можно допустить, что дни иерархически структурированного национализма сочтены и что, напротив, организация политического господства на основе международных взаимосвязей и взаимозависимостей, при которых национальные государства упраздняются, откроет новые возможности действия в глобализированной экономике и культуре» [Grande/Risse 2000, 241, 245]. Это, однако, не означает, что государство перестает играть какую-либо роль, но эта роль государства остается неясной и открытой для разных государств — конкурентного, неолиберального, неона-

¹¹ Ср.: Keck/Sikkink 1998; Risse et al., 1999; Beetham 1995.

ционального, государства, существующего только как название, глокального, космополитического государства и т. д.

В-четвертых, следует проводить четкое различие между национально-государственной и государственной ориентацией. Новая критическая теория выступает против разгосударствления политического мышления и ищет предпосылки и возможности *самостоятельного перехода государства в государство космополитическое.* Такая постановка вопроса разными способами подменяется посредством:

- *неолиберального подхода*, согласно которому государство не отмерло; напротив, оно располагает возможностью внутренней трансформации, но использует ее односторонне – в плане приспособляемости к мировому рынку, например, через приватизацию (трансферт состояний и контроля за такими сферами общественных услуг, как здравоохранение, транспорт и телекоммуникация в частные руки) или дерегулирование (разрушение национальных границ и линий защиты при движении капиталов и финансовом обмене); эта позиция удивительным образом сближается с точкой зрения ее решительных критиков, а именно с точкой зрения представителей *международной политической экономики*. Здесь тоже доминирует примат экономизации: если национальное государство хочет выжить в глобальной рыночной экономике, оно должно превратиться в экономическое государство, конкурентоспособное государство, неолиберальное государство. Чем сильнее национальное народное хозяйство интегрировано в глобальные рынки, тем больше плата за экономическую политику, ориентированную ради достижения полной занятости не на либерализацию и дерегулирование, а на экспансионистскую денежную и фискальную политику¹²;
- *подчеркивания governance* (управления) в противоположность *government* (правительству), а также *ставки на глобальное гражданское общество* с целью демократизации наднациональной власти и господства и – как *deus ex machina* – для решения глобальных проблем.

В-пятых, национальная оптика искажает взгляд на ключевой вопрос: каковы основы легитимации, необходимой для трансформации правил игры в эпоху перехода от национального к космополитическому модерну? Или, формулируя вопрос по-другому, какие доводы приведут в свое оправ-

¹² Gill 1995; Strange 1996; Narr/Schubert 1994; Hirsch 1995; Altvater/Mahnkopf 1996; Schirm 1999.

дание наднациональная власть и господство?¹³ Методологический национализм проецирует свое понимание легитимности на новые, транснациональные уровни формирования власти и ее антагонистов. Отсюда легитимность наднациональной власти есть легитимность, *производная* от национально-государственного устройства. Наднацио-

¹³ Андре Гунтер Франк в своей захватывающей книге «ReOrient: Global Economy in the Asian Age» (самой, кстати, решительной и тщательно аргументированной работе, направленной против воззрений Маркса и Вебера, какая когда-либо попадалась мне в руки) показывает, что отождествление историографии с национальной историографией ведет к сходным ошибкам и заблуждениям, которые можно систематически раскрывать и исправлять только в рамках *всемирной* историографии. Правда, чтобы избежать недоразумений, следует отметить, что называемое Франком глобальной перспективой, *не совпадает* с тем, что я называю космополитической перспективой. Она не обязательно должна быть глобальной, а может быть транснациональной, глокальной и т.д. Обосновывая свою глобальную перспективу, Франк указывает на то, что методологический национализм (выражаясь моим языком) запутывается в двух источниках ошибок. Во-первых, он раз за разом делает один и тот же *ложный* вывод о *внутренней* причинной зависимости; во-вторых, он сводит варианты исторического развития к «или-или»: эволюция или упадок. «Принципиальная цель в том, чтобы показать, почему нам необходим глобальный взгляд и подход, который позволит нам анализировать не только историю мировой экономики, но также отдельные ее регионы и особенно секции, районы и страны внутри глобального целого, частью которого они являются. Говоря конкретно, нам необходима глобальная перспектива, чтобы заметить, понять и объяснить — одним словом, воспринять — то, что кроется за формулами типа “подъем Запада”, “развитие капитализма”, “гегемония Европы”, “подъем и упадок великих держав” (включая Великобританию, Соединенные Штаты Америки и бывший Советский Союз), “превращение в третий мир Лос-Анджелеса”, “восточно-азиатское чудо”... Ни одно из этих событий или развитий не было обусловлено структурами и действиями, которые можно понять изнутри. Все они были частями или моментами структуры и развития единой мировой экономики» (4). Франк ставит созданное Европой представление о себе и о европейской социологии с головы на ноги: «... Это был мир, сотворенный Европой» (3). «Европа забралась на спину Азии, потом встала ей на плечи — временно» (5). В то же время всемирно-исторический анализ Франка показывает, что (опять-таки выражаясь моим языком) различие между методологическим национализмом и космополитизмом является различием между *ложной* и *правильной* историографией и не относится к нормативным или политическим вопросам.

нальное господство мыслится и легитимируется как национально-государственное господство. Моделью служат теории договора; в соответствии с ними легитимность наднациональной концентрации власти возникает из договоров, заключаемых между предполагаемыми национально-государственными субъектами. Но, таким образом, методологический национализм игнорирует ключевой вопрос о том, как при переходе от национальной эпохи к космополитической происходит *смена легитимационных основ политического действия*. Режим мирового гражданства *не есть* возведенный на более высокий уровень национально-государственный режим; во всяком случае, не обязательно становится таковым даже чисто эмпирически. Но отсюда вытекают щекотливые проблемы: какой вид легитимности может потребоваться режиму, который, с одной стороны, внутренне меняясь, функционирует под видом узаконенного национально-государственного господства, но с другой стороны, считается не только партикулярно-территориальным (как национальная форма господства), но универсально-глобальным образованием? Совместимо ли транснациональное право, опирающееся на космополитический режим, с идеей демократии; не ставит ли оно на ее место другие модусы легитимации, например идею самообоснования?¹⁴

Поэтому необходима смена парадигмы, характеризующаяся такими противоречащими национально-государственному статусу понятиями, как *интернациональный* и *космополитический*. Как следствие этого различия возникает новый образ мира. Национальный космос распался на четко определяемый внутренний и внешний, в центре которого правит и устанавливает порядок национальное государство. Во внутреннем пространстве опыта воспринимаются и разрабатываются темы труда, политики, культурной идентичности и вытекающие отсюда конфликты в рамках нации, учреждающей коллективное единство действий. Внешнее, интернациональное пространство опыта соответствует образу мультикультурализма, в котором, отграничиваясь от чужого и снимая эти границы, отражается и утверждает себя национальное самосознание. Различение между национальным и интернациональным, следовательно, всегда было чем-то большим, чем просто различие; оно, скорее, действует перманентно, как подтверждающее себя пророчество.

Антитеза космополитического взрывает эти смысловые рамки изнутри. В перспективе методологического космополитизма вдруг становится ясно, что национальное нельзя четко отличить от ин-

¹⁴ Этот вопрос будет рассмотрен в последней главе.

тернационального, на этом пути можно отграничить друг от друга однородные образования. Таким образом, источник власти национального государства размывается изнутри и снаружи, и возникают новая оптика, новая перспективность пространства и времени, новые координаты социального и политического аспектов, новый образ мира, оправдывающий новое эпохальное понятие – Второй модерн (табл. 3).

Что отличает Второй модерн от постмодерна? Пишущие о постмодерне делают упор на *устранении* границ – благодаря «networks»¹⁵ (Кастеллс), «flows»¹⁶ (Бауман), «scapes»¹⁷ (Аппадурай). Напротив, теория Второго модерна ставит в центр вопрос о том, как перед лицом неопределенности государственного суверенитета возникают другие, специфические для данного контекста, т. е. изменяющиеся, множественные пограничные конструкции? Космополитическая перспектива, таким образом, *противоречит* постмодернистскому устранению границ. Но именно там, где мир лишается границ, где стирается различие между национальным и интернациональным, *нужно* не в последнюю очередь решать вопрос о том, кто должен принимать решение и нести за него ответственность [Beck/Bonss/Lau 2001]. Это разграничение между национальным и транснациональным принятием решения и ответственностью за него становится неоднозначным. Бывают специальные наделения ответственностью (ad-hoc-Zurechnung), произвольные наделения, множественные компетенции и т. д., а также политические инструменты их осуществления. Существенно то, что эта *транснациональная метаполитика множественных границ*, эта диалектика космополитизации и денационализации стратегий не попадает в поле зрения, не расшифровывается и систематически не изучается ни в национальной, ни в постмодернистской перспективе; это становится возможным только в перспективе космополитической.

Однако парадигматическое противоречие между (интер) национальностью и космополитизмом служит обоснованием не логической или временной исключительности, а отнюдь не мирного сосуществования переходного периода, своеобразной одновременности неодновременного. Его не следует понимать как игру с нулевым балансом – что теряется в национальном масштабе, выигрывается в космополитическом, и наоборот.

¹⁵ социальным сетям (англ.).

¹⁶ потокам (англ.).

¹⁷ разветвлениям (англ.).

То же самое относится и к конфликтам между полами, классами, этническими образованиями, лицами традиционной и нетрадиционной половой ориентации; хотя эти конфликты зародились в национальных рамках, в действительности они давно уже вышли за их пределы, переплелись и обрели транснациональный характер. Очевидна также космополитизация социальных движений, как и тот факт, что эти движения стали носителями глобального сознания, глобальных ценностей, конфликтов, требований, прав и обязанностей.

Таблица 3. Смена парадигмы социальных наук от Первого ко Второму модерну

	<i>Первый модерн методологического национализма</i>	<i>Второй модерн методологического космополитизма</i>	<i>Постмодерн: методологический нигилизм</i>
<i>Граница</i>	Совмещение границ: национальное различие доминирует, охватывая все темы, внутри и вовне; политическое членство задано и эксклюзивно	Политика границ: внутреннее и внешнее смешиваются в соответствии с тематической спецификой; границы каждый раз проводятся и утверждаются заново; избираемое множественное политическое членство	Ликвидация границ: «networks», «flows», «scapes»
<i>Класс/ социальное неравенство</i>	Ориентированная на государство национальная социология: социальные неравенства тематизируются только и исключительно в национально-государственных рамках — «консонантная иерархия»; этнически-национальное различие мобильности и миграции	Разгосударственная транснациональная социология: социальные неравенства тематизируются в многомерных рамках мирового общества: (а) глобально, (б) транснационально, (в) интранационально; «отклоняющиеся/диссонантные иерархии»; «миграция» = растущая в масштабах мирового сообщества мобильность	Культурная теория глобальности; глобальная индустрия культуры, локальные исключения («useless room»)

	<i>Первый модерн методологического национализма</i>	<i>Второй модерн методологического космополитизма</i>	<i>Постмодерн: методологический нигилизм</i>
<i>Этничность/ культура</i>	Гегемониальная культура по принципу «или-или»: предпосылка гомогенности диктуется большинством; «проблемы меньшинств»; скрытый эссенциализм; неспособный к дифференциации универсализм; раса и пространство создают смертельно опасный дискурс; цель политики: ассимиляция и интеграция	Ограниченная «или-или»-культура: типология транснациональных форм жизни; дилеммы и противоречия космополитической культуры; количественное и качественное превращение большинства в меньшинство и наоборот; признание этнических различий; де-эссенциализация	«Или-или»-культура без границ; не признающая иерархии множественность («гибриды»); универсальное сосуществование культурных различий; де-эссенциализованные открытые для развития идентичности
<i>Этика</i>	Этика исключения: отсутствующий другой; преобладание частного над универсальным	Этика инклюзивного исключения: присутствующий другой; преобладание универсального над частным («космополитическая нация»)	Этика универсального релятивизма. Несомизмеримость контекстно-специфических этнических точек зрения
<i>Экономика</i>	Различение между домашним хозяйством и промышленностью (семья и рынок) в рамках национально-государственного устройства; переход от аграрных обществ с локальными рынками, в которых орудия производства столетиями оставались неизменными,	Различение между национальным государством и мировой экономикой: экстерриториализованная реорганизация без всемирно-государственных структурных рамок; наступление мирового и рыночного общества, общества индивидов, в котором безгранично подвиген капитал, а не	Кризисы культуры и противоречия глобального — постмодерного — капитализма

ГЛАВА II. КРИТИКА НАЦИОНАЛЬНОГО ВЗГЛЯДА

	<i>Первый модерн методологического национализма</i>	<i>Второй модерн методологического космополитизма</i>	<i>Постмодерн: методологический нигилизм</i>
<i>Экономика</i>	социальная взаимосвязь обосновывалась общей верой и религиозными ритуалами, к национальному модерну, в котором рыночное хозяйство, демократия и национальная культура обуславливают друг друга и доминируют	труд, население большей частью урбанизировано, религии и этносы плюрализованы, а социальные неравенства радикализованы	
<i>Государство/политика</i>	Кажущаяся необходимость слияния пространства и политики: государство=территориальное государство=национальное государство; отождествление суверенитета с автономией; государственная независимость, национальное самоопределение и решение центральных национальных задач (благополучие, право, безопасность) совпадают	Разъединение пространства и политики: отказ от привязки государства и общества к определенному пространству – «космополитическое государство»; различие между суверенитетом и автономией; национальные задачи должны решаться в транснациональных рамках; утрата автономии может привести к обретению суверенитета	Постполитический взгляд на мир

ГЛАВА III

МЕНЯЮЩАЯ ПРАВИЛА МИРОВАЯ ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА: К РАЗГРАНИЧЕНИЮ ЭКОНОМИИ, ПОЛИТИКИ И ОБЩЕСТВА

Каким образом мы можем или должны по-новому воспринимать и реконструировать в космополитической перспективе такие ключевые понятия, как «власть», «господство» и «насилие»?

1. МЕТАВЛАСТЬ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Что значит в этой связи космополитизм? Это перспектива, которая направлена против абстрактного, исторически глубоко замороженного понятия государства и политики, основанного на предположении о значении и действительности политических и экономических границ, а также против абстрактного понятия глобального капитала, неотвратимо колонизирующего основанную на принципах государства политику. Если исходить из этих понятий, то возникает картина, в которой политика и экономика соотносятся друг с другом статическим, детерминистским образом. При этом из поля зрения выпадает как раз то, что ставит в центр космополитическая перспектива, – плюралистическая пограничная политика, открытость для действия мировых экономических и государственных акторов. В космополитической перспективе эта борьба за позиции и основы власти должна быть концептуализирована в глобальном пространстве таким образом, чтобы в центре оказались взаимоотношения между политическими и экономическими пространствами. Это значит, что необходимо исследовать, как расшифровываются и приводятся во взаимосвязь политическое измерение глобального капитализма и экономическое измерение глобальной политики. Соответственно, и государство не может больше рассматриваться как политическое единство; скорее, следует проанализировать, в каком смысле государства (и понятие государства) лишаются своего ядра и как они (и само понятие) заново определяются и трансформируются в своих значениях и функциях. Дисциплинарные границы и теоретические

позиции разделяют государство и экономику, чтобы потом задаться вопросом об их взаимоотношениях, и таким образом создают аполитичные, абстрактные рамки анализа. В ложном свете предстают стратегические взаимодействия, благодаря которым трансформируется политика, а также последствия таких изменений для формирования и преобразования социальных значений границ, включая вопрос о том, какие новые возможности для деятельности государств открываются в эпоху глобализма.

Мы свидетели самых важных изменений в истории власти. Глобализацию следует расшифровывать как медленную, постреволюционную, эпохальную трансформацию национальной и интернациональной, подчиненной государству системы баланса и правил власти. В отношениях между экономикой и государством происходит *метаигра*, точнее, *метаборьба за власть*, в ходе которой меняются и переписываются баланс и правила власти национальной и интернациональной государственной системы. Эту борьбу развязала прежде всего экономика, вырвавшаяся из клетки территориальной, организованной на национально-государственных принципах метаигры и усвоившая — в сравнении с территориально укорененными государствами — новые стратегии власти. Властная метаигра означает спор, борьбу за власть и одновременно изменение национально-государственных правил мировой политики.

Тот, кто задастся вопросом, откуда стратегии капитала черпают свою метавласть, столкнется со странным обстоятельством. Основная идея была выражена в заголовке одной восточноевропейской газеты, написавшей во время визита Федерального канцлера Германии в 1999 году: «Мы прощаем крестоносцев и ждем инвестиций». Это точный перевертыш классической теории власти и господства, открывающий возможность для максимального привлечения транснациональных предпринимателей. Средство принуждения — не угроза *вторжения*, а угрожающее *невторжение* инвесторов или угроза их выхода из страны. Хуже оккупации мультинациональными компаниями может быть только одно — неоккупация ими.

Эта форма господства связана уже не с отдаванием приказов, а с возможностью выгодно инвестировать в других местах — в других странах и с открывающейся угрозой не вкладывать инвестиций в ту или иную *конкретную страну*. Новая власть концернов основана в этом смысле не на насилии как *ultima ratio* для навязывания своей воли другим. Вследствие этого она значительно подвижнее, поскольку не связана с определенным местом и применима в глобальном масштабе. Потенциал шантажа, присущий этому виду господства, совершенст-

уется благодаря логике экономических действий и экономической власти: нигде и никогда не делать чего-то, не инвестировать без обязательного публичного обоснования; в этом заключается главный рычаг власти всемирно-экономических акторов.

Не империализм, а неимпериализм образует ядро глобальной экономической власти. Вышедшее за пределы отдельных территорий возрастание власти экономики нельзя ни подчинить, ни узаконить политически. Оно происходит помимо контролирующих органов развитой демократии, таких как парламенты, суды и правительства. Оно не нуждается в военной мобилизации. Таким образом, власть всемирной экономики покоится на противоположности того, откуда черпает свою силу демократическое национальное государство (демократические выборы, публичная легитимация, монополия на средства насилия). В противоположность этому формула власти транснациональной экономики гласит: *преднамеренное, целенаправленное завоевание*. Это ненасильственное, невидимое, намеренное, вездесущее «не-» не нуждается в одобрении и не способно воспринимать его.

Еще раз о том же, но другими словами: аполитичный характер *отказа* от того или иного действия изменяет национально-государственные правила власти, властные отношения между государствами и экономикой, ускоряет и маскирует распространение всемирно-политической власти экономических акторов. Отказ от инвестиций, целенаправленное бездействие принуждает поверх всех границ государства, политические партии, церкви, профсоюзы, рабочих и т. д. к всемирно-экономическому конформизму и торопливому неолиберализму. В то же время инвестиционным решениям вряд ли могут помешать препятствия имплементационного характера, так как они добиваются коллективного признания самым действенным способом — благодаря политике свершившихся фактов¹. Короче говоря, метавласть

¹ Сильное влияние транснациональных концернов (ТНК) и связанных с ними прямых иностранных инвестиций (ПИИ) продолжает расти [Köhler, 2002]. Из 7000 ТНК в 14 крупных народных хозяйствах развитых стран в 1990 г. стало 24 000, в целом в 1993 г. можно говорить о 37 000 ТНК с более чем 170 000 дочерними фирмами; однако эти цифры часто занижены, так как транснациональные акции часто совершаются в форме субконтрактов, франчайзинга, лицензирования или стратегического партнерства и не обязательно отражаются в статистике ПИИ. При этом наблюдается сильная концентрация ПИИ как внутри триады Европа — США — Япония, так и внутри крупнейших ТНК. 100 крупнейших ТНК ответственны за 14 % ПИИ. Облегчаются прямые иностранные инвестиции благодаря многосторонним договорам (например, Guidelines (т. е. дирек-

мировой экономики над национальными государствами основывается на возможности выхода «Exit-option» (Хиршман), которую капитал отвоевал для себя в цифровом пространстве. Это угрожающий всем на планете опыт уже свершившегося или предстоящего *исключения государств* из мирового рынка, проявивший себя во многих регионах Африки, а также в отношении некоторых государств, входивших в Советский Союз. Этот опыт всемирно-экономическая власть со все возрастающей силой демонстрирует на отдельных государствах. Данная метавласть располагается между категориями легального и иллегального; она не иллегальна, но и не легитимна, а транслегальна; но она обладает силой для того, чтобы переписать доминирующие на го-

тивам) Всемирного банка, с другой стороны, благодаря двусторонним договорам на национальном уровне (часто в сторону либерализма). Что касается регионального распределения ПИИ, то прямые инвестиции в развитые страны хотя и несколько сокращаются (из-за более медленного развития и частично из-за рецессий), но возрастают в развивающиеся страны (подогреваемые открытием новых ресурсов, процессами либерализации и приватизации).

В то время как ПИИ во вторичном секторе заметно снижаются в сравнении с возрастающими ПИИ в секторе услуг, ПИИ в первичном секторе в 1980-е годы сильно выросли и в развитых странах.

Одновременно происходят изменения в организационной структуре (отдаленные друг от друга региональные фирменные центры, производственные центры и функциональные фирменные центры, а также распределенная ответственность). Предприятия все чаще приходят к ограниченному во времени сотрудничеству. К этим возникающим между фирмами связям лучше всего подходит понятие «сеть». Следует делать различие между интегрированным международным производством на уровне фирм и на национальном уровне. Так, почти треть частных состояний во всем мире находится под контролем ТНК. На национальном уровне имеется как поверхностная интеграция (обмен товарами и услугами), так и глубокая интеграция (международное производство товаров и услуг), причем существует тенденция, в значительной степени стимулируемая активностью ТНТ, в направлении глубокой интеграции.

Традиционные концепты и подходы к теме утрачивают свою силу из-за сложных форм разделения труда между фирмами в различных странах, из-за утраты автономии отдельными группами транснациональных фирменных систем; таков, например, концепт национальной принадлежности концернов.

Из-за международной интеграции появляются трудности и с повышением налогов. Одна из возникающих здесь проблем связана с установлением меры самостоятельности материнских и дочерних предприятий.

сударственном уровне правила в национальном и интернациональном пространстве.

Как такое стало возможным? Чем это вызвано? Exit-option, от которой зависит благоденствие или нищета государств, порождает конкуренцию государств, добывающихся глобальных инвестиций и притока капиталов. Следствие: соперничавшие на военном поприще национальные государства Первого модерна превратились в соперничающие на поприще мировой экономики государства-конкуренты Второго модерна. Ключ к власти уже не военная сила, а та или иная позиция государства на мировом рынке. Это значит, что господство государств как относительно их внутренней и внешней стабильности, так и (опосредованно) относительно их легитимности определяется мировым рынком.

Аналогия между военной логикой государственной власти и экономической логикой государственной власти бросается в глаза и ошеломляет. Объему инвестируемого капитала соответствуют огневая мощь и вооруженное насилие; правда, с той существенной разницей, что власть возрастает благодаря угрозе не стрелять. Развитие производства является эквивалентом обновления систем вооружения. Учреждение филиалов крупных фирм во многих странах приходит на смену военным базам и дипломатической службе. Старое военное правило «лучшая защита — это нападение» означает следующее: государства должны вкладывать деньги в исследования и развитие, чтобы привести к полному развертыванию атакующие силы глобального капитала. Государства надеются, что вместе с их вкладом в исследовательские проекты и подготовку кадров будет расти и весомость их голоса на глобальной арене мировой политики. Важно, что место старомодного идеологического ведения войны занимает глобализационный дискурс. Кто хочет владеть умами, должен насаждать постулаты неолиберальной глобализации в идентичность, в самосознание человека как самостоятельного предпринимателя.

С одной стороны, эту теорему метавласти можно привести методом отражения к классическим теориям власти и господства, как их, например, развивал Макс Вебер. Согласно им всемирно-экономическая метавласть исполняется по отношению к государствам — суверенным, опирающимся на собственную силу носителям легитимности; однако такая власть избегает критериев определения государственного господства, ибо она основана не на насилии, не на военной мощи и интервенции, не на демократическом консенсусе, а служит инструментом национально-государственного права.

Все эти, на первый взгляд, существенные определения государственного господства предполагают по умолчанию территориальный принцип, формулируют и склоняют территориальное понимание общества и господства в рамках методологического национализма. Только это молчаливо подчиненное значение пространства делает, вопреки всем теориям, понятным единодушное мнение, что господство всегда опирается на насилие. «Всякая политика есть борьба за власть; высшая степень власти есть насилие», — пишет один из самых критически настроенных социологов, К. Райт Миллс, и тем самым всего лишь следует знаменитому веберовскому определению государства как «опирающееся на средства легитимного (т. е. рассматриваемого как легитимное) насилия господство человека над человеком». Макс Вебер цитирует в этой связи Троцкого, который говорил: «Всякое государство основано на насилии». Макс Вебер к этому добавляет: «Это и в самом деле верно» (822).

На самом же деле это неверно, тем более применительно к детерриториальной мета-власти акторов мировой экономики. Но именно это обстоятельство сильно мешает тем, кто, опираясь на методологический национализм, пытается рассматривать и анализировать эту власть как квазигосударство, эрзац-государство.

Принципы территориальности и насилия ставят государственной власти жесткие границы. Слабость насилия в его негибкости. Напротив, такое средство власти, как богатство, имеющееся в распоряжении мировых экономических акторов, *в высшей степени гибко*. В отличие от насилия, которое может использоваться только *негативно* — в смысле немедленного или потенциального наказания (убийства), богатство позволяет поощрять и наказывать, открывает как позитивные, так и негативные способы применения и дозирования. Кроме того, богатство вызывает одобрение корыстолюбивых, подстрекает торопливых к послушанию из корысти. Если богатство как средство власти объединяется с эффективностью и знанием, то возникает сверхгибкость экономической метавласти. Благодаря знаниям можно изменять политическую повестку дня, вызывать новые потребности, создавать новые рынки, по-новому определять цели, убеждать, уговаривать и даже врагов превращать в союзников. «Знание — сила» (Фрэнсис Бэкон) — этот принцип ведет в той же мере, в какой «время — деньги», как к ускорению (т. е. становится основным капиталистическим принципом), так и к возрастанию своего значения, ибо знания, вложенные в исследования и технологии, обесценивают и ускоряют производство знаний.

С другой стороны, первой и самой важной победой глобализации является глобализация дискурса глобализации. Эта *дискурсивная*

власть капитала — глобальная власть целенаправленного завоевания — может быть значительно лучше понята в категориях теории власти Фуко. Она принципиально отличается от классических определений власти, которые ставят ее в центр и предполагают наличие строго различаемых акторов. Власть, в понимании Фуко, напротив, не есть что-то, что можно иметь или не иметь, она не что-то постоянное; скорее, она вездесуща и проявляется в социальных действиях. Власть выстраивается и применяется как господствующей, так и подчиненной стороной посредством повседневной дискурсивной практики. Она невидима и естественна в той мере, в какой ей удается интегрироваться в идентичность индивидов.

В действительности власть, угрожающая отказом от инвестиций, уже сегодня распространена повсеместно. Сообразно с этим глобализация — это не право выбора, а господство, не осуществляемое никем. Никто ее не начинал, никому не дано ее остановить, никто за нее не отвечает. Слово «глобализация» означает организованную безответственность. Ты ищешь кого-нибудь, к кому можно обратиться с жалобой, против кого можно выступить с протестом. Но не существует такого учреждения, нет ни телефонного номера, ни электронного адреса. Все являются или чувствуют себя жертвами, никто не является и не чувствует себя преступником. Даже боссы концернов, «современные принцы», должны, исходя из понимания своего места, приносить свои мысли и поступки на алтарь *share-value*², если не хотят быть вышвырнутыми. Чем глубже глобализационный дискурс проникает во все капилляры социальной жизни, тем могущественнее становятся всемирно-экономические акторы и стратегии.

Эта дискурсивная метавласть глобализации не в последнюю очередь конкретизируется в принципе TINA: *There is no alternative*. Сегодня много говорят о множественных модернах — европоцентристский западный монизм модерна сломлен прежде всего из-за постколониализма, но также благодаря вниманию к транснациональным формам жизни, социальным сетям, идентичностям, как это вскрыла *cultural theory* и идущие в ее русле исследования. Но эта множественность отличающихся друг от друга в культурном отношении самодеятельных модернов и мозаик модернизации в лучшем случае выражается в гипотезах об альтернативных формах капитализма, но не в альтернативе *само*му капитализму. Гегемония глобализационного дискурса парадоксальным образом проявляется именно в том, что ей вроде бы противостоит, — в международной дискуссии о новом, не-

² общих ценностей (*англ.*).

стандартном многообразии модернов. Эта дискуссия замалчивает то, что должно из нее исключаться, — неолиберальный монизм и безальтернативный мировой рынок

Споры вокруг модерна идут с тех пор, как существует сам модерн. После краха социалистической альтернативы модернизации современные контroversы о содержании, целях, институциях будущей модернизации не только постмодерны или постколониальны, но прежде всего *постреволюционны*. Общество мирового рынка, которое вводит и натурализует глобализационный дискурс, не знает, в отличие от национального, построенного на демократической основе общества, двухпартийной (по меньшей мере) системы, диалектики правительства и оппозиции, высказываний за и против, борющихся за будущее человечества. Вместо спора об альтернативных формах будущего доминирует глобализационный дискурс TINA и, как следствие, моральное противопоставление черного белому, *мирового добра* (в лице модернизаторов) *мировому злу* (в лице антимодернистов). Последние окапываются в недоступных для других зонах метрополий и мирового общества, где — как когда-то в замке призраков Шпессарте — бесчинствуют такие призраки, как ежедневные вечерние новости, курсы акций, международная наркоторговля, кузницы террористов и угрожающие жизни киллеры.

Примыкая к теории и истории власти Михаэля Манна (1986, 1993), можно уточнить: всемирно-экономическая метавласть *экстенсивна* и *диффузна*, но *не интенсивна* и *не авторизована*. Она *экстенсивна* в смысле дискурсивной гегемонии неолиберальной глобализации. Эта глобализация учреждает поверх всех национальных, этнических, религиозных, кастовых, классовых, территориальных и временных границ и разделения по половому признаку взаимосвязь обобщенных властных отношений, минимум всемирной конкуренции, зависимости и кооперации. Эта властная взаимосвязь *не интенсивна*, потому что она не предписывает иерархического принуждения, послушания и подчинения приказам. В то же время речь идет не об авторизованной, а о диффузной власти, *диффузной* потому, что речь идет об анонимной власти, не имеющей центра, отчетности и четкой структуры ответственности.

Не авторизованной (в смысле Манна, но и в смысле легитимности господства у Макса Вебера) метавласть является в конечном счете потому, что она не располагает (собственной) легитимностью, вследствие чего вера в легитимность всемирно-экономической метавласти со стороны подчиненных — государств, стран, культур, обществ — продолжает оставаться сомнительной. Более того, чем могущественнее,

экстенсивнее, диффузнее проявляет себя (или кажется, что проявляет) власть всемирно-экономических акторов, тем очевиднее проявляется нелегитимность, ее потребность в легитимности.

Таким образом, в глобальном пространстве возникают новые, в высшей степени хрупкие и гибкие, не узаконенные ни демократическим обществом, ни государством, определяемые только экономической образования метавласти, которые *уже* не являются только экономикой, но *еще* не стали государствами. Это квазигосударства, весьма предрасположенные, с одной стороны, к охватывающим весь мир движениям сопротивления, к антиглобалистским коалициям разного толка, и с другой стороны, подверженные вытекающим отсюда рыночным катаклизмам. Именно проблемы легитимности, кризис легитимности всемирно-экономической метавласти нарастают вместе с расширением этой власти и несут в себе далеко идущие политические последствия. Вывод гласит: метавласть стимулирует подверженность насилию и тем самым зависимость мировой экономики от государственной власти.

*Всемирно-экономическая метавласть
порождает подверженность насилию и зависимость от силы*

Ханна Арендт (1970) указала на противоречие между властью и насилием, которое радикализуется вместе с развитием модерна. «Говоря политическим языком, недостаточно сказать, что власть и насилие суть не одно и то же. Власть и насилие — это противоположности. Где господствует одно, там нет места другому... “Безнасильственная” власть — это плеоназм. Насилие может уничтожить власть; оно абсолютно не в состоянии породить власть» (57). «Даже самая прочная власть может быть уничтожена насилием. Из стволов винтовок всегда исходит самый действенный приказ, рассчитывающий на немедленное и безусловное повиновение, но эти же стволы никогда не смогут породить власть» (54)³.

³ На прогностическую силу диагноза Арендт указывает то, что она, обосновывая свой тезис, говорит о коммунистической, восточно-европейской системе насилия и при этом дает формулировки, которые могут восприниматься как предсказание «мирной революции»: «Там, где сила противостоит силе, победителем всегда оказывается государственная власть. Но это абсолютное превосходство действует лишь до тех пор, пока структура государственной власти остается безотказной, т. е. пока исполняются приказы, а полиция и армия готовы применить оружие. Если этого не происходит, то ситуация круто меняется.

Таким образом, под *силой* подразумевают средства и процессы физического принуждения, направленные в конечном счете на жизнь. Сила, организованная на военных принципах, и есть тот самый случай реальной опасности, на котором Карл Шмитт основывает понятие политики. Напротив: *власть* возникает из суммы *одобрения* действий и решений. Стабильность власти не в последнюю очередь основывается на беспорности одобрения. Власть, возникающая из беспорности, исчезает с горизонта сознания: *естественность, забвение и величие власти позитивно взаимосвязаны*. Можно даже сказать: там, где никто не говорит о власти, она беспорна и в своей беспорности одновременно надежна и сильна. Там же, где власть становится темой разговоров, начинается распад. Если власть лишается одобрения, разрушается контроль силы, независимо от того, начинается приватизация этой силы или же полиция и армия, привлеченные для усмирения взрывов насилия, уже не могут рассчитывать на одобрение. Граница, от которой конфликты метавласти перерастают в акты насилия, преступается тогда, когда кризис легитимности начинает разрушать государственную монополию на силу. Отсюда следует, что в играх метавласти распадается беспорность власти и нарастает опасность необузданных вспышек насилия и эскалация насильственных действий. Вероятно, не случайно примерно в одно время с Ханной Арендт в 60-е годы XX века еще два теоретика современного общества — Толкотт Парсонс и Ральф Дарендорф — с помощью точно таких же аргументов говорили о зави-

Восстание уже не может быть подавлено; более того, оружие переходит в другие руки, причем нередко, как это было в Венгерской Республике, в течение нескольких часов... О революции можно говорить только в том случае, когда подобное происходит, когда крушение государственной власти становится очевидным, а восставшим позволено вооружиться... Если приказы не выполняются, применение силы бессмысленно. И вопрос, где принимается решение о том, следует ли вообще подчиняться приказам, т. е. вопрос о соотношении между приказом и повиновением ему, не имеет абсолютно никакого значения. Ответ на этот вопрос зависит от «мнения» и, разумеется, от тех, кто это мнение так или иначе разделяет. Тогда-то и выясняется, что все зависит от силы, которая стоит за восставшими. Внезапное драматическое крушение власти, характерное для революций, показывает, насколько так называемое повиновение граждан — ограничениям, учреждениям, правящим или господствующим силам — является делом общественного мнения, а именно демонстрации позитивной поддержки и всеобщего одобрения... Только... солдаты-роботы могли бы что-то изменить в этом принципиальном превосходстве власти мнения над силой» (49 и сл.).

симости власти от консенсуса и даже систематически предсказывали крушение советского режима: «Власть в строгом смысле всеобщего общественного медиума, — пишет Парсонс, — содержит в себе существенный элемент консенсуса. Власть покоится на наличии и использовании институционализированных возможностей влияния; благодаря возможностям влияния система власти наделяется консенсусом в рамках общественных ценностей. *Не* всеобщая *легитимация* власти и господства является особым достижением демократических институтов, а посредничество *консенсуса применительно к использованию* власти совершенно определенными лицами или группами и принятию совершенно определенных, обязательных решений; ни один общественный институт, принципиально отличающийся от демократических институций, не способен этого достигнуть. Одной только всеобщей легитимации в высокоразвитых демократических обществах и системах управления недостаточно. В этом смысле решающей является функция системы демократической ассоциации, заключающаяся в регулировании участия членов в выборе руководителей и формулировании главных направлений политики, а также в заботе о возможностях влияния и о подлинном выборе между альтернативами.

Мне ясно, что из этого следует: вероятнее всего такая позиция долгое время не сможет полностью охватывать тоталитарные коммунистические организации и их политические и интеграционные возможности. Но я *предвижу*, что *коммунистическая организация общества окажется нестабильной* и будет или приспособливаться к демократии избирательного права и создавать многопартийную систему, или деградировать в сторону менее развитых и в политическом отношении менее эффективных организационных форм; во втором случае коммунистические страны будут развиваться значительно медленнее, чем в первом. Это предсказание не в последнюю очередь опирается на то, что коммунистическая партия везде подчеркивала задачу воспитания народа для жизни в новом обществе. В долгосрочной перспективе ее легитимность наверняка будет подорвана, если партийное руководство и дальше не будет *доверять* народу, который оно же и воспитало. В нашем понимании доверять народу — значит доверить ему часть политической ответственности. А это означает, что монополитическая партия в конечном счете будет вынуждена отказаться от монополии на политическую ответственность» [Parsons 1970, 70 f].

Ральф Дарендорф, критик Парсонса в 60-е годы, аргументирует аналогичными доводами: «В известной степени из дефиниции тоталитарного государства следует, что в нем отсутствуют условия для организации заинтересованных оппозиционных групп. Хотя социаль-

ные и технические возможности нередко налицо, но отсутствуют политические условия, отсутствует свобода коалиций. В этом пункте становится ясным значение сопротивления правительства германской Восточной зоны введению свободных выборов, также как ситуация, в которой тоталитарным государствам в целом грозит большая, быть может, революционная опасность политических конфликтов. Если — будь то явно, как в Венгрии, или только фактически, как 17 июня 1953 г. в Берлине — скрытым конфликтным группам предоставляется возможность организованного выступления, распадается все здание тоталитарных государств. Помимо того, возникает большая вероятность, что эта возможность в определенный период времени оформится в каждом тоталитарном государстве; в современных тоталитарных обществах, опирающихся на идеологические государственные партии, существует (прежде всего с точки зрения правящих кругов) постоянная опасность того, что разрешенная партия, а именно государственная партия, сама станет корнем оппозиционных движений и революционных конфликтов» (1970, 120). Так и произошло, когда символом движения стала личность Горбачева.

Если зависимость власти от одобрения можно столь убедительно доказать на исторических примерах, высокооснащенных средствами подавления государств, то не требуется особой смелости, чтобы спрогнозировать подверженность успехов не пользующейся большой поддержкой метавласти мировой экономики актам насилия. Растущее противоречие между властью и разгосударственной, приватизированной силой во Втором модерне можно продемонстрировать тем обстоятельством, что даже пользующаяся надежным консенсусом власть может самым решительным образом провоцироваться небольшими группами террористов-смертников. Тем самым экстремистские реакции фундаменталистов и террористов, для которых конфликты мировой культуры дают тысячи поводов, ставят весь высокотехнизированный мир перед лицом неустранимых опасностей. Даже повсеместный электронный контроль постоянно обнаруживает все новые бреши и атакуемые точки. Если представить себе всеобщую уязвимость мирового производства, то возникает вопрос: почему бессилие метавласти и возможности насилия, имеющиеся у отдельных небольших экстремистских групп, не приводят к значительно более опустошительным последствиям? В этой подверженности насилию, зависимости от насилия высокоорганизованных экономических супердержав и впрямь таится новое конфликтное измерение разрываемого противоречиями мира, которое оказывает влияние на все и все окрашивает и изменяет. Как показывает реакция на террористические акты

в Нью Йорке и Вашингтоне, в осознаваемой опасности террора заложен шанс изменения неолиберального соотношения власти, а именно лишение власти всемирно-экономических акторов и наделение полномочиями государств.

Пацифистский или космополитический капитализм?

Примечательны еще два новых следствия этих процессов образования метавласти: в цивилизационной лаборатории мировой экономики ведутся, наряду с прочим, эксперименты с *пацифистским* и *космополитическим капитализмом*. Однако в связи с экономическими и политическими отклонениями и антиглобалистскими настроениями возникает сомнение в том, смогут ли они утвердить себя в жестокой, воинствующей действительности.

Мировая история — это история безумцев, которые реально или потенциально хватают друг друга за горло, намереваясь устранить господство таких же безумцев. Мировая политика — это политика силы. Во все эпохи побеждал кровавый, империалистический принцип властей предержавших и государств. Напротив, новая метавласть мировой экономики сама по себе, *по своей сути* тяготеет к *пацифизму* — по сути, но, возможно, не по последствиям.

Глобальный капитализм черпает свою силу, как уже говорилось, не из захвата, а из-за возможности выхода из игры. Однако эта экстерриториальность инвестиций капитала — лишь половина правды. Ибо тот, кто забирает деньги из *одного* места, должен инвестировать их в *другое*. Капитал, следовательно, должен где-нибудь пускать корни, локализоваться, поэтому он всегда действует по-империалистически. Но это не военный империализм, а империализм «торгового духа», в котором жизненно нуждаются даже те, кого он подчиняет себе и кто этому подчинению противится. В наслаждениях потребительского общества бушует *мазохизм собственного экономического интереса*, одновременно ругая и проклиная общество, которое его подстрекает, наделяет инструментарием и которому оно обязано хрупким одобрением своего существования. Более 200 лет назад Иммануил Кант писал об этом: «Дух торговли не может сосуществовать с войной, и именно он раньше или позже овладевает каждым народом. Поскольку среди всех подчиненных власти государства сил самой надежной хотела бы считаться сила денег, то государства чувствуют себя вынужденными (правда, не под воздействием моральных факторов) способствовать установлению благородного мира и всякий раз, когда где-нибудь возникает угроза войны, предотвращать ее путем посредничества... Та-

ким образом, природа благодаря заложенному в самом человеке механизму гарантирует вечный мир; правда, с долей уверенности, недостаточной для предсказания этого в будущем...» [Kant, 1964, 227]. Отсюда Кант выводит обязанность действовать так, *будто это возможно*.

Подобным же образом теоретически обосновывали «по сути своей невоинственный» (Шумпетер) характер капитализма Огюст Конт и Герберт Спенсер; преждевременно, ибо потом начались затяжные, кровавые эпохи империализма, колониализма и мировые войны, утверждающие обратное теории воинствующего капитализма могли раньше и могут сейчас ссылаться на сосуществование войны и национальной мировой торговли.

Но имеет ли это силу для транснациональной мировой экономики Второго модерна? Раньше воинственные народы завоевывали тех, кто предпочитал торговать; сегодня все происходит наоборот. Об этом говорит и включение ГДР в состав Федеративной республики. Возможно, новые пробивные способности инвестиционному завоевательному походу невоинственной метавласти придают раскол, противоречие, новое соперничество между властью государства и властью мировой экономики. Во всяком случае, в часто излишне острых спорах о новой роли мировых концернов следует принимать во внимание, что речь идет о формах завоевания, свойственных пацифистскому капитализму, который *благодаря этому* получает свои властные преимущества над привязанными к определенному месту, организованными по территориальному принципу государствами. Можно бы даже говорить о структурной силе невложения инвестиций, отказа от интервенции, но это лишено смысла, так как это затемняло бы в понятийном смысле специфику этой формы господства, ее в высшей степени гибкие, не связанные с той или иной территорией формы принуждения.

С другой стороны, глобальный капитализм по своей сути *полиэтничен* и в этом качестве ставит под сомнение национальную онтологию общества и культуры. Таким образом, вопреки доминирующей критике капитализма возникает не только пацифистский, но и *космополитический* капитализм. Национальные общества восхваляют веру в культурную гомогенность, в необходимость окруженных границами, охраняемых территорий, в отношении по принципу «друг – враг», в мифы о своем возникновении и ориентированной на них общественной памяти. Считается, что только на таком пути возможно общество, возможна интеграция, а вместе с тем политика, демократия, публичность, социальная справедливость, история и т. д. С этой точки зрения действующие в глобальных масштабах предприятия вы-

глядят порождениями дьявола, так как благодаря реальной, действенной силе убеждения, свойственной всемирно-экономическому рационализму, они лишают эти мифы их очарования.

Логика исключения, которой руководствуется национально-государственная политика, вступает в противоречие с логикой включения, взятая на вооружение всемирно-экономическим рационализмом. Не разделение, а смешение рас, этнических групп, национальностей становится источником максимального увеличения созидательных сил и доходов и тем самым доминирующей политикой транснациональных предприятий в области рынка труда. Противоядием против стагнации выступает гибридизация. Смешивание — это козырь, она становится нормой (по крайней мере в пространстве, контролируемом транснациональными организациями). Мобильность между предприятиями — это мобильность, не признающая национальных границ. Кто хочет сделать карьеру в немецком мировом концерне, должен говорить по-английски не только в Эрлангене, но и ежедневно «поглощать расстояния» и быть готовым к переезду на любой континент. Оперирующие в глобальных масштабах концерны получают свой капитал, рекрутируют элиту менеджмента из разных наций, создают рабочие места и распределяют свои доходы между владельцами акций в самых разных странах. Таким образом, вера в национальную социальную онтологию общества *эмпирически опровергается* реальными экспериментами, причем не моралью мультикультурализма, а аргументом звонкой монеты. Именно всемирно-экономический космополитический реализм языком предельного увеличения доходов помогает утверждению основного принципа: «космополитические общества созидательнее, производительнее, поэтому превосходят в конкурентной борьбе национальные общества». С другой стороны, метавласть капитала ставит предприятия в положение, когда транснациональные организации должны переходить к реальным экспериментам с полиэтничным сосуществованием и сотрудничеством — нередко вопреки сопротивлению национальных государств, национального права и национальных властных структур. Заостряя формулировку, можно сказать, что не признающий границ капитализм двулик: он хронически уходит от налогов *и в то же время* является школой космополитизма.

Разговор о возникновении пацифистского и космополитического капитализма многим покажется более чем иллюзорным, особенно если он умалчивает об изнанке дела. Так, давление мирового рынка с его космополитической гибкостью и чувствительностью действует и как механизм исключения. Как правило, плоды все больше пожи-

нают более мобильные согласно принципу: «The winner takes it all!»⁴ Многим другим грозит «дрейф» (Ричард Сеннетт) – бесцельное мотание от места к месту, от человека к человеку, от одной работы к другой. Это порождает нарциссизм и наносит вред семейным, любовным и дружеским отношениям, разрушает привязанность к определенному месту и социальный капитал. Больше свободы, но и больше бездомности. Больше мобильности, но меньше лояльности. Больше транснациональности, но меньше демократии. Иными словами, крах национальной социальной онтологии ни в коем случае не означает, что автоматически наступает эра космополитизма, не означает, следовательно, что растёт любопытство к инаковости других и уважение этой инаковости. Этот крах может привести к распылению или обернуться ксенофобией. Нужно держать в поле зрения оба сценария – как сценарий *распыления* и *ре-национализации*, так и сценарий *космополитизации*. Их разделяют целые миры, возможные мировые кризисы и катастрофы.

Всякая власть порождает свою противоположность. Возникновение космополитических обществ и формирование противников этих обществ – две стороны одного процесса. Транслегальность всемирно-экономической метавласти придает легитимность глобальным процессам антиглобализации и антимодернизации, так как именно они защищают национальные институты легитимного господства – государство и демократию – от разрушительной силы глобального капитала. Модернизация и связанные с ней сломы и взрывы всегда вызвали ностальгию по утраченной защищенности, по защитникам традиционных ценностей и добродетелей. Эта «диалектика модернизации» часто приводила в Европе XIX–XX веков к подъему ксенофобии и неприятию космополитического интернационализма с его либеральными ценностями в связи со страхом перед присущим глобальному светскому обществу нравственным упадком. Эта диалектика модернизации заявляет о себе сегодня с остротой не только в США и Европе, но и в мировом масштабе.

Во многих неевропейских культурах глобализация приравнивается к *американизации*, в которой видят причину всех зол, поражающих их общества. Неизбежные перекосы глобальных всемирно-экономических и социальных трансформаций уже сегодня во многих частях мира ведут к такому размаху нищеты и разрухи, перед которым блекнет «пролетаризация» (Карл Маркс) в Европе XIX века. В будущем эти процессы лишь усилятся.

⁴ Победителю достается все! (англ.)

Для тех, кто верит в национальную социальную онтологию, кто хочет защитить свою культуру от внутреннего распада, глобализация — это «великое порождение сатаны». Чем сильнее гордится народ своими мифами, своим культурным наследием и кичится своей независимостью, тем резче его неприятие «американской глобализации», «глобального американизма», который в глазах ностальгирующих по национальному суверенитету постоянно оскорбляет их национальное достоинство. Глобальные процессы, направленные против модернизации, простираются от дипломатически обставленных враждебных демаршей французов, от парадоксально противоречивых союзов (например, между движением в защиту окружающей среды и движением сторонников ксенофобии) до новых интернационалов этнического и религиозного фундаментализма, влияние которых растет с ростом метавласти и тех социальных и политических извращений, которые в глобальном масштабе порождает эта власть. Страшно подумать, что произойдет, если в эту пороховую бочку попадет искра нового мирового экономического кризиса!

Война на Ближнем Востоке, сражения в Афганистане, бесчисленные региональные кризисные очаги в Африке и Южной Америке... Мир в 2002 году покрыт сетью напряженностей и угроз, которые в любой момент могут возрасти и выйти из-под контроля. Даже ядерные сценарии достигли такого уровня вероятности, который был немислим в конце холодной войны. Кашмирский конфликт между обладателями атомного оружия Индией и Пакистаном; Израиль, находящийся под угрозой оружия массового уничтожения; фанатик-самоубийца, обладающий так называемой грязной атомной бомбой и готовый взорвать ее в центре Нью-Йорка — после 11 сентября 2001 г. всего можно ожидать. Нужно ли поэтому быть особенно прозорливым, чтобы говорить о смертоносном капитализме, который больше не опирается на военную экспансию? Нет, нужно быть слепым и глухим, чтобы не говорить об этом. Необходимо иметь перед глазами одновременно *то и другое*, тем более что на главных аренах экономической глобализации, где конкурируют и кооперируются ТНК и государства, война действительно стала почти невозможной. Здесь военная сила действительно утратила свое значение. Но в то же время государства, видя рост глобализации, по-прежнему делают ставку на воображаемое «мы», исключаяющее других. В глухих улах мировой политики, где по-прежнему сохраняется угроза старых территориальных конфликтов, войны и военные угрозы способствуют разжиганию ненависти и вражды.

В противоположность этому теория метавласти утверждает: опирающиеся на неореализм в социологии категории власти, господства

и политики, ориентированные на государство, суть *зомбированные* категории. Они не в состоянии охватить и понять новое — новых акторов и новые стратегии, новое качество борьбы за власть, ее социальные и политические перекосы, парадоксы и амбивалентные перспективы (как внутри отдельных наций, так и между ними). После кошмаров XX века следует ожидать наихудшего. Но мы должны открывать глаза и на другое — на то, как в перспективе ценностей всемирно-экономической метавласти разрушаются исторические предпосылки национально-государственного господства, как переписываются правила игры мировой политики в конфликтном взаимодействии государств, мировой экономики и общественно-гражданских движений; вырабатывать для этого соответствующие понятия; должны видеть, что это происходит без демократической легитимации, с помощью транслегальных средств, без войн, на путях пацифизма (что в нео-реализме представляется неслышанным и немыслимым). В соответствии с этим нужно создавать новую категорию и теорию государства в эпоху Второго модерна.

2. МЕТАВЛАСТЬ ГЛОБАЛЬНОГО ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Автономия национального государства ставится под сомнение не только метавластью всемирно-экономических акторов, но и метавластью глобального гражданского общества. В основе этого общества — стремление обеспечить права человека, противопоставляя их кажущейся самоочевидности национально-государственного устройства, согласно которой государства в своих пределах могут поступать так, как им вздумается. Но и политика прав человека располагает целым арсеналом стратегий «тихой» революционизации международной системы. Если в рамках мировой экономики основы независимости признанных международным правом государств в значительной мере ставятся под сомнение или разрушаются посредством запретов, то здесь эта независимость национального государства подвергается нормативному, правовому и политическому вмешательству со стороны мирового гражданства. Требование соблюдать права человека позволяет не только НПО, но и целой группе ориентированных на международное гражданство государств оказывать через границы влияние на авторитет и легитимацию внутри других государств. Иными словами, пространство влияния объединившихся космополитических государств стремительно растет. Режим соблюдения прав человека превращает фрагментированное по национально-государственному принципу властное пространство в не признающее границы пространство «мировой внутренней политики» (Вайцзеккер), в котором «чужие» государства и НПО могут вмешиваться во внутреннюю политику

других государств и изменять их структуру господства. Особенно это удаётся тогда, когда с помощью режима соблюдения прав человека и соответствующих региональных конвенций поддерживаются и усиливаются ориентированные на мировое гражданство группы сопротивления или когда политика соблюдения прав человека сопрягается с экономическими или военными санкциями.

В этом смысле язык прав человека открывает в высшей степени легитимный, авторитетный дискурс власти, который, с одной стороны, позволяет угнетённым и ущемлённым группам отстаивать свои права легитимными средствами, пользуясь (по возможности) во внутренней борьбе поддержкой мировой общественности; с другой стороны, благодаря этому правительствам и неправительственным организациям предоставляется возможность длительного и принципиального участия в дискуссиях и акциях мирового масштаба.

Но и здесь главным является различие между истинным и ложным космополитизмом. Возможность ложной космополитизации, т. е. подгонки глобального внедрения прав человека под национальную миссию, представившаяся единственной теперь мировой державе – США, просто бросается в глаза. В противоположность этому большинство правительств Европейского союза проводят политику соблюдения прав человека скорее всего с целью придания всеобщего и обязательного правового статуса международным отношениям, который последовательно изменяет параметры национальной политики в направлении космополитического режима внутренней политики мирового гражданства.

Разумеется, ориентированные на мировое гражданство государства Запада располагают сегодня всеми средствами и свободным пространством для использования новых властных ресурсов соблюдения прав человека. Проблематика глобального гражданского общества снабжает действующие в глобальных масштабах сообщества западных государств идеологическим оружием для всемирно-экономических и военных крестовых походов. Эта смешанная форма гуманитарного самопожертвования и логики имперской власти с особой ясностью проявляется в «гуманитарных интервенциях», которые помогли утвердиться в высшей степени противоречивому «военному гуманизму» (включая соответствующее вооружение и переориентацию национально-транснациональных вооружённых сил, получивших полномочия для проведения подобных акций).

Основание ООН и заявление о необходимости соблюдения прав человека, а также штрафные санкции для завоевательных войн и преступлений против человечности возникли в результате исторического шока: «Аушвиц больше никогда не повторится!» Глобальное осознание правила, что права отдельной личности нельзя нарушать, и в этом

случае сложилось задним числом, на основании опыта, связанного с непредставимыми последствиями грубого нарушения этих правил. Политика соблюдения прав человека, начавшаяся после Второй мировой войны и целенаправленно поставившая во главу угла защиту прав отдельной личности (а не только меньшинств), явилась, таким образом, ответом на полную несостоятельность национально ориентированного международного права, утратившего свою невинность и легитимность в полной катастроф истории XX века. Из катастрофических последствий возникло то, что Ханна Арендт назвала новым началом в политике. «Если смысл политики в свободе, то это означает, что мы в этой сфере – и ни в какой другой – действительно можем ожидать чудес. Не потому, что мы верим в чудеса, а потому, что люди, пока они способны действовать, в состоянии добиваться невероятных и непредвиденных вещей, причем на протяжении долгого времени, независимо от того, знают они об этом или нет» (1993,15).

То новое, что приходит в мир, можно с полным основанием назвать ползучей революцией, ибо додуманный до конца режим соблюдения прав человека, получающий приоритет в сравнении с правом народов на самоопределение, опрокидывает политический миропорядок: так называемые внутренние дела государств становятся делом всех. То, из-за чего потерпел крах руководитель Советского Союза и Варшавского договора Леонид Брежнев, а именно желание ограничить суверенитет государств, входивших в коммунистический блок, т. е. открыть принципиальную возможность для интервенций Советского Союза, удастся сделать в глобальном масштабе благодаря опережающему вмешательству в режим соблюдения прав человека в условиях мирового гражданства. В случае террора государства против собственных граждан допускается вмешательство и даже принятие превентивных мер, если нарушения государством прав человека несут в себе потенциальную угрозу космополитическому гражданскому обществу. Нарушая права человека – гражданина мира, правительства могут лишиться международного признания своего суверенитета. Такая возможность в отношениях государств к себе и к «чужим» потенциально всегда присутствует, поскольку нечистая совесть в области прав человека часто является обратной стороной национального самосознания. Но это означает, что все могут и даже должны всегда и всюду вмешиваться в чужие дела. Однако всюду вмешиваться могут не все, а только те, кто располагает соответствующими экономическими и военными средствами. Отсюда следует, что возможность глобального вмешательства при нарушении прав человека в значительной мере зависит от военно-экономической мощи государств.

Поскольку универсальность индивидуальных прав человека не только стирает границы между государствами, но и позволяет объединять и смешивать их в стратегическом отношении, то глобальная политика соблюдения прав человека постоянно открывает пространство политической борьбы между государствами и внутри государств, в которых богатые «добрые» вмешиваются в дела бедных «плохих». Таким образом, в сфере прав человека отменяются правила внутренней и внешней политики и вырабатываются новые правила как внутренней внешней политики, так и внешней внутренней политики. Сегодня это можно наблюдать на примере нескончаемых конфликтов между Востоком и Западом, Севером и Югом, а также на примере постоянных стычек по поводу ценности и сути прав человека в азиатских и исламских культурах. Это не в последнюю очередь проявляется в различных внутривнутриполитических сферах, например, в Европе, но и в США, где слияние прав человека с проблемами экономики стало причиной постоянных конфликтов. Следует особо отметить, что режим соблюдения прав человека предоставляет возможность угнетенным группам, классам, народностям, меньшинствам и т. д. повсюду в мире, благодаря поддержке внутренних и внешних неправительственных организаций, заявить о себе мировой обществу.

Переход от национально-государственного к космополитическому миропорядку не в последнюю очередь осуществляется благодаря смене приоритетов в международном праве и правах человека, так как делаются выводы из целенаправленного террористического отчуждения национально-государственной власти. Место действовавшего в национально-государственном Первом модерне принципа: *«международное право выше прав человека»* занимает не продуманный в своих последствиях принцип Второго модерна: *«права человека выше международного права»*. Это означает, что в конфликтных случаях права космополитической личности будут ставиться выше опирающегося на международное право национально-государственного суверенитета.

Сегодня уже проявляются первые характерные революционные черты этого шага. Рушатся прежние, служившие опорой международной системы различия между внутренней и внешней политикой, войной и миром, так как режим соблюдения прав человека вступает в противоречие с международным правом, поворачиваясь поверх народов и государств лицом к отдельной личности и постулируя *«имеющее обязательную юридическую силу общество мирового гражданства индивидуальностей»*. Но оно находится (хотя не всегда и не при всех условиях) в конкурентных и конфликтных отношениях с государственно-граж-

данскими обществами суверенных народов. Замедленное воздействие ускоряется там, где в национальном и интернациональном пространстве соблюдение прав человека в обязательном порядке осуществляется посредством соответствующих инструментов наблюдения и контроля (например, через независимых экспертов или неправительственные организации) иногда вопреки сопротивлению отдельных государств. Оно ускоряется в той мере, в какой удастся организовать активистов прав человека, объединить их и создать международную сеть контроля. Таким способом можно воздействовать на внутренние структуры господства и изменять их, мобилизуя взаимосвязи между внутригосударственными и зарубежными группами акторов на основе их тесного взаимодействия с внешними и внутренними СМИ, государственными институтами и всемирно-экономическими акторами и расширяя базу их влияния. Удастся это и в том случае, если правящие круги и общественность сами (пусть даже только на словах) берут на себя обязательство следовать правилам «модерна и демократии» и если соблюдение прав человека сопряжено с экономическими санкциями. Ярким примером этого могут служить коллективные экономические санкции против Южной Африки с целью покончить с апартеидом — санкции, к которым прибегла в 1962 году ООН и к которым в промежутке между 1970 и 1990 годами присоединились под руководством США более дюжины государств; правда, тут важным было то, что никто в мире не поддерживал режим апартеида, и противодействие ему вылилось во внушительный союз государств, неправительственных организаций и НПК.

Новую главу политики силы открыло прежде всего нынешнее грозное сопряжение глобальной политики соблюдения прав человека с военными интервенциями, скандально заявившее о себе в 1999 году в войне в Косове, развязанной военным блоком НАТО, и показавшее скрытые до тех пор противоречия «военного гуманизма» и интервенционистский характер насаждения прав человека.

Защита прав человека на чужих территориях исключительно гражданскими или в крайнем случае военными средствами осуществляется сегодня на фоне «недостаточной институционализации права мирового гражданства» [*Habermas* 2000, 60]. При этом центральную роль в систематическом наблюдении за нарушениями прав человека и в фиксации этих нарушений в отдельных государствах играют НПО (в кооперации с открытыми странами). Например, «Эмнести Интернэшнл» приводит в систему и совершенствует сеть постоянного наблюдения за нарушениями прав человека во всем мире, включая западные страны. Одновременно эта неправительственная организа-

ция научилась сноровисто и наглядно демонстрировать на примере биографий отдельных личностей внутренний терроризм государств, задним числом устраивать воздействующие на мировую общественность скандалы по поводу нарушений прав личности и, таким образом, обострять сознание прав человека и тревожить мировую совесть. Но это не дает оснований закрывать глаза на то, что и «Эмнести Интернэшнл» устраивает показательные и длительные гуманитарные интервенции невоенными средствами в другие государства.

Можно установить целый ряд параллелей между режимом прав человека и неолиберальным режимом. Тот и другой функционируют по принципу осуществляющих самих себя пророчеств, поскольку оба становятся акушерами нового порядка власти и легитимации. Они пытаются сделать проницаемыми национальные государства и общества, в одном случае, для потоков капитала, кругооборота товаров и потребления, в другом — для осуществления прав человека. Совершенно ясно, что оба режима могут быть — с той или другой стороны — связаны между собой. Так, уже имеется предложение сделать нарушение государствами прав человека поводом для выделения или невыделения инвестиций; таким образом, соблюдение прав человека будет осуществляться с помощью «кнута» мировой экономики.

В ходе новой западной политики этической и экономической глобализации суверенные права национально-государственного модерна лишаются своего ядра и оказываются в подчинении глобальной ответственности. Именно потому, что возбуждение исков по поводу нарушения прав человека подается как нечто в высшей степени легитимное, а соответствующие интервенции, подобно Косову, как акт альтруизма, за пределами понимания нередко остается то, что эти интервенции удивительнейшим образом переплетаются со старомодными целями империалистической мировой политики. Но это значит, что права человека открывают путь *ложному* космополитизму, т. е. гегемониальной инструментализации прав человека.

Эта новая, смешанная форма гуманитарного альтруизма с имперской логикой силы подготавливается развитием, которое можно назвать *кругооборотом глобализации*: экономическая, культурная и моральная глобализация, взаимодействуя, ускоряют распад национально-государственных институтов, что может приводить к тяжелым человеческим трагедиям и войнам, как это случилось в 90-е годы истекшего столетия в Сомали, Западной Африке, Югославии, Албании, а также в некоторых частях Советского Союза. Даже если ослабление центральной власти в западных странах и не может быть сведено к режиму прав человека, становится очевидным, что таким образом обо-

стряется и может вырваться наружу скрытый вакуум государственной власти и легитимации. Это значит, что национально-государственные компромиссы между этническими группами утрачивают свою связующую силу и скрытые конфликты в конечном счете приведут к гражданской войне. Но так как это происходит на глазах мировой общественности, т. е. в сфере действия глобальной ответственности, то вместе с намечающимся взрывом силы и хаоса растет возможность «гуманитарных интервенций».

В кругообороте глобализации объединяются необходимости мирового рынка и «добрые намерения» глобального гражданского общества вместе с цепью «нежелательных побочных воздействий» в глобальную гражданскую, военную и гуманитарную угрозу, включая все дилеммы, которые порождает эта угроза. Чем успешнее действуют в глобальном масштабе провозвестники свободного мирового рынка и поборники прав человека, выхолащивая государственные национальные и территориальные структуры, тем ощутимее становится космополитически мотивированная угроза «гуманитарных интервенций» Запада против все умножающегося мирового населения. В то же время открыто проявляются противоречия этого «военного гуманизма», который из-за возрождения средневековой доктрины «справедливой войны» ставит под сомнение разумную кантовскую идею «мирного, хотя и не всегда дружественного сообщества всех народов земли, которые могут вступать в деятельные отношения друг с другом» [*Kant. Metaphysik der Sitten, Rechtslehre, § 60*]. В мировой системе слабых государств, которая пропагандируется и создается неолиберальной мировой политикой, уже ничто не может встать на пути имперского злоупотребления космополитической миссией.

Это происходит в условиях радикальной исторической одновременности, поэтому соединение глобальной этики, экономики и военной силы создает и укрепляет культурную разделительную линию, которая проходит между рекордсменами нового гражданского миропорядка, т. е. первоначальными западными странами, и глобальными «другими», не удовлетворяющими этим масштабам. Эти обособленные от всемирно-гражданского порядка страны так называемого второго, третьего и четвертого мира вступили в политическое наследство европейского национализма; и многие страны выравнивают свое нестабильное внутреннее положение с помощью авторитарного господства и политики этнического обособления. Им отводится роль *global underdogs*⁵ космополитической эпохи, их оценивают и выде-

⁵ глобальных неудачников (англ.).

ляют по принципу соответствия неолиберальной политике и режиму соблюдения прав человека.

Противоречия этой интервенционистской политики прав человека лежат на поверхности. Во-первых, интервенции в мире, где права человека нарушаются постоянно и явно, осуществляются всегда только *избирательно*. Ввиду эрозии государственного авторитета гражданские войны, во время которых права человека, грубо говоря, топчут ногами, становятся все вероятнее, а интервенции все невероятнее; при этом избирательность интервенции способствует и без того широко распространяющимся подозрениям в создании инструментов политики силы. Во-вторых, государства с чистой (относительно прав человека) совестью впутываются в противоречия тех, о которых пословица говорит: «Других не суди, на себя погляди». Наблюдая за нарушениями прав человека другими, они не замечают этих нарушений у себя. Тем самым в дискуссиях о содержании прав человека находит выражение и спор о двойной морали Запада в вопросе о правах человека⁶.

Одновременно начинается — опять-таки в глубоко укорененной асимметрии между различными частями мира — совершенно ирреальное, парадоксальное, даже извращенное для национально-государственного сознания *реформирование военного дела на принципах граждан-*

⁶ Яркий пример того, как претенциозно звучащие декларации оборачиваются дискриминирующей практикой, дает Организация экономического сотрудничества и развития. На словах эта организация заверяет в своем безоговорочном нейтралитете, а на деле толкование и претворение в жизнь этого нейтралитета часто оказывается ограниченным или откровенно европоцентристским. Легитимность вмешательства ОЭСР во внутренние дела восточноевропейских государств была установлена и провозглашена в июле 1991 года Женевским соглашением. Там говорится, что «проблемы национальных меньшинств относятся к задачам международного сообщества и, таким образом, не являются целиком внутренним делом того или иного государства». Чтобы приглушить далеко идущие последствия этих фраз и тем самым протесты против этого соглашения в западных странах, была введена весьма гибкая интерпретация понятия «национальное меньшинство». Эта часть текста устанавливает, что «не все этнические, культурные, языковые или религиозные различия ведут к созданию национальных меньшинств». Таким образом, стало возможным исключить вопрос о меньшинствах в западных странах, в которых они классифицируются как не-национальные, и снять с повестки дня международной политики, например, права индейцев в США, турков в Германии, арабов во Франции и азиатских и афро-карибских групп в Великобритании.

ского общества. Задачи военных перепрограммированы, их суть — способствовать дальнейшему установлению глобального гражданского общества военными средствами (сравни, например, *Bredow von* 2001). Чтобы ответить на вызовы радикальной неодновременности, «вооруженные силы западных стран следует основательно изменить. Эти далеко идущие изменения столь глубоки, что можно говорить о совершенно новом, постепенно формирующемся типе, о *новых вооруженных силах*» (там же).

Речь идет о вооруженных силах деэскалации, задача которых не защита своей страны от захватчиков и не завоевание чужих государств, а установление и укрепление гражданского демократического общества на чужой территории. Эти «гражданские вооруженные силы» защищают свободное демократическое гражданское общество на земле *других* государств от конфликтующих партий, которые целенаправленно и бесцеремонно нарушают права человека, причем чаще всего как одна, так и другая. Макс Вебер назвал бы это политико-этической армией, которая должна быть подготовлена и вооружена для того, чтобы в условиях чужих культур, государств и правовых режимов в качестве третейского судьи внушать уважение к правам человека.

Эти вооруженные силы уже не присягают на верность своему народу, а образуют действующие в мультинациональном масштабе воинские соединения, взявшие на себя обязательство защищать кодекс прав человека. Вследствие этого ключевое военное понятие «победа» (или «поражение») лишается ауры мифотворческой романтики. Цель не в том, чтобы завоевывать и поработать чужие земли и страны, а в том, чтобы гасить пламя вспыхивающих этнических гражданских конфликтов. Место архаической завоевательной логики занимает функция военной пожарной команды.

Это исторически новое транснациональное слияние гражданского общества и военного дела выражает себя в пластичном оруэлловском языке; голос войны пользуется мирными, ангельскими словесами: «миссия мира», «гуманитарное вмешательство», «peace support operations»⁷ или «military operations other than war»⁸. «Вооруженные силы деэскалации сражаются с противником не за победу; скорее, их действия на военном плацдарме направлены на то, чтобы воспрепятствовать распространению насилия в схватке противоборствующих партий. Главная причина военного вмешательства не угроза собственной стране, а угроза гражданскому населению в другой стране и угроза миру во всем

⁷ операции по поддержанию мира (англ.).

⁸ операции, проводимые вне условий войны (англ.).

мире. Первостепенные цели вмешательства — защита населения, контроль за мероприятиями по оказанию помощи и частичное восстановление достойных человека структур власти» (там же).

Эта цель может быть достигнута не в одиночку, а только при военно-гражданском сотрудничестве и кооперации, в которых участвуют не только вооруженные силы других стран, но и (это тоже главный признак не признающей границ транснациональности) гуманитарные и другие НПО, представители конфликтующих партий, а также корреспонденты национальных и международных СМИ. Соответственно, вооруженные силы по своей структуре превращаются в космополитический общественный эксперимент *en miniature*.

Тем самым сразу устаревает весь морально-политический космос армии. Если противопоставление врага и друга в национальной мифологии казалось столь же обязательным, сколь и культурная однородность солдат, то «военно-гражданские работники» выступают за нечто прямо противоположное — за транснациональную солидарность прав человека, за мультинациональность и целенаправленное сотрудничество с общественно-гражданскими НПО и инстанциями ради выполнения «миссии мира».

В этом смысле новые вооруженные силы по своим целям и характеру использования становятся предшественниками космополитических вооруженных сил, новыми андрогенными существами «военного гуманизма»; одновременно они становятся действительно секуляризованными «армиями спасения».

3. ТРАНСЛЕГАЛЬНОЕ ГОСПОДСТВО

Мировая экономика действует транслегально, т. е. ни иллегально, ни нелегитимно. Возрастание ее власти происходит в виде «революционной узурпации» (в смысле Макса Вебера) в цифровом пространстве. Транслегальное господство имеет в виду длительный, более или менее институционализованный шанс влиять поверх всех национальных систем и функциональных границ на результаты государственных решений и реформ, чтобы их приоритеты соответствовали приоритетам распространения всемирно-экономической власти. Речь, таким образом, идет о том, чтобы – варьируя определение господства Максом Вебером – без всякой надежды, без приказа и повинения, посредством целенаправленной политики отказа от выделения инвестиций, от вмешательства воздействовать на изменение государственной структуры, которая (в крайнем и удачном случае) принимает режим мирового рынка и использует его в качестве внутреннего компаса государственной политики. Эта цель достигается там, где государства рассмат-

ривают приспособление к мировому рынку как политическое обязательство во имя всеобщего благоденствия.

Историк и философ Дэвид Юм уже давно выразил свое удивление по поводу того, с какой легкостью некоторым удается навязывать свою волю большинству даже с их согласия. В связи с этим Макс Вебер строил теорию господства, исходя из вопроса, какие виды веры в легитимность побуждают тех, кем повелевают, признавать власть повелителей. Интересуясь формами стабильного господства, он уделил мало внимания промежуточным и двойственным формам нестабильного господства⁹. При транслегальном господстве речь идет о нестабильной форме господства со специфическим «ни – ни». Транслегальный – значит ни иллегальный, ни нелегитимный; в то же время транслегальный – это ни легальный, ни легитимный. Это двойное отрицание не складывается в позитивное утверждение, так как всемирно-экономический авторитет не может сослаться на *какую бы то ни было* глобальную веру в легитимность и не располагает этой верой.

В этом смысле можно говорить о транслегальном господстве как об а-легальном и а-легитимном, если под этим понимается двойственный статус – ни иллегальный, ни легальный, ни нелегитимный, ни легитимный. Метавласть капитала распространяется, формально не нарушая законы и не располагая одобрением парламентов и правительств, вместе с развитием новых информационно-технологических возможностей по сокращению временных горизонтов и устранению расстояний. Она вытекает из того, что Дэвид Харви называет уничтожением пространства временем (1990, 299). Образно говоря, *государства имеют корни, а инвесторы – крылья*. Эта новая асимметрия укорененной и окрыленной формы власти позволяет проводить захват мировой экономики невоенными средствами.

Под транслегальным господством имеется в виду не господство, стоящее над законом, как господство королей и императоров, которые правили милостью божьей. Речь, скорее, идет о комбинации определенных признаков:

⁹ В этом плане Макс Вебер различал три типа веры в легитимность и, соответственно, легитимного господства, а именно: традиционное, харизматическое и легальное господство. Легальность подразумевает господство «в соответствии с коллективным договором»; в этом случае подчиняются «легально установленному, деловому, неличностному порядку и вытекающей из него силе формальной легальности» (124). Легитимность, таким образом, может, но не обязана опираться на легальность.

1) Транслегальное господство имеет в виду транснациональную метавласть, поскольку она систематически использует для целей всемирно-экономического влияния кооперативные преимущества и укрытия различных национальных правовых режимов.

2) Транслегальное господство имеет в виду метавласть, насаждающую право. Концерны не хотят кулачного права, но международные правила или слабы, или вовсе отсутствуют, а национальные правила противоречат друг другу. Поэтому концерны насаждают свое собственное право, действующее как для технических и трудовых стандартов, так и для договорного права, а также для улаживания международных конфликтов и т. п. Все еще верно положение, содержащееся в германской Конституции: «Любая государственная власть исходит от народа» (ст. 20, абзац 2, п. 1), но больше не действует тезис, что вся власть принадлежит государству. Особенно право учреждения власти, компетенция компетенции (право решать, кто за что в обязательном порядке отвечает) принадлежит уже не единственно легитимной государственной власти. Возникают формы суверенитета, разделенного между государствами и всемирно-экономическими акторами (организациями). Это значит, что в рамках частной мировой экономики образуются новые организационные формы необщественной власти, стоящей над суверенными государствами, не претендующей на государственный суверенитет, но частично утверждающей свое право.

3) Под транслегальной властью понимается квазигосударственная компетенция компетенций – с центральным выводом: «транснациональные предприятия должны как квазигосударства принимать и квазиполитические решения». В геномной технике, например, эта компетенция проявляется открыто. При каких условиях можно экспериментировать с геномным материалом животных и даже людей и можно ли это делать вообще – вот центральные вопросы человечества, о которых на различных национальных аренах ведутся острые дискуссии. На деле же национальные правительства и общественность – всего лишь наблюдатели принимаемых решений. Руководящий персонал концернов принимает решения *без* их согласия и сразу же приступает к выполнению этих решений. Если какой-нибудь национально-государственный институт попытается ограничить пространство действия концерна, тот найдет для себя другое поле деятельности. В конечном счете вопрос не в том, может ли что-то произойти; вопрос в том, где это произойдет. В крайнем случае всемирно-экономические акторы принимают политические решения сами, без демократической легитимации.

4) Транслегальное — это метавласть инновации, т. е. систематическое вмешательство в институциональные и познавательные условия и возможности производства нового; а это означает в первую очередь обретение и утверждение власти над производительными силами и инновационными возможностями науки. В той мере, в какой всемирно-экономическим концернам и организациям удастся поставить этот общественный источник монополии на службу техническим новшествам и истине, они действительно располагают некоторыми козырями в игре, на кону которой всемирно-экономическая власть. Они могут создавать и ликвидировать рабочие места, создавать продукты и рынки, бороться с государственным регулированием и контролем или отмахиваться от них, устранять конкурентов и т. д.

5) Ограничения вытекают из того, что транслегальное господство есть господство транслегитимное, ибо оно не располагает собственной глобальной легитимностью, действуя помимо всемирно-государственных правовых рамок и вне демократических источников легитимации. Откуда черпают всемирно-экономические акторы легитимацию своих решений? В чем природа их мандата? Они видят оправдание своих решений в рациональных экономических критериях рыночного успеха. «Мандат» всемирной экономики покоится на экономическом востуже владельцев акций, который проявляется в повышениях и понижениях курса на глобальных финансовых рынках; он покоится, *mutatis mutandis*, на одобрении потребителей, которые, покупая, всегда используют свое избирательное право, т. е. обращаясь к конкуренту, могут весьма действенно выразить свое (политическое) доверие. Эта экономическая легитимация, правда, предполагает легитимное право и легитимную силу национального государства и не уполномочивает всемирно-экономическую власть на действия против государств. Метаборьба за власть черпает свои темы, свою динамику конфликтов, формы протекания и необозримые последствия прежде всего из того, что граница между государством и экономикой (включая компетенцию, право принимать решения, кто за что несет ответственность) прорвана, стратегически изменена, сдвинута и зафиксирована заново. Если вместе с Жаном Боденом понимать суверенитет как основанное в себе самом, ни от чего не зависящее право принимать обязательные для всех решения, особенно как компетенция устанавливать права, то всемирно-экономические акторы и организации требуют и используют в транснациональном, глобальном пространстве экономической деятельности часть негосударственного, надгосударственного, определяемого экономикой квазисуверенитета.

Это связано с правовым вакуумом глобальной деятельности, которая, с одной стороны, вытекает из несуществования мирового государства, а с другой стороны, из того, что государственный суверенитет установления права ограничен национальными рамками.

Это значит, что в существующем де факто суверенитете всемирно-экономических организаций законодательная власть одновременно *приватизирована* и *транснационализована*. Транснациональная компетенция компетенций всегда остается национальной. «В связи с этим на повестке дня стоят правовые реформы как в развитых капиталистических странах, так и в бывших странах социализма, а также в странах Африки, Азии и Латинской Америки, которые преобразуют свои правовые нормы и институты под руководством Международного валютного фонда и Международного банка реконструкции и развития. В этом смысле национальное государство фактически больше не располагает монополией на законодательную деятельность. Ряд новых акторов – *corporate law firms*¹⁰, частные третейские суды, международные институты и НПО – вносят лепту в умножение форм правления, вариантов законодательной деятельности, распространения методов интерпретации, а также применения норм и стандартов. Негосударственные законодатели являются одновременно продуктом и движущей силой транснационализации господства. Национальные правовые пространства все больше транснационализируются, а транснациональные правовые режимы вводятся в национальные сферы» [*Randeria* 2001, 25]. Права человека, права собственности, патентные права и права окружающей среды суть ключевые темы, в которых расплываются, исчезают и проводятся заново границы между национальным и транснациональным контекстами, причем таким образом, что как в национальной, так и транснациональной сферах заново определяются (выторговываются) транснациональные и национальные зоны влияния, ответственности и обязательств [*Goldstein, Karla, Keohane, Slaughter* 2000; *Zürn, Wolf* 2000].

Вследствие этого организация политического господства, которая в эпоху Первого модерна руководствовалась исключительно правилами, принципами и методами национального государства, во втором модерне трансформируется и варьирует изнутри. Управление в смысле реального решения проблем все чаще осуществляется в частном порядке [*Cotler, Haufler, Porter* 1999; *Grande* 2000; *Schlichte, Wilke* 2000].

Транснациональные предприятия, таким образом, превращаются в частно-экономические квазигосударства, которые, с одной стороны,

¹⁰ корпоративные юридические фирмы (англ.).

принимают обязательные для коллектива решения, а с другой стороны, мутируют в направлении фиктивных, виртуальных организаций, наделяющих себя правом принимать решения. Старые предприятия управлялись через рынок и иерархию, их власть и решения определялись и ограничивались экономически, что приводило к утрате ими легитимности. Но предприятия как квазигосударства должны принимать и политические решения, одновременно они существенно зависят от договоренностей и доверия, вследствие чего крайне нуждаются в легитимации.

Хотя и они организованы и легитимированы не на демократической основе, многим антиглобалистские инициативы кажутся неким движением робин гудов. Когда, например, спрашиваешь молодежь, какие политические организации они ставят выше всего, они называют такие движения, как Гринпис и «Эмнести Интернэшнл». Это означает, что существует *парадокс власти и легитимности*. ТНК и экономические организации располагают большой властью и малой легитимностью. Социальные движения, напротив, при высокой легитимности имеют мало власти. И растущие темпы переплетения мировой экономики ускоряют распад легитимации всемирно-экономической метавласти. Эта *легитимационная ловушка* всемирно-экономической власти представляет собой значительный потенциал политизации. Хронический дефицит легитимации делает мировые рынки *ультранеустойчивыми*, так как концерны работают в условиях зависимости. Чем сильнее они эмансипируются от избирателей или государственных институтов, тем зависимее становятся они от потребителей и их доверия, от рынков и конкурентов. Достоверность становится решающим капиталом, так как мировые рынки предполагают доверие общественности и потребителей. Если доверие утрачивается, это может нанести урон рынкам, концернам, даже американской экономике и мировой экономике в целом, как показывают в настоящее время балансы прибегающих к фальсификациям крупных концернов, манипулирующее генами производство продуктов питания, а также связанное с риском производство мясных продуктов, сельское хозяйство, ядерная энергетика и т. д. Хрупкость доверия акционеров и потребителей свидетельствует о ненадежности легитимации действующих в мировом масштабе концернов, это их ахиллесова пята. И именно в это уязвимое место нацелены действия социальных движений. Но даже неолиберальное американское правительство вынуждено противодействовать драматическому упадку доверия с помощью антинеолиберальной политики (по крайней мере, символической) регулирования и контроля.

Откуда движения защиты (например, Гринпис) получают свой мандат на деятельность? Они тоже уполномочивают самих себя, претендуют на часть негосударственного суверенитета, когда берут на себя ответственность за окружающую среду, протестуя в первую очередь против национально-государственного и всемирно-экономического эгоизма. Но у них нет на это поручения от избирателей; своей внутренней организацией они нарушают правила демократии, за которые они борются в глобальном масштабе. Они черпают свою легитимность в активно поддерживаемом СМИ отрицательном отношении к самоуничтожению цивилизации (см. с. 334 наст. изд.). Свой мандат они получают за счет усилий по разрешению таких коренных вопросов человечества, как разрушение окружающей среды, опасности, которые несет с собой мировая экономика, нарушения прав человека и гражданских прав, борьба против растущей глобальной нищеты, и бесцеремонного нарушения неписанных правил глобальной справедливости. Применительно к этим мировым проблемам речь идет не о внутренних делах национальных государств или интернациональных концернов. Поэтому вполне легитимно вмешиваться и даже с помощью целенаправленных нарушений национально-государственного права при поддержке СМИ тревожить и активизировать мировое общественное мнение.

Мировое общественное мнение располагает по отношению к государствам лишь незначительными возможностями влияния. Но по отношению к концернам его потенциал влияния огромен, особенно если рассматривать мировое общественное мнение под экономическим углом зрения, как тезис: «политический потребитель обнаруживает, что и он обладает властью». Спящий великан Потребитель просыпается и превращает акт покупки в голосование о всемирно-политической роли концернов, побивая концерны их же собственным оружием — деньгами и отказом от покупки.

Мандат социальных движений — это всегда *post-hoc*-мандат. Они действуют на опережение защиты глобальных ценностей и ответственности, опережение, которое может подтвердиться или не подтвердиться позже, например, в международном бойкоте потребителей. Поэтому их мандат — это одно из подтверждающихся или опровергающих себя пророчеств. Здесь тоже действует правило: «нет ничего благоприятнее успеха, и ничто так не разрушает доверие, как неудача».

Сколько бы ни спорили отдельные группы, особенно антиглобалисты, решительно выступая за протекционизм и столь же решительно против всемирно-экономического переплетения экономики, их собственные усилия не останавливаются перед национальными грани-

цами. Борьба против глобализации давно уже стала глобализированной борьбой. Только всеобщее распространение и использование глобальных СМИ делает социальные движения серьезной политической оппозицией господству мировой экономики. Концерны против движений — это два великих блока, противостоящих друг другу на международной арене нового политического мира.

Инструмент власти, которым могут воспользоваться международные средства информации, — это, наряду с требованием глобальной ответственности, *достоверность информации*. В мире, где лгут не от случая к случаю, а принципиально, тот, кто говорит правду, опасен. Государства и концерны рассматривают правду под стратегическим углом зрения, т. е. они замалчивают неблагоприятные для себя факты и пропагандируют те, что сулят им выгоду. Для выполнения этой задачи у них имеется огромный и дорогостоящий аппарат. Напротив, легитимационная сила общественных движений основывается на достоверности свидетельств о действиях, своей надежной информацией избобличающих «нарушителей». Если все складывается благополучно, глобальные социальные движения воздействуют экспериментальным опережением на космополитическую мораль и реформу. Они сообщают мировой общественности о далеких от реальности идеях, проверяют эти идеи на соответствие действительности, а также наделяют правом голоса граждан и борцов за гражданские права.

4. НЕОЛИБЕРАЛЬНЫЙ РЕЖИМ

После холодной войны неолиберальная глобализация стала не только влиятельной, но и решающей нормативной и политической силой в мировой политике. У алтарей всемогущего бога — мирового рынка — снова и снова звучит обещание, что все, кто подчиняется заповедям мирового рынка, будут наделены земными благами. Политические и нормативные претензии неолиберализма выступают в последнем революционном варианте с обещанием в качестве реальной экономической политики открыть возможность устранения глобальной иерархии власти и разделения труда. Неолиберальный режим не только охватывает политические принципы, оптимизирующие экономический эгоизм, но и претендует на создание всеобъемлющей политики справедливого распределения. Неолиберализм заявил о себе как о всемирной квазипартии, которая распространяет свое влияние внутри разных национальных партий и на разных политических аренах, претендуя при этом на представление и защиту глобальных ценностей, а не интересов экономики. Реальная утопия гласит: «благодаря господству неолиберального режима удастся освободить миллионы людей во всем мире от оков нищеты, соз-

давая при этом ситуации, выгодные для всех, а не динамику, при которой победители получают все». Однако сила убеждения неолиберального режима зависит от успеха, при неудачах она убывает. По мере того как возникают и воспринимаются мировые кризисы и риски, приводя к глобальным перекосам и конфликтам, растут шансы противостоящих им космополитических движений.

Как победное шествие неолиберализма относится к национальному и космополитическому взгляду? Неолиберальный паровой каток вызывает противоречия и сопротивление, но в качестве глобальной политики устранения границ, возможно, открывает простор для космополитического века. Наследие неолиберальных противоречий не обязательно ведет к ренационализации мира, оно могло бы привести и к самокритичному космополитизму. По каким приметам можно узнать, как далеко простирается власть неолиберального режима, где он кончается и каким образом может быть поставлен под сомнение? Какие индикаторы свидетельствуют о подъеме неолиберализма в мировой политике, а какие о его упадке? Неолиберальный режим исключает выбор и манеры поведения, которые *не* способствуют, а препятствуют связям с глобальными структурами (и рынками, институтами). Поэтому стратегия экономического национализма – национализация ядерной индустрии, правовое благоприятствование национальной экономике, законы о допустимых размерах иностранного капитала – дискредитировала себя. Там, где эта стратегия по-прежнему в ходу, она стала обязательной для оправдания. Можно сказать, что место само собой разумеющейся исключительности национального взгляда занял дуализм протекционизма и открытости миру. Все попытки (даже таких многонаселенных стран, как Советский Союз или Китай) минимизировать или вовсе обрубить связи с мировой системой обернулись своей противоположностью. Китайская версия социалистической рыночной экономики была прежде всего нацелена на открытость и частичное участие Китая в глобальных связях и институтах. Не исключение, а включение в глобальные потоки капитала, информации и коммуникации, науки, технологии, туризма, а вместе с этим и миграции, преступности стало доминирующей мировой политикой. Идеал автаркического государства ушел в прошлое.

Неолиберальный режим принимает решение о включении в мировую экономику или исключении из нее. Его власть покоится на потенциальном экономическом и моральном обособлении целых государств и их народов. Не только государства обособляют другие государства. В условиях неолиберального режима не-государства обо-

соблюдают государства и их население, просто-напросто отказываясь их инвестировать.

Фактическое или предстоящее исключение государств или национальных обществ связано с различными причинами: подъемом или падением на мировом рынке, поощрением или наказанием перед мировой общественностью. В одном случае они исключаются из круга благоприятных для инвестирования государств, в другом – из круга признанных государств, лишая их материальной базы или признания. Негосударственная власть всемирно-экономических акторов осуществляется не умышленно, она, говоря юридическим языком, непреднамеренна.

Значимость и сила сцепления неолиберального режима не в последнюю очередь связана с тем, что его нормы учреждаются в *глобальном масштабе*, т. е. включают национальные государства в качестве исполнительных органов. Международный валютный фонд создал систему наблюдения, в которой применяются нормы «хорошего» поведения на национальном и муниципальном уровне. Неолиберальный режим предусматривает обязательные глобальные решения, направленные против сопротивления отдельных государств. В соответствии с этим пропагандируется и используется универсальный принцип *policy mix*¹¹. Политические реформы должны быть ориентированы на достижение экономических целей – низкой инфляции, уравновешенного бюджета, устранения препятствий для торговли и контроля за валютой, максимальной свободы для капитала, минимального регулирования рынка труда и создания гибкого, легко приспосабливающегося к обстоятельствам социального государства, побуждающего граждан к труду. Вот цели реформы, проводимой неолиберальным режимом. Таким образом, экономическое господство может оставаться вне политики, так как приспособляемость к международной экономике, прежде всего к глобальным финансовым рынкам, стала компасом правящей национальной политики.

Лакмусовая бумажка растущего господства неолиберализма – то, насколько сигналы-рекомендации глобальных рынков становятся рациональным масштабом политических решений и реформ. В той мере, в какой это удастся, неолиберальный режим сливается с общественным благом.

В политологии существует различие между *партией* и *идеологией*. Партии как организационные единства политического волеизъявления могут находиться в противостоящих друг другу лагерях, например

¹¹ сочетания политических мер (*англ.*).

в правительстве и оппозиции, в то время как идеология, политический прагматизм в настоящее время поверх всех партий и национальных границ унифицируются *больше*, чем это утверждается, например, в тезисе о социал-демократическом веке (Дарендорф). Точно таким же образом поверх всех границ, разделяющих партии и народы, добивается своих целей неолиберальный режим как единая всемирная идеология. Неолиберализм правит не только на уровне менеджмента мировых концернов и в глобальных экономических организациях, вроде Международного валютного фонда и Международного банка реконструкции и развития. Он действует и доминирует также *внутри* национальных партий, парламентов и правительств. Это проявляется хотя бы в том, что межпартийные противоречия повсеместно слиты с ключевыми вопросами экономики, рынка труда, образования, с политикой социального государства. В этом смысле самые разные партии лишились собственной программной сути и за привычными вывесками-названиями превратились в ответвления одной политической идеологии – идеологии неолиберализма.

Во-первых, всемирно-экономическая программа неолиберализма размывает изнутри национальные особенности и границы и ускоряет реформы, направленные на национальную открытость глобальным взаимозависимостям.

Во-вторых, программа экономической глобальности претворяется в жизнь в тех сферах, где партии соперничают друг с другом, и направлена против приоритетов национальной политики.

И наконец, в-третьих, неолиберализм – это транснациональная идеология в том смысле, что глобальные интересы рынка осуществляются во взаимодействии национальных партий как во внутринациональном, так и в транснациональном масштабе.

Существует феномен враждующих близнецов – правящих неолиберальных социал-демократов и оппонировавших им неолиберальных консерваторов в Великобритании, США, Германии, Франции, Японии, Южной Корее, Аргентине, Бразилии т.д. Все они борются, взаимодействуя друг с другом в различных всемирно-экономических нишах, за утверждение неолиберального режима в национальном и транснациональном пространстве.

Сила соблазна неолиберализма заключается в двойном импульсе: во-первых, в обещании наградить за открытость миру богатством; во-вторых, укрепить транснациональные институты и организации, т.е. *установить транснациональный миропорядок глобальной эпохи*. В то же время политика обретает негативный признак: под флагом безальтернативной модернизации мирового рынка она в конечном

счете занимается самораскруткой. Поэтому можно говорить о *западной неолиберальной трактовке политики*.

Таким образом, мы переживаем не «конец политики», а скорее начало новой мировой экономической политики: неолиберальный режим осуществляется как глобальная политика реформ [Sklair 2000]. Он борется за мир без границ — не для труда, а для капитала. Варианты неолиберального будущего подвергаются резкой критике. Один из аргументов гласит: имеются веские причины сомневаться в том, что неолиберальный режим вообще в состоянии воспроизводить себя. Главные индикаторы и двигатели нестабильности следующие [Pieterse 2000]:

- финансовая нестабильность, форсируемая экономическим обществом риска; об этом говорит серия финансовых кризисов в районах, открытых для мирового рынка;
- безработица, неполная занятость, автоматизация и новые формы роста безработицы; сюда же относится и впечатление, что пространство деятельности государств сжалось до дилеммы: оплачивать растущую нищету высокой безработицей (как в большинстве европейских стран) или же согласиться с кричащей нищетой при немного меньшей безработице (как в США);
- соответственно растет неравенство и нищета внутри обществ и между обществами, что в свою очередь порождает многообразные социальные и политические конфликты, проблемы и риски;
- растет список грозящих глобальных катастроф окружающей среды и технологических рисков: климатическая катастрофа надвигается быстрее, чем ожидалось (как сообщает экспертная группа по защите климата при ООН). Существует угроза наводнений и засух, войн и сокращения водных ресурсов и т. д.;
- налоговые поступления концернов сокращаются тем сильнее, чем мобильнее становятся эти концерны; соответственно возрастают и трудности территориально связанных правительств осуществлять свое право налогообложения по отношению к транснациональным хозяйственным акторам;
- соответственно возрастают трудности национального и глобального финансирования общественного благосостояния;
- повсеместно проявляются противоречия между свободой и капитализмом, демократией и рынком [Beck/Willms 2000].

Триединство дерегулирования, либерализации и приватизации не ведет к исполнению опровергающих самих себя пророчеств о неолиберальном будущем, ибо здесь дает о себе знать основное противоречие: минимум нормирования и регулирования в мировом масштабе служит собственным интересам как мировой экономики, так

и государств и их политических партий. Без налогообложения нет инфраструктуры, без налогообложения нет подготовки специалистов, нет оплачиваемого здравоохранения. Без налогообложения нет функционирующей общественности. Без общественности нет легитимности. Без легитимности нет безопасности. И чтобы замкнуть круг — без публичных дискуссий и форм регулируемого, т. е. признанного, а не насильственного разрешения конфликтов как в национальном, так и в глобальном масштабе, в конечном счете не будет и мировой экономики — в каком бы то ни было виде.

Космополитический режим может научиться у неолиберального тому, что успешное регулирование должно опираться на глобальные обязательства; всего остального будет недостаточно. Чтобы утвердиться в глобальном масштабе, регулирование должно быть приемлемым, несмотря на конфликтную линию, разделяющую Север и Юг. Такой режим должен иметь в виду глобальную перспективу развития и тем самым взять на себя поддержку интересов и особого положения малых и слабых государств, находящихся на периферии мировой экономики.

5. ДИАЛЕКТИКА ГЛОБАЛЬНЫХ И ЛОКАЛЬНЫХ ВОПРОСОВ, ИЛИ КРИЗИС ЛЕГИТИМАЦИИ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Существует диалектика глобальных и локальных вопросов, которые выпадают сквозь сетку национальной политики. По мере того как в повседневной жизни человека подобные вопросы становятся все актуальнее, но в национальном масштабе решаются недостаточно или не решаются вовсе, обостряется легитимационный кризис национально-государственной политики.

«Глобальные трансформации» [Held и. а. 1999] в этой области следует понимать как революционное развитие в двояком смысле — как смену научной и политической парадигм. Но именно этот диагноз вызывает ожесточенные споры. Вообще глобализация часто понимается как глобальное переплетение и взаимосвязанность, т. е. как процесс, в котором для глобального охвата должны создаваться или увеличиваться только технические предпосылки. «Механизмы всеобщего переплетения и взаимосвязанности сами по себе не так уж и новы, как считают некоторые “глобализаторы”, суть необходимые, но недостаточные условия глобальной трансформации в полном смысле слова, — возражает Мартин Шоу. — Глобализация — это или осознанный процесс, или ее нет вовсе. Ключ к ней — охватывающее весь мир осоз-

нение человечеством глобальности не как абстрактного морального или интеллектуального вопроса, а как проблемы, глубоко укорененной в социальной борьбе и связанной с социальным развитием, как демократическое развитие, которое обычно рассматривается изолированно. В этом смысле действительно можно наблюдать диффузную, неодновременную и незаконченную глобальную революцию, как и многочисленные проявления антиглобалистической контрреволюции» [Shaw M. 2000, 230].

В этой связи можно уточнить теорию метавласти. Она исходит не из того, что глобализация сама по себе насаждает всеобщее осознание глобальности. Скорее, глобальность следует истолковывать как конфликт метавласти, связанный с *определением* глобальности. Стратегии капитала, государственные стратегии и стратегии адвокатских движений открывают не только конфликтное пространство, в котором пограничные конструкции национально-государственной политики становятся объектом торговли. Они, таким образом, порождают глобальность как систему отношений, в том числе как self-fulfilling prophecy¹².

С этим связаны три последствия. Во-первых, глобальность *нельзя* рассматривать как глобальную общность судьбы. Во-вторых, глобальность (в смысле теории метавласти) следует понимать как производство глобальных конфликтов и тем самым как *фабрику глобальной рефлексивности*. В-третьих, это значит, что теория метавласти не претендует ни на определение направления, ни на результат глобального развития; тем более она не подчиняет космополитизации существование всемирно-исторического субъекта. Скорее, она дает и выдвигает во главу угла теоретические и эмпирические ответы на глобальные проблемы. В то же время теория метавласти указывает на собственную динамику глобальных процессов, которые производят минимальный политически действенный, *нормативный горизонт ожидания* результатов транснационального управления. Главные проблемы, волнующие людей, — это мировые проблемы не только в том смысле, что они по своему происхождению и последствиям вырастают из национальной политической схемы, но и потому, что повсюду — в данном селении, в данном городе — поднимают бытовые вопросы, например продовольственного снабжения, строительства, инвестиций. Эта новая транснациональность повседневных и политических проблем растет вместе с победным шествием неолиберальной политики. За последние годы либерализированы зависевшие от государственного

¹² сбывающееся пророчество (англ.).

управления отрасли; главный пример – телекоммуникации, другие примеры – энергетика, продовольствие и финансы. Освобожденная благодаря этому мировая конкуренция привела к конфликтам между национальными нормативными инстанциями. Эта проблема тем временем стала глобальной из-за свободного обращения товаров. Но это только начало. Уже сегодня вырисовываются новые источники конфликтов – глобальное нормирование окружающей среды, финансов, рынка труда, т. е. договоренности по пространствам деятельности, где регулирование еще важнее и труднее, так как это связано с высокой политической чувствительностью.

Здесь проявляется обратная сторона неолиберальной политики. Первая волна национального де-регулирования порождает вторую волну транснационального ре-регулирования. Тем самым обесценивается то, что в 80-х годах XX века поднималось на щит, – государство и политика. Требуется прямая противоположность неолиберальной деконструкции – сильные государства, необходимые для продвижения внутри них и за их пределами транснационального рыночного регулирования. Уже сейчас внутри Севера (например, между США и Евросоюзом) противоречия, связанные с качеством и безопасностью продовольственных товаров, почти необозримы. Но подобные трудности становятся все значительнее вместе с ростом противоречий в культуре, сфере доходов и системных политических условий сопричастных государств. В то же время ясно, что пока приходится выторговывать, находить, выдумывать такие договоренности, глобализация остается постоянно действующим источником конфликтов не только в политике и экономике, но и в повседневной жизни людей. Это ускоряет работу названного механизма: глобальные проблемы вспыхивают, как молнии, в повседневной жизни людей и приводят к смене приоритетов, но в национальном масштабе не решаются совсем или решаются в недостаточной мере.

В этой связи встают следующие вопросы:

Кто, собственно, уполномочен и имеет право принимать решения и создавать институты, которые в состоянии регулировать международные финансовые потоки?

Какой вид консенсуса необходим и кто должен привлекаться к участию, чтобы соответствующим образом встретить катастрофическое изменение мирового климата?

Можно ли в частной сфере с ее заданной невменяемостью решать вопросы борьбы со СПИДом (или с неприятием мер), когда речь идет о жизни миллионов людей?

Какой тип политического актора или политической организации был бы идеальным, на каком уровне и с каким мандатом?

Как связаны друг с другом глобальные, транснациональные, национальные и локальные полномочия для принятия решений и как они обособляются друг от друга?

Кто через головы национальных государств принимает обязательные для них решения, устанавливает нормы и способы регулирования, словно имея на это право?

Растет понимание того, что необходимы новые глобальные институты, способные заниматься вопросами глобального разрушения окружающей среды, контроля за вооружением, финансовыми проблемами, миграционными потоками, бедностью и справедливостью, соблюдением прав человека. При этом каждое мероприятие или каждый институт должны учитывать, что мировые проблемы имеют региональную, т. е. национальную, и локальную стороны. Кто должен контролировать этих акторов? Кому они подотчетны? только национальным государствам? каким парламентам? какой общественности? Организации Объединенных Наций? НПО?

Возьмем для примера сообщение ООН о том, что климатическая катастрофа надвигается быстрее и будет сокрушительнее, чем предполагалось ранее. Вероятно, первой реакцией на это сообщение будет враждебное отношение к данному прогнозу; возможно, голос Кассандры — ООН будет тем громче, чем сильнее окажется общественное давление ее критиков. Разве тепличного эффекта не было еще в Средние века? Но эта попытка уйти от проблемы пресекается. «Вывод отчета ООН ясен и одобрен больше чем сотней государств», — заявляет Роберт Уотсон, президент группы ООН по защите климата. Нам грозят наводнения и засухи (сошлемся только на два последствия), которые будут иметь неожиданные и непредсказуемые синергетические эффекты.

Научно обоснованное заключение о том, что будущее человечества находится под угрозой, обращено не только к правительствам, к менеджерам соответствующих промышленных предприятий, но и к людям земли. От *всех* требуется немедленно и кардинально изменить свое поведение. Мировые проблемы суть научно сформулированные *моральные максимы с космополитической целью*. Выдвигаются аргументы и ведутся споры об озоновой дыре, климатической катастрофе, коровьем бешенстве и т. д. на языке науки. Но смысл ясен: мы должны действовать!

Собака зарыта в этом «мы». Кто это — мы? государства? международные организации? Европа, США, третий мир? автомобильная промышленность? ученые? потребители? средства массовой информации?

Речь идет о правовых вопросах? о вопросах передвижения людей? о расширении строительства автомобильных дорог? о конкурентной

стратегии производителей катализаторов на европейских рынках? об азиатском сельском хозяйстве? о возможных войнах? о дефиците питьевой воды в отдельных районах Африки и Южной Америки?

Будут затоплены морем Нидерланды и Бангладеш или речь идет о вместимости гостиниц баварской индустрии отдыха?

Проблема проблем вот в чем: речь идет обо *всем* этом понемногу, поэтому никто не может с уверенностью сказать, что в действительности имеется в виду. Во всяком случае, не вызывая возражений со стороны других промышленных отраслей, соседних государств, пограничных научных дисциплин или стран третьего мира.

«Мы» этой неразрешаемой проблемы не способны действовать, его просто не существует. Эту дилемму выдвигают такие мировые проблемы, как грозящая климатическая катастрофа. *Не существует ни глобального консенсуса, ни действенных глобальных институтов.* Поэтому обостряется чувство настоятельной потребности в действии без шансов на успех.

В Европе уже появляется политика, которая собирается всерьез заняться такими транснациональными проблемами, как климатическая катастрофа, отказ от ядерной энергетики, правовое регулирование генетики человека, а также иммиграцией, правами человека и другими сложными вопросами. Все эти вопросы являются чрезвычайно актуальными и одновременно не разрешимыми в национальном масштабе. Они побуждают к квантовому переходу политики, а именно к отказу от национальной автономии ради создания космополитического суверенитета для решения национальных проблем. Но против этого легко организовать успешное национальное сопротивление. Если эта транснациональная открытость национальной политики не состоится, то доверие к действенности национально-государственной политики будет надолго поставлено под сомнение.

6. ЗАПАДНЯ НАЦИОНАЛЬНОСТИ

В глобальную эпоху государства попадают в «западню национальности». Если они придерживаются постулата о суверенитете национальной политики, то усиливается конкурентная борьба между государствами за инвестиции и привязанность государства к одной национальности становится препятствием для транснационального развития политики.

Резюмируя предыдущую аргументацию, можно вывести центральный парадокс неолиберального понимания политики и модели государства. С одной стороны, эта модель ориентирована на минима-

листское государство, задачи и автономия которого должны быть приспособлены к продвижению и закреплению норм мировой экономики. Соответствующее мировому рынку государство должно быть легко заменяемым и взаимозаменяемым, чтобы конкурировать с возможно большим числом таких же государств и прочувствовать на институциональном уровне неолиберальный режим мирового рынка. С другой стороны, осуществить дерегулирование рынка и приватизацию социальных достижений не может слабое государство. Требуется именно *сильное* государство, так как соответствующий всемирно-экономическому устройству правовой режим в свою очередь должен быть санкционирован государством и проведен в жизнь вопреки сопротивлению общества. Важно также модернизировать институты контроля и подавления, например устранить пограничный контроль и быть готовым к терроризму — этому оружию слабых. Но в первую очередь государство должно отдавать себе полный отчет в том, что мобильность капитала ни в коем случае не должна совпадать со сравнимой мобильностью труда.

Отсюда следует второй парадокс: *глобализация осуществляется вместе с подчеркиванием важности и усилением границ*, с усилением пограничного контроля. Правда, эти новые границы функционируют не так, как прежние. Они напоминают швейцарский сыр, так как в них систематически встраиваются дыры и ненадежные места, ведь в то же время они должны обеспечивать поток информации, капитала и людей (туристов) (см. стр. 26 и сл. наст. изд.). Политическая власть и автономия правительств ни в коем случае не должны урезываться. Государства должны быть поставлены в такое положение, чтобы они могли побуждать свои общества к принятию транснациональных правил господства. Более того, государства должны готовить *post-hoc*-легитимацию для принятия совершенно недемократических решений, чтобы в конечном счете лишить власти национальную политику и предоставить мировой экономике узаконенную свободу действий. Чтобы достичь цели неолиберальной реструктуризации мира, власть государств пришлось бы одновременно ослаблять и усиливать.

Эта парадоксальность может оставаться не выявленной в ситуациях, когда *те и другие* — государства и всемирно-экономические акторы — в ситуациях погони за выгодой выигрывают от перераспределения власти. Но в кризисные времена она вполне может стать источником конфликтов. Серьезные протекционистские реакции в ответ на постнациональную опасность терроризма или наметившуюся всемирно-экономическую рецессию могут не только радикально дестабилизировать отношения между государствами и всемирно-эконо-

мическими организациями, но и нанести вред кооперации между ведущими всемирно-экономическими государствами. Что произойдет, если воинствующие движения начнут раздувать и использовать антиглобалистский рессентимент и угрожать сотрудникам и учреждениям тех или иных попавших под обстрел глобальных концернов? К кому тогда станут обращаться их руководители с просьбой о защите? Начнут создавать свою собственную вооруженную полицию концернов или предпочтут просто потерять свои инвестиции?

Почему так трудно государства используют эти противоречия неолиберальной политики для оживления и обновления политики демократической? Мобильные, действующие в масштабе всего мира экономические предприятия в состоянии науськивать отдельные государства друг на друга и тем самым ослаблять их. Разрушать их транслегальное господство тем проще, чем сильнее в мыслях и поступках людей и правительств представлена национальная оптика. Методологический национализм в повседневной жизни, политике и науке укрепляет и усиливает транснациональное могущество концернов. Разжигание национальной розни, эгоизма и конкуренции раскалывает государственную систему, мешает обнаружить, разрушить и влить в институциональные формы огромную силу государственной кооперации. Это позволяет всемирно-экономическим акторам, действующим по принципу «разделяй и властвуй», натравливать друг на друга отдельные национальные государства. Тем самым *национальная ориентация политики ведет к ее самоизоляции*.

Этой игре в кошки-мышки между экономикой и национальным государством, в принципе, можно противопоставить только одно — чтобы государства подражали не привязанным к определенному месту предприятиям и распространяли свою деятельность за пределы национальных границ. Это может происходить или по-старому, империалистически-милитаристским путем, или же в форме межгосударственной кооперации (федерации). Такие объединения государств основываются на взаимном понимании, что обязательные для исполнения международные договоры и режимы помогают избежать вредного для обеих сторон повышения и понижения цен. Транснациональная кооперативная стратегия, таким образом, увеличивает конкуренцию между всемирно-экономическими акторами и уменьшает конкуренцию между отдельными государствами.

Чтобы выяснить, в какой мере государственная стратегия может противодействовать власти и стратегии капитала, целесообразно провести водораздел между *потенциальной* и *наличной* властью. *Наличная* власть государств ослаблена самоизоляцией под воздействием неоли-

берализма и национализма. Напротив, *потенциальная* государственная власть вытекает из суммы стратегий, которые открываются для государств и правительств в том случае, когда они прорывают двойную блокаду (самоизоляцию) и осваивают новый потенциал транснациональной власти и налогообложения. По мере освоения и использования концепций и путей освобождения государства и политики от стесняющих их границ можно будет находить ответы на возникающие глобально-экономические вопросы новой географии.

Но что значит «освобождение государства от границ»? Когда государства заключают соответствующие международному праву соглашения или (как в Евросоюзе) объединяются в транснациональные ассоциации с единой исполнительной властью, тогда каждое правительство действует в транснациональном пространстве, так как появившиеся обязательства требуют от всех участников новых форм ответственности. В связи с этим возникают основанные на кооперации между государствами транснациональные образования, пространства кооперативного суверенитета, которые в состоянии посредством выработки новых типовых условий разбираться с появляющимися мировыми проблемами и с действующими в глобальном масштабе концернами [Zürn/Walter/Dreher/Beisheim 2000]. Однако за эту стратегию приходится платить.

Завоевание новых пространств деятельности и господства, т. е. расширение политического суверенитета и управления, оплачивается активной самоденационализацией, ограничением национальной автономии. В условиях всемирно-экономической глобализации государства попадают в *западню национальности*. Если они держатся за потенциал независимости национально-государственной политики, повышаются конкурентная борьба государств за инвестиции и опасность образования монополий на мировом рынке, что опять-таки ослабляет власть национальных акторов. Напротив: если они благодаря объединению уменьшают конкуренцию между собой, чтобы таким образом укрепить свои позиции по отношению к мировой экономике, им поневоле приходится подчеркивать относительность своей автономии. Национальная запрограммированность и ограниченность государства становится препятствием для транснационального развития политики и государства в эпоху экономической глобализации.

В этом парадоксе выражается главный вывод космополитической констелляции: то, что содержала в себе национальная парадигма, — государственная независимость, национальное самоопределение и решение основных задач политики (благополучие, право, безопасность) — обособляется и одновременно соединяется заново. Пра-

вительства должны поступаться национальной независимостью, объединяться и взаимодействовать на основе кооперативных соглашений, чтобы продвигать решение главных национальных задач и открывать для себя новые возможности деятельности не только в интернациональном, но и во внутринациональном масштабе.

7. ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО НАДЗОРА И ГОСУДАРСТВО-ЦИТАДЕЛЬ

У задавшего вопрос, какую форму может принять сопротивление транснационализации ключевых национальных институтов, перед глазами встает поучительный пример террористических атак 11 сентября 2001 г. на Всемирный торговый центр в Манхэттене и на Пентагон в Вашингтоне, а также вспоминаются реакции на это событие. Эти атаки, правда, говорят не о космополитической открытости, а о создании и совершенствовании городов-цитаделей. Тут важно понять одно: открытие, что государственная власть может усиливаться за счет транснациональной кооперации, в политическом смысле амбивалентно. Это может использоваться, с одной стороны, для построения транснациональных государств надзора и государств-крепостей, с другой – для создания космополитических государств. Но в обоих случаях речь идет о том, что ослабление национальной автономии и усиление национального суверенитета вовсе не исключают друг друга, а могут даже взаимно усиливаться и ускоряться. Логика игры в мизер, пригодная для империй, великих держав, колониализма, экономического и культурного империализма, независимых национальных государств и военных блоков, теряет здесь свою разъяснительную силу. В космополитической перспективе следует планировать и организовывать установление политического суверенитета для проработки транснациональных проблем в виде кооперативного расширения национального поля деятельности благодаря позитивному взаимодействию, например, в рамках постнационального европейского суверенитета.

11 сентября 2001 г. – символ события, невообразимого даже годы спустя после того, как оно произошло, ибо нет у нас для него подходящих понятий. Что это было? Преступление? начало войны? битва? Во всяком случае, это была самая опасная атака на США за всю историю этой страны. Атака, возникшая из ничего, без объявления войны. Это не было враждебным актом со стороны другого государства. Эту атаку не могла бы предотвратить никакая система противоракетной обороны. Даже понятие «террор» при ближайшем рассмотрении здесь не подходит. Ведь целью было не достижение национальной незави-

симости какой-либо группы, преступники боролись не за лучшую, более справедливую жизнь. Они просто хотели стереть с географической карты символы власти западного мира. Неверно также говорить о кроважидном умопомешательстве террористов, ибо сумасшедшие не смогли бы с помощью карманных ножей так ловко превратить четыре пассажирских самолета в самоубийственные ракеты. Речь идет не о «трусливых убийцах», как говорит президент США Буш. Наоборот, они наделены варварским мужеством людей, которые превращают себя, свои жизни в точное оружие массового уничтожения. Все это ни война – ни мир, ни преступление – ни террор, ни убийство – ни революция. Речь идет о разветвленных по всему миру транснациональных НПО насилия. Они организуют и приводят в действие негосударственную (частную) военную оппозицию против супердержавы – США. Их сильнейшее оружие в том, что они свободны от каких бы то ни было моральных факторов сдерживания. Для них ничего не значат ни собственная жизнь, ни жизни других людей. Мы имеем дело с абсолютным нигилизмом (в сравнении с западными ценностями); точнее, с комбинацией нигилизма и фанатической религиозности, недоступной западному пониманию. Совершенно непонятно западному наблюдателю то, как напрямую соединяются здесь фанатический антимодернизм, антиглобализм и современное глобальное мышление и действие.

Если до сих пор взгляд военных был направлен на себе подобных, т. е. на другие национально-государственные военные организации, и на защиту от них, то теперь цель – транснациональные угрозы со стороны субгосударственных преступников и их организаций, бросающих вызов государственному миру. Как ранее в культурной, так сейчас в военной сфере мы сталкиваемся с *исчезновением расстояний*, с концом государственной монополии силы в цивилизованном мире, где в руках решительных фанатиков все может превратиться в разрушительную ракету. Террористы великолепно используют уязвимость западной цивилизации.

Понятие благополучия утратило свою невинность. Все стали невольными участниками вездесущей лотереи несчастья, в которой выражение «все благополучно» означает «на этот раз удалось избежать опасности». Каждый может быть и соседом, и убийцей. Одного от другого невозможно отличить по какому-то определенному признаку (униформе, паспорту, образованию, языку, религии).

Мир модерна пронизан и обставлен глобальными угрозами разного рода, в известной мере приспособился к ним. Именно инсценировки угроз в обществе риска притупляют внимание и порождают равноду-

шие к этим угрозам. Мы привыкли жить в мире экологических угроз человечеству и в мире глобальных экономических угроз; живем так до тех пор, пока они не становятся ощутимыми и не касаются нас самих. Однако эти опасности— экологическую и экономическую— мирового общества риска следует четко отличать от террористических угроз. Если первые *bad*s (неприятности) можно воспринимать как *непреднамеренные*, побочные следствия целенаправленной деятельности, то новая террористическая активность представляет собой *преднамеренную* организацию катастроф. Превращают гражданские объекты в оружие массового уничтожения не люди в военной форме, а невидимые преступники. Время, когда самолеты служили только для пассажирского сообщения, навсегда ушло в прошлое. Картина сдвоенных башен Манхэттена, пораженных огненным шаром гражданских транспортных самолетов, запечатлела в коллективном сознании фатальную двойственность всех предметов. Страх, вызванный этой картиной, находит выражение в абсолютной беззащитности непобедимой ядерной державы, хладнокровно поверженной террористами. Сигнал, который этим актом был послан бунтующей молодежи в исламских странах, гласит: великий, непобедимый и всемогущий дьявол по имени США продемонстрировал свою уязвимость перед лицом группы готовых на все и весьма скромно вооруженных людей. Принцип насильственного достижения цели заменяет поэтому принцип случайной катастрофы, который до сих пор определял наше понимание риска.

В то же время из-за ощущения глобальных террористических угроз принцип активного доверия уступает место принципу активного недоверия. Правда, и здесь действует закон, по которому восприятие риска открывает пространство для новых возможностей власти. Однако этот исторический *moment of decision*¹³ не был использован президентом США Джорджем Бушем для того, чтобы решиться на вхождение в космополитическую систему государств. Для защиты от терроризма он начал создавать транснациональные государства-надзиратели, в которых ставка делается не на свободу и демократию, а на безопасность и армию. Ярким примером тому может служить обращение американской бюрократии с террористами, о чем Раджив Чандрасекаран сообщает в газете «Интернэшнл геральд трибюн» от 21 марта 2002 г. Люди, заподозренные в международном терроризме, обнаруженные и арестованные тайными службами и армией США в других странах, перевозятся в третьи страны, где они могут, минуя действующий в США демократический контроль, подвергаться определен-

¹³ решающий момент (англ.).

ной практике допросов, включая пытки и угрозы членам семей. «Это позволяет нам получать от террористов информацию способами, которые мы не могли бы применить на территории США». Как показывает этот, без сомнения, крайний пример, государства, благодаря транснациональной кооперации, могут позволить себе по отношению к подозреваемым в терроризме лицам действия, которые в контексте демократических стран считаются незаконными и должны соответствующим образом наказываться. «Даже если местные секретные службы преступают закон, говорят дипломаты, все же лучше обрабатывать подозреваемых тайно, так как это позволяет избежать длительных судебных процессов и сводить до минимума возможность утечки информации, что могло бы предостеречь других подозреваемых. Кроме того, допрос и осуждение подозреваемых в терроризме лиц в третьих странах, особенно исламских (таких как Египет или Иордания), облегчает уход от политического контроля и неприятностей в собственной стране. Если доставлять подозреваемых в Соединенные Штаты, то нужно считаться с отрицательной реакцией правительственных учреждений, которые боятся любой информации о подобных актах, а также с определенными ответными шагами фундаменталистских исламских групп».

Как показывает этот пример, абсолютно неверно исходить из того, что государственный суверенитет и глобализация несовместимы и противостоят друг другу. Куда вернее предположить, что государства, которые хотят открыть и освоить для себя в глобальном пространстве новые шансы деятельности, не имеют другой возможности, кроме кооперации с другими государствами. Утрата национальной автономии может *повысить* дееспособность и управляемость государств. Только, с национальной точки зрения, экономическая, экологическая, военная глобализация ведет к политическому застою. Во взаимном обмене между национальной и космополитической перспективами системы переговоров вполне могут — при наличии глобальных норм, глобального консенсуса — способствовать укреплению национальной дееспособности [Mlinar 1997].

Чтобы вырваться из национальной западни, необходимо установить строгое различие между *суверенитетом* и *автономией*. Методологический национализм основан на отождествлении суверенитета с автономией. При таком понимании экономическая зависимость, культурная диверсификация, военная, правовая и технологическая кооперация автоматически ведут к утрате автономии и тем самым к утрате суверенитета. Но если измерять суверенитет способностью к политическим реформам (т. е. уяснить, в какой мере государству удастся

поднять благосостояние населения и приблизить к решению такие неотложные проблемы, как безработица, борьба с преступностью, защита окружающей среды, социальная и военная безопасность), то растущие взаимосвязи и кооперация, т. е. утрата автономии, приводят к *укреплению* содержательного суверенитета. Способность правительств к политическому руководству повышается вместе с достигаемым, благодаря межгосударственным соглашениям, благосостоянием, с ростом технологического и экономического потенциала. Таким образом, разделенный и заново соединенный суверенитет не ослабляет, а наоборот, усиливает независимость отдельных государств.

Сложение суверенитетов вознаграждается, например, повышением безопасности и стабильности, уменьшением страхов и конфликтов, сокращением военных расходов и укреплением технологической кооперации. Поэтому в денационализации, в объединении суверенитетов наличествует и национальный интерес.

Важнейший для космополитического режима момент заключается в следующем: *формальное ослабление автономии и содержательное укрепление суверенитета могут взаимно усиливать друг друга*. Глобализация включает прирост суверенитета акторов благодаря тому, что они могут действовать, не считаясь с расстояниями, и тем самым открывать для себя новые возможности. Но в результате такого развития целые страны утрачивают свою автономию. Содержательный суверенитет коллективных и индивидуальных акторов возрастает по мере того, как убывает их автономия. Иными словами, в ходе политической глобализации осуществляется переход от автономии на основе национальной обособленности к суверенитету на основе включения в транснациональную систему государств. Решающий момент не в том, что создается и становится все гуще сеть межгосударственных связей, а в том, *как* это воспринимается, оценивается и организуется. С национальной точки зрения, межгосударственная кооперация и взаимосвязи представляются надоедливым злом, игрой в мизер между национальными и транснациональными акторами. Почему мы должны поступать своими компетенциями? Что позволено делать им? что нам? Чем больше прав у них, тем меньше у нас. Напротив: с космополитической точки зрения, взаимосвязи представляются игрой со взаимным выигрышем: чем больше выигрывают они, тем больше обретаем мы.

Новая политика начинается с прорыва национального «звукового барьера». Даже оживление политики в национальном пространстве перед лицом важности мировых проблем для повседневной жизни возможно только благодаря отказу от национальной ограниченности. Транснациональные государства — это *лучше* организованные нацио-

нальные государства. Они осваивают беспроектную игру в транснациональном пространстве, для того чтобы лучше решать национальные проблемы. Это не должно вести к разрушению оруэлловских государств-цитаделей, это может привести к взаимодействию с космополитической национальностью и государственностью, в которых национальные традиции преломляются в свете мирового гражданства, защищаются и развиваются.

8. КОСМОПОЛИТИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО

Политическим ответом на глобализацию является космополитическое государство. Оно основано на принципе национальной индифферентности и ведет к сосуществованию национальных идентичностей на принципе конституционной терпимости.

Существовавшая до сих пор аргументация обернулась вопросом: каким образом можно расширить понятие государственности, государственной теории для внутренней глобализации национального аспекта, для ответа на вызовы транснационализации жизни, труда и политических взаимосвязей? Этот же вопрос можно поставить и по-другому: кто воспрепятствует надвигающемуся холокосту? Мой найденный экспериментальным путем ответ гласит: пожалуй, космополитическое государство. Оно основано на *принципе национальной индифферентности*. Точно так же, как в результате Вестфальского мира были прекращены вспыхнувшие из-за религиозных конфликтов гражданские войны XVI столетия благодаря отделению государства от религии, можно будет – в этом заключается мой тезис – ответить на национальные (мировые) гражданские войны XX столетия отделением государства от нации. Точно так же как только а-религиозное государство сделало возможным отправление различных религиозных культов, космополитическое государство должно обеспечить сосуществование различных наций на *принципе конституционной терпимости*. Точно так же как в начале Нового времени были заново определены пространство и общепринятые рамки политической деятельности, следовало бы теперь сделать это благодаря обузданию национальной теологии и телеологии. Точно так же как в середине XVI столетия для теологического взгляда это было абсолютно исключено и даже воспринималось как конец света, сегодня абсолютно немыслимо для «теологов национального», так как тем самым предполагается разрыв с коренным понятием их политики, со схемой «друг – враг». И все же, исходя из мышлений Жана Бодена и Иоганна Альтузиуса, которые отделили

суверенитет государства от религии и открыли его для истории и политики, этот *космополитический суверенитет* (в смысле осуществления подлинного многообразия) можно заново обосновать теоретически и развить политически, направив против все более исторически несостоятельных предпосылок национальной однородности¹⁴.

Но что означает старое, неожиданно засверкавшее новыми гранями прилагательное «космополитическое» применительно к мощному существительному «государство»? Оно отделяет себя от *конституционализма* и делает действенным утверждение, что чисто конституционный, т. е. правовой, узаконенный конституцией, транснациональный режим сам по себе останется неустойчивым до тех пор, пока не будет опираться на соответствующее сознание людей, на *транснациональную идентичность, культуру и государственность*. Под космополитическим аспектом космополитического государства, следовательно, подразумевается то, что создание транснационального порядка зависит от подлинно космополитического общества, чье влияние существенно определяет политику входящих государств. Поэтому необходимо преодолеть представление об однородной, территориально ограниченной и противостоящей другим культурам национальной родине посредством представления о *двойной родине*. Возможно и необходимо то и другое: космополитические государственные образования находятся в зависимости от космополитизма, имеющего глубокие национальные корни.

Прилагательное «национальный» кичится самоопределением. А космополитический вопрос формулируется так: самоопределение — *против кого?* Как интегрируются в это национальное самоопределение его жертвы? Как выражаются его последствия для людей с другой культурой? Как «варварская свобода» (Кант) суверенных обществ превращается в космополитическую свободу, при которой собственный голос представляет и голоса других?

Этого позволяет добиться в эпоху культурной глобализации, т. е. этнически-национального многообразия, только постнациональное, многонациональное, индифферентное и толерантное к национальности государство, черпающее свою легитимность из традиций очищенных и открытых мировому гражданству национальностей. А также только космополитический суверенитет, который учитывает стремительно нарастающие глобальные взаимосвязи, подвергает испытанию

¹⁴ Как утверждает Даниель Элазар [*Elazar Daniel*]. 1988; 2001], Боден заложил основы теории государственности, тогда как Альтузиус примерно в то же время предложил не менее систематическую теорию федерализма, которую надо бы заново открыть и обновить для постнациональной глобальной эпохи.

и развивает кооперативный суверенитет государств для решения глобально-национальных проблем, а также примиряет и защищает многообразие и соперничество этнического и национального начал.

Космополитическое означает признание одновременно сходств и различий, а также ответственность за земной шар в целом. Мировые проблемы людей другой культуры должны быть представлены и услышаны в политической общности. Они должны иметь в ней свой голос в политическом и культурном отношении.

Для людей с национальной ориентацией это звучит как абсолютная утопия. И все же по многим характерным признакам это сегодня реальность. На путь к космополитическому государству вступают там, где демократия и права человека ставятся выше автократии и национализма, где борются за признание и решение проблем людей другой культуры, где заново определяются и сопрягаются всеобщие и частные права, права большинства и меньшинств. В этом же направлении идет признание относительности международного права в сравнении с новым огромным значением прав человека (со всеми вытекающими отсюда трудно разрешимыми осложнениями).

Собственно, Европу можно – хотя это и противоречит фактическому положению дел! – представить себе в этом контексте как транснациональное космополитическое государственное образование, которое черпает свою политическую силу в утверждении и обуздании национального многообразия этой части света, включая ее милые нелепости. Брюссельский конвент должен решиться на выработку проекта космополитической конституции, чтобы (как рекомендовал в 1787 году Бенджамин Франклин) в совершенно изменившихся исторических условиях повторить американский успех. «Посылаю вам предлагаемую для этих штатов новую федеральную конституцию, – писал престарелый американский ученый, государственный деятель и дипломат Бенджамин Франклин своим друзьям в Европе. – В течение четырех месяцев я сотрудничал с конвентом, который выработывал эту конституцию. Если она будет иметь успех, то я не знаю, почему бы и вам в Европе не реализовать проект славного (французского) короля Генриха IV и образовать Федеральный союз и большую республику всех государств и королевств через посредство такого же, как у нас, конвента; ибо и нам пришлось примирять многие интересы.» В марте 2002 года (215 лет спустя!) за это дело взялся европейский конвент в Брюсселе. Какой бы различной ни была исходная ситуация Европейского союза 2002 года и Соединенных Штатов 1787 года – речь сегодня, как и тогда, идет о том, как организовать сообщество с прозрачными границами, которое объединит внутреннюю и внешнюю

дееспособность с возможно большей subsidiarностью. Правда, Европа может и должна сегодня сделать решительный шаг. Она должна по-новому определить и провести границу между партикуляризмом и универсализмом, нацией и мировым гражданством не так, как это было задумано и осуществлено в модели национального государства Первого модерна. Представление о том, что партикуляристское государство можно воспринимать как нечто универсальное, как естественную базу, на которой можно в принципе решать все противоречия человеческого существования, опровергнуто историей. Да и оптимистическая уверенность в том, что люди в конце концов становятся гуманными или даже гражданами мира по мере того, как они становятся членами отдельных национальных государств, больше не выдерживает критики. Высказанная Иммануилом Кантом надежда на то, что мы в состоянии добиться и закрепить универсализм в рамках партикуляризма, т. е. действовать на основе универсальных законов, оставаясь в рамках партикуляризма, должна быть заново осмыслена после кровавого опыта и варварств XX века. Ее следует скорректировать таким образом, чтобы отдать преимущество учреждающему идентичность мировому гражданству, а не национальному партикуляризму. Возражения, выдвигаемые сегодня против такого космополитического проекта конституции для Европы, похожи на те, с которыми приходилось бороться американскому конвенту 1778 года в Филадельфии: до последнего момента там горячо дискутировался вопрос о том, нуждается ли шаткий союз тринадцати американских штатов в мощной законодательной, исполнительной и юридической власти. Ратификации проекта конституции тоже удалось достичь только незначительным большинством голосов. «Далекими от народа» называли тех, кто хотел больше центральной власти. Юг не доверял Северу, малые штаты не доверяли большим. Все защищали свой суверенитет. Но в конце концов возобладало понимание выгоды федерального суверенитета — понимание, которое и сегодня может помочь (и уже помогает!) становлению космополитической Европы. Возрастание содержательного суверенитета, возможностей для деятельности в глобальную эпоху с лихвой возмещает утрату формальной автономии.

Европа как космополитический союз государств, который проводит экономическую глобализацию на базе кооперации и не нивелирует или по-бюрократически отрицает, а уважает инаковость других входящих в него европейских стран, — такой союз мог бы быть или стать вполне реальной утопией.

Теория и понятие космополитического государства выделяются тремя позициями. Они направлены против опасных иллюзий само-

достаточного национального государства, против неолиберального представления о государстве с минимально регулируемой экономикой, а также против нереальных соблазнов единого мирового государства.

Понятие космополитического государства делает выводы из истории правого и левого террористических режимов XX века, а также из истории нескончаемого насилия колониализма и империализма. Боден разрабатывал теорию государственного суверенитета как учреждающую порядок инстанции беспокойного пострелигиозного мира. Он не мог знать того, что знаем мы, — что государственный суверенитет — противоядие против так пугавшей его анархии — лишь бесконечно увеличил и усовершенствовал жестокость, ненависть и бесчеловечное насилие¹⁵.

¹⁵ Обращенные в будущее разговоры о космополитическом государстве (космополитическом режиме) нуждаются в историческом подтверждении, т. е. должны определяться и обосновываться в их исторической *differentia specifica*. С этой целью — по аналогии со сравнительным исследованием и теорией национализма — следовало бы учредить сравнительно-историческое изучение империи и основать европейский или транснациональный исследовательский институт. Он должен выяснить, что отличает предшественников космополитического режима с его нынешним видом и что объединяет их с ним. В конце концов мечта о едином мире весьма старомодна, она значительно древнее национального романтизма. Она восходит к универсальным империям Хаммурапи и Александра Македонского, Юстиниана и Гарун аль-Рашида, Чингисхана, Карла V, Наполеона и вплоть до Британской империи, которых объединяло то, что они видели и провозглашали себя носителями цивилизации, чтобы под этим флагом вести борьбу против «людей другой культуры», «отсталых», «варваров». Всем им было свойственно то, на что сегодня претендуют и знаменосцы космополитического режима. Они претендовали на воплощение объединяющего всех языка, как бы языка прав человека, и на соответствующую, не признающую границ высшую культуру, тогда как большинство подневольного, подчиненного им населения жило в условиях культурной ограниченности и лишь частично затрагивалось этими благородными притязаниями и традициями. Может ли — и если да, то каким образом — космополитический режим избежать этих силков культурного империализма? Может ли космополитическое государство и впрямь объединить людей с различным языком, историей, религией, происхождением и будущим без «имперского интеграла»? Не должна ли транснациональная (а тем более глобальная) культура опираться на патронат гегемониальной державы? Не сводятся ли разговоры о космополитическом режиме к похвалам американизации и гегемонии США? Кстати, такое сравнительное изучение имперской политики могло бы показать, что нормой в мировой истории была не этнически-национальная однородность,

В действительности понятие космополитического государства рождается, например, из борьбы за политическую Европу, которая есть нечто большее, чем просто конгломерат национальных государств, которые то и дело берут друг друга за горло. Речь, таким образом, идет о преодолении этнического национализма и национального государства, но не о том, чтобы их осуждать. Их следует защищать в конституционных условиях мирного сосуществования культур.

Для транснациональной эпохи необходимо по-новому культивировать европейски-континентальный духовный облик демократии, права человека и политическую свободу (Давид Хельд и др.). Образно говоря, Европа должна принять в себя «американскую мечту», которая говорит: ты можешь стать другим. Ты не детерминирован происхождением, социальным положением, цветом кожи, религией, полом!

Космополитическая Европа, состоящая из разных народов, — что это значит, например, применительно к Великобритании? В скептическом отношении британцев к Европе заслуживает критики, по моему мнению, не то, что они настаивают на собственной национальной цивилизации, а неспособность понять, что космополитическая Европа не уничтожает их самобытность, а сохраняет ее. Европу невозможно себе представить без британского вклада в ее цивилизацию. Без решимости британцев защищать европейские ценности от фашистской Германии невозможно представить себе важнейшее историческое событие XX века — подавление национал-социалистической опасности. Это одно из следствий британской истории, частица британского космополитизма, который следует не преодолевать, а сохра-

а полиэтничность. Все цивилизации всегда собирали людей разного происхождения в этнически многосоставные, иерархически выстроенные политические образования. «В последней главе я анализирую странный случай национально-этнического единства, варварский идеал, который в Западной Европе никогда не был осуществлен, но с энтузиазмом отстаивался как раз в то время, когда западноевропейские народы создавали охватывающие мир империи, в которых встречались и собирались люди различного цвета кожи и происхождения, причем в небывалых до того масштабах. Последовательная полиэтничная иерархия во всех странах европейской экспансии находилась в резком противоречии с идеалом национального единства, представленного как раз в тех частях Европы, где активно проводилась авантюристическая имперская политика. Подобная антитеза была по сути своей неустойчивой, так как особые условия, поддерживавшие идеал и частично реальность национального единства... постоянно упразднялись, в то время как факторы, способствовавшие этническому смешиванию, имели все большее значение» [McNeill William H. 1986, 59].

нить, как краеугольный камень в основание Новой Европы. Соответственно, нужно бы включить в повестку дня открытие космополитической Франции, космополитической Германии, космополитической Италии, Польши, Испании, Греции и т. д. и привлечь их к созданию космополитической Европы.

9. РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ КОСМОПОЛИТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ

Архитектура космополитического союза государств могла бы также указать путь, позволяющий избежать другим регионам мира политики ложных альтернатив, особенно регионам с хроническими национально-этническими конфликтами.

Ярким историческим примером космополитизации государства является борьба за политическое оформление Европейского союза, преодолевающего привычную альтернативу национального взгляда «федералисты против сторонников межправительственных связей». Но разве идею космополитического государства нельзя перенести на другие регионы мира? Эта возможность становится очевидной, когда сравниваешь транснациональное кооперативное устройство с национальным федерализмом: там и тут в основу положена высококодифференцированная, сбалансированная структура власти, в которой не только *функциональные поля суверенитета* (такие как право, образование), но и культурная автономия, и муниципальные компетенции организованы по принципу децентрализма — в случае федерализма внутри национального государства, в случае транснациональности между различными государственными или квазигосударственными образованиями. В этом плане можно наметить также промежуточные и двойственные формы транснациональной или космополитической архитектуры федерации государств. Эта архитектура, благодаря беспрюигрышной транснациональной игре, где быстрее, где медленнее, шаг за шагом разрушает внешне непоколебимое единство нации и государства, не создавая при этом вакуума власти.

Всюду, где до сих пор существовала только альтернатива: или национальное и тем самым государственное самоопределение, или подчинение национальному, т. е. опирающемуся на большинство, государственному аппарату власти, — возникает новая возможность *космополитического государственного федерализма*. В зонах и регионах с хроническими национально-этническими конфликтами (такими, например, как чрезвычайно запутанная, неразрешимая вражда между евреями и палестинцами или как угроза аннексии Гонконга и Тайваня

со стороны Китая) это позволяет выбрать «третий путь» – между эксклюзивной национальной государственностью и аннексией.

При этом речь в настоящий момент идет о *чисто логической возможности*, которая кажется совершенно немислимой в реально существующих условиях насилия, изгнания, террора, ненависти и эксклюзивных территориальных притязаний. И все же одна только мысль о космополитическом сосуществовании государств в глобальную эпоху способна развязать логические узлы и открыть пути для деятельности и переговоров.

Пожалуй, из идеи космополитизации национальных государств может вырасти новая миротворческая стратегия разрешения хронических национальных конфликтов и имперских зависимостей, так как благодаря этой стратегии можно компенсировать утрату национальной автономии расширением объединенного суверенитета участвующих в этом процессе правительств и стран; таким образом, налаживать мосты социального сотрудничества и создавать общие для всех юридические условия для сосуществования исключаящих друг друга культурных притязаний и традиций. Это новое космополитическое расширение государственного авторитета, задуманного как ответ на глобализацию, создает экономическую и юридическую взаимозависимость и потому в состоянии действовать как стратегия профилактики. Космополитизация – это противостояние против фундаментализма (будь он этнической, религиозной или националистической ориентации), процветающего, как известно, в условиях нищеты, неразвитости и территориальной эксклюзивности. И не в последнюю очередь космополитизация, благодаря межгосударственным связям, препятствует попыткам и искушениям местных политических элит использовать эти конфликты с целью усиления своей власти.

10. АСИММЕТРИЯ ВЛАСТИ ФИНАНСОВЫХ И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ РЫНКОВ

Является идея космополитического государства чистым мысленным экспериментом или же она имеет реально-историческое значение? Если речь идет не только о волюнтаристском образовании, то какие политические силы способствуют его становлению, а какие – противодействуют? На этот вопрос можно ответить теоремой о всемирно-политической силовой асимметрии финансовых и цивилизационных рисков. Финансовые риски обесценивают индивидуальную собственность и индивидуальные права собственности, поскольку поддаются индивидуализации и национализации; они предоставляют шансы движениям за ре-этнизацию и национализацию и тем самым

играют на руку противникам космополитизации. Цивилизационные риски, напротив, обостряют глобальное нормативное сознание, создают общественное мнение, так как подрывают национальную аксиоматику мышления и действия, предоставляя космополитическим союзам между неправительственными организациями, государствами и концернами новые возможности деятельности и обретения власти.

То, что финансовые риски (во всяком случае, пока они не перешагнули взрывоопасную точку типа «Чернобыля экономики») оказывают содействие движениям ре-национализации, можно увидеть хотя бы по тому, как национальные государства разъединяют глобальные социальные неравенства, причем таким образом, что они представляются неравенствами национальными, а не глобальными.

Совсем иная ситуация с цивилизационными рисками. Всемирное общество риска есть скрытое революционное общество, в котором ограничения национального взгляда разрешаются реальной или потенциальной катастрофой.

Между глобализацией и индивидуализацией социальных неравенств существует парадоксальная связь: в процессе финансовых кризисов мировой экономики и в результате их социальных и политических последствий обостряется исключение индивидов и индивидуализация исключения. По мере размывания границ между национальными обществами и неравенствами методологический национализм рисует *ложную картину действительности*: из поля зрения выпадают причины глобальных финансовых кризисов, зато удваивается национально-государственная индивидуализация глобальных неравенств. Дело доходит до серии парадоксальных завуалированных ошибок: внутренние неравенства, которые, как показывает Саския Зассен, размывают границы между центром и периферией, севером и югом и означают нечто вроде бразилизации США и Европы, приписываются национально-государственному контексту. В то же время внешние неравенства, реально или потенциально размывающие национально-государственные границы, оказываются вне поля зрения методологического национализма.

Вопрос о национально-партикуляризированных проигравших в ходе экономической глобализации — это, без сомнения, центральный вопрос при оценке реальных отношений власти внутри государств и между ними применительно к установлению космополитического режима. Ответить на этот вопрос помогают две вытекающие из сказанного выше исходные гипотезы¹⁶.

¹⁶ Попыткой поставить проигравших от экономической глобализации в национальный контекст я обязан Кризи (2001); см. также: *Grande/Kriesi* 2002.

Во-первых, лагерь и положение проигравших от глобализации можно (как зеркальное отражение мобильного капитала, завоевывающего транснациональное пространство) привязать к *иммобилизму* капитала и труда или к политической деятельности, а также к формам жизни и к жизни вообще, т. е. к территориальному образованию (как бы оно ни обосновывалось).

Во-вторых, эта констелляция территориальной иммобильности в определенных профессиональных и производственных секторах (и в формах политического господства и образе жизни) перекрещивается с нарастающим *размыванием границ* между капиталом, трудом, политикой и культурой.

В этой зоне пересечения иммобильности и размывания границ возникает резервуар для проигравших от глобализации, из которого могут получать голоса избирателей и властные полномочия политические движения и партии этнически-национальной закрытости.

Национальные границы защищают от конкуренции. Размывание границ (либерализация рынков и т. д.) обостряет конкуренцию, причем ее особый вид, а именно конкуренцию между равными в профессиональном отношении и чужими в национальном. Национально-государственные границы имеют решающее значение для тех, кто владеют своей профессией, и для должностных лиц: они сокращают и вводят в определенное русло конкуренцию *внутри* круга специалистов определенной квалификации. Слесари не конкурируют с консультантами по налоговым делам, а с другими слесарями; и тем ожесточеннее, чем ограниченной их число. То, как сконструированы и оформлены профессии, определяет сферы конкуренции от сфер, свободных от конкуренции. В этом смысле национальные границы похожи на границы профессиональные. Немецкий слесарь не конкурирует со слесарем турецким, французским, польским, русским и т. д., а только с немецкими слесарями. Размывание границ создает конкурентное давление *внутри* профессиональных рынков частичной занятости со стороны специалистов другой национальности. Возникающие образцы неравенства имеют следующие признаки:

- они действуют по секторам, т. е. затрагивают определенные сектора производства и оказания услуг в большей степени, чем другие;
- этот образец разделения по секторам имеет следствием то, что труд и капитал затрагиваются также в секторах, проигравших от глобализации. Положение проигравших от глобализации охватывает старые противоречия между трудом и капиталом, разрывает наличную социальную структуру, причем разрыв идет по линии тер-

риториальной иммобильности и глобального конкурентного давления;

- к этим проигравшим от глобализации следует причислить прежде всего часть политической и бюрократической элиты, которая видит угрозу своему существованию (существованию национальной бюрократии, национальных организаций и профессиональных секторов) со стороны как наднациональных организаций (Европейский союз, ВТО, МВФ, ООН и т. д.), так и грозящих выходом из этих стран концернов и их филиалов.

Секторальная мобильность/иммобильность, таким образом, не совпадает с классовой мобильностью. Внутри национального экономического пространства имеются относительно открытые для рынка и защищенные сектора, в которых доход и социальное положение в значительной мере зависят от сохранения национально-государственных границ и защищенного пространства. Приведенный аргумент касается прежде всего богатых социальных государств, так как в них из-за размывания границ и широкой конкуренции глубина падения особенно велика, тогда как бедные страны могут этой конкуренции не бояться, зато они исключены из мирового рынка. Противников космополитизации легко назвать; они, судя по всему, весьма могущественны. Но кто тогда может быть носителем такой космополитической трансформации, симпатизировать ей?

Из данного диагноза можно вывести несколько вопросов.

Может ли современный космополитизм стать творением глобального капитализма? Или наоборот: радикализированный мировой капитализм разрушает предпосылки и источники культурного многообразия и политической свободы?

Можно ли вообще представить себе, что глобализирующийся капитал решится стать актором космополитического обновления демократии?

Возможно ли, чтобы субполитика инвестиционных решений оформилась в инструмент власти с целью, во-первых, установления глобальных правил для освободившегося от пут капитализма; во-вторых, чтобы подвинуть национальные государства к космополитической открытости?

Мыслимо ли, чтобы право на забастовки из инструмента рабочего движения стало инструментом движения предпринимателей и превратилось в космополитическую инвестиционную политику, служащую не только целям рекламы, но в союзе с регулирующими скооперировавшимися государствами по-новому определяет основные права, демократию и справедливость? Или это значит еще раз питать ложные надежды и присягать ложному сознанию?

Как известно, нет ничего рискованнее, чем делать прогнозы, особенно в общественных науках. Однако ставящий в центр внимания прирост власти и связанную с этим проблему легитимации, распад легитимации глобальных предприятий может экспериментальным путем вывести из этого диагноза как краткосрочный, так и долгосрочный прогноз.

В краткосрочной перспективе могут восторжествовать протекционистские силы в своем весьма однородном составе из националистов, антикапиталистов, защитников окружающей среды, национальной демократии и государственного авторитета, а также ксенофобов и религиозных фундаменталистов. Однако в долгосрочной перспективе парадоксальная коалиция предполагаемых проигравших от глобальной экономической открытости (профсоюзы, защитников окружающей среды, демократов) и выигравших от нее (концерны, финансовые рынки, Всемирную торговую организацию, Международный банк реконструкции и развития и т. д.) могли бы на деле привести к космополитическому обновлению демократии, если обе стороны осознают, что их интересам лучше всего служит *космополитический режим*. Только тогда представители рабочих, защитники окружающей среды и сторонники демократии встанут на сторону космополитического правового устройства и космополитических институтов. Но это же относится и к действующим в мировом масштабе предприятиям. Они могут успешно заниматься экономической деятельностью только в типовых условиях, обеспечивающих им самим и другим экономическую, юридическую и социальную безопасность. Только космополитическое расширение государства, политики и демократии — в любой институциональной форме и при любом глобальном разделении труда — в состоянии длительное время обеспечивать интересы предприятий. Этот процесс наверняка будет сопровождаться отступлениями и срывами. Но единственный путь сделать его возможным — это, согласно учению Иммануила Канта, действовать так, как если бы он был возможен.

Итоговый вопрос не в том, может ли быть создан и осуществлен космополитический режим, а в том, *как* это будет сделано, и прежде всего в том, как он получит демократическую легитимацию, т. е. одобрение людей. Как и почему возникают сознание, воля, общность, способствующие созданию демократического режима? Мир в XXI веке будет зависеть от подобного космополитического сознания людей, а не от экономики, государств или надгосударственных политических организаций.

11. ВОПРОСЫ РИСКА КАК ВОПРОСЫ ВЛАСТИ

Как уже говорилось, мировое общество риска – это скрытое квазиреволюционное общество. Чтобы развернуть эту перспективу, нужно сместить центр: не сами технологические решения, а их непредвиденные последствия являются источником политических проблем. Вопрос о власти в чувствительном к рискам обществе обостряется прежде всего из-за непредвиденности последствий. Основы принятия решений при современных технологических революциях лишаются легитимности во время публично инсценированных кризисов риска, протестных движений и покупательских бойкотов, которые приводят мировую экономику к кризисам доверия.

Вместе с глобальным риском растет глобальная уязвимость рынков. Чем уязвимее и непредсказуемее мировые рынки, тем в большей опасности оказывается инвестируемый капитал, тем ненадежнее акционеры, тем настойчивее встает для всех участников вопрос о власти, т. е. об отношениях определения. Кто принимает решения в условиях глобальной неуверенности из-за непредвиденных последствий? На основе каких юридически зафиксированных норм действия и доказательности? Что является риском, кто его породил и обязан платить в случае обвала? Как прорвать систему *организованной безответственности* и так перераспределить бремя доказывания, чтобы сделать ответственными за глобальную неуверенность и концерны, которые до сих пор перекладывали ответственность на потребителей и окружающую среду? При так называемых проблемах приемлемости (например, генетически модифицированных продуктов питания) речь идет не об экспертных вопросах технической безопасности и пользы и не о вопросах морали, а о вопросах власти и легитимности в глобальную эпоху.

Государственно-бюрократически-юридические притязания технической цивилизации всегда включали требование контроля за последствиями и опасностями новых технологий¹⁷. Если, к примеру, исследование искусственного интеллекта комбинируется с нанотехнологией, то возникает мир миниатюрных машин, которые строят другие машины и, таким образом, конструируют новые формы жизни. В конечном счете создается мир порожденных компьютером искусственных систем жизни [Clark 1996]. Так вероятность очень эффективного и экономически корректного промышленного производства обретает силу, способную изменять облик реальности. Ее специфическим при-

¹⁷ Это получило образцовую теоретическую формулировку у Макса Вебера и Толкотта Парсонса.

знаком является то, что он помогает контролировать цивилизационные болезни, вирусы и другие опасности.

Эта вероятность появления самоконтролирующихся, недоступных для человеческого вмешательства открытых технологических систем обновляет только двойственность технической цивилизации: с одной стороны, эти системы совершенствуют меры обещанной безопасности; с другой стороны, они открывают для риска непредсказуемые возможности — прежде всего относительно нового качества сложности и контингентности. Таким образом, осуществляется переход к открытым, самоконструирующимся системам, способным приспособливаться к условиям, которые в своей сложности и многоаспектности меняются с быстротой, недоступной для человеческого вмешательства.

Определение мирового общества риска гласит: именно та власть и те ее признаки, которые создают новое качество безопасности, обуславливают в то же время меру *абсолютной бесконтрольности*. Чем совершеннее последствия, интегрированные в технические системы, тем очевиднее и окончательнее утрачивается наш контроль над ними. Все попытки технически минимизировать или устранить риски умножают неуверенность, в которую мы ввергаем мир.

Первый модерн покоился на упрощении: можно было конструировать технические объекты и миры *без* неожиданных последствий; эти объекты могли заменять старые, негодные. Чем больше напрягали силы наука и технология, тем меньше было споров, так как перед глазами стояли в качестве реализуемой цели «лучшее решение», экономический оптимум.

Во Втором модерне мы находимся в совершенно ином игровом поле, поскольку что бы мы ни делали, мы всегда *ждем неожиданных последствий*. Но ожидание неожиданного изменяет качество технических объектов. Когда наука и технология добавляют свою неуверенность к всеобщей неуверенности, вместо того чтобы минимизировать ее, кажущиеся простыми маленькими изменения, о которых ежедневно пишут газеты, обнаруживают для многих свои трудно устранимые последствия; наука и технология не упрощают спор о возникающих технических мирах. Вместо того чтобы гасить политический огонь, они подливают масла в пламя этических, экологических и политических контrovers.

Это можно показать на примере кризиса коровьего бешенства, который может рассматриваться как модель рисков в производстве продуктов питания в целом. Несмотря на значительные усилия исследователей, мы знаем только то, что не знаем, как развиваются цепи инфекции, на какой инкубационный период рассчитывать и сколько

будет смертельных случаев только в Европе — 500 или 5000. Частично шок коровьего бешенства в Европе происходит оттого, что обещания науки, политики и промышленности обеспечить безопасность построены на песке *сознательного незнания*. Мировое общество риска, таким образом, является эпохой цивилизации, в которой решения, касающиеся жизни не только нынешнего, но и последующих поколений, принимаются на основе сознательного незнания.

Еще в большей мере, чем при исчисляемых рисках, при непредсказуемых опасностях решающую роль в определении того, что должно рассматриваться как риск и кто несет за это ответственность, играют культурные оценки и стереотипы. Так, многим в Африке СПИД представляется коварным изобретением западного империализма, если не отрицается вообще (с опустошительными последствиями своего неудержимого распространения). Напротив: ставящий в центр внимания ожидание неожиданного обнаруживает, что категория поддерживает *принцип публичности*. Так, прагматичный философ Джон Дьюи уже в начале XX века покончил со страхом техников и технической цивилизации перед риском и именно в риске обнаружил принцип надежды¹⁸. «Учение об экономической интерпретации, как оно обычно преподносится, оставляет без внимания трансформацию, которую могут вызывать вкладываемые в нее значения; оно не учитывает средство, которое коммуникация устанавливает между экономикой и ее конечными последствиями. Оно находится во власти иллюзии, опровергнутой уже “естественной экономией”, — иллюзии, основанной на непринятии во внимание различия, которое порождается восприятием и доведением до общественности реальных и возможных *последствий* деятельности. Оно мыслит понятиями достигнутого, а не того, что может произойти: оно мыслит, опираясь на происхождение, а не на результаты» [Dewey 1996, 134 f.].

Не из одобрения решений, а из неодобрения их непредвиденных последствий возникает и распространяется поверх национальных границ, становясь достоянием мировой общественности, дискурс, глобальное представление о ценностях и нормах, а также требование взаимосвязанной деятельности. Всеобъемлющие контрверзы о последствиях, связанные с риском глобальные конфликты имеют, по Дьюи, *просветительскую функцию*. Крупная промышленность выво-

¹⁸ Суть его мысли в том, что не решение является источником, ядром политических проблем. Скорее, общественное мнение и политику формируют контрверзы о последствиях этих решений: именно последствия раздражают и возбуждают нервную систему культурных и институциональных норм.

дит глобальные последствия *наружу*. Закрытые локальные сообщества в водовороте всеобщей модернизации устаревают, ликвидируются и в осознаваемой опасности глобального риска вплетаются в новую систему взаимозависимостей. Из всеобщих долгосрочных последствий и ожидания неожиданного возникают и начинают действовать транснациональные общества риска, которые могут привести к политическим экспериментам с новыми решениями и космополитическими нормами. То, что с точки зрения промышленности и государств представляется сценарием гибели (а именно тот факт, что социальные движения, не считаясь с национальной юрисдикцией, публично осуждают концерны за долгосрочные последствия и уклонение от социальной ответственности), становится, если перенести мысль Дьюи на современность, *цивилизационной лабораторией для разработки проектов, способных предугадывать будущее институтов*. Другой стороной глобальных рисков могут, таким образом, стать глобальные горизонты ценностей, системы взаимозависимостей, а также движения, которые, опираясь на национальные и локальные культуры и конфликты, обсуждают и утверждают альтернативные представления о жизни, выживании и демократическом саморегулировании.

В этом смысле риски могут восприниматься как *негативные* коммуникативные средства, в отличие от таких позитивных средств коммуникации, как деньги, истина и власть. Если позитивные средства учреждают интенциональные взаимосвязи, минуя все системные границы, то негативные побуждают рисковать тех, кто не хочет взаимодействовать друг с другом. Они наделяют обязанностями и призывают раскошелиться тех, кто не хочет этого делать (при этом часто даже имея на своей стороне существующий закон). Иными словами: риски пробивают «самопоручительство» частичных систем (Николас Луман) – в экономике, науке, политике и повседневной жизни, кардинально изменяют приоритеты в уставах предприятий и устанавливают взаимосвязи между игнорирующими друг друга или враждебными лагерями.

Своеобразная, противостоящая власти сила сделавшегося достоянием гласности риска, способная, по крайней мере, в осветительных вспышках средств массовой информации на пугающую секунду срывать маски и сплачивать несведущих, отсылает к *политической рефлексивности риска*. Так ставшие достоянием общности риски создают *квазиреволюционную ситуацию*, выдают отраженную в кривом зеркале картину общественного порядка за реальность.

Если попытаться для этой политической рефлексивности найти подходящую метафору, то напрашивается сравнение с желанием пола-

комиться медом: все тянутся к горшку с медом (т. е. райским обещаниям техники), чтобы прихватить и себе лакомую толику, а потом, удаляя остатки меда (т. е. остаточные риски), хватаются за свою одежду, за всевозможные предметы и за других людей, опутывая себя и этих других густой паутиной (рисками). Именно в этой извращенной (в сравнении с действующими нормами) обнадеживающей логике коммуникации риска таится взрывная политическая динамика. От этой логики технические эксперты в промышленности и политике только открещиваются и призывают специалистов по изгнанию дьявола.

Нельзя утверждать, что мир стал опаснее, чем был. Скорее, систематическая *утрата доверия* заставляет потребителей всюду видеть риски. Чем меньше доверия, тем больше рисков. Чем сильнее ощущение риска, тем неустойчивее мировые рынки. Чем неустойчивее мировые рынки, тем больше возвращающиеся бумерангом риски для всех – в том числе для концернов и правительств.

При непредсказуемых технических рисках речь, следовательно, идет о заразной болезни, о социальных вирусах, которые превращаются в экономические и технические риски и – в отместку за скрываемые последствия общественных решений – изнутри тиранят общество. Концерны, перекладывающие ответственность за непредвиденные последствия на других, попадают в порочный круг непредсказуемых мировых рынков и потерянных за одну ночь миллиардных инвестиций. Утрату доверия концернами и правительствами в результате их трактовки рисков, которые они же и производят, как остаточных рисков, в целом вряд ли можно возместить усилиями отдельных концернов. Ведь даже мощные концерны борются, опасаясь удара с тыла, с активистами разветвленных общественных движений. Чтобы понять величину трудностей, испытываемых даже крупными концернами, нужно всего лишь иметь в виду то, как используется в политике утрата доверия. Так, в 2000 году крупные концерны обязались в договоре с Генеральным секретарем ООН придерживаться стандартов охраны окружающей среды, а взамен получили право использовать синий логотип ООН. Общественные движения сразу же подвергли этот договор критике, объявив его неподобающим, так как в нем нет пункта об эффективном самоконтроле. Активисты нарекли этот договор как «отмывание синим» – вариант словосочетания «отмывание зеленым»: так высмеивалась попытка концернов отмыть свои грехи с помощью «зеленой» рекламы.

Кстати сказать, урок аферы Брента Спара, так называемый шок компании «Шелл» заключается в следующем: если концерну предъявлено публичное обвинение и он утрачивает свою легитимность,

то ему уже не поможет поддержка правительства, действующих законов и полицейских сил. Компания «Шелл» имела на своей стороне британское правительство и его полицейские силы, но проиграла, когда стал нарастать транснациональный покупательский бойкот ее бензозаправочных станций.

Одно из больших недоразумений, характерных для предприятий, а также политики и науки, заключается в том, что в основе конфликтов риска лежат только *single issues*¹⁹ – протесты против морских бурых вышек, генетически модифицированных продуктов питания или против детского труда, против очевидных нарушений права на труд и норм охраны окружающей среды. За этими обвинениями в духе *single issues* скрывается убеждение, что протестные движения самонадеянны, эгоистичны, политически наивны, тогда как директора концернов или центральные правительства имеют перед глазами полную картину и могут определять и рационально распределять расходы на охрану окружающей среды с учетом потребностей экономического роста, создания новых рабочих мест и международной конкурентоспособности.

Цели этих протестов изображаются нереалистичными, экономически далекими от действительности и не имеющими отношения к требованиям современного менеджмента. Протестные движения, которые возникают, например, из-за нового патентования генов технологии или генетически манипулируемого растениеводства, подозреваются в действиях по принципу «NIMBY – not in my backyard»²⁰, т. е. люди наслаждаются комфортом современной жизни и экономического роста, но не готовы принять вытекающие отсюда риски.

Напротив, протестные группы придают этим *single issues*, на которых они концентрируют свое внимание, символическое значение для понимания последствий и вытекающей отсюда *социальной ответственности*.

Риски не вещи. Это социальные конструкции, в которых ключевую роль играют не только знания экспертов, но и культурные оценки и символы. Чтобы за конфликтами риска обнаружить конфликты власти, необходимо поставить вопрос об отношениях определения. Я употребляю понятие «отношения определения» в параллель к понятию Карла Маркса «производственные отношения». Имеется в виду характер ресурсов и доступ к этим ресурсам, необходимым для определения риска с точки зрения социальной ответственности.

¹⁹ отдельные вопросы (*англ.*).

²⁰ не на моем дворе (*англ.*).

На действенность этой субструктуры определения риска указывает целая серия вопросов.

Кто и что должен доказывать?

Кто, следовательно, несет бремя доказывания в чрезвычайной ситуации?

Что можно считать свидетельством причинной связи, а что доказательством в условиях познавательной неуверенности?

Что следует считать нормой вменяемости?

Кто несет за это ответственность?

На чьи плечи ложатся расходы?

По мере того как в поле зрения попадают эти познавательные основы отношений определения, углубляется понимание взаимосвязи между риском и властью, а также появляется исходная позиция для того, чтобы посредством изменения отношений определения (например, посредством нового распределения бремени доказывания или правил ответственности за производимый продукт) воздействовать на политическую динамику конфликтов риска. Изменение отношений определения может не только улучшить шансы протестных движений, но и заставить глобальные предприятия брать на себя ответственность за порождаемые ими еще неизвестные последствия.

12. ЕВРОПЕЙСКИЕ И ВНЕЕВРОПЕЙСКИЕ КОНСТЕЛЛЯЦИИ

Разумеется, споры о Втором модерне напоминают об одном настоящем недоразумении. Во-первых, они вводят сомнительную эволюционную периодизацию, согласно которой резко подходит к концу одна эпоха и начинается другая, в которой все старые связи в определенный момент навсегда исчезают, одновременно уступая место совершенно новым отношениям.

Во-вторых, это эволюционное недоразумение напрямую связано с еще одним, которое имплицитно выводит из первого то, что констелляция Второго модерна в одинаковой мере касается всех частей света, регионов и культур с их отличной друг от друга историей.

То и другое нельзя считать само собой разумеющимся. Если это различие вообще имеет смысл, то только как эвристика, поднимающая вопрос о новых категориях и теоретических направлениях развития общественных наук и в то же время позволяющая им систематически различать противостоящие друг другу, но связанные противоречивыми отношениями констелляции Второго модерна.

Но и старые понятия первого, второго и третьего мира становятся зомбированными. Это прежде всего означает, что перспектива глобальности, а именно опыт саморазрушения цивилизации и конечности планеты,

уничтожающий сосуществование многих народов и государств и создающий замкнутое пространство деятельности интерсубъективно связанных между собой значений, становится исходной точкой для всех. Однако в этой перспективе глобальности возникли исторически обусловленные крайние ситуации, которые в ответ на вызовы глобальности продолжают все дальше отдаляться друг от друга. Даже если африканец в зоне Сахары живет в новых космополитических условиях и сохранившиеся условия жизни кажутся ему не драматически разрушенными, а скорее предоставляющими новые маленькие возможности, вероятность того, что он умрет в отеле Риц, снизилась невообразимо.

Африканская ситуация — об этом говорит космополитическая перспектива — не предшествует модерну и не лежит вне его; она скорее вплетена в европейские, азиатские, южноамериканские и североамериканские конфликты модернизации: *entangled modernity*²¹ (Рандерия). Говоря о европейской констелляции Второго модерна, следует начинать, например, с Африки. Ибо историческая судьба Африки, разрушения, учиненные колониализмом и империализмом, — это, как учат теории постколониализма, вытесненная оборотная сторона европейской национально-государственной истории Первого модерна.

И как судьба Африки неразрывно связана с Первым европейским модерном (даже если это и отрицается забывшей историю самодовольной европейской автаркией), так и космополитическая констелляция Второго модерна обретает для Африки совершенно иной смысл — смысл Второго модерна без Первого, ибо ключевые европейские институты национально-государственной констелляции (государство, право, наука, демократия, социальное государство с полной занятостью, национальное единство) представлены здесь только как опровергающая самое себя мечта об африканском модерне без европейского империализма. И все же не может быть сомнения в том, что в ситуации метавласти с преобладанием признаков мировой экономики Африка тоже должна будет найти и обрести свой голос.

«Хотя колониальное господство прервало в Африке процесс образования государств, африканские общества по своей сути всегда были многонациональными. Доколониальные нации, придавшие этой многонациональной системе ее идентичность, существуют доныне, пусть и в разобленном, нередко распределенном по многим государствам виде. Однако эта ситуация не обязательно является препятствием для восстановления общественных взаимосвязей. Напро-

²¹ запутанная современность (англ.).

тив: кризис западного национального государства делает возможным то, что, вероятно, станет решающим для африканской ситуации, — отделение от государства (которое остается навязанным подарком колониализма) и восстановление рассеянного по разным территориям африканского национального многообразия, которое все еще присутствует в памяти людей. Реабилитация этих “наций” будет способствовать не только окончанию кризиса сознания и конфликтов идентификации, сотрясающих Африку, но и воспрепятствует в будущем политическим глумлениям посредством отрицания национальной принадлежности...» [Tshiyembe 2000, 14].

В период между началом XX и началом XXI века *европейская констелляция* претерпела драматические изменения. На пороге XX века в мире доминировали народы Европы, и эти народы были настроены воинственно. Но сегодня Европа уже не является центром мира и война между важнейшими членами Европейского союза если и не исключена полностью, то по меньшей мере маловероятна. Европейцы миролюбивы, состоятельны, их волнует только наличие ядов в продуктах питания. Национально-воинственная культура сменилась, по язвительному замечанию Карла Шмитта, духом торговли. Дело зашло так далеко, что стала достижимой (по крайней мере для Европы) философская мечта о вечном мире, высказанная некогда Иммануилом Кантом.

Можно даже сказать, что чудовищные ужасы, которые Вторая мировая война обрушила на европейский континент, и прежде всего страх перед холокостом не только сломили внутреннюю гордость европейского национализма, но и открыли Европу для космополитического обновления — в отличие, например, от обусловленных религиозными и территориальными причинами раздоров между израильтянами и палестинцами. В итоге речь в европейской констелляции — в качестве ответа на вызовы глобализации — идет об историческом эксперименте с транснациональным, космополитическим государством.

Между европейской и азиатской констелляцией существует четкое различие. Ситуация в Азии останется совершенно непонятой, если исходить из того, что этой части света, как и послевоенной Европе, свойственно свободное пространство для глобального капитала и неоллиберализма как в экономической, так и в политической сфере. Огромные экономические успехи государств-тигров — в отличие от простых моделей модернизации — разными способами оживили и сделали модными традиции и культурное происхождение, что отнюдь не привело к открытию их культурного пространства для ориентированных на запад демократических движений. Исторические сломы, происходящие в этом регионе, следует воспринимать в прямой зависимости от его

собственной истории – как отказ от постколониального государства и как обращение к новому синтезу азиатской модернизации, которая соединяет транснациональные семейные и этнические идентичности и институты с требованиями глобального капитализма [Ong 1999].

Региональные неравенства применительно к трудностям, вытекающим из последствий модернизации, следует рассматривать в их напряженных взаимоотношениях с глобальной целокупностью проблемных ситуаций. То, что крах глобальных финансовых рынков или изменение климатических зон по-разному затрагивает отдельные государства, ничего не меняет в том, что каждый может стать жертвой этих угроз и что преодоление проблемных ситуаций требует глобального напряжения сил. Это можно интерпретировать таким образом, что принцип «глобальности» [Albrow 1996] – в смысле растущего сознания глобальных взаимозависимостей – приобретает все большее значение. Так, например, глобальные проблемы сохранения окружающей среды могут способствовать их восприятию населением Земли (нынешним и будущими поколениями) как общность судьбы. Эта общность отнюдь не свободна от конфликтов, если задаться вопросом, в какой мере индустриальные страны могут требовать от развивающихся стран, чтобы они охраняли важные глобальные ресурсы, такие как тропические леса, в то время как сами развитые страны притязают на львиную долю энергетических ресурсов. Но уже сами эти конфликты имеют интерактивную функцию, вызывая понимание того, что глобальные решения необходимо находить и они могут быть достигнуты не войнами, а в результате переговоров. Решения эти вряд ли возможны без новых глобальных институтов и правил, т. е. без определенной конвергенции. Тем самым из глобальных долгосрочных последствий и ожидания неожиданного возникают и крепнут транснациональные общественные движения против этих последствий, способствуя непреднамеренной политизации мирового общества риска.

Это всего лишь возможное следствие глобальных угроз. Возможны позиции, которые из дилемм глобальных угроз позволяют делать противоположный вывод о том, что следует стремиться не к адекватному глобальному, а к другому, улучшенному модерну. Такие политики, как Мохатхир в Малайзии или Ли Куан Ю в Сингапуре, не требуют прямого отказа от модерна, а хотят способствовать развитию современных методов производства, средств массовой информации и науки. Они, конечно же, носятся с мыслью прибегать к методам западного модерна только выборочно. Любопытно, что при различении признаков этих альтернативных модернов ссылаются на проблемы, связан-

ные с последствиями западного модерна, и западная модернизация вместе с ее дефектами с неизбежностью попадает в разряд контрастного фона и ссылок на собственные представления о путях развития [Holzer 1999, Кар. 4].

Таким образом, роль проблем, вытекающих из последствий модернизации, весьма противоречива. С одной стороны, она выступает приводным ремнем глобализации, а с другой – поводом и основанием для отделения других модернов от европейского. Это неизбежное следствие исторической ситуации, в которой неопределенности космополитического Второго модерна переплетаются с различными в региональном отношении исходными точками частично развитого, частично стремящегося к такому развитию и частично отвергнутого Первого модерна. Из разногласий по поводу непредвиденных последствий модерна и возникает поверх всех национальных границ, в новых overlapping communities of fate²² [Held 2000, 400] открытый для мировой общественности дискурс, требующий глобального взаимодействия.

13. КОСМОПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ

Главный аргумент этой книги нацелен не на полемику с космополитическим идеализмом или даже романтизмом, а на обоснование космополитического реализма, смысл которого в том, что без понятийных и наглядных космополитическим форм политическая деятельность и политические науки будут продвигаться вслепую.

Несомненно, здесь дает о себе знать и нормативная политическая теория самокритичного космополитизма – *cosmopolitan imagination*, но основная задача книги – эмпирико-аналитическая. Я хочу показать в ней, что, во-первых, национальный взгляд *ложен* и, во-вторых, только космополитический взгляд *способен анализировать реальное положение вещей и указывать направление деятельности*. Это касается сферы как политической деятельности, так и политологии (см. табл. 4). Кто придерживается национального взгляда, тот отстает от жизни.

Поскольку национальный взгляд запутался в культурно-пессимистическом круге самоутверждения, национальная аксиоматика порождает мировые проблемы, которые не могут быть разрешены или даже восприняты, если следовать маленькой и большой национальной таблице умножения. Напротив, космополитический взгляд не пессимистичен и не оптимистичен, а скептичен и самокритичен. Мир, пред-

²² наслаивающихся друг на друга сообществах веры (англ.).

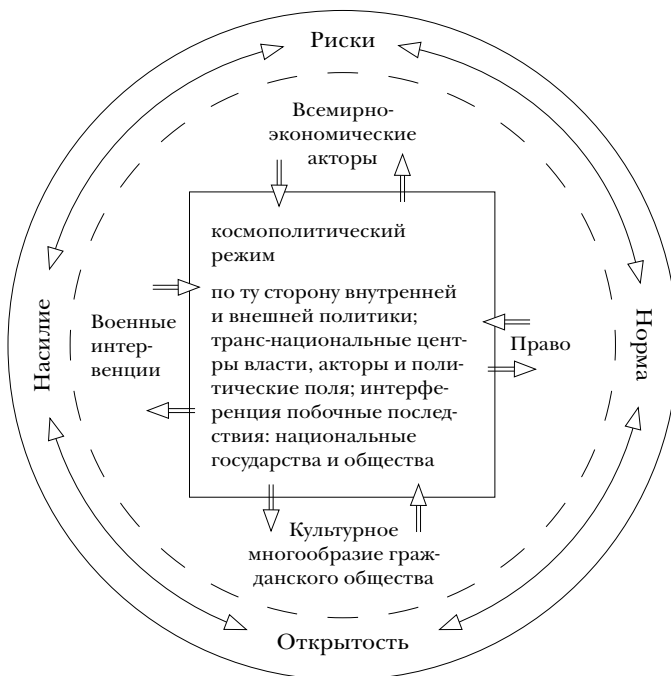
Таблица 4. К различению измерения реальности и измерения ценности

	<i>Национальный взгляд</i>	<i>Космополитический взгляд</i>
<i>Измерения реальности: эмпирически-аналитическая теория и исследовательский подход</i>	Национально-государственные рамки референтности; эндогенная каузальность; национальные ситуации и проблемы; эмпирически ложная зомбирующая наука о нации; культурно-пессимистический круг самоутверждения	Транснациональные рамки референтности; глобальные взаимозависимости и причинные связи; интерференция национальных и глобальных кризисов и неравенств; эмпирически правильно: космополитический реализм; критика национального взгляда; космополитическая теория мета-власти
<i>Измерения ценности: нормативная и политическая теория и утопия</i>	Нормативный национализм: теория национального государства и национально-государственной демократии; политический реализм власти	Самокритический космополитизм: принципы, шансы, опасности и проблемы легитимации космополитического режима

стающий в космополитической перспективе, не затемнен культурпессимизмом и не освещен верой в прогресс. Мы не втираем людям очки, уверяя их, будто находимся на пути к обществу всеобщего благоденствия; скорее наоборот: мы утверждаем, что человечеству грозят гибельные катастрофы, но в то же время ему предстоят и подъемы. И чаще всего трудно понять, не является ли то, что наступает или только намечается, тем и другим сразу. Главная примета космополитического взгляда в том, что он *другой*. Что же составляет структуру космополитического взгляда? Каковы его понятийные и наглядные формы, координаты, пограничные конструкции, горизонты ожидания, ценности, внутренние дилеммы и противоречия? В чем заключается его раскованность?

Несколько утрируя, можно сказать: даже этнический националист, борющийся как с культурной и финансовой космополитической элитой, так и с правовым национальным государством, должен усваивать космополитический взгляд, если он хочет утвердиться в раскованном

Таблица 5. *Космополитический реализм: структура космополитического взгляда, или политика в мировом обществе*

Транснациональное политическое пространство

мире, т. е. находить и воспринимать возможности для деятельности в транснациональных рамках. Если же он придерживается «позиции сэндвича», то этническая политика самоограничения и самоизоляции войдет в противоречие с мировыми экономическими зависимостями, транснациональными информационными и культурными потоками, глобальными рисками и кризисами, а также с возможностями вмешательства всемирно-политических акторов. Это значит, что даже тот, кто спит и видит вокруг себя этническое единство, должен быть космополитическим реалистом.

Космополитический реализм раскрывается в следующих измерениях или постановках вопроса (см. табл. 6):

- 1) На каком уровне я образую или выбираю понятия? Не на национально / интернациональном, а на транснациональном уровне, который учитывает взаимодействие мировых экономических акторов, гражданского общества, наднациональных организаций и, разуме-

Таблица 6. *Раскованный мир в переходную эпоху: трансформация понятийных и наглядных форм политологии*

	<i>Национальный взгляд</i>	<i>Космополитический взгляд</i>
<i>Уровень образования понятий (координаты/рамки референтности)</i>	Политика по эту сторону границ; политическая система в национально-государственных рамках референтности; сфокусированный на государстве взгляд; национальное / интернациональное	Политика границ; распространяющаяся поверх границ интерференция побочных последствий; транснациональные оптика, политический уровень и политические арены; без фокусировки на государстве и системности
<i>Нормы и системы правил</i>	Национально-государственный режим: система и идеал Вестфальского мира; деление человечества на суверенные, территориально эксклюзивные национальные государства; политический реализм власти	Космополитический режим: исторически открытая мета-игра мировой внутренней политики; интернационализация национальных государств; конфликты, вызванные регулированием мировой экономики и защиты прав человечества, а также транснациональным обновлением демократии
<i>Актеры и стратегии</i>	Национальное государство, правительство, партии, интернациональные организации; интернациональная дипломатия; формальные позиции в политической системе	Мобилизация и организация общих интересов поверх границ; увеличение количества новых центров власти над и под национальными государствами и параллельно им; институционализация расширенных связей межгосударственной политики, включая всемирно-экономических акторов и стратегия в рамках гражданского общества

	<i>Национальный взгляд</i>	<i>Космополитический взгляд</i>
<i>Легитимация</i>	Формы легального господства; демократически легитимированная национальная политика; анархия национальных государств	Нормы транслегального господства; отсутствие (прямой) демократической легитимации; фрагментарная система власти и противодействия власти
<i>Культура</i>	Идеал национальной однородности; позитивная интеграция	Культурное многообразие: масштабы, в которых внешне далекие друг от друга культуры и общества на локальном уровне пронизывают друг друга, сосуществуют и конфликтуют; «критическая интеграция» самых разных традиций
<i>Армия</i>	Сфокусированные на государстве образы врага; ни война, ни мир	Образы врага вне связи с государством: транснациональный терроризм; гуманитарные интервенции; и война, и мир; политический реализм власти как реализм космополитический

ется, национальных государств. Необходимые и в транснациональном пространстве конструкции отграничения (например, внутренней внешней политики и внешней внутренней политики) создаются не по национальным образцам; их следует каждый раз политически и стратегически заново определять и легитимировать в меняющихся условиях с учетом транснационального взаимодействия.

2) Что означает в транснациональном смысле слово «политика»? Политика множественных границ – в условиях текучего, многозначного пограничного размежевания. Необходимость установления транснациональных границ, которое влечет новые проблемы (пограничные конфликты, конфликты ответственности), возникает и состоит из двойной интерференции: во-первых, правил старой националь-

ной игры и новых (еще диффузных) правил космополитического режима; во-вторых, транснациональная пограничная политика вытекает из интерференции побочных последствий от потоков капитала и культурных потоков, миграционных движений, рисков, террористических актов, религиозного фундаментализма, антиглобалистских движений, экологических и экономических кризисов. Таким образом, транснациональная политика имеет в виду уровень организованной, более или менее неформальной внутренней, внешней, межгосударственной и субгосударственной политики, которая отражает все другие феномены – мировые экономические отношения власти, кризисы и стратегии, национально-государственные ситуации и реакции отдельных государств и групп государств, вмешательства мировой общественности, общественно-гражданские и военные интервенции, угрозы окружающей среде и т. д. Транснациональная политика – помеха на пути национальной политики. Она включает национально-государственную политику. И наоборот: национально-государственная политика становится местом проведения транснациональной политики. Что касается отношений между ними, то тут действует принцип: *национально-государственная политики без космополитического взгляда слепа; космополитический взгляд без национально-государственной политики пуст.*

В соответствии с этим космополитический реализм можно и должно специфицировать и определять на разных мировых внутривнутриполитических («глокальных») уровнях для разных исторических и геополитических констелляций (см. табл. 5) – глобально, локально, но также и для разных регионов мира (Азии, Европы, Африки, Северной Америки). В целом можно сказать, что транснациональная политика в институциональном и инфраструктурном отношении есть политика недоразвитая, что означает недостаточно разработанные правовые структуры и инфраструктуры, демократические и легитимационные формы, а также промежуточные институты мировой внутренней политики (например, юрисдикции, парламентского и партийно-политического представительства или баланса между мировыми региональными силовыми блоками). Еще одна характеристика – разнообразие и неравенство акторов; например, не все члены транснационального гражданского общества соответствуют правилам этого общества или могут представлять его. Кроме того, акторы радикально отличаются друг от друга в отношении ресурсов, власти, допуска к информации и центрам, где принимаются решения. Транснациональная политика есть политика *поликратическая*, т. е. плюралистическая, насквозь противоречивая, скорее информационно-субполитическая, несвободная

от многообразных взаимозависимостей, но эффективная, так как она способна действовать в различных национальных контекстах.

3) Что значит «интерференция побочных последствий»? Речь о метавласти экономических акторов двусмысленна. Она может означать, что экономика в свою очередь становится политикой, экономическая деятельность превращается в политическую. Но здесь не это имеется в виду, а скорее то, что мировая экономическая деятельность, судя по тому как она сама подает себя, остается деятельностью экономической, т. е. неполитической. Однако это порождает феномены интерференции побочных конфликтов, которые в свою очередь устраняют границы, базисные и институциональные различия Первого модерна и в условиях политики, как изменяющей правила метаполитики, воспринимаются при слушании дел в транснациональном масштабе²³.

Возьмем для примера арбитражный суд при Всемирной торговой организации. В каком качестве встречаются там судьи? Они представляют разные юридические системы и правовые традиции. Как бы они ни отличались друг от друга, судьи выносят приговор в рамках и на основе транснациональной политики.

Я говорю не о мировой экономике как о политике, а о транснациональной политике, вытекающей из феноменов интерференции побочных последствий. Из этого источника подпитываются мобилизация и организация общих интересов, а также вовлечение новых центров власти, стоящих над национальными государствами, под ними и параллельно им.

4) Что станет с национальными государствами? Они ни в коем случае не будут распущены, их станут интерпретировать по-новому, в транснациональном пространстве они утратят старое значение. Система интерференций транснациональной политики не повинуетя правилам ни классического международного права, ни мирового гражданского общества, ни территориально-государственным границам и установкам национального суверенитета. В соответствии с этим пока еще не получили развития формы, формулы и форумы транснациональной политики и архитектуры безопасности на основе ограниченной автономии государств. Лишенный государственной принадлежности образ врага открывает, с одной стороны, национальные

²³ В общем плане, т. е. применительно не только к сфере политики, это основная идея «рефлексивной модернизации» [Beck/Bonss/Lau 2001].

пространства для новых, гибких форм объединения (антитеррористические альянсы, обесценивающие такие негибкие союзы, как НАТО); с другой стороны, для длительного военного вмешательства, т. е. для новых войн [Kaldor 2000] — без объявления войны и без возможности прекратить это вмешательство путем переговоров и мирных договоров.

Таким образом, понятие «космополитический реализм» имеет три значения: во-первых, реализм научного подхода к действительности; во-вторых, реализм *политической власти*, что подразумевает, в-третьих, реализм *политических границ*, т. е. не ликвидацию, а плюрализацию границ как политику метавласти. Слияние внутрисударственных, межгосударственных и внегосударственных очагов борьбы за власть не следует помещать только в национальные или только в интернациональные рамки. Политическая теория национально-политического реализма эмпирически ложна. Но это не означает, что ее место занимает космополитический идеализм. Она уступает место именно *космополитическому реализму*. В том числе и потому, что эту взрывающую, смешивающую границы и устанавливающую новые границы политику метавласти нужно осмысливать и анализировать как Новую мировую политическую экономию. Об этом пойдет речь в следующих главах.

ГЛАВА IV

ВЛАСТЬ И ЕЕ ОППОНЕНТЫ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗМА. СТРАТЕГИИ КАПИТАЛА¹

Вот так новость: игра идет без правил, причем в радикальном смысле — старую игру продолжать уже нельзя, а новые правила игры еще не утвердились. Мало того, неясно даже, могут ли прежние рамки порядка быть заменены новыми или в какой мере контингентность политического может и должна одобряться и посредством глобального космополитического правопорядка легитимироваться и затем устанавливаться на продолжительный срок.

Под пространством стратегии, которое в данной и последующих главах будет раскрываться категориально, подразумевается стратегическая логика игры в динамической взаимозависимости трех перспектив действий — мировой экономики, государств, глобального гражданского общества, статус акторов которых конституируется сам собой (или не конституируется) во взаимном антагонизме силовой метаигры с ее меняющимися правилами. Однако имеются в виду не-эмпирические игровые процессы.

Пространство и понятие стратегии в этом контексте подразумевает ни то, ни другое: ни структуру, ни хаос, но противоречивое взаимоотношение стратегий метавласти, причем понятие власти употреблено здесь в несубстанциализированном смысле. «Ни то ни другое»

¹ В этой главе я использовал следующую литературу: *Amin* 1998; *Altvater/Mahnkopf* 1996; *Boyer/Drache* 1996; *Dunning* 1993, 1997; *Bronschier* 2002; *Dunkley* 1999; *Drucker* 1997; *Easterley* 2001; *Eichengreen* 2000; *Featherstone* 2000; *Freiden* 2000; *Frieden/Lake* 2000; *Gill* 1995; *Goldstein/Kahler/Keohane/Slaughter* 2000; *Gilpin* 1987, 2001; *Goodman/Pauly* 2000; *Greider* 1997; *Cerny* 1998; *Cooter/Ulen* 1999; *Günther/Randeria* 2002; *Hutchinson* 1966; *IMF* 2000; *Jessop* 1999, a, b, 2000, a, b; *Jones* 2000; *Koch* 1995, *Korten* 1995; *Krasner* 2000; *Krueger* 1998; *Krugman/Venables* 1995; *Krugman* 2000; *Krugman/Obstfeld* 2000; *Kindleberger* 2000; *Lane/Ersson* 2002; *Lake* 2000; *Ohmae* 1990; *Randeria* 1999, c, 2001; *Sassen* 1991; *Sen* 1999; *Stalker* 2000; *Stein* 1995; *Stiglitz* 1999, 2002; *Smart* 1995; *Streeck* 1998, a, b; *Stubbs/Underhill* 2000; *Teivainen* 2000; *Wadlington* 1999.

означает также, что стратегии нужно понимать как квазиинституты — ведь ни старый порядок национальных государств, ни новый порядок мирового государства, или космополитический порядок, не существуют, не правят. Итак, существуют лишь стратегии как формы действия контингентности политического, которые дифференцируются по различным группам акторов — капитал, глобальное гражданское общество, государства². Стратегия есть синоним отсутствия всемирного государства в сочетании с эпохой космополитического грюндерства — борьбы за глобальную систему правил. Иными словами, в том, что касается типа теории, речь идет о теории действия в аспекте политики мировой власти, о начальном вкладе в космополитический реализм и макиавеллизм с их теорией власти³.

1. ВСЕМИРНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

Шансы на то, что различные группы акторов конституируют себя в силовой метаигре в качестве политических акторов, распределены неравномерно. Подобная асимметрия стратегического потенциала, тяготеющая к капиталу, коренится в логике их властного положения и осуществления власти, одновременно позволяя весьма дифференцированно отвечать на вопрос, какие акторы, индивидуальные или коллективные, скрываются за общим словом «капитал». Если акторы глобального гражданского общества, а также государства должны политически конституировать себя в качестве дееспособных субъектов с определенными политическими целями лишь в общественно-поли-

² Этому выделению определенных групп акторов присуще всегда нечто произвольное; можно было бы мысленно расширить этот круг — например, за счет католической церкви, с одной стороны, организованной преступности (мафия), с другой. Все же католическая церковь изначально является *global player* (глобальным игроком); и в настоящее время она движется, если говорить о критике неолиберального всемирно-рыночного режима, в некоторых отношениях по стопам Коммунистического интернационала. Во всяком случае, папа и его «транснациональный концерн» являются единственным сохранившимся независимым интернационалом, когда речь идет о критике обожествления чистого рынка как социального миропорядка [*Beck/Willms 2000: 273 ff.*].

³ Я говорю о начальном вкладе, поскольку в этой и в последующих главах военно-стратегическая компонента космополитического реализма остается недостаточно освещенной. Вместо этого в центре оказывается Новая мировая политическая экономия, которая преодолевает политэкономический дефицит реализма, ограниченного национальным подходом.

тическом процессе и прежде всего для того, чтобы в качестве участников игры осуществлять власть, то капитал не обязан это делать. Ему, к примеру, для реализации экономической метавласти против государства не нужно основывать политические партии, принимать вызов демократических выборов. Власть «нет» не предполагает политической цели, не нуждается она и в политическом оправдании. Она следует самопониманию акторов в соответствии с критериями экономического действия. Это, однако, не только не уменьшает, но напротив, увеличивает политическую метавласть мировых экономических акторов. Как это следует понимать?

Экономическая власть трансформируется в политическую метавласть в форме побочных следствий: мировые экономические акторы совершают переворот в миропорядке по образцу *политики как побочного следствия* [Holzer/Sørensen 2001, 16]. Эта политическая игра побочными следствиями мирового экономического действия приводит к максимизации метавласти капитала как минимум по трем причинам.

Во-первых, политика побочных следствий избавляет от необходимости организовывать и легитимировать себя в качестве политического актора, но не влечет неизбежную при этом потерю политической власти. Можно (политически) действовать в качестве (политического) не-актора, причем исключительно эффективно, пользуясь властью, которая создает факты (или угрожает им). Политика побочных следствий является, таким образом, формой ничейного господства. Здесь политику делает «никто», причем крайне эффективно и часто намеренно.

Во-вторых, мировая политика как побочное следствие экономического решения допускает большую гетерогенность акторов. Не следует думать, что транснациональные концерны, банки, средние предприятия или, что еще более абсурдно, глобальные финансовые рынки и потоки капитала преследуют определенную стратегию или занимаются какой-то политикой. Ведь политическая метавласть капитала является результатом суммарного воздействия весьма разнородных акторов, центров принятия решений, рынков, потоков капитала, транснациональных организаций и т. д., которые принимают решения каждый за себя не согласно своему самопониманию, а скорее в соответствии с экономическими взглядами и интересами.

В-третьих, всемирно-политические стратегии капитала как побочное следствие не только не исключают, но предполагают возможность стать жертвами враждебного поглощения или непредсказуемых глобальных финансовых рисков, противоречивых претензий держателей акций, а в будущем, возможно, также организованной

власти потребителей. И так, даже так называемые акторы экономической глобализации могут рассматривать себя в качестве жертв, теряя опору, приходиться в ужас от мощного вала перемен. *Внутренняя* властная метаигра также является не игрой на победу, а игрой между актуальными и потенциальными проигравшими. Тот, кто сегодня еще выходит победителем из всемирных битв за поглощение, послезавтра может оказаться проглоченным. Даже в новые, привыкшие к победам штаб-квартиры великих экономических империй врываются катастрофические вести, и даже от них исходят кризисные настроения: ведь где-нибудь во всемирной империи обязательно что-то горит. Глобальное присутствие на всех рынках – великая цель шефов концернов – покупается в экономике неуверенности ценой перманентной турбулентности. И все-таки считается, что это не минимизирует, а максимизирует власть побочных воздействий мировых экономических акторов.

«Помимо упразднения политических границ, побочные воздействия могут породить также “наводнение” (М. Каллон) во взгляде на институциональные границы. Это бывает в том случае, когда собственность служит не только индикатором возможности распоряжаться капиталом, но и индикатором *политической* власти. Нас не так интересует наиболее вероятная форма, в которой это может происходить, т. е. ситуация, когда собственность сознательно используется в политических целях. Это находит отражение и в разговорном, и в юридическом языке (там это называется коррупцией), причем высказывается озабоченность только тем, чтобы такое нарушение границ осталось исключением... Гораздо интереснее, с другой стороны, случай, когда использование собственности проявляется в политике как *некое побочное следствие*, поскольку тут меры предосторожности против коррупции бессильны. Если коррупция все еще действует посредством позитивных санкций (кому-то платят за то, чтобы он сделал нечто определенное), то мобилизация экономических ресурсов, чтобы повлиять на политическое сообщество, например, с помощью угрозы свернуть промышленное производство, пользуется санкциями негативными. Если это происходит, мы имеем дело с *субполитикой*. Но именно такое использование этой последней функции собственности приобретает, по-видимому, все большее значение» [Holzer/Sørensen 2001, 16f.].

Самолегитимация *капитала*?

Экономическая глобализация порождает, однако, не только экономические факты со всемирно-политическими, изменяющими мир по-

бочными следствиями, но и открывает для экономического действия новые источники легитимации. Стратегии капитала могут максимизировать свою всемирно-политическую власть тогда и в той мере, в какой удастся установить связь между капиталом и правом, капиталом и государством. В логике интересов капитала главное состоит не в том, чтобы оказать давление на государства в местной конкуренции или умерить конкуренцию на мировом рынке путем создания кооперирующих сетей, но, как правило, в том, чтобы раскрыть новые источники легитимации. Это достигается с помощью двух в чем-то противоречащих друг другу основных стратегий:

- во-первых, *неолиберализацией государства*, т. е. экономической самотрансформацией политики в смысле самоколонизации;
- во-вторых, *разгосударствлением права* и связанного с этим *разгосударствления авторитета* для создания новых правил и источников правил, а также легальных инструментов, служащих гарантом договоров и делающих возможным урегулирование конфликтов.

Это фундаментальная двойная стратегия: тут переплетаются наделение властью и лишение власти; наделение властью капитала, лишение власти государств, делегитимация государств, самолегитимация капитала.

Выдающимся примером такой самолегитимации власти капитала посредством права является подсудность международному арбитражному суду. «Арбитражные суды являются частными, в договорном порядке основанными судами, вступающими в действие прежде всего тогда, когда речь идет о нарушениях договоров между предприятиями или между предприятиями и государствами. Замещение судебных должностей также подчиняется согласованной процедуре... Надо сказать, что арбитражные процедуры хотя и могут регулироваться посредством закона, как это имеет место в Германии (Гражданский процессуальный кодекс, §§ 1025 ff.), но это регулирование абсолютно не соотносится с применяемым правом. В свободной договорности о применяемом праве заключено одно из преимуществ, ради которого этот вид процедуры прежде всего и применяется в тех случаях, когда стороны представляют разные государства и правовые порядки. Нельзя сбрасывать со счетов и более быстрое, чем в государственном суде, урегулирование споров, а также большую компетентность судей. Учитывая быстро растущее значение международных арбитражных процессов, нетрудно предположить, что на наших глазах независимо от национально-государственных или наднациональных законодательств, как бы снизу, наперекор судебной казуистике возникает транснациональное право. Это транснациональное торговое право

обладает поэтому рангом парадигмы транснационализации права вне национального государства» [Günther/Randeria 2001, 38].

А Гунтер Тойбнер [Teubner Günther 1997] говорит в этой связи о *global law without a state*⁴: «Мультинациональные предприятия заключают между собой договоры, которые больше не подчиняются юрисдикции какого-либо суда и какому-либо национальному материальному праву. Они договариваются подчинять свои соглашения не зависимой от национальных прав юрисдикции арбитража, который в свою очередь должен применять нормы транснационального торгового права» [Teubner 2000a; цит. по: Günther/Randeria 2001]. Тойбнер разделяет точку зрения, согласно которой речь здесь идет не об источнике права, легитимированном национально-государственным путем, а об автономном источнике права, вне политического законодательства.

Таким образом, вырабатывается некая форма правового суверенитета капитала, которая делает себя не зависимой от внешних, государственных основ и источников легитимации. Такое «самообоснование» договоров в арбитражной практике выражает собой некий парадокс.

Транснационализация права превращается в деконструкцию права в его национально-государственном значении. Именно это в национально-государственном аспекте ставит мир с ног на голову: то, что не имеет права быть, не существует. Тем самым упускается из виду то, что властная метаигра в конечном счете ставит на кон, — разгосударствление легитимности и создание автономного, транснационального права для самолегитимации капитала.

Вопрос формулируется следующим образом: в какой мере организации ООН, включая крупные транснациональные финансовые и торговые организации (МВФ, Всемирный банк, ВТО и т. д.) превращаются в повивальных бабок нового порядка легитимации и власти? В какой мере, таким образом, удастся превратить национальные государства и национальные общества в простые инструменты для потоков капитала и кругооборотов производства-потребления? Растущая популярность наднациональных правопорядков и режимов, правотворческих фирм, международных организаций по урегулированию конфликтов, не в последнюю очередь прямые вмешательства Всемирной торговой организации и других наднациональных финансовых организаций создали сложную амбивалентную и поливалентную структуру правовых пространств и правотворческих, судебных инстанций, в которых многократно пересекаются компетенции и границы внутри и между

⁴ глобальном праве без государства (англ.).

национальными территориями; перед нами правовой вариант политики плюрализации границ.

Эта транснационализация и умножение акторов, масштабов и притязаний плюрално-суверенного законодательства в самом деле имеют важные последствия для понимания *права как такового*, ведь они поднимают *вопрос о легитимности*. Откуда «право» и «закон» черпают свою обязывающую, легитимирующую силу, если они уже больше не мыслятся в контексте суверенитета национального государства? Что, вообще говоря, легитимирует «право» *в отсутствие* государственного демократического авторитета? На какие средства принуждения может опираться внесударственное право всемирно-экономической «самолегитимности»? В какой степени эти всемирно-экономические конвенциональные законы (двусторонние, многосторонние соглашения или даже протоколы, которые обладают квазиобязательной силой или должны развивать ее) могут вообще рассматриваться как «право» в том смысле, в котором это понятие было создано, употреблялось и институционализировалось в методологии национализма?

Идет ли речь при этой плюрализации источников легитимности права о регрессии, если сравнивать со стандартом демократически организованного правового государства, или наоборот, об эмбриональной форме капиталистической квазигосударственности в транснациональном пространстве без государственного суверенитета?

Поскольку «частнохозяйственный авторитет» (по крайней мере до сих пор) не располагает государственными средствами насилия и принуждения, возникает вопрос, откуда берется и почему сохраняется *момент обязательности*. Целый ряд частичных ответов на него можно обнаружить в спектре между *убеждением* и *принуждением*, более или менее сочетающимися с *консенсусом*. Но квазигосударственность (указывающая, кстати, на отсутствие транснациональной государственности) означает, что законы и нормы должны обладать способностью своего рода самопринуждения и развивать его, обладать своего рода утверждающе-убеждающей себя силой и развивать ее. Но это в конечном счете удастся только в той мере, в какой данное самоподтверждающееся пророчество их легитимности соответствует притязанию на законную силу, выходящему за пределы экономического эгоизма, за пределы собственных интересов мировых экономических акторов. Иными словами, обязывающая сила правовой самолегитимности всемирно-экономического действия, не опирающаяся на государственные средства принуждения, должна компенсироваться за счет силы убеждения. В заостренной форме это звучит так: самоде-экономизация и самополитизация экономики, взятие

на себя ответственности перед мировой общественностью потребителей становится центральной составной частью успешного экономического действия. Вот почему я, подводя итоги, исхожу из того, что неолиберальный режим характеризуется следующими ключевыми признаками:

- раскрытие источников и норм правовой самолегитимности капитала, позволяющих ему автономно учреждать легитимные порядки и институционализировать соответствующие урегулирования конфликтов; в результате этого капитал и государство сливаются в капитал-государство, в котором отдельные государства превращаются в объекты и субъекты миропорядка, направленного на оптимизацию интересов капитала;
- усилия по установлению транснационального институционализированного надгосударственного авторитетного органа, цель и задача которого – продвигать неолиберальную самотрансформацию государств для облегчения глобального аккумуляции капитала; на уровне дискурса и в реальности инсценировать игру политики как побочного следствия, чтобы держать под постоянной угрозой силы, представляющие различные уклоны и сопротивление, внутри и за пределами государственных политических арен и чтобы установить дискурсивную гегемонию неолиберального режима;
- модус самолегитимности опирается, таким образом, на момент *универсальной инклюзивности*, который связывает самолегитимацию с универсальным правом, на момент индифферентности по отношению к культурным различиям и экономико-пацифистскому понятию вторжения. Сам себя легитимирующий капитал – это «машина универсальной интеграции с раскрытым ртом и неукротимым голодом, приглашающая всех вступить с миром в свое царство. (Подавайте мне ваши нищие, ваши голодные, ваши поработанные массы...)» [*Hardt/Negri* 2002, 210];
- возникает своего рода общество, нацеленное на всемирный успех, в котором глобальные неравенства между странами, государствами и регионами распределены в соответствии с экономически измеримыми принципами успеха по правилу: «каждая страна – кузнец своего (не) счастья». Таким путем бедным государствам и регионам – точно так же, как богатым – указывается их место в иерархии мирового общества демонстрацией образов чужих и себя. Именно растущие регионы (такие как Азия или в будущем, возможно, Китай) доказывают, что изгои мирового общества сами повинны в своем изгойстве.

Обзор стратегий капитала

В аспекте мировой экономики идеальной является та форма государственной политики, которая обладает следующими признаками:

- 1) государство должно быть легко заменяемым и полностью сменяемым; стратегии автаркии;
- 2) должно находиться в конкурентной борьбе с максимально большим числом сходных государств; стратегии субституции;
- 3) должно усвоить неолиберальный режим мирового рынка; стратегии, которые создают экономическую монополию рациональности мировой экономики, т. е. стратегии монополизации;
- 4) должно отказаться от военных завоеваний и использовать свои легитимные средства для того, чтобы политически (демократически) санкционировать и легитимировать автономию принятия решений и силу обязательности мировых экономических акторов; стратегии превентивного господства.

Этот идеал государства, приспособленного к мировому рынку, находит свое соответствие в том, что для государственных акторов (а также НПО и т. п.) *исключаются* определенные опции, возможности; другие же альтернативы для принятия решений им, напротив, *задаются*. Это означает, что метавласть ограничивает пространство опций того, что вообще еще можно выбрать среди политических альтернатив.

Таблица 7. *Всемирно-экономические стратегии капитала*

Так, метавласть мировой экономики *исключает стратегии экономического национализма и изоляционизма*; во всяком случае, они были бы равнозначны национально-государственному хакари. И наоборот, это означает, что если национализм и ре-этнизация вообще имеют шансы на выживание в конкурентной борьбе на мировом рынке, то только в форме, в которой противоречивый политический национализм будет сочетаться с неолиберальным режимом открытых миру рынков; в Австрии это испробовал Хайдер, в Италии – Берлускони. Крах Восточного блока и ГДР, а также открытие коммунистической автаркической Северной Кореи символизируют в этом смысле начало реализации режима мирового рынка⁵.

С другой стороны, эта всемирно-экономическая власть исключения может быть обнаружена и по тому, до каких альтернатив сужается или заостряется пространство политического действия: либо *опережающая глобализация* под девизом: «если не можешь справиться с глобализацией, соверши ее, чтобы воспользоваться шансами, открывающимися благодаря ей», либо *сопротивление глобализации*. Так, кучка южных государств открыто пытается совершить подкоп под политику международных институтов, особенно сопротивляясь требованию активно подчиняться неолиберальному перечню норм. Всемирный банк и западные кредиторы, однако, способны противодействовать подобному сопротивлению подходящими средствами, и поборников этого государственного сопротивления глобальному неолиберальному режиму укрощают по одиночке и ставят в строй, не дав ни цента послабления из их долгового бремени по отношению к международному сообществу.

Наконец, можно попытаться уйти от этой альтернативы между приспособлением и сопротивлением, признавая оставшуюся альтернативу *массовой маргинализации*, а возможно, даже героизируя ее. Но эта героизация выталкивания, маргинализации целых мировых регионов несет отпечаток всемирно-экономической метавласти. Так, например, Фанто Шеро доказывает, что отсталость африканских стран не следует в обязательном порядке оценивать негативно. «Напротив, это может послужить хорошим стимулом, чтобы заново определить африканские приоритеты вне глобальной интеграции и позволить автономно усиливать новый регионализм, признавать неформаль-

⁵ Если же самоисключение для государств уже более не является опцией, тогда для большинства государств остается только роль государства-куртизана, предлагающего богатым мировым странам на продажу себя и услуги своих женщин и мужчин, или же роль государственного «налогового рая», в котором потоки капитала защищаются властью государства от вмешательства других государств.

ные экономические формы и, таким образом, поощрять неформальную политику и строить региональное гражданское общество» [Chero 2000, 37]. Он цитирует Клода Аке: «Возможно, маргинализация, которую так часто демонизируют, — это то, что Африке сейчас и нужно. Разумеется, она будет поощрять эволюцию эндогенной программы развития, которая выражает надежды людей и потому может рассчитывать на их поддержку. Поскольку Африка изолирована и запуталась во множестве противоречий, у нее на этой поздней стадии еще отсутствует какая бы то ни было программа развития» [Ake 1996, 123].

Однако сдержанный пафос саморазвития «деколонизированного воображения», усиливающий воздействия исключения, в особенности отмечен печатью власти глобальной экономики. Если продумать до конца, то вывод лежит на поверхности: пространство действий государств сужается в промежутке между опережающей и догоняющей самоадаптацией. Но при этом упускается из виду неразрывная взаимосвязь между экономикой и государством, т. е. возможности государств, в свою очередь, отвоевать себе определенную метавласть в отношении мировой экономики.

Действительно, государственная политика и экономика всегда сильно переплетены. Так, глобализация предполагает не только государственно-политический перевод стрелок, такой как либерализация рынков. Политика также приобретает больше специфичности и значения в ответ на экспансию власти рынка, причем как единственная легитимная форма общественного урегулирования конфликтов и политики, *формирующей* глобализацию.

Зачастую эти варианты ответа государств на всемирно-экономический вызов теоретически отвергаются. Так, термин «конкуренция» в понятии «конкурентное государство» означает, как правило, исключительно конкурентные отношения государств между собой ради успеха на мировом рынке, но не конкуренцию государств *с* мировыми экономическими акторами и *против них* ради всемирно-политических альтернатив действий. Если верно, что отдельные государства в их национальной фиксации действительно привязаны к полю опций, которое сузилось до (мнимой) альтернативы «приспособление или сопротивление», то точно так же верно (и это важно понимать), что союз государств, который заново открывает и развивает кооперативную формирующую власть политического, тоже может завоевать новые функции порядка и опции организации по отношению к мировой экономике.

Итак, говоря о конкурентном государстве, мы подразумеваем всемирно-экономический идеал *неолиберального* государства. Это опере-

жающее рыночное государство, которое в конечном счете является продолжением «руки мирового рынка», продолжением политики мирового рынка государственными средствами.

При этом неверно понимается одно существенное различие. Необходимость для государств вступать в прямую конкурентную борьбу на мировом рынке ложно отождествляют с безальтернативностью. Возможность транснационализации или глобализации государственной политики *аналитически* исключается. В этих теоретических перспективах, ограниченных национальным подходом, властная метаигра раскрывается таким образом лишь *односторонне*, а именно под углом зрения исторически преходящего господства мировых экономических акторов. И напротив: проблема по-новому определить термины «государство» и «политика» для эпохи глобализации остается нераскрытой.

В течение нескольких десятилетий споры о политике проходят под знаком неизменности общества. В конце Первого модерна политика получает странным образом *негативное* определение: над ней господствуют «императивы избегания», а это означает, что речь идет только об устранении дисфункций и об избежании опасных для системы кризисов и рисков. Политика (на что повсеместно жалуются) не заинтересована в реформах, ориентируется не на расширение пространства своих действий или осуществление практических целей, а исключительно на решение технических вопросов. Она тонет в зыбучих песках администрирования.

Но этот образ вводит в заблуждение, если справедлива перспектива, о которой речь пойдет впереди. Даже неолиберальная политика является противоположностью политики статус-кво. Она осуществляет системную трансформацию под знаком *саморазгосударствления*, и «большая политика» обязана находить пути, чтобы по-новому распределять и охранять власть внутри общества — например, между глобальным, национальным и локальным уровнями.

Но и противники неолиберализма извлекают выгоду из *исполнительского* понятия политики, ведь речь идет о таких «мелочах», как транснациональное открытие и перестройка национально-государственной демократии, создание кооперативных союзов государств, чтобы, с одной стороны, снижать экологические и технологические риски, а с другой — налагать превентивные правовые оковы на турбулентные финансовые рынки, и т. п. Тот, кто сегодня следит за публичными политическими дебатами, постоянно оказывается свидетелем этой шизофрении: жалуются на конец политики, но видят ее в обличье ее же противоположности — в горизонте большой политики, взрывающей,

поскольку она в конечном счете мыслится как мировая политика, не только институциональные, но даже категориальные рамки политического мышления и действия.

2. СТРАТЕГИИ КАПИТАЛА МЕЖДУ АВТАРКИЕЙ И ПРЕВЕНТИВНЫМ ГОСПОДСТВОМ

а) Стратегии автаркии

Если поставить вопрос не только об отдельных ходах, но и об изменяющей правила логики действий мировых экономических акторов, то станет ясно: стратегии капитала нацелены на минимизацию зависимости отдельных государств или мира государств в целом. Эти стратегии стремятся побуждать государства к неолиберальной самотрансформации и / или раскрывать для себя собственные источники легитимности норм и урегулирования конфликтов. Подобные *стратегии автаркии* упраздняют, следовательно, союз, заключенный в Первом модерне между рынком, национальным государством и демократией под развернутым девизом: «Нам, собственно, не нужна никакая политика, а если и нужна, то неолиберальная. Нам не нужно государство, все сделает рынок. Но культуру свободы мы устанавливаем по-разному. Мы пишем политическую свободу с маленькой буквы, а свободу потребления – с большой и не преминем поучаствовать в выборе между десятью или пятнадцатью сортами сливочного масла или пиццы».

Термин «автаркия» подразумевает не просто автономию, но *радикализированную* автономию, которая стремится отрицать или сводить к минимуму необходимость и незаменимость государства и политики и направлена на самолегитимность рыночной рациональности и господства рынка.

Стратегии автаркии допускают, таким образом, желанную возможность самолегитимности всемирно-экономического господства. Эта цель достижима, если бы удалось достичь трех вещей:

- слияния капитала с *правом*;
- слияния капитала с *государством*;
- слияния экономической *рациональности* и личной *идентичности*.

Стратегии автаркии в этом смысле сводятся к изменяющему правила мировому эксперименту неолиберализации права, государства и общества согласно максимам классической политэкономии. Движимые пафосом экономической эмансипации, они ориентированы на освобождение экономических акторов и предприятий от национальных, государственных и общественных оков. Иными словами,

стратегии капитала изменяют также понятие «капитализм» и понятие «государство».

Как часто бывает, подобная эволюция также внутренне амбивалентна, ведь здесь обнаруживается исторический источник легитимности стратегий капитала, который до сих пор адекватно так и не заявил о себе ни в национальном подходе политики, общественности и политической науки, ни в экономистическом самопонимании капитала. При ответе на легкомысленный вопрос: кто в состоянии цивилизовать и гуманизировать кровавый фарс национальной эпохи? — один актер безусловно выпадает — само национальное государство. Да и вообще если нельзя возложить эту геркулесову задачу ни на актеров глобального гражданского общества, ни на интеллектуалов, ни на общественность, ни на мигрантов, ни на людей, лишенных прав, человеческого достоинства, исключенных из общества, — не видно ни одного актера, кому можно было бы доверить эту историческую задачу вывода национального из состояния несовершеннолетия, в котором оно пребывало по собственной вине. Если в форме мысленного эксперимента задаться вопросом: как можно осуществить переход к космополитическому обузданию национально-государственного эгоизма насилия? — остается только фигура мировой политики как побочного следствия. Атака мировой экономики на мир государств (а может быть, лучше сказать: его враждебное поглощение) могла бы означать в политике ненамеренных побочных следствий *час рождения космополитического режима*. Человечество должно в этом крайне конфликтном, но все же счастливом состоянии как бы впасть в него. Мировой «просвещенный» капитализм как побочный продукт привел бы общества, государства, политические партии в такое состояние по отношению к глобальной власти отказа, власти «нет», власти неинвестиций, что они постепенно, шаг за шагом, преодолели бы ограниченность национального подхода. При этом оказалось бы возможным вторжение в национальные верховные сферы, к которому они (помимо всякого сопротивления) также должны стремиться, чтобы произошла де-национализация мышления и действия как самоденационализация, т. е. в опережающем экономическом послушании. На сало, как известно, ловят мышей; на долгосрочные шансы мирового рынка — возможно, даже националистически настроенные культуры, страны, государства. Во всяком случае, в стратегиях капитала объективно присутствует неинтервенционистская принудительность, которая даже в воинственных государствах пробуждает душу торговцев и могла бы завлечь их на тернистую тропу политической самотрансформации в транснациональных кооперативных государ-

ствах; экономический авторитет антимилитаристской власти мирового рынка, если он не нацелен на упразднение политики, государства и демократии, мог бы привести их в состояние космополитического обновления.

Эпоха, которая (по крайней мере, в жутких фрагментах) уже испытала на себе гибель как побочное следствие своих успехов и потому долгое время предчувствует ее во всей жестокости, и при власти «товарища “побочного следствия”» может надеяться не на прогресс, а только на «дальнейшее впадение» в космополитическую модернность. Эта возможность эмансипационного побочного следствия всемирно-экономических стратегий капитала появляется постольку, поскольку властные отношения между государствами и акторами мирового рынка асимметричны, т. е. существует тогда и до тех пор, пока влияние экономической власти на национальное мышление и действие сильнее, чем их влияние на нее.

Но возможность выхода порождает не только конкуренцию между государствами; она одновременно наделяет мировую экономику *властью исключения*: тем, кто не исполняют набор норм неолиберальной политики реформ или делают это лишь в недостаточной степени, грозит опасность быть отрезанными от жизненно важных артерий глобальных инвестиций и потоков капитала.

Но и наоборот: всемирно-экономические стратегии узурпации (например, узурпации технических революций, государственных ассигнований на научные исследования, правовых компетенций) также сводятся в той мере, в которой они успешны, к *самополитизации* мировой экономики, которая тем самым транснационально, а значит, в национальном пространстве и рамках, с расчетливостью и расчетом экономического калькулирования, присущего капиталистической рациональности, берет на себя квазигосударственные задачи и функции, не имея на то легитимного основания. Соответственным образом в ходе осуществления стратегий автаркии совершается *приватизация государства*. При этом речь идет не об экономической, но о всемирно-политической и одновременно субполитической автаркии. В то время как экономическая автаркия мировой экономики направлена как бы вовнутрь и, соответственно, нацелена на экономическую рационализацию по возможности всех полей действия, политическая автаркия стремится создать предпосылки по возможности безгосударственной экономики, а точнее, мировой экономики, в которой минимизируются контроль отдельных государств и межгосударственный контроль и максимизируется поощрение развертывания власти мировой экономики. Этой стратегической цели экономиче-

ски конституированной мировой внутренней политики служат следующие стратегии автаркии:

во-первых, присвоение транснационального пространства; *стратегия узурпации*;

во-вторых, контроль над «инновационной силой», «источником опций» — наукой и техникой, т. е. над технологическим преимуществом; *стратегия инновации*;

в-третьих, независимость от государственного контроля максимизируется в той мере, в какой специализация и глобализация связываются таким образом, что транснациональные предприятия сосредоточиваются на немногочисленных задачах (ядерные компетенции), но решают их масштабно во всем мире; *стратегия денационализации и глокализации*;

в-четвертых, если власть государств растет с завоеванием чужих территорий, то власть всемирно-экономических акторов усиливается наоборот — в результате того, что они переводят себя в положение, позволяющее им покинуть национальную территорию; *стратегия власти ухода*;

в-пятых, поскольку государственная политика все еще организована национально или (в лучшем случае) регионально (как в Европейском союзе), мировые экономические акторы открывают для себя и испытывают на деле право устанавливать право и проводят обязательные для всех решения в транснациональном пространстве (от картельных решений о финансовом контроле до защиты атмосферы) в собственной редакции; *стратегия экономического суверенитета*.

Стратегии узурпации

Стратегическую конкуренцию между частными предприятиями и расширяющимися рынками, с одной стороны, и государством — с другой, нельзя назвать новым явлением. Она уходит корнями в глубокое Средневековье, когда европейские королевские дома нанимали частных капиталистов-авантюристов, чтобы открывать и эксплуатировать чужие страны и ресурсы. Конфликтная кооперация между государством и экономикой с целью взаимной максимизации выгоды и прибыли является, таким образом, ранней социальной инновацией, которая прослеживается на протяжении столетий и лишь нашла новую форму выражения в корпоративской глобализации современности.

Отношение «мировая экономика против государства» можно сравнить с отношением «рынок против ойкоса⁶» [Weber Max 1972, 793], т. е.

⁶ Крупное поместье, основанное на натуральном хозяйстве и не связанное с рын-

с освобождением рынка в европейских городах XIII века. В обоих случаях (освобождение городского рынка и выделение мирового рынка из господствующего союза сначала княжеских государств, затем национального государства) *homo oeconomicus*, как уже говорилось, неохотно становится *homo politicus*. Ни противоречие «рынок против ойкаса», ни противоречие «национальное государство против мировой экономики» нельзя мыслить как экономическую борьбу между конкретной политической инстанцией и акторами рынка. Для случая средневековых городов Макс Вебер подчеркивает амбивалентность и переплетение интересов, которые характерны (в переносном смысле) и для освобождения мировой экономики из локальной парадигмы национального государства. Прекрасным примером того, как власть от правительств государств перешла к менеджерам концернов (как правило, в форме беспроblemного, несенсационного процесса), служит высвобождение телекоммуникационной индустрии из-под контроля национальных государств и последующее триумфальное шествие ее по мировому рынку, которое с тех пор наталкивается на некоторое недоверие акционеров.

В апогее «государственной колонизации» общества государства претендуют на право контролировать информационные потоки — частью открыто (в форме цензуры), частью посредством монополии информационных средств (почта, телефон, путешествия). Эта государственная цензура, часто преуменьшаемая именовани ем «государственный суверенитет над информацией», цензура того, что происходит в головах граждан, за прошедшие два десятилетия пережила радикальный процесс упадка. Причиной того явилась (с точки зрения государства) «субверсивная», подрывная координация между изменениями в информационных технологиях, рыночным спросом, а также государственной политикой дерегулирования, возникшей в США и затем охватившей государства и страны. Это *лишение информационной власти* государств было введено и продвигалось ими самими под началом США, причем под флагом экономической либерализации путем поощрения частной экономики. Опции, все еще открытые для национальных правительств, были закрыты, тогда как число многообразных опций, которыми располагали глобальные производители средств телекоммуникации и их пользователи, выросло скачкообразно.

Если этим предприятиям удастся выстроить монополию или квазимонополию, то они будут в состоянии диктовать условия государст-

ком. Этот тип хозяйства встречался в эпоху Античности и в раннем Средневековье. — *Прим. перев.*

вам, которым как воздух необходим доступ к мировой сети. С другой стороны, они могут существенно влиять на содержание информационных потоков, так что в длительной перспективе место государственной цензуры, возможно, займет частное экономическое «промыывание мозгов» рекламной и пустой развлекательной индустрией.

Стратегия автаркии, с помощью которой рыночные города в Средневековье ускользали из-под контроля и вмешательства государей, была поначалу искусной смесью пространственно удаленного поселения и экономической привлекательности, т. е. методом кнута и пряника: господа города и экономики уходили от государева «кнута» и давали ему «пряник», т. е. предоставляли ему возможность участвовать в экономических плодах их новой независимости. Позднее они установили (как делает сегодня мировая экономика) свое собственное право и выстроили и развили свой полицейский и военный самоконтроль, что до сих пор не нашло соответствия в эмансипационном движении мировой экономики в отношении мира государств. Всемирно-экономическая власть не должна выделять себя территориально. Хотя и она должна настаивать на том, чтобы в случае необходимости государственная власть защищала ее собственность и сотрудников от агрессии, но штаб-квартиры своих фирм она может, ничего не опасаясь, создавать и развивать в центре национальной власти, в непосредственной близости к правительствам, к полиции и армии, не подвергая опасности свою независимость или возможность высвобождения из национальной среды, ибо ее «автаркия» обоснована *де-территориально* и поэтому совершенно неподвластна обитающим в непосредственной близости «национальным господам».

И напротив: забота о соседях — избранных «князьях нации» — позволяет концернам играть на струнах экономической доверчивости неолиберально настроенных национальных общественностей и правительств, воспевая экономический и научный национализм («Германская биотехнологическая отрасль вооружается, готовясь к конкурентной борьбе с американцами»), чтобы затем оприходовать щедро раздаваемые добровольные миллиардные пожертвования и использовать их для развития своей *де-территориальной* недоступности. Национально ограниченная политика и общественность не хотят понять: каждый доллар, иена или евро, идущий на поощрение, например, биореволюции, способствует также денационализации конкретной экономики, так что налогоплательщики финансируют лишение власти самих себя.

Во всем мире происходит то же самое, и всегда в глаза бросается одно и то же противоречие: глобализация подразумевает, что национальная принадлежность (в особенности концернов) уже давно не имеет значе-

ния, а мобильными концернами владеют анонимные держатели акций со всего мира. Но те же политики и главы концернов, проповедующие максимы глобализации и претворяющие их в жизнь, толкуют одновременно о национальном интересе, когда речь заходит о поощрении концернов, давно действующих в транснациональном пространстве.

Действительно, здесь правит бал двойное противоречие: государственное поощрение гигантов не только находится в вопиющем противоречии с неолиберальным самопониманием как правительств, симпатизирующих глобализации, так и менеджеров. Национальный инстинкт эксплуатируется там, где поощрение национальных предприятий и отраслей экономики давно превратилось в фикцию. Политика национальной промышленности, использующая разнообразный инструментарий (поддержка исследований, предоставление долгосрочных кредитов, налоговые льготы, целевые государственные заказы), является как бы фантомной политикой: давно ампутированная рука национальных экономических интересов все еще лезет в налоговую кастрюльку, поощряя и подкармливая всемирно-экономическую экспансию власти, т. е. автаркию мировых экономических акторов.

«Сименс» — почти образцовый пример того, как налоговые миллиарды, потраченные во имя государственной промышленной политики, поддерживают выделение предприятий целых отраслей из национального экономического союза. Бизнес-стратегия концерна «Сименс», как и стратегия любого другого концерна, должна быть направлена на то, чтобы постоянно и все в большей степени ослаблять связи и обязательства по отношению к стране происхождения, уклоняться от национальных притязаний. Несметные миллиарды, которые «Сименс» получил за последние пять десятилетий от немецкого государства (прежде всего на развитие атомной промышленности), продвинули эмансипацию фирмы от Германии... Так происходит сегодня во всех европейских странах, которые постепенно теряют право называться промышленными странами. Англия, мать первой промышленной революции, лидирует тут в последние два десятилетия. Для нескольких автомобилей и кораблей, которые еще строятся в стране, ей необходим иностранный капитал и иностранный менеджмент. Бывшая промышленная нация зарабатывает деньги главным образом в международной финансовой индустрии, глобальными сетями отелей и торговлей недвижимостью, нефтью Северного моря. И когда галльский петух кричит о высокорентабельном состоянии промышленности в Гексагоне⁷,

⁷ «Шестиугольник» — прозвище Франции, связанное с ее очертаниями на карте. —

Прим. перев.

то все же надо иметь в виду, что его собственность в ключевых позициях находится в руках иностранного капитала. Что это означает, можно было... почувствовать в битвах между крупными французскими банками — точно так же, как в Германии, где «Маннесманн» в конце концов потерял свою самостоятельность, утратив власть над судьбами фирм, поскольку у иностранных владельцев его капитала были другие пожелания. Когда же то здесь то там правительства пытаются осторожно вмешаться, толку от этого нет никакого; эти попытки только демонстрируют, что правительства стали слишком слабыми для ведения любой промышленной политики» [Koch 2000].

Но призрачной становится не только национальная промышленная политика; нечто подобное происходит с эмоционально и конфликтно заряженными понятиями типа «экономический национализм», «неоколониализм» и «империализм». Во многих периферийных странах глобализация все еще отождествляется с новым видом западного или американского империализма. Но кто или что является империалистическим, если завтра сверхдоходы какого-нибудь концерна, действующего в Венесуэле, потекут к инвесторам, которые живут в Японии, Южной Африке, Бразилии или, возможно, скоро будут жить в Китае?

Вот еще (гипотетический) случай: один транснациональный концерн локализован номинально в Лихтенштейне или в Малайзии; его акциями владеют сотни тысяч постоянно меняющихся владельцев; продаются эти акции в Бомбее и Сиднее, Париже и Гонконге. Кто в этом случае является неоимпериалистом? Как быть, если институционализированные инвесторы являются транснациональными? если менеджеры собраны со всего света и представляют все мировые культуры? Какая страна, какая нация тогда является капиталистическим агрессором?

Иными словами: в детерриторизированной денационализированной экономике национальная схема «друг — враг» уже не работает, однако не исключено, что стереотипы будут еще долго употребляться.

Освобождение всемирно-экономической рыночной экспансии от национальных стереотипов логики захвата — длительный процесс, который в неодновременности одновременного, т. е. в конкуренции национальной и транснациональной экономики, наталкивается на серьезное сопротивление. И все же здесь пересекаются две линии развития: во-первых, в процессе глобализации национальной экономики и конкурентной борьбы национальная прописка теряет значение; во-вторых, концерны меньше зависят от исконного элемента территориальной эксплуатации — сырья и природных ресурсов, по-

сколько они предлагают и распространяют по всему миру высокотехнологические индустриальные продукты и услуги.

В остальном имидж транснациональных предприятий претерпел изменения в поле всемирно-экономического развертывания власти. Во многих странах они, правда, все еще считаются виновниками национальной нищеты и бессилия. Но мнения все более разделяются, и то, что проклинается одной стороной, для другой становится пределом мечтаний. Отчетливей всего эта смена ролей — от империалистического пугала до благодетеля — проявляется там, где велика конкуренция из-за скудных инвестиций капитала, где одновременно растет зависимость от них отдельных стран. При этом бросается в глаза, что размер территории, а значит, военная мощь, в конкурентной борьбе за дорогие инвестиции капитала явно не играют существенной роли. Даже небольшие территориальные образования (вроде Гонконга, Малайзии и Южной Кореи) благодаря усвоенной капиталистической динамике превратились из экономических карликов в экономических гигантов. Ключевым является вопрос: в какой степени иностранный капитал можно завлечь и привязать на длительное время?

С учетом параллелей и различий между городской экономикой в Средневековье и мировой экономикой к началу XXI века возникает любопытный вопрос. Стремление городов к политической независимости пробудило подозрения князей и королей и тем самым способствовало упадку городов. Будут ли, оглядываясь назад, когда-нибудь говорить также о «коротком интермеццо мирового хозяйства» в начале XXI века, которое дало импульс к стремлению к политической автономии и к скачку от национальных государств к космополитическим, наложившим новую узду на мировую экономику?

Стратегии инновации

Однако власть мировой экономики не только детерриториальна и потому ускользает от притязаний на контроль со стороны территориально привязанной государственной власти, но ей также удается укрепить свои «крылья» с помощью *систематического обращения к институциональным и когнитивным условиям и возможностям производить по-новому*, что означает прежде всего *обращение к производительной и инновационной силе науки*.

Если спросить, что в корне отличает метавласть мировых экономических акторов, то один из ответов непосредственно относится к делу: это сочетание глобализирующего капитала с глобализирующей наукой и технологией, приводящее к скачкообразному умножению опций мировой экономики в сравнении с опциями мира государств.

Вообще говоря, технологическая инновация всегда была решающей рыночной и властной стратегией капитала. Ее современное значение заложено, во-первых, в исторически новом качестве технологических опций (например, в генетике и антропогенетике, нанотехнологиях; во-вторых, в том, каким способом наука и техника на фоне опции ухода транслегально и транснационально берутся на службу, а связанные с этим проблемы последствий и легитимности переваливаются на отдельные государства.

То, что опции действия, которые науки разработали во второй половине XX века, приобрели новое, как бы антропологическое качество, вряд ли еще может подвергаться сомнению перед фактом, например, расщепления атомного ядра и создания на этой основе атомного оружия или перед фактом мирного использования ядерной энергии, но также дебатов по поводу этических и постгуманных последствий генной технологии. Споры о технике в начале XXI века, вопреки вовлеченным в эту деятельность отраслям и общественности, всегда базируются на том, что модерн сейчас уже является (а в будущем еще больше станет) миром, конституированным техникой.

Это означает, что с триумфальным шествием модерна связано двойное движение: исчезновение традиционных форм безопасности и жизненных взаимосвязей — и растущая уплотняющаяся, технически-глобальная «сетевизация», интеграция и новая организация жизненных условий. И пусть мы мало что знаем о возможном космополитическом режиме будущего, но уже сегодня надо выявлять *ориентацию на мировой рынок* и конституированность *технологией*. Оба признака ускользают от государственного контроля и укореняются в сфере власти мировых экономических и научных акторов.

Конструирование технологических миров также открывает перспективы постгуманного мира, в котором гуманистические ценности релятивизируются и заменяются более мощными искусственными киборг-сущностями, которые не только выполняют ту или иную работу и взаимодействуют друг с другом независимо от человека, но и направляют дальнейшее развитие в сторону постгуманной цивилизации.

Такое развитие многозначно во всех отношениях. Оно не только в состоянии и далее лишать государство власти, но способно предоставлять ему новые властные возможности, создавая, к примеру, электронные контролирующие системы, охватывающие самые отдаленные уголки технически конституированных миров. (Слабое представление о них дают в настоящее время в крупных городах «электронные глаза», применяемые в точках вероятных конфликтов.) Вполне воз-

можно также, что эти технически конституированные миры откроют новое понятие демократии, одновременно глобальной и прямой, что могло бы дать шансы для развития контрвластных движений, а также гражданского общества. Итак, возникает технологически конституированное пространство опций, само по себе амбивалентное, но одновременно крайне ограниченное в своем многообразии всемирно-экономической оккупацией. Так, если быть реалистом, нельзя ожидать ни того, что всемирно-экономические пользовательские интересы совпадут с оценкой «гражданских культурных прав» [Featherstone 2000], ни того, что оборотная сторона технической новации (ее непредсказуемые опасности) будет принята всерьез и станет поводом для глобальных урегулирований – возможно, даже для модернизации разных табу. И наоборот: легко предположить, что наша неспособность представить последствия постгуманной цивилизации используется как отговорка или оправдание бездействия. Ибо хаотичность технологического развития неразрывно связана с новой неолиберальной риторикой де-регулирования: препоручи это высвобожденным рыночным силам, и они уж все устроят как надо!

Билл Джой, ведущий ученый, специалист в компьютерном деле и человек, бьющий тревогу по поводу его последствий, так отвечает на вопрос, верит ли он, что в раздробленном, жадном до прибыли мире можно обрести волю к действию, да к тому же историческую науку, которая сама полагает себе пределы: «Если мы не придем к какому-либо коллективному согласию, нам грозит опасность исчезновения». Сейчас избытком власти не обладает ни индивид, ни политик, ни правительство. «Технологическая наука дает власть фантазии, а тем самым и каждому отдельному человеку. Поэтому необходимо свести баланс между индивидом и коллективом к коллективному механизму. Только таким образом можно нейтрализовать опасность для индивида. Мы ведь живем в цивилизованном обществе, а это значит, что мы от чего-то отказываемся, чтобы получить нечто сулящее нам безопасность и известные выгоды. Но общество не может защитить нас от других людей из-за сверхмогущества новой технологии и из-за того, что основополагающий компромисс XVIII века утратил свою действенность. Знаю, что это смелое заявление, но наука просто обязана создать основу для нового общественного договора.

Некоторые области, например нанотехнологии, настолько опасны, что нам следовало бы отойти от них подальше. Вопрос в том, как бы нам лучше приступить к этому.. Я не вижу ни одной реальной возможности пресечь все экономические действия в этих критических областях. Но мы должны ограничить свободную доступность получен-

ных там знаний. Лучшим компромиссом было бы создание лабораторий безопасности под международным контролем» [Joy 2000, 53].

Как подчеркивает Майк Фезерстоун, само собой разумеется, что важно не дать технологически конституированной цивилизации исчезнуть из-за наших колебаний между кошмаром и спасением. Также необходимо преодолеть противопоставление общества и техники, общества и природы, согласно которому первое колонизирует второе, или наоборот. Благодаря целому ряду социологических исследований давно стало ясно, что технологии как таковые являются носителями культурных кодов и действуют как актанты [Latour 2001], т. е. квазисубъекты. В этом смысле технологии воплощают культурные нормы и систему власти. Это становится очевидным хотя бы в случае Интернета, который является американским изобретением и инкорпорирует в свою технологическую архитектуру ценности американской культуры – равный доступ для всех и т. п. В противоположность этому не нашедший применения французский проект Интернета предусматривал внутреннюю иерархию и многообразные возможности ограничений.

Что становится политическим, а что нет, складывается в истории по-разному. Поясним это, задав ключевой вопрос: кто легитимирует *решение* о технологическом развитии и кто легитимирует его *последствия*? Это означает, что важно проводить различие между «легитимацией решения» и «(не) легитимацией последствий». Тогда на стыке выявляются противоречия и пределы всемирно-экономических стратегий власти.

Рассмотрим вопрос о легитимации решений. Согласно азам демократии она осуществляется на аренах общественности и политики, т. е. прежде всего в парламенте и в правительстве. Но решающую роль играет опция ухода мировой экономики: общественность и национальный парламент отдельного государства стравливают друг с другом и в результате они оказываются вынужденными дать предварительное согласие.

Однако если проводить различие между государственной легитимацией со стороны отдельных государств и негосударственной легитимацией, то приходится признать, что отдельные государства как раз из-за опции ухода мировых экономических акторов постоянно лишаются легитимационной власти. Концерны в состоянии уклоняться от национально-государственных норм и обязанностей (например, от исполнения германского закона о защите эмбрионов), уходя в те государства, где нет подобных ограничений. Значит, можно организовать между государствами не только экономическую, но и этическую

игру на выбывание (*moral dumping*⁸), в ходе которой выявляются страны с низкими этическими требованиями. Уже одна только угроза этого и даже возникающее в обществе предчувствие ее снижают авторитет общественности отдельных государств.

Дебаты по этике в национальных общественностях – если они только вообще ведутся! – проходят под довольно странным знаком ирреальности. Ведь неясно, укоренились (и в какой мере) варианты решения, о которых спорят в обществе, вообще в национальном пространстве или давно из него ушли. Но идеальное национальное государство, т. е. сумма согласий отдельных государств, может быть сформировано хитростью или навязано с помощью опции ухода всегда только в результате легитимации *post hoc*. Это еще раз показывает, что коллективная связующая сила транснациональных решений покоится не в последнюю очередь на этой транслегитимности всемирно-экономических инноваций.

Опции в рамках деятельности отдельных государств сужаются в конечном счете до двух видов легитимации того, что и так уже имеет место: либо до настойчивых призывов к обновлению веры в прогресс, либо до аргумента *опережающей глобализации*, который снимает все сомнения в соответствии с лозунгом: «поскольку глобализация исключает единоличную деятельность наций, мы – к сожалению – вынуждены в собственных экономических интересах настаивать на ускоренном внедрении проблемных технологий».

Таким образом, государственная политика привлекается в качестве легитимационного ресурса для принятия решений, обязательных в глобальном масштабе, на которые она в высокоскоростной системе модернизации, ориентированной на мировой рынок, не может или почти не может оказывать влияние. Вместо того чтобы попытаться притормозить опасные темпы развития новых рискованных технологий, обострить восприятие связанных с ними угроз и побочных следствий, поощрять широкомасштабный поиск технологических альтернатив и предоставлять обществу больше возможностей участия в принятии технологико-политических решений, политическое оперирование с опасностями и рисками, связанными с новыми технологиями, также приносится в жертву конкурентоспособности на международной арене и надеждам на новые рабочие места. Тем самым государственная политика, приспособляясь к неолиберальным приоритетам мирового рынка, давит на педаль газа, а не на тормоза, реализуя рискованные технологические линии. А это обернется против

⁸ моральный демпинг (*англ.*).

нее самое позднее тогда, когда явно необозримые последствия и опасности, попавшие в поле зрения общественности, превратятся в источник экономической и политической турбулентности.

Стратегии глокализации

В условиях глоболизирующейся экономики, как это ни парадоксально и забавно, в новых властных центрах мировых концернов, ответственных за принятие решений, происходит возврат к плановому хозяйству. Лишь с небольшим преувеличением можно сказать: плановая экономика умерла в коммунистическом Восточном блоке и снова воскресла посреди рыночного хозяйства мирового масштаба, причем в облике централизованно планируемого, глобально оперирующего концерна, который развивает раскинувшуюся на весь мир сеть, состоящую из центра, опорных пунктов, филиалов, участников и партнеров. Организация этой сети более или менее иерархична, власть сосредоточена в центре и разветвляется посредством изолированной информационной техники и командных центров, доходя до капилляров местного производства. Самые крупные из них – «Даймлер – Крайслер», Уол-Март⁹, «Сони» – ежегодно производят и сбывают товары на сумму соответственно 50, 100, 150 млрд долл. США, что превосходит ВВП среднего национального государства (типа Дании).

Волна слияний уже привела к тому, что вершина этих мировых концернов далеко сместилась от главного поля: сегодня на мировых рынках нефти, минеральных веществ и продуктов сельского хозяйства доминирует кучка концернов, в отраслях промышленности и сферы услуг – примерно 100 фирм. Эти немногочисленные предприятия принимают решения в отношении норм, действующих во всемирно-экономическом обществе, диктуют, что хорошо и плохо, правильно и неправильно, кто *overdogs* и *underdogs*¹⁰ в новых сообществах государств, – они образуют *мировое капиталистическое плановое хозяйство*.

Что касается конструкции фирм, то вырисовывается особый образец, а именно модель *глокализации* политики предприятий. Речь не идет о том, чтобы объединить в одном предприятии как можно больше задач – национальных или международных, т. е. слить, например, автомобильную промышленность со страховой отраслью и высокотехнологичными фирмами. Напротив, цель здесь, как гласит господствующая сегодня теория менеджмента, – сделать немногие

⁹ Wal-Marts – крупнейшая американская сеть магазинов розничной торговли.

¹⁰ ведущие и ведомые, победители и побежденные, добившиеся успеха и неудачники (*англ.*)

ключевые компетенции ядром всемирной специализации, а по возможности — монополией, т. е. внедрять и предлагать эти компетенции (продукты или услуги) в широких масштабах во всем мире. Этот компромиссный, или межеумочный, вариант между глобализацией и специализацией производства должен укрепить независимость концернов от предложений национальных государств, но одновременно препятствовать превращению их в колоссов.

Этот вид организационной стратегии — глокализация — позволяет, кроме того, максимизировать рентабельность, тогда как цены на отдельные продукты или услуги минимизируются. Глокализация поливалентна в стратегически важном отношении. Она позволяет одновременно выполнять многие задачи. Концерн может действовать во всем мире, расширяя свою власть над национальными государствами, но используя исчерпывающим образом все возможности транснациональной рационализации. Глокализация одновременно способна удешевлять производство, повышая глобальную рентабельность. При этом, однако, глобальная бизнес-стратегия, которая в процессе управления как бы приводит в движение сеть, охватывающую весь мир, очень скоро наталкивается на внутренние пределы и противоречия: ведь данная иерархическая стратегия глобализации не только дорогостояща, но и пренебрегает новой культурной и политической автономией и значением места. В соответствии с этим у концерн-стратегов в моде то, что облекается до сих пор в такие странные понятия, как «мультилокальный мультинационалист», «глобальный локалист» или даже «глокализация»: региональные менеджеры обязаны выполнять как можно больше задач прямо на месте, ориентироваться на конкретном рынке в конкурентной борьбе — и вместе с тем обращаться к ресурсам концерна и его сети, охватывающей весь мир. Это может, например, означать, что определенные продукты выгоднее изготавливать крупными сериями в одном месте. Но прежде всего стратегия глокализации открывает перед предприятиями *пространство космополитического опыта*: теперь они могут глобально учиться на локальном опыте. Если, к примеру, в Индии зафиксирован рыночный успех, то его следует по возможности перенести в Бразилию или Нью-Йорк. Мало того, верхушки концернов высасывают всевозможные сведения по рационализации в своей области, шпионят в университетах, институтах, за конкурентами, стремясь достичь наилучшего результата и внедряя любую разработку еще до того, как ее вынули из крестильной купели.

Глокализованная стратегия становится возможной также благодаря новым информационным технологиям. Они позволяют осуществлять непрерывное согласование с помощью видео-конференций,

электронной почты и т. п. В центральном офисе можно при необходимости оценить, какой продукт в каком супермаркете в какой точке мира продается лучше всего и какие внутренние и внешние рамочные условия влияют на это. Стратегия глокализации возможна и в тех случаях, если производственные сети, вплоть до формально самостоятельных поставщиков, анализируются на предмет дополнительной рационализации. А это в свою очередь позволяет устранять противоречие или, по крайней мере, продуктивно ограничивать его: а именно децентрализовано, т. е. локально и центрально, одновременно глобально производить, координировать и контролировать.

Стратегии власти ухода

Власть рыночного города была весьма ограниченной. Существование рынка базировалось, как правило, на концессии и гарантии защиты со стороны землевладельца или князя, «который заинтересован, во-первых, в регулярном предложении иноземных товаров и ремесленных продуктов дальнего рынка, а также в таможенных пошлинах, в плате за сопровождение и защиту, в рыночных сборах, судебных полатах, которые приносит рынок, а во-вторых, в местном размещении налогооблагаемых ремесленников и торговцев, и как только у рынка возникает рыночный посад, надеется также заработать на растущей в результате этого земельной ренте» [Weber Max, 728]. В связи с этим господские интересы князей полностью совпадали с экономической заинтересованностью городов в автономии: развитие хозяйства служило князю и городу, а также способствовало автономии городской экономики и усилению власти князя. Но у всего этого был четкий предел, ибо «решающим было то, что города не располагали для защиты своих интересов такими военно-политическими силами, какими обладало патримониально-бюрократическое государство»¹¹. В случае конкурентной борьбы за господство между национальным государством и мировой экономикой это выглядит совсем иначе. Господство мировой экономики по своей сути является совершенно не-военным. Но что составляет сущность пресловутого господства мировых экономических акторов? Как и с помощью чего им удастся переиграть национальное государство? Каким образом приватизируется государство? Какой род власти и господства при этом образуется? Чтобы ответить на эти вопросы, полезно пояснить различие между государственной властью и транснациональной экономической властью на основе раз-

¹¹ Вебер М. Город / пер. М. И. Левиной // Вебер М. Избранное. Образ общества. М., 1994. С. 408. — Прим. перев.

личия между территориальным и детерриториализованным господством. Государственная власть достигает господства и укрепляет его с помощью контроля над территорией, ее населением и ресурсами. Мировая экономика формирует власть противоположным образом, становясь *независимой от места*, таким путем максимизируя экстерриториальное господство и используя его против территориализованной государственной власти.

Благодаря революции в сфере телекоммуникации пути сообщения оторвались от территории. Национально-государственные границы не становятся прозрачнее, но *само понятие пространства революционизируется*. Отныне важно не господство над территорией, но доступ к сети. Торговля в электронной сети, разумеется, формирует власть не сама по себе, но, во-первых, как конкурент территориализованной власти государства и труда; во-вторых, в сочетании с властными ресурсами капитала. Торговля в сети убивает расстояния, создает возможность нового вида мобильности, не нуждающейся в дорогах, невесомой, возможности быть одновременно тут и там.

Традиционное (национально-государственное) понятие господства несет в себе территориальное ядро. Как в случае социальных отношений, в общих чертах понятие господства (например, в знаменитой формулировке Макса Вебера¹²) предполагает пространственно-физическую близость. Тимоти Льюк формулирует это так: в традиционных представлениях о действиях для наглядности используются органические метафоры: конфликты протекают «лоб в лоб»; споры суть «рукопашные схватки»; справедливость воздается по принципу «око за око, зуб за зуб». Люди солидарны, если они действуют «плечом к плечу»; общность реализуется в «отношениях face-to-face¹³»; дружба осуществляется «рука об руку»; изменение — «шаг за шагом». Так и господство в конечном счете покоится на применении физического насилия, организовано в форме «союза господства», предполагает «членство», господское «желание», «средства принуждения», «покорность» и т. д., т. е. территориальное понимание социального, исчезающее в цифровом пространстве. Понятие пространства, которое здесь возникает, сняло заданность и зависимость, присущие фиксации локуса, но не в том смысле, что теперь можно заниматься производством и вести коммуникацию в отрыве от места, а в том, что социальные отноше-

¹² Это определение дается в гл. 3 труда Вебера «Хозяйство и общество» («Wirtschaft und Gesellschaft»): «“Господством” называется возможность встречать повиновение определенных групп людей специфическим (или всем) приказам...».

¹³ лицом к лицу (*англ.*).

ния могут быть выстроены мультилокально, а значит, трансгранично. Непосредственная мобильность, лишенная пространства, снимающая расстояния, предполагает, однако, мгновенную коммуникацию, т. е. непосредственно-одновременный контакт мировых локусов. В результате в цифровом реальном времени возникает социальное пространство, где возможны и действительно осуществляются контакты и воздействия, успех которых уже не связан с преодолением естественного препятствия — географических расстояний. Различие «здесь» и «там» теряет свое конститутивное значение для конструирования социальных отношений. Это касается и отношений господства, в особенности тех, которые складываются между национальным государством и мировой экономикой.

Власть экономики основывается прежде всего на том, что экономика своими инвестициями, защищенными их институционализированной свободой, создает или упраздняет жизненные артерии национальной политики и общества — рабочие места и налоги. Слабость государственной власти заложена в том, что составляло силу государства, — в территориальной связи. Стравливание национальных государств друг с другом в вопросах выживания (налог и рабочее место) эти государства мало что могут противопоставить, пока они действуют национально, т. е. суверенно, как отдельные территориальные государства.

Однако решающий пункт состоит в следующем: в то время как власть государств, согласно национальному расчету, увеличивается с завоеванием чужих территорий, власть мировых экономических акторов возрастает в результате того, что они сами себе создают возможность *покинуть* «собственную» национальную территорию. Это удается в той мере, в какой транснациональные фирмы становятся *экстерриториальными* величинами. Власть государств, таким образом, побивается, ломается не властью государств, т. е. военной угрозой и завоеванием, а детерриториально, экстерриториально благодаря «невесомости» транснациональной торговли и действий в цифровом пространстве. Это делокализованное понятие господства ставит с ног на голову логику традиционного понимания власти, насилия, господства.

Детерриториализированная власть экономики не располагает собственным источником легитимности. И там, где мировые экономические акторы осуществляют вмешательство в национальных сферах, она, таким образом, продолжает зависеть от *заемной* легитимности, из вторых рук, а именно от молчаливой легитимации политико-демократическими инстанциями решений, принятых *post hoc*.

«Умышленное не-завоевание, не-инвестирование» — в этой формуле скрыт также ответ на вопрос, откуда у детерриториализированной экономики берется власть для ее осуществления, хотя там же, если сравнить, демократическая политика реформ легко и явно терпит крах в барьерном беге, где в качестве препятствий — позиции вето. Негативный характер не-интервенции допускает несколько вещей одновременно: политику не-политики, ибо здесь ведь не делается нечто такое, что нуждается в политической легитимации и способно принять ее, и делается, например, то, что не нуждается в этом. В то же время нивелируются и важные границы между *практикой реальной власти* и *угрозой возможной власти*, ибо угроза и осуществление ее совпадают в неделании. Если в ситуации угрозы ничего не делать, то за тебя будет действовать кто-то другой. Вместе с тем экстерриториализированным решениям об инвестициях нет препятствий для осуществления, поскольку они достигают коллективной обязующей силы самым эффективным из мыслимых способов — *политикой свершившихся фактов*.

Вследствие этого государства все больше подвергаются внешнему контролю со стороны экстерриториализированных финансовых элит, чье местоположение в мире электронных сетей уже невозможно установить. Их интерес к стране, который уже не связан с национальным происхождением, может с той же быстротой как вспыхнуть, так и угаснуть.

Здесь проявляется коренная смена парадигмы — от национального к транснациональному или внутренне глобализированному способу производства. Мировой рынок не является чем-то внеположным, он как бы перемещается в центры производства и организации труда. Происходит смена производства — от ориентированного и оборудованного в расчете на локальный или национальный рынок к ориентированному и оборудованному в расчете на мировой рынок (или по крайней мере, на несколько национальных рынков). Решающим моментом является здесь не то, что отдельные предприятия превращаются в транснациональные концерны; напротив, главное — это транснационализация рынков и способов производства. *Внутренняя* глобализация производства и его ориентация на более крупные мировые рынки трансформировала бесчисленные национальные или локальные предприятия в своего рода транснациональные концерны. В этих условиях от территориального базиса (а значит, и от национального базиса экономического авторитета) мало что остается.

Эту новую форму внутренней глобализации производства (внутри и между национальными государствами) можно продемонстрировать на примере теле-сменной работы. Теле-сменной работой называется

осуществляемое с помощью компьютерных сетей разделение труда между филиалами предприятий в различных временных поясах, т. е. результаты труда какого-либо европейского производства после окончания рабочего дня перехватывает американская организация, а от нее в конце рабочего дня результаты труда передаются дальше — филиалу в Азии. Когда работники в Европе снова берутся за дело, то «их» проект — без введения сменной системы — уже продвинулся на два транснационально организованных нормальных рабочих дня. Безусловно, этот вид разделения труда (одновременно внутри одного производства и трансконтинентального) подходит не для всех видов продуктов и порождает множество проблем с координацией, но уже сегодня можно сказать, что подобные предприятия, которые никогда не «спят» (в сравнении с привязанными к определенному месту формами производства, труда и кооперации, характерными для Первого, связанного с индустриальным обществом модерна), обладают преимуществами рационализации.

В условиях свободы торговли и честной конкуренции менее развитые страны получают возможность выбрать укороченный путь догоняющего развития. Это демонстрировали не только «малые тигры» Юго-Восточной Азии, долгое время служившие примером. И в других регионах, особенно в Латинской Америке и Китае, наблюдается увеличение среднегодовых темпов роста ВВП: во всех развивающихся странах — с 4,5 % за 1977–1986 годы до 5,5 % за 1987–1996 годы, а в Азии — с 6,7 % до 7,7 %. «Ситуация, когда эти показатели прежде всего определяются подъемом в странах, которые открылись для мировой торговли, импорта капитала и интеграции в *global factory*¹⁴ [Gereffi 1989], доказывает, что отстающие или падающие жизненные стандарты — не следствия роста переплетений в мировой экономике, но свидетельство недостаточной интеграции в мировой рынок» [Pries 1997, 7]. Катастрофическое положение в экономике некоторых африканских стран, а также финансовый кризис в Юго-Восточной Азии указывают на важность адекватного институционального оформления как предпосылки для консолидированного развития [Wiesenthal 1999, 512; Gereffi (1989, 92–104); Pries 1997].

При этом, однако, следует обратить внимание на то, что транснационализация производства происходит не в результате, скажем, добровольного политического решения концернов, а основана на конкурентной борьбе на мировом рынке. Концерны, распространяясь на мировом рынке, только увеличивают свой оборот. Это в свою оче-

¹⁴ глобальную фабрику (англ.).

редь предполагает не только либерализацию товарообмена, но и либерализацию обращения капитала, т. е. возможность инвестировать, производить и давать в долг деньги там, где царят наиболее благоприятные условия. В конкурентной борьбе между концернами преимущества оказываются у тех, кто меньше других подвергается контролю и ограничению мобильности со стороны национального государства. Это значит, что непосредственной целью не является лишение государств власти; *императив конкуренции, диктуемый мировым рынком*, ускоряет либерализацию экономики, обостряя, таким образом, противоречие между интересами капитала и национальных государств.

Политическое пространство (т. е. пространство национальных государств) и экономическое пространство (т. е. пространство мировых экономических акторов) уже давно не совпадают. Именно это освобождение мировой экономики от «экономического национализма» (Райх) запускает эти процессы — лишение национальных государств власти и присвоение власти мировыми экономическими акторами.

Стратегии экономического суверенитета

Согласно политологической аксиоматике существует четкое разделение задач между государством и (частной) экономикой. *Только* государство располагает военно-политическими средствами насилия, а также монополией на наведение порядка с помощью права. *Только* правительство осуществляет внешнюю и внутреннюю политику, политику образования и т. п. Стратегии автаркии направлены на то, чтобы расщепить этот пучок государственных задач и приватизировать государственные задачи в масштабах мировой экономики. Подобные *стратегии приватизации государства*, переход государственных задач в ведение мировой экономики, т. е. вопросы о всемирно-экономической «внешней политике», «внутренней политике», «технологической политике», «правовой политике», «демократической политике» и т. д., противоречат политологическому кредо.

Приватизацию государственных задач можно пояснить сравнением. Коммунисты исходили из того, что государство должно быть завоевано и в нем должна воцариться диктатура пролетариата. Стратегия приватизации государства нацелена в противоположном направлении: мировая экономика узурпирует задачи государства и таким образом не только становится независимой от государства, но незаметно превращается, грубо говоря, в своего рода *диктатуру мирового частного государства*.

Речь изначально идет вовсе не о завоевании государства, но о завоевании *транснационального пространства*. Это не релятивизация власти государства, но ее *отсутствие*, что играет на руку мировым экономическим акторам, предоставляя им «право первого» устанавливать правовые нормы. Другая сторона власти капитала — *отсутствие всемирного государства*, что подразумевает отсутствие центральной монополии правового государства. Цивилизаторское достижение национального демократического конституционного государства, состоящее в правовом укрощении политического насилия и экономической власти, с выходом экономики в транснациональное пространство исторически оказывается доступным всем. В то время как национальное «пространство локусов» тотально пронизано государством, транснациональное «пространство потоков» не только лишено государства, но практически недоступно для территориальных отдельных государств. Мировая экономика вышла, таким образом, за рамки государственно контролируемого пространства территории и вступила в анархию пространства.

Экономические акторы действуют, оправдывая принцип «*jus prima jura*» — устанавливая право «права первого» в почти лишенном правовых норм, бесправном пространстве транснационального права. Поскольку это право устанавливать правовые нормы есть привилегия и право *государства*, в деятельности мировых экономических акторов сочетаются признаки из противоположных сфер общественного и частного, частного действия: форма их действия связывает то, что до сих пор исключало друг друга, — экономику и государство, экономику и политику. Они становятся частными транснациональными *квазигосударствами* без демократической и политической легитимации (примеры см.: *Günther/Randeria* 2002). Форму легитимации, которая для этого привлекается, можно было бы назвать *авторитаризмом эффективности*. Речь идет о низшей форме самолегитимации — не через рациональное самообоснование (что имеет место в области прав человека), но через рациональность экспертов и самоопределения «гильдий богачей» мировой экономики. Этот авторитаризм эффективности находится в опасном родстве с эффективностью авторитарных режимов (пример — Китай), черпающих свою легитимность из роста экономики при одновременном подавлении основных демократических прав.

Таким путем в возникающей архитектуре норм и институтов транснационального капитализма пересекаются *эффективность* и *власть*, утверждая нормообразующую, нормотворящую власть частного транснационального государства как упорядочивающую силу анар-

хической мировой политики. «Ориентирующиеся на эффективность объяснения представляют дело так, что приватный авторитет оправдывает себя снижением затрат на трансакции, особенно в сравнении с атомарными рынками с коротким радиусом, где не существует подобного транснационального авторитета, но и в сравнении с общественным авторитетом, возникающим в государствах и межгосударственных институтах. Так, например, в атомарных рынках возникновение приватного авторитета позволяет фирмам лучше справляться со стратегической взаимозависимостью благодаря тому, что они выполняют обязательства или поощряют комбинированные действия или санкционированные предписания норм поведения, на основе которых возможна обязательная координация. Приватный авторитет может мобилизовать фирмы для оказания совместного давления на общественность ради проведения соответствующих реформ — давления, на которое не способны отдельные фирмы. Приватный авторитет может устанавливать стандарты поведения, проверять их внедрение и даже принуждать к их исполнению, что в свою очередь усиливает доверие потребителей в тех или иных отраслях промышленности. Эти преимущества эффективности приватного авторитета могут реализовываться либо в результате признания их отдельными фирмами, либо благодаря тому, что они открывают признавшим их фирмам конкурентные выгоды по сравнению с другими» [Cutler/Hausler/Porter 1999, 352].

Эти объяснения в аспекте эффективности не исключают, однако, объяснений в аспекте власти. Чтобы закрепить на будущее возникшую в прошлом власть рынка, фирмы и мировые экономические акторы, подобно *гильдиям глобальной эпохи*, могут объединяться в транснациональные кооперативы правительств, устанавливая и воспроизводя власть и в транснациональном пространстве. Однако такое аккумулятивное имеет и свою *теневую сторону*: приватный авторитет релятивизирует, или замещает, общественно легитимированный авторитет не только потому, что первый эффективнее второго, но и потому, что обладающие властью экономические акторы открывают путь для легитимации своих партикулярных интересов, *не выполняя* требования о вменяемости, *не беря* на себя ответственности по отношению к общественности и *не получая* одобрения демократическим путем, т. е. *не участвуя* в легитимационном беге с препятствиями, который характерен для авторитета конституционного и правового государства.

Речь идет при этом о ранних формах *экономического суверенитета*, который нужно понимать как зеркальное отражение государственного суверенитета, причем всецело в смысле новой, *не-общественной* формы организации приватной, правотворческой власти (Gewalt),

стоящей над суверенными государствами, но не обладающей государственным суверенитетом. Это *наднациональное governance*¹⁵ экономики существует как своеобразная политическая организация прежде всего благодаря потоку легитимности, который изливается на нее из источников ее частного авторитета. И здесь имеет смысл говорить об экономическом суверенитете, поскольку транснациональные, квазигосударственные основы мировой политики в частно-экономической верховной власти проектируются и формируются в соответствии с максимумами экономической рациональности.

Но одновременно эти институты внесударственного права действуют в пределах систем национально-государственного управления и судов и в таком качестве принимают решения, обязательные в *национальных рамках*. Эти управляющие инстанции образовались из транснациональных правовых и юридических организаций, которые продолжали развивать новый вид частных судов — транснациональных согласительных организаций, имеющих дело со всемирно-экономическими конфликтами, — в специальном своде частных законов, в так называемом *lex mercatoria*¹⁶.

Решающим является то, что метавласть не только отчленяет территориальное пространство власти от властного пространства транснациональной мобильности, но и определенным способом сочленяет оба эти пространства власти. *Транснациональное* властное пространство нужно понимать как виртуальное пространство, предоставляющее прежде всего стратегические опции и шансы в *национальном* пространстве. Вот почему существенно приведенное выше различие между *интернациональностью* и *транснациональностью*. Оно показывает, что в интернациональной, международной системе государств границы между государствами имеют основополагающее значение, тогда как в транснациональном пространстве опций национально-государственные границы упраздняются, незаметно проводятся по-новому и сливаются. Тема транснациональности открывает возможность политического жонглирования проведением границ, плюрализацией границ и распределениями ответственности в пространстве, лишенном границ. Если в международной системе государств сферы национальных и интернациональных властных конфликтов четко разграничены, то в конфликте метавласти национальные и транснациональные арены и опции действий сцеплены друг с другом. Хотя эту проблему — коллизия и сцепление властных пространств и стратегий

¹⁵ регулирование (*англ.*).

¹⁶ торговом, коммерческом праве (*лат.*).

власти — в двух словах не расшифровать, все же нужно отметить, что транснациональные властные сферы вторгаются во многие, а в предельном случае — во все территориальные национально-государственные пространства власти. В конечном счете именно это дает возможность установить неолиберальный режим, претендующий на глобальную значимость¹⁷.

Ввиду этих возможных вариантов развития снова выплыл старинный образ врага: новые «предатели Отечества» — это мультинациональные предприятия. Последние, как утверждает, подобно спруту оплетают весь мир. Широко разветвленная политическая коалиция антиглобалистов простирается от крайне правых до крайне левых и охватывает такие разнородные группы и инициативы, как глобализированные женское и экологическое движения, левый и правый протекционизм, пострадавшие от глобализации периферийные правительства, неонационалистические течения и т. п.; все они сходятся и объединяются в неприятии глобализации. Между тем на всех газетных полосах обсуждаются следующие вопросы: разве постоянно растущие концерны уже давно не определяют, какие товары производятся в этом мире и кто может себе позволить их приобрести? Какие технологии реализуются и какие отбрасываются? Какие яды повсеместно распространяются через сети продовольственных товаров и попа-

¹⁷ При этом ни в коем случае не следует предполагать, что на транснациональном околном пути тайно осуществляется своего рода универсализация или американизация через посредничество новых не-государственных, всемирно-экономических законодателей в национальных пространствах. Верно, что разрушается базисная предпосылка либеральной политической теории и правоведения, а именно «совпадение территории, государства и закона» [Randeria 2000]. Но при этом совершенно не обязательно возникает универсальная глобальная правовая культура (как это часто допускается в неоинституционалистском мышлении Мейера и др.). Напротив, внутри отдельных политических единиц сосуществует *плюрализм* законопорядков, причем не только там, где это давно ожидается (в колониальном и постколониальном контексте), но и в так называемых сильных государствах Европы и США [Günther/Randeria 2002]. Растущая значимость наднациональных правопорядков и режима, международных организаций по урегулированию конфликтов и правотворческих фирм, а также прямые вмешательства Всемирной торговой организации и других наднациональных консультативных организаций создали комплексную, амбивалентную и поливалентную структуру правовых пространств и правотворческих, судебных инстанций, в которых многократно перекрываются полномочия и границы внутри национальных территорий и между ними [Randeria 2001].

дают в окружающую среду? Кто обладает правами на человеческий наследственный материал? Чему учат в школах и университетах? Какое научное направление поощряется и каким пренебрегают? Какие пути развития избирают в так называемом третьем мире? И вообще не сошел ли уже давно вопрос, как мы хотим жить, с арены общественности и политики? Принимаются ли решения в аполитичных и закрытых для общественности пространствах, которые для мировых экономических акторов стали естественным пространством действия?

Как бы ни был справедлив этот вопрос, в нем теряется весьма существенный момент: именно *потому что и только до тех пор* пока национальное государство остается привязанным к территории, возникают всемирно-экономические *квазигосударства*, которые приватно (экономически) выполняют и организуют на транснациональном и национальном уровнях необходимые функции регулирования во всемирно-экономическом пространстве. Под стратегией *приватизации государства* я подразумеваю не только *политику*, которая в национальных рамках ликвидирует торговые барьеры и инвестиционные препятствия, но, быть может, впервые исторически предоставляющийся и использующийся концернами и их союзами *шанс* построения легальных, регулирующих структур, которые упорядочивают деятельность крупных региональных рынков и также будут распространены на мировой рынок и там привьются.

Речь, таким образом, в классическом понимании автаркии, идет об экономическом менеджменте, а также о предпосылках и проблемах последствий глобализированных экономических решений менеджмента. Речь идет о формах «саморефлексивной» экономики, которая реорганизует — в сфере приватно-экономической верховной власти — свои государственно-политические основы, институциональные рамочные условия и проблемы последствий согласно максимумам экономической рациональности¹⁸.

Прослеживается общая тенденция: глобализирующаяся экономика подталкивает к созданию институтов соответствующего строя и порождает проблемы, подлежащие обязательному глобальному урегулированию — от картельных решений через контроль за финансовым рынком до защиты человеческого труда и атмосферы. Эти предпосылки и последствия всемирно-экономических действий и решений только еще нужно взять под контроль с помощью признаваемых в мировом масштабе норм. Но именно здесь проявляется несостоятельность прежних, связанных с территорией форм организации и легитимации на-

¹⁸ См. в этой связи подробно в *Dezalay и Gath Bryant G.* (1996).

ционально-государственной политики. В этот вакуум проникают различные негосударственные акторы, проводящие здесь свою политику не-политики, свою определяющую основы не-политику. Это, с одной стороны, неправительственные организации, а с другой — прежде всего акторы мировой экономики и их лобби. Под лозунгом саморегулирования в серой зоне между политикой и экономикой строятся потемкинские деревни: на поверхности ответственными часто остаются правительства, в то время как фактически, уже на основе форы в виде компетенции и информации подготавливает и задает решения технократия концернов, продвигая тем самым политику приватизации государства. Так, концерны и их эксперты принимают активное участие в образовании международного финансового рынка, как и в принятии добровольных стандартов по защите окружающей среды. Они рассылают своих представителей в национальные и международные экспертные комитеты, когда речь идет о заключении договоров по защите озонового слоя, о соглашениях об инвестициях или о правилах Всемирной торговой организации. В этой силовой игре всемирно-общественные акторы и их союзы пускают в ход свой накопленный за десятилетия опыт и мощные ресурсы, в этом далеко опережая деятелей Гринписа и профсоюзов этого мира, изо всех сил сражающихся за свое влияние. Одновременно им содействует то, что можно назвать *экономической лояльностью* политиков: под впечатлением от неолиберальной гегемонии множество политиков различных стран действуют — уже просто по убеждению — в союзе с транснационалами, в соответствии с устаревшим и давно подорванным глобальной экономикой лозунгом: «что хорошо для экономики, то служит созданию рабочих мест, а значит — стране».

Наряду с этим эмбриональным, наднациональным приватным государством, которое в собственной организации мировых экономических акторов и в соответствии с моделью санкционированного самообязательства правительственной политики, согласно неолиберальной идеологии, все больше распространяется на транснациональное и национальное пространство развития, впервые появляется квазигосударство *без территории*, власть которого хотя внешне влияет на продолжающие существовать территориальные государства, но по ту сторону своих границ создает новое политическое пространство. Это абсолютно не-политическое государство, государство без общественности; мало того, квазигосударство без общества, разместившееся в не-месте, проводящее не-политику, посредством которой оно ограничивает власть национальных обществ и взламывает их изнутри.

Однако эта стратегия приватизации государства, как и другие, имеет пределы. Так, транснациональные концерны не располагают средств

вами легитимного применения насилия (не говоря уже о монополии на него), которые остаются прерогативой государства. Столь же неспособны они сами по себе демократически легитимировать свои решения, влияющие и на центр национально-государственной политики. Вследствие этого безлегитимность всемирно-экономических стратегий автаркии по сравнению с государственной политикой крайне чувствительна ко вторжениям власти рынка и ее кризисам. Высокая эффективность, с которой мировые экономические акторы по сравнению с национальными государствами принимают коллективные решения и могут устанавливать их обязательность, покупается за счет отсутствия публичности. Это означает, что оборотной стороной власти свершившихся фактов, которой располагает мировая экономика, оказывается неспособность дать отчет бодрствующей общественности потребителей. Отсюда *хронический дефицит легитимности*, который может возникать из-за двух обстоятельств или контрстратегий.

Во-первых, легитимационный вакуум, в котором действуют мировые экономические акторы, может быть выявлен с помощью масс-медийного восприятия риска (террор, техника, климат), всевозможных бойкотов со стороны покупателей и всемирных движений потребителей и доведен до исключительно болезненного для предприятий кризиса их мировых рынков. Здесь в самом общем виде кроется исходный пункт для социальных движений, которые как бы делают центром своей политики то, что государством, как и мировой экономикой, выводится за скобки или игнорируется, а именно вопрос: как нам жить? Это поле этики и ценностей, которое зачистили политика государств и мировая экономика, завоевывается новыми «моральными предпринимателями» социальных движений, утверждающими, что они отвечают глубокой потребности человека строить свою жизнь в рамках особых разумных сообществ.

Во-вторых, взлет мировой экономики влечет главное последствие: национальная связь дезинтегрируется, однако глобальная связь или сплоченность не ощущается в какой-либо форме, руководящей действиями. В самом деле, экономическая глобализация сопровождается ростом числа общественных и политических *кризисов и конфликтов*. Это развитие может дойти до того пункта, когда возникает угроза мировых, всемирно-региональных социальных взрывов или когда эти взрывы происходят — что и случилось во время кризиса в Юго-Восточной Азии в 1998–1999 годах, что грозит России и Латинской Америке и уже давно стало повседневностью в зоне африканской Субсахары. Самое позднее в момент достижения этой точки кипения будет разоблачено экономистическое притязание, подспудно движущее этими

процессами, – уверенность в способности управлять экономической глобализацией при помощи одних лишь экономических средств.

И наоборот: это означает, что государственная власть, как это ни парадоксально, *может быть возрождена*, если опереться на опыт *политических кризисов*. Тогда станет ясно то, что могло и должно было быть ясным и так, – мировая экономика, как и рынок в самом общем виде, предполагает наличие политики и государства не только как создателей рамок порядка (в том числе для экономики), но что как раз сам местный источник конфликтов – мировая экономика – для легитимного урегулирования порожденных ею диспаритетов и аномий нуждается в легитимирующей силе демократически организованного транснационального обновления политики.

Стремление мировых экономических акторов добиться автаркии по отношению к государству и политике принципиально ограничено по крайней мере двумя причинами. Во-первых, акторам мировой экономики не хватает всех предпосылок и ресурсов для того, чтобы политически и демократически легитимировать свои собственные действия. Да и трудно представить себе развитие, в ходе которого когда-либо может быть достигнута понимаемая таким образом автаркия. Напротив, в результате усвоения мировой экономикой государственных задач политически детерриториализированные действия и институты глобальной экономики нацеливаются на решение политических задач, не будучи на это тем или иным образом легитимированными или легитимируемыми. Но это означает, что пребывающие в безлегитимном пространстве транслегального господства крайне хрупкие социальные структуры и квазиполитические институты могут рассыпаться, как карточные домики, под влиянием общественного спроса.

Во-вторых, стратегии автаркии ограничены по внутриэкономической причине: дело в том, что для мировых экономических акторов они имеют смысл лишь до тех пор, пока временные, институциональные и материальные расходы на саморегулирование не превышают затрат мировой экономики на их государственную проработку. В рамках неолиберального утопизма, который исходит из того, что экономического саморегулирования проблем, порождаемых экспансией мировой экономики, удастся достичь *on the long run*¹⁹ (т. е. когда, по выражению Кейнса, «все будут мертвы»), эти затраты на приватное, наднациональное квазигосударство капитала могут казаться доступными подсчету и минимализируемыми. Однако об этом опасном оптимизме приходится вспоминать лишь в том случае, если речь

¹⁹ в долгосрочной перспективе (*англ.*).

заходит о том, чтобы «компенсировать» катастрофы целых мировых регионов не только в экономическом, но социальном и политическом отношениях. Очевидно, что расчет мировой экономики делается всегда без инициатора кризиса, т. е. покоится на *экстернализации* затрат, которые проводятся как государственные расходы на «общее благо» и которые прежде всего включают также запаздывающую компенсацию социальных и экологических проблем, порождаемых инвестиционными решениями мировой экономики.

б) Стратегии субституции

Стратегия автаркии, пусть она в конечном счете возможна лишь в узких рамках, указывает на пределы минимального государства, которые одновременно были бы максимальными рамками мировой экономики. Почему бы не быть фасадным государствам и фасадным демократиям, которые в сущности сосредоточились бы на том, чтобы всеми средствами парламентской демократии, полиции, масс-медийного цезаризма и т. п. задним числом (или превентивно) «политически легитимировать» всемирно-экономические приоритеты и решения и утвердиться или защититься перед лицом общественного сопротивления в национальном контексте? Но подобные попытки всегда проваливаются из-за принципиальной зависимости мировой экономики от государства и политики. Эта принципиальная встречная зависимость мировых экономических акторов от государственных льгот, запретов, вмешательств, нормирования и соответствующих финансовых авансов остается поэтому стимулом для всемирно-экономической эмансипации от государства, и от этого никуда не деться. Поэтому акторы мировой экономики постараются расширить эти рамки своего контроля с помощью иных стратегий, чтобы другим путем обеспечить независимость мировой экономики от государственных льгот.

Экономические глобализаторы должны стремиться к тому, чтобы государства, государственные авансы и услуги были *стандартными*, т. е. взаимозаменяемыми. Надо рассчитывать на два последствия: конкуренция государств за иностранные инвестиции будет обостряться, а инвесторы при подобных предложениях со стороны государства смогут выбрать наилучший для себя вариант.

Иными словами, структурная всемирно-экономическая власть растет и крепнет в той мере, в какой развитие мира государств стремится к установлению *единого стандарта*. Если бы удалось установить во всем мире стандартные транспортные, правовые, образовательные, религиозные и политические системы, усилилась бы межгосударственная

конкуренция и выросло бы число альтернатив, из которых всемирно-экономические инвесторы могли бы выбирать. В обратном случае, когда лишь немногие государства могут рассматриваться как места, сулящие высокую прибыль, да к тому же эти государства предоставляют всемирно-экономическим инвесторам далеко не равнозначные условия, положение рынка и власти отдельных концернов ухудшается, как и конкурентная ситуация между ними.

В этом смысле *стратегия субституции* нацелена на введение для государств единого мирового стандарта (как это практикуется в случае куриных яиц, болтов, потребления, права), чтобы придать им гибкость, создать в них комфортные условия для инвестиций. Поэтому считается, что надо по возможности избегать элитарных предложений государства — будь то в форме незаменимых профессий («символические аналитики»²⁰ — специалисты хай-тека), или стратегий портфолио. Но здесь речь идет об условиях, которые в силу большого различия исходных исторических обстоятельств и путей развития государств в разных мировых регионах просто так не создашь. Интерес к подобной возможности субституции государств в отношении приоритетов мировых инвестиционных решений диктуется прежде всего необходимостью ликвидации всех условий, ограничивающих и сужающих свободное перемещение капитальных инвестиций и финансовых потоков, т. е. к окончательной ликвидации всякой протекционистской политики. Стоит отметить, что в стратегически идеальном расчете мировых экономических акторов эта максимизация прозрачности национально-государственных контейнерных обществ для всемирно-экономических интерпретаций считается *универсальной* и тем самым *применимой для всех*. Вот почему это явно противоречит неравенству и иерархичности протекционизма в мировом масштабе, отвечающих принципу: «что позволено господину, еще долго не будет позволено слуге». Слабые государства обязаны ликвидировать границы для экономических прав мира, тогда как экономически сильные государства воздвигают и сохраняют протекционистские барьеры против «чужих злоупотреблений» со стороны слабых государств, как например, США, которые всегда противятся признанию и применению универсализма транснациональных договоров. Но стратегии субституции нацелены особенно на стандартизацию базовых условий. В этом смысле, к примеру, утверждение основных принципов парламентской демократии во всем мире порождает своего рода политическую предсказуемость,

²⁰ Термин американского экономиста Роберта Рейча, назвавшего так элиту информационного века. — *Прим. перев.*

которая исключительно полезна для создания мира государств по образцу оптимизированного инвестиционного единообразия. А потому обвинения в нарушениях прав человека и принципов демократии находятся в русле политики, превращающей мир государств в инвестиционный рай; она, таким образом, является в материально-обыденном смысле экономически заслуживающей доверия.

С другой стороны, заменяемость ни в коем случае не должна означать единообразия *в любом отношении* потому, что благодаря различиям и их использованию возникают серьезные шансы для максимизации прибыли. Так, идея, что все государства должны готовить и поставлять *только* специалистов по хай-теку, незаметно могла бы создать ад для инвесторов, отнимая у них возможность использовать профессиональные, этнические и гендерные различия для экономии затрат. В противоположность этому (и по этим причинам) вполне рыночно-функциональным является ограничение заменяемости с помощью всеобщего разделения труда на мировом рынке, которое включает иерархии, т. е. мировую классовую систему.

Если отнести это сначала к иерархии капитала и труда, станет ясно, что тут сохраняется разительное неравенство. В то время как глобализация капитала возведена в ранг всеобщей нормы и нарушения ее караются всеобъемлющими санкциями, рынки труда можно назвать как угодно, но только не глобальными. Как только всесторонне мобильный работник пересекает границы, он превращается в иммигранта, кандидата на получение политического убежища и экономического беженца, которого ждут сортировочные лагеря и армия вооруженных до зубов пограничников. Что касается сопротивления этому, то оно не выходит за рамки допустимого.

Однако бросается в глаза, что в сфере трудовой мобильности национально-государственный протекционизм — вполне последовательно проводимый в имманентно экономическом духе — непременно наталкивается на сопротивление мировых экономических акторов. Требование *равенства мобильности* между капиталом и трудом и соответствующая этому политика, даже если они вынуждены считаться с ожесточенным сопротивлением национальной клиентуры, могут рассчитывать на поддержку могущественных мировых экономических акторов, во всяком случае в той мере, в какой последние выражают собственные экономически рациональные интересы.

С другой стороны, как уже говорилось, именно глобальное разделение труда (что проявляется в информационной экономике), т. е. стратегия *ограниченной* субституции, предоставляет большие выгоды мировым экономическим акторам. Согласно схеме глобального разделения

труда, разработанной Мануэлем Кастельсом в качестве модели для информационной экономики, инвесторы могут использовать следующие четыре сектора рынка труда: «the producers of high value, based on informational labour; the producers of high volume, based on low cost labour; the producers of raw materials, based on natural endowments; and the redundant producers reduced to the devalued labour²¹» [Castells 1997, 268].

Любопытно, что это глобальное разделение труда вытекает не из внутренней объективной логики информационно-технологического развития, но предполагает и воспроизводит мировое неравенство, историко-культурные особенности и пути региональных государств и групп государств. Но совершенно вне зависимости от того, как это разделение труда объясняют социологи, оно в качестве схемы ограниченной субституции предлагает мировым экономическим инвесторам наилучшие возможности использования, сталкивая, с одной стороны, государства друг с другом, а с другой – трансформируя использование неравенств и неодновременностей в мировом масштабе в затратосберегающую максимизацию прибыли. И еще раз, иными словами: всемирно-экономическая стратегия субституции оптимизирует не равенство, а неравенство в мире государств, и прежде всего в отношении налогообложения, правового надзора, стандартов достойного человеческого труда, технической безопасности, а также экологических соображений.

Если бы во всех странах, к примеру, действовали одинаковые нормы защиты труда и окружающей среды, то это лишило бы мировую экономику стратегических возможностей сталкивать друг с другом государства в данном отношении и затевать конкурентную борьбу на выбывание. Лишь до тех пор, пока не существует этого единообразия и государства, таким образом, в своих стандартах труда и защиты окружающей среды отличаются друг от друга, их легко стравливать. Поэтому продолжающаяся радикализация социальных неравенств в отношениях между регионами и культурами, но также внутри национально-государственных обществ является существенной предпосылкой для всемирно-экономической стратегии субституции. В соответствии с ее логикой правительства проводят *политическую стратегию регрессивной мобильности*, чтобы привлечь и связать иностранный капитал. Это означает, что они систематически проводят политику де-

²¹ производители высокой стоимости, базирующиеся на информационном труде; производители высоких объемов, базирующиеся на низкооплачиваемом труде; производители сырья, базирующиеся на природных ресурсах; и лишние производители, труд которых обесценен (англ.).

регулирования, снижения налогов, норм безопасности, договорных и профсоюзных нормирований и форм организации человеческого труда, чтобы конкурировать с развитыми, богатыми государствами всеобщего благоденствия, создавая для себя монополию на дешевые, а потому нищенские условия труда.

На другой стороне мировой иерархии, но в соответствии с аналогичным расчетом богатые нишевые государства упрочивают свое положение в мире, осуществляя *стратегию налогового рая*. Эта паразитическая стратегия нацелена на то, чтобы посредством создания и сохранения «банковской тайны», минимизации налогов, предоставления облегченных, т. е. зачастую сомнительных, кредитов и т. п. завлекать и связывать глобальные потоки капитала. Помимо непосредственной выгоды минимизации налогов это также обеспечивает мировой экономике неизменную стратегическую выгоду: позволяет ей использовать незамещаемость, т. е. разницу между «налоговыми оазами» и «налоговыми пустынями» (государствами с интенсивным налогообложением), таким образом, что одни замещаются другими, т. е. соревнуются друг с другом. Политика государств, которые в этом смысле стремятся ликвидировать разнообразие и установить единообразие, должна поэтому считаться с ожесточенным сопротивлением мировых экономических акторов. Иными словами, существует скрытая, как бы *извращенная коалиция* между (выражаясь на классическом языке политэкономии) эксплуататорами и эксплуатируемыми, между странами с низкими зарплатами и их капиталистическими пользователями, извлекающими выгоду, которые могли бы оказать практически непреодолимое сопротивление космополитической политике, стремящейся установить жизненные стандарты, достойные человека.

Однако обе стратегии – стратегия регрессивной мобильности и паразитическая стратегия государственного налогового рая – отягощены существенными рисками. Проблема для государств, которые сами снижают свою стоимость, чтобы выжить на мировом рынке, заключается в том, что эта стратегия успешна только в том случае и на такое время, пока число этих государств крайне ограничено. По мере того как возрастает число подобных государств, растет опасность того, что желательная и тем самым ограниченная регрессивная мобильность превратится в политику «свободного падения». С ростом числа государств с низкой заработной платой, которые вынуждены распродавать свои гуманитарные идеалы для выживания на мировом рынке, растет конкуренция в сторону понижения. Государственное использование относительных выгод обращается в свою противоположность. И наоборот: политика, делающая возможным и покрываю-

шая бегство капитала, особенно тогда, когда границы между легальностью и криминалитетом размываются или даже сознательно стираются, легко может быть в глазах мировой общественности заклеена как паразитическая. Однако нельзя заранее сказать, как эти налоговые раи, подвергающие опасности именно богатые государства, могут быть закрыты с помощью международной экономической координации, вводящей всеобъемлющие регулятивные стандарты (например, налогообложения), а также защиты труда и окружающей среды. Серьезные попытки межгосударственной координации и кооперации должны были бы иметь в виду, что отказ от кооперации сулит двойную выгоду. «Они могут, во-первых, сэкономить на расходах по участию в трудных переговорах, а во-вторых, выгадать — как “зайцы”, едущие на подножке, — защищая свою экономику от тех или иных закрепленных в договорах норм. Ситуация, которая была бы аналогична развитию социальной политики в национальном масштабе и могла бы породить глобальное государство всеобщего благоденствия, непредставима до тех пор, пока к нарушителям правил не применяются эффективные санкции» [Wiesenthal 1999, 521].

Стратегия субституции, замещения, если посмотреть из перспективы расширяющейся мировой экономики, принимает, таким образом, весьма противоречивые формы. Это выражается особенно в *обращении с различиями*. Эта противоречивость проявляется также в опасении, что всемирно-экономическое культурное развитие ведет к *макдональдизации*. С одной стороны, мировой рынок принуждает, как кажется, к формированию и инсценированию различных местоположений, локусов, чтобы выстоять в конкурентной борьбе между различными предложениями локусов — городов, регионов и наций. Это легко себе представить. В соответствии с этим речь шла бы о том, чтобы культивировать и подчеркивать особую историю локуса, окутывая его неповторимой атмосферой, поощрять и восхвалять многообразие мировых культур, ярко и с фантазией оформлять предложения в области театра, развлечений, танцев, эротики и обязательно делать это не по единым мировым меркам. Инаковость стала бы торговой маркой, с помощью которой усиливалась бы привлекательность для мобильного капитала. Но в той мере, в какой конкуренция локусов за бродячий капитал становится доминирующей, одновременно растет необходимость уравнивать различия и заменять их своего рода повторяющимся единообразием локусов, которое в конце концов приведет к тому, что все локусы приблизятся к негативному идеалу не-локусов, позволяющих, подобно аэропортам или интерконтинентальным отелям, автобанам и торговым центрам, глобализированным глобализаторам без особых знаний

местной специфики повсюду ориентироваться и устраиваться по одной и той же логике. Вот почему так похожи друг на друга торговые мили и возможности шопинга во всем мире. Если захотеть, можно покупать во всех мировых городах одни и те же марки — от кока-колы до «Бенеттона», расхваливаемые одними и теми же рекламными слоганами для эскимосов, для африканцев и даже для Баварии.

Стратегия субституции приводит к парадоксальной ситуации: чем больше уходит в прошлое значение пространственных границ, тем больше обостряется чувствительность мировых экономических акторов к специфике локусов, тем интенсивнее поэтому должна становиться фантазия локусов и государств, направленная на заботу об их культурном своеобразии; но тем более непредсказуемым при этом становится для местной политики и политиков способ создать привлекательность для текучего капитала. Зачастую это выливается во фрагментированную политику, которая в свою очередь усиливает и ужесточает фрагментацию локусов, различий, разрывов и разновременностей.

Увеличив масштаб рассмотрения, можно подытожить. С одной стороны, мировое нормирование и стандартизация образования, права и нормы демократической политики, а также соблюдение прав человека и защита окружающей среды лежат вполне в русле всемирно-политической стратегии субституции, проводимой глобально действующим капиталом. С другой стороны, расколдовывание налоговых раев или осуществление режимов минимальных зарплат находится в кричащем противоречии именно к этой стратегии субституции, поскольку только эта не-заменяемость государств друг другом позволяет мировым экономическим акторам стравливать их друг с другом.

в) Стратегии монополизации

Хотя мировые экономические акторы используют конкуренцию между государствами, они должны заботиться о том, чтобы избежать конкуренции с другими мировыми экономическими акторами. Это значит, что власть отдельных концернов растет по мере того, как им удастся монополизировать определенные доли мировой власти. *Максимизация конкуренции между государствами дополняется минимизацией конкуренции между экономиками.*

Само собой разумеется, что эта возможность прямой монополизации вообще открыта только для таких мировых экономических акторов, которые достигли определенного уровня в отношении как оснащенности капиталом, так и присутствия. Монополии мирового рынка означают, что не только все прочие экономические акторы, но и все

государства, зависящие от соответствующих услуг, технологий или ноу-хау, отданы на произвол концерна, во всяком случае тогда, когда отказ от соответствующего продукта чреват тяжелыми последствиями. Концерн может достичь господствующего положения на мировом рынке посредством либо контроля или выведения соперников из игры (что само по себе указывает на значение столкновения интересов мировых экономических акторов), либо договоренностей с ними. Вот почему необходимо устанавливать и развивать своего рода всемирно-политическую экономическую дипломатию между концернами, действующими в глобальных масштабах. Можно назвать по меньшей мере пять отправных точек для образования мировых монополий:

- *технологические* монополии; они требуют колоссальных капиталов, имеющих только у гигантов мирового рынка, и зачастую только в том случае, если они поощряются существенными суммами со стороны богатых государств;
- *финансовый* контроль за мировыми финансовыми рынками;
- монополистический доступ к *природным ресурсам*;
- монополии на *СМИ и средства коммуникации*;
- монополии на *оружие массового уничтожения*; причем эти мировые монополии находятся в руках не только частных мировых экономических акторов, но и государств.

Стоит отметить, что в подобных монополиях всегда имеются акционеры и пользователи из числа государств. Откуда следует, что образование таких монополий порождает и закрепляет во всем мире иерархию неравенств и жизненных возможностей. Они вынуждают страны, и так уже сознающие себя обреченными на нижнюю ступень мировой иерархии, спускаться еще ниже. Таким путем в мировом масштабе возникают «отношения поставщиков» и «формы заемного труда». Образование монополий обостряет и тем самым наглядно демонстрирует мировую поляризацию – на богатых и нищих.

Согласно последним оценкам UNCTAD²² сегодня существует примерно 60 тысяч оперирующих в мировом масштабе концернов с 500 тысячами филиалов, разбросанных по всему миру. Они осуществляют большую часть мировых сделок, предоставляют большинство трансграничных инвестиций, ответственны за львиную долю трансферта технологий. При этом в 70 % трансграничных торговых сделок фигурирует по меньшей мере один транснациональный концерн, а 30 % коммерческой деятельности совершается внутри одного и того же

²² United Nations Conference on Trade and Development – Конференция ООН по торговле и развитию.

предприятия, хотя концерн пересекает национально-государственные и континентальные границы.

Большое число мультинациональных концернов, однако, вводит в заблуждение: целая элита крупнейших концернов уже давно покинула центр поля. Согласно UNCTAD только 100 самых крупных мировых концернов (не считая финансовых домов) продали, по последним данным, товаров на 2,1 трлн долл. во всем мире и обеспечили работой 6 млн человек за границей. И это лишь данные, относящиеся к деятельности концернов за пределами стран их пребывания. 90 % этих гигантов – выходцы из западных индустриальных стран; но и предприятия из Венесуэлы или Кореи не теряли время даром, перескочив в верхнюю сотню.

Монополии мирового рынка сдвигают всемирно-политическую структуру: государства в целом теряют свое значение, так что место отношений между государством и экономикой занимает отношение между экономикой и экономикой. Даже в стремлении выполнять свои национальные задачи государства становятся менее зависимыми от других государств, чем от мировых экономических инстанций. Так, транснациональные фирмы для многих государств оказываются окнами на мировой рынок. И если некая фирма обладает:

- а) контролем над технологиями,
- б) доступом к глобальным ресурсам капитала,
- в) доступом к крупным рынкам в США, Европе и Японии,

то эти страны (например, периферийные) вынуждены довольствоваться ролью посредников. Если государство (как и концерн) может достичь богатства только завоеванием места на мировом рынке (поскольку национальные рынки являются слишком мелким источником прибыли, необходимой для выживания), тогда *дипломатия между государствами и фирмами*, т. е. дипломатия внешней экономики, становится главным условием успеха для внутренней политики и подтверждением деловых качеств правительства на выборах.

Стратегия монополизации, если взглянуть на нее с другой стороны, является стратегией снижения конкуренции. При этом данное снижение конкуренции имеет двух возможных адресатов. Во-первых, отношения государства и экономики; здесь ликвидация конкуренции с очевидностью доказывает, что *именно* экономика, а вовсе не государство, в состоянии производить экономически рационально, т. е. эффективно, с ориентацией на снижение затрат, на качество, на тесную работу с клиентом и т. п. Главное здесь в том, чтобы разгромить государство как конкурирующего организатора потребительских ценностей и услуг, на что нацелены стратегии монополизации *экономической рациональности* с помощью мировой экономики.

Во-вторых, стратегия монополизации, как уже говорилось, позволяет определить ее в плане отношений между разными экономиками; знаменательно, что эта *стратегия межэкономической дипломатии* сводится к формам, которые представляют собой враждебный захват (само название выдает их суть) или предполагают отказ от кооперации.

Стратегии монополизации экономической рациональности

В биполярном мире противостояния «Восток—Запад» конкурировали также две формы экономической рациональности: частно-экономическая капиталистическая форма Запада и государственно-экономическая и государственно-социалистическая форма Востока. Только крах Восточного блока позволил частным экономическим акторам создать мировую монополию на *экономическую рациональность*, что имело и имеет последствия для стран бывшего Советского Союза, но не только для них. Это также означает, что внутри западных капиталистических центров (а от них влияние распространяется на весь мир) государственно-экономические элементы оказались под давлением: «*стратегия приватизации*» государственно-экономических предприятий — от промышленных концернов Центральной и Восточной Европы через железные дороги, телекоммуникации, а также почтовое дело в США и Западной Европе, но и далеко за пределами этого — демонстрирует поучительную историю успеха систематической монополизации экономической рациональности хозяйственными и мировыми экономическими акторами. В той мере, в какой мировая экономика исключает государство как рационального экономического конкурента, становится возможным забирать все больше элементов государственно организованной системы услуг из распоряжения государства, отдавая их в распоряжение приватной экономики. Для затыкания бюджетных прорех правительства могут даже загнать за бесценку серебро, в том числе достопримечательности и объекты национальной культуры. Кроме того, вывеска «приватизация» прикрывает и стремления создать благоприятные предпосылки для *новой экономической монополии*.

Тотальная критика государственной экономики, как и государственно-критический дискурс в целом, благоприятствуют и поощряют монополию мировой экономики на экономическую рациональность и на этом фоне — как ни парадоксально — делают возможным создание новых монополий, новых узких мест снабжения и новых рисков. Так, например, в хаотически приватизированной системе железных дорог Великобритании уже стали почти обыденным явлением постоянные ремонты, хронические опоздания, недостаточное снабжение и массовые столкновения поездов. Можно даже сказать, что вместо государст-

венно-монополистического недостаточного снабжения англичане получили приватно-монополистическое неэффективное хозяйство. Если подобное явление проникнет в такие чувствительные области, как технологии повышенной опасности (атомные электростанции), то положение в политическом плане может быстро стать взрывоопасным.

4. Стратегии межэкономической дипломатии

По мере того как государства так или иначе уступают власть мировым экономическим акторам, все большую важность приобретают переговоры между фирмами, так что в конце концов дипломатия между концернами превзойдет по значимости дипломатию между государством и концерном [*Strange* 2000, 64 ff.]. Эта внутренняя всемирно-экономическая дипломатия может осуществляться в рамках одних и тех же отраслей промышленности (скажем, самолетостроении) или между различными отраслями (например, между компьютерной индустрией и проектированием спутников). Цели этой всемирно-экономической дипломатии ясны; они, в частности, легко вычитываются из лихорадки слияний, охватившей гигантов экономики. При этом речь идет о том, чтобы путем переговоров, сотрудничества (вплоть до новых симбиозов) развивать и укреплять мировые монополии для усиления их структурных властных позиций в отношениях между экономикой и в отношениях с государствами и для успешной борьбы с конкурентами. «*Кто глотает, того не проглатывают*» — этот лозунг, как кажется, влечет к гигантомании на мировом рынке, хотя оправданным может оказаться и противоположный лозунг — «*Кто глотает, того проглатывают*»; это происходит, когда во властном покере мирового рынка крупных игроков заглатывают еще более крупные. В этом смысле следовало бы, вообще говоря, переформулировать или заново разработать *international relation theory*²³, превратив ее в *transnational relation business theory*²⁴. Это позволило бы пролить свет на *Венский конгресс* мировой экономики и задать вопросы: какие конфликты и противоречия правят здесь и как можно препятствовать возникновению экономических войн или их подготовке?

г) Стратегия превентивного господства

Все до сих пор названные или эскизно обрисованные стратегии мировой экономики, как бы убедительно они ни раскрывали и ни раз-

²³ теорию международных отношений (англ.).

²⁴ бизнес-теорию транснациональных отношений (англ.).

вивали властный потенциал мировых экономических акторов, также обречены на *неудачу*. Они терпят крах из-за того, что все усилия мировой экономики сломить, свести к минимуму или заменить власть государств наталкиваются на абсолютный предел: мировой экономики без государства и политики не бывает. Слегка преувеличив, можно сказать, что провал стратегий капитала заложен в исконном интересе капитала. Сама мировая экономика нуждается в сильной трансгосударственной всемирно-политической руке, устанавливающей для нее рамки порядка, поскольку иначе теряется признание обществом, а значит, и власть транснациональных акторов.

Проведем мысленный эксперимент. Допустим, что удалось успешно реализовать стремления, выраженные в названных выше стратегиях власти капитала. Тогда этот абсолютный успех одновременно означал бы ее крах. Экономика не выбирается населением, но совершенствует и практикует (на чем и основывается этот мысленный эксперимент) только свое транслегальное господство без демократической легитимации. Превращая государство в зомби и ликвидируя государственно-демократически организованную политику, экономика упраздняет собственные предпосылки, запускает непредсказуемые политические реакции. Проигравшие от глобализации идут во всем мире на баррикады – и что тогда? Происходят мировые экономические кризисы – и что тогда? От принципов мировой экономики требуют (как это было в случае религиозных догматов) обоснования и общего признания – и что тогда?

Именно успехи стратегии всемирно-экономического господства приводят к мысли, что политика и государство, с точки зрения собственных интересов экономики, *необходимы и незаменимы*. Необходимы – поскольку революционная, хаотически перепутывающая все общественные и политические структуры и привычный порядок вещей мировая экономика в погоне за прибылью становится крайне зависимой от легитимности и подвергается опасности с ее стороны. Незаменимы – потому что всемирно-экономические стратегии автаркии и монополизации в конечном счете терпят неудачу из-за того, что только созданная государством, демократически организованная политика может принимать коллективно обязательные и одновременно легитимные решения о структуре и будущем обществ.

Тогда если согласиться с тем, что мировые различия между государством и рынком, политикой и экономикой неснимаемы и нестираемы, при преследовании и осуществлении всемирно-экономических целей возникает ключевой вопрос: как становится возможным, с одной стороны, признавать государство и политику автономными

и неотъемлемыми, а с другой — связывать их в осуществлении всемирно-экономических целей, мобилизовывать и активизировать их для этих целей? Как может получаться, чтобы государственная политика строилась одновременно в согласии с мировой экономикой и автономно? Иными словами, как удастся приводить в действие политику и государство для продолжения всемирно-экономического расширения власти автономными средствами? Ответ дает стратегия *превентивного господства*. Она переносит проблему господства, существующую во взаимодействии капитала и труда, на отношение капитала к государству. Это придает ситуации новую остроту и одновременно взрывоопасность, поскольку теперь, образно говоря, лев пытается махать бичом над головой укротителя.

Различают две стратегии превентивного господства: во-первых, *стратегию стран-изгоев* (можно даже говорить о стратегии Спрингфилда²⁵. Согласно этой стратегии во всемирно-экономическом мировом «обществе преуспевания» устанавливается межгосударственная система престижа, по которой мир государств делится по образцу общества провинциального американского городка Среднего Запада, т. е. согласно неолиберальной шкале, на свободолобивые «хорошие страны» и угрожающие мировому спокойствию «страны-изгои»); во-вторых, на стратегию *неолиберализации государства* (в соответствии с ней государственно-автономная политика организуется по образцу превентивного, неолиберального послушания).

Стратегия стран-изгоев

Как может удаваться межсистемная координация мировой экономики и государства при том, что обе следуют различным, не сводимым друг к другу «логикам»? Первый ответ был выработан на национальном уровне, а теперь может быть спроецирован на уровень всемирно-общественный. Из основ социологии известно, что нормы, т. е. реальная значимость ценностей, опираются не только на субъективно усвоенное знание о моральном качестве этих ценностей, но и на предшествующее господство, поскольку утверждение норм покоится на возможности распоряжаться позитивными и негативными санкциями. Существуют всевозможные ответы на вопрос, почему люди избирают определенные ценности и нормы в качестве внутреннего ориентира для своих действий. Суть вышеизложенной теории состоит

²⁵ Спрингфилд — вымышленный город из мультфильма «Симпсоны», образ усредненного городка американской провинции. В США почти в каждом штате есть свой Спрингфилд. — *Прим. перев.*

в следующем: что бы здесь ни приводилось для обоснования этого, нельзя найти объяснения для существующей системы норм и престижей без обращения к предыдущим структурам господства, поскольку обращение к господству, во-первых, объясняет выбор между альтернативными системами ценностей, а во-вторых, отвечает на вопрос, кто и какими средствами располагает для «заучивания» этих ценностей, т. е. для духовного усвоения их с помощью позитивных и негативных санкций.

Стратегия превентивного всемирно-экономического господства использует именно эту идею. То, что обычно несколько легкомысленно называют мировым сообществом, должно было бы в соответствии с этим мыслиться как глобальная система статуса и престижа, которая демонстрирует по меньшей мере два основных свойства.

Во-первых, она покоится на глобально действующем ценностном принципе, в данном случае — на неолиберальных нормах всемирно-экономического преуспеяния. Кратчайший путь ко всемирно-экономическому успеху, вымощенный критериями, сформулированными на языке экономики, сочетает высокую стабильность денежного курса, умеренный рост заработной платы, низкие забастовочные квоты с минималистским государством, которое в свою очередь ограничивается созданием конкурентных и социальных рамочных условий при высоком уровне собственной ответственности за граждан и предпринимателей. Наряду с этими ценностями экономической свободы существуют ценности свободы политической — повсеместное утверждение правозащитных и демократических норм. И то и другое в совокупности, предполагаемая неделимость экономических и политических ценностей свободы образуют в мировом масштабе ценностное ядро, которое, будучи перенесенным на глобальный уровень и наделенным соответствующими всемирно-экономическими и военными средствами для осуществления санкций, приводит к возникновению всемирно-общественной иерархии престижа, на верху которой находятся «хорошие государства», западные «overdog-государства», а внизу — «плохие государства», глобальные underdogs или, на языке американской внешней политики, «государства-изгой».

Во-вторых, для утверждения всемирной иерархии престижа требуется ряд существенных предпосылок. Как уже говорилось, необходимо располагать соответствующими средствами для осуществления санкций. Это значит, что конформизм по отношению к мировой экономике должен поощряться, а уклонение от нее — наказываться. Этот механизм действует через реальное вмешательство или невмешательство глобальных инвесторов или посредством политики МВФ, Все-

мирного банка и т. п., а также посредством политики «военного гуманизма», реально угрожающей поставить систематическое нарушение прав человека выше принципа автономии международного права и применить военную силу от имени «сообщества народов» против этнических чисток и геноцида.

Объективированные и институционализированные ценностные критерии всемирно-экономического преуспеяния сигнализируют о благополучии и направляют тем самым потоки капитала. Да и там, где этого не происходит, дискурсивная гегемония неолиберального дискурса, который, как было показано, черпает свою власть не в последнюю очередь из стирания границ между действительностью и возможностью, обеспечивает восприятие еще не существующего, которое подстегивает экономически конформистские действия. Иными словами, всемирное отождествление основных ценностей с экономикой, жизни с преуспеянием осуществляется благодаря действительному или ожидаемому всемирно-экономическому наказанию за непослушание — силой санкций мировых экономических акторов и организаций.

Действие этих неолиберальных ценностных императивов во всемирном масштабе дополняют и подтверждают различные учреждения и методы. Так, даже конфликт по поводу исключения стран-изгоев не оказывает разлагающего влияния, как может показаться на первый взгляд, а напротив, укрепляет интеграцию во всемирно-экономическую систему ценностей. Это происходит тогда и постольку, когда и поскольку в этом конфликте и благодаря ему удастся прийти к коллективному пониманию основных экономически-либеральных ценностей, лежащих в его основе. Точно так же коренные различия в престиже стран не ставят обязательно под вопрос интеграцию мирового сообщества, а напротив, увеличивают возможности применения санкций, поскольку кандидатам на понижение статуса можно противопоставлять примеры его повышения. Вот почему полезно публично освещать «карьеры стран», поощрять и восхвалять их, как это делалось в отношении «государств-тигров» Восточной Азии.

В результате этого «государств-тигров» оказываются не просто антитезой государств-изгоев. Дело в том, что они демонстрируют периферийным странам с низким статусом динамическую ориентацию на средний уровень, оказывая двойное действие, укрепляющее экономическую систему мировых ценностей. Странам, оказавшимся ниже этого уровня, они доказывают, «что все в наших силах», а это подразумевает осознание собственной вины за неудачу, того, что сам неудачник несет ответственность за свой статус. Странам выше этого

уровня они сообщают шокирующую новость: их статус может понизиться, если эти страны не будут соответствовать всемирно-экономическим критериям преуспевания. Такие подвижки необходимо фиксировать и демонстрировать, чтобы экономические ценности могли бы повсюду раскрывать свое объединяющее воздействие. Кроме того, при этом исключаются две вещи: во-первых, принятие *статичной* мировой системы (престижа), в которой имеются вечные, не зависящие от уровня преуспевания государства и мировые регионы, победившие и проигравшие; а во-вторых, исключается ситуация, когда статус стран во всемирной системе престижа устанавливается *независимо* от политики того или иного государства – благодаря либо исходному историческому и культурному положению (история колониальных завоеваний, империализм), либо монопольному положению мировых экономических акторов, несмотря на превентивный неолиберализм политики.

Эта стратегия превентивного господства, которую я назвал здесь стратегией стран-изгоев, приводит, таким образом, к странному парадоксу: с одной стороны, такие понятия, как «мировой рынок» и «мировое общество», кажутся настолько комплексными, что даже слово «комплексность» является грубым упрощением; с другой стороны, в мировом обществе, интегрированном в мировой рынок, дела явно идут как в Спрингфилде (штат Миннесота). Там мир еще пребывает в полном порядке: всем известно, что существует добро и зло, четко отделенные друг от друга, причем доброта «добрых» проявляется и подтверждается в том, что они возмущаются злокачественностью «злых», изгоняют их, насколько возможно, по-хорошему или по-плохому. Таким способом при молчаливом согласии добра и зла укрепляется система норм, разделяемая обоими. В той мере, в какой действует подобная самодефиниция (пусть хотя бы в качестве идеологии), в самом деле оказывается возможным – не прибегая к прямому вмешательству мировых экономических акторов, мягко говоря, «позволять развиваться» политике государств, *превентивной*, конформной по отношению к мировой экономике и одновременно *автономной*.

Стратегия неолиберализации государства

Эта стратегия стремится снять количественное различие, содержательные противоречия между государством и мировым рынком, преобразуя государство в государство *мирового рынка*. Это означает, что государство мыслится как удлиненная рука мирового рынка, как продолжение политики мирового рынка государственно-политическими средствами. Именно на это нацелена *политическая*, а не экономическая программа неолиберализма.

В этом заключается прежде всего парадоксальное признание неотъемлемости и незаменимости правительства, государства и политики. Правительства в их двойной роли (как родины и принимающей стороны мировых экономических акторов и предприятий) играют *решающую*, даже все более *важную* роль для осуществления всемирно-экономических интересов. Только поэтому возможно и необходимо преобразовать неолиберальную ортодоксию в неолиберальную политику реформ, политику неолиберального государства. Только так государство может превратиться из укротителя и противника в партнера мировой экономики.

В соответствии с этим с 1970-х годов разрабатывается неолиберальная теория местоположения политики и общества, которая перелагает неолиберальное кредо в теорию «экономического государства» — *competition state*²⁶ — и в корреспондирующий образ «экономического общества» — культуру предпринимателей. В этой теории политические акторы — государства или города — мыслятся как *акторы накопления*. Понятие политического выкраивается под знаком неолиберального императива применительно к его новому ядру — местному филиалу всемирно-экономической политики — и сводится к нему; под этим знаком составляется новая — малая и большая азбука внешней и внутренней политики (а границы последней как таковые уже не действительны), политики рынка труда и политики образования, социальной политики etc. Если бы менеджеры мировой экономики написали поздравительное письмо Деду Морозу к Рождеству, то скорее всего получилась бы теория всемирно-экономически ориентированного конкурентного государства.

Данная политическая и государственная теория превентивного неолиберального послушания может при этом уверенно ссылаться на наблюдаемые изменения. Все большее значение в понятных собственных интересах государств приобретает вопрос: как завоевать доступ к мировому рынку и обеспечить себе место в нем? Старая билатеральная государственная дипломатия все чаще сменяется дипломатией мультилатеральной, где ключевую роль в осуществлении государственных целей играют акторы мирового рынка. Внешнее проявление такой эволюции — возникновение и дифференцирование нового уровня транснациональных политических арен, который поддерживается такими институтами, как ВТО, ОЭСР²⁷, или государствами «восьмерки».

²⁶ конкурентное государство (*англ.*).

²⁷ Организация экономического сотрудничества и развития — Organization for Economic Co-operation and Development (OECD) (*англ.*).

Здесь, а не на национальных аренах, не в национальных общественных организациях обсуждаются, пишутся и переписываются правила силовой метаигры мировой политики, со временем изменяющие и национальную политику и общество. Это не в последнюю очередь проявляется в том, что классические сферы национально-государственной внутренней политики — образование, транспорт, энергетика, внутренняя безопасность, а также финансовая политика — все больше трактуются и перетолковываются, исходя из принципов международной конкуренции на мировом рынке.

С конца 1970-х годов возник неолиберальный консенсус между государствами и организациями, чьи решения и политика имеют большой вес для формирования мировой экономики (правительство США, страны «восьмерки», ОЭСР, МВФ, Всемирный банк и т. д.). В соответствии с этим консенсусом не только необходимо, но и желательно, чтобы национально-государственные институты реформировались на основе принципа «двойной свободы», т. е. согласно максимам *политической* свободы (демократия, права человека) и *всемирно-экономической* свободы. Если рассматривать их как ключевые положения политики «третьего пути», то эта политическая прагматика обеспечивает конформную к мировому рынку перестройку национально-государственных политических принципов и институтов. Тем самым политика «третьего пути», объявляющая себя, согласно своему самопониманию, современной ключевой дефиницией нового «всеобщего блага» в эпоху глобализации, становится политикой *превентивного господства всемирно-экономических акторов*. В конечном счете критерии рациональности транснациональной экономики (в первую очередь критерии глобальных финансовых рынков) становятся ориентиром, больше того — критерием рациональности политики, уповающей на интеграцию в мировую экономику. Давно ведутся споры о конце идеологии, а с недавних пор — о конце политики. Здесь же лояльная к мировому рынку политика трактуется и осуществляется таким образом, что конец идеологии и конец политики как бы становятся ее торговой маркой.

Однако эта стратегия, вопреки реалистически-моральному самопониманию базируется на серьезной ошибке. То, что государства вынуждены настраиваться на конкуренцию на мировом рынке, ошибочно отождествляется с *безальтернативностью* политики, превентивно соблюдающей так называемые законы мирового рынка. Речь, таким образом, идет об *экономистическом ложном самопонимании* политики, ибо политика и государство мыслятся исключительно с точки зрения примата мировой экономики, что в конечном счете равносильно самоограничению, самоотречению, даже самокастрации по-

литики и политической теории в угоду догматической лояльности мировому рынку.

Эта критика, однако, в принципиальном отношении двусмысленна. Дело в том, что она может превратно восприниматься с позиций политологического реализма. Этот реализм исходит из того, что государство (прежде всего национальное) *никогда* не может быть сведено к экономической политике; оно, будучи поборником монополии на применение насилия, всегда преследует геополитические военные цели и интересы. Вот почему уравнение

Государство = Неолиберальное государство = Экономическое государство

фактически означает кастрацию. Здесь удаляется ядро политического, ведь ему тогда — как это часто происходит в истории — под флагом превентивного пацифизма, на сей раз обоснованного позицией мировой экономики, отказывают в праве на возможные военные интервенции. Но эта консервативная теория государства и политики не дает ответа на вызовы мирового рынка, а посему ограничивается в большинстве случаев тем, что отделяется от проблем и последствий экономической глобализации, относя их к «разговорам» или «идеологии», ссылаясь на эмпирические недостатки и не задается вопросом (в чем согласуется со стратегией неолиберализации государства) о возможностях параллельной глобализации или *транснационализации государства и политики*.

И здесь и там разрыв между привязанной к территории политикой и детерриториализированной мировой экономикой жестко предписан аналитически. Возможность и необходимость заново изобретать политику для эпохи глобализации категориально, т. е. категорически, исключается. При полном расхождении с консервативной национально-государственной теорией реализма, т. е. при попытке изобрести государственную и политическую теорию для новой всемирно-политической ситуации мирового рынка, альтернатива политики, политического в условиях мирового рынка не признается. Дефиниция и распределение экономических рисков мирового рынка и глобальной непредсказуемости — главная задача политики в эпоху рыночной либерализации — ни словом не упоминаются. Они становятся жертвой оптимизма, не обретенного, скажем, в продумывании или преодолении возможных катастроф, но порожденного безответственным девизом: «чего не знаю, о том не горюю».

Это мышление по шаблонам национального видения приводит здесь к ложному пониманию возникающего сегодня исторического

противоречия. Противоречие «глобальная экономика versus национальная политика» жестко предписано раз и навсегда, а транснациональная политика (например, выявленное и измененное с космополитических позиций понимание политики, государства и нации) вовсе не принимается во внимание. Но все же хотелось бы (ведь это и так уже многоголосно дебатруется) заново продумать и наметить для постнациональной, транснациональной ситуации понимание демократии, начавшейся как город-государство и сегодня в национальном обличье как будто принявшей окончательную историческую форму государственно организованной парламентской демократии [*Held 2000, 91 ff.*].

В остальном же, когда предполагают, что безальтернативное приспособление, а не активное формирование является единственным (мало того – расширяющим политику) ответом на глобальную экономику, все сводится к характерному самоотречению от стратегий государственной власти. Это означает, что нужно выдвинуть альтернативные теории государства в следующих аспектах:

- они должны вскрыть ложную альтернативу неолиберальных стратегий дерегулирования и национальных или неонационалистических стратегий интервенций и протекционизма;
- они должны мобилизовать политический ресурс политического урегулирования конфликтов и регулирования рынков.

При этом они могли бы охватить то, чем преступно пренебрегала политика неолиберального самоприспособления, – привлечение внимания общественности диспаритеты и конфликты, порожденные местными разрушениями природы и окружающей среды, хорошо отрегулированные и забытые, но политически крайне взрывоопасные проблемы вроде *неприятной* проблемы полной занятости, так беспокоящие именно середину общества, за которую идет ожесточенная борьба.

Речь, таким образом, идет о том, чтобы вместо состязания в красноречии, вместо подчинения себя нормативному диктату глобальной экономики выявлять и использовать силу *пессимизма, порождающую политику*, т. е. драматургию конфликтов и рисков.

В соответствии с этим только разработка международных рыночных регламентаций может позволить побить противника его же оружием и принудить экономику к признанию вновь обретенного примата политики. Только введение определений по правам и ответственностям в совокупной системе мировой экономики (как дополнение к коллективным договоренностям и социально-государственным мерам) может породить новый консенсус между властью, экономической и политической, и демократией.

На это нацелена реформаторская политика существующих транснациональных институтов всемирно-экономической координации. Такие организации, как МВФ, Всемирный банк, ОЭСР, а также страны «восьмерки», конечно, под общий знаменатель не подведешь. Каждая из них проводит отличную от других политику, и все же доминирует у них стратегия превентивного всемирно-экономического господства. Следовало бы заменить последовательные реформ-проекты на альтернативные, которые активный космополитический проект присокупил бы к экономистическому пораженчеству.

Выдающимся в этом отношении является новый подход к непредвиденным рискам нерегламентированной мировой экономики. Исходная позиция такова: с момента осознания общественностью этих рисков политика не заканчивается, но только начинается. Возрождение политического может эти источники опасности превратить в политические источники обновления, если (причем «если» является здесь ключевым словом) удастся снять национальные барьеры и трансформировать глобальность рисков в транснациональное обновление политики. В соответствии с этим нужно было бы задуматься о новых транснациональных инстанциях, способных выступать в качестве консультантов в кризисных экономических ситуациях, по вопросам динамики национальных рынков капитала, а также общественного инвестиционного приоритета и структуры расходов, согласовывать предложения по вопросам структуры и организации.

Такое транснациональное возрождение политики и дальнейшее развитие демократии не обязано начаться во всех точках мира одновременно; оно не должно пониматься как афронт или возобновление империалистических притязаний в отношении того большинства стран и государств, которые сегодня видят в себе жертв эксплуатации и зависимости от тех или иных «центров». Это самообновление политики и демократии во Втором модерне могло бы начаться в ключевых регионах и ключевых секторах. Цель его — прозрачность и ответственность во всемирно-экономических центрах принятия решений. Поскольку здесь речь идет о миниатюрных мировых сообществах, этот эксперимент следовало бы обсуждать на переговорах, согласовывать и осуществлять, отбросив старое и становящееся ложным различие центра и периферии.

ГЛАВА V

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СТРАТЕГИИ МЕЖДУ РЕНАЦИОНАЛИЗАЦИЕЙ И ТРАНСНАЦИОНАЛИЗАЦИЕЙ

В этой главе будет рассмотрен вопрос о том, каким образом можно осуществить космополитическую самотрансформацию политики и государства¹. Речь, следовательно, идет не только о наблюдении и об описании того, как так называемые глобальные всемирно-рыночные зависимости одновременно осуждаются, реализуются и инструментализируются для выведения из игры своей внутренней оппозиции. Речь идет о возрождении собственной творческой легитимности демократически-республиканского формирования и осуществления власти, а значит, о том, как изменить рамочные условия государственной деятельности, чтобы сделать возможной глокальную черновую работу по решению мировых проблем. Какая форма демократической легитимности уже возникает или может быть создана — форма, обладающая избирательным сродством с глобализацией экономики и транснационализацией социальных движений и сферы опыта? Но в глобальную эпоху этот вопрос о возрождении политического искажается четырьмя центробежными силами:

¹ В этой главе я использовал следующую литературу: *Palan/Abbot* 1999; *Palan* 2000; *Bernauer* 1998, 2000b; *Busch/Plümper* 1999; *Busch/Schüller/Szanton* 1994; *Barro* 1996; *Bronschier* 2002; *Duara* 1999; *Ellwein* 1992; *Elkins* 1995; *Evans* 1997; *Esser* 1999; *Fuat* 1996; *Genschel* 2000; *Grande* 1999, 2001, a, b; *Grande/Risse* 2001; *Held* 2000; *Héritier/Knill/Mingers* 1994; *Herold/Tuathai/Roberts* 1998; *Holton* 1998; *Jönsson/Tägil/Tönquist* 2000; *Kaiser/Schwarz* 2000; *Katzenstein* 1985; *Keohane* 1989; *Kohler/Koch* 1998; *Laidi* 1998; *Luard* 1990; *Martin/Schumann* 1996; *Messner* 1998; *Nölke* 2000; *Porter* 1997; *Reinecke* 1997; *Reinecke/Brenner/Witte* 2000; *Risse/Ropp/Sikkink* 1999; *Risse-Kappen* 1995; *Young* 1986; *Schulze/Ursprung* 1999; *Suter* 1999; *Weiß* 1998; *Wolf* 2000; *Yongs* 1999; *Yoshika* 2000; *Zürn* 1998, a, b; *Zürn/Wolf* 2000; *Robinson* 1996; *Rosenau* 1980; *Rosenau/Czampiel* 1992; *Ruggie* 1998; *Ruigrok/Tuldert* 1995; *Scott* 2000; *Schirm* 1999; *Schlichte/Wilke* 2000.

1. Справедливая критика «центрированности на государстве» приводит к *великой иллюзии нового внеполитического миролюбия мира, лишённого экономических и культурных оков*. В противовес этому нужно отстаивать такую точку зрения: стремление гражданского общества обуздать капитализм, сопряжённый с высокими рисками, не является опцией, а свидетельствует просто об опасной наивности. Точно так же нельзя демократическими методами умерить притязания мировой экономики на имперский суверенитет ни с помощью Нового интернационала неправительственных организаций, ни посредством новых «волшебных слов» — «всемирно-экономическая самоорганизация», «ответственность за самого себя» и «самолегитимация». Без преодоления национальной ортодоксии государства и политического, а значит, без дальнейшего развития действительности и теории государства, это невозможно, да об этом и не помышляют.

2. *Новая международная политическая экономия*: аргументация здесь строится на предпосылке, что экономика представляет собой звуковой барьер, который *не может быть* прорван политикой, поскольку последняя была и остается служанкой экономики. При этом не осознаётся *политический* характер силовой метаигры; в самом деле, мировая экономика вырывается из национально-государственного, национально-экономического сосуда власти, обладая, таким образом, правом первого хода, завоевывая транснациональное пространство власти, принуждая к открытию границ и т.д. Но было бы ошибкой мыслить эту ситуацию predetermined в том смысле, что государство — колония всемирно-экономического авторитета.

Представители Новой политической экономии попадают в ловушку парадокса: именно неомарксистские критики глобального капитализма невольно превращаются в пророков неолиберализации государства («конкурентного государства», «рыночного государства» и т.п.). Они тоже отмечают определенную самотрансформацию государства и анализируют ее, но исключительно в смысле самоадаптации государственной политики к максиме неолиберального всемирно-рыночного правительства. Таким образом, вопрос о стратегиях транснационализации государства отрицается, не будучи даже поставленным. В этой теоретической и научно-исследовательской перспективе также ведется своеобразная метаигра, но исход ее в конечном счете всегда предрешен: капитал выигрывает, государство и политика проигрывают. В противоположность этому надо настаивать на том, что исход силовой метаигры остается открытым. Отношения становятся нечеткими и требуют разъяснений. Старые вопросы встают заново, и для

политического ответа на них, для научного их анализа необходимы контекстуальные рамки.

3. *Правление без правительства*: глобализация вынуждает искать новый нарратив демократизации мировой политики. В противоположность этому расхожее понятие «global governance²» окутано аурой безлегитимности. Оно попахивает режимом контроля *без* демократической легитимности. В результате возникает ложная альтернатива: либо защита национального государства, либо апология правления без правительства. В поле зрения вообще не попадает ключевой вопрос: каким образом государство делается (или может быть сделано) актором собственной трансформации из национального в космополитическое государство?

4. *Самоблокада политического*: отличие национального и космополитического подходов является ключевым. Речь идет не о падении или спасении национального государства (умалется оно или растет и в какой области политики в большей или меньшей степени), но о раскрытии новой точки зрения на совокупное поле власти. Слабость предшествующей дискуссии о глобализации состоит в том, что она пребывает в плену старых различений, присущих методологическому национализму, а потому все доводы критиков и защитников не обладают достаточной силой. Только смена перспективы позволяет взглянуть на новые констелляции власти, игровые ходы и возможности глобального правления в многослойных сетях, ускользающие от национального взгляда. Дееспособность государства зависит не только (а возможно, даже не очень существенно) от преимуществ, даваемых глобализацией; еще более она зависит от того, как государства сами дефинируют, определяют себя в текущей силовой метаигре. С глобализацией необратимо началась большая политическая игра, одна из целей (пожалуй, главная цель) которой — изменение основ политики и государства и в которой вопрос о дальнейшем развитии государственности стал ключевым при дележе власти в космополитическую эпоху. Самодефиниция дееспособности государства становится, таким образом, стратегической переменной в силовой метаигре.

Если капитал для раскрытия источников самолегитимации стремится к слиянию с правом, то государству следовало бы стремиться к слиянию с глобальным гражданским обществом для завоевания транснациональной дееспособности и новых источников глобаль-

² глобальное правление (*англ.*).

ной легитимности и власти. Стратегии государства, таким образом, должны различаться в соответствии с тем, в какой степени они некритически заимствуют мнимое априори политики национального государства или в какой степени они ослабляют или разрушают национальную самоблокаду и самоподчинение государства примату экономики, т. е. нацелены на космополитическое изменение дефиниции государства и ре-политизацию политики (табл. 8).

Итак, новые стратегии государства должны вырваться из *ложной альтернативы* либо неолиберализация, либо неонационализация. В противоположность этому необходимо развивать стратегии ре-политизации политики и государства, которые черпают свою силу из проекта *иной* глобализации, *иного* модерна. В национальных государствах политическое пребывает в глубокозамороженном состоянии. Но из этого состояния его можно вывести с помощью рефлексивных стратегий самооживления и новой дефиниции политического. Государства располагают властным пространством возможностей самообновления. Обращение к нему будет успешным в той мере, в какой будет преодолено отождествление государства с национальным государством и государства за пределами суверенитета и автономии будут открывать и развивать свою политическую власть *кооперативной транснациональности и транссуверенитета*.

Как мы видели, стратегии капитала, будучи побочным следствием, направлены на отмену исторической дифференциации политики, на максимальное ограничение незаменимых услуг государств, на воспрепятствование государственным монополизациям и максимальное обеспечение мировых экономических акторов контрольными полномочиями. Идеалом здесь было бы легко заменимое, произвольно сменяемое государство, конкурирующее с максимальным количеством аналогичных государств и выполняющее одновременно автономно и лояльно по отношению к мировому рынку минималистски-урезанные задачи, всемерно очищенные от самостоятельных функций решения, контроля и легитимации.

В соответствии с этим государствам не следует:

- делать отдельное государство и государственную политику в целом не-необходимыми и заменимыми; стратегии *необходимости и незаменимости*;
- *без альтернатив* отдавать их на откуп глобальным монополиям; стратегия отказа от *монополий мирового рынка*;
- максимизировать заменяемость и конкуренцию между государствами; *стратегия кооперации* или *стратегия межгосударственной редукции конкуренции*;

Таблица 8. Стратегии государства

<i>Стратегии необходимости</i>		Стратегии детерриториализации государства Стратегии большой политики
<i>Стратегии незаменимости</i>		Транснациональные стратегии компетенции Стратегии демонополизации экономической рациональности
Стратегия отказа от монополий мирового рынка		
<i>Стратегии снижения межгосударственной конкуренции</i>	Государственные стратегии специализации Стратегии гегемонии Стратегии транснационализации	Социал-демократическая стратегия консенсуса Стратегия низкой заработной платы Стратегия налогового рая Экономическая рациональность Стратегическая рациональность Политическая рациональность
<i>Стратегии реполитизации политики</i>		Решать глобальные проблемы глобально Стратегия множественных коалиций Глобальные стратегии риска Космополитическая Франция Космополитизация национального Глобальная стратегия New deal ³
<i>Стратегии космополитизации государства</i>		Стратегии внутренних и внешних политических переплетений Стратегии «прибыль – прибыль» Стратегии космополитизации права Многообразие раскрывает креативность Региональная космополитизация Национальное государство потеряло свою невинность Космополитическая Европа? Космополитизм как усилитель власти

³ Новый курс (англ.).

а также:

- увековечивать отождествление государства с национальным государством; стратегия *транснационализации и реполитизации политики*;
- препятствовать развитию политического по ту сторону ловушки национальности; стратегия *космополитизации государств*.

1. СТРАТЕГИИ НЕОБХОДИМОСТИ

Государственные стратегии необходимости сводятся к тому, чтобы в эпоху глобализации снова достичь примата политики не превращением государства и политики в продолжение руки мировой экономики, а наоборот, обновлением *различия* между политикой и экономикой и осуществлением их монополии на основе коллективных обязательных решений, демократической легитимности и правоустановления. Это имплицитно предполагает использование против мировой экономики старинных «государственных орудий пытки» и их модернизацию путем преодоления их национальной ограниченности. Мировой экономике, а также мировой общественности, запуганной неолиберальными методами, нужно продемонстрировать, что ничто — ни экономическая концентрация власти, ни образование глобальной монополии, ни даже «успешная» приватизация государства — никогда не сможет заменить согласия граждан как потребителей, не говоря уже о том, чтобы добиться его.

Состояние, без которого немислимы всемирно-экономические активности, а именно удовлетворение и принципиальное согласие граждан, купить невозможно. Более того, производство и воспроизводство согласия и одобрения порождает необходимость в самостоятельной сфере политики, культуры, демократии, государства, которая никогда не может быть подчинена экономической логике, если только мировая экономика не пожелает вырыть себе могилу. Стратегии необходимости в соответствии с этим пытаются возродить — в противовес неолиберальной пораженческой политике — веру в то, что *от политики никуда не деться*, и опыт, подтверждающий это. На это нацелены стратегии ре-монополизации политического. Они, кроме того, стремятся показать, что несмотря на успехи власти глобализирующегося капитала, решающим для деполитизации политики оказывается только *самоотрицание*, *самолишение* власти политики, а не власть капитала. Иными словами, конец политике может положить только политика, а не капитал или что-либо еще.

Однако существует колоссальное различие между декларированием и реализацией примата политики по отношению к глобализи-

рующей экономике. А значит, нужно не только провозглашать и инсценировать с помощью СМИ самостоятельность и возвращение политики, но и заново определять, ограничивать и ре-монополизировать политическое по отношению к мировой экономике. На это нацелены стратегии необходимости; они показывают,

- во-первых, что все попытки мировых экономических акторов достичь максимально возможной автаркии государства и политики иллюзорны и почему это так;
- во-вторых, что самостоятельная и руководствующаяся собственной логикой государственная политика, не подчиненная примату экономики, наоборот, выполняет задачи и совершает действия, без которых автаркическая экономика непременно терпит крах.

Приведем пример. Сегодня много говорят о новом безграничье рынков капитала и о товарных потоках. Государственные границы, однако, иррелевантны, несущественны только в идеальном смысле; фактически они, как и прежде, существуют как для людей, так и для экономического оборота товаров и капитала. Открытость границ предполагает, что государство постоянно принимает решения о своем *невмешательстве*. Государство должно принимать, устанавливать, обеспечивать отсутствие границ. Безграничье — одна из многих государственных стратегий в условиях глобального капитализма. Так, террористические атаки 11 сентября 2001 г. в мгновение ока показали, как быстро может быть ликвидировано мнимое отсутствие границ и введены (в том числе для перемещения товаров и капитала) новые виды контроля и что именно восприятие опасности обеспечивает легитимность воссоздания границ. Одновременно стало очевидным (например, в розыске спонсоров и финансовых источников терроризма), что установление границ и контроль за ними являются транснациональными задачами, которые уже не могут быть решены отдельной нацией в одиночку.

Если верно, что самосвязывание политики проистекает из одностороннего подчинения политики примату мировой экономики, то становятся возможными обновление и ре-монополизация политики, осуществляемые двояким способом.

Во-первых, политика должна избавиться от парадокса неолиберальной самоликвидации и отвоевать свои игровые пространства решений и свою власть, которые прежде были открыты для множественных коалиций. Во-вторых, современная экономическая политика должна снова ввести в обиход — применительно к мировой экономике — политическую азбуку, согласно которой богатство порождает требование прав и справедливости, а ответственность за это возлагает на власть имущих.

Противоположная политика, которая сводится к обострению социального неравенства и ликвидации права, не только разжигает местные конфликты, но сознательно и безоглядно пытается пробить заслон, созданный отсутствием консенсуса. Кроме того, отказ от неолиберальной ортодоксии и открытие политики также для разочарованных, находящихся под угрозой, проигравших в ходе глобализации отвечает не только содержательному, но и *властно-стратегическому* обновлению политики и государства. Ре-монополизация политики предполагает *содержательное* обновление политики.

С точки зрения этики и политики, обрисовку содержательных целей в эпоху глобализации можно считать желательной и даже абсолютно необходимой. И все же дополняющая, а возможно, даже решающая идея такова: *обновление содержаний является прямой дорогой к обновлению власти политики*. Таким образом, существует не только идеалистический, но и *властно-стратегический идеализм*. Даже циничный макиавеллист должен был бы – в этом и состоит тезис – в преследовании своих стратегий политики, оптимизирующих власть, стать идеалистом, обращенным в другую веру. Возвращение власти и возвращение утопии – две стороны одной и той же медали. В рамках стратегий государственной власти речь, таким образом, идет не об утопическом утопизме, а об утопизме властно-стратегическом; и наоборот, речь идет о том, чтобы подвергать критике неолиберальную утопию не только с моральной или политической точки зрения, но с позиций стратегий власти. Политический запрет на утопию, естественно осуществляемый политикой, превентивно реализуемый ею, утверждает политику на территориальных, национально-государственных принципах политики и тем самым окончательно закрепляет ее, урезая даже в национальном отношении политическую фантазию, способствуя ограничению ее самоликвидации перед глобальным развертыванием власти мировых экономических акторов.

Речь вовсе не идет (только) о том, желают и способны ли профсоюзы, церкви, НПО или кто бы то ни было противостоять сегодняшнему турбо-капитализму, отстаивая *необходимость* социальной справедливости. Возможно, эта необходимость существует. Но даже если бы не было ни справедливости, ни турбо-капитализма, попирающего все представления о социальной справедливости, их следовало бы избрести для того, чтобы снова завоевать и определять политическое политики. Чем мелкотравчатей политика, чем больше она делается пособницей самоприспособления к якобы существующим законам мирового рынка, тем бессильней она становится, пока сама себя не прикончит и не похоронит. И наоборот: чем богаче фантазией, увлека-

тельной, масштабней и правдоподобней становится притязание политики на организацию, тем явственней политика избавляется от своего неолиберального самопожертвования, тем мощнее становится, поскольку она ре-активирует и ре-монополизирует свою собственную логику и самостоятельность по отношению к всемирно-экономическим стратегиям автаркии. Итак, задача политики в том, чтобы *сделать проблему источником ее решения*, а это, как уже говорилось, происходит по идеалистическим и властно-стратегическим причинам, связанным с необходимостью самообновления.

Чтобы исследовать, в какой степени государственные стратегии могут противостоять власти стратегий капитала, имеет смысл ввести различие между *потенциальной* и *актуальной* властью.

Потенциальная власть государства возникает из суммы стратегий, которые становятся доступными государству и политике, когда они прорывают двойную самоблокаду – неолиберализма и национализма, а де-территориализированное и де-национализированное государство раскрывает для себя новые, транснациональные потенциалы власти и организации.

Актуальные стратегии государства в отношении мировой экономики, помимо того, определяют переговорную и организационную силу отдельных государств в отношении *относительной безопасности*. Государства отгораживаются от доступа к палитре опций и от вмешательства в нее, избегают стратегий де-территориализации, стратегий де-национализации и стратегий содержательного самообновления. Тот, кто допускает данные рассуждения лишь в качестве эмпирических, т. е. ограничивается стратегиями государственной власти, автоматически дает установку на внутринациональные реакции по отношению к глобальным льготам капитала. Актуальные стратегии государства являются *eo ipso* стратегиями *национального* государства, проистекающими из контроля над собственной территорией. Это хотя и включает манипуляцию внутренними рынками, куда причисляются также рынок рабочей силы, образовательные предпосылки, а также социальные системы безопасности, но исключает транснационализацию и стратегии кооперации.

Различие между *потенциальными* детерриториализированными государственными стратегиями и *актуальными* стратегиями *национального* государства столь важно, поскольку оно обеспечивает две вещи: оно демонстрирует «эмансипацию» от государства и политики, которые подражают своим всемирно-экономическим противникам и освобождаются от собственных национальных и территориальных

«ограниченностей». Тем самым становится очевидным, что препятствует политическим акторам, т. е. правительствам и политическим партиям, использовать эти шансы и реализовывать их; это *ложное априори нераздельности нации и государства*, политики и территории, политической организации и национального суверенитета.

Стратегии детерриториализации государства

Расхождение между территориально дефинированным пространством государства и детерриториализованно и транснационально дефинированным пространством мирового рынка преодолевается — с точки зрения государств — *только* путем распространения государственных действий за пределы территориальных границ. Политический ответ на возникшую экономическую географию можно найти в той мере, в какой удастся разработать и реализовать концепцию и пути детерриториализации государства и политики. Только так «удел» государственной политики — превращаться из погонщиков в погоняемых глобализации — может обратиться в новый взлет политического. И возможным это становится благодаря транснационализации, понимаемой как *межгосударственная кооперация*.

Когда правительства в рамках международного права заключают договоры, имеющие обязательную силу, или же — как это принято в Европейском союзе — объединяются в транснациональные кооперативные исполнительные власти, тогда каждое правительство действует в некоем транснациональном пространстве, поскольку принятые обязательства означают обязательность для всех. Так возникают кооперативно-государственные, транснациональные образования, пространства кооперативного суверенитета, которые вполне способны решительно противостоять глобально оперирующим концернам частной экономики и устанавливать новые рамочные условия.

Но за этот прирост транснациональной государственной власти нужно расплачиваться мелкой и крупной монетой национальной автономии. Это означает, что транснационализация государственной власти, детерриториализация политики сопутствуют постепенной самоденационализации государства и его ожесточенно обороняемого суверенитета. Речь идет не о потере суверенитета (на что часто жалуются), а напротив, об утрате *национального* суверенитета, который, вполне вероятно, сверхкомпенсируется посредством расширения транснационального кооперативного суверенитета. Этот для многих наций, национальных политиков и национально-государственных теоретиков почти немислимый (во всяком случае, исключительно болезнен-

ный) шаг из национального как бы в пустоту транснационального неизбежно приводит к проблемам, с которыми нам приходится сталкиваться в глобальную эпоху. Так, индивидуальные действия государства почти во всех тематических полях политики — праве, криминалистике, образовании, технологических разработках, предупреждении непредвиденных рисков, в экологической политике — обречены на неэффективность. Только транснациональные решения и их предпосылка — детерриториализация политики и государства в образе кооперативных союзов и международных режимов — открывают *возможность* нахождения решений по насущным вопросам. И наконец, центральным является представление, согласно которому отказ от национальных прав на суверенитет ни в коем случае не означает утраты национальной компетенции в решении проблем. Более того, верно обратное: *только транснационализация* государственных и правительственных действий открывает пути для решения *национальных* вопросов.

Это важное представление, дающее импульс для понимания Второго модерна государства и политики: *национальное оживление политики достижимо только через ее де-национализацию*. Существует внутренняя связь между утратой национального суверенитета и приростом транснационального суверенитета, т.е. вновь обретенная возможность развития национального суверенитета на пути кооперации, если под этим понимать решение национальных вопросов проблемно ориентированной политики.

Однако подобное расширение национально-государственного пространства действий отягощено порождаемой им проблемой: оно лишается прямой демократической легитимности. Но это справедливо до тех пор, пока пространство парламентской демократии совпадает с национально-государственными границами и транснационализация политики не связывается с транснационализацией демократии. В таком аспекте национально-государственная политика, которая стремится выйти за пределы своего постоянно сужающегося национального суверенитета, открывает для себя даже приращение *национальной* власти, которая к тому же уходит из-под контроля парламентской оппозиции и национальной общественности.

Говоря на языке Макиавелли, транснациональные полномочия национальной политики двойственны: они переходят национальные границы и обеспечивают эффективность в национальном масштабе, поскольку способны подрывать демократический контроль. Транснационализация открывает, таким образом, новую опцию для национальной политики: через Европу или Всемирный банк можно отключать собственную оппозицию и, таким обходным, транснациональ-

ным путем продавливать коллективно обязательные национальные решения. Так, правительства, которые учатся действовать транснационально, могут ограничивать пространство действий правительств-преемников. «В том, что можно войти в противоречие с изменившейся волей избирателей, убедилась красно-зеленая коалиция в Федеративной Республике при попытке провести в рамках внутренней политики законодательный запрет на переработку ядерных отходов. Она быстро обнаружила при этом, что во многих отношениях у нее связаны руки договоренностями предшествующего правительства с правительствами Франции и Великобритании, благосклонно относящимися к атомной энергетике. Ведь в свое время христианско-либеральное коалиционное правительство обеспечило себе поддержку извне для лучшей защиты политической программы, которая могла натолкнуться на ожидаемое противодействие внутри страны» [Wolf 1999, 18].

Стратегии большой политики

Чтобы утвердить и по-новому обосновать необходимость государства в противовес колонизирующей политическое мировой экономике, нужно сломить гегемонию неолиберального дискурса и заменить его дискурсом о содержаниях большой политики. Как уже говорилось, речь идет о *стратегиях*, которые никогда нельзя отождествлять с их осуществлением. Отказ от стратегий большой политики на том основании, что их осуществление в данный исторический момент представляется утопическим, равносильно превентивному отречению от центральной властной стратегии политики. Мы, таким образом, говорим в этом контексте о содержании политики в определенном властно-стратегическом расчете. То, что это в конце концов возможно только тогда, когда само содержание убедительно и способно вдохновлять и мобилизовывать людей, также вполне может рассматриваться как часть стратегического расчета. Стоит отметить, что неолиберальный глобализм именно этой вдохновляющей властью не обладает. Ведь речь идет об идеологии технократической элиты, а не об идеологии, мотивирующей и активизирующей массы. Новые неолиберальные крестоносцы проповедуют свои заповеди: «если станешь стройным, мобильным, гибким, да еще и подключишься к Интернету, то будущее у тебя в кармане». Но все это едва ли способно породить новое чувство общности, солидарности или новую самоидентификацию. Верно обратное: свободная идеология мирового рынка подрывает существующие традиции и демократические культуры, обостряя социальные

конфликты и подвергая риску принципы политической свободы, социальной справедливости и безопасности.

Тот, кто хочет противодействовать неолиберальному дискурсу, политически чрезвычайно успешному в глобальных масштабах, должен вводить в игру и демонстрировать необходимость политического. На это нацелены прежде всего *стратегии делегитимации* действий мировой экономики, затем стратегии *конфликтов и кризисов* и, наконец, стратегии *утопии*, которые представляют транснациональный ренессанс политического как программу саморефлексивной политики.

Один из путей демонстрации и разыгрывания необходимости политики заключается в том, чтобы по-новому дефинировать и разыгрывать государственно-демократическую *монополию на легитимность* в конфронтации с мировой экономикой. Экономика нуждается в транснациональных политических рамках, в которых она может действовать, иначе исчезает согласие, а значит, власть мировых экономических акторов. Транслегальное господство должно, таким образом, как бы обрести транслегальную политику. Поскольку любая власть зависит от одобрения, концентрация власти мировой экономики *сомнительна в легитимационном отношении*. Можно даже сказать, что с ростом власти растет и осознается общественностью ее сомнительность. Многократно упоминаемый кризис доверия, грозящий мировой экономике, говорит об этом.

Может быть выдвинуто такое возражение: экономика не выбирается населением и не зависит от одобрения с его стороны. Стремление мировой экономики к автаркии в отношении политики и общества есть одна из ее идеологических ахиллесовых пят. Именно транснационально оперирующая экономика живет благодаря легитимности, *заимствованной* у политики, так сказать, благодаря государственным *слияниям легитимностей*, которые молчаливо предоставляются, но могут быть и отозваны. Так, например, политика и государство должны терпеть и оправдывать экономические, социальные и экологические проблемы, порождаемые потоком частного капитала и инвестиционными решениями, – крах стран и целых групп стран, безработица и разрушение окружающей среды. Правительства, таким образом, должны предвидеть и *оправдывать* негативные стороны частных инвестиционных решений, не имея возможности непосредственно влиять на принятие последних.

Впрочем, капитал, всевластно оперирующий в безлегитимном пространстве транслегальности, сам по себе также крайне уязвим в отно-

шении легитимности. При том что расчет на отдельный продукт ведется глобально, но с минимальной рентабельностью, протесты потребителей, которые в безлегитимном пространстве, как искры в лесу, жарким летом вызывающие пожар на обширной территории, могут обрушить конструкции глобального рынка. Протесты антиглобалистов — как глас вопиющего в пустыне — отменяются на уровне менеджмента в концернах как реакции «глобофобных» и нерепрезентативных, нелегитимных *pressure groups*⁴, которые в конечном счете препятствуют экономическому росту, идущему на пользу бедным во всем мире.

Пусть политическая и экономическая власть подобных протестных групп незначительна в традиционном смысле, но они весьма успешны в том, чтобы подавать себя как воплощение «мировой совести» и активно протестовать против ощущаемой во всем мире и осуждаемой сверхвласти концернов. В остальном эти транснациональные протестные движения, уже действующие детерриториально, настолько же сильны, насколько непрочной в отношении легитимности является концентрация всемирно-экономической власти. Точно так же и мировые концерны — вопреки или даже благодаря максимизации своей экономической власти могут выстоять в *конфликтной ситуации* лишь тогда, когда другие легитимно им содействуют и, в крайнем случае, защищают их властную позицию на рынке средствами государственного насилия. В общественной конфликтной ситуации зависимость изменяется на противоположную: легитимное бессилие концернов так же бросается в глаза, как необходимость государственной политики, располагающей монополией на легитимность. Опасность всемирно-экономической власти является, таким образом, транснациональным конфликтным случаем. Потенциальные и актуальные конфликты лишают мировых экономических акторов их власти и дают власть правительствам. Понять это чрезвычайно важно, поскольку транснациональный конфликтный потенциал политики становится важным источником ее самообновления.

Так, старый вопрос о «власти мульты» предстает в новом свете. Может быть, стратегии автаркии мировых концернов функционируют в соответствии со старой Марксовой логикой, утверждающей, что своими успехами они подрывают основы собственной легитимности? Как должны вести себя мировые концерны в мире, где тысячи людей в Сиэтле, Давосе и Вашингтоне выходят на улицы, выражая страх перед глобализацией, где социальные и политические последствия экспансии концернов во всем мире вызывают все большее со-

⁴ групп давления (*англ.*).

противление общественности, к которому присоединяются политические группы, крупные и мелкие?

Противодействие со стороны НПО и различных социальных и потребительских движений сильнее, чем когда-либо. То потерпел крах чересчур благосклонный к предпринимателям Международный инвестиционный договор (NAI) ОЭСР; то вынуждены были временно отступить мощные ген-технологические концерны в Европе, и даже в США, на родине бездумной апологетики прогресса, ген-технологические концерны перешли к обороне. Здесь, кроме того, множатся влиятельные голоса, которые, помимо преимуществ, склоняют на все лады и неконтролируемые опасности био-, информационных и робототехнических технологий. Даже ВТО кажется парализованной со времен беспорядков в Сиэтле.

Все это свидетельства легитимационного распада, от которых глобализационные элиты — подобно лидерам ГДР — стараются просто отмахнуться. Но, подобно лидерам ГДР, они могут внезапно оказаться перед обломками своих мнимо автаркических властных конструкций, которые при отсутствии одобрения оказываются все более шаткими.

Государственной политике, которая печется о своем возрождении в транснациональном пространстве и перед лицом мировой экономики, следовало бы упразднить железную коалицию национального государства и экономики, сделаться конфликтоустойчивой, даже приветствующей конфликты и *в коалиции с НПО и движениями потребителей превратиться в адвокатов по-новому дефинируемого «всеобщего блага»*, которому систематически наносят ущерб сиюминутные интересы капитала. Политика выигрывает, пока выносит на обсуждение легитимность мировой экономики и допускает вопрос о лишении ее легитимности. Кризисы легитимности свидетельствуют о не-автаркии и легитимационной уязвимости мировой экономики, а тем самым — о необходимости политики. Если удастся развернуть ситуацию на 180 градусов и перестать подвергать политику во всем мире обвинениям с неолиберальных позиций, а напротив — вскрывать местные и усиливающиеся с ростом власти дефициты легитимности, то возрожденная политика сможет покончить с гегемонией неолиберального дискурса и заменить его дискурсом политического самообновления.

В отношении мировой экономики это означает требование вменяемости, ответственности, прозрачности. В отношении общественности и избирателей это означает превращение риторических оборотов и словесных заверений, принципов справедливости и права (права человека, нормы труда, достойного человека, защита окружающей среды), благодаря ООН уже ставших международно признан-

ными, в инициативы исполнительной и законодательной власти, причем на национальном и международном уровнях. Это, однако, возможно только в том случае, если партии и правительства совершат поворот на 180 градусов согласно девизу: *отказ от утопии означает отказ от власти*. Сознательная неутопичность есть не только болезнь человеческого духа, но и карт-бланш на отречение политики от самое себя. Лишь тот, кто может воодушевлять людей, завоевывает их одобрение и власть. Новое открытие большой политики есть в конечном счете прямая дорога, уводящая из затянувшегося несовершеннолетия – и безвластия – национально-государственной политики во Втором модерне.

И наоборот: для политики, которая обновляет, а не преодолевает национальное, драматически открывается разрыв между политическими целями и потребностями в налогообложении, с одной стороны, и растущим бессилием в действиях – с другой; в то время как экономики, включенные в глобальные сети, могут действовать в одновременных и непрерывных временных горизонтах, национально ограниченная политика попадает в ловушку локальной игры с отрицательной суммой. Суть ее в том, что национальные государства должны компенсировать свои «уступки» (например, дальнейшее дерегулирование национального рынка) за социальный и политический счет. Поэтому политика, чья программа ограничивается девизом «экономить, экономить, экономить!», одновременно рискует потерять одобрение избирателей и себя собой.

Политика дерегулирования *и* политика сохранения власти в длительной перспективе исключают друг друга. Кто согласится с собственной отставкой? Стратегия неолиберализации политики подготавливает распад власти самой политики. Неолиберальные элиты глобализации, по-видимому, еще не осознали, что мир стал демократическим. Вот почему и обостряется властно-политическая конфронтация между капиталом и политикой. Бывший испанский премьер-министр Фелипе Гонсалес сформулировал это так: «Мы [социал-демократы] хотя и правим везде в Европейском союзе, но не находимся у власти».

С другой стороны, накапливаются вызовы в отношении политического действия и политической фантазии, сравнимые (если это вообще можно сравнивать) с вызовами в начале индустриализации 150-летней давности. Если тогда речь шла о том, чтобы «выстроить» национальные государства, парламенты, правительства, конституции

и создать соответствующие системы профессиональной подготовки, транспортные структуры и т. п., то сегодня на повестке дня – реформы еще более грандиозных масштабов. Ведь необходимо заново растолковать и приспособить для транснациональной эпохи демократические достижения национального государства. Поэтому разработанные для национального государства ключевые институты парламентской демократии, как и социальное государство, должны быть приспособлены к транснациональной ситуации. Одновременно нужно решать вопрос, как просчитывать и тем самым делать приемлемой новую неуверенность в получении работы, не говоря уже о далеко не решенных вопросах все большего разрушения окружающей среды в глобальных масштабах и пока не поддающихся расчету рисках, связанных с новыми технологиями, которые все чаще вторгаются в нашу жизнь.

Все эти вопросы скроены по одной глобальной мерке, так что дилемму национальной политики в начале XXI века можно сформулировать следующим образом: с одной стороны, уменьшаются организационные возможности в преддверии национального самопаралича и концентрации всемирно-экономической власти; с другой стороны, громоздятся политические вызовы, и конца им не предвидится.

На эту дилемму нацелена государственная стратегия содержательного обновления: политики и правительства не вправе ждать того, что другие – воля граждан, общественность, мировая экономика, СМИ, НПО и т. п. – окажутся в большинстве и предложат острые вопросы на обсуждение за столом переговоров. Они могут и должны сделать эти большие темы центром содержательного самообновления политики и обновления власти политики. Однако это удастся только поверх границ национальных государств, т. е. в той мере, в какой то быстрее, то медленнее снимается национальная ограниченность, разрушается гегемония неолиберального дискурса и завоевывается общественное мнение по поводу проектов космополитического обновления политики⁵.

2. СТРАТЕГИИ НЕЗАМЕНИМОСТИ

Стратегии необходимости и незаменимости связаны с отношением «государство – экономика», а не «государство – государство» или «экономика – экономика». Если стратегии необходимости обновляют монополию политики в отношении к мировой экономике (и потому, в отличие от стратегии автаркии, направлены строго в противоположную

⁵ См. в этой связи также раздел о стратегиях реполитизации политики.

сторону), то стратегии незаменяемости противодействуют, во-первых, технологическим и организационным стратегиям монополизации концернов (это *транснациональные стратегии компетенции*); во-вторых, они направлены против монополизации рациональности мировой экономики и нацелены, таким образом, на ограничение государственных задач или их вывод из общественного пространства в приватное пространство мировых экономических акторов (это *стратегии демонополизации всемирно-экономической рациональности*).

Транснациональные стратегии компетенции

Чтобы привлечь иностранный капитал, необходимо создать правовые и организационные рамочные условия, менее затратные не только в сравнении с другими государствами. Эти требуемые предпосылки должны сделать государства способными — благодаря соответствующим ноу-хау и организационно-правовым компетенциям — на равных противостоять концернам в выторговывании условий и, например, выполнять и контролировать заключенные договоры, противодействуя концернам, отстаивающим собственные интересы с помощью опытных экспертов. Если государства не располагают ни специалистами, ни законами, ни институтами, а в общении с международными концернами не пользуются услугами налоговых экспертов, их переговорная сила уменьшается, а ведь государства и так всегда конфликтуют с властью объединенных и прошедших огонь и воду, опытных в транснациональных делах корпоративных юристов и технологов.

С учетом этого государственные стратегии незаменяемости нацелены на создание законных рамок в стране пребывания. Ведь, например, действительно повысить согласованные на переговорах налоги можно только при наличии соответствующих контрольных институтов, хорошо подготовленных экспертов-юристов и административных и управленческих кадров, знакомых к тому же с транснациональной силовой метаигрой, а не привыкших к примитивным шахматным двухходовкам. Такая позиция отдельных государств по отношению к мировым концернам может быть усилена, если каждое государство сделает ставку на кооперацию, т. е. если удастся создать в странах пребывания сравнимые производственные условия и «картели хозяев» по интересам, во-первых, для обмена соответствующим опытом, а во-вторых, чтобы таким путем ограничить возможность сраживания этих стран друг с другом.

И наоборот: переговорная сила концернов повышается тогда, когда

а) технологическая сложность запланированного инвестиционного режима больше или увеличивается быстрее, чем совершенствуются транснациональные кадры управления и растет деловая компетенция, а также обучаемость персонала в стране пребывания и/или

б) размер планируемого предприятия в целом превышает имеющиеся в одном государстве деловые и правовые возможности управления и контроля.

Оба условия частично и в зависимости от специфики проекта заданы, конечно, и в государствах центра, но прежде всего – в странах так называемого третьего мира.

Стратегии демонополизации экономической рациональности

Глобальное триумфальное шествие рыночной рациональности совпало с развалом Советского Союза. Из всемирной истории не только выпал какой-то военный блок, возник не только многополярный мир, но *мировая монополия на экономическую эффективность и рациональность*. Поскольку коммунистическая государственная и плановая экономика (особенно ее идеи) обанкротилась, нарушилось также распределение труда и рациональности, которое лежало в основе западной идеи социального государства и государства «всеобщего благоденствия». Государство и здесь обладало квазиэкономической монополией на рациональность, которая распространялась на верховные экономические активности – управляемые и контролируемые государством армию, милицию, юстицию, а также на сферы услуг и производства.

Без сомнения, государственные (экономические) активности *заменяемы* в той мере, в какой экономике (а значит, в средне- и долгосрочной перспективе всемирной экономике) удастся применять монополию на рациональность ко *всем* экономически релевантным активностям и, таким образом, все больше реорганизовывать государственные и общественные интересы согласно принципам максимизации прибыли.

Этот процесс полным ходом идет во всем мире. Вот вопросы, наиболее важные для будущей борьбы политики и экономики за власть. Где границы у приватизации государственных задач? Допустимо полностью или преобладающим образом приватизировать школы и университеты? Почему да? Почему нет? Справедливо ли это в отношении судов и парламентов? Почему да? Почему нет? Допустимо ли приватизировать только международное торговое право, но не национальное? Как обстоит дело с милицией и армией?

В условиях гегемонии неолиберального дискурса вполне мыслим такой ход развития, при котором государственная монополия и экономическая релевантность будут шаг за шагом ликвидироваться и делегироваться частно-экономической рациональности. Возможно, государственная организация необходима, например, только применительно к офицерам и высшим государственным служащим, тогда как низшие звания в армии и в администрации с гораздо большей эффективностью могут быть передоверены менеджменту рациональности и производственно-экономической рациональности. Вот здесь-то и вступают в действие государственные стратегии ре-регулирования и стратегии деприватизации. Цель их — взломать сформировавшуюся всемирно-экономическую монополию на эффективный менеджмент и отвоевать перенесенное на частную (мировую) экономику поле государственных задач, ибо прогрессирующая приватизация порождает проблемы (иногда катастрофические), анализ которых поможет найти исходные пункты и материал для соответствующих государственных стратегий незаменимости.

В Великобритании, где волна либерализации поднялась гораздо раньше, чем где-либо, и потому порожденные ею проблемы выявляются особенно четко, легкомысленные речи о «более высокой степени рациональности» приватизированных предприятий могут быть встречены разве что горькой усмешкой. Тот, кто вынужден регулярно пользоваться услугами железнодорожной компании «Бритиш рейлуэй», должен продираться сквозь не проходимую для иностранцев чащу расписаний: отдельные железнодорожные дистанции обслуживают различные частные компании, и проблема их координации до сих пор не решена. Но этого мало: пассажирам приходится мириться также с хроническими опозданиями поездов, а отмены стали явлением вполне обыденным. Ремонтным работам не видно конца, причем считается, что на них всегда можно сослаться, как на плохую погоду. В Великобритании, где, как всем известно, дожди — «редкое явление», «непредвиденные» ливни могут парализовать железнодорожное сообщение в целых регионах. Но хуже всего выглядит сводка аварий. Даже настоящие катастрофы уже не исключение. Расследования подтверждают наличие вопиющих пороков в системах безопасности. С этим не в последнюю очередь связан тот факт, что премьер-министр Тони Блэр, который все еще размахивает флагом приватизации, теряет голоса на выборах. Для пассажиров восхваление преимуществ рациональности частной экономики выглядит как насмешка. Но именно с приватизации немецких железных дорог началась «британизация» Германии.

Причины этого носят явно системный характер. Экономическая рациональность, например, противоречит соображениям безопасности, и эта коллизия характерна не только для экстремальных ситуаций (скажем, для вопросов технической безопасности атомных электростанций или для стандартов, согласно которым проектируются железнодорожные системы и их техника безопасности), но и для серых зон, где специалистов с долгосрочными контрактами заменяют на работников, контракты с которыми заключены на неполный рабочий день и легко расторгаются. Критически настроенные наблюдатели интересуются, в какой степени возможна приватная, ориентированная на прибыль эксплуатация, например, железнодорожной сети при обязательном условии постороннего (читай: финансируемого государством) обустройства и обслуживания, ведь подобные инвестиции противоречат частноэкономическим расчетам на прибыль.

Подобное предположение имеет вполне эмпирическое подтверждение. Так, во многих областях приватизация социальных услуг повышает затраты и неэффективность. Система профилактической медицины в США, например, в два раза дороже, чем в Европе, и имеет хронически низкое качество. Не упомянуты другие недостатки: приватизация заменяет общественное управление, которое все же является объектом демократического контроля, непредсказуемой и непрозрачной системой частной бюрократии.

Вообще говоря, приватизация обладает решающим недостатком: общественное расточительство и бесхозяйственность она не заменяет приватно-экономической эффективностью, как внушает нам легенда, а заменяет общественную монополию — частной. Последняя благоприятствует бесхозяйственности и росту затрат. И это относится не только к странам третьего мира, но и к центрам Запада.

Для политических стратегий деприватизации и дерегулирования важно в этой связи использовать оружие соперников: если неолибералы вопрошали о «противоречиях государства», то новым политикам следует спрашивать о «противоречиях приватизации». Разве растущее количество аварий и тяжелых катастроф на железных дорогах не свидетельствует о пороке системы безопасности в данной отрасли, который можно связать, в частности, и с экономией на специалистах и негласными послаблениями в соблюдении норм безопасности? Разве нет связи между эффективностью и вмняемостью, экономичностью и ответственностью, качеством услуг и демократией? Не нужно ли нам ввести новое понятие «экономическая рациональность» или «экономическая эффективность», которое включало бы стандарты прозрачности,

социальной справедливости и общественной вменяемости? И наконец, не прилагаются ли во имя и под прикрытием приватизации гигантские усилия для создания монополий, которые приведут к бесхозяйственности под вывеской частной экономики?

Аналогичные исходные пункты существуют и для транснациональной *политики ре-регулирования*. За прошедшие годы были либерализованы отрасли промышленности с интенсивным регулированием; главный пример здесь – телекоммуникация, а также энергетика, пищевая промышленность и финансы. Возникшая в результате этого мировая конкуренция привела к конфликту между национальными нормирующими инстанциями. Проблема стала глобальной, когда началось свободное передвижение товара. Однако все это лишь цветочки. Уже сегодня вырисовываются дальнейшие источники конфликта – глобальное нормирование экологии, рынка рабочей силы и т. п., т. е. договоренности в переговорных полях, где регулирование еще важнее и сложнее, поскольку оно крайне восприимчиво к политической погоде.

Здесь также выявляется обратная сторона неолиберальной политики, которая может стать объектом политического обновления. Первая волна национальных дерегулирований порождает волну транснациональных ре-регулирований. Но тем самым дается более высокая оценка тому, что в 1980-е годы оценивалось довольно низко. Требуется абсолютная противоположность неолиберальной деконструкции – сильные кооперативные государства, способные осуществить транснациональные рыночные регулирования во внутренней сфере и вне ее.

3. СТРАТЕГИИ ОТКАЗА ОТ МОНОПОЛИЙ МИРОВОГО РЫНКА

Государства улучшают свое властное положение в той мере, в какой им удастся обострять конкуренцию между мировыми экономическими акторами, а также снижать конкуренцию между государствами. На достижение первой цели направлены *стратегии отказа от монополий мирового рынка*, на достижение второй – *стратегии снижения межгосударственной конкуренции*.

Таким образом, вид и масштаб конкуренции между мульти- и транснациональными фирмами за инвестиционные шансы в конкретной стране определяют в существенной мере также переговорную силу государств-оферентов. Если какие-то концерны обладают монополией в отношении специфического предложения со стороны определенного государства, то это приводит к недостаточной конкуренции между инвесторами, что коренным образом ослабляет позицию данного

государства. Верно и обратное: чем больше концерны конкурируют из-за государства с привлекательными предложениями, чем больше различия этих концернов и солиднее их «национальное происхождение», тем больше власть того или иного государства пребывания.

Если иметь в виду расширение национально-транснациональной свободы действий, можно было бы сказать: пусть процветают мультинациональные концерны! В соответствии с этим можно разрабатывать государственные стратегии повышения конкуренции между мировыми экономическими акторами в двух направлениях — *вовнутрь* и *вовне*. Стратегии, направленные *вовнутрь*, подчеркивают привлекательность данной страны для инвесторов, выделяют ее особенность и стремятся обеспечить игру с положительной суммой, которая позволяет поприжать внутренних национальных критиков и сгладить противоречия с помощью расширенных возможностей и участия различных групп в доле. Так, конкуренция между концернами могла бы расти там, где государства-оференты предлагают крайне необходимые ресурсы (нефть), дешевый труд или хорошо подготовленных и редких (причем сильно востребованных) специалистов, да к тому же посреднические институты (экспорт), позволяющие инвесторам обслуживать как внутренние, так и внешние рынки.

Если подобные структурные преимущества и услуги предоставляются недостаточно или вообще отсутствуют, то конкуренция между инвесторами снижается и растет вероятность того, что власть данного государства в отношении монополии перетечет к какому-нибудь иностранному инвестору.

В то время как административный потенциал отдельных государств весьма ограничен и по сути сводится к тому, что правительства копируют неолиберальный идеал государства, подавая его как образ своей реформаторской политики, властные отношения сдвигаются в пользу государств тогда, когда в поле зрения попадают *внешние, транснациональные* административные потенциалы. Именно для стран и государств так называемого третьего мира крайне важен скачок от монополистической зависимости к возможности выбора между доброжелательными иностранными инвесторами, поскольку только возможность и способность выбирать позволяет этим государствам высвободиться из традиционных, часто постколониально-империалистических зависимостей от господствующей западной державы и, таким образом, с помощью диверсификации и плюрализации торговых отношений утвердить свою относительную самостоятельность *внутри* и *вовне*.

В 1950-1960-е годы конкуренция между иностранными инвесторами была очень слабой (если вообще существовала), так что власть стран

третьего мира по отношению к государственным и всемирно-экономическим властным блокам Запада снизилась до нуля. То, что с точки зрения постколониальных и борющихся за независимость и шансы на развитие стран и государств является неотъемлемым свойством империализма, с которым они ведут борьбу, всегда несет отпечаток стратегии мирового рынка. Можно сказать, что для этой *империалистической констелляции* характерны следующие признаки:

- а) максимальная межгосударственная конкуренция, поскольку доступность альтернативных источников сырья и наличие дешевой рабочей силы сводили к минимуму переговорную силу отдельных государств;
- б) доминирование американских концернов на мировом рынке, вследствие чего национальное и военное доминирование связывалось с монополиями мирового рынка.

Оба признака окончательно закрепили почти безысходное, зависимое положение соответствующих стран.

Теперь мы имеем прорыв в обоих направлениях. В международной нефтедобывающей промышленности странам, располагающим запасами нефти, удалось организовать и развернуть конкуренцию между мультинациональными концернами, чтобы соответственно повысить свою долю в производстве нефти. Дело в том, что в этот же период в Латинской Америке стали действовать «японские» концерны как альтернативы «американским, штатовским» фирмам, подобно тому как «американские» и «германские» концерны все чаще проникают в Африку, становясь альтернативой «французским» фирмам.

Однако здесь остаются старые и возникают новые империалистические констелляции. Так, в особо привлекательных секторах мануфактурного производства, новых технологий (информационных и коммуникативных, биотехнологий и генетики, робототехники и создания искусственного интеллекта), а также инициативы в сфере услуг характерно образование новых монополий и привилегированных государств. Эти новые свертехнологии, изменяющие мир во всех отношениях, требуют колоссальных инвестиций и потому осуществимы только с помощью богатых государств, которые к тому же финансируют развитие этих технологий не в последнюю очередь через военно-технологические инвестиции. Тем не менее дискуссия в Германии о *green cards*⁶ для индийских специалистов по информационным технологиям и специалистов по высоким технологиям показывает,

⁶ зеленых картах (*англ.*), т. е. документах, дающих право на жительство и работу в данной стране.

что за это время новые компьютерные технологии прорвались в так называемые экономики третьего мира, причем настолько успешно, что так называемые высокоразвитые страны могут оказаться в зависимости от них.

Центральным моментом для властного положения государств и стран, которые борются за доступ к мировому рынку и к вытекающим отсюда «шансам на взлет», является то, в какой мере им удастся фактически активизировать свою *потенциальную* власть и использовать ее в игре против акторов мирового рынка [Tazi 2000, 162f.]. Эту активизацию властного потенциала государств можно, помимо прочего, оценить по тому, насколько охотно те или иные правительства вступают в конфликты и способны отстаивать в них свои интересы.

Деятельность иностранных инвесторов становится источником всевозможных внутривластных споров. Она вызывает конфликты, которые можно либо притушить, либо сделать ключевым инструментом для переговоров с инвесторами и странами, осуществляющими их поддержку и защиту. В той мере, в какой удастся преодолеть империалистическую констелляцию, т. е. снизить конкуренцию между государствами, расширить предложение по управленческим кадрам (Management-Kompetenzen) в контактах с транснациональными концернами и т. п., страны пребывания получают дополнительную возможность внести в переговоры конфликтную динамику своей собственной страны и извлечь из этого выгоду. Так, с мобилизацией населения — студентов, рабочих, локальных, национальных предприятий и заводов, наконец, управляющего персонала в государственных властях — для улучшения условий *внутри* национальных рынков, а также шансов на улучшение образования, прав граждан, транспортной системы и т. п., растет уровень национальных конфликтов вокруг иностранных инвестиций и их условий.

Ключевой вопрос, особенно для слабых государств, заключается в том, в какой мере их правительствам удастся на фоне улучшений, достигнутых через переговоры и многочисленные диверсифицированные международные торговые отношения, указанием на актуальные или потенциальные конфликты в обществе повысить цену их разрешения и так, пусть медленно и постепенно, выходить из роли подгоняемых и проигравших, получать свою долю выигрыша от глобализации.

Здесь в очередной раз становится ясно: конфликты не ухудшают, но *улучшают* позицию государств по отношению к мировой экономике. Противоположное толкование, распространяемое через *political*

*correctness*⁷ неолиберализма, проистекает в конечном счете именно из его властного расчета, нацеленного на то, чтобы ослабить позицию государств, причем именно тех, которые борются за самостоятельное развитие, по отношению к доминирующим акторам мирового рынка.

Сюда относится вердикт минимизации государственного авторитета, который так же входит в число символов веры и идеологических постулатов *экономистического* развития власти. Именно развивающиеся страны и регионы вынуждены рассчитывать на *сильные* государства, которые в свою очередь способны нарастить относительную силу, противостоящую превосходящей силе западных стратегий монополии. Поэтому дискурс критики государства в регионах со слабыми государствами приводит к завуалированному требованию безоговорочной капитуляции перед организованными монополиями мирового рынка.

И наоборот: свои якобы чисто экономическую власть концерны вполне могут использовать для целей внутренней демократизации. Почему бы, к примеру, в союзе транснациональных концернов не создавать стандарты для политико-моральных рамочных условий и не закреплять их в качестве обязательных, чтобы таким путем с помощью «мягкого насилия» экономики оказывать давление для утверждения прав человека и социальной справедливости?

Вопрос возникает уже потому, что и мультинациональные концерны целенаправленно развивают кооперативные стратегии, чтобы свести к минимуму или даже сломить переговорную силу государств. Стремясь прежде всего минимизировать политический риск своих инвестиций, транснациональные концерны образуют и выстраивают *транснациональные альянсы*, которые почти полностью переваливают возможные затраты, связанные с политической нестабильностью, на страны-оференты и, таким образом, изменяют (если не просто диктуют) условия инвестиционного проекта в свою пользу. Подобные мультинациональные экономические кооперативы и альянсы часто мобилизуют в своих интересах также политическое, финансовое и дипломатическое могущество государств, под флагом которых они охотно плавают всегда, когда речь идет о поддержке таких проектов. Так, например, опыт, приобретенный правительствами стран третьего мира в работе с фармацевтической и автомобильной промышленностью, демонстрирует, как подобная сеть альянсов, выстроенная глобальными концернами, может подавлять или даже сокращать власть стран пребывания.

⁷ политическую корректность (англ.).

Мультинациональные концерны оказывают влияние и на транснациональных политических акторов, таких как Всемирный банк, Мировой валютный фонд и др., чтобы не только в отдельном случае, но и структурно — с помощью соответствующего перевода стрелок — улучшить свою позицию в отношении стран-оферентов. Возможности для этого растут, поскольку торговые интересы транснациональных предприятий, носящих неолиберальный характер, отвечают скорее интересам и политике указанных международных организаций, тогда как эта политическая «лояльность», т. е. сходство по интересам с высшими должностными лицами международной экономики, у национальных правительств и не-интернациональных фирм отсутствует.

Поэтому политика и кризисный менеджмент международных институтов должны принять ключевую роль для упрочения властного и рыночного положения слабых государств: с одной стороны, они вполне *могли бы* противодействовать образованию монополий транснациональных концернов и даже пресекать его целенаправленным вмешательством и регулированием; с другой стороны, отказ от такой политики порождает вопрос: служат ли транснациональные организации всемирно-экономического регулирования, такие как Всемирный банк, МВФ, ОЭСР, страны «восьмерки» и т. п., *монополистической протекции* и контролю над мировым рынком посредством господствующих транснациональных олигополий? Иными словами, является ли риторика свободного рынка всего лишь маскарадом фактической поддержки извращенной политики протекционизма, а точнее — политики *монопольного протекционизма* для мировых экономических акторов?

4. СТРАТЕГИИ СНИЖЕНИЯ МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЙ КОНКУРЕНЦИИ

В отношении конкуренции между государствами существует несколько подходов. Эта конкуренция возникает и поддерживается в результате того, что отдельные государства не являются автаркическими и их экономические интересы реализуются не только на национальных рынках. Все они в большей или меньшей степени оказываются на мировом рынке, становясь конкурентами друг для друга.

В этой «большей или меньшей степени» уже содержится существенный момент относительности. Так, например, от величины внутреннего рынка (огромного в таких странах, как США, Китай и Россия) зависит, насколько значительно положение страны на рынке мировом. Можно также поставить вопрос: в какой мере влияния акторов мирового рынка ограничивают вес национальных предприятий ми-

рового рынка внутри «национальных» экономических пространств, вытесняют ли вторые первых или первые вторых? Не проводят ли именно государства с мощной экономикой политику *рыночно-экономической двойной морали*, настаивая на соблюдении принципов свободных рынков для всех остальных стран и одновременно протекционистски защищая собственные внутренние рынки от «иностранный вмешательства»? Это имеет место в крупных экономически развитых странах, которые действуют в соответствии с иерархией неравенства, свойственной протекционистской политике. Они клеймят все протекционистские тенденции в других странах, свой же протекционистский эгоизм считают «самым естественным» на свете.

Отчетливее всего эта глобально институционализируемая шизофрения проявляется вдоль пограничной линии между капиталом и трудом. В то время как капитал и его владельцы пользуются свободой передвижения по всему миру, в интернациональном альянсе национального протекционизма то же самое право для рабочих всего мира национально ограничивается как «самое естественное» на свете дело. Сегодня для капитала и его владельцев открыты все границы, тогда как рабочие, желающие найти применение своему трудовому и образовательному капиталу в других странах, ищущие свое «инвестиционное счастье», как правило, считаются сильно подверженными криминализации «азюлантами», экономическими беженцами. Полиция или военные силы препятствуют именно в этом применении «без границ» их гуманитарного капитала. Подобная шизофрения углубляется за счет того, что в случае, когда в какой-либо стране не хватает рабочих определенной квалификации, там выпускают *green cards* или же делают условием для получения достойного места опыт работы за границей.

Эта фундаментальная *асимметрия между капиталом и трудом* очень показательна. Никто не говорит о «беженцах капитала». Не существует требования сгонять инвесторов в сборный лагерь при аэропортах и допрашивать их по поводу мотивов прибытия. Никто не требует от посольств или министерств иностранных дел, чтобы они разработали критерии принятия решений, из каких стран и в каком количестве могут быть допущены «законные беженцы капитала». Вспыхивали когда-нибудь дискуссии о том, в какой мере мультинациональные концерны интегрируются в национальную и локальную культуру? Такие дискуссии порой возникают. Но поражает та простодушная уверенность в нормальности происходящего, с какой мы живем на нашей планете в мире расколотого сознания. Мы говорим о глобализации, а подразумеваем глобализацию *только* капитала, в то время как глобализация труда есть преступное деяние, а люди вынуждены завоевы-

вать это право (на самом деле — бесправие), отдавая себя в лапы бессовестных контрабандистов, поставщиков живого товара. За последнее время эта возродившаяся торговля людьми превратилась в процветающую отрасль экономики. Когда обнаруживают 58 несчастных людей, задохнувшихся в морозильном контейнере, общественное возмущение не знает границ. Но к ответу в лучшем случае привлекают лишь тех, кто извлекает выгоду из расистского различия миграции и мобильности, но не тех, кто охраняет асимметрию мобильности капитала и немобильности труда.

Становится очевидным, что огульное применение к труду требования об отсутствии границ *действительно покончило бы с образом мира, состоящего из национальных государств*. Именно эта глобальная шизофрения свободной, либеральной рыночной экономики, созданной исключительно в интересах капитала, поддерживает территориальные принципы и фасады национально-государственной политики и общества.

Если в этой форме с помощью мирового рынка инициируется конкуренция между государствами — с произвольным отбором и ограничениями, то не менее важно проводить различие между межгосударственной конкуренцией на мировом рынке и национальным *соперничеством* государств. Последнее связано с понятием национальной угрозы и предполагает обеспечение национальной автономии по отношению к другим государствам. Национальные соперники или враги на самом деле содействовали друг другу, когда угрожали друг другу в военном отношении. В противоположность этому конкурирующие на мировом рынке государства взаимно поддерживают друг друга, когда ограничивают конкуренцию посредством переговоров и кооперации. Именно это осуществляется стратегиями снижения межгосударственной конкуренции. Цель снижения конкуренции для государств можно достичь с помощью стратегий специализации и стратегий гегемонии; причем эти стратегии доступны для государственных акторов в национальных рамках, но в крайне неравных условиях. От этих стратегий надо отличать стратегии транснационализации. Но государства могут применять их только в том случае, если им удастся путем максимизации преимуществ кооперации компенсировать затраты, вызванные упразднением национального суверенитета, который считается священным.

Государственные стратегии специализации

Специализацию как стратегию, ограничивающую межгосударственную конкуренцию на мировом рынке, можно объяснить по аналогии с профессиями. Если под профессиями понимать набор навыков, по-

лученных в ходе обучения, или как рыночный товар «рабочая сила», которые приобретаются в системе профессиональной подготовки и продаются на рынке рабочей силы, то получение определенной профессии означает, что для ее обладателя конкуренция в результате этого сужается или канализируется. Медицинские сестры конкурируют не с налоговыми экспертами, а с медсестрами – и тем ожесточеннее, чем более ограниченным, защищенным номенклатурой профессий является поле, в котором все это происходит.

Этот пример с профессиями, разумеется, лишь с оговорками можно применить к отношениям государств на мировом рынке, но и здесь справедлив тот же принцип – государства могут вырабатывать на мировом рынке особые профили рыночного товара, которые укоренены не только в технико-функциональном, но и в политически-культурном отношениях и которые так и надо рассматривать. Государства с одинаковым или сходным профилем рыночного товара ожесточенно конкурируют друг с другом, тогда как между государствами с разным профилем специализации конкуренция снижается.

Для классификации подобных государственных стратегий специализации можно выделить два вида. Это можно сделать, ограничившись *технико-экономической* точкой зрения. Тогда приходишь – вместе с Мануэлем Кастеллом – к новым образцам национального разделения труда, которые характерны для Новой мировой экономики. При этом проводится различие между *высокоценными производителями* сферы нового информационного или научного труда, *производителями с высокой интенсивностью труда* сферы низкоквалифицированного, одновременно сомнительно и гибко организованного труда, а также группами, обрабатывающими сырьевые материалы и т. п.⁸. Такие профили специализации имеют то преимущество, что охватывают дифференциации обозримого будущего, но обладают тем недостатком, что это делается чисто технократически, т. е. во-первых, без учета стратегически-политического характера глобального разделения труда, а во-вторых, без учета того, что разделение труда между государствами *никогда* не может быть проанализировано в технико-функциональном аспекте, но всегда только в совокупном профиле, причем технические, экономические, функ-

⁸ См. в этой связи статьи Мануэля Кастелла. Вильгельм Райх параллельно различает символических аналитиков, т. е. профессии рефлексивного использования информационных технологий, и новых массовых информационно-технологических работников, которые предлагают и оказывают услуги в сфере неквалифицированного и легкозаменимого труда.

циональные аспекты остаются включенными в культурно-политические традиции и мифы.

Взяв за основу последнюю точку зрения, можно различать четыре государственные стратегии рыночного товара, или стратегии специализации:

- а) социал-демократическая стратегия защищающего государства (консенсуса),
- б) стратегия деградации государств с низкой оплатой труда,
- в) паразитическая стратегия государств налогового рая,
- г) англосаксонская стратегия неолиберальной деполитизации, разгосударствления государства⁹.

Стратегии специализации государств направлены на использование и создание экономически-культурных, а также политических особенностей и сильных сторон – «рыночных товаров» – и тем самым против политики неолиберального копирования, оперирующей в соответствии с *one-way*¹⁰ девизом американизации: «учиться у США – значит учиться побеждать на мировом рынке». Ему противопоставляется следующий аргумент: если все государства станут «пекарями», то мир государств рухнет как минимум по двум причинам: во-первых, все погибнут, объевшись хлебом и пирожными. Иными словами: тут пренебрегают законами специализации, поощряющими различия и разнообразие. Во-вторых, в результате этого возможность обмена, а значит, и конкуренция между государствами, возрастает, т. е. не снижается и не канализируется. Это в свою очередь приводит к тому, что власть государств минимизируется, власть мировой экономики максимизируется. Благодаря примату капитала закрепляется новая конфронтация капитала и политики.

Стратегии специализации, т. е. стратегии, позволяющие стать определенным рыночным товаром на мировом рынке, предполагают, наоборот, не исключение конкуренции, не наращивание ее вплоть до всеобщей взаимозаменяемости, а ее *канализацию*. В рамках одинаковых государственных моделей модерности («рыночный товар») конкуренция растет, тогда как между государствами разных профилей и моделей модерности она сокращается.

Теория мирового рынка без границ противопоставляется, таким образом, теории *частичных мировых рынков*. Последняя исходит из того, что в глобальном капитализме не существует единого пря-

⁹ Эту типологию стратегии государства и тем самым также последующую аргументацию я заимствовал в работе *Palan/Abbot* (1999).

¹⁰ односторонним (англ.).

мого («королевского») пути, а имеется множество путей, т. е. *альтернативных модернов*, в которых требования мирового рынка связываются с культурными логиками, господствующими институциональными структурами и акторами, а также политическими проектами типа «как нам жить дальше?».

Всем расхожим стратегиям рыночного товара государственной специализации, однако, угрожает неолиберальная эрозия. Это вопрос, в какой мере все эти ответы, которые разрабатывались и завоевывали себе признание в фазе Первого (национально-государственного) модерна, могут быть перенесены на Второй (транснациональный) модерн или в какой мере все эти стратегии, отмеченные печатью национального и территориального подхода, должны быть реформированы, а возможно, даже заново изобретены в других формах. Поэтому уже введенное выше различие актуальной (национально определенной) и потенциальной (транснациональной) власти государств является главным и в связи со стратегиями специализации: необходимость для государств настраиваться на конкуренцию на мировом рынке не следует смешивать с безальтернативностью политики, конформной к мировому рынку, исполняющей законы мирового рынка. Ибо при этом исключается стратегическая альтернатива, транснационализация политики, которая открывается на пути детерриториализации государства. Изменения и реформу государства ни в коем случае нельзя смешивать с ликвидацией и гибелью государства.

а) *Социал-демократическая стратегия консенсуса*

В условиях гегемонии неолиберального дискурса социал-демократическая стратегия государства «всеобщего благоденствия» в последние годы была загнана в глухую оборону. При этом в основу кладутся не только ложные масштабы one-way капитализма англосаксонско-неолиберального толка. Гораздо более серьезными последствиями чревато непонимание того, что социал-демократическая стратегия консенсуса (у которой, как подчеркивает Эспинг-Андерсен [*Esping-Andersen* 1991], имеются различные внутриевропейские варианты и пути развития) представляет собой в историческом плане специфический, политический букет ответов, в котором селективное раскрытие навстречу мировому рынку сочетается с определенными стратегиями защиты и ниш, а также с представлениями политической культуры о равенстве и солидарности. Катценштайн [*Katzenstein* 1985], Палан и Абботт [*Palan/Abbott* 1999] подчеркивают, что решающей особенностью, фишкой этих стратегий «защищающего государства» «is a selective integration into world economy – what we refer to as

economic dualism»¹¹ (103). Но экономический дуализм — это семантический эвфемизм, который призван выразить следующее положение дел: социал-демократическая стратегия специализации на мировом рынке покоится на *институционализированной двойной морали свободного рынка*. В ней сравнительно радикальная открытость навстречу мировому рынку (более радикальная по сравнению со многими другими странами) соединяется с протекционистской политикой защиты во многих других секторах. С помощью этого институционализированного противоречия достигается одновременно многое и вовне, и внутри [*Palan/Abbot 1999*].

Вовне социал-демократические государства консенсуса и благоденствия могут профилировать себя как лидеры либерализации мирового рынка и, таким путем, одновременно максимизировать шансы своей экспортной экономики.

Внутри они в состоянии защитить национальные фирмы, рынки и рынки труда посредством создания или поддержания национальных барьеров против вредных влияний конкуренции мирового рынка.

Данная двойная мораль оправдывается прежде всего национальными соображениями стратегической безопасности, а также требованиями сохранения общности и культуры — это «немецкий путь». Здесь становится зримым стратегическое значение коммунитаризма в европейском контексте. Акцент на традиционных общественных ценностях и их культивирование часто исходят из подсознательной мысли о том, что в коммунитаристическом обрамлении можно делать то, что публично исповедовать и отстаивать можно лишь с трудом, — например, добиваться исключения чужих и возврата к старым иерархиям (мужчины и женщины).

Институционализированная двойная мораль социал-демократических «государств благоденствия» позволяла, однако, реализовать ставшую возможной, благодаря росту доходов и социальной безопасности, индивидуализацию в таких государствах. Этот институционализированный индивидуализм вел не только к тому (на что в основном делается упор), что традиционные иерархии и ожидания в семейном быту, в сексуальности, в браке, а также в союзах, в сообществах постоянных избирателей политических партий разбивались и тем самым повсеместно возникал вопрос о том, как снова загнать дух индивидуализма в институционализированные «бутылки коллективов» — партии, профсоюзы, церкви. Более того, тем самым сформировалось созна-

¹¹ «... является селективная интеграция в мировую экономику — то, что мы называем экономическим дуализмом» (англ.).

ние и самосознание, которое преодолевало национальные, а также сословные барьеры и ограничения, связывая профессиональные, локальные идентичности с открытостью миру. Эта готовность рассматривать себя не только как жертв глобализации, но и как ее соавторов важна для будущей специализации и утверждения на мировом рынке.

Социал-демократические общества благоденствия покоятся, однако, на центральных предпосылках, которые теперь ставят под сомнение. Во-первых, они опираются на (относительно) *гомогенный образ самих себя*, который в эпоху культурной и этнической глобализации становится проблематичным. Во-вторых, они заботятся о собственном имидже (относительной) *эгалитарной солидарности*. До сих пор эта политическая культура предохраняла социал-демократический мир государств Европы от новой общественной чумы – преступности, бедности, эксклюзии (исключения), наркотиков и упадка публичной жизни, что в гораздо более драматических масштабах наблюдается в англосаксонских странах.

Культура «государств благоденствия» и политика эгалитарного солидаризма являют собой ответ на катастрофы XX века, а именно на человеконенавистнический фашизм и организованный в государственных масштабах коммунизм с его принудительным коллективизмом. Полани (Polanyi) в своем труде «Великая трансформация» (1945) одним из первых показал, что экономическая открытость может и должна связываться с видением государственной политики, оберегающей человечество от рецидивов фашизма. Применительно к началу XXI века это означает: необходим некий *New deal*, который по-новому сбалансирует власть политики и экономики и вынудит международный капитал принять иные правила культурного и политического ангажемента, а также транснациональные государства, возрожденные в форме кооперативных государств. Если это не удастся, то нам угрожает осуществление в той или иной форме модернизированной, неофашистской регрессии и дегуманизации. Но именно от этого могут защитить возникшие в «среде благоденствия» свободные культуры солидарного индивидуализма.

Одновременно создаются предпосылки для формулировок и толкований вопросов демократической солидарности применительно к транснациональной констелляции и эпохе. Это относится в первую очередь к европейскому пространству. Но уже сегодня вырисовываются барьеры, воздвигаемые *национальным протекционизмом*. Они связаны, с одной стороны, с тем, что национально-государственный консенсус возникал только в условиях четкой дифференциации внутреннего и внешнего. Внутри должна была создаваться и поддер-

живаться гомогенность равных, между которыми была институционализирована солидарность социального государства. Это удавалось, с другой стороны, только посредством сильной и четкой отграниченности по отношению к «чужим». И то и другое предполагает высокую степень однородности населения и его этнического самопонимания, причем языковые, этнические и религиозные различия и противоречия отходили на второй план.

Одновременно успех мирового рынка связан с *национальным замыканием в себе*, которое Хабермас в отношении Германии обозначил как «национализм немецкой марки». Эту стратегию замыкания в себе можно, обобщая, назвать *национализмом благосостояния*. Обе предпосылки национального, социал-демократического государства — культурная однородность и национализм благосостояния — становятся в глобальную эпоху существенными культурно-общественно-политическими барьерами. Они мешают этим обществам двойной рыночной морали самокритично воспринимать свою роль как избранных *победителей*, выигравших от глобализации, чьи ниши благоденствия обеспечиваются именно *исключением других*. Они драматизируют в публичном самовосприятии *национально-эгоистичные издержки* транснационализации.

Образу упадка, который бродит по Европе вместе с призраком неолиберализма, до сих пор не противопоставлена напрашивающаяся альтернатива транснационального обновления демократии, социальной справедливости и безопасности, а также экологического мышления и действий *за пределами* национально-государственной исключительности.

Транснационализация предполагает космополитическую открытость общества. Возможно, что открытие навстречу мировому рынку может также идти различными путями. В социал-демократически смягченном варианте неолиберализации экономики и труда — как это начали делать в Великобритании — можно противопоставить обновление культуры и общества в том виде, в каком оно вводилось политикой бывшего французского премьер-министра Лионеля Жоспена. «Новая тяга к революции» — такой заголовок появился в еженедельнике «Ди Цайт». «Правящие круги Франции избегают болезненных структурных реформ; они охотнее переберются в социальной политике»¹². Французское общество открывается для вызовов глобальной эпохи как бы изнутри, обращаясь к своей традиции *liberté, égalité, fraternité*.

¹² См. соответствующую статью Жаклин Энар (Jacqueline Hénard) в Die Zeit Nr. 26, 21. Juni 2000, S. 10.

В центре при этом стоят два реформаторских проекта, которые поначалу были направлены не столько на рынок труда, сколько на то, что закрепляется в традиционном понимании нации, а именно «естественные» неравенства и ограничения, которые противоречат равенству и свободе граждан. Обновление общественно-политического революционного импульса используется для открытия экспериментального пространства *life politics*¹³ (Гидденс). Почти что единодушно левые и правые «после ожесточенных дебатов приняли два закона с похвальными намерениями и непредсказуемыми последствиями — “*pacс*” и “*parité*”. Один из них вводит в обиход новую форму законодательно урегулированной совместной жизни, причем не только для гомосексуалистов. Цель другого — увеличение доли женщин, участвующих в политической жизни, от весьма низкого уровня до их естественной доли в обществе, т. е. до половины. *Pacte civil de solidarité*¹⁴ (сокращенно *pacс*) вступил в силу в декабре 1999 г. Он создает правовой статус для жизненных союзов двух взрослых людей, которые не женаты или не “уПАКСованы” с кем-нибудь другим. После подписания контракта партнеры могут претендовать на денежную компенсацию квартплаты и другие социальные выплаты, которые обычно предоставляются только семейным парам. Спустя три года зарегистрированной совместной жизни они имеют право подавать общую налоговую декларацию. Если один из них умирает, то оставшийся должен платить небольшой налог на наследство — чуть больший, чем один из супругов, живших в обычном браке.

Второй закон — с высоким символическим содержанием и неясными последствиями — создает новую схему регулирования уже не частной, а общественной жизни. Закон о *parité* (равноправии) обязывает французские партии начиная с 6 июня 2000 г. выставлять равное количество женщин и мужчин. При прямых выборах, например, в Национальное собрание вступает в силу механизм денежного штрафа, если по всей стране половина выдвинутых кандидатов не женщины. Голосование по этому закону преподало еще один урок *political correctness*: лишь представительница правых, депутат Кристин Бутен¹⁵, которая в одиночестве уже выступила против всех своих коллег-мужчин при голосовании по закону “*pacс*”, и на сей раз голосовала против» (там же).

¹³ политики жизни (*англ.*).

¹⁴ Гражданский пакт солидарности (*франц.*).

¹⁵ От Союза за французскую демократию (UDF — Union pour la démocratie française).

Примечательно не только то, что в ходе политического продавливания подобных, в сущности своей крайне спорных общественно-политических реформ с помощью стратегии *political correctness* их явно многочисленные противники были просто раздавлены. Примечательно и то, что ценности свободы и солидарности, т. е. исконно традиционные ценности (французского) модерна, были избавлены от эссенциалистских ограничений – в данном случае это отождествление «естественной» сексуальности и брачного союза с гетеросексуальностью и официально зарегистрированным браком. Во втором случае на поверхность политически вырвалось противоречие между опирающимся на успехи женского движения равноправием женщин в сфере образования и профессиональной деятельности, с одной стороны, и их продолжающимся исключением из политики и публичной сферы (практикующимся почти во всех государствах континентальной Европы) – с другой.

Бросается в глаза то, как в этой стратегии политизации играют на противоречиях *ретрадиционализации* и *освобождения от традиций*. В заостренной форме: ретрадиционализация и апелляция к национальным традициям свободы и равенства используются для того, чтобы сбросить закостенелые общественные структуры, исторически ограничивающие эту традицию освобождения. Данная стратегия «*традиции – контртрадиции*» является примечательной стратегией политизации, поскольку она, во-первых, применяется поначалу в национальном контексте, но одновременно детрадиционализирует этот контекст и тем самым раскрывает его транснационально.

При этом политика только завершает то, что у населения уже сформировалось как доминирующий собственный образ. Если, например, еще в 1981 г. 49 % опрошенных французов полагали, что однополую любовь никак нельзя оправдать, то в 1999 г. – лишь 23 %. Разумеется, как всегда, возникают сомнения: действительно с помощью *parité* осуществляется равноправие женщин в политике или речь идет все же об опасной квоте в жульническом пакете? Если новое определение гражданина (это слово теперь существует и в женском варианте) допускает расширение, учитывающее этнические меньшинства, то следует ли за введением квот для женщин в избирательных списках введение квот для чернокожих на телевидении? Эти вопросы ясно показывают, в чем могут заключаться шансы подобной политики как будто бы небольших общественно-политических изменений с большими последствиями. Они *реполитизируют* общество, изнутри открывая общественное и политическое пространство для транснациональных новаций.

б) *Стратегии низкой заработной платы*

Страны так называемого третьего мира (и в первую очередь именно они) стремятся обрести свой профиль на мировом рынке, завлечь и привязать иностранный капитал тем, что на ярлыке рыночного товара они сообщают: *низкие затраты, слабый контроль*. Это означает, что они делают менее жесткими или вовсе упраздняют свои законы по защите труда, защите окружающей среды, а также государственному налогообложению. Это может происходить постоянно или (что встречается гораздо чаще) в масштабах, ограниченных временными и/или территориальными рамками. Так создаются свободные от законов экспортные анклав, внутри которых действуют определенные правила освобождения, в том числе такое правило, что для этих зон общее правосудие не действует, но за пределами этих зон, разумеется, остается в силе. Именно в этой противоречивой системе регулирования, освобождения от регулирований проявляется конкретный профиль специализации.

Для сравнения: в ходе реализации стратегии, осуществляемой «государством благоденствия», пациент прописывает себе и глотает *минимальную дозу* горького неолиберального лекарства; с помощью стратегии деградации пациент-государство глотает *сверхдозу*, подвергая себя опасности. Однако важно подчеркнуть, что прием одной или другой дозы не является результатом свободного выбора того или иного пациента-государства. Напротив, он, как правило, диктуется начальными условиями и конкретными путями развития, например положением в центре или на периферии. Не вызывает никакого сомнения, что в этом смысле минимальное дозирование неолиберального лекарства (в государствах «всеобщего благоденствия») предполагает наличие богатства, которое таким путем стараются застраховать или обновить. В противоположность этому стратегия деградации диктуется нуждой и ориентируется на то, чтобы сделать из этого рынок. Не случайно в странах, гарантирующих свободные правовые зоны для иностранного капитала, люди предлагают западным туристам своих женщин в качестве проституток. *И то и другое* порождено диктатом нищеты.

Дешевый труд и недостойные человека условия его предоставления, а также катастрофические (в экологическом отношении) формы производства отнюдь не являются изобретением этих государств. Однако сочетаются ли подобные признаки с государственным профилем специализации — это несколько иной вопрос. Тогда как бы в мировом масштабе и в привязке к отдельным государствам возникает частичный *мировой рынок труда для труда и производства, свободного от законов*,

и дело доходит до своего рода «пролетаризации государства» и «государственной проституции».

О стратегии деградации речь может идти в двояком смысле: во-первых, деградация в межгосударственных отношениях становится профилем специализации, рыночным товаром, с помощью которого эти государства желают открыться на мировом рынке навстречу иностранному капиталу; во-вторых, с помощью этой стратегии можно форсировать конкуренцию между государствами деградации настолько, что они наперегонки будут предлагать себя по все более низким ценам, в результате чего деградация превратится в исключение.

Однако эта специализация деградации сама себя подвергает опасности в силу того, что делает основой своего экономического существования дыру в межгосударственной системе. Иными словами, стратегия деградации не только разжигает конкуренцию между государствами, но и вступает в противоречие с интересами богатых национальных государств, которые видят, что создание свободных правовых пространств для инвестиций капитала ставит под вопрос их экономически-культурное существование, их представления о политических ценностях. Допустим, что и правительства стали бы *global player*; тогда эти конфликты между богатством и нищетой обострились бы в мировом масштабе. Внедрение норм социальной справедливости, труда, достойного человека, и бережного отношения к природным ресурсам зависит в первую очередь от международного консенсуса. Только при его наличии могут применяться эффективные санкции против нарушителей правил. Сегодня невозможно предсказать, возможно ли это вообще в транснациональных рамках и как это осуществить. Во всяком случае, путь в государство «всеобщего благоденствия», где такой консенсус в форме наций уже существовал, не может быть использован на транснациональном уровне.

в) *Стратегии налогового рая*

Некоторые государства пытаются добиться доступа на мировой рынок и закрепить свое место на нем, превращая себя в свободный налоговый рай для иностранных инвесторов. Если сравнить эту стратегию с предыдущей, то бросается в глаза, что тут из пробелов в системе регулирования международных отношений вырастает не только стратегия деградации, спуска, но и стратегия восхождения в области самопрофилирования государств на мировом рынке. Точнее, государства стараются превратить спуск в подъем. Вот почему велико число государств, предлагающих убежище с банковской тайной для победителей, выигравших от глобализации, чтобы самим выиграть от глобализации.

Кстати, в мире существует более 40 государств, обеспечивающих себе таким путем паразитическое существование на мировом рынке.

Вопросы, встающие здесь, аналогичны тем, которые возникали в случае предыдущей стратегии. Что будет с этими государственно организованными налоговыми раями, если мир государств захочет создать (и создаст) для финансовых рынков транснациональную архитектуру? Так, например, «налог Тобина», который должен взиматься за международный финансовый трансфер, предполагает, что доступ и правовые основания для налоговых раев должны быть ликвидированы. И здесь действует правило: «перенос норм благоденствия и справедливости на транснациональный уровень удастся только в том случае, если упразднятся обеспеченные государственной поддержкой зоны максимизации прибыли, освобожденные от соблюдения законов». Но это требует согласия государств-неудачников, а именно государств — налоговых раев, которые едва ли смирятся со своим упадком. Поэтому не остается ничего другого, как попытаться преодолеть подобные структурные препятствия чисто политически, раскрывая таким государствам новые перспективы развития в де-монополизированном порядке мировой экономики.

Стратегии гегемонии

Если не выходить за рамки национального государства, то страны могут снизить конкуренцию между собой не только посредством стратегий специализации, но и с помощью *стратегий гегемонии*. Иными словами, последние могут принуждать к кооперации тем, что эта гегемония, во-первых, существует в национальных рамках, однако, во-вторых, эти стратегии именно их и взрывают, навязывая в приказном порядке другим государствам интернациональную «кооперацию», задуманную по национальному проекту. Если кто-нибудь просмотрит международную дискуссию под этим углом зрения, он наткнется на всякого рода странности. С одной стороны — гегемониальная одержимость, с которой политологи-неореалисты пугают опасностями, угрожающими миру, если рухнет Pax Americana — американская гегемония. Здесь на первом плане — хотя в основном и неявно — мысль о том, что двойная анархия (национальных государств и глобальных капитализмов) жизнеспособна только при наличии гегемониальной структуры. С другой стороны — злобный хор критиков-пессимистов, которые честят глобализацию за то, что она есть продолжение империализма более изощренными методами. Вот почему для нашего анализа необходимо как можно точно понять стратегию гегемонии, снижающую конкуренцию.

Сначала имеет смысл провести различие между стратегиями *глобальной* и *региональной* гегемонии. Они не исключают друг друга, но строятся на разных механизмах власти, отягощенных, понятно, разными противоречиями. Для глобальных гегемоний на данный момент существует только один кандидат — США. За последние годы в научно-политической и политико-экономической литературе произошел значительный поворот. Ориентирующиеся на государство теории уже больше не ведут речь о возможном взлете или крахе великих держав или о том, пребывает ли гегемония США на фоне успешного развития стран Восточной Азии. Напротив, все бóльшую популярность приобретает взгляд, согласно которому США после окончания холодной войны вступили в период обновленной, пусть и завуалированной гегемонии в экономическом и в политическом отношениях.

Доводы, приводимые в пользу этого, таковы. Неолиберализм в качестве идеологического острия американизации уверенно господствует мире в так называемых дебатах по поводу реформ. Место прямой американской гегемонии заняла мультилатеральная американизация, в которой, например, якобы транснациональные институты (такие как Всемирная торговая организация, государства «восьмерки», Всемирный банк и т. п.) в транснациональных масштабах реализуют американскую претензию на господство по собственному сценарию. Наконец, правительство США без зазрения совести пользуются своей ведущей ролью в мире. Оно реализует свои национальные торговые интересы с беззастенчивой прямоотой, откровенно угрожая другим странам и континентам торговой войной. Многие наблюдатели уверены в том, что именно эта гегемонистская властная позиция США обеспечивала им в течение длительного времени невероятно бескризисный, постоянный экономический рост.

Кроме того, мне представляется важным один момент, который в этих дебатах часто остается на заднем плане. *Только США* — а не их возможные соперники Европа или Азия — располагают *монополией на глобальное видение*. Это видение двойной свободы: политическая свобода и рыночная свобода не только не противоречат друг другу, но образуют нерушимое единство. Это американское видение означает следующее: в результате внедрения капитализма и демократии мы не только умиротворяем планету, но и создаем достойное человека общество, в котором равные права, а тем самым справедливость для всех становятся осуществленной утопией. Именно эта *визионерская монополия* укрепляет США в их гегемонистской позиции. Наряду со всеми добавками, из которых соткана гегемония начала XXI века, т. е. креативной и могучей внутренней экономикой, доминированием

на мировом рынке, военным могуществом, объединением союзников и выгодоприобретателей и т. п., гегемонистское положение обеспечивается прежде всего большой политикой с космополитическими притязаниями.

Тем не менее не стоит недооценивать проблемы, порождаемые глобальной стратегией гегемонии: создание и поддержание гегемонии требует соответствующей длительной мобилизации населения не только *собственного* государства, но и стран-союзников — и это в условиях хаотично-анархической мировой экономики, все больше уклоняющейся от притязаний на контроль со стороны национальных государств. Готовность и способность вмешиваться в политические и военные дела других стран не только обходятся крайне дорого, но создают постоянное желание все большего присутствия и участия в переговорах, что превосходит возможности менеджмента любого более или менее компетентного правительства и держит его в состоянии непрерывного стресса.

Так, именно картина перманентной контрольной гегемонии, в ярких красках расписанная ее противниками, зачастую становится кошмаром для тех, кто в глобальный век контингентности и комплексности пытается претворить в реальность это превознесение. В самом деле, тогда немедленно возникает вопрос: до какой степени гегемонистское государство может превращать свое превосходство в прибыль от влияния (*Kompetenzgewinne*) на мировом рынке? Не противоположная ли здесь ситуация, не обернутся ли затраты на гегемонию значительными убытками в конкуренции на мировом рынке? Нельзя ли на этой основе выработать хитрые, даже коварные стратегии, чтобы взваливать на другие государства бремя расходов на гегемонию, а затем вытеснять их из конкурентной борьбы на мировом рынке? Может быть, гегемония является конкурентным *вытеснением* соперничающих государств?

Если гегемонию понимать не на старый лад, не как поддержанную военными силами империалистическую стратегию, то возникает вопрос: как выглядит гегемония на мировом рынке, которая по сути нацелена на снижение конкуренции на мировом рынке? Сама мировая экономика не очень способна на это, а если бы и была способна, то серьезно отнеслась бы к политической автаркии и создала своего рода частнохозяйственное мировое государство. Диктатура пролетариата, согласно поставленной цели, превратилась бы тогда в глобальном масштабе в диктатуру менеджмента, который без остатка поглотил бы государственную власть.

Эта абсурдная идея снова провоцирует вопрос: как выглядит подходящая для мирового рынка стратегия гегемонии или как ее понимать?

А потому надо поинтересоваться, насколько сущность стратегии гегемонии применительно к мировому рынку состоит в своего рода «политике политики», описывающей правила силовой мета-игры? В упрощенном виде можно сказать: гегемония создает *power multiplayer*¹⁶ [Palan/Abbott 1999], а соответствующая этому стратегия направлена на то, чтобы *сводить в единый пучок властные элементы, умножать власть*. То, какие элементы при этом взаимно переплетаются, можно понять на примере региональной гегемонии Германии в Европейском союзе. Германия является прежде всего самой могущественной в экономическом отношении страной с населением более 80 млн человек и высококоразвитой экономикой. Вместе с тем она, благодаря альянсу с Францией и новым возможностям развития по сравнению с миром государств Центральной и Восточной Европы, а также с Россией, играет посредническую роль в области всемирно-экономической интеграции и политического представительства внутри Европейского союза. Если учесть важное положение Германии как европейского союзника США, то налицо умножение властных элементов, которые, весьма вероятно, могут послужить основой гегемонии. Видно, что образ и оценка гегемонии подвержены крайним колебаниям, причем не только в зависимости от положения в этом властном переплетении. Более того, меняющееся восприятие этого феномена заключается в том, видят гегемонию, как прежде, в национальных властных расчетах (политико-научного реализма), или рассматривают ее в космополитической перспективе. Тогда без ложного идеализма можно было бы преобразовать «усилитель власти» — гегемонию — в предпосылку транснационального открытия национальной политики. (Ясно, что такой поворот был бы «разоблачен» из неореалистической перспективы политической теории как всего лишь изощренное отстаивание национальных интересов. Но это уже другой вопрос.)

Стратегии транснационализации

Помимо стратегий специализации на мировом рынке и стратегии гегемонии можно назвать и выделить стратегии кооперации между правительствами и государствами, нацеленные на то, чтобы посредством договоров, определенных режимов или иных обязательных правовых регулятивов ликвидировать национальное соперничество и межгосударственную конкуренцию с акторами мировой экономики. Стратегии транснациональной, т. е. регионально ограниченной, межгосудар-

¹⁶ силовых мультиигроков (англ.).

ственной кооперации являются многослойными, многосторонними и многофункциональными государственными стратегиями, которые отличаются от вышеназванных стратегий тем, что позволяют трансцендировать национальное пространство действий государств и вводить транснациональную силовую игру в отношении всемирно-экономических акторов.

Мобильные и действующие в мире разветвленные хозяйственные предприятия в состоянии сталкивать отдельные государства друг с другом и тем самым ослаблять их. Расширение детерриториального, транслегального господства удастся тем лучше, чем больше в мышлении и действиях людей и правительств господствует *национальная оптика*. Разжигание национального соперничества, эгоизма и конкуренции раскалывает мир государств, препятствует им раскрывать и развивать львиную мощь кооперации государств и тем самым позволяет мировой экономике — по принципу *divide et impera* — натравливать обособленные национальные государства друг на друга. Таким образом, исторически законсервированная констелляция «мировой рынок — национальное государство» препятствует транснациональному обновлению политики и укрощению мировой экономики.

Эту игру в кошки-мышки между мировой экономикой и национальным государством можно, в принципе, предотвратить только тем, что государства поведут себя подобно «безместным» предприятиям и распространят свою деятельность за пределы национальных границ. Это может происходить либо под приматом национального (тогда это называется завоеванием или гегемонией), либо в форме межгосударственной кооперации, но тогда следует систематически и последовательно ликвидировать якобы естественное единство государства и нации.

Союзы между государствами покоятся на взаимном понимании того, что подобные обязательные международные договоры и режимы помогают избегать вредных для всех взаимных переборов и недоборов. Стратегии транснациональной кооперации служат, следовательно, обеим целям: они обостряют конкуренцию между всемирно-экономическими акторами и снижают конкуренцию между государствами.

Но у этой стратегии есть своя цена — завоевание новых пространств действий и высот для правления. Расширение суверенитета нужно оплачивать активной самоденационализацией, ограничением *национальной* автономии.

Таким образом, в условиях экономической глобализации государства попадают в *ловушку денационализации*: если они твердо придерживаются постулата о суверенитете, то обостряется и конкуренция

между государствами за инвестиции и опасность образования монополии на мировом рынке, которая в свою очередь обессиливает государственных акторов. Если же они, напротив, снижают конкуренцию между собой путем вступления в союзы, которыми сами себя связывают, чтобы усилить свою позицию по отношению к мировой экономике, то вынужденно ущемляют свой национальный суверенитет.

В этом парадоксе проявляется важный опыт постнациональной констелляции: то, что было соединено в национальной парадигме — государственная независимость, национальное самоопределение и решение центральных задач политики (благополучие, право, безопасность), разъединяется, чтобы самостоятельно выступить друг против друга, и одновременно объединяется на новый манер. Правительства должны распрощаться с государственной независимостью, так сказать, связать друг другу руки в кооперативных соглашениях, чтобы продвигать вперед решение центральных национальных задач и завоевывать себе не только в международном, но и *внутри*национальном масштабе — вопреки мнению оппозиции и общественности — новые возможности действий.

Стратегии транснационализации вынуждают пересмотреть политику границ. С одной стороны, стратегии кооперации ослабляют территориальную привязанность государственных действий, поскольку границы кооперирующих государств становятся прозрачными. С другой стороны, подобная территориальность не упраздняется, но расширяется. Она доходит до своих пределов в региональном союзе государств. Главными примерами этого являются Европейский союз и страны НАФТА. Более мелкие кооперативные союзы, вроде того, что Китай заключил с Гонконгом, несут неформально черты транснационализации. Названные союзы являются региональными союзами государств, которые с помощью комплексных, юридически обязательных договоров и соответствующих институтов одновременно лишают границ и транснационально ограничивают пространства своих действий. Полученный при этом опыт можно сформулировать так: национальное программирование и ограничение государства становится *препятствием* для транснационального обретения и развития политического начала и государственности в век экономической глобализации.

Мы стоим на повороте системы аргументации. В существующих до сих пор государственных стратегиях письменно зафиксирована исходная ситуация, сложившаяся в начале XXI века — трансформирующаяся и революционирующаяся экономика на переходе от национальной экономики к глобальной, с одной стороны, и территори-

альная политика, увязшая в своем национальном априори — с другой. Со стратегий транснационализации начинается нечто новое. Кооперативные государства действуют и формируются в союзе, в сети межгосударственных соглашений согласно максиме, что утрате власти действий отдельными государствами можно противостоять только заключением союзов государств и их расширением.

Иными словами: *политика начинается с прорыва «национального звукового барьера»*. Воскрешение политики в национальном пространстве возможно только через отречение от национальной ограниченности. Транснациональные государства являются «государствами и того, и другого»: это транснационально возрожденные, очищенные, уже не только национальные, но все же национальные государства. Они находятся на пути к «*космополитической национальности*», в которой национальные традиции в ходе космополитизации разрушаются, расширяются и оживляются.

Пока государства отождествляют с территориальными государствами, а территориальные государства — с национальными, последние же в свою очередь рассматривают как монополистические акторы международной политики, вопрос о транснациональной автономии, транснациональном *расширении суверенитета национальной политики* вообще не возникает. Политическая автономия отождествляется с национальным суверенитетом и применяется только к сфере межгосударственных отношений. Эти «национальные очки» определяют также вид международных кооперативных отношений. Международная кооперация может мыслиться и развиваться только как *межнациональная*, но не как *транснациональная*.

Для такого национального взгляда международная кооперация вполне может способствовать раскрытию определенного умонастроения, стратегического мышления, которое укрепляет национально-государственную позицию по отношению к соперникам (на мировом рынке). Таким образом, мышление и деятельность в национальной парадигме изначально отнюдь не исключает кооперацию. Однако невероятность этой кооперации возрастает в той мере, в какой благодаря ей создаются помехи национальному суверенитету. Чем больше национальные государства связывают сами себя через кооперативные стратегии и институты, тем невероятнее становятся подобные кооперативные стратегии и структуры для национально-государственной ортодоксии. Только *космополитическому* взгляду раскрывается связь, которая является здесь существенной: национальное закабаление политики есть предпосылка ее транснационального и национального обновления.

Ключевым историческим примером этого служит создание *Европейского союза*. Здесь мелкие государства кооперируются с крупными, могущественные с менее могущественными. И было бы естественным применить к созданию Европейского союза теорию империализма. Ведь связанные с географией и населением ограничения могут быть преодолены только посредством национального собирания чужих территорий и народов. Однако это как раз не соответствует второй фазе европейской интеграции, которая началась с создания единого европейского рыночного пространства. Впервые в истории эта стратегия кооперации была использована и пущена в ход внутри лишённого национальных границ и регионально ограниченного транснационального мира государств, чтобы таким путем создать условия, в рамках которых объединенные государства могут коллективно обновлять и развивать свое экономическое и политическое могущество.

Этот пример прежде всего показывает, что снижающее конкуренцию действие стратегии кооперации существенным образом зависит от *размеров* пространства и рынка, образуемых кооперативными государствами. Можно даже сказать, что стратегия кооперации, в принципе, выливается в стратегию размера. Чем больше пространство осваиваемого рынка, чем многочисленней и могущественней скооперированные государства, тем больше могущество мирового рынка, создаваемого блоком государств, формируемой таким путем транснациональной сети суверенитета и кооперации.

Транснациональность является теперь абсолютно многозначной и многоценностной. Ее можно дифференцировать не только пространственно (размеры), но и с точки зрения договоров (межгосударственное соглашение, международный режим, союзы кооперативных государств). Следовательно, подобные государственные формы и государственные договоры, в свою очередь, могут быть задуманы и осуществимы на основе, во-первых, приоритетов мирового рынка; во-вторых, преодоления национальных соперничеств. Последняя точка зрения проясняется, если политическую архитектуру транснациональности сравнить с национальным федерализмом, так как ими предписывается и закрепляется высокодифференцированная и сбалансированная структура власти: в случае федерализма – внутри одного государства, в случае транснациональности – между различными государствами. Поскольку последние отсылают к многообразным подчиненным признакам, то мыслимы промежуточные и смешанные формы, т. е. *транснациональная федеративная архитектура*, – которые то быстро, то медленно посредством федеративных транснационализаций (по образцу Европейского союза) последовательно упраздняют

якобы нерушимое единство нации и государства, не порождая тем самым институционального вакуума государства и власти.

Повсюду, где до сих пор имелась только одна альтернатива — *либо* национальное, государственное самоопределение, *либо* включение (подчинение) в национальные (а значит, имеющее господствующее большинство) государственные аппараты господства, возникают теперь новые опции транснационального федерализма. Они позволяют — без претензий на национальное доминирование — в идеальном случае, так сказать, иметь пирог и есть его, т. е. использовать преимущества транснационального расширения суверенитета, не страдая от неудобств, вызванных включением новоявленной нации в другую и подчинением ей. Прежде всего при хронических враждебных отношениях национальностей и соседей, а также перед угрозой аннексий (как, например, в случае аннексии Тайваня и Гонконга Китаем или Черногории Сербией) копирование транснационального государственного федерализма может указать выход из политики ложной альтернативы, поскольку такое калькирование все же представляет собой новейшую *стратегию умиротворения, применяемую в ситуациях застарелых конфликтов национальностей и имперской зависимости*, ведь смягчение национального оно сочетает с кооперативным расширением политики и суверенитета, а также с раскрытием навстречу мировому рынку.

Далее. Транснационализация одновременно делает возможными *детерриториализацию* и взаимоналожение государственных образований, а также государственных принадлежностей и идентичностей, которые уже не исключают друг друга, как иерархии верховной власти в Средневековье. Представления об эксклюзивной национальности заменяют представления об *инклюзивных национальностях*. Транснациональный Китай, например, мог бы заново объединить богатых и влиятельных китайцев, живущих в китайской диаспоре по всем континентам и национальным культурам, но не по образцу национального, а в новом транснациональном суверенитете. Этому соответствовало бы гибкое, транснациональное государственное гражданство.

Транснациональность не только делает возможным создание экономической и политической мозаики, но предоставляет культурно-политическую жизненную и идентифицирующуюся модель мировых культур и мировой политики, которые, переплетаясь друг с другом, накладывают отпечаток на людей и места их обитания. Транснациональность не только демонстрирует всю абсурдность национально-априорного взгляда на мир, согласно которому за пределами национального

якобы царит абсолютная пустота, вакуум власти, хаос и война «всех против всех», но и обращает этот абсурд в его противоположность.

Обобщая, можно сказать, что благодаря транснационализации и детерриториализации мира государств сохраняется и расширяется некая схематика порядка, для которой, наоборот, справедливо, что конфликты, возникающие из-за пересечений побочных следствий, политических идентичностей и компетенций, в силу самих этих пересечений одновременно обострены и смягчены.

Но что может побудить национальные группы населения и элиты пойти этим путем, т. е. испробовать на деле транснациональные стратегии кооперации и воспользоваться ими? Именно мультифункциональность и мультирациональность межгосударственной кооперации, если ее прояснить и должным образом понять, переворачивает предыдущий вопрос: как получается, что расширение власти политики и государства, которое раскрывается через самосвязывание национальных государств в ходе реализации стратегий кооперации, не используется и не применяется также в политике? Эта *кооперация «усилителя власти»* может развиваться в трех (только мнимо исключаящих друг друга, а фактически – взаимодополняющих) измерениях: а) экономической рациональности, б) стратегической рациональности и политической рациональности.

а) *Экономическая рациональность*

Дать объяснение рациональности межгосударственной кооперации можно прежде всего в рамках неоклассической экономической теории. Она поощряет создание крупных рынков при условии, что они раскрывают для промышленности и сферы услуг новые пространства развития, которые в свою очередь улучшают условия для действий государств-членов, стимулирующие инвестиционную деятельность. Иными словами, одно из самых расхожих объяснений нужды в создании крупных рынков заключается в допущении, что таким путем развивается национальная экономика государств-членов, что немислимо при изоляции отдельных государств. В результате этого оживляется как внутренняя, так и внешняя торговля между секторами и странами внутри и за пределами оперативного экономического пространства. Благодаря расширению совокупного экономического пространства одновременно растут финансирование и интенсификация научно-технических новаций, а также усиливается использование их внутри и вовне как властеобразующего фактора. В 1950 г. Якоп Винер (Jakob Viner) сформулировал постулат, который до сегодняшнего дня считается своего рода догматом в международной теории торговли и в по-

литической экономии, а именно: *величина рынка и его интеграция создает или поощряет как экономический рост, так и диверсифицированность экономики*¹⁷.

Однако эта экономическая рациональность только тогда может быть привлечена в качестве объяснения для соответствующего политического действия, когда — что признается в неоклассической экономической теории и марксистской политэкономии — рациональность политического действия ложным образом отождествляется с экономической рациональностью или же политика трактуется как продолжение экономики иными средствами. Вот почему указание, что стратегия кооперации соответствует экономическому расчету, никогда не может ответить на вопрос, отчего этот расчет становится основой политических решений, политических мотивов и целеполаганий. Это тем более справедливо в том случае, когда именно реализация экономической максимы должна считаться с серьезными протестами и сопротивлением в национальном пространстве — протестами и конфликтами, которые в экономическом мышлении вообще отбрасывают. Если в этом смысле остается загадкой, почему политические деятели, партии и правительства используют в своей политике экономический расчет, то, наоборот, политическая риторика вполне может предложить экономической рациональности автономную политическую стратегию и фасад, чтобы задним числом *рационализировать* адаптированную стратегию расширения транснационального действия.

В основе мнения о примате экономики над политикой лежит упрощенное понимание политики, которая якобы руководствуется мощными экономическими интересами. Как показал, например, Эдгар Гранде [*Grande Edgar* 1995] на примере европейской медийной системы, кооперирующий мир государств имеет дело со множеством других государств и заинтересованных сторон, которые позволяют правительствам сталкиваться лбами могущественных лоббистов: сложный плюрализованный мир многих уровней и целей *предоставляет* государствам *полномочия* в отношении отдельных влиятельных сторон, в том числе экономики. Запутанные процессы принятия решений и сложные формально-неформальные структуры компетенций делают ситуацию непрозрачной для внешних влияний, и уже больше нет единого «решающего кабинета», который нужно в собственных интересах убеждать и завоевывать. Эдгар Гранде говорит о «парадоксальной слабости», под которой он понимает, что государства в европейской многоуровневой

¹⁷ См. в этой связи, а также по поводу дальнейших рассуждений: *Viner* 1950; *Palan/Abbot* 1999; *Frieden/Lake* 2000.

системе, с одной стороны, теряют автономию, а с другой, могут рассчитывать на значительный *прибыток* автономии именно потому, что они усиливаются по отношению к многочисленным адресатам и заинтересованным в принятии нужных политических решений сторонам. Становится очевидно, что целенаправленная само-денационализация политики, т. е. отказ от национальной аксиоматики, ни в коем случае не означает (как часто полагают) конца политики, но может пониматься и осуществляться как стратегия *самоавтономизации* политики.

б) *Стратегическая рациональность*

Неоклассическая рациональность отождествляет региональную кооперацию между государствами и экономический рост. Согласно стратегической рациональности кооперативное объединение государств расширяет и укрепляет их позицию на мировом рынке, делая одновременно возможными две вещи: с одной стороны, снижение конкуренции между государствами, с другой – усиление политической власти по отношению к мировым экономическим акторам. Это расширение власти кооперативных государств позволяет транснациональным государствам не только противостоять мировой экономике в качестве противников, но и ставить ей политические рамочные условия. В отличие от неоклассического расчета, стратегический расчет кооперации, таким образом, строится в первую очередь на политических амбициях и делает ставку на (частичную) автономию политики и государства по отношению к экономике.

Соответственно, суверенитет в такой перспективе реально не упраздняется через межгосударственную кооперацию, но расширяется и по-новому обосновывается. Это становится очевидным, когда транснациональные стратегии кооперации между государствами не рассматриваются как стратегии, которые укрепляют своим государствам-членам тыл на мировом рынке или по отношению к национальным соперникам (как предполагает политологический реализм). Напротив, стратегии кооперации окольным путем и с пересечением транснационального пространства открывают правительствам *внутривнутриполитические* возможности действий. Клаус-Дитер Вольф [Wolf Klaus-Dieter 1999] считает, что государства, которые делают ставку на кооперацию, могут одновременно получать выгоду на многих конфликтных фронтах. «Благодаря объединению ресурсов индивидуальных государств в поисках решения проблем интернационализация правления может серьезно помочь снова эффективно реализовать общественно авторизированное, публичное притязание на регулирование, а как возможность для взаимного самосвязывания она одновременно по-

служит и тому, чтобы утвердить или вновь обрести свободное пространство автономии по отношению к притязаниям гражданского общества на содействие. С помощью инструмента, созданного ими для укрощения власти рынка, правительства освобождаются также из тисков своих общественных заказчиков. В результате межправительственного самосвязывания возникает де-демократизация» (61).

В этом смысле транснациональная кооперация раскрывает – помимо и в дополнение к укреплению рыночного положения индивидуальных государств – возможность для действий в национальном пространстве, позволяя более эффективно заниматься такими неотложными «вопросами будущего», как безработица, снижение экономического роста, преступность, миграция, а также обеспечение военной безопасности. Приводимый здесь парадокс можно, пожалуй, лучше всего проиллюстрировать на примере транснационализации армии.

Не в последнюю очередь из-за экономии средств, но ради большей эффективности и интенсификации *интернационализация производства* оружия становится существенной стратегией рационализации. Внутри Европы транснациональная кооперация, совместное развитие и совместное производство стали центральными мероприятиями для подавления роста стоимости производства вооружения. Если это «кооперативное умиротворение» военного производства еще вполне соответствует коммерческой логике, якобы противоречащей примату национальной безопасности, то в транснациональной военной политике становится очевидным, что и в политическом отношении обеспечение национальной безопасности возможно только в пространстве транснациональной кооперации. Это нельзя продемонстрировать на примере Европейского союза, поскольку он, как известно, не располагает собственной военной силой. Однако НАТО, с одной стороны, распрощалась с постулатом о национальном оборонном суверенитете; с другой стороны, отвечает на вопросы национальной безопасности созданием транснациональных организаций. В ходе этого развития НАТО, подобно мультинациональным концернам, в своих штабах и центрах управления стала *полиэтническим микрокосмосом*, в котором люди разного происхождения и говорящие на разных языках одновременно денационализируют, транснационализируют и тем самым, объединившись, ренационализируют вопросы национальной безопасности.

Это наглядно показывает, что расхожая мыслительная схема, согласно которой транснациональную кооперацию следует понимать как отрицание национального измерения, полностью игнорирует фактор сложности. Транснациональное поле может и должно толковаться значительно тоньше, чем виртуальное поле битвы, на котором

во временном и территориальном плане разыгрываются национальные и локальные сражения. Таким образом, транснационализация позволяет национальным акторам *изнутри и извне* прорвать «хранилище власти» национального государства и национального общества. Транснациональная кооперация упраздняет старые границы и делает возможным установление новых, причем *внутри* локальных и национальных структур власти и *между ними*. Повторим сказанное в иной формулировке: транснационализация должна пониматься как стратегия, нацеленная на революционизацию национального властного пространства *изнутри*. Внешние, транснациональные альянсы могут заключаться для передела национальной власти.

Именно этот подход делает понятным, в чем заключается соблазн для политики и политиков прорвать стену национального априори. Рафинированность этой стратегии состоит не в том, что она позволяет транснациональным кооперациям, вопреки их собственным действиям, присягать, как и прежде, национальному знамени политики. Становится возможно (хотя это и кажется невозможным) с помощью национальных лозунгов объединить *неудачников* глобализации, а с другой стороны, с помощью неолиберальных кредо завоевать новые пространства игры для транснациональной политики. Такая противоречивая стратегия «капитализма Хайдера – Берлускони» имеет свои пределы. Но это не означает, что она на продолжительное время не изменит политический ландшафт, причем не только Европы.

в) *Политическая рациональность*

Мультифункциональность стратегий транснационализации rozpoзнается по тому, что она делает возможным парадоксальное сочетание отречения и расширения государственной автономии. В транснациональных рамках и пространстве политика *познает, изучает, укрепляет интерес политики к политике*. Как в экономическом расчете, так и в стратегической рациональности этот собственный интерес политики, заключающийся в расширении и укреплении пространств и возможностей действий, понимается превратно или недооценивается. «Под интересами государства в отношении себя самого подразумевается интерес найти и сохранить вообще систему организационных средств общественной жизни, свободной от противоречий и стабильной. Содержание государственной деятельности сводится к преследованию этого интереса государства (как все еще имеющегося в распоряжении комплекса организационных форм и средств) в отношении себя самого, своей свободы от противоречий и своей способности обеспечивать стабильное существование» [*Offe Claus* 1975, 13].

В поле зрения Оффе еще находится обеспечение стабильности как трансцендентальный интерес государства и политики к себе самим, но это можно истолковать в рамках динамического подхода как самотрансформацию политики и государства для расширения их игрового пространства. Как это ни парадоксально, именно благодаря мировому обществу возникают многочисленные отправные пункты и предпосылки для нового обоснования масштабной политики. Однако тогда под «политикой» и «государством» подразумевается не экономистически или националистически урезанное понятие политики и государства (как это имеет место в парадигме неоклассической экономической теории, марксистской теории или политологического реализма), в котором политику путают с экономической теорией, а анархию национальных государств принимают за *pes plus ultra*¹⁸ мировой истории. Напротив, политика развивается в сложном и контингентном мировом обществе как интерес политики к самой себе, что необходимо рассматривать вполне амбивалентно. Вопреки преждевременному оптимизму, утверждающему, что вместе с опасностью растет и спасительное начало, нужно зафиксировать следующее: этот вид самоавтономизации политики в джунглях транснациональных институтов вытекает из того, что де-демократизация и ренационализация политики и общества могут содействовать расцвету государства.

Тогда понятие «детерриториализация политики» означает, что национально-государственные локусы политики — парламент и общественность — утрачивают свое центральное положение. Они, так сказать, становятся одной «группой интересов» среди прочих, которые, подобно транснационально действующему капиталу, должны *инструментализироваться* в исчерпании новых политических пространств власти и организации. Как показывает Михаэль Цюрн [*Zürn Michael* 1998, а], межправительственное управление открывает отдельным государствам новые объективные возможности решения проблем. Но эти возможности не предполагают демократического участия в управлении и контроле, хотя именно такой технократический властный импульс перед повсеместно ощущаемой потребностью в реформах и неспособностью к ним демократических государств парадоксальным образом может укреплять их легитимность. Если удастся сохранить демократические фасады, т. е. проштамповать в национальных парламентах обязательства, созданные в транснациональном пространстве, то будут достигнуты две цели: формальное соблюдение де-

¹⁸ высшее проявление (*лат.*).

мократических правил игры и навязывание их избирателям с помощью более привлекательных реформ.

Приверженность к национально-государственной демократической аксиоматике, которая утверждает, что демократия возможна *только* в национальных государствах, со всем, что они приносят с собой, также усиливает эффект де-демократизации транснационально обновленной политики. Заканчивается это лишь там, где территориальное понимание демократии вытесняется детерриториализованным ее пониманием. Согласно последнему гаранты демократии являются не национально-государственные центральные локусы демократии, но целый ряд дополнительных инструментов и институтов демократического контроля (таких как суб- и транснациональные модели согласования).

Если во внутренней сфере транснациональные стратегии кооперации оплачиваются скандальной утратой демократии, то вовне они действуют как государственный *картель богатых* государств, ухудшающий положение стран так называемых третьего и четвертого мира. Так, образование картеля государств может в границах определенных географических пространств, отгороженных от внешнего мира, способствовать исключению «государств-неудачников», которые – какие бы тому ни были причины – не в состоянии вообще развить последовательную стратегию конкуренции на мировом рынке.

Было бы крайне наивным допускать, что транснациональное обновление политического автоматически способствует транснациональной цивилизованности и демократизации или даже приводит к ним. Ибо нелепо верить в то, что силы, политически высвободившиеся в транснациональном пространстве, ориентированы лишь в одном направлении. Многие партии и акторы являются глубоко нелиберальными, антидемократическими или а-демократическими и не в последнюю очередь преследуют политику ре-этнизации государства. Их деятельность может приводить к саморазрушению, например, в результате того, что они ослабляют или подтачивают государственную монополию на насилие, снимают барьеры перед организованной преступностью и стирают все утончающуюся грань между криминальным и социальным насилием. *Демократическое* расширение транснациональной политики является только одним целеполаганием среди многих конкурирующих между собой (см. наст. изд. с. 347 сл.). Оно призвано направить кооперативно растущую производительную силу или организующую власть политического на то, чтобы в транснациональном пространстве с помощью космополитического проекта укротить крайне рискованную глобальную иррациональность экономики.

5. СТРАТЕГИИ РЕПОЛИТИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ

До сих пор мы старались обрисовать, как благодаря глоболизирующей экономике выравниваются социальные и политические системы управления национально-государственного Первого модерна и каким образом государственные стратегии, в первую очередь осуществляющие национальное априори и транснационально его преодолевающие, могут предложить лозунги для этой эмансипации капитала. Отсюда следует сделать вывод: если какая-нибудь теория стремится реалистически изобразить и продемонстрировать понятные возможности развития, ей следует быть политической в двойном смысле: она должна представить властную конфронтацию между глобальным капиталом и национальной политикой как стратегическую игру двух сил; но при этом развивать *содержательные перспективы* для самоактивизации политики, которая избавляется от своих национальных ограничений, раскрывает и организует свое транснациональное пространство действия. Объединяющая идея гласит: *содержательное, космополитическое обновление политики есть существенный властный ресурс*. Или: *отказ от утопии означает отказ от власти*. Лишь тот, кто может воодушевлять, завоевывает одобрение и власть. Новое открытие больших целей, открытие большой политики служит содержательному возрождению и наделению ее властью. И то и другое выливается в стратегию *реполитизации политики*.

Политический проект, который может быть противопоставлен транснациональному капиталу и его стратегии привилегирования государства, сам должен быть транснациональным, т. е.: проектом *другой* глобализации, *другого* модерна, проектом, движущей силой которого является обнимающее весь земной шар видение космополитического разума. Государства вполне располагают стратегиями для изменения направления и характера экономической глобализации. Однако это подходит не для всякого национального государства. Только в форме кооперативных транснациональных государств политика может снова вернуть и развить визионерскую силу как власть глобального порядка.

Решать глобальные проблемы глобально

Определенные цели космополитической политики стали риторическим ориентиром национального и транснационального политического кружка. Так, главы правительств государств «восьмерки», центристские и левые правительства неоднократно в подписанных

в торжественной обстановке декларациях требовали усмирить сегодняшний турбокапитализм и примирить его с принципами политической свободы и социальной справедливости. О социальной справедливости речь уже идет не в привычных национально-государственных рамках, а в транснациональной, а возможно, и в глобальной перспективе, контуры которой, однако, остаются крайне расплывчатыми. Соответственно, до сих пор фактически отсутствуют реальные предложения по претворению риторической политики глобальной справедливости в законодательные инициативы и какую-либо институциональную архитектуру транснациональной политики в международном и в национальном пространствах. В настоящее время всеобщность – читай: пустозвонство – подобных ничего не значащих политических заявлений сочетается с характерной оборонительной позицией при их реализации.

Возьмем, например, Progress Report on Business and Human Rights¹⁹ Организации Объединенных Наций, опубликованный в начале 2000 г. В этом отчете приводятся девять центральных принципов, которые предписывают и фиксируют стандарты труда, права человека и экологические нормы для мировой экономики и по которым уже достигнуто согласие, закрепленное в международных документах и под эгидой ООН. Но у Организации Объединенных Наций нет кнута для принуждения. Все, что может сделать Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан²⁰, сводится к тому, чтобы «призвать» мир экономики добровольно и самостоятельно, за свой счет проводить в жизнь эти нормы и договоры. Некоторые из «морально хороших» (поскольку тертых в экономике) транснациональных концернов – например «Шелл» и «Бритиш Петролеум» – обнародовали свое намерение подписать эти декларации. Но большинство мировых экономических акторов проигнорировали эти документы.

Конечно, уже сейчас в глобальном масштабе наблюдается рост сознательности граждан и потребителей (и соответствующих им социальных движений), которые четко артикулируют свои права и умело пользуются ими для достижения политических целей. Они одновременно настаивают, чтобы элиты, принимающие решения в области политики и экономики, были обязаны отчитываться в том, что они сделали для реализации этих прав граждан и потребителей. Если власть в растущей мере используется в глобальном секторе частного хозяйства, тогда со стороны общественности и со стороны нацио-

¹⁹ Доклад о прогрессе в области бизнеса и прав человека (англ.).

²⁰ В октябре 2006 г. Генеральным секретарем ООН избран Пан Ги Мун. – Прим. перев.

нальной и транснациональной политики будет нарастать давление с целью принудить эти экономические элиты к участию в космополитическом проекте, включающем обеспечение большей цивилизованности и гуманизации финансовых рынков. Если, однако, этого не происходит, то транснационализация правительственной политики может превратить этот недостаток в свой объединяющий проект, открывая политические ориентиры Первого модерна — социальную безопасность и справедливость — для транснациональной эпохи и подробно объясняя диалектические цели глобально-локальной политики для решения конкретных задач. Эта политика использует девиз: *международный капитализм должен принять и выполнять новые правила политического ангажмента, причем как можно скорее.*

Стратегии множественных коалиций

Генеральный секретарь ООН возлагает все большие надежды на множественные коалиции. Заручаясь партнерством с неправительственными организациями, гражданским обществом, предприятиями и университетами, он пытается расширить самостоятельность ООН в мировой политике. В новых формах кооперации Аннан видит, с одной стороны, неисчерпаемый потенциал для решения таких глобальных проблем, как бедность, загрязнение окружающей среды и рост населения; а с другой стороны, надеется прорвать внутреннюю блокаду в ООН. «Этот подход обеспечил новую динамику, новый вид политической креативности, которых мы до сих пор не знали». Для примера он называет соглашение с пятью фармацевтическими предприятиями, предусматривающее продажу препаратов против СПИДа на 90 % дешевле стран периферии, особенно пострадавшим от этого заболевания. Кроме того, он ведет переговоры с мультинациональными предприятиями, чтобы привлечь их к подписанию и осуществлению его *global deals*²¹. Сюда относятся стандарты социальной справедливости и трудовых норм, такие как запрет принудительного труда и самых жутких форм детского труда. Аннан открыто ставит вопрос о политической ответственности частных предприятий в эру глобализации, обращается к ним как к глобальным политическим акторам и стремится, таким образом, привлечь их к сотрудничеству в их собственной властной области. Сюда относится и то, что концерны — причем не только благодаря их глобальной инвестиционной политике — располагают транснациональными возможностями политического влияния, и то,

²¹ глобальных сделок (англ.).

что они также могут выступать в качестве адвокатов глобальной политики по отношению к упрямым, национально-эгоистичным правительствам и государствам.

Так Аннан начинает многонациональную и многомерную политическую игру, в которой государства утратили свою политическую монополию и превратились в весьма важного стратегического партнера или конкурента. Таким образом, возникают множественные коалиции и тем самым — силовое поле, в котором, например, даже союзы между неправительственными организациями и транснациональными концернами в вопросах защиты прав человека и охраны труда могут быть заключены против правительств, закосневших в национальном априори. На вопрос, не подрывает ли он тем самым основы ООН, которая возникла как объединение государств и правительств, Аннан ссылается на Устав ООН, в котором говорится, что он написан от имени всех людей, а правительства просто не в состоянии в одиночку выполнить обещания конституции ООН. Для этого необходимы транснациональные и многомерные коалиции. Это означает, что Устав ООН освобождается от присущей ему национальной односторонности и открывается для космополитического расширения и обновления.

Глобальные стратегии риска

Помимо глобальной экономики и ее непредсказуемых опасностей для мира, объектом глобально-политических пустословий стали глобальные экологические опасности и глобальное развитие технологии. Летом 2000 г. мир торжествовал по поводу расшифровки человеческого наследственного материала. Теперь, восторгался Билл Клинтон, люди получили новую «карту» — без сомнения, самую важную, самую чудесную, которая когда-либо была начертана человечеством, куда более важную, чем карта Америки. Сами ученые и политические меценаты славили триумф первооткрывательского духа, которому теперь также удалось расшифровать буквы, из которых составлен язык наследственного материала, правда, без возможности читать и говорить на этом языке. Это исторический момент в столетней истории человечества, как было провозглашено на глобальной пресс-конференции.

В очередной раз расписывались великие цели, к достижению которых приблизил человечество этот технический скачок, — увеличение продолжительности жизни в среднем до 150 лет, исцеление болезней Альцгеймера, Паркинсона, диабета и рака. Жизнь, говорилось на конференции, должна стать лучше для всех граждан мира, а не только для привилегированных. Вот почему, призывал американский прези-

дент, политика должна обеспечить условия для того, чтобы информация, которая преобразит медицину, использовалась только для этого, а не для создания новых видов оружия или превращения человека в богоравное существо, творящее себя самого. Эти благородные заверения сливались в один рефрен: «осуществить все это возможно, но не национальным государствам в одиночку, а только в рамках великой глобальной политики». Клинтон призвал мир – при всех различиях в политическом устройстве и социальных обычаях – подходить сообща к решению социальных, юридических и этических проблем.

Можно отмахнуться от этого или принять как пример достойной восхищения или смехотворной американской наивности. При трезвом же рассмотрении остаются только два варианта. Либо эта технология будет развиваться в двойном смысле безгранично, т. е. поверх всех границ национальных государств и границ этики. Если действительно удастся реализовать глобальные регулятивы для обхождения с этим угрожающим гуманно-генетическим раем, то в форме глобальной задачи глобальной политики. Только так – а не в триумфальной политике апологетов техники и не в брюзжании сторонников национальной ограниченности – могут быть прочерчены необходимые границы, которые отделят исследование тяжелых заболеваний и разработку лекарств от генетического контролирования качества людей – рожденных и нерожденных. Только в глобальном масштабе можно воспрепятствовать использованию человеческих эмбрионов в качестве исследовательского материала, пусть ради достижения самых высоконравственных целей. И наконец, только так можно запретить во всем мире хирургическое вмешательство в процесс развития человеческого зародыша (нас сейчас уверяют, что это нигде не делается). Но здесь, как было сказано, господствует та же самая логика: предвидимые моральные катастрофы можно предотвратить только с помощью глобальной политики и ее транснациональных полномочий.

Космополитизация национального

Во внутренней, тихой революционизации французского общества сегодня зреет цивилизационная модель, в которой якобы противоречивые вещи – космополитизм и национализм – креативно соединяются, в результате чего французское общество как бы заново изобретает себя в глобальном контексте. Вот пример: интеллектуалы, 30 лет тому назад от Парижа до Ларзака сражавшиеся с государством, армией и потребительским обществом, превратились в стопроцентных кре-

стьян. Они хорошо разбираются не только в моторе, но и в том, как с помощью СМИ науськивать массы людей против глобализма в Сиэтле и Давосе. Судебный процесс против нового национального героя Жозе Бове (José Bové), который в ходе сознательной провокации разгромил символ глобализма — местный филиал закусочной Макдоналдс, стал в городке Милло поводом для настоящего народного праздника, привлекшего более 50 тыс. человек, распевавших до глубокой ночи, танцевавших и поглощавших бутерброды с сыром. Рокфор фигурировал тут не случайно, будучи предметом гордости местных производителей, а также французской культуры питания, сущности и существованию которой угрожает глобальная унификация.

Когда защиту культуры данной страны осуществляют уже не лоббисты, а хитрые транснациональные политические коалиции и народ в горячих массовых выступлениях, то это нравится стране и ее гражданам, к какому бы политическому лагерю они ни принадлежали — от крайне левых до крайне правых, даже если при этом приходится мириться с сознательными нарушениями закона. Таким образом, удастся убить сразу двух зайцев: с одной стороны, национальное смягчается; а с другой — стремительно объединяется в космополитически расширенном, выступая с боевым кличем против глобализирующей унификации, подозрительно легко увлекающим множество людей. Так, «глокальная» Франция может подавать и прославлять себя, как космополитического церемониймейстера глобального сопротивления всезатопляющему экономическому дерегулированию, а сыр становится объектом (и субъектом?) космополитического акта сопротивления, к тому же вся космополитическая пестрота мира постколониально присягает сине-бело-красному флагу.

Не может быть речи о том, чтобы космополитическое и национальное принципиально противоречили друг другу. Более того, они сливаются в креативную политико-химическую взрывчатую смесь идеологических материалов, которые позволяют Франции — этому традиционному оппоненту в политических переговорах — выйти из мирового культурного захолустья, где она сидит с вечно надутыми губами, и явить себя пораженным соседям и наблюдателям во всем мире в качестве космополитически очищенной нации.

Глобальные стратегии New deal

«Разумеется, космополитизм — это благородная идея. Она апеллирует к доброму началу в нас. Но добра ли сама идея? Человечество — ведь это не общество; индивиды, образующие любой агрегат, который

мы называем человечеством, взаимодействуют между собой недостаточно системно, чтобы образовать общество с институтами, аналогичными государству. Конечно, существуют разветвленные международные отношения, расширяющиеся транснациональные отношения и демократические организации; однако космополитических реальностей и организаций не существует. Вот почему справедлив вопрос: должны ли мы превратить человечество в некое общество с полностью сформированными глобальными институтами? Должны ли мы пускаться в путь к мировому обществу?» [Margalit 2000, 80].

Ему можно ответить (призвав на помощь Канта): космополитизм не хочет мыслить мировое общество как увеличенное национальное общество и стремиться к нему. Космополитизм означает (в переносном смысле), что птолемеева система национально-государственного мира вскрывается коперникански; различия между национальным и национальным, периферией и центром, внутренней и внешней политикой, экономикой и государством утрачивают свою ведущую роль и должны быть по-новому объяснены для Второго модерна, особенно в отношении различий «глобальный — локальный», «универсальный — партикулярный» (или их неразличимости).

Соответственно, космополитический проект нуждается в транснациональной архитектуре политического, которая должна выстраиваться на основе глобальной версии New deal. Она включает транснациональные суды с возможностью наложения санкций, новые транснациональные партии, космополитические партии, которые *внутри* национально-государственных обществ и политических сфер, выходя за национально-государственные границы, поднимают транснациональные космополитические темы и представляют в их национальных контекстах. Возможно, тогда имеет смысл говорить об интернациональном обществе или мировой общественности. Такой подход позволит эффективно представлять гражданские права и права человека транснационально, т. е. глобально и внутри отдельных национально-государственных политических сфер.

Эти космополитические институты должны быть политически материализованы на основе гибких *транснациональных гражданских прав*. Этот *заземленный космополитизм*, пускающий корни в конкретном месте и его традициях, не следует путать со старым элитарным, буржуазно-империалистическим космополитизмом, который возвел европейскую норму в мировую. Напротив: он опирается на принцип и ценности *многообразия в радикальном смысле*, т. е. на признание инаковости иных.

Но что означает это применительно к космополитизации государства?

6. СТРАТЕГИИ КОСМОПОЛИТИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВА

Космополитические государства — как мы уже на все лады доказывали — суть такие, которые возникают в результате слияния с глобальным гражданским обществом. Это означает, что место партикулярного универсализма нации (наций), а также национальной гомогенности заменяет вопрос, как становится возможной политика — демократически легитимированное политическое решение — в условиях культурного многообразия. Как становится возможным конструирование и осуществление космополитической контр-власти, организованной по типу государства, вопреки нивелирующей власти неолиберального режима? Как становится возможной в глобальную эпоху космополитическая альтернативная программа правления, которая разрушает двойное господство неолиберализации и неонационализации государств и реалистически полновластно вооружает их для возрождения демократического республиканства в начале XXI века?

Стратегии внутренних и внешних политических переплетений

Космополитическое государство институционально усвоило космополитический подход, т. е. отказалось от подхода национального и, таким образом, освоило пространство действий, которое открывается благодаря устранению границ в экономике и культуре, а также устранению государства из области политики и права. Это означает, что космополитическая способность государства действовать должна быть осмыслена и вскрыта на уровне понятия и политики независимо от прежних представлений о суверенитете и автономии. «В центре анализа стоял бы тогда не “суверенитет” или “автономия” государства, а его административные потенциалы в самом широком смысле (*state capacity*), т. е. способность государства содействовать решению глобальных проблем» [*Grande/Risse* 2000, 253]. Более конкретно: возрожденная в космополитическом государстве дееспособность государства *расширяет* его возможности вмешательства внутри страны и за ее пределами посредством действий и правления в транснациональных сетях, которые включают другие государства, неправительственные организации, наднациональные институты, а также транснациональные концерны. Космополитическое государство, не мучаясь угрызениями совести по поводу суверенитета, использует, таким образом, неоплачиваемый труд других правительств, неправительственных организаций и мировых экономических концернов для решения национальных, т. е. транснациональных, про-

блем, которые в национальном пространстве, однако, обладают значительным приоритетом.

Дееспособность космополитического государства уже не может, следовательно, выводиться из институциональных потенциалов национальных правительств, поскольку это было бы равносильно ошибочному умозаключению от национального. Находящееся в плену методологии национализма учение о правительстве оказывается ложным, поскольку и настолько оно выводит за скобки соучастие в правлении транснациональных акторов в национальном политическом пространстве и не в состоянии концептуально объяснить «национальное» правление как арену, сортировочную станцию, неоплачиваемое сотрудничество и противодействие мультинациональных акторов. При космополитическом подходе дееспособность даже национальных государств раскрывается лишь в рамках мировых сетей, в которые правление, если оно хочет иметь успех в глобальный век, должно активно и креативно интегрироваться. Если свести это к квазиматематической формуле, дееспособность космополитического государства была бы *суммой* дееспособностей национальных правительственных организаций и бюрократий, *плюс* сознательно используемых кооперативных потенциалов транснациональных политических сетей. Последние включают неправительственные организации, наднациональные организации, транснациональные концерны и т. д. Эта сумма, а не одни только национальные ресурсы, образует административные потенциалы, которыми располагают космополитически интегрированные государства для того, чтобы справляться с национальными и международными вызовами [см.: *Katzenstein* 1978; *Grande/Häusler* 1994; *Weis* 1998].

Таким образом, космополитическое государство выстраивает и использует именно «чужие» ресурсы, чтобы вырабатывать заслуживающие доверия ответы на «собственные» и «чужие» вопросы национального, транснационального или глобального характера.

Из этого тезиса вытекает, что подавление государственного административного и управленческого потенциала в современных государствах «всеобщего благоденствия» вследствие «переплетения с политикой» (Шарпф) и публично-приватной системой переговоров *нельзя* путать с *транснационализацией* государственных действий. Если внутреннее переплетение с политикой в доминировании национального взгляда ведет к утрате автономии государства, то это ни в коем случае не должно означать космополитизации государства. Ибо в той мере, в какой космополитическим правительствам удастся заслужить доверие в транснациональных активных сетях, их радиус действий мог бы

расширяться как вовнутрь, так и вовне. Исходя из этого, можно сформулировать *гипотезу асимметрии* между переплетением с политикой во внутренней и внешней сферах: «Тогда как во внутренней области организующая власть государственных действий в кооперативных сетях постепенно *ослабевает*, креативное содействие во *внешних* политических сетях *расширяет* и *оживляет* (в определенных условиях) государственный административный потенциал». И это еще раз показывает, что утрату государственного суверенитета и автономии надо строго отличать от утраты потенциала управления, действия или даже решения проблем. «Вполне можно помыслить, что дни иерархически структурированного национального государства сочтены, и напротив: организация политического господства в сетеобразных комплексах, в которых национальные государства упраздняются, открывает новые возможности действий в глобализированной экономике и культуре» [Grande/Risse 2000, 253; см.: Elkins 1995; Albrow 1998; Beck 1998a; Zürn 1998; Grande 1999].

Поэтому в будущем постнациональном, космополитическом учении о правительстве должно занять большое пространство игры переплетение внутренней и внешней космополитики, в особенности расширение внутренних государственных свободных пространств игры путем их инструментального увязывания с внешними транснациональными темами и контекстами действий. Краснер, имея в виду недавнюю историю национального государства, говорит уже о суверенитете как об «организованном лицемерии». И этот приговор явит свое полное значение лишь с космополитизацией государства.

Можно быть уверенным в том, что благодаря такому активному самообъединению государственной политики в сети в ход пускаются не только игры с положительной суммой, в которых выигрывают все. Думать иначе было бы ложным идеализмом. Возникнут драматические конфликтные линии, отношения исключения и жесткие альтернативы «или — или». Ведь нельзя же, к примеру, вместе с НАТО собирать в Македонии оружие повстанцев и одновременно стремиться принять решение по этому поводу (делать ли это?) в национально-суверенном духе. Решение о введении чрезвычайного положения как классический критерий национально-государственного суверенитета расщепляется в транснациональном пространстве. Невозможно установить, где же принимается решение. Ясно одно: не в парламентах стран-участников и не правительством-одиночкой, а где-то в а-демократическом промежутке. Но если уж «эта НАТО» приняла решение, то оно с необходимостью приводит к принудительному консенсусу, уклониться от которого едва ли могут отдельные парламенты и правительства.

Эта активная сетевая внешняя внутренняя или внутренняя внешняя политика деиерархизирует, размывает государственную политику и обновляет трансгосударственную дееспособность государственных акторов по обе стороны национальных границ. Другим преимуществом этого вида политики является следующий: она плавает в консенсусе, в создании которого сама принимала участие, и может, таким образом, вернуть себе доверие со стороны критиков, постепенно уменьшая или вообще не допуская возникновения малых и больших мировых проблем, которые так мешают людям жить.

Космополитическое государство может *превентивно* срезать и те проблемы, которые только-только возникают из-за национально-государственной ортодоксии границ, гомогенности и суверенитета, — проблемы бегства от налогов, миграции, военной безопасности, технических рисков и экологических опасностей. Каждый должен иметь собственную армию и совершать собственные ошибки. Создание и поддержание национальной гомогенности и суверенитета обходится бесконечно дорого. Космополитизация государства, поскольку она релятивизирует или преодолевает национальную аксиоматику как неисчерпаемый источник проблем и расходов, является наилучшей мерой рационализации в общественном служении всех государств. Тот, кто добивается глобальной справедливости, не должен бояться толчеи у национальных касс по социальной опеке. Тот, кто решительно борется с экологическими проблемами, может экономить на здравоохранении. Тот, кто осуществляет регулирование технических рисков, не должен носиться с дорогостоящими политикой и исследованиями, когда «ребенок уже упал в колодезь», когда последствия рисков уже налицо. Тот, кто побуждает науку заниматься ранним распознаванием последствий ее собственной деятельности, не должен платить компенсацию, когда они свалятся на нашу голову. Почти все ключевые проблемы в этом смысле имеют открытый фланг в глобальное пространство. На них можно дать адекватные ответы только в соглашениях и институтах в условиях глобальной политической гласности и рефлексивности.

Национальная политика пребывает в ловушке делегитимации, поскольку, с одной стороны, в соответствии со своим национальным характером способствует производству и воспроизводству подобных мировых проблем, а с другой — из-за этого характера мало чем может содействовать их эффективному решению. Именно из этой ловушки государство может вырваться благодаря своей космополитической самотрансформации: космополитизация может помочь уменьшать число или избегать мировых проблем, которые возникают из-за национальной изоляции и из-за нее же не имеют решения.

Сюда присоединяются конкретные вопросы, связанные с образованием транснациональных политических сообществ. Когда последствия принятия национальных решений являются транснациональными или глобальными (как это бывает в атомной энергетике, в случае климатических катастроф и т. п.), тогда долг по отношению к другим не может быть ограничен долгом по отношению к согражданам данной страны. В этих условиях не только прямая обязанность, но и собственный национальный интерес побуждают демократии включать граждан и иностранцев в число со-законодателей расширенного политического сообщества. Так становится или может стать возможным создание (на основе разделенных, выходящих за границы дефиниций рисков) политических сообществ риска, в которых будут институционализированы и космополитические права участия.

Вот пример из области повседневных последствий климатической катастрофы. Чем чаще обрушиваются на человечество вызванные изменением климата катастрофы, которые уже не могут быть отнесены к природным, а считаются продуктами деятельности человека и в назойливых медийных картинках и комментариях причисляются к последствиям цивилизационных решений, «ошибочного поведения», тем сильнее становится давление на различные государства, чтобы они в национальных интересах приняли соглашения в национальном и глобальном масштабах. Каждая катастрофа – тут дождь, там солнце – порождает вопрос: чему учит нас дождь, жара и т. п.? – и становится либо постоянно повторяющимся заклинанием в адрес неудач политики, либо источником транснационального политического обновления.

Стратегии «прибыль – прибыль»

Это относится не только к «природным» и техническим, но и к крупным экономическим рискам. Недавняя история глобальных экономических кризисов делает понятным, почему это происходит: к примеру, в 1982 г. Аргентина, Бразилия, Мексика, а также другие развивающиеся страны не смогли больше платить по своим долгам. Десятилетие спустя бремя долгов развивающихся стран еще раз более чем удвоилось. В 1989 г. лопнул экономический «мыльный пузырь» японской инфляционной экономики. В 1997 г. разразился азиатский кризис, в результате которого обнищали целые группы населения. С 2001 г. аргентинская экономика находится в коллапсе. Перед лицом кризиса американской экономики и стремящегося к нулю экономического роста в Европе «вирус катастроф» может распространиться

на всю Латинскую Америку. Оборонительным валом против финансовых кризисов и катастроф могло бы послужить создание и развитие космополитических государств, пусть даже слова «правительство» и «государство» так раздражают и отталкивают неолиберальных борников «экономики без границ».

Центральным является следующее соображение: национальные правительства должны в любом случае выступать как глобальная пожарная команда и тушить обширные пожары, вспыхивающие из-за финансовых рисков и финансовых разрушений. Однако никто не почитает, во что фиктивному «всеобщему налогоплательщику» обойдется необузданный авантюризм глобального казино-капитализма. Космополитические государства и правительства, напротив, могут действовать *превентивно* и не только сводить к минимуму разрушения общественного и частного капитала, но и пытаться обратить подхлестнутую кризисами негативность в ее противоположность.

Глобальные финансовые рынки и потоки не только подвергают опасности группы стран и культуры, но и возлагают на самих инвесторов бремя колоссальных рисков. Велик страх национальных правительств перед последствиями нерегулируемой глобальной мобильности капитала и концернов, которые – и эта идея является центральной – оперируют по правилам игр с *отрицательной* суммой, где доминируют стратегии «*выигрыш – проигрыш*» или «*проигрыш – проигрыш*». Концерны и наднациональные финансовые организации пытаются столкнуть государства и одновременно перевалить на них риски своих инвестиционных решений. Дееспособность космополитических государств проявилась бы в том, насколько государствам при помощи альтернативных теорий удалось превратить, используя связанный и разделенный суверенитет в форме глобального соглашения эти игры, с отрицательной суммой в игры с *положительной* суммой, т. е. в стратегии «*выигрыш – выигрыш*».

Иными словами, национальный подход вынуждает смириться с играми «проигрыш – проигрыш», характерными для политики *laissez-faire* на мировом рынке, и расхваливать ее, тогда как при космополитическом подходе, напротив, ставится вопрос об альтернативах, идет поиск их, чтобы перевести эти господствующие в мировой политике игры с отрицательной суммой в игры по правилам «выигрыш – выигрыш», т. е. (из)обрести и создать новые космополитические регулятивы и институты, благодаря которым все участники – государства, концерны и природа – оказываются в выигрыше (как это, например, удалось в институционализации экологических стандартов в Европейском союзе).

Глобализация с помощью бритвы генерализирует *роль жертвы*. Универсализация рынка разрушает нормы охраны труда и права на участие в управлении, экологические регулирующие нормы упраздняются или обходятся, природные ресурсы хищнически эксплуатируются и т. д.; даже могущественные концерны могут стать жертвой перестановок, враждебных поглощений и глобальных финансовых рисков. Космополитическое самоуполномочение государств могло бы решить квадратуру круга с помощью стратегии, которая обуздывает саморазрушительные потенциалы капитализма, лишенного своей национальной узды, и тем самым раскрывает для государственной политики источники космополитической легитимности.

Стратегии космополитизации права

Космополитическое государство есть ответ на критику национальной метафизики. Она основана на подчинении правового суверенитета властному суверенитету. Национальный суверенитет (как говорил Мефистофель: «Имеешь силу, так и прав»²²) оправдывает использование насилия. Нация стала источником права, универсалистское притязание было отброшено или, что еще хуже, делегировано национальному сообществу. Космополитическое государство можно, в противоположность этому, определить как некое властное образование, в котором государство реализует *разделенный* правовой суверенитет (по отношению к определенному населению) для защиты прав граждан мира и демократии. Законные права на самоопределение предполагают открытие для других и обеспечение их прав на самоопределение внутри и за пределами национального контекста. Иными словами: государственная самоизоляция требует институционализации трансгосударственного, международного диалога как во внутренней области, так и во внешней.

Уже Боден (Bodin) доказывал в этом смысле необходимость *разделенного* суверенитета. Его концепция предусматривала, что суверенитет государства, связывающий всю командную власть, снова связывается и взвзвывается с помощью как бы космического правопорядка, которому *все* подчинены. Но в его концепции нет места для инстанции, которая в состоянии осуществить это универсальное правовое притязание, идя против монополии суверена на насилие. Это значит, что от метафизики естественного права остался лишь призыв к властителю учитывать универсальные нормы естественного права, невзирая на его, властителя, фактическую властную автономию.

²² Гёте И. В. Фауст. Ч. 2 «Дворец...» / пер. Н. Холодковского. — Прим. перев.

Это представляет космополитический режим в выгодном свете: правовая автономия государства оказывается подчиненной режиму прав человека. Поэтому желаемый космополитический правопорядок ставит под вопрос независимость космополитических государств. «Непосредственное членство в ассоциации граждан мира защищало бы гражданина государства также от произвола собственного правительства. Важнейшим следствием права, пронизывающего суверенитет государств, является, как это уже намечается в деле Пиночета, личная ответственность функционеров за преступления, совершенные в бытность их на государственной и военной службе» [Habermas 2000, 52]. Космополитизация права, таким образом, подразумевает, что государства поддерживают нормы, правовые формы и организации, которые обеспечивают во внутренней и во внешней области демократию, соблюдение прав человека, гражданские свободы, а также культурное многообразие.

На практике разные государства, благодаря этой космополитизации права, оказываются перед лицом различных вызовов. Так, вполне разумно исходить из того, что государствам, построенным скорее авторитарно, легче подписывать конвенции по соблюдению прав человека, поскольку соответствующие последствия этого во внутренней сфере они могут держать в узде с помощью сильного кулака, тогда как государства, уже располагающие развитой системой автономных прав и судов, едва ли способны контролировать последствия. Отсюда можно сформулировать следующий *парадокс перехода* от национального государства к космополитическому: неподлинных, инструментально-символических форм космополитизации права следует скорее всего ожидать там, где государства *менее всего* удовлетворяют космополитической правовой претензии. Так можно понимать основанный лишь на бумаге Африканский союз (см. об этом в настоящем издании с. 300 сл.), тогда как там, где государства уже продвигают внутреннюю космополитизацию своей правовой системы, может нарастать сопротивление подлинной космополитизации права. Отсюда следует, что нельзя под влиянием космополитической, быстро распространяющейся вербальной политики строить иллюзии относительно превратностей космополитической реальной политики.

Государственное содействие многообразию раскрывает креативность

В национальной оптике можно натолкнуться на непреодолимое сопротивление. Так, сомневаются, осуществим ли вообще транснациональный правовой пацифизм в противовес национально-госу-

дарственному суверенитету. Спрашивают, к примеру, насколько всеобъемлющая юрисдикция международных отношений предполагает транснациональные методы разрешения конфликтов; насколько подобного рода юридически обузданных форм подхода к государственным нарушениям прав человека можно достичь без монополии мирового государства на насилие и без всемирного правительства; в какой мере подходящим для этого инструментом является Совет Безопасности ООН; в какой мере он нуждается в дополнительных институтах, таких как обязывающее судопроизводство международного трибунала или своего рода представительное собрание граждан мира.

При развитии институтов на *надгосударственном* уровне всегда предполагается *национально-государственная автономия*, а *возможность космополитизации государства вообще не рассматривается*. Космополитизация государства разгружает в этом смысле наднациональный уровень. Политика и демократия перемещаются на уровень разветвленного, «глокально» интегрированного государства, которое, обеспечивая возможность многообразия, черпает отсюда свою легитимность. Космополитизация означает — как мы доказывали — конституциональное признание инаковости иного. Эту функцию порядка государство может реализовать только в том случае, если не отождествляет себя с тем или иным гомогенным государственным народом. Точно так же, как космополитическое государство конституционно должно быть толерантным по отношению к религиям, обеспечивая им равные условия, оно на своей суверенной территории должно обеспечивать возможность существования разных форм культурного и политического участия для наций и этнических групп. Да, свою идентичность и легитимность государство черпает именно из этого космополитического культивирования этнически-национальных различий, противоположностей, вражды. Речь идет не о государственном создании некоего политически аморфного досугового парка культурных различий и уходе за ним, но о том, чтобы обеспечить возможность культурного многообразия как многообразия политического. Космополитическое государство есть в этом смысле педагогическое государство. Оно создает пространства опыта конституционной толерантности, в которых многообразие одновременно может де-эссенциализироваться, осмыслиться и проживаться как источник креативности. Подобно раннему христианству, оно удаляет эссенциалистский яд из фиксации национального на этничности и пробуждает охоту к многообразию. Таким образом, комбинируя космополитическое искусство, праздники, фестивали, благосостояние, образование, потребление, демократию и т. д., можно было бы внедрить позитивные черты космополитической противо-

поставленности этнического (национального) многообразия и его неустраняемых политических противоречий.

Реально существующая космополитическая цивилизаторская лаборатория – это микрокосмос «мировой град». «Мировой град есть отображение широкого мира в малом, его стены охватывают все классы, все народы, все языки» [Toynbee 1958, 243]. Столицы были и будут местом рождения национализма, мировые города, напротив, есть и могут, могли бы стать местом рождения космополитизма. В них решается, насколько культурное и политическое многообразие может быть сплавлено в локально укорененной и вместе с тем окрыляющей космополитической открытости и гласности.

Региональная космополитизация

Космополитизация в качестве изолированной стратегии отдельных государств не сулит большого успеха; более того, она предполагает, что национальные государства в своем конкретном историческом контексте, подпадая под определение общества разделенного риска, конституируют себя как коллективные государственные акторы в крупной метаигре мировой политики. Самодефиниция государства как космополитического актора возможна, таким образом, только коллективно, в форме региональных союзов государств, что на практике охватывает новые конструкции транснациональных границ и эксклюзий. Исторический образец этого являет собой Европейский союз. Но данный пример также ясно показывает, что подобным объединениям способствуют определенные исторические предпосылки, как например, травмы двух мировых войн и холокоста, «экономическое чудо» после Второй мировой войны, а также распространение демократических идеалов в смысле вменяемости и избираемости власти. Даже в Европе этот транснациональный кооператив государств нового типа все еще порождает сильные сомнения и споры и постоянно нарушается процессами ренационализации (Италия, Австрия). Разве это не свидетельствует о том, что космополитизация, если она вообще возможна как эволюционный шанс, ограничена сферой ОЭСР, миром развитых демократических государств всеобщего благоденствия? Повторю вновь: мир должен исцелиться на основе европейского духа!²³

²³ Перефразируются часто цитируемые слова поэта Э.Гейбеля (1815–1884) из стихотворения «Призвание Германии» (1861): «Und es mag am deutschen Wesen / Einmal noch die Welt genesen» («И с помощью немецкого духа мир, возможно, когда-нибудь исцелится»). – *Прим. перев.*

А как выглядят комплементарные перспективы для государств — нечленов ОЭСР, т. е. для мирового большинства государств и населения? Разве космополитизация государств не предполагает — совсем просто — наличие государства, что, однако, является *западным* допущением, которое для большей части мирового общества как раз и не выполняется? И если все выглядит таким образом, не должны ли перспективы транснационального правления оказаться существенно *пессимистичнее*, поскольку во многих мировых регионах еще не существует даже государственных адресатов, которые представляют собой необходимое условие для создания космополитических союзов транснационального правления? И не означало бы это снова, что все мировые регионы, согласно новым мировым масштабам и новому масштабу ценностей космополитизации, нормативно и политически оказываются вне игры?

То, что так не должно быть, демонстрируется на примере Африки — континента, который западные СМИ считают символом цивилизационного распада. Летом 2002 г. лидеры государств и главы правительств на учредительном конгрессе в Дурбане создали Африканский союз по образцу Европейского союза. Страны — члены этого союза государств заинтересованы в развитии продуктивной силы транснациональной кооперации государств, т. е. более самостоятельно и ответственно преодолевать проявления национального эгоизма, чтобы для пользы всех справиться с ключевыми проблемами континента — войной и голодом. «Африка сегодня сделала гигантский шаг вперед, — этими словами президент ЮАР Табо Мбеки открыл учредительное мероприятие. — Это момент, полный надежд для континента и его народов. Для Африки настало время занять в мире подобающее ей место». Перед торжественной учредительной церемонией страны-члены дали согласие на введение транснационального режима, т. е. на правила, которые должны обеспечить сотрудничество важнейших организаций Союза африканских государств (таковы Собрание глав государств и правительств, Исполнительный совет, Постоянный комитет представителей, Комиссия АС, Совет мира и безопасности АС). Относительно других институтов, таких как Панафриканский парламент, Трибунал или создание Центрально-Африканского банка, переговоры должны продолжиться в следующем году.

Было бы наивным ожидать от этого шага в транснациональную эпоху автоматического преодоления африканских проблем. И все же таким путем могут быть созданы важные предпосылки для этого, поскольку так — на среднюю и долгую перспективу — используются потенциалы решений и потенциалы регулирования стратегий космополи-

тизации. Последние делают возможной трансграничную модернизацию Африки, как это предполагает экономическая программа – Новое партнерство для африканского развития. Впервые будут созданы африканское воинское миротворческое подразделение и совет безопасности, чтобы ликвидировать исконное африканское зло – постоянные конфликты и войны. С этой целью первый догмат национально-государственной эпохи, до сих пор считавшийся неприкосновенным, – принцип невмешательства во внутренние дела других государств, был заменен на противоположный принцип – транснациональной ответственности за поддержание мира.

«Несбыточная мечта» [Chenjerai Hove 2002], как может возразить каждый. «Стоит только вспомнить войну между Эфиопией и Эритреей из-за пустынной пограничной полосы. Множество убитых, масса разрушений – и все ради выяснения, кому принадлежит вон то дерево. В этих условиях эффективно функционирующий Африканский союз в ближайшие сто лет немислим». Каким бы убедительным ни был этот голос отчаяния, он остается привязанным к национальному подходу. То, что коррумпированные африканские властители цинично называют крайностями ненастоящей космополитизации, в транснациональной политической игре ООН, ЕС, страны-доноры и инвесторы могут сделать предпосылкой своей деятельности по содействию и строительству. АС является, таким образом, *транснациональным институциональным оформлением африканской надежды*. В пост- и транснациональных государственных стратегиях речь идет об институциональной архитектуре космополитических *перспектив*, а также о том, что касается как политических действий, так и политической науки. Даже дефицит перспективы космополитических действий никогда не смог бы оправдать ложный методологический национализм для Африки, Азии, Южной Америки и т. д. Отсюда можно вывести два принципа, позволяющих описывать и оценивать космополитизацию государства.

Во-первых, космополитизм – в противоположность универсализму – подразумевает во взаимоотношениях государств и мировых регионов признание инаковости иных. Это прежде всего означает, что история иных и впутывание в нее самой Европы должны быть признаны и реконструированы. Именно на смене космополитической перспективы настаивает и практикует ее Новая критическая теория, особенно также в отношении государств друг к другу. Вот почему европейские государства должны понять и признать, что африканская история и современность являются частью европейской истории и современности, а европейский колониализм и империализм, пора-

ботившие народы Африки, становятся, как холокост, критерием европейских действий по реституции и, по меньшей мере, необходимой экономической помощи.

Во-вторых, признание инаковости иных равнозначно вопросу о том, в какой мере в определенных ситуациях имеются исторические корни и исходные ситуации для космополитизации. Существуют ли расходящиеся и все же созвучные традиции некоего, возможно, локально укорененного космополитизма?

Сакамото Ёсикадзу разрабатывает в этом смысле (в переводе на мою терминологию) *перспективы космополитизации восточно-азиатских государств*. Глобализация выполняет здесь, как считает Ёсикадзу, двойную функцию: «Нужно постичь историческое измерение: хотя реализация рыночной логики поощряет преодоление коррупции, укорененной в традиционных режимах и культурах, рыночная логика одновременно привела к разрыву социальных связей и к фрагментации возникающего гражданского общества. Поэтому необходимо критически реконструировать традиционные культуры в рамках различных социальных контекстов, чтобы на этом пути осознать проблему, как можно выстроить или укрепить публичную сферу, язык кооперации и солидарности граждан» [Yoshikazu Sakamoto 2000, 10]. Страны, которые вступили на путь индустриализации позже, оказываются перед лицом *всех* противоречий развитой модернизации, а это значит, что они должны справляться с радикальной разновременностью:

- а) «домодерных» предпосылок,
- б) руководящих образцов Первого национального промышленного модерна,
- в) бурь и противоречий глобализированного Второго модерна, сцепленных друг с другом и взаимно усиливающих друг друга.

Это можно проиллюстрировать на примере противоречий восточно-азиатских стран. Хотя они добились больших успехов в строительстве и развитии национальных экономик, их интеграция в мировую капиталистическую экономику после Второй мировой войны произошла без какой бы то ни было промежуточной региональной интеграции, сравнимой с той, что была осуществлена в Европейском союзе. В процессе глобализации эти государства почти полностью были объединены при посредничестве Соединенных Штатов – их самого большого экспортного рынка – и через валютную систему, привязавшую их к американскому доллару как ключевой валюте. Эти государства вступили с США в отношение *асимметрического билатерализма*, а не горизонтально-регионального мультилатерализма. По этой причине страны Восточной Азии должны одновременно выполнять разно-

родные задачи: сохранять ограниченную автономию их национальных экономик, но выстраивать новые региональные рамки мультilaterальной кооперации. Они должны, однако, преодолевать последствия экономической глобализации не в последнюю очередь для того, чтобы регулировать глобальные потоки капитала с целью защиты и расширения демократических прав и законных притязаний граждан.

«Вследствие этого считается, что для восточно-азиатских стран существует *общий исторический вызов*. Их задача состоит в том, чтобы определить свое современное положение, тогда как они вынуждены иметь дело сразу с двумя измерениями – “прошлое и современность” и “государство, регион и мир”. Когда страны согласно определяют свое положение так, чтобы противостоять общему историческому вызову, то необходимо и возможно политически сконструировать коллективных акторов, чтобы справляться с этими вызовами. Это определение общей исторической задачи позволяет предположить, что существуют общие тенденции, ведущие к общему решению.

Первая задача касается вопроса, каким образом могут быть созданы акторы региональной кооперации в Восточной Азии. Валютный и финансовый кризис в Азии показал, что этот регион, невзирая на различие ситуаций в разных странах, находится в состоянии экономической взаимозависимости и на практике уже существует нечто вроде экономического сообщества в смысле общей судьбы. Но одновременно начало сверхотчетливо проявляться вопиющее и никем не предполагавшееся отсутствие в современной ситуации отрефлектированных, обладающих превентивным действием политических рамок региональной кооперации. Отсюда вытекает вопрос: как создать актор, способный сформировать в Восточной Азии режим региональной кооперации, при котором станет возможным публичное регулирование необузданной глобализации мирового рынка?» [2000, 110f.].

Ёсикадзу, таким образом, использует все государственные стратегии, раскрытые в данной главе:

- историческую исходную ситуацию, в которой приход и уход мировой экономики, с одной стороны, разрыхляет традиционную закоренелость, а с другой – принуждает к критическому реконструированию и возрождению связывающей традиции;
- экономический опыт общества риска, который делает возможным или вынуждает единое определение ситуации;
- региональные регуляторные ответы, которые должны быть получены именно из анализа этого монетарного и финансового кризиса в Юго-Восточной Азии (учреждение регионального Азиатского валютного фонда, дающего возможность быстро и адекватно

реагировать на кризисы и подавлять валютные спекуляции, систематическое наблюдение и контроль за спекулятивными краткосрочными инвестициями и т. д.).

Сюда относится также то, что Ёсикадзу называет «civic state» и что аналогично моему понятию «космополитическое государство», т. е. обязанность регионального союза государств внедрять режим прав человека во внутренней и внешней области, а также вырастающая отсюда кооперация с неправительственными организациями и транснациональными, наднациональными концернами и организациями [114ff.].

Становится ясно, что стратегии космополитической самотрансформации государств не могут успешно практиковаться отдельными суверенными государствами, но реалистичны только в виде региональных межгосударственных стратегий кооперации. Степень реализуемости этих перспектив азиатской космополитизации (также африканской или южноамериканской) одновременно показывает, насколько могут раскрываться и осуществляться различные исторически-региональные космополитизмы во Втором модерне.

Национальное государство потеряло свою невинность

Национальные государства являются «параноидальными монстрами», — так радикализировал и довел до логического конца критику национального Эдгар Морен (Edgar Morin). «Они набрасываются друг на друга с бешеной яростью. Они не признают никакого высшего закона над своим варварским своеволием. Договоры для них — просто клочок бумаги, который может быть порван при любом изменении соотношения сил. Они не способны любить, и у них отсутствует совесть. А мы, индивиды, так же, как все человечество, целиком зависим от пьяной ярости и жестокостей этих уранических чудовищ. Судьба планеты в их руках. Именно от национальных государств исходит крайняя угроза индивидам (тоталитарное отчуждение) и человечеству в целом (тотальное уничтожение)» (цитирую по: *Кульма. Coulmas 1990: 477f.*).

Негативная сущность модерна, как и его сознание — не просто позиция, не идеология трагического. Именно историческое сознание национального модерна привело к наращиванию морального, политического, экономического и технологического потенциала катастроф, как в настоящей лаборатории, сошедшей со страниц книги со страшными картинками, лаборатории, не знающей пощады и не учитывающей возможности самоуничтожения. Свидетельства тому — массовые могилы жертв мировых войн, холокоста, атомных бомб в Хиросиме и Нагасаки. Список абсолютного зла бесконечен. О конце этого мо-

дерна не стоит лить слезы. Люди, ностальгирующие по национальной ортодоксии, вытесняют память о моральном и политическом обезценивании этой ортодоксии, глобальным символом которого стало транснациональное поминовение холокоста [Levy/Sznaider 2001].

С победой национализма в XVIII и XIX столетиях партикулярная группа была возвышена до универсального, а собственная нация отождествлена с человечеством. Многие партикулярные человечества генерализировали партикулярное до нормы политической солидарности и создали (что было якобы неизбежно в историческом плане) универсализм национального, партикулярный универсализм. То, что начинается сегодня, есть в этом смысле (в зависимости от той или иной точки зрения) космополитическая контрреволюция или преодоление иллюзии национального века, будто основные права делятся по национальному признаку, могут быть предоставлены национально-равным — членам народа — и в них может быть отказано всем прочим.

Космополитизм в каком-то смысле является завершением феминизма. Феминистское движение претендовало на основные права для не-мужской части человечества и завоевало их. Космополитизм хочет сделать это для не-национальной части человечества. Это можно было бы аргументировать так: теоретическое и политическое развитие космополитического государства завершает краткую кровавую вечность национальной контрреволюции, за которой начинается космополитический модерн.

Космополитическая Европа?

Национальная политика настроена на перспективу самосохранения, а возможно, и расширения своего властного пространства. Глобальные видения на этом горизонте, если они вообще мыслятся, могут быть только империалистическими. Эта ограниченность визионерской глобальности, порождающая политику определения своего местоположения в кооперации мирового общества, характерна для единственного до сих пор, оригинального транснационального политического единства Европы. Европа в том виде, в каком она возникла, росла и до сих пор проектируется в пространстве между национальными государствами, есть гибрид рынка и бюрократии, но она не является политическим организмом, обладающим визионерской силой, ни по форме европейского мира государств, ни по своему положению относительно других мировых регионов.

Хотят европейцы интегрировать или латиноамериканизировать Россию?

Хочет Европа оставить в прошлом свои колониальные или квазико-
лониальные традиции в отношениях с Африкой и арабским миром?

Как будет Европа относиться к дерзким проектам модерности в дру-
гих культурах, особенно в азиатском мире?

Распущается ли она с монопольным притязанием на модерность
и раскроется ли она перед вызовами множества модернов, в том числе
перед самокритикой, которой требуют у европейского модерна и его
критиков?

Является ли Европа, таким образом, чем-то большим, нежели кон-
тинент с нечеткими границами, чем-то большим, нежели торгаше-
ский подход, озабоченный только тем, как мелют мельницы эконо-
мического роста?

Какие перспективы сулит Европа массе бедняков во всем мире,
вдвойне обиженных собственным бессилием и отсутствием публич-
ного голоса в глобальной властной игре?

Как относится Европа к транснациональному модернизационному
классу, который чувствует себя как дома в Джакарте и в Москве, в Лон-
доне, Сан-Паулу и Нью-Йорке, к необозримой массе тех, кто воспри-
нимает культурную и экономическую глобализацию прежде всего как
экспроприацию?

Как Европа (возможно, политически и обновляемая) относится
к тому миру государств, чьи политические упования, если они еще
сохранились, нацелены на национальные политические проекты,
на мир государств, которые, однако, теперь разочарованно хватаются
за этнический или религиозный радикализм, поскольку их надежды
развелись из-за коррупции и неизбежного империализма?

Можно бесконечно задавать вопросы и в результате узнать, что
у Европы до сих пор имеется только мелкая торгашеская душонка,
и это — тяжелое последствие того, что Европа не является космопо-
литическим актором. Как ни парадоксально, но именно внутренняя
концентрация на нормативно-политических последствиях создания
Европы как архитектуры союза государств и конституции делает этот
недостаток явным.

Космополитизм как усилитель власти

Мы возвращаемся к вопросу, заданному в начале этой книги. Кто яв-
ляется космополитическим обновителем политического? Никакая не-
видимая рука не трансформирует национальное государство в космо-
политическую констелляцию. Никакая невидимая рука не подвигнет
население и правительство делегировать их автономии «космополи-

тическому суверенитету» (Хельд) и испробовать новый баланс между космополитической и национальной этикой, между уважением к культурно иным и эгоизмом национального.

Мы в самом начале утверждали, что вопрос, раскрывается ли человек навстречу космополитическому подходу и его диалогической этике, — это вопрос не морали или просвещения, но стратегического выигрыша власти. На центральный вопрос книги: возможно ли обновить политическое сообщество таким образом, что пробудятся и пребудут постоянно уважение и любовь к культурной инаковости? — можно ответить однозначным «да». Резюмируем изложенный набросок Новой критической теории в космополитических целях. В чем же потенциал для реализации космополитического режима?²⁴ Вот пять ответов:

1. Тот, кто мыслит только национально, проигрывает. Лишь тот, кто учится смотреть на мир космополитически, может, во-первых, избежать затрат на распад; во-вторых, открыть для себя, испробовать, завоевать новые опции и властные шансы. Именно это нарастающее ощущение силы, возникающее из преодоления национальных барьеров, возможно, пробудит и усилит жажду космополитического.

2. В этом выражается новая интерактивная сила денационализованного и разгосударственного политического: суверенитет познается, делается возможным и развивается уже не через гомогенность и замкнутость, а через многообразие и объединение. Это расширение властного пространства — здесь решающий момент! — обеспечивает умелому космополиту новые игровые ходы и властные ресурсы в *национальных* политических пространствах. Космополитические игроки располагают, таким образом, козырями по отношению к своим исключительно национальным оппонентам. Именно эта многоуровневая игра политического, умелая постановка спектакля двоякого рода, способная проводить различие между просто символической политикой и символической политикой ради осуществления космополитических проектов, дает преимущество опытным космополитическим львам по сравнению с национальными лисами.

3. Мировые проблемы облагораживают. Вызов космополитики нужно было бы именно изобрести, чтобы получить возможность политически перерасти всех оппонентов и открыть, присвоить, разыграть в своих интересах редкий источник демократического одобрения.

²⁴ См. по этому же поводу заключительную главу.

4. Космополитическая смена взгляда раскрывает транснациональное пространство действия и господства. Только так можно найти реалистические ответы на жгучие, волнующие людей в быту мировые проблемы и вселить доверие людей в творческую силу государства и политики.

5. Космополитическое действие происходит в мире прозрачных границ. Нельзя вмешиваться во внутренние дела иных. Это опять-таки зависит от космополитической властной иерархии. Но и тот, кто хотел бы отгородиться от продолжающегося вторжения иных, должен, если желает себе успеха, делать это интерактивно и с космополитическим взглядом на реально возможное. Следовательно, даже побежденные нуждаются в космополитическом взгляде, чтобы шаг за шагом обращать поражение в его противоположность.

Права человека как стратегия

Добавим к этому списку властно-стратегических преимуществ космополитизма еще один центральный аргумент: *права человека суть источник космополитической власти*. В теории метавласти вырисовывается последовательность первостепенной важности. Транснациональность порождает с обеих сторон, т. е. не только со стороны капитала, но и со стороны новой дефиниции государственной власти и политики, *вопиющий дефицит легитимности*. Консенсус становится во всем мире настоятельно востребованным и самым дефицитным ресурсом. Отсюда следует, что государства, которые делают режим уважения прав человека программной и институциональной основой своей политики, раскрывают новые источники легитимации. Даже если программный и институциональный брак государства и гражданского общества (т. е. космополитическое – гражданско-общественное государство) может быть сомнительным или желательным с моральной точки зрения, благодаря этой связи государственные действия оказываются на властном фундаменте. Это не укладывается в головах старых национальных макиавеллистов: *мораль, а не насилие – вот источник власти, причем глобальной власти в глобальную эпоху*. Сегодня считается: *если есть мораль, мораль прав человека, то есть и право на военное насилие, причем в глобальных масштабах*.

Универсалистское притязание права предается в национальной метафизике забвению или (что еще хуже) подчиняется этническим нормам сообщества. В противоположность этому космополитическая констелляция и космополитическое государство высвобождает

(по крайней мере частично) правовой суверенитет, подчиненный суверенитету насилия. Что в этом контексте означает «космополитический»? «В первую очередь космополитизм выступает за такие фундаментальные ценности, которые устанавливают нормы или пределы, причем нарушать их не имеет права ни один деятель, будь то представитель правительства, государства или гражданской ассоциации» [Held 2002, b: 5]. Таким образом, в этом проявляется минимальный принцип космополитического государства, состоящий в том, что суверенитет права расчленяется и снова привязывается к *действующему космополитически Minima Moralia*²⁵ – конституционным моральным принципам, которые при необходимости могут быть подчинены военному, наднациональному контролю. Как бы эта, например, глобальная мораль прав человека ни обосновывалась, властной основой государственных действий она становится двумя путями:

- во-первых, поскольку «проверка соблюдения прав человека» становится ключевым индикатором, а возможно, даже инклюзивным или эксклюзивным критерием для иностранных инвестиций. Только государства и страны, которые институционально и идеологически усвоили режим уважения прав человека, сигнализируют о том, что им можно доверять, а это привлекает крайне непостоянных и чувствительных инвесторов и финансовые потоки;
- во-вторых, чистая в отношении прав человека совесть государств (Запада) делает остальной мир открытым для длительного правления с вмешательством других стран не в свои дела. Режим уважения прав человека дает моральное обоснование властному пространству мировой внутренней политики, не знающей границ. Она допускает (если перевернуть старинную формулу Клаузевица) применение всюду военных методов насилия как продолжение правозащитной морали иными средствами или даже, возможно, принуждает к этому.

Национальное государство это незавершенное государство; государство, которое структурно отрицает свою моральную ответственность за права меньшинств и иностранцев. Гегель говорит о «разумном государстве», подразумевая при этом, что государство должно воплощать и демонстрировать этическую ответственность, посредничая между различными лояльностями, убеждениями, идентичностями, религиозными общинами общества. Но именно это *отрицают* национальные государства.

²⁵ моральному кодексу (лат.). – Прим. перев.

Они представляют собой угрозу внутреннему многообразию, множественным лояльностям flows and fluids, существующих в их границах.

Национальные государства воплощают отрицание многообразия.

Национальные государства выступают за насилие по отношению к меньшинствам и иностранцам.

Национальные государства мирятся с войной как легитимным следствием государственного суверенитета.

Национальные государства воплощают толерантность по отношению к насилию, которым они автономно распоряжаются как во внутренней, так и во внешней сфере.

Национальные государства считают, что они и только они являются эксклюзивным субъектом международного права.

Космополитизм противоречит национальному праву на самоопределение, понимаемому как право отгораживаться от остального мира, и подчеркивает необходимость связывать внутренний суверенитет с ответственностью за других, чужих внутри и вне национальных границ. Речь идет не об отрицании или даже осуждении самоопределения, а напротив — о преодолении его национальной однобокости и сочетании его с космополитическим раскрытием навстречу заботам мира, о новой сбалансированности обязанностей по отношению к согражданам и обязанностей по отношению к другим согражданам мира. Поэтому принцип, согласно которому все «люди представляют собой цель саму по себе» (Кант), неизбежно вступает в противоречие с предательством этого принципа на национальных границах. Почему мы должны выполнять особый моральный долг перед людьми единственно по той причине, что они по воле случая могут доказать ту же самую национальную принадлежность? Почему мы должны быть свободными от всех моральных обязательств по отношению к людям единственно по той причине, что они родились и были воспитаны по другую сторону ограды национального сада?

Космополитическое государство упраздняет не моральный долг по отношению к человечеству, а фундаментальную сомнительность того, что долг внутри определенных границ имеет тотальную природу и освобождение от долга за этими границами также тотально. Космополитические гражданские права *связывают* принадлежность к определенной нации, определенному государству с признанием других наций, других государств. Тот, кто претендует на право коллективного самоопределения для себя и отказывает в этом праве другим, с которыми он совместно живет, обкрадывает себя самого в отношении этого права. Это значит, что там, где различные культуры, принадлежности и лояльности смешиваются, сосуществуют на узком простран-

стве, признание собственного права на культурное самоопределение должно быть связано с признанием права на самоопределение культурно иных. Взаимное право на самоопределение и его диалогическое признание могут, однако, обеспечиваться только государством, которое сохраняет нейтралитет и безразличие по отношению к отдельным правам на самоопределение, а именно — *космополитическим государством*. Вопросы Гретхен, как лакмусовая бумажка для всех лояльностей, звучат так: какой вид инаковости они конструируют и отграничивают? Как они проявляют себя по отношению к этим культурно иным, которых они порождают? (см.: *Connolly* 1993)

Именно подтверждающееся и усиливающееся переплетение и слияние моральной, экономической и военной власти и легитимности открывают космополитическому государству возможность новой дееспособности в транснациональном пространстве и ставят его над национальным государством старого образца. Если в порядке эксперимента сравнить возможности создания космополитического режима и обозначить его границы, то станет заметной множественная игра с положительной суммой, которая становится возможной в этом случае. Мораль, экономика и армия дополняют и усиливают друг друга, приводя к формированию Большой политики границ и совести, причем настолько, что опять становится жутко.

ГЛАВА VI

СТРАТЕГИИ ДВИЖЕНИЙ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Стратегии капитала и стратегии государства, как мы доказывали, суть проявление *транслегаального господства*. Данное расширение типологии Макса Вебера мы определили как форму господства, не являющуюся *ни не-легитимной, ни легитимной* (двойное отрицание, в сумме не дающее однозначного утверждения). Это промежуточная, смешанная форма между нелегитимным и легитимным господством, в которой бросается в глаза *асимметрия легитимности и господства* (в дальнейшем этот признак будет центральным). Это значит, что сильная власть и ущербная легитимность, ущербная власть и высокий уровень легитимности противостоят друг другу.

Иначе говоря, создание и расширение господства в транснациональном пространстве — это относится и к мировой экономике, и к государствам — происходит параллельно снижению (демократической) легитимности. Этот упадок легитимности имеет решающее значение. С одной стороны, выход из национально-государственного здания означает выход из институционализированных форм легитимного господства; это относится прежде всего к акторам мировой экономики, но справедливо и для стратегий государства и правительства. С другой стороны, параллельно растут требования и претензии к легитимации господства. Фактически можно сказать: подобно тому как трансформация Первого модерна во Второй совершается в тени старых категорий и лишенных центра институтов, при данной трансформации модерна возникают легитимно-пустые пространства властных образований, в которых эффективность экономических и политических действий достигается благодаря форме не-легитимированной (т. е. не-легитимной) концентрации власти. *Делегитимация господства* есть поэтому результирующая, центральная линия развития при переходе от Первого модерна ко Второму:

- она соотносится с транслегаальным господством мировой экономики;

– она включает, с одной стороны, приватизацию государственных задач и переход государственных функций к мировой экономике; с другой стороны, транснационализация государств приводит к межгосударственным стратегиям и формам кооперации, а также к международным режимам (*governance without government*¹).

Таков контекст, в котором стратегии работы с общественностью, применяемые адвокатскими движениями, получают хорошие возможности и силу. Денационализация, детерриториализация и транснационализация экономики и государства порождают и углубляют упадок легитимности, а также дилемму демократии в глобальную эпоху. С одной стороны, демократическая легитимация привязана к национальному государству в его парламентарном устройстве, с другой – новая мировая политическая властная метаигра побуждает к пересмотру дефиниции господства и политики в транснациональном пространстве, причем как в области экономики, так и в области политики. В той мере, в какой центральные акторы возникающего мирового общества покидают национальное пространство демократической легитимности, господство де-демократизируется, а потому коллективно обязательные решения в транснациональном пространстве принимаются и исполняются без одобрения суверена. В противоположность этому самоопределение и участие мыслящих и деятельных людей приобретает в мире все большую ценность. *Демонстрация* демократии и *претензия* на демократию растут и противоречат друг другу все более открыто, усиливают и ускоряют упадок легитимности господства.

Мобилизация и формирование мировой общественности не удастся «одиначкам» ни отдельных государств, ни мировой экономики. Стратегии работы с мировой общественностью образуют поливалентную (но в своих властных ресурсах одновременно ограниченную) монополию сетей акторов экологических, женских, правозащитных, потребительских движений.

На чем базируется контрвласть адвокатов глобального гражданского общества в отношении к капиталу, самого себя уполномочивающему и легитимирующему? НПО – какими бы многообразными, нескординированными и противоречивыми сами по себе они ни были – располагают глобальной гражданской силой, поскольку могут побить концерны их собственным оружием. У бесстрастной логики абстрактных рынков много акторов. И это не только собственники, т. е. акционеры, не только менеджеры, банки или наднациональные фи-

¹ правлению без правительства (*англ.*).

нансовые организации. Нельзя упускать из виду и *глобального клиента*, который захватывает все большую власть. Подобно капиталу, он располагает *глобальной властью «нет»*, не-покупания. Подобно капиталу, политический потребитель может использовать политику «нет» как *рассчитанные побочные последствия* экономических действий, т. е. бесконтрольно и с незначительными собственными издержками. Короче говоря, забастовка потребителей является средством контрвласти без средств контрвласти.

Сторона капитала повсеместно отдана на произвол политизированному глобальному клиенту. В каком-то смысле политический потребитель мстит государству. Точно так же как транснациональный капитал ломает власть территориализированных государств политикой «нет», политический потребитель ломает власть транснационального капитала тем, что он покупает не тот, а другой продукт.

Острота оружия не-покупания, однако, притупляется в связи с трудностью организовать не-покупание не-членами (ибо это и есть потребители) на продолжительное время. Это предполагает наличие информационных систем, работу с общественностью, символическую медийную политику, наличие объективной информации и т. д. Кроме того, сопротивление потребителей, намеренный провал на выборах новых князей менеджмента и их мировой политики капитала с помощью не-покупания, выполняющего роль своеобразных бюллетеней для голосования, рушится в тот момент, когда медийная общественность переходит к следующей теме.

Но как раз то, что делает это оружие таким ненадежным, сообщает ему действительную силу, охватывающую все национальные границы и континенты. Не-члены, будучи однажды организованными и информированными о сетях, могут наносить удары *повсюду* в мире и таким образом сводить на нет транснациональную власть концернов.

Неправительственные организации, возможно, способны оспаривать новые платья, новые источники легитимности у новых королей концернов: ведь экономика порождает глобальные побочные последствия, которые подвергают опасности основы жизни человечества и основы легитимности «автономных» решений капитала.

В этом смысле адвокатские движения глобального гражданского общества суть защитники, творцы и судьи глобальных ценностей и норм. Они создают и обостряют восприятие одновременно повседневных, локальных и глобальных ценностей, раздувая общественные страхи, подогревая возмущение мировой общественности по поводу скандальных нарушений норм, причем на конкретных примерах — будь то экологические скандалы (когда они наезжают на концерны, застигнутые

in flagranti²), трагические, потрясающие мировую совесть биографии людей, подвергшихся пыткам. Они атакуют преступников, средствами правдивой информации запуская (в идеальном случае) перед глазами мировой общественности судебное разбирательство, на котором они являются одновременно обвинителями, мировой общественностью (читай: потребителями) и судьями. А затем они могут и должны непосредственно приводить в исполнение свой приговор с безграничной легкостью не-покупания. Но эти контрдвижения и движения сопротивления сталкиваются (помимо названных) еще с двумя проблемами. Во-первых, не существует четко обозначенного врага, против которого можно организовать конфликт. Во-вторых, нет ясного языка конфликта, налицо как бы вавилонское смешение конфликтных языков — экологического, правозащитного, феминистского, религиозного, националистского, профсоюзного, ксенофобского. Иными словами: *не существует космополитического языка конфликтов.*

Является этот внутренний плюрализм адвокатской контрвласти стратегическим недостатком или преимуществом? Верно скорее всего последнее, поскольку таким путем затрудняется внешняя, централистская инструментализация.

Эта «власть общественности» адвокатских движений является *специфической*, поскольку она публично мобилизует и создает ресурсы легитимации, т. е. *порождает производство, распределение и стратегическое использование информации.* Но особые властные рамки и ресурсы адвокатских движений заключаются не в использовании информации как таковой, а в *подготовке мировой общественности* для восприятия информации. Иными словами, целенаправленное стратегическое сочетание информации и легитимации как стратегия работы с мировой общественностью определяет позицию адвокатских движений во властном треугольнике со стратегиями капитала и государства. Власть легитимационного ресурса «информация» измеряется не самой информацией, но *упадком легитимности транслегального господства* прежде всего *мировой экономики и государств.* Таким образом, стратегия работы с общественностью, применяемая адвокатскими движениями, с помощью информационных булавочных уколов драматизирует и выводит на сцену скандальное противоречие между максимизацией и делегитимацией транслегального господства.

Эти признаки «власти» транснациональных движений, располагающей только информацией и легитимностью, могут казаться исчезающе малыми по сравнению с экономическими, политиче-

² с поличным (лат.).

скими и военными властными средствами других глобальных акторов. И в самом деле: адвокатские движения не используют трансгальное господство; они инструментализируют «только» их противоречия. Так, адвокатские движения не могут практиковать политику свершившихся фактов, принимать коллективные обязательные решения ни в национальном, ни в глобальном пространстве. Они не располагают ни экономической, ни политической властью. Считается даже, что их собственная легитимность всегда под сомнением. Как таковые, они не избираются, не назначаются, но занимают пост самоназначенных адвокатов, которые постоянно должны заботиться о легитимности своих информационных действий с помощью самих этих действий и укреплять ее на общественном перекрестном допросе.

Именно это напряжение между самоавторизацией, делегитимацией государственных и мировых экономических акторов, а также самолегитимацией собственной адвокатской практики определяет внутреннюю противоречивость и обусловленные ею границы адвокатских стратегий общественности. Отсюда становится ясно, что власть акторов мировой общественности и стратегий работы с мировой общественностью возникает не из них самих (или, во всяком случае, только частично), но в существенной мере из легитимационного вакуума, в условиях которого к началу Второго модерна принимаются глобальные, «коллективно» обязательные решения. В этом смысле мы хотим запросить адвокатские движения относительно их властного базиса и различить *капитал легитимности* и три типа стратегий — *драматургии риска, демократизации, космополитизации*, направленных на создание транснациональной или даже глобальной общественности.

1. КАПИТАЛ ЛЕГИТИМНОСТИ И ЕГО НЕКОНВЕРТИРУЕМОСТЬ

Важным источником власти адвокатских стратегий общественности является прежде всего то, что они организуются в форме транснациональных сетей акторов, т. е. становятся участниками и даже своего рода виртуозами новой транснациональной властной игры. С одной стороны, они в состоянии сталкивать своих противников в мировой политической силовой метаигре, т. е. государства и концерны, сколачивая тематические коалиции и создавая провокативные конфронтации; с другой — располагают ресурсом власти, который, с точки зрения классической международной политики, таковым не является: они не располагают ни государственной, ни рыночной властью, но только властью *легитимационной*. К примеру, властные возможности

бойкотов и глобальных движений потребителей увеличиваются при следующих условиях:

- легитимационная хрупкость рынков: рынки предполагают наличие доверия общественности и потребителей (две категории, которые едва ли можно разграничить), а потому зависят от восприятия, т. е. от легитимации;
- поскольку разница между доходами и расходами предприятий зависит не только от глобализации производства, но и от глобализации потребления, т. е. от обеспечения и контроля за глобальными рынками сбыта, хрупкость легитимности является ахиллесовой пятой концернов мирового рынка и концернов великих держав;
- это тем более справедливо, что легитимность не продается.

Пьер Бурдьё (Pierre Bourdieu) различает экономический, образовательный и социальный капитал. Его центральный тезис: «экономический капитал может быть переведен в капитал образования и социальный капитал, и наоборот». Как мне кажется, Бурдьё незнаком с понятием «капитал легитимности», который я ввожу здесь применительно к силовой метаигре между государством, капиталом и социальными движениями. Для капитала легитимности действует принцип, противоположный теории Бурдьё, – принцип не-конвертируемости экономического капитала в капитал легитимности. Этому противоречат расходы мировых концернов на рекламу в СМИ. Но распространенное мнение, что с помощью полосных рекламных объявлений на глянцевого бумаге, в ежедневных газетах или рекламных клипах на телевидении можно завоевать доверие общественности и потребителей, которое затем снова утрачивается из-за известий о рисках («яд недели»), относится к наивностям, характерным для этой отрасли, что уже давно известно специалистам. Иногда благодаря соответствующей рекламной кампании достигается обратный результат: кто рекламирует, тот что-то скрывает!

Именно этот капитал легитимности позволяет адвокатским сетям использовать факты или даже настоять на новых целях и категориях, противодействуя куда более могущественным организациям и правительствам. В этом смысле адвокатские стратегии и сети не только влияют на результаты и решения, но и приспособливают понятия и рамки восприятия для общественных дискуссий. Вследствие этого в сетях речь идет не только о *моральных* предпринимателях, но о *категориальных* предпринимателях. То, что казалось немислимым, становится само собой разумеющимся (образец – головокружительная карьера экологической критики). Однако нередки случаи, когда проведение в жизнь определенных принципов становится одновременно *самоустановленным масштабом их неудач*. Так, в качестве выдающегося

успеха конференции в Рио-де-Жанейро в 1992 г. восхвалялся выдвинутый там принцип предосторожности. Принцип 15 Декларации Рио-де-Жанейро предписывает: «В тех случаях, когда существует угроза серьезного или необратимого ущерба, отсутствие полной научной уверенности не используется в качестве предлога или отсрочки принятия эффективных, с точки зрения затрат, мер по предупреждению ухудшения состояния окружающей среды». Но если приложить этот масштаб к политике, проводившейся после этого (например, в области генетически модифицированных продуктов питания), то нужно констатировать почти полный провал усилий адвокатских движений.

Иными словами: транснациональные адвокатские сети и стратегии должны пониматься как созданное политическое пространство, в котором дифференцированно позиционированные акторы приобретают и используют находящийся под угрозой «капитал легитимности» в контригре с акторами государства и мирового рынка.

Принцип не-суверенитета – эта власть сетей, основанная только на легитимности, вытекающая, кроме того, из принципа, противоположного принципу (интер) национального суверенитета. Практика адвокатских движений зиждится на принципе не-суверенитета государств (или концернов) в ключевых проблемах человечества, таких как охрана окружающей среды, опасности, исходящие от тяжелой техники и мировой экономики, права человека, гражданские права, глобальная бедность. Считается, что для государств и негосударственных акторов легитимно и необходимо вмешиваться в так называемые внутренние дела других государств.

Иначе говоря, капитал легитимности, который приобретен в конкретных действиях, но разыгрывается в противостоянии национальным и мировым экономическим эгоизмам, предполагает *видение космополитической ответственности*, которая распространяется за национальные границы и разрушает их.

Может показаться, что государства блокируют кооперацию с адвокатскими сетями, чтобы оказать давление на другие государства в вопросах прав человека и охраны окружающей среды. Но это не так. Любопытно, что адвокатским движениям удается выработать *стратегию кооперации* с другими странами и между ними, чтобы оказать давление на другие государства (подобно тому как они оказывают легитимационное давление на действия иных государств в коалициях с мировыми концернами). Так, национальное вмешательство некой группы может быть заблокировано на уровне нации, но становится успешным, если этой группе удастся сконструировать транснациональную коалицию активистов, государств и концернов, которые преодо-

леют национальное сопротивление. Таким образом, не в последнюю очередь это сколачивание коалиций и создание конфронтаций, миная границы государств и концернов, превращает бессилие стратегии, опирающейся лишь на ресурс легитимности, в реальную силу.

И наконец, капитал легитимности, а значит, и власть адвокатских движений, зиждется на том, в какой мере они способны превращать *правдивость* как таковую в политический фактор. Информирование о фактах или об открытии фактов не является само по себе политическим действием. Напротив: тот, кто проводит политику с фактами на руках, т. е. драматизирует факты для достижения определенных политических целей, вызывает подозрение, что он является представителем чьих-то интересов. И здесь в силе утверждение, что если адвокатские движения обнародуют факты (например, о нарушении прав человека в какой-то стране, об опасности определенных форм производства, о наличии яда в продуктах питания), то свою власть они черпают не из этой работы над фактами, но из того, что эти факты власть имущими — государствами и концернами — систематически замалчиваются и отрицаются. Но в мире, где с фактами обращаются принципиально по своему усмотрению, сам простой факт может представлять угрозу для власть имущих.

Таким образом, налицо пропагандистские искусства транслегального господства, которые придают политическое значение обнаружению фактов и информированию о них, превращая их в фактор власти. Там, где лгут принципиально, а не время от времени, говорящий о том, как обстоят дела на самом деле, становится опасным. Состояние мирового общества риска позволяет сделать такое допущение: власть лжет — государства и концерны обращаются с истиной стратегически, т. е. задушевивают те факты, которые им вредят, и пропагандируют те факты, от которых ожидают выгоды во властно-стратегическом отношении.

Поэтому НПО могут предоставлять в распоряжение другим государствам, международным организациям и концернам надежную информацию, которая ставит под удар положение отдельных государств или концернов. Их капитал легитимности зиждется на их *длительной правдивости в качестве производителей надежной информации*. Они подвергают опасности самих себя, если, подобно их оппонентам, используют факты, чтобы осуществить свои цели, связанные с отдельными концернами или государствами, либо добиться финансирования от спонсоров и членов этих организаций.

Роль независимых корреспондентов, сообщающих о замалчиваемых фактах, легитимирует адвокатские движения. В той мере, какой они становятся рутинными, профессиональными глашатаями

фактов, моральными предпринимателями в области фактов, толкующими о предустановленной гармонии между собственными интересами и истиной, они проматывают свой капитал легитимности.

В этом противоречие, от которого адвокатским движениям трудно избавиться. С одной стороны, они вынуждены драматизировать информацию; с другой — ставят тем самым под вопрос серьезность их работы с фактами, составляющими основу их легитимности. Поэтому выявление и адвокатская презентация фактов перед национальной и транснациональной общественностью суть *эквилибристика на канате*, в которой балансиром служат принципы адвокатских сетевых движений.

2. СТРАТЕГИИ ДРАМАТУРГИИ РИСКА

Наоборот, адвокатские стратегии базируются на коллективно выявляемой неправдивости государств и концернов или их информационной политики. Разрыв между фактической реальностью и публичной самопрезентацией делает делегитимационную стратегию эффективной для адвокатской деятельности. Адвокатские кампании являются успешными в тех странах, где усвоен либеральный дискурс, причем в масштабах, позволяющих социальным движениям изучать и обрисовывать этот разрыв между притязаниями и практикой.

На это в первую очередь направлены стратегии *драматургии риска*. Адвокатская методология — породить готовность к изменению, внедряя факты в общественное сознание, — находит удачное поле деятельности в обнаружении и критическом анализе разрыва между провозглашенной концернами (и правительствами) безопасностью и ощущаемыми рисками, неуверенностью и страхами потребителей. Причем контрвласть адвокатских движений, как было сказано, не в последнюю очередь является результатом рыночного резонанса. Стратегия риска, обнаруживая неконтролируемость глобальных рисков, одновременно порождает *неконтролируемость глобальных рынков*. Таким путем экономически разоблачается дефицит легитимности мировых экономических акторов, поражая их наиболее уязвимое место — при обеспечении глобального сбыта как предпосылки получения прибыли.

Глобальный конфликт риска, разгоревшийся вокруг генетически модифицированных продуктов питания — этой пищи Франкенштейна, как ее окрестили в Великобритании, — наглядно показывает, почему в условиях ненадежности даже могущественным производителям генно-инженерной продукции в Европе, а затем и в США пришлось пойти на (временное) отступление: никто — ни сторонники, ни критики — не знает, какими будут последствия. Из-за победы генной инже-

нерии все оказались вынужденными принимать недопустимые решения, влияющие на выживание, не будучи в состоянии научно обосновать эти решения. Фактически речь идет не о просчитываемом риске, но о непросчитываемой ненадежности. Мы имеем дело с динамикой, в которой прирост научного знания часто ведет не к безопасности, но к усилению когнитивной неуверенности и нормативной ненадежности. Так, биореволюция все больше раскрывает пространство действий, бросающих вызовы новым конstellляциям решений и рисков, ибо с появлением технического знания, расширяющего наш доступ к внешней и внутренней природе человека, на повестке дня появляются когнитивные и нормативные проблемы.

О том, что эта ситуация характерна для вызывающего споры генетически модифицированного продовольствия, свидетельствует один прагматический показатель. На вопрос, застрахованы ли в частных компаниях заводы по выпуску генетически модифицированных продуктов питания, следует ответить однозначным «нет». Концерны и их эксперты утверждают: «Риска нет», но отрасль частного страхования, которая должна отвечать за этот нулевой риск собственным капиталом, говорит: «Слишком рискованно, не подлежит дешевому страхованию!»

Концерны зачастую не гнушаются очернением сознания риска у потребителей. Делается это, видимо, потому, что концерны не могут рассчитывать на противоядие от адвокатских стратегий риска — если только они не ведут действительно (а не только на словах) прозрачную информационную политику. Стратегия риска, таким образом, еще и потому так успешна, что отстаивает основное право потребителей: желание получать информацию. В вопросах потребителей о риске скрываются требования о соучастии в принятии решений в сфере технического и промышленного производства, а также продуктов потребления. Так адвокатским движениям удастся на примере генетически модифицированного продовольствия сформулировать вопрос: кто правит нашей жизнью?

Генетически модифицированные продукты питания — глобальное дело. Непредсказуемость последствий для планеты волнует людей во всем мире. В то же время эта глобальность явления объясняет, почему концерны, с одной стороны, делают ставку на глобальную пробивную силу, а с другой — именно благодаря этому попадают под удар стратегии риска. Ни одна страна не может в одиночку запретить введение модифицированного продовольствия и сельхозпродуктов, не входя в противоречие с системой открытых всему миру рынков. Если какое-то правительство оттягивает введение генетического продовольствия, оно не только оказывается в оппозиции к гигантам пище-

вой промышленности, которые хотят утвердить единые стандарты для всего мира (пока эти стандарты идут им на пользу), но вступает в конфликт со Всемирной торговой организацией и т. д. Но одновременно эта кажущаяся сверхмощной глобальная пробивная коалиция концернов, ВТО и правительств создает фон, делающий напуганных потребителей (во всяком случае в Европе, но также и в США) восприимчивыми к систематически игнорируемым рискам и бесконтрольности.

3. СТРАТЕГИИ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ

Адвокатские движения могут пролить свет на следующее обостряющееся противоречие: с одной стороны, после окончания конфликта Востока и Запада все государства ссылаются на нормы демократии; с другой стороны, экономическая и политическая глобализация означает скандальную де-демократизацию коллективно обязательных решений. Если стратегии риска тематизируют расхождение между притязанием на контроль и бесконтрольностью, то стратегии демократизации обнаруживают очевидные противоречия между всеобщим признанием демократии и ее катастрофическим упадком.

Как ни странно, подобные стратегии нередко начинаются там, где *провалились* попытки мобилизовать массовую поддержку. Стратегии демократизации подхватывают размытые основные нормы и убеждения (например, защиту прав человека), чтобы трансформировать их в готовность действовать. Таким образом, особенность адвокатских стратегий и движений состоит в сложности (классические политологи сказали бы: маловероятности или невозможности) перевода столь же всеобщего, сколь и необязательного консенсуса в целенаправленные поступки. Это, следовательно, удастся только при определенном сочетании условий, коалиций и возможностей действий.

Подобные адвокатские стратегии должны опираться на надежно проработанную информацию — факты, которые должны выдержать тест на точность (как это легко предвидеть) в конфликте, вызванном их опубликованием. Но одних категорий и цифр недостаточно. Цифры должны содержать голоса, лица и истории из жизни, публично рассказанные людьми, которым нанесен ущерб. Многие стратегии активизации опираются, следовательно, на связь между фактами и историями из жизни, которые вызывают сострадание. Это символически переданное сострадание не может быть порождено в соответствии с масштабом всеобщего разума. Оно должно находиться в согласии с фундаментальными убеждениями о человеческом достоинстве, которые существуют в разных контекстах и культурах, на фоне разных традиций.

Так, далеко не все люди в мире придают одинаково большое значение правам человека — как индивидуальным (всеобщим), так и целостным, но всюду господствует родственная вера в человеческое достоинство. Вот почему нарушения прав человека, как правило, противоречат существующим представлениям о человеческом достоинстве. Поэтому лица, которые рассказывают о телесных повреждениях, нанесенных им в результате государственного преследования и пыток, вызывают сострадание людей, живущих в разных культурных контекстах, вне зависимости от того, связано это первично с требованиями соблюдать права человека или уважать человеческое достоинство. Для того чтобы вызвать транснациональный резонанс, важно, следовательно, не только документировать нарушение всеобщих норм, но сделать наглядными цифры с помощью жизненных историй.

В переводе на циничный язык социологии это звучит так: адвокатские движения должны поучиться у профессиональных попрошайек, которые (особенно в эпоху европейского Средневековья) достигли высокого уровня артистизма, меняя свое обличье ради конвертации сострадания богатых христиан в звонкую монету.

Да и обходной путь — через другие государства — часто является кратчайшим для обнаружения нарушений прав человека в национальных масштабах и мобилизации политического сопротивления. Так, международные контакты и координации способны увеличить число голосов, которые помогут преодолеть глухоту и слепоту национальных властей или правительств к определенным нарушениям прав человека. Это тем более справедливо, чем явственней растут, благодаря этим связям, расходы национальных правительств, точнее, плата за неведение о фактах попрания свободы, демократии и человеческого достоинства. В этом смысле адвокатские стратегии вынуждают дать новое определение национальному интересу, повышая расходы на обучение в части прав человека.

Все это предполагает, что не только адвокатские движения, но также их интернациональные партнеры сознательно релятивируют и подрывают принцип национальной суверенности. В результате этого глобальность ценностей и сетей, которую обосновывают и активизируют акторы адвокатских движений, может стать своего рода самоисполняющимся пророчеством.

4. СТРАТЕГИИ КОСМОПОЛИТИЗАЦИИ

Адвокатские сети и движения нередко воспринимались как исполнительные органы культуры глобальных ценностей, сравнимые с Меж-

дународным олимпийским комитетом или Красным Крестом. Но подобная оценка не отвечает их роли, ибо адвокатские движения никоим образом не реализуют заданные глобальные ценности. Более того, они перетолковывают, создают и утверждают международные нормы и правила, причем в тот момент, когда пытаются использовать их в конкретных политических контекстах и кампаниях.

Теория мировой культуры, сформулированная Джоном Мейером, Джоном Боулом, Джорджем Томасом и другими, предполагает, что международное общество возникает в той мере, в какой всевозможные акторы распространяют по всему миру глобальные нормы. Сюда указанные авторы относят национальные правительства, а также международные соглашения и неправительственные организации, в число которых включают как классические НПО, так и концерны, действующие транснационально. Все они единодушны в отношении (часто невидимых) последствий их действий: они поддерживают и усиливают процесс институционализации мировой культуры в соответствии с принципами универсализма, индивидуализма, рационализма и мировых гражданских прав. Согласно такому подходу не существует никакого осмысленного различия между транснациональными акторами и стратегиями, которые поддерживают господство национальных государств и транснациональных концернов или бросают ему вызов.

В противоположность этому различные акторы не только стоят на разных позициях в выкристаллизовывающейся структуре господства мирового общества и соответственно располагают весьма разными стратегическими потенциалами, но преследуют весьма разные цели и задачи. Поэтому необходимо выделять категории национальных и транснациональных акторов. Причем логику транснациональных адвокатских движений нельзя путать с целями и задачами, которые преследуют, например, институты технической безопасности, Всемирная торговая организация или концерны.

В этом смысле теоретики мировой культуры неверно понимают особенность адвокатских стратегий. Последние тематизируют и используют стремительный упадок легитимности государственного и мирового экономического господства, участвуя, таким образом, в создании и формировании возникающего космополитического режима. В деятельности адвокатских стратегий истончаются стенки национальных государственных и общественных сосудов, становясь прозрачными для космополитической ответственности и власти. Но все же для этих движений и их стратегии справедливо то, что национальные рамки хотя и размываются, но не упраздняются.

Космополитическая цель, которую озвучивают адвокатские движения, подразумевает, как и прежде, *государственных адресатов*. Они, а не транснациональные акторы как таковые или одиозное всемирное государство, в своих моральных и правовых основаниях должны сделаться восприимчивыми к космополитическим ценностям. Ключевой постулат формулируется так: *права человека никогда не могут быть реализованы и гарантированы как таковые, но всегда только в большой коалиции государств (возможно, также концернов в области господства отдельных государств)*. Индивидов, восстающих против нарушения прав человека и гражданских прав, необходимо поддерживать транснационально и транскультурно в их сопротивлении государству, которому они принадлежат. Космополитическое общество может быть пробуждено внутри и оказывать давление извне. Но ответственными акторами политического остаются государства.

Именно значимость адвокатских движений, созидаящая ценности, институты и политику, с необходимостью приводит к реалистическому взгляду на их внутренние противоречия и границы. Акторы глобального гражданского общества оказываются перед дилеммой: с одной стороны, в осуществлении своих целей они зависят от государств; с другой — являются главными оппонентами государств и концернов. Чтобы успешно действовать, они должны превращать государства как бы в горячих неофитов ценностей гражданского общества — прав человека, защиты окружающей среды и т. п. Вместе с тем со своими успехами они оказываются ненужными и удушаются кооперативными объятиями государств и концернов; как правило, имеет место и то и другое.

Различные фракции глобального гражданского общества в высшей степени противоречиво оценивают вопрос о суверенитете и отвечают на него в зависимости от того, где находится родина акторов — на севере или на юге. Северные активисты видят в эрозии суверенитета хорошую вещь, южные — плохую. В этих противоречивых восприятиях и оценках отражаются противоположные исторические позиции: если северяне судят и действуют на основе исторически укрепившейся в ходе истории государственной системы, то южане часто сталкиваются с ситуацией, когда само слово «демократия» звучит издевательски, а уж слово «государство» остается утопией. Чем реалистичней становится речь о космополитическом обществе, тем ожесточенней конфликт вокруг того, что и для кого значат его ценности, понятия, институты и структуры.

ГЛАВА VII

КТО ВЫИГРЫВАЕТ? О ТРАНСФОРМАЦИИ ПОНЯТИЯ И ФОРМ ГОСУДАРСТВА И ПОЛИТИКИ ВО ВТОРОМ МОДЕРНЕ

В предыдущих главах я изложил следующий аргумент: политическое в глобальном столетии не вымерло, но переселилось. На наших глазах, нашими руками совершается трансформация понятия и форм политического, воспринять и исследовать которую мешало отсутствие исторически адекватных категорий и форм восприятия. Структура возможностей политического прорывает дуализм национального и интернационального и располагается в глокальном пространстве. Мировая политика превратилась во внутреннюю мировую политику, которая лишает национальную политику границ и оснований. Стратегии капитала оказывают давление на государства и заставляют их делать вынужденные ходы. Об этом говорит политическая экономия с самого начала. Вопрос в том, *как* они это делают, а также то, как всемирно-политическая экономическая власть использует в своих интересах угрозу ухода инвестиций и потому торжествует над политикой, закосневшей из-за привязанности к почве. Мировые экономические акторы, таким образом, не являются принципиально более могущественными, чем государства. Но они раньше вырвались из ограниченности национальной ортодоксии: вот это и является новым.

Итак, если кто ожидает возврата политического в понятие и форме национального государства, то он непременно поддержит жалобный хор, ноющий о конце политики. Один из пороков методологического национализма состоит в том, что он по большей части мешает политической теории и политической науке увидеть в отношении изменения форм политического, произошедшие во Втором (космополитическом) модерне. Тем самым упускается из виду политическая рефлексивность общества и истории, открытых навстречу будущему, основной опыт историчности, двойной контингентности, трансформации в открытое будущее с иным типом общества, государственности и политики. Глобализация неизбежно порождает мировую по-

литику. Но как можно определить роль политики в Новой мировой политической экономике? Как может политика использовать свои шансы? Кто выбирает стратегии? Кто побеждает?

Эти вопросы будут рассмотрены в данной главе в шести разделах:

1. Конец конца политики (еще раз о властной метаигре).
2. Томас Гоббс, переписанный для всемирного общества риска (восприятие цивилизаторской угрозы человечества самому себе как источник легитимности глобального господства).
3. Государственные формы Второго модерна (понятия и формы государственности изменяются).
4. Идея неолиберального государства расколдовывается.
5. Политические формы Второго модерна (политические понятия и формы изменяются).
6. В поисках утраченного воображения (типология критики).

1. КОНЕЦ КОНЦА ПОЛИТИКИ

Диагноз о конце политики характерен для взгляда национального, но не космополитического. Противоречие между национальной и космополитической перспективой едва ли могло быть более радикальным: если национальная перспектива создает видимость чуть ли не *отсутствия контингентности* политики, то космополитическая перспектива рисует образ *глобализации контингентности*. В соответствии с этим контингентность политики уже не осуществляется в данной и твердо установленной схеме правил изнутри и извне, национально и интернационально. На место этого, как бы для вечности отчеканенного политического железного порядка выступила двойная игра контингентности. Игра классического индустриального общества продолжается. Одновременно многие требуют перевернуть с ног на голову (и уже начинают переворачивать) саму систему правил игры, причем абсолютно неясным остается (в переносном смысле), должны мы в будущем играть в преферанс, в лото или в футбол. Политика, диктуемая правилами, и политика, изменяющая правила, переплетаются друг с другом, смешиваются и пересекаются.

Различение правил игры и самой игры, заднего и переднего плана, институциональных рамок и контингентного действия уже не работает. Таким образом, различие мира национального взгляда и мира космополитического взгляда состоит в *различии контингентности*. Если при национальном подходе оно стремится к нулю, то космополитический взгляд открывает для шансов и судеб контингентное пространство действия, о котором при национальном подходе и не подоз-

ревают. Иными словами, пространство стратегий, которое начинается *за пределами* национально-государственного самовоспроизводства (к примеру, стратегии Большой политики, детерриториализации государства, транснационализации, множественных государственных коалиций, глобальные стратегии риска, переплетения внутренней и внешней политики, «выигрыш – выигрыш», стратегия космополитизации права, региональной космополитизации), конституируется только при космополитическом подходе. И именно в этом, как бы математически схватываемом различии заложено основание критического потенциала Новой критической теории: *критика равна различию между числом, масштабом и качеством государственных стратегий, которые открывают космополитические перспективы или, соответственно, закрывают национальные*. В чем заключается ключевой момент критической теории? Он кроется в трех соображениях. Во-первых, пока политические акторы следуют логике национального взгляда, нет никакой разницы, кто правит. Космополитический взгляд указывает на то, что национальный взгляд заводит в политический тупик.

Во-вторых, стираются противоположности между партиями. Это констатирует и политология, ставящая диагнозы современной эпохе, но с одним существенным различием: она утверждает и удваивает тем самым тезис о конце политики. Однако это радикально противоречит глобальной контингентности политического, которую диагностирует космополитический взгляд.

В-третьих, Новая критическая теория учит, что у партий могли бы появиться различия, если бы они раскрылись для организационного многообразия начинающей развиваться мировой внутренней политики.

Тезис о конце политики гласит, что наступил конец *национально-государственной* политики. Это открывает широкие возможности для космополитической смены горизонта. Конец национальной политики есть начало политики транснациональной. Она может быть превращена в космополитическое государство. И причина неудачи любых политик и политологий, основанных на национальном подходе, в игнорировании этих тезисов и соображений.

Однако в одиночку из национальной парадигмы не выйти, ибо пространство, охватываемое изолированными стратегиями, слишком узко. Не только для капитала, но и для глобального гражданского общества остается в силе утверждение, что без государства нет коллективно обязательных решений, никакой легитимации. Но справедливо и обратное: без союзов между партиями и правительствами, с одной стороны, глобальным гражданским обществом и фракциями капитала – с другой, немыслима никакая основательная реформа государственной

политики. Только благодаря объединению в единую сеть (на программном и организационном уровне) политики, государства и транснациональной субполитики с их мировыми сетями власти в сфере экономики и гражданского общества совершится трансформация национальной парадигмы государственности в космополитическую.

Критический потенциал Новой критической теории заключается не столько в моральной проповеди и ориентирующей силе космополитизма, сколько в инверсии действительности и возможности. Гипотезы о пространстве возможностей государственных стратегий читаются как критика политического действия, когда возможному (космополитизации) придается приоритет по отношению к действительному (национально-государственной ортодоксии). Необходима спекулятивная игра *à la baisse*¹. Не идея высокой морали, но жажда власти, составляющая, согласно Макс Веберу, ядро политики, соблазняет на то, чтобы испробовать идею космополитического режима и государства. Политический и интеллектуальный танец на острие национального заменяется стремлением обойти неизведанные ландшафты, познавая противоречия и дилеммы космополитических стратегий политики и испытывая упоение от них.

2. ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ ВОЛК: ТОМАС ГОББС, ПЕРЕПИСАННЫЙ ДЛЯ ВСЕМИРНОГО ОБЩЕСТВА РИСКА

Мы так и не ответили на ключевой вопрос: как избежать ловушки национальности? Что может побудить уверенные в себе нации к тому, чтобы поделиться своим национальным суверенитетом с другими нациями или вообще отказаться от него? Это *восприятие цивилизаторской угрозы человечества самому себе*, которая снимает блокировку национального взгляда, но одновременно становится источником глобальных политических опасностей. Данный тезис мы будем развивать в этом разделе. Чтобы изложить (по крайней мере в основных чертах) этот аргумент угрозы самому себе, занимающий центральное положение в политической теории Второго модерна, необходимо переместить двух авторов – Фрица В. Шарпфа и Томаса Гоббса – из национальной перспективы в космополитическую.

Шарпф проводит различие между демократией и легитимацией и присоединяет к этому предположение, что современные государства и правительства должны основывать легитимность своего господ-

¹ на понижение (*франц.*).

ства не только на демократии, ведь они располагают как источниками «легитимности на входе» (которую Шарпф также называет господством *через* народ»), так и «легитимностью на выходе», которая определяет себя по эффективности решения проблем (которую Шарпф называет господством *для* народа). Понятие «народ», как и понятия «input» и «output»², предполагают наличие национального подхода. Параллельно Шарпф проводит различие между партиципацией (участием) и консенсусом (согласием). Консенсус не связан с партиципацией. Эффективность решений политических проблем является важным источником национально-государственного господства.

В национальном контексте или взгляде господство для народа и через него (т. е. через партиципацию и эффективность) может и должно равным образом быть легитимизуемым и легитимироваться. Уже на такой многоуровневой системе политического действия, как Европейский союз, эти источники легитимности расходятся, как было показано Фрицем Шарпфом на примере конкретного случая. Чтобы ответить на вопрос, как преодолевается блокировка национального взгляда, необходимо расширить источники легитимности политического господства: наряду с демократией и эффективностью возникает *восприятие цивилизаторской угрозы человечеству самому себе*. Последняя дополняет не только легитимность демократии, привязанную к национально-государственному контексту, и не привязанную к национальному контексту а-демократическую легитимность эффективности, но одновременно ставит под вопрос весь национально-государственный порядок легитимности.

Вместе со всемирным обществом риска и внутри него возникает автономный источник мировой политической легитимности господства, когда акторы (не только государства, но и адвокатские движения гражданского общества, а также концерны) могут сослаться на то, что они отводят угрозу человечеству самому себе или противодействуют ей. Сила легитимности обладает здесь совершенно иными измерениями и в отношении ее господства и масштаба. Ведь она выступает против опасности, угрожающей выживанию не отдельных личностей, групп или народов, но *всех людей*, совокупного человечества.

Примат самосохранения, не зависящего от влияния моды, есть первое благо человечества. Среди всех видов зла на первом месте стоит смерть. Она неизбежна на уровне отдельного человека, но не на уровне человечества. Смерть человечества, самоуничтожение всех, как возможность человеческого действия, есть то новое, что

² ввод и вывод (англ.).

привнесла в мир цивилизация. Страх перед этим может породить глобальный консенсус, который создаст глобальную власть. То, что эта власть консенсуса глобального легитимного господства, отводящая опасности, угрожающие человечеству, имеет крайне амбивалентные последствия, заложено в природе политического.

Возможное самоубийство человечества, таким образом, никогда не является добровольной смертью (от отчаяния, боли, одиночества) индивида. Это всегда «недобровольное убийство» всех — коллективное убийство как невольное побочное следствие научного, технического, военного, политического действия; «убийство», которое как бы вытекает из поступков и приобретшей самостоятельность системы поступков. Не современное, но будущее, не фактическое, но возможное событие. *Восприятие* угрозы самоубийства рода раскрывает доступ к глобализированной легитимности и к источникам консенсусной власти. Эти источники легитимности глобального господства являются, во-первых, а-демократическими. Они сами уклоняются от всякого демократического процесса на основе своей глобальности, но зависят от глобального восприятия и признания, т. е. от презентации в СМИ. Во-вторых, они являются потенциально антидемократическими, поскольку с воспринятой опасностью для человечества растет готовность избавиться от демократических оков.

Политическая теория суверенитета Томаса Гоббса зиждится на формуле «*homo homini lupus est*» («человек человеку волк»). Политическая теория общества риска исходит, в противоположность этому, из несколько иного принципа: «*человечество человечеству волк*». Характер хищника, о котором говорит Гоббс, атрибутируется не отдельному человеку, но человечеству. Человечество есть субъект и объект угрозы самому себе. Легитимность создается не национальной «коллективной верой» (Макс Вебер), но верой в возможность предотвратить угрожающую человечеству опасность с помощью заместительного для угрожающего человечества политического действия, которое и обеспечивает легитимность. Поэтому основные отношения совместной жизни, включая сам национально-государственный порядок, оказываются под властью примата изменчивости, альтернативности контингентности.

Положение «человечество человечеству волк» указывает на амбивалентность как принцип космополитической теории: возможность самоубийства рода открывает новое начало в связи с тем, что конец угрожает всем людям. Можно даже спросить: власть какого масштаба могла бы в принципе вообще защитить человечество от человечества? Конечно же, не работники Красного Креста, которые создали историю политической теории. Ни пролетариат, ни беднейшие из бедных

в глобальную эпоху, ни просвещение, ни воротилы глобального капитала, ни партийные вожди и главы правительств, ни «добрый диктатор» мирового общества тут не помогут. Если уж на то пошло, то лишь восприятие опасностей, грозящих человечеству, от которых нельзя отмахнуться и которые нельзя вывести куда-нибудь вовне, может пробудить силы, учредить глобальное сообщество судьбы, которое проломит стену национально-государственных границ и эгоизмов — по меньшей мере на одну мировую секунду.

Эта политически-легитимационная сила глобальной перцепции глобальной опасности не привязана к объективному характеру рисков, поскольку она затрагивает восприятие. Ее, как уже говорилось, необходимо внедрить в головы и сердца людей, очистив от этой вездесущей объективности, с помощью глобальных символов и информации. Знание этой диалектики краха и Нового начала является центральным: центр (т. е. воспринятая угроза человечества самому себе), в котором рушится национальный порядок, является одновременно точкой возникновения транснационального порядка, включая крайне амбивалентные альтернативы, которые тем самым выдвигаются в горизонт политически возможного. Восприятие означает также *предвидение*. Восприятие опасностей, угрожающих человечеству, способствуют разрушению правления прошлого, доминирования границ и традиций. На смену ему приходит правление будущего, в котором распространяется ненадежность, связанная с риском. Координаты пространства и времени очерчиваются по-новому. Пространства опыта и горизонты ожидания расходятся. Вырисовывается глобальное пространство господства, в котором признаки негативной и позитивной интеграции, подчиняющиеся логике национального взгляда, группируются по-новому.

Во-первых, речь идет о *слиянии* позитивной и негативной интеграции. Она позитивна, потому что восприятие опасности порождает политическую рефлексивность глобальности. Негативной эта сила глобального восприятия опасности, порождающая консенсус, является потому, что одним махом вскрывает национальную замкнутость, причем, в соответствии с тенденцией, интра- и интернационально.

Во-вторых, на место демократического консенсуса того или иного народа вступает консенсус человечества, однако без демократической легитимации и даже без возможности ее осуществления. Испуг, который глобализировали через СМИ 11 сентября 2001 г., лишь на первый взгляд может показаться равнозначным глобальному голосованию. Са-

мой могущественной в военном и экономическом отношении нации мира в результате шока от опасности подавляющим большинством людей была дана санкция отвести опасность, грозящую моральному и физическому существованию человечества. Воспринятые угрозы роду человеческому превращаются в *источник глобального популизма защиты от опасности*, который уполномочивает и легитимирует радикальные действия, включая военные интервенции в иностранные государства. Опасности, угрожающие государству, создают общественность и порождают вынужденные действия, по сравнению с которыми процедуры голосования предстают как реликты идиллического мелкотравчатого мирка, в котором еще можно поспорить о таких роскошных демократических тонкостях.

В-третьих, этот тип легитимации не привязан ни к объективному характеру опасности, ни к эффективности ее устранения. Именно в связи с тем, что опасность для рода человеческого мобилизует всемирно-политическое противодействие, неэффективное действие не омрачает это формирование контрвласти. Ибо вместе с неэффективностью растет опасность, а значит, опять-таки необходимость в сплочении человеческого коллектива. При этом возникает парадоксальное следствие: прощение ошибок человечеством, находящимся под угрозой, растет вместе с ошибками, которые усиливают беду людей.

В-четвертых, понятие «естественное состояние», используемое Томасом Гоббсом, обозначает доцивилизационное состояние, которое преодолевается властью суверена. В воспринятой угрозе человечеству, однако, это отношение разворачивается на 180 градусов: цивилизационный порядок национально-государственного суверенитета упраздняется «хищной природой» человечества, обращенной против самой себя. Не отсутствие власти порядка, которая принуждает людей преследовать свои интересы с помощью социально приемлемых средств, но само продолжающееся существование подобного национально-государственного порядка становится источником угрозы для всех или, по крайней мере, препятствием для предотвращения опасности для рода. Не сомнение в порядке суверена, а не-сомнение формирует угрозу для всех.

В-пятых имеет место такой парадокс: решение Гоббса (делегирование власти, построение Левиафана) для «человечества» исключено. Вот почему не только государства и союзы государств присваивают себе мандат человечества, но и акторы глобального гражданского об-

щества или транснациональные концерны пишут на своих знаменах лозунги: «спасение окружающей среды» или «защита прав человека». Пожалуй, можно даже сказать, что угроза человечеству, используемая для оформления глобальных отношений господства, есть ключ к пониманию транснациональной политики.

В-шестых, в воспринятой опасности, грозящей человечеству, разрушается принцип легитимности национально-государственного строя. Национальный суверен перед лицом угрозы человечеству уже не может обеспечить внутреннюю и внешнюю безопасность и защиту жизни своих граждан. Теряет силу долг гражданского повиновения. Следствием этого, по Гоббсу, является то, что цивилизованное человечество скатывается в естественное состояние, в котором каждый — свой собственный господин и защитник естественных прав. Поскольку восприятие опасностей, грозящих человечеству, носит глобальный характер, эта делегитимация угрожает национально-государственному строю в глобальном масштабе, если только национальные государства, существование которых подвергается опасности, не перестраиваются в транснациональные, космополитические. Общественный договор уже не может быть основан на анархии отдельных государств. Более того, он должен устанавливать межгосударственный порядок, который черпает свою космополитическую легитимность в превентивной обороне от опасности, грозящей человечеству.

Фриц Шарпф на примере Европы указал на то, что принуждение к консенсусу автоматически не улучшает возможность принимать коллективно обязательные решения. Скорее всего имеет место обратная ситуация: чем сильнее принуждение к консенсусу, чем больше надо работать вместе, сотрудничать ради достижения решений, тем больше возникает проблем с кооперацией и тем вероятнее становится, что ни одно решение не будет принято. Согласно Шарпфу, решающим является положение, регламентирующее, какое правило для принятия решений имеет силу, если сотрудничают не все. При правиле единогласного принятия решений повышается и то и другое, т. е. принуждение к консенсусу и невозможность принять решение. Возникает пробел в консенсусе, и он расширяется в той мере, в какой институционализированное принуждение к консенсусу больше, чем политическое давление для достижения консенсуса, исходящее от отдельных государств-участников, стремящихся прийти к общему решению проблемы. Эта асимметрия затрудняет объединение. Так Шарпф обосновывает парадоксальное положение, что именно растущее принуж-

дение к консенсусу ведет к не-принятию решения. Поэтому в национальном пространстве, где действует принцип решения большинства и господствуют более слабые принуждения к консенсусу, потенциально существует больше возможностей для действий, чем в пространстве интернациональном, где сильное принуждение к консенсусу сочетается с правилом единогласного принятия решения. Отсюда можно сделать вывод: транснационализация успешна в том случае, если, с одной стороны, вводится принцип принятия решения большинством, а с другой — уменьшается принуждение к консенсусу.

В этой аргументации и выводах, однако, не учитывается то, что позволяет увидеть космополитическая смена перспективы. Воспринятая угроза человечеству порождает давление для достижения консенсуса, который ликвидирует разрыв между принуждением к консенсусу и политическим нахождением решения. Несмотря на принцип единогласного принятия решений и участия всех государств, чьи интересы, как известно, конфликтуют, осуществляются решения, обязательные для всемирной политики. Почему? Потому что всемирно-публичная рефлексия глобальных опасностей закрывает пробел в консенсусе. В результате чего? В результате *восприятия* риска. Оно, а не объективность экологических, экономических или террористических опасностей, открывает свободу для действий по транснационализации финансовых рынков, мероприятий по защите климата, транснационализации полицейских, военных, спецслужбистских, политических профессий для борьбы с терроризмом³. Однако это глубинное политическое воздействие легитимации глобального господства, осуществляемое через восприятие глобальной угрозы, компенсируется его краткостью. Поскольку все связано с его медийным восприятием, легитимационной силы всемирного политического действия, порождаемой глобальными угрозами, хватает лишь до тех пор, пока сохраняется интерес к ним, разжигаемый СМИ.

Итак, как становится возможным политическое действие в век глобализации? *В результате воспринятой глобальности рисков*, которая как минимум на одну мировую историческую секунду размягчает и делает податливой для формирования казавшуюся железной систему интернациональной и национальной политики. В этом смысле политическая рефлексивность мирового общества риска порождает квазиреволюционные шансы действия, которые, однако, могут быть использованы по-разному.

³ Эту гипотезу, однако, можно и должно подвергнуть эмпирической проверке в исследовании на конкретном материале.

3. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ФОРМЫ ВТОРОГО МОДЕРНА

Исходное утверждение для систематического разграничения и определения различных государственных форм и понятий государства гласит: *возврата нет!* Все акторы изменяются в силовой метаигре мировой политики. Это происходит потому, что их роли, ресурсы, шансы на власть меняются с изменением их определения своего местоположения и самоопределения в этой игре вокруг правил власти мировой политики. Имеет смысл вместе с Эдгаром Грандом [*Grande Edgar 2000*] проводить различие между государственностью, как базовым принципом модерна, и формами или понятиями государства – в смысле различных базисных институтов модерна, в которых конкретизируется принцип государственности в эпохи Первого и Второго модерна⁴.

⁴ «Решающее значение имеет то, что в качестве модернизации должны расцениваться только такие изменения в базисных институтах Первого модерна, которые не нарушают сами базисные принципы. Применительно к сфере государственности это может означать, что за исходный пункт берется не национальное государство (в смысле «государств, возникших после Вестфальского мира») и не конститутивные для него принципы (территориальность, суверенитет), но притязание модерна на то, что для *коллективных* проблем нужно находить *коллективные* решения за пределами традиционных общественных форм (семья, цеха, кланы). Это можно принять в качестве базисного принципа современной государственности.

Первый модерн в смысле теории рефлексивной модернизации был теперь охарактеризован тем, что для этой функции коллективного преодоления проблем было найдено совершенно определенное институциональное решение, а именно *национальное государство*. Возникновение и развитие современного национального государства характеризовалось, во-первых, допущением, что коллективные проблемы могут и должны решаться государством (и спор велся главным образом из-за того, какие проблемы действительно являются коллективными и не могут быть лучше решены индивидом); и во-вторых, допущением, неразрывно связанным с первым, что *национальный* уровень является оптимальным масштабом для организации современной государственности. Решающим моментом является то, что оба допущения, как кажется, уже теряют свою силу. Это значит, во-первых, что в определенных условиях частные лица и организации также готовы и способны решать коллективные проблемы, а государство, таким образом, теряет свою монополию на способность решать проблемы; и это означает, во-вторых, что национальное государство уже необязательно составляет оптимальные рамки действий для решения коллективных проблем, что правление (в смысле эффективного общественного решения проблем) в растущей степени происходит вне и ниже уровня национа-

Таблица 9. Типология государств для Второго модерна

Суверенитет	Глобальные взаимозависимости (экономические, культурные, военные, политические, экологические)		
		Замыкающие / протекционистские	Открывающие / открытые для мира
Национальные / автономное	Этническое государство	Неолиберальное государство	
Транснациональные / кооперативные	Транснациональное государство-надсмотрщик и государство-цитадель	Космополитическое государство; космополитический режим	

Так удается освободить государства от их ложной реификации, понять и исследовать их как контингентные, изменчивые единства. Лишь тот, кто откажется от национального подхода, превращающего государство в пустую категорию, может проследить пути и формы трансформации государственности в измерениях культурной идентичности, экономических и военных основ, демократии и легитимности.

Важно прежде всего осознать то, что как бы выведено за скобки в табл. 9: действовать и далее в духе национального (и интернационального) более нельзя (в строгом смысле слова). Те, кто мыслит, действует, исследует национально, будут смяты, опрокинуты. Они увидят, как мир перевернется. Иными словами: все формы государства изменятся, а с ними и формы государственности. Под государственностью понимается институционально-понятийная форма для создания, организации и воспроизводства политических властных возможностей.

Этническое государство

Необходимо выявить специфику (этнического) национализма в Первом и во Втором модерне. Этнический национализм во Втором модерне есть

нального государства. Следствием этого являются зачатки системы комплексного управления, в которой различные уровни и различные формы правления институционально раздифференцированы и интегрированы. Иными словами: правление осуществляется во все более сложных конфигурациях общественных и частных акторов и институтов, сферы ответственности и ресурсы которых распределяются поверх многих уровней и всевозможных границ» [Grande 2000, 1 ff.].

постмодерный возврат к истокам и поэтому иллюзорен и политически опасен. Только космополитический взгляд способен правильно оценить значение национализма для глобальной эпохи. Решающая противоположность аффирмативной методологии национализма заключается в том, что *сегодняшний (этнический) национализм уже не тот, что прежде*. Единство народа, государства, демократии и нации, принимаемое за идеал, разрушилось в результате глобализации национальных пространств. Однако можно также сказать, что глобализация и этническая идентичность не исключают, но включают друг друга [Miller/Slater 2000]. Новые системы массовой коммуникации — радио, телевидение, видео, компьютеры, мобильные телефоны — используются для того, чтобы этнические сообщества образовывали транснациональные сети и усиливали свою активность, дабы противостоять национальному государству и элитам космополитической культуры. Это могло бы привести к парадоксальному явлению антиглобального этноцентрического интернационализма, на знамени которого можно было бы начертать: «Ксенофобы всех стран, соединяйтесь!» Или же возникнет утопия этноцентрического, транснационального союза государств-цитаделей, объединившихся, например, в борьбе против террористов и стран-изгоев.

Энтони Д. Смит [Smith Anthony D. 2000] утверждает, что в этом смысле нация и национализм не деполитизированы, не демилитаризованы и уж совсем не соответствуют некоей норме. Представление о том, что этнонациональное государство в союзе мирового рынка и глобальной культуры станет миролюбивым и согласится на то, чтобы из него, как из динозавра Раннего модерна, сделали чучело и выставили в музее политических форм, абсолютно противоречит, согласно Смиту, вырисовывающемуся ходу развития. Экономическая и культурная глобализация в результате центробежных конфликтов подвергает опасности целостность полиэтническое государство победителя лостность полиэтнических государств. Поэтому нельзя исключать, что *м* в современных гонках трансформаций и созданий государств и что в будущем правозащитный национализм национальных государств и этнический национализм этнических государств будут сосуществовать (пусть и при наличии напряжений) или взаимно усиливать друг друга в едва ли разрешимых конфликтах⁵.

Чтобы понять этот вид эволюции и проанализировать ее, необходимо различать национализм и этницизм [Tamas 1996]. Если *национализм* направлен вовне — на завоевание и ассимиляцию чужих, то *этни-*

⁵ Юрген Хабермас [Habermas Jürgen 2001, 154–184] пророчески критиковал это в полемике с Карлом Шмиттом [Schmitt Carl 1983], который является автором этой позиции.

цизм нацелен на их исключение, выражает нежелание сосуществовать с культурно иными без экспансии и без универсализма. Этническое государство не признает меньшинств. Культурно иные не могут интегрироваться в национальную идентичность, всегда понимаемую и как универсалистскую. Они ставятся перед альтернативой: уезжать или быть убитыми. Этническое государство отрывается от своих универсалистских корней и выражает интересы и идентичности конкретной доминантной этнической группы во всех сферах деятельности государственного аппарата – образовании, полиции, армии, праве, внешней политике. Этническое государство является деполитизированным государством; в нем исключено живое, публичное применение национальных гражданских прав и гражданских свобод.

Поскольку глобализация ослабляет национальное государство, возникает парадоксальный союз между этницистами и глобалистами, цель которого – открыть делегитимированный и деполитизированный властный корпус национального государства для этнических групп. Денационализация государства поощряет его реэтнизацию.

Центральные категории политической поляризации здесь уже неприменимы: этнический захват государства не является ни фашистским, ни демократическим; в некоторой степени он и тот, и другой. В среде формирующегося этнического государства (в Центральной и Восточной Европе, на Ближнем Востоке, в Африке, Индии, Пакистане, Юго-Восточной Азии и т. д.) даже старое национальное государство кажется всего лишь утопией. Противоречия этнического государства лежат на поверхности: угроза или наличие нарушений прав человека легко превращают его в государство-парию, которое становится объектом международных интервенций, в том числе военных. Как же следует укреплять и цементировать границы в лишенном границ и оков мире растущих экономических, военных и культурных независимостей, чтобы стали возможными островки этничности? Как завлечь в страну «чужих» инвесторов, разыгрывающих свою экономическую власть, если «чужие» должны быть исключены?

Этническое государство есть часть *модерно-атавистической динамики*, из которой оно извлекает выгоду, которую оно создает и поддерживает, но которая сводится к нарушению основных принципов модерна или к их упадку⁶. Утверждать, что этническое государство есть *ксенофобское* государство, где враждебность к чужому возведена в принцип, является в известном смысле эвфемизмом, поскольку разговоры о «чужом» маскируют первый ключевой признак этой динамики распада:

⁶ По поводу проблем и противоречий современного контрмодерна см.: *Beck* 1993, Кар. IV.

1. Этнические государства представляют (нет, исполняют!) реальную трагедию о том, как из соседей получаются *враги*. Речь, таким образом, идет не о враждебности к «чужим», но о враждебности к «*гражданам*», к «*соседям*», поскольку жестокой принудительной дефиницией превращают сограждан во врагов, прибегая к методам изолирования или истребления.

2. Снимается различие войны между государствами и войны между гражданами. Речь идет о войне «государств и граждан» – войне государств против граждан и граждан против государств – для установления этнического различия государственно- и негосударственно-атавистическими насильственными средствами. Покушения на самоубийство разрушают с яростным нигилизмом, из которого они и проистекают, повседневное доверие внутри «гражданского общества», чьи граждане становятся их жертвами. Государства казнят «террористов» без суда и следствия, и это считается законным.

3. *Атавистическим* этот круг, в который попадает этнизация государств, может называться потому, что в этой динамике разжигаются ненависть и насилие, приводящие к упадку не только базисные институты, но и базисные принципы модерна, такие как права человека, которые применяют и соблюдают даже по отношению к «врагам». *Модерным* такое развитие является потому, что оно способно использовать как самые современные технологии, права и транснациональные сети, так и интернационализацию национальных пространств опыта. Наблюдателей все больше пугает то, что упадок цивилизации ускоряется не только из-за смешения этносов, но из-за религиозных конфликтов.

4. Динамика упадка, в которой этнические государства выступают в качестве бенефициариев и ускорителей, оказывает глобальное воздействие. Ужас мировой общественности делает национальные или космополитические ориентированные национальные государства *потерпевшими*, т. е. *соучастниками* варварского конфликта, в результате которого государства-наблюдатели утрачивают сознание ответственности. Но это означает, что последние попадают в ловушку сообщничества. Государства-наблюдатели обвиняются во всем, что они делают. Если они не вмешиваются, им ставится в вину их невмешательство; если они решаются на использование военной силы, им ставится в вину вмешательство. Ближневосточный конфликт – не единственный случай, на примере которого можно наблюдать эти полити-

ческие дилеммы. Этот конфликт разыгрывается только под софитами мировой общественности, поскольку здесь на кон поставлены ключевые интересы Запада. Пример организованных государствами внутриафриканских геноцидов также демонстрирует атавистические случаи, к которым ведет этнизация государственной власти, с тем, однако, немалым отличием, что в данных случаях мировую общественность обвиняют в невмешательстве.

Неолиберальное государство

Если бог национального государства смертен, это еще не означает (как внушает нам национальный подход), что государство умирает. Ситуация напоминает сказание, в котором герой отрубает дракону голову, а на месте отрубленной головы отрастают другие. Вторая форма, которую модель старого национального государства приобрела в космополитической констелляции, — *неолиберальное государство*. Это государство конкуренции, государство рынка, государственная конфигурация, в которой политика следует логике капитала. Эта государственная форма несет, так сказать, штамп «проверено МВФ». Вероятность, с которой национальное государство трансформируется в неолиберальное, растет по мере присущего мировой экономике дисциплинирования государств, которое им навязывает МВФ при помощи прежде всего политики кнута — угрозы лишения кредитов. (Политика пряника — раздачи кредитов.) В этом смысле существует глобальная «система паноптикума» [Patomäki 2001, 101], в которой государства, концерны и городские общины с помощью агентств по оценке платежеспособности просвечиваются и оцениваются на предмет соответствия правилам «хорошего» (читай: неолиберального) бюджета. В начале XXI века МВФ контролирует экономическую политику почти каждого третьего «суверенного» государства на нашей планете.

Любопытно, что неолиберальное государство является выдающимся примером *интернационализации* национального государства. «Реформаторы» и «модернизаторы», которые исповедуют неолиберализм, не только перестраивают или сносят государство «всеобщего благоденствия» и социальное государство, но и проводят самоинтернационализацию национального государства, не расставаясь с вывеской национального. Именно национальный аутизм создает предпосылку, при которой государственная форма должна быть реалистически приспособлена к господствующему «вашингтонскому консенсусу» — к триаде «дерегулирование, либерализация и приватизация». Эта подходящая для мирового рынка форма национального

государства показывает, как уже сегодня оно радикально перестраивается за декоративным фасадом «национального государства».

И здесь противоречия оказываются вполне очевидными: речь идет о модели из детской книжки, о классической модели активного самодемонтажа национально-государственной власти, политики и демократии. Но прежде всего мы опровергаем утверждение о безальтернативности этой трансформации государства, следующей логике капитала.

В представленных здесь формах трансформации речь идет об идеальных типах, которые (даже если они четко различаются на уровне понятий и, как кажется, логически исключают друг друга) могут, как элементы государственной модульной системы Мерклина, реально комбинироваться друг с другом. Так возникают «государства из конструктора», в которых сочетаются элементы декораций неолиберального и этнического государств. Это справедливо и тогда, когда практически неразрешимые противоречия становятся как бы критерием качества возникающей или планируемой государственной формы. История немецкого фашизма показала, что это может привести к 12 годам «тысячелетнего рейха», пока подобный нецивилизаторский реальный эксперимент не разрушится под воздействием собственных внутренних и внешних противоречий.

Транснациональные государства

Для различавшихся выше новых форм государственности (неолиберального и этнического государства) не подходит то, что справедливо для следующих двух государственных форм — *транснационального государства-надсмотрщика* и *космополитического государства*. Они не используют властные возможности, которые предоставляет кооперативный транснациональный суверенитет. Контингентность, в том числе контингентность государства, — сложное явление. Она может проявляться (или быть инсценирована) как угроза, рок, а также как шанс или обещание. Можно говорить о ее конце и упадке или же о повышении ее роли, можно понимать ее как возможность начала (Ханна Арендт), как источник реальных новаций, питающий инициативы.

Государства во властной метаигре структурно находятся в невыгодном положении по отношению к актерам мировой экономики. Им приходится преодолевать отрицательные моменты. Прежде всего это невыгода «второго хода», что означает следующее: когда мировая экономика сделала ход, государства вынуждены идти за ней. Кроме того, государства должны выстраивать контрвласть в борьбе против новой мобильности всемирно-экономической власти. Но это еще не все: ак-

торы мировой экономики реализуют свою власть в мировой политике (если уж отвлечься от политики МВФ) как *побочное следствие* экономической рациональности. Государства (и все, что с этим связано, — партии, союзы, население, традиции, религии, регионы, а также парламенты, общественность, СМИ) осуществляют историческую трансформацию во временном ритме выборов при хроническом дефиците легитимности и под присмотром недремлющего Аргуса критической медийной общественности, при растущем числе избирателей-перебежчиков, в ситуации хронических бюджетных дефицитов и при частичном расхождении с национальным самосознанием и его всевозможными табу.

Эта двойная ущербность государственных акторов проистекает из их изначально оборонительных позиций и порожденной государственным эгоизмом изолированности друг от друга, обусловлена институционализированной неподвижностью, вызывает многочисленные вопросы (например о том, кто должен и может воспользоваться инициативой). Разве попытки отдельных государств прорваться на свободу не караются отрицательным вердиктом капризных и крайне опасливых инвесторов? Разве под всеобщий вой — «невозможно» и «исключено» — мыслимы такие вещи, как транснациональный подъем и транснациональный прорыв к свободе? Разве не должен уже существовать межгосударственный консенсус (к которому надо стремиться), чтобы быть в состоянии принять элементарные меры (например, для предупреждения бегства от налогов) против государств, извлекающих из этого выгоду?

Тем интереснее становится то, как эгоистические отдельные государства учатся решать свои исконные проблемы только в транснациональной кооперации с другими государствами. Раньше считалось, что внешняя политика есть вопрос выбора, а не необходимости. Сегодня, напротив, господствует новомодное «и то и другое»: внешняя и внутренняя политика, национальная безопасность и международная кооперация непосредственно сцеплены друг с другом. Единственный путь к национальной безопасности, против угрожающего глобализированного террора, а также финансовых рисков, климатических катастроф, зараженных продуктов питания и т. п. — это транснациональная кооперация.

Вместе с тем политический подход к терроризму показывает, что мгновенное осознание превосходства транснациональной кооперации способно найти путь в совершенно разных мирах. Это открытие и развитие кооперативной государственной власти поверх границ происходит, с целью, во-первых, нового строительства цитадели *транснационального государства-надсмотрщика à la* Оруэлл, которое скорее может истолковываться глобально-односторонне (США) или кооперативно-многосторонне (Европа); во-вторых, признания и обеспе-

чения многообразия — как *космополитическое государство*. Но реакция США на транснационально действующий террор показала, что протекционистская политика по отношению ко всемирно открытому использованию транснациональной кооперативной власти добилась существенного перевеса во власти.

Данная концептуализация государственных архитектур (здесь лишь эскизно намеченная), т. е. расщепленных ландшафтов властных возможностей в начале XXI века, отвергла национальный взгляд (в политике и науке). Она открывается лишь космополитическому взгляду Новой критической теории и в соответствии с этим является доказательством большей реальности, которую этот взгляд раскрывает («positive problem shift»⁷, Lakatos 1974).

Плюрализация мифа государств

Данную типологию государств можно развивать и обсуждать под другим углом зрения — как в отдельных государственных формах заложено соотношение партикуляризма и универсализма: что доминирует и в какую компромиссную формулу с какими противоречиями сплавилось? Ибо нет смысла трактовать национальный и космополитический подходы как несовместимые и противоположные. Ведь даже с исторической и историко-понятийной точек зрения национальный подход всегда комплементарно содержит хотя бы элементы космополитического подхода. Для современного политического действия, для современной политической теории проблема с самого начала заключалась в том, как соединить универсализм и партикуляризм, как обеспечить возможность универсальности в рамках национальной партикулярности.

В методологии национализма до сих пор исходят из того, что в понимании наций всеобщие права человека и роли этнокультурного, а также политического членства определенным образом соотносятся друг с другом. Это, однако, уже не применимо к этническому государству, тогда как в модели транснационального государства-цитадели заложено противоречие «транснациональной этничности», чью политическую реальность и взрывоопасность можно изучать на примере стран Центральной и Восточной Европы.

Многие политологи придали вере и надежде концептуальное оформление, согласно которому тип партикулярного государства может пониматься как универсальный именно тогда, когда противоречия в системе партикулярных государств если и не могут быть разрешены, то все же сглаживаются в ходе истории. Роль теорети-

⁷ позитивный сдвиг проблем (англ.) — термин Имре Лакатоса. — Прим. перев.

ков международных отношений заключалась в том, чтобы напомнить нам об этом. Однако вопросы о том, как *различные* государственные типы могут сосуществовать друг с другом и друг против друга, причем не только краткосрочно, но и в длительной перспективе, как, следовательно, выглядит и поддерживается в равновесии мир, в котором у национального государства уже нет монополии на идеал, в котором *плюрализация* мира государств привела к системе взаимопротиворечащих концепций государства, — эти вопросы *метатрансформации государственности* еще не поставлены.

Что касается межгосударственных отношений, то между национально-государственным Первым модерном и плюрально-государственным Вторым модерном имеется существенная разница. Если в Первом модерне в качестве предпосылки предполагалась принципиальная гомогенность глобально действующего идеала «национальное государство», то во Втором модерне государственность дифференцируется, и необходимо упорядочить мешанину взаимопротиворечащих государственных форм и концепций государств (например, в тех случаях, когда этнические государства приходят к совершенно другим, по сравнению с космополитическими государствами, представлениям и оценкам границ, суверенитета, прав человека и связанных с этим международно-правовых норм и толкований). Это демонстрируется сегодня в отношении США к Европе, например, в вопросах защиты климата, а также в учреждении Международного трибунала. В обоих случаях Европа представляет космополитическую точку зрения, тогда как США придерживаются идеала гегемонистского национального государства. Если в Первом модерне нестабильность межгосударственной системы заключалась в анархии в отношениях между национальными государствами, которая, однако, могла быть урегулирована благодаря однотипному пониманию государственности, то на место «анархии равных» приходит «анархия неравных концепций государственности», которую гораздо труднее укротить.

Иными словами, в области государственности совершается то, что еще раньше практиковалось в иных сферах общественных наук. Место идеала «нормальная семья» заняла признанная плюрализация форм семейной жизни; место монополии идеала «нормальный труд» — все еще спорная плюрализация форм труда. Однако обеспечение стабильности и безопасности в мире плюральной государственности остается открытой, доселе не познанной, не решавшейся проблемой.

Было бы, разумеется, абсолютно неверным допускать, что во Втором модерне все государства или народы в мире имеют *одинаковые* возможности выбора между альтернативами государственности. (Точно

так же неверно было бы преуменьшать роль или отрицать отношения исключения, с одной стороны, а с другой – побочные последствия и противоречия между отдельными стратегиями и группами стратегий.) Напротив, важно проанализировать вопрос о *конфликте возможностей*: как становится возможным, с одной стороны, заключение союзов между государствами, открытие космополитической перспективы; а с другой стороны, сколачивание с помощью стратегий капитала коалиций, которое в космополитическом государстве должно быть прекращено?

Как становится возможным проводить этнизацию государства, но при этом оставаться пригодным для мирового рынка, если перед лицом мировой общественности акторы глобального гражданского общества приговорают этнический протекционизм к позорному столбу?

Как становится возможным добиваться в предвыборных кампаниях политической поддержки законодательства, открытого миру, если в результате этого делегитимируются глобальные неравенства?

Не следует ли различать стратегические властные возможности государств, исходя из того, вторгаются активно отдельные государства и группы государств во властную метаигру мировой политики или необоснованными решениями других объявляются жертвами и неудачниками глобализации?

Какая последовательность стратегий позволит государствам-жертвам войти во всемирно-политическую роль соучастника, в результате чего они смогут решать свои национальные проблемы также с помощью глобального содействия?

Насколько притязание наднациональных организаций, например МВФ, на власть и контроль противоречит возможностям отдельных государств взять на себя роль инициатора борьбы против неолиберализации и превращения мира в гигантский рынок?

Как организовать многосторонние глобальные политические акции, если господствующие государства (прежде всего США), начертали на своих знаменах девиз неолиберализации мира государств?

Если властные интересы препятствуют стратегиям транснационализации и космополитизации государств, разве эти стратегии в таком случае не исключаются из политики, пусть они, в принципе, и возможны?

Может быть, только следующая катастрофа (которая непременно разразится) сделает очевидным необходимость космополитической переориентации?

Или ситуация обратная: глобальные последствия мировой катастрофы как раз и уничтожат предпосылки космополитической смены

подхода и помогут этническому государству или транснациональному государству-цитадели осуществить прорыв?

Как оценить разрыв между намерениями и результатами во всемирно-политических сценариях? Так, намерение обновить политику в духе космополитических государств и космополитической демократии весьма легко может обратиться в свою противоположность и направить ветер в паруса этнических сепаратистских движений и партий. Оказывается роль инициатора борьбы за космополитический подход снова в центре или находится только (или также) на периферии?

Какую роль могут играть азиатские государства-тигры, которые перед лицом глобальных взаимозависимостей преодолевают свои исторические противоречия и табу и стремятся к региональным, мультинациональным государственным моделям?

Является, с другой стороны, доминантной моделью будущего безграничное и беспредельное насилие в израильско-палестинском конфликте или мультиэтническая, мультинациональная, космополитическая Европа, которая самоуверенно определяет и развивает свою всемирно-политическую роль? Может быть, инициативу космополитического поворота все-таки подхватят, несмотря на их разнородность, бедные государства «семидесятисемерки» (G-77), которые в июле 2000 г. во время встречи на высшем уровне в Женеве выступили с поддержкой налога Тобина? Или подобная роль инициатора борьбы не-западных государств может повлечь лишь штрафные санкции, которые ускорят и так уже давно назревающий экономический спад, социальную имплозию и эскалацию политического насилия?

4. ПРИ ГЛОБАЛЬНОМ ВОСПРИЯТИИ РИСКА УТОПИЯ НЕОЛИБЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА УТРАЧИВАЕТ СВОЮ УБЕДИТЕЛЬНОСТЬ

В поисках контрвласти, которая могла бы противодействовать гегемонии неолиберализма, воплощенного, например, в политике США и МВФ, оценивается и, как правило, отвергается целый ряд актантов — глобальные группы гражданского общества и сети антиглобалистских движений, государства Европейского союза или даже страны-неудачники, пострадавшие от глобализации в Южном полушарии. Как правило, в поле зрения не попадает всемирно-политический движущий мотив цивилизационного восприятия рисков и защиты от них. Его политическая сила, пожалуй, лучше всего видна на примере эффекта «религиозного» обращения, порожденного восприятием террористи-

ческой угрозы правительством Буша, отличавшимся поначалу ультралиберальными убеждениями. Под впечатлением от террористической опасности правительство США добилось от Конгресса принятия дополнительного бюджета, этой насмешки над неолиберальным кредо, с которым правительство выступало на первых порах. На вопрос журналиста, не вступает ли эта расходная политика в явное противоречие с неолиберальным пониманием государства, исповедуемым правительством Буша, пресс-атташе этого правительства лаконично ответил: «Национальная безопасность превыше всего».

Если до 11 сентября 2001 г. действовал девиз «Меньше государства!», то после 11 сентября он изменился на противоположный — «Больше государства!», причем во всем мире. Утопия неолиберального государства разом политически устарела. В самом деле, общественное восприятие и рефлексия по поводу опасности терроризма в США привели к тому, что триумфальное шествие экономики было расколдовано и завершилось. Повсюду в мире после 11 сентября снова входит в моду примат государства.

Вспышка глобального террора подобна «чернобылю» глобализации. Если в одном случае были похоронены радужные надежды на ядерную энергетику, то в другом — посулы счастья в неолиберальном государстве. Террористы-смертники, виновники массового убийства, не только вскрыли уязвимость западной цивилизации, но породили предчувствие того, к какого рода конфликтам приведет неолиберальное заблуждение по поводу глобализации. В мире глобальных рисков девиз неолиберализма — «заменить политику и государства экономикой» — стремительно утрачивает свою убедительность.

В той мере, в какой утверждается понимание этого, разрушается гегемонистская власть, которую неолиберализм завоевал в умах и делах. В этом смысле кошмарные картины Нью-Йорка несут еще не расшифрованную весть: государство, страна может неолиберализировать себя до смерти. Характерно, что под впечатлением опасности терроризма, потрясшей общественность, Конгресс вынудил правительство Буша подтвердить верность неолиберальному кредо, так как оно взяло под *государственный контроль* безопасность полетов!

В кризисные времена перед угрозой глобальных рисков неолиберализм явно не в состоянии дать какой-либо политический ответ. Терапия, которая, когда происходит катастрофа, только увеличивает дозу горького лекарства, представляет собой опасную иллюзию, за которой следует расплата. Террористическая угроза заставляет заново осознать элементарную истину, которую вытеснило триумфальное шествие неолиберализма: кто проповедует отсоединение мировой

экономики от политики, тот подвергает опасности всё — в том числе основы мировой экономики. Вот почему неудивительно, что принцип, противоположный неолиберальному государству, — необходимое расширение государства — внезапно снова стал вездесущим, причем в самом старом варианте Гоббса — в смысле обеспечения безопасности. То, что было немыслимо до 11 сентября, — практика выдачи европейских ордеров на арест, которые ставятся выше освященных национальных суверенитетов и вопросов права и полиции, — осуществилось после 11 сентября. Но это только один пример. Возможно, вскоре мы станем свидетелями аналогичного события, если глобальное восприятие всемирно-экономических рисков потрясет мир. В этом смысле 11 сентября символизирует, разумеется, не конец неолиберального государства, но конец убедительности его утопии.

5. КАК ПРАВЫЙ, ТАК И ЛЕВЫЙ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ВТОРОГО МОДЕРНА

Наши усилия классифицировать метаигру мировой политики, исходя из ее контингентности, и таким образом, разделить разные идеальные типы государственности Второго модерна логично приводят к пониманию того, что политику и политическое действие в этих условиях следует воспринимать как медиум, благодаря которому эти противоположности, противоречия и амбивалентности организованно сталкиваются и разрешаются. Это значит, что на уровне политических программ они обостряются, воспроизводятся или сливаются со старыми противоречиями национального и интернационального пространства. На вопросы, кто выигрывает властную метаигру мировой политики, кто принимает решения по поводу выбора стратегий государства, как при наборе разнородных шансов в мировой политике, при конкуренции программ этнической, неолиберальной и транснациональной цитадельной и космополитической государственности становится возможным космополитическое правление, очевидно (до сих пор) ответа нет.

Однако первые соображения могут помочь концептуально скроить это поле возможностей и решить, какую альтернативу (какие альтернативы) надо отбросить. Здесь следует различать два толкования отношений национального и космополитического подходов, а именно «или — или» либо «как..., так и». В соответствии со сценарием «или — или» институты и партии национального и космополитического подхода соотносятся эксклюзивно (взаимоисключающе) и логика космополитического подхода заменяет логику национального подхода. Это

видение радикального разрыва непрерывности остается, в конечном счете, привязано к либеральному мышлению и не учитывает реальных смешанных форм, в которых проявляется новое качество космополитической эпохи.

Эту эпоху следует, напротив, осмыслять в соответствии с принципом «как..., так и». Это означает, что два регистра политического мышления и действия (политических институтов) сосуществуют, абсорбируются, связываются, маргинализируются: национальное и транснациональное, устоявшееся и альтернативное, завершающее и открывающее. Космополитический подход *не заменяет* национальный, обе логики *сосуществуют*, конфликтуют, пересекаются или связываются и действуют в разделенных пространствах и мирах.

В политических партиях, правительствах, бюрократиях, союзах и т. д. эти конфигурации нового — хотя и не абсолютно нового — качества космополитической эпохи могут и должны быть концептуально обозначены, эмпирически вскрыты, исследованы, подтверждены или опровергнуты. Новая критическая теория утверждает, что раскрытие контингентностей навстречу космополитическому остается *принципиально амбивалентным*, причем с разных точек зрения. Существует «объективная возможность» (Макс Вебер) такого раскрытия. «Открывающая политизация под знаком “и” не исключается — в том числе не исключаются устоявшиеся формы политики» [Palonen 1998, 328]. Иными словами, уточняется вопрос о разрыве между Первым модерном и Вторым, о разрыве непрерывности. Глобализация контингентности предлагает возможность того, что новые перспективы и понятийные аппараты *абсорбируются* образцами устоявшейся политики. Однако вероятно и то, что из антагонистического поля национализма и космополитизма в ситуации глобальной напряженности вырастают противоречия и слияния политических программ внутри и между устоявшимися организациями и институтами.

Метафорой двойной игры, однако, подчеркивается та контингентность на метуровне, «которая требует политического освоения по крайней мере двух видов игры и выборе — в зависимости от ситуации — того или другого. Выбор вариантов игры не сводится к выбору между однозначными противоположностями. Более того, устоявшаяся и альтернативная, привязанная к правилам и изменяющая правила политика и поле субполитики предлагаются как конкуренты» [Palonen 1998, 328]. При этом по-новому формирующиеся поля властной игры и линии конфликтов перекрывают различие *polisy* и *polity*⁸.

⁸ политики и государства (*англ.*).

Национальные космополитические партии

Для того чтобы космополитический подход обрел политическую форму и силу, он нуждается в обосновании и создании нового политического субъекта — национальных партий космополитов или «мировых партий» [Beck 1998, 43]. Эти новые космополитические партии представляют транснациональные интересы транснационально, но также и внутри национально-государственных политических сфер. Они, таким образом, программно и организационно возможны только во множественном числе — как национально-глобальные движения, как партии космополитов, граждан мира. Они конкурируют с национальными партиями — в области лишь мнимо национальных тем и конфликтов — из-за консенсуса и власти. Речь идет о мировых партиях в тройном смысле:

- во-первых, их ценности и цели являются не национальными, а космополитическими, поскольку они ссылаются на ценности и традиции человечества во всех культурах и религиях и ощущают себя обязанными всей планете как целому — в противоположность национальным партиям, которые ссылаются на национальные ценности, традиции и солидарность;
- во-вторых, они являются мировыми партиями потому, что объявляют вопросы глобальности центром политической фантазии, политического действия и организации и, таким образом, своей политикой конкретных альтернатив противоречат твердо установленным и постоянно используемым приоритетам национального — как в отношении программ, так и в отношении институтов;
- в-третьих, они возможны только как мультинациональные партии. Это значит, что должны существовать космополитические движения и партии французского, североамериканского, польского, немецкого, японского, китайского или южноафриканского происхождения, которые в общей игре друг с другом в различных нишах мирового общества и с разных точек зрения борются за утверждение космополитических ценностей и институтов. В мировых партиях, таким образом, бьется *вавилонское сердце космополитизма*.

Плюрализация левого и правого

Второй сценарий исходит из «политического парадокса глобализации» [Grande/Kriesi 2002, 775], согласно которому на новые космополитические конфликтные динамики сначала и прежде всего «влияние может быть оказано только в национальных рамках и в националь-

ных политических процессах». Смена ориентации, необходимая для того, чтобы, к примеру, раскрыть транснациональные и космополитические стратегии государства и их властные возможности, должна сначала утвердиться в борьбе и осуществиться внутри установившегося партийного спектра, а также внутри существующих правительств или союзов правительств. Спектр альтернативных государственных трансформаций — от национального государства до этнического, неолиберального транснационального государства-крепости или космополитического государства — должен разрабатываться в рамках глобальных взаимозависимостей экономического, культурного, военного и экологического плана, однако обретает свое конфликтное местоположение прежде всего внутри устоявшихся политических организаций и институтов. Борьба за *эксплицитно* новые партии могла бы начаться лишь потом и в той мере, в какой становится публично зримым и признанным, что эта модель устоявшихся политических организаций *терпит крах* перед вызовами космополитического модерна. Именно потому, что господствует национальный подход, т. е. не признается провал национальной политической аксиоматики, следует исходить из того, что программные противоречия космополитического модерна будут разрешаться в космополитической борьбе внутри организаций, более или менее лишенных своего ядра, при неизменных названиях-фасадах.

Эта дифференциация разных «программных пакетов» проясняет одно: попытки встраивания всемирно-политических противоречий в национально-государственную арифметику Первого модерна меняют привычное противопоставление левого и правого до неузнаваемости. Деление на две таблицы будет понято неправильно, если отсюда сделают вывод о возрождении полярной противоположности левого и правого. Напротив, эта форма изображения внутренней плюрализации право-левого и лево-правого призвана сделать более наглядными их пересечения и слияния (табл. 10, 11).

Протекционистская левая отстаивает национально-государственную модель политики, веруя прежде всего в то, что эта модель явилась необходимой предпосылкой для двух центральных завоеваний Первого европейского модерна — парламентской демократии и государства «всеобщего благоденствия». Исповедуя эту национально-государственную веру, сторонники противоположных позиций — социал-демократические защитники государства «всеобщего благоденствия», коммунисты и защитники окружающей среды — оказываются в одной лодке. Эта позиция встречает сильное одобрение в послевоенном поколении политологов потому, что в ней национально-государственная

Таблица 10. Типология политик для Второго модерна: плюрализация левых

		<i>протекционистская</i>	<i>открытая навстречу миру</i>
<i>Суверенитет (идентичность)</i>	<i>национальная/автономная</i>	протекционистская левая	неолиберальная левая; «третий путь»
	<i>транснациональная/кооперативная</i>	транснациональная цитадельная левая	космополитическая левая

Таблица 11. Типология политик для Второго модерна: плюрализация правых

		<i>протекционистская</i>	<i>открытая навстречу миру</i>
<i>Суверенитет (идентичность)</i>	<i>национальная/автономная</i>	этническая правая; ксенофобская	неолиберальная правая; правый «третий путь»
	<i>транснациональная/кооперативная</i>	транснациональная цитадельная правая	космополитическая правая

вера, присущая нерушимому единству нации, демократии и социальной безопасности, научным образом социализировалась как противоядие от тоталитаризма.

Неолиберальная левая всерьез принимает вызов глобализации, который превентивно отрицается протекционистской левой. Здесь намечается синтез между национальным государством и мировым рынком – синтез, который в форме политической программтики «третьего пути» был сформулирован главным образом в среде новых лейбористов. У Гидденса [Giddens 1998, 26] речь идет о новых «рамках для рассуждений и политических формулировок, которые социал-демократия стремится приспособить к миру, коренным образом изменившемуся за прошедшие три десятилетия». Это притязание пытаются реализовать, например, с помощью двух программных изменений: в форме новой концептуализации понятий «общество», «нация» и «граждан-

ство» в глобализирующемся мире и в попытке продвигать интернационализацию национального государства путем его интеграции во всемирно-экономические связи и наднациональные организации.

Политическая программа *транснациональной цитадельной левой* обозначена менее четко. Она же обнаруживается и выкристаллизовывается там, где в строительстве и перестройке Европы принцип социальной государственности более или менее принудительно связывается с отсечением культурно иных (миграционная политика) от «крепости Европы». *Космополитическая левая* сражается за утверждение космополитического подхода *внутри* национально-государственных действий. Здесь на место веры в национальное государство вступает вера в возможность космополитического расширения демократии, а на место образования национального сообщества — представление об образовании космополитических идентичности и сетей. В центр программно выдвигаются цели *другой* глобализации, что приводит к двойному конфликту: во-первых, выступают против гегемонии неолиберальных политических идей, а во-вторых, против правопопулистских и ксенофобских движений и партий антиглобалистов. Пример — одновременная борьба за введение налога Тобина и за соблюдение прав человека. Наднациональные организации должны демократизироваться и программно, и политически. Тематизация глобального неравноправия за пределами национального подхода, а также примыкающие к этому вопросы «глобальной справедливости и свободы», занявшие приоритетное место в программах всемирно-экономической политики и политики развития, относятся к ключевым задачам.

Сила космополитического движения существенно зависит от того, насколько удастся сколотить для политической работы альянс «Север — Юг». Это вызов, ответить на который мешают не только серьезные препятствия транскультурного диалога и координации; этот вызов предполагает роль инициатора во всемирно-политических дебатах. Когда мир социальных неравенств и демократических институтов уже проектируется в рамках не национального, а космополитического подхода и должен привести к соответствующим транснациональным организационным и эффективным мероприятиям, обнаруживаются мировые противоречия *внутри* политических движений. Уже не существует «больших ответов», но существуют попытки сколотить политику из промежуточного пространства, пространств «здесь и там». Космополитический подход делегитимирует глобальные неравенства; тут заложен мощный источник конфликтов. Космополитическая левая последовательно впутывается в амбивалентные мировые отноше-

ния. Ориентиром для этого служит властно-созидательное регулирование и формирование многообразия на основе признания последних, которое обретает свою специфику и привлекательность, будучи направленным против фундаментализмов, провозглашающих новые однозначности. Для представителей новой космополитической левой, таким образом, характерно объединение во взаимных пересечениях в политических партиях («зеленых», а также во фракциях других партий), программное и организационное формирование себя поверх всех границ в транснациональных союзах, множественных движениях и группировках гражданского общества.

Этническая правая реагирует на глобальные взаимозависимости двойным отграничением — экономическим и культурным протекционизмом. Здесь явно или тайно правят ксенофобские идеологии и практики. Ориентир здесь — этническое государство, доводящее до совершенства изоляцию культурно иных.

В противоположность этому *неолиберальная правая* ратует за политику, в которой открытая экономика (неолиберализм) сочетается с культурным отграничением (ксенофобией). Последнее прослеживается в случае транснациональной цитадельной правой не на национальном, а на транснациональном уровне — к примеру, в Европе. Откуда следует, что границы между транснациональными левыми и правыми практически неразличимы. То, что носит этикетку «левый» или «правый», становится все более непонятным при внутренней плюрализации и расколе левых и правых позиций.

Можно было бы подумать, что космополитическая правая есть нечто вроде вороной сивки (логически немислимая вещь). Однако это утверждение, как показывает взгляд на историю Европейского союза, на практике оказывается ложным. Ведь отцы-основатели Европы были *космополитическими консерваторами*, представлявшими единую политическую философию и практику. Робер Шуман, Конрад Аденауэр, Шарль де Голль, Альчиде де Гаспери были практикующими католиками, европейскими патриотами. На опыте познав все прелести бытия в разделенной стране и будучи заклеены как представители морального саморазложения европейски-национально-государственного модерна, проявившегося в безумии Второй мировой войны и холокоста, они проектировали и воплощали в жизнь наднациональную федеративную архитектуру «ватиканской Европы» как высвобождение из воинственной истории Европы и гарантию от нее. Католицизм соединяет консерватизм с космополитическими элементами.

Во-первых, христианство снимает эссенциализм этнических и национальных различий и противоречий, по крайней мере в идеальной

сфере. Сущность человека и человеческого общежития определяется его христианской верой. Не прошлым этнического происхождения, не биологическими и социальными признаками (например, возрастом и полом), но *крещением* устанавливается будущее до-, пост- и транснационального сообщества (а также политического действия). Однако наряду с этим, как учит история, место этнических различий «нас» и «других», цивилизованных и варваров заступает кровавое различие крещеных и некрещеных.

Во-вторых, *принцип субсидиарности*, который проистекает из католического социального учения и на который ориентировалась архитектура европейских институтов, начиная с плана Шумана, предполагает и создает социальный строй, в котором плюрализм традиций, регионов, наций являет собой фундаментальный принцип. Однако эта связь католически окрашенного и ограниченного космополитизма и продолжающего существовать национализма, как это выражено в формуле «Европа отечеств», сводится к иллюзии, возникшей при основании Европы, что может иметь место и то и другое. Создание Европы и дальнейшее существование национальных государств — противоречие, которое с освобождением европейского капитализма в общем рынке и в валютном союзе с введением евро все более явно и политически взрывоопасно вырывается наружу. По-новому ставится космополитический вопрос и в консервативных партиях.

Эта внутренняя плюрализация левой и правой очерчивает спектр политических противоречий, внутри которого разыгрываются программные битвы XXI века. Согласно логике «как..., так и» границы между политическими позициями размываются, а потому часто проводятся и обосновываются *ad hoc* по-новому, произвольно, в зависимости от конкретных тем. Возникают конфликтные динамики, которые упраздняют границы.

Рассмотрим переход политики неолиберальной левой в политику неолиберальной правой. Неолиберальная левая заключает союз между государственной политикой и капиталом, причем политика создает рыночную форму общества и обязана компенсировать порождаемые ею проблемы (растущее социальное неравенство, безработицу, эксклюзию). Эта левая политика «третьего пути» осуществляется, таким образом, под лозунгом «больше государства», а не «меньше государства», однако «больше государства» в интересах капитала и «меньше государства» в интересах граждан и гражданского общества. Поскольку неолиберальная левая не стремится к политике передела власти в пользу стороны капитала, во всяком случае, мирится с ней, растут бедность и неуверенность, а с ними также потенциалы

недовольства и конфликтов. Отсюда возникает необходимость утверждать закон и порядок. В этом смысле именно политика неолиберальной левой, которая возлагает на экономику центральную роль во властной метаигре, переходит в политику *law-and-order*⁹ неолиберальной правой, которая с помощью полицейских и военных методов все чаще вторгается в различные сферы общества для продвижения неолиберализации экономики, общества и государства. В этой (невольной) совместной игре между неолиберальной левой и неолиберальной правой кристаллизуется скрытое до сих пор противоречие между демократией и глоболизирующим капитализмом — «свобода или капитализм» [Beck / Willms 2000]. Это справедливо как для внутригосударственных, так и для межгосударственных отношений.

В межгосударственных отношениях принцип национального государства легитимирует растущее глобальное неравенство. Он является режимом эксклюзии, который — в мировом масштабе — предоставляет привилегии меньшинству и ущемляет большинство. Сторона капитала использует механизмы национального государства двояко: во-первых, чтобы захватить и закрепить свою власть над ресурсами; во-вторых, чтобы проистекающие отсюда мировые противоречия между богатыми и бедными легитимировать в предустановленной иррелевантности и ирреальности¹⁰.

⁹ правопорядка (англ.).

¹⁰ Центральным моментом состоит в следующем: внутригосударственные и межгосударственные поляризации накладываются друг на друга и взаимопроникают, так что за старыми институциональными фасадами во всемирную внутреннюю политику — в рамках определенных национальных контекстов — закладываются характерные противоречия и мины замедленного действия. Считается, что для проведения различия между разными формами принципа «как..., так и» надо разработать логику *инклюзивного* различения. Иными словами, принцип «как..., так и» также нуждается в четких различениях, чтобы его как таковой можно было распознавать и верифицировать или фальсифицировать. В этом смысле то, что в этой книге называется космополитическим режимом, можно определить через *двойную политизацию «не»*: не-инклюзия в политическую центральную инстанцию, не-эксклюзия в национальном. Связанные с этим подрывающие границы, пересекающие границы, размазывающие границы динамики можно тогда определить поточнее: специфический для определенной области плюрализм, плюральный компромисс, иерархически упорядоченный плюрализм, неструктурированную плюральность, ограничение альтернатив, ликвидацию границ или синтез, секвенциализацию и рефлексивный децизионизм. Эти понятийные формы «как..., так и» разрабатывал в рамках

Контрвласть космополитической левой

Что касается шансов на успех космополитической левой, то из предыдущей аргументации можно вывести два тезиса.

1. Вопрос, кто выигрывает, является принципиально *открытым*. Эта открытость есть существенный признак Второго модерна.
2. Прежние успехи космополитической левой учат, что они могут быть достигнуты *исключительно в союзах* — с государством и против него, с представителями капитала и против них.

Лишь расширенное понятие политики, которое включает акторы и сферы глобальной и национальной субполитики, позволяет проводить адекватный политологический анализ политических динамик и поляризаций.

В пользу этой гипотезы говорят конкретные примеры. Так, космополитические движения и группировки якобы затормозили неудержимое ускорение дерегулированной глобализации в начале 1990-х гг. [*Broad/ Cavanagh* 2000, 197ff.]. Например, давление гражданских движений в США, оказываемое с целью внедрения в торговые соглашения языка охраны труда и защиты окружающей среды, привело к тому, что консенсус в американском Конгрессе для заключения новых торговых соглашений был существенно затруднен. Поэтому в ноябре 1997 г. президент Клинтон не смог защититься от давления гражданского движения, когда большинство в Конгрессе отказали ему в полномочиях на быстрое заключение торговых соглашений.

Другой пример. В конце 1995 г. правительства Севера попытались расширить власть Всемирной торговой организации с помощью «Multilateral Agreement on Investment¹¹» (MAI). Срыв его принятия, поддержанный гражданским движением в странах третьего мира, явился успехом инициативы Севера, обусловленным не в последнюю очередь тем, что эта инициатива включала правительства Юга и тем самым смогла мобилизовать крупную транснациональную коалицию.

области особого исследования «рефлексивной модернизации», главным образом, Кристоф Лау в сотрудничестве с другими учеными на примере научных и технико-социологических постановок вопросов и исследовательских проектов; но их вполне можно приложить к другим тематическим полям, особенно к отношениям между национальным и космополитическим подходами (см. в связи с этим: Sonderforschungsbereich 536 «Reflexive Modernisierung», Antrag auf Finanzierung für die Jahre 2002 folgende, Das Forschungsprogramm, München 2002, S. 13–66).

¹¹ Многостороннего соглашения по инвестированию (*англ.*).

Причины успеха космополитической левой можно исследовать и на тот предмет, как ей удалось и удастся (по крайней мере в своих инициативах) закрепить права рабочих и экологические нормы в экономических обязательствах и в общих торговых соглашениях. «Фонду International Labor Rights Fund и другим движениям, сколотившим альянсы с американским Конгрессом и профсоюзами, а также правозащитными движениями в соответствующих странах третьего мира, удалось повлиять на американское законодательство таким образом, что в обязательном порядке была установлена связь между американской торговлей и инвестиционными привилегиями с другими странами и обязательством соблюдать права рабочих» (202). Тут пришлось преодолевать решительное сопротивление затронутой этим отрасли промышленности. Если положить в основу намеченную в предыдущих главах теорию, то можно сделать некоторые выводы о том, как усилить контрвласть космополитической левой.

1. *Связывание воедино.* Важным условием успеха было бы то, что космополитической левой удалось конституировать себя внутри и вовне как национального и глобального участника метаигры мировой политики. «Реальной» космополитической левой, вообще говоря, вовсе не существует, поскольку она распадается на миллионы инициатив или невидимо для внешнего наблюдателя активно действует в образе отдельных личностей за известными партийно-политическими рыночными продуктами, если только космополитическая левая не создает и не дефинирует себя как таковую. Внутреннее многообразие (программы, языки, отдельные цели, а также политические тактики и стратегии) создает непреодолимые препятствия на пути подобного рефлексивного самодефинирования. Но так не должно быть. Программный вывод: признание многообразия может пониматься и трактоваться как организационное единство. Однако для этого необходимо, чтобы такое многообразие уже не считалось недостатком, но принималось и практиковалось как сущностный и идентификационный признак нового космополитизма. В этом смысле космополитической левой следовало бы прежде всего самой практиковать ценности космополитического общества, за которые она борется на политической арене.

2. *Союзы и конфронтации.* Космополитическая левая сможет обрести свое лицо и добиться влияния только в той мере, в какой ей удастся раскрыть транснациональные пространства действия и власти. Это означает, что даже малые движения (малые — по числу участников и борцов в национальном контексте) при образовании сетей за гра-

ницами национальных государств, производственных секторов и кооперативных акторов могут привлечь существенное международное внимание и максимально увеличить свои шансы на успех. Одновременно необходимо позиционировать эту транснациональную власть в противоборстве и союзе политических сил. Так, движению, которое стилизует и изолирует само себя как внепарламентскую и внегосударственную инициативу, уготована утрата собственной власти. Чистое антидвижение против государства или капитала обречено на безвластие. И наоборот: в той мере, в какой партии государственных акторов или капитала открываются для космополитического подхода, космополитическая левая обретает характерный облик и силу для самоутверждения. Успешной может быть только стратегия, которая включает, а не исключает государство и капитал.

3. *Самокритика.* Космополитическая левая не может проповедовать какую-нибудь идеологию, как и всеобщую любовь к людям или человечеству. Она должна обезоруживать с помощью аргументов. Именно в этом могла бы заключаться сила ее убеждения. Тот, кто не только говорит в свою пользу, но сам докладывает о том, что говорит против него, пробуждает любопытство и доверие, повышает восприимчивость к реальным противоречиям, выявление которых составляет достоинство космополитического взгляда.

6. В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО ВООБРАЖЕНИЯ

Для того чтобы прояснить лежащее в основе данной книги космополитическое понимание Новой критической теории, имеет смысл провести различие между двумя формами критики и самокритики — негативной (само)критикой и позитивной (само)критикой (табл. 12). *Негативная критика* имеет национальный подход и национальную аксиоматику, причем как политической науки, так и политического действия. В случае *позитивной критики* речь, напротив, идет о развитии и обосновании или легитимации космополитического подхода, т. е. космополитических *polity* и *policy*. Применительно к этой смене подхода нужно проводить различие между уровнем политической науки и уровнем политического действия. Речь, таким образом, идет о двух взаимодополняющих действиях: критике национального подхода, т. е. негативной критике; и обосновании и развитии космополитического подхода, т. е. *позитивной* критике.

Взаимодополняемость, комплементарность — это эвфемизм для определенной зависимости: позитивная критика предполагает наличие

негативной. Но есть еще одно обстоятельство: только космополитическое воображение вдохновляет негативную и позитивную критику, а также самокритику политики и политической науки. С социологической точки зрения, оба вида критики оправдывают свое существование прежде всего отказом от фикций национального подхода, присущей космополитическому подходу, большей близостью к реальности, а также связанными с этим выгодами для акторов. Как мы показали, космополитический подход открывает государствам возможность действия, которую национальный подход закрывает. Политически, однако, это оценивается абсолютно по-другому, поскольку смена ориентации вынуждает к радикальным сдвигам интересов и конфликтных моделей.

Что предлагает в этой связи самокритика Новой критической теории? Это можно пояснить на примере негативной критики. В той мере, в какой она действенна, обесцениваются ключевые обоснования национальной парадигмы. Отсюда возникает вопрос о *политических издержках* негативной критики. Кто принимает решения о желательности, направлении и времени «транснациональных реформ» существующего до сих пор национального строя? Национальные партии? национальные парламенты? МВФ? Европейская комиссия? Ассамблея ООН? страны «семерки»?

Почему некоторые правительства смиряются с этим?

Существует ли скрытый консенсус ведущих государств, которому все вынуждены покориться?

Имеются ли соответствующие гегемонистские механизмы или все это совершается по модели метатрансформации за спиной акторов как непредусмотренные последствия стратегических взаимозависимостей их действий?

Есть ли какой-то смысл в этих ответах?

Самокритически ориентированная Новая критическая теория ставит вопрос о деформациях и опасностях, возникающих вместе с успешной критикой национального подхода.

Какое понятие политики имеется в виду?

Если заострить высказывание, политика (понимаемая не как прикладная идеология, не как искусство перебиваться ни шатко, ни валко) играет в теории лишь академическую, «украшательскую» роль. Напротив: политика и политическая теория, политические понятия соотносятся друг с другом как раз конститутивно. Это справедливо как для национального подхода, так и для космополитического, хотя

Таблица 12. *Виды критики и самокритики Новой критической теории в космополитическом аспекте*

	<i>Негативная: критика национального подхода</i>	<i>Позитивная: обоснование и развитие космополитического подхода</i>
<i>Политическая наука</i>	Критика методологии национализма ¹²	Развитие методологии космополитизма; вопрос о дилемме космополитизма ¹³
<i>Политическое действие</i>	Анализы самоустранения национальной политики из сферы власти; вопрос о политических издержках критики национальной политики ¹⁴ ; критика альтернатив национальному государству (этническое, неолиберальное и транснациональное государство-надсмотрщик) ¹⁵	Шансы космополитического обновления государственности ¹⁶ ; вопрос о теневых сторонах космополитизма ¹⁷

и с обратным знаком. Как национальный подход — а не структурные принуждения — закрывает доступ к властным возможностям мировой политики, так космополитический подход открывает дорогу к ним.

Можно сформулировать нечто вроде основного закона новой политики и политической теории: *изменение реальности предполагает изменение подхода*. Политика состоит и возникает из толкования ею исторической ситуации. Космополитическая социология, если она методически практикует смену горизонтов, может, пожалуй, играть роль политического eye-opener¹⁸.

¹² См. в этой связи гл. I, разд. 9, 10, 11; гл. II; гл. VII, разд. 1 и 2, а также следующий текст.

¹³ См. гл. I, III, IV, V, VI, VIII.

¹⁴ См. гл. V; гл. VI, разд. 1 и 2.

¹⁵ См. гл. VII, разд. 4.

¹⁶ См. гл. I, разд. 4 и 8; гл. V; гл. VII, разд. 5.

¹⁷ См. гл. III, разд. 13; гл. VII; особенно гл. VIII.

¹⁸ разоблачения, развенчания (*англ.*).

Какой смысл мы вкладываем в понятие теории?

Понимание теории в критической теории реагирует на смену интеллектуального климата. Чарлз Райт Миллз полемизирует в книге «The Sociological Imagination» (1959) одновременно с «Большой теорией» Парсонса и «бездушным эмпиризмом» Лазарсфельда в современной социологии. До сих пор эта атака поражает своей неординарностью. Подумать только, ведь он критикует блестящие достижения находившейся на подъеме науки социологии во имя утраченного воображения, а не более совершенной науки!

Речь о космополитическом подходе принимает эту критику и вместе с тем придает ей характерный поворот: nation-state imagination¹⁹ должно быть подвергнуто творческой деструкции, чтобы стало возможным cosmopolitan imagination²⁰. Без этой болезненной, конфликтной смены подхода именно науке кризиса и трансформации со всей ее приобретенной профессиональностью и утонченными методами грозит слепота в отношении радикальности трансформации, потрясающей мир²¹. Вспомним Макса Вебера: самокритическая Новая критическая теория в космополитическом аспекте необходима и возможна, чтобы вернуть «вечную молодость» социальным наукам.

«Во все новых образах и красках возникают проблемы культуры, волнующие людей; зыбкими остаются границы того, что в вечном и бесконечном потоке индивидуальных явлений обретает для нас смысл и значение, становится «историческим индивидуумом». Меняются мыслительные связи, в рамках которых «исторический индивидуум» рассматривается и постигается научно. Отправные точки наук о культуре будут и в будущем меняться до тех пор, пока китайское око-стенение духовной жизни не станет общим уделом людей и не отучит их задавать вопросы всегда одинаково неисчерпаемой жизни» [Weber 1988, 184]²².

«Есть науки, которым дарована вечная молодость; к ним относятся все исторические дисциплины, перед ними в вечном движении культуры все время возникают новые проблемы. Для них главную задачу составляют преходящий характер всех идеально-типических конст-

¹⁹ национально-государственное воображение (англ.).

²⁰ космополитическое воображение (англ.).

²¹ Полемика с авторами критической теории есть отдельная задача, которая здесь не ставится.

²² Вебер М. Избранные произведения / пер. М. И. Левиной. М., 1990. С. 383.— Прим. перев.

рукций и вместе с тем постоянная неизбежность создания новых» [Ebd., 206]²³.

Возвратится ли с Новой критической теорией Большая теория? Нет.

Она обратится также против *моды на антитеорию*, которая в обобщенном постмодерне избегает обобщений, как чумы. Одновременно она критикует объективизм общественной структуры, обрезающий и отрицающий контингентность (например, в духе Толкотта Парсонса). Этот объективизм отличается тем, что как бы маргинализирует контингентность. Она приспособливается к понятийно годной мере *внутри* заданных категорий. Подобные тотализирующие понятия и теории общества национально-государственного толка методология космополитизма отвергает, при этом ссылаясь на Макса Вебера: «For Weber, history issues a harder lesson. It is never simply a story about ourselves, but rather a record of differences, contingencies, unanticipated consequences and paradox meanings²⁴» [Scaff 1989, 63]; (цит. по: Palonen 1998, 102).

²³ Там же. С. 406. — Прим. перев.

²⁴ Согласно Веберу, история преподает более трудный урок. Она является не просто рассказом о нас самих, а скорее регистрацией различий, контингентностей, непредвиденных последствий и парадоксальных смыслов (*англ.*).

ГЛАВА VIII

МАЛЕНЬКАЯ НАДГРОБНАЯ РЕЧЬ У КОЛЫБЕЛИ КОСМОПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭПОХИ¹

Великие идеи европейского модерна – национализм, коммунизм, социализм, а также неолиберализм – исчерпали себя. Следующей великой идеей мог бы стать *самокритичный космополитизм*, если бы эту исконную традицию модерна удалось открыть для вызовов XXI века.

Для этой цели, однако, необходимо обосновать грезы о космополитическом обновлении политического и государственности, исходя из кошмара, таящегося в этих грезах. После такого столетия, каким был XX век, в котором, как сформулировал Брехт в одном своем поэтическом произведении, стих стал преступлением, поскольку заключает в себе молчание о великом множестве злодеяний; после такого столетия злую, яростную, насквозь фальшивую фразу: «Кто говорит о “человечестве” – лжет» – нужно сделать основным методическим ключом в обсуждении непредвиденных побочных последствий космополитического режима еще до его осуществления.

В эпоху побочных последствий не может быть триумфального обоснования того или иного, есть только мучительный путь критики, максимально возможной критики собственного утверждения. Так обязана действовать Новая самокритическая теория. Теперь, в конце книги, применим этот методический принцип следующим образом.

На первом этапе мы будем защищать идею космополитизма от грубейшего непонимания, поместив ее в поле соперничающих описаний глобализма, универсализма, мультикультурализма.

¹ В данной главе я использовал следующую литературу: *Archibugi / Held / Köhler* (1995); *Arndt* (1845); *Assheuer / Perger* (2000); *Beck* 2001; *Beetham* 1995, 1999; *Boyarin / Boyarin* (1993); *Butler / Laclau / Žizek* (2000); *Brunetier* (1895); *Brunkhorst / Köhler / Lutz-Bachmann* (1999); *Benhabib* 1992; *Cheah / Robbins* 1998; *Connolly* 1995; *Coulman* 1990; *Cwerne* 2000; *Dworkin* 1986; *Falk* 1995; *Forsythe* 2000; *Habermas* 1996, 1998, 2001; *Harvey* 2000; *Held* 2000, a, b; *Horstmann* 1976; *Linklater* 1998, a, b; *Nußbaum* 1996; *Ottmann* 2001; *McCarthy* 1999; *Kuper* 2000; *Waldron* 2000.

На втором этапе развернем в противоположном направлении онтологический пессимизм Европы, превратив его в поразительную гипотезу позитивной диалектики Просвещения на повороте к глобальной эпохе, — ненадежный, непостоянный дух космополитизма, стирающий границы и смешивающий их, торжествует над нападками своих врагов с силой, сметающей все различия.

На третьем этапе эту прямую противоположность господствующим в настоящее время чаяниям, а именно победу космополитического режима (т. е. признание многообразия прав человека, гражданского общества и всего доброго и прекрасного), надо будет обосновать, исходя из ее теневых сторон. Мы применим, несколько модифицировав, фразу Жан-Поля Сартра «Ад — это мы» к космополитической эпохе. Мы постараемся вдуматься, погрузиться в космополитическое мирозерцание — для большинства совершенно утопическое (читай: слепое к реальности) — и вдохнуть его *air empesté*², чтобы, как обещано, выдохнуть *маленькую надгробную речь у колыбели космополитической эпохи*.

1. КОРНИ И КРЫЛЬЯ. КОСМОПОЛИТИЗМ В СООТНОСИТЕЛЬНЫХ РАМКАХ СОПЕРНИЧАЮЩИХ РАЗЛИЧИЙ

Существует ли более точная, более невероятная сказка о Золушке в истории философии, чем то, что последует далее? Разумеется, нет. Космополитизм, исконно цивилизационная философия, древняя, как само политическое мышление, должен в начале третьего тысячелетия выйти победителем из вавилонского смешения политических понятий и отношений. Никогда еще утверждение «Я знаю, что ничего не знаю» не было столь верным диагнозом эпохи, как сегодня.

Что только ни ставили в вину космополитизму, что только ни прилипало к его ризам! Каких только упреков, насмешек и издевательств ни приходилось ему сносить! «Тот, у кого дома все благополучно, или тот, кому дома уже не нравится, или тот, у кого нет родины, — стань космополитом, а став им, держись подальше от своего отечества! Всеобщий гражданин — как всеобщий друг, это ничейный друг». Исключение другого по национальному признаку считалось универсальным образцом для дружбы! У кого нет национального чувства, тот «холоден как снег». Его мораль — отсутствие корней; отречение от своего происхождения возводится им в моральный принцип. Так Эрнст-Мориц Арндт [Arndt 1845, 376] чернил отсутствие связи с народом у космо-

² заразный воздух, отравленную атмосферу (*франц.*).

политов: «Они становятся всеобщим народом, всеобщими людьми — тем, что окрестили хвастливым именем космополитов; но они, с подобной путаницей в головах и слабым чувством своеобычности, идут напрямик к тому, чтобы сделаться такими всеобщими людьми, как те, которых называют рабами и иудеями».

Не менее остроумно выразился Жозеф де Местр: «В мире не существует человека. В своей жизни я видел французов, итальянцев, русских и т. д. Благодаря Монтескье я даже знаю, что можно быть персом, но что касается человека, я заявляю, что своей жизни я его не встречал». «Только из любви к парадоксам», — подсмеивается над этой подростковой шуткой хвастливого грансеньера Фердинанд Брюнетьер [*Brunetiere* 1895: 636]. Записной католик де Местр как раз в тот день забыл, что «Рим знает только христиан», а «не итальянцев и французов, китайцев и аннамитов»³.

Представление, приходящее людям в голову при упоминании слов «космополит» и «космополитизм», соответствует образу врага, который породил и внушил национализм в период своего расцвета. Поэтому так важно выяснить, чем разнится речь о космополитизме от нередко не отличимой по значению речи об *американизации, неолиберальном глобализме, универсализме или мультикультурализме*.

Универсализм и космополитизм

Космополитический вопрос таков: как ты относишься к *инаковости другого*? Ответ, кажется, лежит на поверхности: космополитизм ее признает, а американизация и неолиберальный глобализм отрицают. Ответ поспешный, с ним надо разобраться. Во всех странах поднимается волна критики в адрес западной модернизации. Критики, прежде всего это голоса постколониализма, выясняют, как в европейский универсализм встроены различные конструкции, как европейский человек относится к своим культурно иным. Истоки проблемы далеко в прошлом. Открытие «человечества» как эмпирически доступной социальной единицы исторически совпало с открытием дикарей. Едва только прогресс навигационного искусства, а с ним и всемирная торговля посулили *res publica mundana*⁴ (Bodin), как *genus humanum*⁵ был разделен согласно антитезе «одинаковый — равноценный», «отли-

³ Де Местр цитируется по Брюнетьеру; эти цитаты критиков космополитизма взяты из книги Петера Коульмаса [*Coulmas* 1990, 421f.].

⁴ всемирную республику (*лат.*).

⁵ род человеческий (*лат.*).

чающийся – неполноценный». В этом смысле можно, как показывает Тейво Тейвайнен, проследить параллель между конференцией в Вальядолиде в 1550 г., где дебатировался вопрос, в какой степени индейцы отличаются от европейцев и поэтому неполноценны, и сегодняшней политикой МВФ [*Teivainen* 1999, 84-116].

Тогда столкнулись две точки зрения, олицетворяемые философом-аристотеликом Хуаном Гинесом де Сепульведа и священником-доминиканцем Бартоломе де Лас Касасом. Философ-аристотелик утверждал, что естественным состоянием человечества является иерархичность, доминиканский священник – что равенство. Ясно, что философ подчеркивал различия между испанцами и индейцами. Для него решающим было то, что индейцы ходят нагими, приносят человеческие жертвы, незнакомы с использованием лошадей и ослов и ничего не знают о деньгах и христианской религии. Так философ расчленил род человеческий на народы, живущие в одно время, но стоящие на разных ступенях культурного развития. Различие было для него равнозначно неполноценности. Он делал вывод: во-первых, если смотреть из цивилизованной Европы на варварскую Америку, оказывается, что человек есть бог человека. Во-вторых, как воспитательная задача, выводится необходимость подчинения и эксплуатации.

Доминиканец защищал права индейцев. Они поразительным образом подобны европейцам, доказывал священник. Они воплощают идеалы христианской религии, не знающей различия в цвете кожи и происхождении. Индейцы весьма дружелюбны и скромны, уважают нормы межчеловеческих отношений, семейные ценности, свои традиции и поэтому более, чем многие другие нации в мире, подготовлены для того, чтобы внимать слову Божьему и на практике осуществлять Его Истину. Для христианского священника сущность индейца ничем не отличалась от сущности европейца и тем самым была ничуть не менее полноценной.

Часто подчеркивалась прогрессивность доминиканца и критиковались ранние проявления расизма у аристотелика. Но космополитический подход выделяет, как самое интересное, *общность* обеих позиций, причем в двух отношениях: ни одна из антитез у колыбели европейской цивилизации не допускает, что индейцы и отличаются, и равноценны. Кроме того, обе позиции ложно утверждали универсальный масштаб ценностей, который логически непреложно превращает различия в превосходство и неполноценность. Ведь в случае доброго человека, христианина Лас Касака также неоспоримо, что равенство индейцев он принимал только потому, что они были способны признать универсальную истину христианства. Варвар может быть кре-

щен, может стать причастным к универсальной истине христианства. На современном языке развивающиеся страны, способные модернизировать традиционные общества, могут в крещении рыночной экономики и демократии обрести спасение, даруемое западным универсализмом.

Речь идет о двух формах господства: как универсализм различности и неполноценности, так и универсализм аналогичности и равенства оправдывают, как показывает история, применение физического насилия. Христианская перспектива обращения, западная миссия, которая еще существует под лозунгами модернизации и политики развития, оправдывает господство с *воспитательной* целью. Это педагогическое измерение господства витало перед глазами у Грамши, когда он писал, что любое отношение господства непременно нуждается для своего оправдания в воспитательном начале и что это имеет место не только внутри наций и цивилизаций, но и между ними. Мишель Фуко называет это ритуалами истины. Они возникли из обязанности нормализовать истину, отрицать инаковость других и делать их конвертитам, т. е. обращенными в универсальную истину, обладателями которой являются Европа, США (короче, Запад).

Стоит также заметить, что обе позиции — представление, что человечество распадается на иерархии различных и неполноценных более или менее людей, точно так же как противоположное представление — что все люди по природе равны, — суть примеры метафизического реализма. Ведь оба образа человека ложно подаются как существующие вне времени для прошлого и будущего.

Космополитизм означает в своей сердцевине (и на этом настаивает автор) признание инаковости иного. Это уточняет приведенный выше пример. Имеется в виду то, что исключается в обеих позициях — *признание* иных как отличающихся и равных. Тем самым обе позиции отрицаются и как *расизм*, и как *универсализм* (в их различных формах проявления). Космополитизм лишает будущего расизм, якобы вневременной и тем самым имеющий шансы на будущее. Но это также означает, что космополитизм представляет этноцентрический универсализм Запада как преодолимый анахронизм, не попадая при этом в ловушку релятивизма⁶. Космополитизм — противоядие от этноцентризма и национализма как справа, так и слева. Тщательно проработанное понимание уродливой мировой спайки этноцентризма и ксе-

⁶ Здесь полезно различение между универсалистским универсализмом и *контекстуальным* универсализмом [Beck 1997, 135-149].

нофобии уже может стать первым реалистическим шагом к обретению космополитического common sense.

Мультикультурализм и космополитизм

Почему нельзя с таким же успехом выразить все это с помощью уже давно введенного понятия «мультикультурализм»? Кто-то сказал, что мультикультурализм — это литературное изложение ситуации, когда кошка, мышь и собака едят из одной миски. В самом деле, мультикультурализм утверждает (хотя и в сильно смягченном виде), сущностную идентичность и соперничество культур. Именно в университетах США политика мультикультурализма часто приводит к пустым репрезентациям меньшинств ради самих репрезентаций, к универалистскому партикуляризму ради партикулярного.

Космополитизм, напротив, предполагает *индивидуализацию* и усиливает, утверждает ее. Индивид в своей личности, браке, родной семье, в своей трудовой жизни, своих политических концепциях и амбициях есть одновременно член различных, часто территориально разделенных сообществ. Человек в рамках одной жизни проживает разные, разделенные в национальном и территориальном отношениях жизни, истории, воспоминания. В предельном случае мировое общество осуществляется в микрокосме пространства собственного опыта.

Понятие «мультикультурализм» предполагает коллективные категории. Оно ориентируется на более или менее однородные группы, которые мыслятся как разнородные или однородные, во всяком случае отделенные друг от друга и объединяющие отдельных личностей. В этом смысле мультикультурализм — противник индивидуализации. Если верить мультикультурализму, то индивида вообще не существует. Это просто эпифеномен своей культуры и общества.

Поэтому от дуализма Европы ведет линия versus ее варварских иных через империализм, колониализм, этноцентрический универсализм, различие традиции и современности вплоть до мультикультурализма и «глобального диалога». Отдельный человек может мыслиться только в территориально-иерархических, этнополитических единицах, которые уже «поверх своих границ» вступают в диалог друг с другом.

Эта социальная предопределенность индивида, которой отмечены также большие части классической социологии, выявляется и снимается в рамках космополитического подхода. Различные самоидентификации в разнородности своих притязаний не детерминируют индивида, но несут ему освобождение, полное конфликтов, поскольку

он вынужден осваивать (в качестве искусства выживания) наведение мостов и переход по ним. Для этого имеются радикально неравные ресурсы. Это ни в коем случае не предполагает веру в космополитический прогресс, ведь космополитизм вполне может привести к власти уroda и политически поощрять все направления.

Космополитизм, таким образом, подразумевает не вневременное уравнивание или снятие всех различий (как это происходит в глобализме), а наоборот, радикальное восстановление и признание инаковости *культурно иных* (других цивилизаций и модернов), *будущего, природы, объекта* и других *рациональностей*.

В данной книге раскрытое таким путем многообразие тем живой самокритики западного модерна (критической теории в космополитических целях) рассматривается и разворачивается весьма селективно, т. е. преимущественно в первом измерении – в признании инаковости культурно иных.

Перехожу ко второму вопросу этой главы. На чем основано предположение, что именно эта вялая и смутная идея космополитизма могла бы выступить в качестве преемницы великих идей XX века? В своей надгробной речи у колыбели космополитизма мне хотелось бы изложить четыре парадокса:

1. Сопrotивление, оказываемое глобализации, ускоряет и легитимирует ее.
2. Глобализация продвигается вперед благодаря парадоксальному братанию ее противников.
3. Подвержение риску самих себя заменяет демократию.
4. Самообоснование заменяет демократию.

СОПРОТИВЛЕНИЕ, ОКАЗЫВАЕМОЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ, УСКОРЯЕТ И ЛЕГИТИМИРУЕТ ЕЕ

30 января 1996 г. запатистская армия национального освобождения в штате Чьяпас (Мексика) выступила с призывом провести всемирное собрание против неолиберализма и за гуманизм⁷. Было предложено организовать серию встреч, на которых оппоненты обсудят стратегию борьбы против глобализации. В призыве подчеркивалось, что власть денег попирает достоинство людей, затрагивает их честь и разрушает надежды. «Неолиберализм есть новейшее имя в истории преступлений, в ходе которых громоздятся привилегии и богатства и демократизируются нищета и безнадежность. Имя глобализации – это имя со-

⁷ См. в этой связи: *David Harvey* (2000, 73).

временной войны капитала, сеющей разрушения и забвение. На место гуманности этот неолиберализм ставит индексы фондового рынка, на место достоинства человека — глобализацию нищеты, на место надежды — пустоту и на место жизни — интернационал террора». Против интернационала террора необходимо мобилизовать интернационал надежды — таков вывод этого призыва.

В этом смысле глобализация действительно порождает пеструю толпу абсолютно разных противников — анархистов, профсоюзных деятелей, неонационалистов, защитников окружающей среды, поджигателей лагерей для иностранцев, мелких предпринимателей, учителей, священников, католических епископов, папу, коммунистов, фашистов, феминистов, ультраправославных, мусульманских фундаменталистов, любителей птиц и секса. Все они — охотно или неохотно, сознательно или неосознанно — действуют согласно девизу запатистского движения: «С глобализацией надо бороться с помощью... глобализации!», т. е. на глобализацию террора надо отвечать глобализацией надежды.

Сопrotивление глобализации завершает глобализацию средствами сопротивления. «Глобализация» есть название странного кругового процесса, продвигающегося вперед двумя радикально противоположными путями — поддержки и протеста. Краткая формула: «сопротивление ускоряет!» или, по словам Рихарда Фалька, «сопротивление глобализации сверху через глобализацию снизу!»

Это своеобразное принуждение практиковать и оправдывать сопротивление глобализации только при целеполагании другой, т. е. хорошей, подлинной, глобализации проявляется во многих формах. Тот, кто протестует против глобализации на улицах, не есть «противник глобализации» — какое словесное жульничество! Просто противники поддержки глобализации в противовес другим противникам поддержки глобализации в глобальном властном пространстве хотят утвердить другие нормы. Противники поддержки наперегонки выдвигают глобальные целеполагания и, таким образом, все дальше и быстрее гонят процесс глобализации кнутом сопротивления и противоречия.

Все противники глобализации не только делят со своими противниками глобальные средства массовой коммуникации (тем самым расширяя возможности применения последних для целей транснациональных протестных движений и их организации). Они также оперируют на основе глобальных рынков, глобального разделения труда и глобальных прав. Только так и становится потенциально и актуально осуществимой их переходящая все границы вездесущность. Они также

мыслят и действуют в глобальных масштабах и категориях, привлекая к ним внимание общественности своими поступками. Их борьба имеет целью укрощение финансовых рынков. Таким образом, они выступают за всемирно действующие соглашения и за организации, которые контролировали бы эти соглашения. Глобализированной экономикой можно управлять только глобально в урегулированных колеях; лишь тот, кто глобально за это борется, имеет шанс на успех. И глобализация протеста, в свою очередь, снова обретает динамику самоосуществляющегося пророчества успеха.

Пример из области профсоюзных прав. Право в рамках профсоюза реализовать права рабочих, зачастую существующие только на бумаге, сегодня ни в коей мере не глобализировано. В отличие от торговых правил ВТО, нарушения существующих конвенций ООН о свободе профсоюзной деятельности или о запрете детского труда санкциями не наказываются. Поэтому в США многие тысячи активистов приняли участие в кампаниях против неограниченной эксплуатации на текстильных фабриках в Мексике, Никарагуа и Индонезии, где швей за несколько центов в час шьют дорогие фирменные джинсы. Любая попытка самоорганизации подавляется силами полиции.

Эта прямая связь протестной культуры в метрополиях с профсоюзниками в развивающихся странах придает движению противников поддержки глобализации глобальную мощь. В этой странной закономерности следует разобраться: сопротивление ускорению глобализации ускоряет само ускорение.

Даже если согласиться с тем, что глобализация утверждает себя силой своих врагов, то уже давно нельзя признавать, что все приводит к одному и тому же: не глобальная свобода капитала, но глобальная несвобода жертв глобализации является мотором протеста. Сопротивление неолиберальной программе глобализации форсирует космополитическую программу глобализации. Все кризисы, конфликты и катастрофы, порожденные глобализацией, имеют один и тот же эффект: они усиливают призыв к космополитическому режиму, открывают (вольно или невольно) пространство для глобального властного и правового порядка. Конфликты вокруг глобализации глобализируют космополитический мыслительный горизонт и горизонт ожиданий, понимание необходимости цивилизовать национальные кусательные рефлексы. Существование круга, в котором конфликты и кризисы глобализации ускоряют глобализацию, можно подтвердить многообразно. Поскольку противники глобализации свои протесты на саммитах организуют транснационально, контрмеры полиции в свою очередь транснационализируются.

Итак, наднациональный протест требует наднациональной полиции, соответствующей наднациональной информационной системы, наднационального правопорядка и т. д.

Глобальное властное пространство действует как самоподтверждающееся пророчество о космополитизации мира. Ведь еще Ницше доказывал: «Тысяча целей были до сих пор, ибо были тысячи народов... недостает единой цели. Еще нет у человечества цели. Но скажите же мне, братья мои: если человечеству недостает еще цели, так не недостает ли, пожалуй, и... самого человечества?»⁸ [*Nietzsche*, 1966, 2. Bd., 323 f.]. Все происходит ровно наоборот: космополитический подход к фактическому единству человечества становится предпосылкой постепенной ликвидации расхождения между притязанием на глобализацию и ее осуществлением. Конструируется фиктивная реальность глобализации с целью осуществления ее фикции. Постулированная, достигнутая цель «человечество» становится средством для ее осуществления.

Если таким способом сторонники и противники сливаются воедино, образуя разновидность противников глобализации, то неясно, кто и на чьей стороне стоит. Правда, противники, выступающие на улицах, противоречат противникам, заседающим в правительстве. Обе стороны, однако, постоянно стремятся перещеголять друг друга формальными заверениями в верности глобальным нормам и правилам, так что в конце концов уже возникает сомнение, не являются ли протестующие на улице противники глобализации в конечном счете лучшими главами правительств, а правящие противники — лучшими протестующими? Или почему все противники не могут образовать всемирную коалицию со всеми другими противниками глобализации, чтобы перестроить и переоформить космополитический режим в единый, охватывающий все фронты протестный фронт?

Пример — «бегство от налогов». Налоговые оазисы, такие как британские Каймановы острова, нидерландские Антильские острова или Лихтенштейн, все больше превращаются в черную дыру мировой экономики, в которой, по оценкам МВФ, зарегистрированы частные состояния в объеме свыше 5 трлн долл., что дает возможность получать доходы без уплаты налогов. По мнению немецкой налоговой службы, из Германии уплывают мимо казны по меньшей мере 10 млрд евро ежегодно. Но все инициативы, направленные на прикрытие так называемых оффшоров, терпели крах, поскольку правительства не применяют силу, чтобы затронуть эту привилегию богатых. Противники

⁸ Ницше Ф. Так говорил Заратустра / пер. Я. Голосовкера М., 1994. С. 85. — Прим. перев.

поддержки на улице подхлестывают, таким образом, противников поддержки в правительствах, чтобы, в конце концов, провести необходимые действия.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ПРОДВИГАЕТСЯ ВПЕРЕД БЛАГОДАРЯ ПАРАДОКСАЛЬНОМУ БРАТАНИЮ ЕЕ ПРОТИВНИКОВ

В отношении развития групп игроков и стратегий игроков во властной метаигре действует постулат: ни один из акторов — ни капитал, ни адвокатские движения, ни государства — не может осуществить цели во властной метаигре *в одиночку*. В достижении тех или иных целей *все* зависят от коалиций. Возникает динамика переплетения, в результате чего размываются и сливаются границы между «за» и «против» и завершается образование круга противников поддержки.

Цели НПО — реализация миропорядка гражданского общества — нуждаются в авторитете государств, чтобы отлить этот порядок в формы, обязательные в правовой и политической сферах. Без дееспособных государств плюралистический миропорядок немислим. И стратегии капитала, преследующего только свои интересы, остаются, в конечном счете, зависящими от государств, с одной стороны, и моральных установок гражданского общества — с другой; только так могут быть обеспечены культурные и политические предпосылки необходимой для капитала свободы инвестиций. В самом деле, противники поддержки, принадлежащие к разным лагерям, все больше сближаются в этой всесторонней инструментализации всех за или против всех.

Концерны берут на себя роль НПО, обязуются бороться за соблюдение прав человека во всем мире и повышают свой голос, когда американский президент Джордж Буш, выступающий якобы от их имени, отказывается подписать Киотский протокол о глобальной защите климата. В 1998 г. кампания, которую вели глобальные группы защитников окружающей среды против многостороннего соглашения за свободу инвестиций, завершилась тем, что государства ОЭСР отвергли это настоятельное желание глобально оперирующего капитала. Почему? Разве правительства теперь перешли в лагерь неправительственных организаций? Нет и да одновременно. Неправительственные организации в своем протесте представляли, так сказать, государственные интересы «идеального всеобщего правительства» против интересов пресыщенных национальных правительств. В той мере, в какой правящие круги (прислушиваясь к протестам гражданского общества) понимали, что необходимое мировой экономике соглашение

по обеспечению глобальной свободы инвестиций в самом деле противоречит элементарным государственным интересам, они брали сторону неправительственных организаций.

Эту игру в смену фронтов можно иллюстрировать бесконечным множеством примеров. Именно это *парадоксальное братание противников* продвигает космополитический режим. Экологические протестные группы «Urgewald» и «Greenpeace», а также «Attac» и Всемирная организации помощи голодающим требуют списания долгов беднейшим странам и радикального изменения курса в политике относительно климата. На этом же настаивает Федеральный канцлер Германии в согласии с другими главами правительств. Слова часто радикально расходятся с реальной политикой. Делается меньше того, что было во всеуслышание обещано и обнародовано в коммюнике после встреч на высшем уровне, или вовсе ничего не делается. Но это просто означает, что неправительственные организации являются *лучшей совестью* правительства, возможно, они были бы даже лучшим правительством. Их протест нацелен на то, чтобы заставить правительства реально делать то, что они якобы делают, т. е. управлять. Так, все более популярным в среде непарламентских противников поддержки в США и Европе становится предложение, разработанное и пропагандировавшееся еще в начале 1970-х гг. экономистом Джеймсом Тобином. Всеобщий налог на совокупные валютные сделки должен, с одной стороны, всыпать песку в коробку передач спекуляций, а с другой — в то же время пополнить налоговую казну государств. Расчеты показывают, что эта выплата принесла бы (даже при минимальной налоговой ставке 0,2 %) более 100 млрд евро — деньги, которые потом можно было бы инвестировать в развитие наднациональных организаций помощи или в базовое социальное обеспечение. И в этом предложении, которое все больше привлекает политический истеблишмент в Европе, неправительственные организации представляют подлинные интересы государств и правительств, хотя и выступают против последних, точнее, интересы будущего транснационального космополитического государства вопреки его сохраняющейся национальной ограниченности. Может быть, освобождение правящих кругов от иллюзии своих национальных и неолиберальных оков и осуществление ими плечом к плечу с неправительственными организациями насущных интересов есть только вопрос времени.

Но закон, который здесь намечается, крайне необычен и нуждается в более тщательном рассмотрении, ведь власть и контрвласть оказываются элементами (можно даже сказать: сообщниками) при осуществлении космополитического режима.

Эта абсолютистская имманентность космополитизма, вырастающего несмотря на всякое сопротивление, может быть истолкована в двух смыслах: космополитический режим — это *режим врагов без врагов*, т. е. режим, интегрирующий оппонентов посредством инклюзивного умножения их числа. Космополитический режим оказывается вполне способным порождать и обновлять консенсус-диссенсус, который гарантирует его собственное пространство власти. *Осуществление* космополитического режима и *критика* космополитического режима суть две стороны одного и того же. Попытка отвергнуть или преодолеть его становится мотором его осуществления.

Но это не значит, что космополитизм везде встречает одобрение, что против него нигде не борются. Абсолютистская власть дефиниции космополитического режима не в последнюю очередь выражается в том, что он снимает, утверждает, смешивает и по-новому комбинирует центральные различия. Все являются «противниками поддержки», все суть «как..., так и». Этот принцип воплощен в фигуре профессионального биржевого спекулянта Джорджа Сороса, персонализирующего как *одичавший капитал*, так и радикальное *контрдвижение*. С одной стороны, он своими инвестициями в игорный бизнес заставляет целые страны отбиваться от него, с другой — громогласно проповедует, что финансовые рынки несут опасность саморазрушающего развития. Нечто тоталитарное заложено в этом господствующем принципе «как..., так и», он переваривает в своем колоссальном желудке и деятелей, и их противников, отъедается и за счет сопротивления; он выбивает почву из-под ног сопротивления, упраздняя принцип противодействия. Что было бы «мыслимым другим», «после», «кроме» космополитического принципа? Этот вопрос обращен в пустоту. Снятие противоположностей, которое космополитизм возводит в принцип, абсолютизирует имманентность.

Это видно хотя бы из того, что все попытки продолжить игру в старое национальное государство и игру в государство «всеобщего благоденствия» последовательно лишаются основ. Несомненно, всегда будут существовать чрезвычайно мощные реакционные контрдвижения, которые постараются направить в свои паруса штормовой ветер антиглобализационных протестов, чтобы набрать скорость и влияние на политических аренах. Будут оплакивать гибель старого порядка и призывать к реставрации ценностей прошлого — религии, культуры, народа, национальной солидарности, рабочего класса и т. д. В этом смысле многое в современном мышлении на обоих флангах безнадежно инфицировано вирусом ностальгии. Это относится и к обращенным в прошлое видениям различных коммуитаризмов, которые

гальванизируют для будущего политическую мифологию всегда прямолинейно протекавшего золотого века. В самом деле, ведь уже сегодня вырисовываются извращенные комбинации политики рынков, открытых миру, и пропагандируемой государством ксенофобии; вовне, в отношении мировых рынков ведут себя адаптивно, приспособленчески, внутри – авторитарно. С точки зрения выигравших от глобализации, все произошло благодаря неолиберализму; с точки зрения проигравших, из-за нее разжигаются фобии к чужакам и дозированно вливается яд реэтнизации.

Но даже в этом случае становится ясно, что модернизированный фашизм, если бы он и был возможен, не смог бы противиться принуждению к оппозиционной имманентности. И ему пришлось бы плыть в потоке глобализации, осмысляя это так, что он стремится не препятствовать глобализации, а по возможности ускорять ее. Классический фашизм поступил точно так же, ибо и он был модернизационным движением, которое, с одной стороны, вещало о крови и почве, а с другой – продвигало модернизацию тоталитарными методами.

Это, разумеется, не означает, что ландшафт политических партий радикально не изменяется под воздействием цугцванга космополитизации. Можно дать очевидный прогноз для правопопулистской Европы: правый центр будет перемолот, причем в радикальную правую, которая попытается примирить противоречия, связывая глобализацию с рецептурой, заимствованной из замкнутого национально однородного общества. С другой стороны, правый центр будет поглощен центром, который открыт навстречу миру, экономически и политически чует и использует свои шансы в бегстве вперед.

Противоречия, свойственные сопротивлению космополитическому режиму, можно проиллюстрировать на примере возможного сопротивления рабочих. Дело в том, что рабочим, если они захотели бы бороться с космополитическим режимом, пришлось бы обратиться против самих себя, против своей собственной традиции интернационализма, т. е. анти-национализма. Интернационализм рабочего движения был борьбой против национального государства и за создание транснациональной солидарности, справедливости, «связи народов»⁹.

⁹ У космополитизма и интернационализма одни и те же духовные корни, они представители одной и той же всемирно-исторической традиции, виды одной и той же человеческой тоски и преследуют одинаковые цели: мир через единство человечества. Универсалистский и пацифистский мотивы определяют историю теорий и деятельности всех интернационалов, «красных» (социалистических), так называемых (полемически) «черных» (церковных) и «серых» (либе-

Парадоксальная победа глобального капитала над советским марксизмом открыла пространство власти для нового интернационализма «рабочих — без рабочих». И если бы оторвавшиеся от традиций, проигравшие от глобализации рабочие собрались именно под знаменем национального протекционизма, то это стало бы частью извращенного исторического поворота.

Тотальное правление по принципу «как..., так и», порождаемое космополитическим режимом, проявляется также в фикциях консерватизма, в котором расцветают странные цветы. Эта интеллектуальная беспространственность оппозиции проявляется не в последнюю очередь в беспомощности пропагандируемых контррецептур. Того, кто, например, исповедует протекционизм в экономике, при котором каждый производит в своей родной стране и, в лучшем случае, экспортирует малую часть товаров, можно заподозрить, согласно ходячим мнениям, в искаженном восприятии действительности, которое уже сегодня грозит ему госпитализацией в психиатрическую клинику. Тот, кто требует радикальных национальных стратегий отгораживания, т. е. запрета на ввоз капитала и товаров, наталкивается на решительное сопротивление бедных стран, выступать от имени которых он сам себя назначил. Притчей во языцех стало то, что национальный протекционизм в длительной перспективе приносит больше вреда, чем пользы. Именно поэтому страны Африки, Центральной Азии и Латинской Америки настаивают на возобновлении так называемого миллениум-раунда ВТО¹⁰, того раунда переговоров о либерализации, который был остановлен протестными группами в Сиэтле.

В безграничном круге противников поддержки уже больше нет выхода из глобализации. Разумеется, остаются и обостряются внутренние противоречия. Ненависть, с которой эти противоречия разрешаются, растет, возможно, даже потому, что растет понимание непротивоположности противоположностей. Неолиберальная и космополитическая программы для гражданского общества противоречат друг другу в главных принципах и проектах. Кроме того, ясно, что ни одна противоположность между мужчинами и женщинами, Севером и Югом,

ральных). Поначалу изменился лишь словарь. На место довольно утопического космополитического кредо «Все люди станут братьями» («Люди — братья меж собой!») выдвигается лозунг классовой борьбы «Пролетарии всех стран, соединитесь!» (Coulmas 1990, 485f.).

¹⁰ Очередной раунд многосторонних переговоров, посвященный рубежу тысячелетий, в Сиэтле (США), на котором страны — члены ВТО обсуждали вопросы либерализации торговли сельскохозяйственными товарами. — *Прим. перев.*

Западом и Востоком, старыми и молодыми, евреями и арабами, никакое выступление за или против неограниченного использования человеческой генетики не устраняется космополитическим режимом. Напротив: при его установлении стираются границы восприятия социального неравенства, отгораживающие чужие страдания от национального поля зрения и поля деятельности. Угрожающую пропасть, разверзающуюся между благоденствующими странами и прочим миром, уже нельзя больше игнорировать; она прорывается в политическое. Итак, «вечный мир» (Кант), по мере того как он придвигается, оборачивается вечным отсутствием мира. Никто не отрицает масштаба различий в малом: будь то либеральный, тиранический или космополитический режим, в нем всегда сохраняется принципиальное жизненное неравенство.

Но — и это «но» надо писать как можно крупнее — все эти противостояния, конфликты, неравенства остаются внутри горизонта космополитического режима, проясняя, таким образом, следующую ключевую мысль: визави космополитическому режиму, который бы поставил его извне под сомнение, немислим и не предвидится. Эта тоталитарная теневая сторона космополитизма выступает наружу при его осуществлении.

4. КОСМОПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕСПОТИЗМ: ПОДВЕРГАНИЕ РИСКУ САМИХ СЕБЯ ЗАМЕНЯЕТ ДЕМОКРАТИЮ

Тот, кто помнит всемирно-политические последствия террористических атак 11 сентября 2001 г., понимает, что нельзя легкомысленно доверять государству идею космополитизма, ибо оно использует растущие для него космополитические возможности действия в целях укрепления своей гегемонии и для транснационального развития государств-надсмотрщиков. Аргумент об угрозе распаивает ворота всемирно-политическому фундаментализму предотвращения опасности. Космополитический деспотизм означает следующее: всемирно-политическая инструментализация космополитических опасностей угрожает откатиться назад, за модерн, выплескивая вместе с водой ребенка, так как вместе с базовым институтом Первого модерна — национально-государственной демократией — упраздняется базисный принцип модерна, в общем виде — центральное значение *демократии*. Образуются разные виды рефлексивного фундаментализма — глобальный, антидемократический популизм защиты от опасности, но возникают и формы его самообоснования эффективностью и правами

человека, которые одновременно подрывают и превосходят демократическую легитимацию по масштабу и методу. Фундаментальная амбивалентность космополитических рисков проявляется в том, что они во всем блеске демократии и ее средствами совершают и легитимируют абсолютно тайное расторжение договора с ней. Чтобы понять, какие силы привлекаются для этого, необходимо проанализировать привлекательность риска.

Глобальные риски ставят под вопрос выживание человечества, следовательно, открывают глобальные возможности действия. Прогноз очевиден: столетие, в котором сама планета подвергает себя риску, будет как никогда прежде столетием «единого мира». Знание того, что все трагедии нашего времени по происхождению и масштабу являются глобальными, способствует возникновению космополитического горизонта опыта и ожидания. Мы понимаем, что живем в глобальной взаимосвязи ответственности, из которой никто не может выскочить. В этом смысле трагедия 11 сентября зримо продемонстрировала (впервые за последние 50 лет), что мир и безопасность Запада уже не совместимы с существованием очагов конфликтов в других регионах мира и их причин. Этот транснациональный аспект делает необходимой кооперацию поверх границ для решения собственных проблем. Конечно, крах глобальных финансовых рынков или изменение климата приводят к разным последствиям в разных мировых регионах. Но это ничего не меняет в том, что под угрозой находятся все и что в будущем каждый потенциально может оказаться под еще большей угрозой. Вот почему глобальное восприятие глобальных рисков порождает в каждой стране общий национально-глобальный интерес. Нетрудно предсказать, что сражения из-за дефиниций вокруг этих титанических проблем породят конфликты нового рода. Но важно понять и то, что именно эти конфликты раскрывают *интеграционные* функции, поскольку и пока они внушают всем, что глобальные решения должны и могут быть найдены не посредством войны, но только путем переговоров и договоров.

На 1970-х гг. лежит отпечаток поколения хиппи с их девизом «make love, not war!»¹¹. Каков лозунг для развитой цивилизации риска в начале XXI века? Может быть, «make law, not war!»¹² (Kaldor)?

Адекватным ответом на террористическую угрозу является поэтому космополитизм. Это означает, что каждый из нас, кем и где бы мы ни были, имеет право на жизнь, мечты и на желание приблизить мир, в котором каждому будут обеспечены эти права. Мир, в котором

¹¹ занимайтесь любовью, а не войной! (англ.).

¹² занимайтесь законом, а не войной! (англ.).

будут побеждены ужасы терроризма, мучения из-за нищеты, страдания от этнических преследований, неграмотности, несправедливости, болезней и непрочности человеческой жизни, мир, в котором террор не сможет пускать корни и цвести пышным цветом. Но подлость тут в том, что эта красивая идея может быть отлично использована и вывернута наизнанку для воплощения в жизнь ее абсолютной противоположности.

В США сформировался странный дискурс, в котором малопочетное понятие «империя» стало рассматриваться как некая ценность. В рамках этого дискурса 11 сентября доказало недостаточность американского участия и американского присутствия в мире. Необходимо, дескать, решительнее и эффективнее внедрять во всем мире американские ценности — *the american way of life*¹³. Идея, по-видимому, заключается в том, что необходимо превратить всех людей в американцев, чтобы американцы могли безопасно жить в мире без границ.

Террористическая угроза глубоко потрясла культурную нервную систему США и вызвала бурю патриотизма. Эта угроза свергла правительство США — в соответствии с приматом внутренней политики — во внешнеполитические акции для истребления внутренних врагов во внешнем мире, борьбы с террористической опасностью, внезапно ставшей глобальной. Благодаря террористической атаке американская военная и внешняя политика вновь обрела давно желанный образ врага, который позволяет четко сфокусировать общественное сознание на одной точке ради мобилизации одобрения и поддержки внутри страны и вне ее, поверх границ, партийных лагерей и государств. Кроме того, доминирование военных точек зрения позволяет вывести это коалиционное образование из тумана всеобщего одобрения (или критики) и ввести его в ясную колею выбора «или — или». Так открываются шансы сколотить новые коалиции между традиционными противниками, т. е. связать Россию и Китай в «альянс против терроризма». Это удастся тем успешней, что каждая из этих стран получает таким путем желанную свободу действий, чтобы безжалостно обрушиться на *своих* террористов, не опасаясь обвинений из-за рубежа в нарушениях прав человека.

Чтобы реалистически оценить эти шансы государств на самоуполномочивание, открывающиеся в результате опасности террора, важно провести различие между традиционным образом врага-государства, с одной стороны, и с другой — транснациональным образом террориста-врага, который первично относится не к государствам, а к группам, сетям и отдельным лицам. Именно транснациональность, т. е.

¹³ американский образ жизни (*англ.*).

отсутствие привязанности к конкретному месту, отсутствие унификации, государственности и потенциальное всеприсутствие террористических сетей и соответственно гибкие местные и групповые образы врага, делают возможным укрепление и обновление гегемонии могущественных государств. Ключевой вопрос звучит так: кто и на основе каких критериев дает дефиницию того, кто является транснациональным террористом и кто им не является?

В соответствии с существующим положением вещей это делают не судьи и не международные суды, а могущественные правительства и государства. Они уполномочивают самих себя, бесконтрольно решая, кто есть *их* террорист, *их* бен Ладен. Так, американский президент Джордж Буш установил, что Ирак, Иран и Северная Корея образуют ось зла и их правительства необходимо либо свергнуть, либо лишить способности производить оружие массового уничтожения, угрожающее США и другим странам. Одновременно он возвещает, что лагеря и сети «Аль-Каиды» существуют по меньшей мере в десяти странах следовательно, необходимо обезвредить десять тысяч потенциальных террористов. Нередко сюда причисляются все группы и лица, которые могут быть каким-то образом поставлены в связь с членами «Аль-Каиды». «Мы не позволим самым опасным в мире правительствам и режимам угрожать нам самым опасным в мире оружием», — говорит Буш, тем самым показывая, как с помощью политически сконструированных террористических опасностей удастся держать американскую нацию в постоянной мобилизационной готовности и одновременно оправдывать рост военных расходов. Алармистская риторика американского президента описывает анонимного врага скорее в метафизических понятиях: враг есть зло, а не группа террористов и поддерживающих их стран. При этом он вполне мирится с парадоксальным фактом, что благодаря универсализации террористические группы получают из рук своего врага необходимую и желанную для них грамоту на признание их глобального могущества. И если учесть, что СМИ то и дело живописуют возможные и невозможные детали террористических атак, что запуганной общественности тем самым то и дело демонстрируют миниатюрность средств, несущих в себе (при умелом использовании) колоссальную опасность, а с другой стороны, показывают практическое отсутствие шансов на государственное противодействие ей, то не должно удивлять, что глобальное восприятие опасности становится естественным спутником жизни и деятельности людей.

Все это приводит к одному и тому же результату: *культура страха глобализируется*. Народ уже не ждет социальную реформу во внутренних делах или новое великое изобретение, но в дурном предчувствии

боится новых опасностей, которые вторгаются в мир. В обществах риска, утративших средства обеспечения безопасности, изначально данные природой и традицией, страх порождает хрупкое чувство общности. То, что возникает на наших глазах, есть эмоциональные и иррациональные проявления чувства общности людей, объединенных страхом; чувства, которое, весьма вероятно, станет питательной почвой для радикальных вспышек и движений под лозунгом отгораживания от «чужих». Военно-политическая дефиниция угрозы терроризма канализирует и концентрирует эти страхи, в любой момент гарантируя волны народной поддержки войны против того или иного врага — как внутреннего, так и /или внешнего. Пуливые люди без вопросов и протестов готовы смириться с вмешательством в самые основы их жизни, что раньше было просто немыслимо.

Почти 250 лет назад Бенджамин Франклин предостерегал, что те, кто отказываются от насущных свобод ради хоть какой-то, пусть и недолговечной, безопасности, не заслуживают ни свободы, ни безопасности. Эта мысль кажется старомодно суховатой в глобализированной культуре страха, где растет готовность платить за утраченную безопасность звонкой монетой свободы.

После 11 сентября 2001 г. политика предоставила доказательства того, что в качестве жертвы на алтарь террористической опасности были с легким сердцем возложены фундаментальные свободы. США приняли, причем без всякой иронии, закон под названием «Патриотический акт», который, помимо прочего, усиливает роль высокотехнологичных систем слежки. Если такая тенденция сохранится, то в стране не останется ни одного телефона, который бы не прослушивался. Кроме того, полиции разрешается контролировать электронную почту и Интернет. Дядя Сэм будет знать, кто *goodies* и кто *badies*¹⁴ и где они сидят. Неудивительно, что все прочие страны в мире следуют этому примеру и расширяют царство электронного прослушивания. Все это оправдывается борьбой с терроризмом, но расширяющаяся власть может быть использована и в других целях.

Есть основания сомневаться в том, что мир после принятия этих антитеррористических мер действительно стал безопаснее. Можно усомниться и в том, что усовершенствованное государство-надзиратель разыщет тех, кто решился действовать из подполья и плевать хотел на границы. Террористов не просто провозить в страну нелегально, как это делают с нелегальными иммигрантами. Они будут разъезжать вполне легально, предъявляя настоящие паспорта. Мы

¹⁴ хорошие парни и плохие парни (англ.).

знаем, что не можем воспрепятствовать их въезду в страну и что мы едва ли выясним, кем они являются. Кроме того, мы знаем, что Интернет и все другие средства коммуникации обеспечивают не только деловые, дружеские и семейные контакты между всеми континентами. Благодаря Интернету отпадает необходимость встречаться в определенных местах, чтобы договориться о совместных акциях. Эти конспиративные контакты растворяются в новых коммуникационных потоках «liquid modernity»¹⁵ (Бауман).

Но тем не менее с помощью аргумента о необходимости контроля в транснациональных масштабах утверждается государство-надзиратель в духе Оруэлла. В Вашингтоне настаивают на том, что угроза велика, что мобилизация необходима надолго, что военный бюджет будет расти колоссальными темпами, что гражданские свободы будут урезаны и что критиков, восстающих против этого, приструнят как «непатриотов» и изолируют. Кто защитит людей от этих предтеч космополитического деспотизма, ликвидирующих базовые ценности модерна для защиты самого модерна?

5. САМООБОСНОВАНИЕ ИСКЛЮЧАЕТ ДЕМОКРАТИЮ

«Родная почва не лжет» — вот кредо национального модерна. («La terre, elle ne ment pas»¹⁶, — говорил Петен во время вторжения немцев, пытаясь мобилизовать французов на борьбу с фашистским нашествием.) Кредо космополитического модерна — «Права человека не лгут».

Господство прав человека, легитимирующее само себя, не знает границ. Его распространение следует логике неисторического самообоснования, т. е. не путем голосования, но через консенсус; не путем завоевания, а наоборот, путем не-завоевания; не через демократию, но через разумное понимание. Режим прав человека устанавливает универсальное, трансцендентальное и одновременно порождающее власть право, которое коренится уже не в привязке национального государства к территории, а в выдуманной непосредственной данности индивида и глобальности, не подчиняющихся демократическому контролю. Фактически возникает пространство ожидания для глобальной власти военного порядка, где призыв к защите прав человека, как источник легитимности глобальной власти, всегда связывается с ожиданием урегулирования актуальных конфликтов, не знающих границ и угрожающих режиму прав человека.

¹⁵ текучей современности, современности (англ.).

¹⁶ Земля не лжет (франц.).

Тайное принуждение, ведущее к осознанию блага — власти самолегитимации, заступает место демократической легитимации. Среди ценностных принципов космополитического порядка, который уже не признает ни одной точки зрения, кроме собственной, самолегитимация заменяет легитимацию демократическую. Это значит, что триумфальное шествие космополитизма грозит возникновением космополитического режима без демократии. «Космополитическая демократия» стала бы тогда фиговым листком, прикрывающим перед лицом а-демократии (не антидемократии) космополитического многообразного общества ее недемократическое, морально-метафизическое самообоснование.

Что делает космополитический режим, если взять режим прав человека легитимным и/или легальным?

Возможно ли вообще говорить о незаконном или нелегитимном режиме прав человека? Или понятие незаконного, нелегитимного режима прав человека есть лжепонятие, вроде белой вороны?

Кто или что принимает решение о легитимности или легальности режима прав человека?

Как режим прав человека соотносится с национальными конституциями и законами, с практиками демократически или недемократически легитимированных правительств?

Что решает, являются ли (и если да, то в каких случаях) нарушения прав человека, внутри данного государства считающихся *законными*, для сообщества (каких?) государств настолько отягчающими обстоятельствами, что они оправдывают военно-гуманитарную интервенцию?

Кто определяет создание вооруженных сил?

В какой мере учреждение и развитие транснациональных союзных вооруженных сил для военного варианта гуманитарных интервенций в других регионах мира представляет угрозу иностранным государствам или побуждает придать вес космополитическому режиму прав человека в противовес притязаниям национального суверенитета?

Что же создает авторитет тем членам международного общества, которые ощущают свой долг перед режимом прав человека; авторитет, позволяющий вмешиваться во внутренние дела государств, хотят того или не хотят правительства этих государств?

Кто же дает общеобязательное (в правовом и военном отношениях) толкование принципам и нормам космополитического режима в конкретных ситуациях, перед лицом дивергирующих экономических, моральных, военных опций и интересов против старого национально-государственного порядка, так что вопрос, какие источники

легитимности — старые национально-государственные или космополитические — действуют в этом случае, в свою очередь представляется «легитимным» дивергентным участникам, затронутым лицам и наблюдателям?

Чем более общеобязательным становится космополитический режим и чем больше усиливаются взаимозависимости между государствами, предприятиями и организациями мировой экономики, а также глобальными акторами гражданского общества, тем вероятнее, что вопросы такого рода приведут к тяжелым пробам на разрыв, поскольку при смене национальной и космополитической перспективы *источники уверенности* меняются местами — и действительность, само собой, радикально меняется.

Ясно одно: легитимность и законность космополитического режима не может завоевываться «снизу вверх», т. е. через демократическое голосование и одобрение отдельных государств. Она должна обосновываться «сверху вниз», как бы дедуктивно, исходя из очевидной универсальности принципов и основных положений — из последствий для всего человечества и для каждого отдельного человека.

«Индуктивное», демократическое обоснование космополитического режима покоится на аналогии между ролью отдельных государств, как членов международного сообщества, и ролью индивидуальных личностей, как членов национальных обществ. При этом упускают из виду следующее: государства являются коллективными акторами и, что не менее важно, гегемонистские государства, извлекающие выгоду из экономического и политического неравенства внутри международного сообщества, заинтересованы в том, чтобы допускать только такие системы норм и правил, которые укрепляют и легитимируют их гегемонистскую позицию¹⁷.

Кроме того, круг акторов и организаций, чьи практики охватываются и нормируются радиусом действия космополитического режима, больше по величине и отличается по составу от того, что предполагалось старым понятием «международное сообщество государств». Космополитический режим в своем притязании на урегулирование включает тех коллективных акторов, которые осуществляют власть наряду с государствами в глобальном пространстве. Сюда относятся трансна-

¹⁷ Демократическая легитимация прав человека «снизу», через игольное ушко национально-государственного консенсуса, подобна, таким образом, не только требованию, чтобы национальные государства сами лишили себя власти, но прежде всего требованию неподлинного, инструментального использования прав человека в национально-государственных интересах.

циональные концерны, наднациональные государства, неправительственные организации и особенно индивидуальные акторы в их отношении к государствам. Последние эффективно конституируются режимом прав человека вообще только как акторы с собственным правом по отношению к коллективным единицам действия.

В этом смысле практически исключается (во всяком случае, в данных институциональных условиях) легитимация космополитического режима прав человека «снизу» (например, в форме голосования на Генеральной Ассамблее ООН, читай: национальными государствами), если только не будет создан институт космополитического парламента, который в качестве глобального суверена будет демократически принимать решения, касающиеся условий глобального строя. Это, однако, не предусматривается; кроме того, данная опция трудно осуществима. Ибо это было бы голосование *post hoc*, которое только еще реализует легитимирующее одобрение. Так возможно ли, чтобы космополитический парламент легитимно отверг порядок прав человека? Едва ли.

В остальном основные примеры говорят в пользу того, что моральное, политическое, легальное и властно-стратегическое значение режима прав человека раскрывается независимо от его ратификации отдельными государствами, коренным образом затронутыми этим режимом. Можно так сказать: режим прав человека разлагает национальную легитимность именно в тех случаях, когда государства по благим причинам отказываются от его одобрения и / или осуществления.

Возьмем Всеобщую декларацию прав человека, которая была подписана в 1948 г. как часть Устава ООН, послужив не в последнюю очередь ответом на опыт холокоста. Многие сразу же навесили на нее ярлык «мягкая», но, как выяснилось впоследствии, она оказалась весьма эффективной стратегией власти в период холодной войны. Разумеется, трудно оценить ее роль в крахе советской империи. Есть, однако, серьезные подтверждения того, что пораженный институциональным артритом советский марксизм был делегитимирован не только отрицанием и нарушением прав человека, но что «корзина прав человека» воодушевила и уполномочила гражданское сопротивление протестных движений в бывшем Восточном блоке. Это стало исторически очевидным позднее, после падения Берлинской стены.

Аналогичное развитие демонстрирует также успешная история организации «Эмнести Интернэшнл». Эта частная неправительственная организация трансформировала притязания прав человека на самолегитимацию в самоуполномочивание, сделав своим операционным полем притязание на юридическую силу, которой режим прав человека

Таблица 13. Трансформация легитимности мировой политики

	<i>Первый модерн</i>	<i>Второй модерн</i>
	<i>Национальный подход</i>	<i>Космополитический подход</i>
<i>Соотносительные рамки</i>	Национальные / международные	Транснациональные / космополитические
<i>Уровни/радиус действия</i>	Международное общество национальных государств; правовой суверенитет	Транснациональные акторы; правительство без правления, наднациональные финансовые организации, НПО, транснациональные концерны
<i>Субъект</i>	Национальное государство, международное право	Индивиды, государства, права человека
<i>Источник легитимности</i>	Голосование: демократия	Одобрение: самолегитимация, риски для человечества
<i>Вид обоснования</i>	Теория договора индуктивно: снизу вверх	Права человека и господство: дедуктивно, сверху вниз

обладает во внутригосударственной сфере. «Эмнести Интернэшнл» назначила саму себя глобальным обвинителем в сфере нарушений прав человека во всем мире перед судом глобальной общественности, созданным, как самоосуществляющееся пророчество, с помощью информационной политики, ориентирующейся только на факты.

Этот пример успешного социального и политического самоконституирования глобальной правозащитной совести делает более отчетливой и воспроизводит фигуру самолегитимации, поворачивая ее в активно-организационную сферу. «Эмнести Интернэшнл» поставила перед собой задачу сделать универсальные права – через осознание их нарушения – одновременно постигаемыми на опыте, доступными для обоснования и, благодаря вызванному этим призыву к применению санкций, эффективными. Их транснациональная организационная форма создала независимый голос и инстанцию транснационального права, которая поверх границ и стен основанного на насилии государственного права делала зримыми и подпадающими под санкции нарушения универсального права. Неправительственный характер

организации придает этому голосу моральную достоверность на фоне правительств, горделиво выступающих во всеоружии средств государственного властного и правового аппарата. Концентрация на индивидуальных случаях, т. е. на делах частных лиц против государств, имела двойкий результат: во-первых, патетика индивидуальной жертвы привела к тому, что индивидуальные по своей природе права человека в сравнении с государственным правом суверенитета выиграли в отношении наглядности и достоверности; во-вторых, практика обвинения государств перед лицом мировой общественности в нарушениях прав человека обеспечила убедительную обязательность притязанию режима прав человека на универсальность, особенно равенству государства и государства, с одной стороны, индивида и государства — с другой.

Это привело к тому, что после окончания холодной войны использование режима прав человека во властных стратегиях стало затруднительным. Это значит, что наше различие подлинного и неподлинного космополитизма применительно к вопросу о правах человека было явно сдвинуто в пользу подлинного космополитизма. Перед лицом мировой общественности, чувствительной к нарушениям прав человека, стало труднее злоупотреблять Всеобщей декларацией прав человека в национально-государственных властных целях. Космополитический режим прав человека утвердил, таким образом, в мире нормативный горизонт ожиданий, который не только лишил реальной силы в отношении властных стратегий старую национально-интернациональную систему правил игры, но и морально обесценил ее. Однако в результате был одновременно создан политический и военный вакуум, порождающий потребность в других военно-политических и экономических институтах и структурах.

Кроме того, свою историческую неправоту продемонстрировали две философско-политические позиции. Во-первых, *марксистская* точка зрения утверждает, что все концепции прав являются, в конечном счете, буржуазными институтами, а потому политически и морально предосудительно выдвигать универсализм прав человека в качестве основы и цели политического действия. Это марксистское мышление опровергается без труда, поскольку оно упускает из виду взаимно усиливающие и подтверждающие моральный, политический и властно-стратегический аспекты всеобщих прав человека. Кроме того, это мышление находится в противоречии с традиционным интернационализмом рабочего движения.

Во-вторых, теряет свою убедительность *постмодерная* точка зрения, утверждающая, что права человека являются поздним порождением

эпохи Просвещения, которое оказалось на поверку единственным крупным заблуждением с имперскими последствиями и потому само себя опровергло. Внутренний империализм универсальности режима прав человека, как должны аргументировать и рассуждать теоретики постмодерна, вступает в открытое противоречие с миром культурных различий. Но последние не только затрудняют, а исключают коммуникацию и горизонт общности прав человека. Присутствующее в постмодерном мышлении притязание на то, что через космополитический режим прав человека создается всеобщий, обязательный для всех нормативный горизонт ожидания, вызывает подозрения. Такое видение вещей может явиться поводом для репрессий и доминирования одной культурной претензии над исключенными другими. Представление, что права человека, а также космополитический режим вообще санкционирует именно это право быть другим, находится в явном противоречии с постмодернизмом и категорически ставит под вопрос догматический постмодерный релятивизм.

Юрген Хабермас может торжествовать: марксистское и постмодерное сопротивление режиму прав человека терпит крах (точнее, оно съезживается, превращаясь в имманентные споры). Речь идет об исторических особенностях и культурном многообразии концепций прав человека или о критике узких, дедуктивных, наивно-простодушных, т. е. только моральных и не властно-стратегических, интерпретаций прав человека. Но тогда само признание выступления в защиту различий и плюральности указывает на то, что противники одобрения космополитического режима в предвидении консенсуса противостоят друг другу.

В той мере, в какой космополитический режим теряет своих врагов или поглощает и обращает их в свою веру, его внутренние противоположности и противоречия усиливаются, осознаются, запечатлеваются в политическом пространстве и требуют институциональных форм выражения. Дэвид Хелд, например, предлагает скрижаль с семью космополитическими первопринципами, которые должны быть распространены повсеместно, создавая основу для определения того, какие права и обязанности индивидуальных лиц должны защищаться и как именно, каким образом люди могут принимать участие в деятельности институтов, управляющих их жизнью:

- « 1. Равная ценность и достоинство
2. Активное участие
3. Личная ответственность и вменяемость
4. Консенсус
5. Рефлексивное самоопределение и коллективное нахождение решений с помощью избирательных процедур

6. Инклюзивность и субсидиарность

7. Избегание серьезных нарушений и удовлетворение необходимых потребностей» [*Held* 2001, 35].

Здесь мы не можем рассматривать эти принципы космополитического режима, как это весьма дифференцированно и убедительно делает Дэвид Хелд, но хотим указать на то, что открывается новый горизонт противоречий. Он наложит свой отпечаток на вид и способ формирования политической структуры и организации внутри космополитического режима в национальных, интернациональных и транснациональных пространствах. Уже сегодня вырисовываются подобные противоречия и контрверзы, требующие политических и институциональных форм выражения, например, в полемике о том, в какой мере допустим приоритет прав человека по отношению к торговым интересам или в какой мере усилия по защите окружающей среды и стимулированию экономического роста внутри отдельных групп стран относятся к усилиям по развитию торговли между странами, как наднациональные инициативы и инстанции, которые защищают и улучшают качество окружающей среды внутри различных стран.

Можно ли огульно применять принципы космополитического экологического режима к богатым и к бедным, к высокоразвитым и к индустриализирующимся странам? Необходимо и законно ли выступать в защиту стратосферного озонового слоя или глобальной системы климата несмотря на противодействие стран, производящих товары или использующих ресурсы, которые играли главную роль в развитии индустриальных держав, в значительной мере повинных в возникновении озоновой дыры и связанных с ней опасностях?

Разумеется, можно доказывать, что следует предъявлять обвинения в нарушениях прав человека в таких странах, как Китай и Россия, даже если это неблагоприятно скажется на перспективах экономического развития, интеграции в мировую экономику, а тем самым — на торговых интересах западных государств. Но подобные аргументы иногда производят впечатление несколько далеких от жизни и оценят их лишь *post hoc*, после того как демократические режимы отпразднуют свой триумф.

Каков же королевский путь для осуществления прав человека? Одни говорят, что экономический рост и порожденное им благосостояние делают привлекательными права человека. Другие доказывают обратное: внутренняя демократизация и обеспечение прав человека суть предпосылки для расцвета экономики.

Согласно существующим правилам наверняка нужно было бы подвинуть такие страны, как Бразилия, Индонезия и Малайзия, на за-

щиту многообразия биологических видов, заставить их отказаться от стратегий экономического роста, которые кажутся необходимыми правительствам этих стран. Было бы разумно связать режим свободной торговли с экологическим и правозащитным режимами. Но как?

Является ли, например, законным инструментом исключение из какой-либо зоны свободной торговли стран, которые нарушают демократические правила игры и Декларацию прав человека? Можно ли обязывать государства — членов некоей зоны свободной торговли — соблюдать нормы экологического режима? Кто будет принимать решения по этому вопросу?

Можно ли принятие решения об экспорте или импорте поставить в зависимость от степени соблюдения в этих странах прав человека и экологических норм и доверить это решение тем странам, где среди ценностей центральную роль играют экологические стандарты?

Могут ли государства по собственному сценарию вводить ограничения, защищая себя от абсолютно неприемлемых, с их точки зрения, практических действий и товаров других стран? Или подобные торговые ограничения являются незаконным инструментом?

Кто и на какой правовой и законодательной основе принимает решение и осуществляет его, например, преодолевая сопротивление могущественных стран?

Правозащитный режим направлен прежде всего против злоупотребления политической властью в отдельных государствах. Необходимо положить предел и экономической власти. Таким образом, необходимо возлагать на концерны выполнение обязательных норм космополитического режима или же делать их самих исполнительными органами этого режима, т. е. обязывать выполнять как правозащитные, так и экологические нормы и т. д.

Но что говорит по поводу этих вызывающих споры тем и конфликтов истолкований парящий надо всем земной бог — космополитический режим? Точнее: *кто* говорит, что именно утверждает космополитический режим? Возможно, со временем возникнет космополитическая элита (ведь существуют же каста толкователей Корана или Библии), которая применительно к конкретной специфике культур и тем будет толковать — более или менее обязательным для всех образом — внутреннюю противоречивость и герменевтическую запутанность более или менее формализованных, кодифицированных, узаконенных ценностных принципов космополитического режима. Вероятно, появятся космополитические муллы, которые будут проверять интернациональные, но также национальные правовые и судебные

системы на предмет «чистоты» космополитического «слова» и его мудрости и осуществлять надзор за ними.

Если космополитический горизонт когда-нибудь станет обязательным, то станут явным противоречия между одними противниками поддержки и другими противниками поддержки. Нельзя исключать того, что эти противоречия, лишённые свой противоречивости, будут разрешаться с особой остротой и словесной страстью.

Еще раз зададимся вопросом: может ли существовать легитимное сопротивление правозащитному режиму? Разве не существует всегда только сопротивление *этому* толкованию прав человека в пользу *другого* истолкования? Не должен ли невыбор защиты окружающей среды (по крайней мере на словах) свидетельствовать о необходимости защиты окружающей среды? Демократию ликвидируют, но для того, чтобы спасти ее!

Но на чем основана легитимность космополитического режима, если он не узаконен ни государственным, ни демократическим путем? Требуем ли космополитический суверенитет создания права, одновременно транснационального и действующего для всех возможных акторов, включая индивидуальных лиц, т. е. своего рода имперского суверенитета?

Можно различать три возможных источника космополитического суверенитета: *разумное право, правовой позитивизм и прагматизм*. Все три концепции варьируют фигуру самообоснования. Кроме того, они не исключают, но дополняют и усиливают друг друга.

В традиции, идущей от Канта, космополитический режим мыслится как вид самообоснования и осуществляется в формах правового конституционализма; в этом смысле космополитические принципы, так сказать, в качестве нормы «идеальной речевой ситуации» присутствуют и оправданы в любой мыслимой коммуникации (Хабермас). Это во всех речевых ситуациях всегда предполагаемое и для всех участников очевидное, понятное, негласное внутреннее принуждение, присущее лучшему аргументу, придает всеобщую обязательность космополитическим принципам.

В противоположность этому *правовой позитивизм* состоит в том, что принципиальные обоснования правовых норм всегда и принципиально исключены. Отсюда делается вывод, что законность, например, космополитического режима может быть оценена по степени его *эмпирической законности*. Здесь принципиальное самообоснование растворяется в *эмпирическом самообосновании*, которое зависит от конкретных обстоятельств, остается условием, но возможно, и подкреп-

ляется конкретными обстоятельствами. В той мере, в какой осуществляется космополитический режим, он обосновывает сам себя.

Этот взгляд полностью согласуется с подходом *прагматизма*, в котором законность космополитического режима измеряется по тому, насколько с его помощью удастся, например, глобально (а также национально или локально) решать глобальные проблемы. Онтологический или метафизический статус космополитического режима переводится здесь в форму *прагматического самообоснования*. В той мере, в какой космополитический режим *оправдывает* себя, он обретает легитимность. Успех, подтверждение практикой заставляют забить ключом источники легитимности.

Стоит отметить, что три модуса самообоснования космополитического режима в своих взаимоотношениях усиливают неприступность и абсолютистскую имманентность космополитического режима. Модусы следуют логике установления, которое обосновывает себя то этически, то эмпирически, то прагматически. Особенность этой самолегитимации через установление выступает наружу тогда, когда эту аксиоматизацию космополитического режима сравнивают с политически-демократической легитимацией: тем или иным образом обосновывающие себя установления *уклоняются* от демократии.

Если при космополитическом режиме моральный, основной, распространяющийся на всех порядок прилагают к новому, не знающему границ человечеству и устанавливают для него, то легитимность этого порядка может принципиально выводиться не из легитимационных источников территориально ограниченного национально-государственного порядка. Он нуждается в собственных источниках легитимности, поскольку лишь они позволяют создать моральный и правовой порядок проективно для всех и каждого в отдельности, но, значит, *против* национально-государственных акторов и принципов легитимности. Революционное преодоление национально-государственного порядка мыслимо только в форме *установления космополитического режима*, которое этически, прагматически и политически осуществляет самообоснование в форме самоосуществляющегося пророчества.

Само себя обосновывающее установление есть поэтому одновременно принцип *номиналистического разума* или *разумного номинализма*. Это значит, что трансцендентальность самообоснования одновременно номиналистически осуществляется и забирается назад и благодаря этому неприступна.

Космополитический порядок ценностей предполагает тогда некую дефиницию понятия всеобщезаконодательного блага. Она контингентна, т. е. может быть и другой. Но дефиниции понятий не могут быть ис-

тинными или ложными. Голосование по ним не имеет смысла. Выбор их или отказ от них не делает их более истинными или более ложными. Можно спорить об определении понятий, как это и происходит на практике, но спор можно разрешить только прагматически, т. е. в выводимых *следствиях*, которые делаются в сфере эмпирической политики недоступными для проверки. В этом смысле космополитический режим в своем одновременно разумном и номиналистическом «бытии» смягчает любую критику. Любопытно, что это разумно-номиналистическое самообоснование космополитического режима усиливает при расколдовывании разума свою убедительность. Да, оно является, так сказать, разумом, который приобретает значимость после конца разума. Именно там, где уже ничто не обладает значимостью само по себе, этот постмодерный, разумный, прагматический номинализм может развивать свое непреодолимое, не встречающее сопротивления всемогущество. Как показывают работы Джона Мейера и других авторов, этот прагматически-постмодерный «разум установления», весьма вероятно, может превратиться в рабочую гипотезу, которая с помощью языка глобального эмпирического социального исследования кристаллизуется в форме массовых данных, т. е. делается действительностью.

Коснемся в заключение двух последствий. Самообоснование действительно *вне времени*. Оно знает только состояние «перед ним», но не «после него». С ним «метафизика вечной современности» [Cwerner 2000, 335] обретает обязательность. Осуществленный космополитизм становится, таким образом, режимом с долгим прошлым, но без инаковости будущего – вневременным и вечным.

Одновременно логическая фигура самообоснования замещает нелогическую фигуру демократии. На место голосования приходит понимание. Тот, кто на определенной стадии прагматического самообоснования (все еще) не понимает «благо» космополитического порядка, не хочет понять, что обрушивается на него самого. Но непонимающие *должны* быть отграничены. Без этого «должны» обойтись нельзя, поскольку благо само по себе делает возможным понимание блага, т. е. непонятливость нужно ставить в вину самим непонятливым индивидам, странам, этническим и религиозным группам, партиям, правительствам. Поэтому любая критика космополитического режима всегда навлекает на себя обвинение в том, что ее ведут сознательно-непонятливые, т. е. злые, которые мешают благому порядку.

Круг замыкается: космополитический режим может быть понят и политически утилизирован как абсолютное благо, в отношении которого уже невозможна никакая оппозиция. Это фигура самоугрозы

и самообоснования, которая, будучи политически повернутой и радикально додуманной до конца, не ликвидирует демократию, но в немом принуждении к пониманию постепенно истончает и, наконец, делает излишней. Благой ценностный и мировой порядок космополитизма не имеет альтернативы. Он обосновывает себя самого и больше уже не зависит от выборов и голосований, которые остаются все более произвольными. Космополитический режим знает только противников одобрения.

А это говорит о том, что в абсолютной имманентности космополитизма заканчивается и умирает игра власти и контрвласти, правительства и оппозиции. Это не значит, что при космополитическом режиме демократия ликвидируется. Она становится второстепенной, производной, ограниченной, поддерживаемой и щадимой для определенных ситуаций, но тем с большей помпой тогда прославляется. Демократия становится религией прошедшего века. Ее еще практикуют — по воскресеньям и на «Рождество», под «рождественской елкой» голосования на выборах. Но едва ли кто-нибудь действительно верит в нее. Она — умерший бог Первого модерна, но бог, который продолжает жить. Секуляризированный космополитизм лелеет свою веру по праздникам, в священные таинства демократии.

Несколько запыхавшись, я останавливаюсь и спрашиваю себя и читателя: не перестарался ли я с обоснованием через самокритику? Не настало ли время напомнить мне самому в форме критики того, что я сам проповедовал Второй модерн как открытый и амбивалентный? Получается, что фатализм, с которым космополитические режим разоблачается здесь как а-демократический, находится в явном противоречии с предпосылками данной книги. Нет ли все-таки света в конце туннеля или, по крайней мере, туннеля в конце света? Космополитический подход, безусловно, не является непротиворечивым. Но не является ли он все же полным противоречий в том смысле, что несет в себе искру надежды? Как можно систематически противостоять в мышлении и действиях этой опасности западного фундаментализма де-демократизации, осуществляемой с благими намерениями?

Это возможно на двух путях, тесно друг с другом связанных, которые следуют из логики самокритики. Во-первых, когда демократия и права человека не разъединены (это, как было показано, прямой путь в ад блага), но друг с другом *соединены* и *слиты*, причем концептуально и институционально. Во-вторых, когда космополитический режим в сфере мировой политики продвигает вперед это слияние демократии и прав человека, т. е. опровергает вышеизложенные опасения посредством дел и фактов. Иными словами, космополитическим ре-

жимом, понимаемым как *идея реформы* и *практика реформы* мировой политики, доказывается его легитимность — или не доказывается¹⁸. Подобные «reasonable outcomes»¹⁹ (Хабермас) были бы таковы (в не-систематическом и неполном перечислении):

1. Усиление имеющихся или *учреждение новых транснациональных организаций*, которые могут действовать как оппоненты транснациональных концернов и банков и создавать нормативные рамки правил, руководящих линий поведения и кодов поведения не только для правительств, но и для акторов мировой экономики и частных предприятий. Таким образом, космополитические акторы, располагающие властью эффективно вести переговоры о неэкономических измерениях глобального рынка (экологии, климате, болезнях, бедности, эксклюзии), а также о противоречивости существования, стали бы свидетельствовать в пользу того, насколько космополитический режим стал реальностью или остался чистой идеологией.

2. Осуществленная и успешная реформа МВФ и Всемирного банка, которая заменяет непрозрачность прозрачностью, вводит новые формы демократической репрезентации, особенно в бедные страны — адресаты помощи (например, принцип «одна страна — один голос»), а также систематически учитывает в политике МВФ точки зрения глобальной честности и глобальной справедливости; продвигается рекрутирование обученного персонала и директоров из не-западных стран; помимо регулирования национальных государств начинается регулирование мировой экономики.

3. *Демократия государств*. Богатые и могущественные государства должны видеть в себе адресатов космополитического режима, при-

¹⁸ В этом смысле можно вместе с Юргеном Хабермасом понимать космополитический режим как традициообразующий проект, чьи источники легитимности подтверждаются в жаркие «времена продуктивной перестройки, которые делают возможным редкий опыт эмансипации и оставляют после себя память о поучительном историческом примере. Современники могут замечать, что до сих пор дискриминируемые группы получают собственный голос и что до сих пор недопривилегированные классы ставятся в положение, когда они могут взять свои судьбы в собственные руки. Поначалу ожесточенно оспариваемые реформы будут признаны всеми партиями как достижение, только когда отгремят сражения вокруг интерпретации» [Habermas 2001, S. 144].

¹⁹ разумные результаты (англ.).

знавать его и содействовать его развитию. Так, базисные элементы космополитического режима – Международный уголовный суд, Киотский протокол по защите климата, конвенции по ограничению вооружений (от запрета биологического и химического оружия до запрета атомного оружия) – надо было бы ратифицировать странам – производителям оружия на Западе. В особенности это относится к США. Космополитический режим означает *равенство государств перед господством закона*. Этот аспект демократии государств, при которой все государства, в том числе самые могущественные, подчиняются праву совместно заключенного режима, был бы убедительным критерием для выявления контраста между легковесностью идеологии и сложностью реальности космополитического притязания.

4. *Правозащитная политика*. Как будут применяться права человека в конкретных ситуациях? Существуют ли демократические процедуры принятия решений? Насколько они прозрачны? В какой мере и как операционно дифференцируются демократически легитимированные и демократически нелегитимированные «гуманитарные интервенции»? Существуют права человека как чистой воды идеология, права человека как национальная политика (например, в США), права человека в космополитическом режиме, тесно связанные с институциональной демократической инфраструктурой. Самоуправление и права человека должны, таким образом, противоречить друг другу, но должны образовывать некое единство, причем тогда, когда права человека вытекают из идеи отрегулированной совместной жизни.

5. *Всемирный (космополитический) парламент*. Образцовый пример слияния самоуправления и прав человека мог бы послужить обоснованием и основанием всемирного парламента, причем даже в том случае, если бы соответствующая инициатива космополитически ориентированных правительств реалистично на первых порах включили только ничтожную долю существующих государств и этот космополитический парламент сначала располагал бы только властными рычагами символической политики. Несомненно, была бы создана всемирно-общественная площадка, на которой мировые проблемы, включая защиту прав человека, обсуждались бы эффективно в транснациональном отношении.

6. Таким соединительным звеном могло бы стать создание или укрепление институтов, предоставляющих индивиду возможность осу-

ществлять закрепленные космополитические права против собственного государства.

7. *Субструктура промежуточных институтов.* В какой мере имеющиеся институты — Генеральная Ассамблея ООН, Совет Безопасности ООН, страны «восьмерки» — соответствующим образом реформированы или дополнены новыми организациями? В какой мере происходит транснациональная интеграция континентальных режимов? То есть как big players²⁰ — США, ЕС, Китай, Азия, Южная Америка — привязаны к демократическим институтам? Существуют ли новые формы поперечных связей и сетей между ними и в какой мере эти big players подчиняются принципам прозрачности и вменяемости?

8. *Легитимация через самоосуществляющееся пророчество.* Вопиющие нарушения прав человека (или, в более общем виде, нарушения космополитического режима) могли бы — в тех случаях, когда эти нарушения воспринимаются как попрание собственных принципов, — дать толчок к образованию мировой общественности, в которой настойчиво внушается сознание общности. Возможно, космополитический режим породит в этом смысле конфликты и создаст эффекты, стимулирующие интеграцию мировой общественности. Однако это будут критические, а не позитивные солидаризации. Суть именно в том, что сформированные в соответствии с космополитическим режимом мировая политика и мировое общество нуждаются в этой критической, а не в позитивной интеграции.

9. *Посредничество в конфликтах.* Как можно принимать решения в море конфликтов? В какой мере возникают превентивные и реальные инфраструктуры подхода к самоисключающим установкам? Какие последствия имеет это для сфер права и образования?

Здесь проявляется следующее. Космополитический подход, транснациональный уровень не подразумевают введения никакого нового принципа. Демократия и права человека суть базовые принципы модерна, которые, однако, в Первом, национально-государственном модерне и во Втором модерне должны отливаться в разные институциональные и концептуальные формы. Поэтому необходимо для космополитического модерна найти или изобрести другой способ сце-

²⁰ крупные игроки (англ.).

пленения демократии и прав человека и осуществить ее в конкретных перспективах и шагах реформы.

Этой критикой критики завершается моя последняя глава. Как оказалось, она, собственно, превратилась в похвальную речь демократии у колыбели космополитизма. Но без демократии космополитизм умрет, не начав жить. Без демократии мечта космополитизма о правах человека — *ничто* или реально существующий кошмар.

Мы говорим о той мировой ситуации, в которой надежда, т. е. нереальность космополитического режима, активизирует и мобилизует действующих. Этот *проект* космополитизма необходимо отличать от *реально существующего* космополитизма, который управляется и тиражируется своими невольными, непредусмотренными побочными последствиями. На место нации, как земной религии, могла бы выступить земная религия космополитизма. Она, однако, уже не знает, в отличие от национального порядка, ни других, ни внешних. Космополитизм, домысленный до конца, есть секуляризованный Божественный порядок на этой земле.

Не только обычно, но и вежливо, почти обязательно и, во всяком случае, полезно как для читателя, так и для автора, завершать такой удручающий трактат о космополитическом макиавеллизме решительным присловьем «тем не менее». Здесь это спасительное присловье витает в воздухе и нетерпеливо ждет, чтобы его произнесли.

Тем не менее разве не утешительно, что космополитический режим, за который мы воевали в этой книге и чьи побочные последствия мы в последней главе предвосхищающе разоблачили, не является реальностью и еще долго не будет ею? Или этого утешения больше нет?

ЛИТЕРАТУРА

- Adam B.* (1995): *Timewatch: The Social Analysis of Time*, Cambridge (Mass.): Polity Press.
- Adam B.* (2002): *Reflexive Modernization Temporized // Theory, Culture & Society* 6/4 (im Druck).
- Adam B. / Beck U. / van Loon J.* (Hg.) (2000): *The Risk Society and Beyond*, London: Sage.
- Agnew J.* (1998): *Geopolitics: Re-visioning World Politics*, London/New York: Routledge.
- Ahmed A. S. / Donnan H.* (1994): *Islam, Globalization, and Postmodernity*, London/New York: Routledge.
- Ake C.* (1996): *Democracy and Development in Africa*, Brookings Institution, Washington (D. C.).
- Albrow M.* (1996): *The Global Age*, Cambridge (Mass.): Polity Press, dt. Übersetzung (1998): *Abschied vom Nationalstaat*, Frankfurt/M.: Suhrkamp.
- Allan S. / Adam B. / Carter C.* (Hg.) (2000): *Environmental Risks and the Media*, London/New York: Routledge.
- Almond G. A.* (1999): Review Article: *The International-National Connection // British Journal of Political Science* 19/2, S. 237–259.
- Alt J. E. / Gillican M.* (2000): *The Political Economy of Trading States // Frieden* J. A. / *Lake D. A.*, S. 327–342.
- Altvater E. / Brunnengräber A. / Haake M. / Walk H.* (Hg.) (1999): *Vernetzt und Verstrickt. Nicht-Regierungs-Organisationen als gesellschaftliche Produktivkraft*, Münster: Westfälisches Dampfboot.
- Altvater E. / Mahnkopf B.* (1996): *Grenzen der Globalisierung. Ökologie, Ökonomie und Politik in der Weltgesellschaft*, Münster: Westfälisches Dampfboot.
- Alund A. / Schierup C.-U.* (1991): *Paradoxes of Multiculturalism. Essays on Swedish Society*, Aldershot: Avebury.
- Amason J. P.* (1990): *Nationalism, Globalization and Modernity // Theory, Culture & Society* 7, S. 207–236.
- Amin Z.* (1998): *Capitalism in the Age of Globalization*, London/New York: ZEd.
- Anderson B.* (1996): *Die Erfindung der Nation*, Frankfurt/M.: Deutsche Verlagsanstalt.
- Anderson A.* (2000): *Environmental Pressure Politics and the „Risk Society“ // Allan S. / Adam B. / Carter C.*, S. 93–105.

- Anheier H. / Glasius M. / Kaldor M.* (2001): Introduction in Global Civil Society // Global Civil Society, Oxford: Oxford University Press, S. 3–22.
- Appadurai A.* (1999): Dead Certainty: Ethnic Violence in the Era of Globalization // *Meyer B. / Geschiere, P.* (Hg.), S. 305–325.
- Appadurai A.* (2002): Grassroots, Globalization and the Research Imagination // *Vincent J.*, S. 271–284.
- Archibugi D.* (2000): Cosmopolitical Democracy // *New Left Review* 4, S. 137–150.
- Archibugi D. / Held D.* (Hg.) (1995): Cosmopolitan Democracy, Cambridge (Mass.): Polity Press.
- Archibugi D. / Held D. / Köhler M.* (Hg.) (1995): Re-imagining Political Community, Cambridge (Mass.): Polity Press.
- Arendt H.* (1958): Freiheit und Politik, in dies.: Zwischen Vergangenheit und Zukunft, München: Piper, S. 201–226.
- Arendt H.* (1970): Macht und Gewalt, München: Piper.
- Arendt H.* (1993): Was ist Politik? Aus dem Nachlaß, Hg. von Ludz, U., München: Piper.
- Arendt H. / Jaspers K.* (1993): Briefwechsel 1926–1969, Hg. von Köhler, L. / Sancr, H., München: Piper.
- Arndt E. M.* (1845): Über Volkshass und über den Gebrauch einer fremden Sprache // *Arndts E. M.* Schriften für und an seine lieben Deutschen, I. Teil, Leipzig: Fleischer.
- Ashley R. K.* (1984): The Poverty of Neorealism. *International Organization* 38, S. 225–286.
- Assheuer T. / Perger W. A.* (Hg.) (2000): Was wird aus der Demokratie?, Opladen: Westdeutscher Verlag.
- Atkinson A.* (1999): Is Rising Inequality Inevitable? A Critique of the Transatlantic Consensus, *WIDER Annual Lectures* 3, Helsinki, UN University.
- Barber B. R.* (1995): Jihad versus MC World: How Globalism and Tribalism are Reshaping the World, New York: Random House.
- Barro R.* (1996): Democracy and Growth, in: *Journal of Economic Growth* 1/1, S. 1–27.
- Barry B.* (1999): Statism and Nationalism: A Cosmopolitan Critique // *Shapiro I. / Brilmayer L.* (Hg.): Global Justice, New York: New York University Press, S. 12–66.
- Bauman Z.* (1998): Globalization: The Human Consequences, Cambridge (Mass.): Polity Press.
- Bauman Z.* (1999): In Search of Politics, Cambridge (Mass.): Polity Press.
- Bauman Z.* (2000): Liquid Modernity, Cambridge (Mass.): Polity Press.
- Beck U.* (1986): Risikogesellschaft – Auf dem Weg in eine andere Moderne, Frankfurt/M.: Suhrkamp. *Рус. перевод: Бек У.* Общество риска. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

- Beck U.* (1988): *Gegengifte: Die organisierte Unverantwortlichkeit*, Frankfurt/M.: Suhrkamp.
- Beck U.* (1993): *Die Erfindung des Politischen – Zu einer Theorie reflexiver Modernisierung*, Frankfurt/M.: Suhrkamp.
- Beck U.* (1997): *Was ist Globalisierung?*, Frankfurt/M.: Suhrkamp. *Рус. перевод: Бек У.* Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
- Beck U.* (Hg.) (1998, a): *Politik der Globalisierung*, Frankfurt/M.: Suhrkamp.
- Beck U.* (1998, b): *Weltbürger aller Länder, vereinigt Euch!* // *DIE ZEIT* Nr. 30, vom 16.7. 1998, S. 43.
- Beck U.* (2000, a): *The Cosmopolitan Perspective. Sociology for the Second Age of Modernity* // *British Journal of Sociology* 51, S. 79–106.
- Beck U.* (2000, b): *World Risk Society*, Cambridge (Mass.): Polity Press.
- Beck U.* (2001): *Redefining Power in the Global Age: Eight Theses* // *Dissent*, Fall 2001, S. 83–90.
- Beck U.* (2002): *Cosmopolitan Society and Its Enemies* // *Theory, Culture and Society* (im Druck).
- Beck U.* (2002): *World Risk Society Revisited: The Terrorist Threat* // *Theory, Culture & Society* (im Druck).
- Beck U. / Bonß W. / Lau C.*, (2001): *Theorie reflexiver Modernisierung* // *Beck U., Bonß W.* (Hg.): *Die Modernisierung der Moderne*, Frankfurt/M.: Suhrkamp.
- Beck U. / Beck-Gernsheim E.* (2001): *Individualization – Institutionalized Individualism and its Social and Political Consequences*, London: Sage.
- Beck U. / Giddens A. / Lash S.* (1996): *Reflexive Modernisierung – Eine Kontroverse*, Frankfurt/M.: Suhrkamp.
- Beck U. / Willms J.* (2000): *Freiheit oder Kapitalismus*, Frankfurt/M.: Suhrkamp.
- Beck-Gernsheim E.* (2000): *Juden, Deutsche und andere Ennnerungslandschaften – Im Dschungel ethnischer Kategorien*, Frankfurt/M.: Suhrkamp.
- Beetham D.* (Hg.) (1999): *Democracy and Human Rights*, Cambridge (Mass.): Polity Press.
- Beisheim M. / Zürn M.* (Hg.) (1999): *Im Zeitalter der Globalisierung? Thesen und Daten zur gesellschaftlichen und politischen Denationalisierung*, Baden-Baden: Nomos.
- Bello W. / Buller N. / Malhotra K.*, (Hg.) (2000) *Global Finance: New Thinking on Regulating Speculative Capital Markets*, London.
- Benhabib S.* (1992): *Situating the Self*, Cambridge (Mass.): Polity Press.
- Benjamin W.* (1980): *Über den Begriff der Geschichte*, in: *Illuminationen*, Frankfurt/M.: Suhrkamp., S. 251–262.
- Berger S. / Dore R.* (Hg.) (1996): *National Diversity and Global Capitalism*, Ithaca (N. Y.): Cornell University Press.
- Bericht über die menschliche Entwicklung 2000. UNPD, dt. Fassung von Deutsche Gesellschaft für die Vereinten Nationen e. V., Bonn.

- Berkovitch N.* (2000): *The Emergence and Transformation of the International Women's Movement* // Lechner, F./ Boli, J. (Hg.).
- Bernaier T.* (1998): *Globalisierung und staatliche Handlungsspielräume* // Ruloff, D. (Hg.): *Globalisierung – eine Standortbestimmung*, Chur / Zürich: Rüegger.
- Bernaier T.* (2000, a): *Protecting Consumers in an Open World Economy* // *Swiss Political Science Review* 6 / 2, S. 79–99.
- Bernaier T.* (2000, b): *Staaten im Weltmarkt*, Opladen: Leske + Budrich.
- Berry A. / Bourguignon F. / Morris C.* (1991): *Global Economic Inequality and Its Trends Since 1950* // *Osberg L.* (Hg.): *Economic Inequality and Poverty. International Perspectives*, S. 60–91, Armonk (N. Y.) / London: M. E. Sharpe.
- Beynon J. / Dunkerley D.*, (Hg.) (2000): *Globalization: The Reader*, London: Athlone.
- Bhabha J.* (1999): *Enforcing the Human Rights of Citizens and Non-Citizens in the Era of Maastricht: Some Reflections on the Importance of States* // *Meyer B. / Geschiere P.*, S. 97–124.
- Boli J.* (1999): *Conclusion: World Authority Structures and Legitimations* // *Boli J. / Thomas G. M.* (Hg.): *Constructing World Culture: International Nongovernmental Organizations since 1875*, Stanford: Stanford University Press.
- Boli J. / Thomas G. M.* (Hg.) (1999): *Constructing World Culture: International Nongovernmental Organizations since 1875*, Stanford: Stanford University Press.
- Bornschier V.* (1988): *Westliche Gesellschaft im Wandel*, Frankfurt / M.: Campus.
- Bornschier V.* (2002): *Weltgesellschaft – grundlegende soziale Wandlung*, Zürich: Loreto Verlag.
- Boswell T.* (1999): *Hegemony and Bifurcation Points in World History* // *Bornschier V. / Chase-Dum C.* (Hg.): *The Future of Global Conflict*, S. 263–284, London: Sage.
- Bourguignon F. / Morrisson C.* (1992): *Adjustment and Equity in Developing Countries. A New Approach*, Paris: OECD.
- Boyarin D. / Boyarin J.* (1993): *Diaspora: Generation and the Ground of Jewish Identity* // *Critical Inquiry* 19 / 4, S. 693–725.
- Boyer R. / Drache D.* (1996): *States Against Markets. The Limits of Globalization*, London / New York: Routledge.
- Brace L. / Hoffman J.* (Hg.) (1997): *Reclaiming Sovereignty*, London / Washington: Pinter.
- Bradshaw Y. W. / Wallace M.* (1996): *Global Inequalities*, Thousand Oaks: Pine Forge Press.
- Braithwaite J. / Drahos P.* (1999): *Global Business Regulation*, Cambridge (Mass.): Cambridge University Press.
- Bredow von W.* (2001): *Die Zukunft des Krieges. Gewalt, Politik, Staat* // *Frankfurter Allgemeine Zeitung* vom 27. 9. 2001.
- Brenner N.* (1998): *Global Cities, Glocal States: Global City Formation and State*

- Territorial Restructuring in Contemporary Europe, *Review of International Political Economy* 5/1, S. 1–37.
- Broad R. / Cavanagh J.* (2000): *Global Backlash: Citizen Initiatives to Counter Corporate-led Globalization* // *Wapner P. K. / Ruiz L. E. J.* (Hg.), S. 191–208.
- Brock L. / Albert M.* (1995): *Entgrenzung der Staatenwelt. Zur Analyse weltgesellschaftlicher Entwicklungstendenzen*, in: *Zeitschrift für Internationale Beziehung* 2/2, S. 259–285.
- Brown W.* (1995): *States of Injury. Power and Freedom in Late Modernity*, Princeton (N. J.): Princeton University Press.
- Brubaker R.* (1994): *Staats-Bürger. Frankreich und Deutschland im historischen Vergleich*, Hamburg: Junius.
- Brunetière F.* (1895): *Le Cosmopolitisme et la Littérature Nationale*, *La Revue des Deux Mondes*.
- Brunkhorst H. / Köhler W. R. / Lutz-Bachmann M.* (Hg.) (1999): *Recht auf Menschenrechte. Menschenrechte, Demokratie und internationale Politik*, Frankfurt/M.: Suhrkamp.
- Burtless G. / Lawrence R. Z. / Litan R. E.* (2000): *Globophobia: Confronting Fears about Open Trade* // *Lechner F. / Boli J.* (Hg.).
- Busch A. / Plumper T.* (Hg.) (1999): *Nationaler Staat und internationale Wirtschaft. Anmerkungen zum Thema Globalisierung*, Baden-Baden: Nomos.
- Busch L. / Schiller N. / Szanton Blanc C.* (1994): *Nations Unbound: Transnational Projects, Postcolonial Predicaments, and Deterritorialized Nation States*, Amsterdam: Gordon and Breach.
- Butler J. / Laclau E. / Žižek S.* (2000): *Contingency, Hegemony, Umversality*, London: Verso.
- Campbell D. / Shapiro M. J.* (Hg.) (1999): *Rethinking Ethics and World Politics*, London: University of Minnesota Press.
- Carens J. H.* (1987): *Aliens and Citizens: the Case for Open Borders* // *Review of Politics* 49/2, S. 251–273.
- Castells M.* (2001): *Der Aufstieg der Netzwerkgesellschaft, Teil I der Trilogie «Das Informationszeitalter»*, Opladen: Leske + Budrich.
- Castles F. G.* (2000): *Ethnicity and Globalization*, London: Sage.
- Castles S. / Miller M.* (1998): *The Age of Migration*, Basingstoke: Macmillan.
- Caterbow A. / Holzer B.* (2001): *Babylonische Sprachverwirrung* // *Politische Ökologie* 72, S. 37–49.
- Cerny P. G.* (1998, a): *Neomedievalism, Civil War and the New Security Dilemma: Globalisation as Durable Disorder* // *Civil Wars I/I*, S. 36–64.
- Cerny P. G.* (1998, b): *Globalisierung und die neue Logik kollektiven Handelns* // *Beck U.* (Hg.) (1998, a), *Frankfurt M. / Suhrkamp*, S. 263–297.
- Cerny P. G.* (2000): *Structuring the Political Arena* // *Palan, R.* (Hg.): *Global Political Economy*, London / New York: Routledge, S. 21–35.

- Cheah P. / Robbins B.* (Hg.) (1998): *Cosmopolitics: Thinking and Feeling Beyond the Nation*, Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Chero F.* (2000): *The Local Dimensions of Global Reform* // *Pieterse J. N.* (Hg.).
- Chomsky N.* (2000): *Der neue militärische Humanismus: Lektionen aus dem Kosovo*, Zürich: Ed. 8.
- Chossudovsky M.* (1997): *The Globalization of Poverty*, London: ZEd. Clark, M. (1996): *Creativity Unbound: Engaging with the Mocular Revolution of Nanotechnology*, Mimeo.
- Clarke S. / Gaile G. L.* (1998): *The Work of Cities*, Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Clifford J.* (1994): *Diasporas* // *Cultural Anthropology* 9/9, S. 302–337.
- Cohen R.* (1997): *Global Diasporas*, London: University of California Press.
- Cohen J. L.* (1999): *Changing Paradigms of Citizenship and the Exclusiveness of Demos* // *International Sociology* 14 (3), S. 245–286.
- Cohen R. / Kennedy P.* (2000): *Global Sociology*, Basingstoke (UK)/New York: Palgrave.
- Coleman J.* (1982): *Die asymmetrische Gesellschaft*, Weinheim: Beltz.
- Connolly W. E.* (1995): *The Ethos of Pluralization*, Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Cooler R. / Ulen T.* (1999): *Law and Economics*, Reading (Mass.): Addison-Wesley.
- Coughlin C. C. / Chrystal K. A. / Wood G. E.* (2000): *Protectionist Trade Politics* // *Frieden J. A. / Lake D. A.*, S. 303–317.
- Coulmas P.* (1990): *Weltbürger. Geschichte einer Menschheitssehnsucht*, Reinbek: Rowohlt.
- Cox K.* (Hg.) (1997): *Spaces of Globalization: Re-Asserting the Power of the Local*, New York: Guilford.
- Crozier M. / Friedberg E.* (1979): *Macht und Organisation. Die Zwänge kollektiven Handelns*, Kömngstein / Ts.: Athenaeum-Verlag.
- Curbach J.* (2001): *Global Governance und Transnationale Zivilgesellschaft* (unveröffentlichte Diplomarbeit): Universität München.
- Cuerne S. B.* (2000): *Chronotolitan Ideal: Time, Belonging and Globalization* // *Time & Society* 9 (2/3), S. 331–345.
- Czada R. / Lutz S.* (Hg.) (2000): *Die politische Konstitution von Märkten*, Wiesbaden: Westdeutscher Verlag.
- Czempiel E.-O. / Rosenau J.* (Hg.) (1992): *Governance Without Government: Order and Change in World Politics*, Cambridge (Mass.): Cambridge University Press.
- Dahrendorf R.* (1970): *Zu einer Theorie des sozialen Konflikts* // *Zapf W.* (Hg.): *Theorien des sozialen Wandels*, Köln/Berlin: Kiepenheuer & Witsch.
- Dahrendorf R.* (2000): *Die globale Klasse und die neue Ungleichheit* // *Merkur* 54/11.
- De Boeck F.* (1999): *Domesticating Diamonds and Dollars: Identity, Expenditure*

- and Sharing in Southwestern Zaire (1984–1997) // *Meyer B. / Geschiere P.* (Hg.), S. 177–211.
- Deacon B.* (1997): *Global Social Policy: International Organizations and the Future of Weifare*, London: Sage.
- Delanty G.* (2000): *Citizenship in a Global Age: Society, Culture, Politics*, Buckingham: Open University Press.
- Denemark R. A. / Friedman J. / Gills B. K. / Modelski G.* (Hg.) (2000): *World System History. The Social Science of Long-term Change*, London / New York: Routledge.
- Derrida J.* (1992): *Onto-Theology of National-Humanism* // *Oxford Literary Review* 14, S. 1–26.
- Dewey J.* (1996): *Die Öffentlichkeit und ihre Probleme*, Bodenheim: Philo.
- Dezalay Y. / Gath B. G.* (1996): *Dealing in Virtue- International Mercial Arbitration and the Construction of Transnational Legal Order*, Chicago: University of Chicago Press.
- Dharwadker V.* (2001): *Cosmopolitan Geographies*, London: Routledge.
- Diamond L.* (2000): *The Globalization of Democracy* // *Lechner F. / Boli J.* (Hg.), S. 246–254.
- Dickens P.* (1999): *Global Shift: The Internationalization of Economic Activity*, London: Chapman.
- Dickens P.* (2000): *Social Darwmism*, Buckingham: Open University Press.
- Dixon W. J. / Boswell T.* (1996): *Dependency, Disarticulation, and Denominator Effects: Another Look at Foreign Capital Penetration* // *American Journal of Sociology* 102 / 2, S. 543–562.
- Doyle M.* (2000): *Global Economic Inequalities* // *Wapner P. K. / Ruiz L. E. J.* (Hg.), S. 79–97.
- Drucker P. F.* (1997): *The Global Economy and the Nation-State* // *Foreign Affairs* 76 / 5, S. 159–171.
- Duara P.* (1999): *Transnationalism in the Era of Nation-States: China, 1900–1945* // *Meyer B. / Geschiere P.*, S. 47–71.
- Dunkley G.* (1999): *The Free Trade Adventure: the WTO, GATT and Globalism. A Critique*, London: ZEd. *Dunning J. H.* (1993): *The Globalization of Business*, London / New York: Routledge.
- Dunning J. H.* (1997): *Alliance Capitalism and Global Business*, London / New York: Routledge.
- Dürschmidt J.* (2000): *Everyday Lives in the Global City. The Delinking of Locale and Milieu*, London / New York: Routledge.
- Dworkin R.* (1995): *Law's Empire*, Cambridge (Mass.): Harvard University Press.
- Eade J.* (Hg.) (1997): *Living in the Global City*, London / New York: Routledge.
- Easterly W.* (2001): *The Effect of IMF and World Bank programs on poverty, Economies*, Oxford, Oxford University Press.

- Eichengreen B.* (2000): Hegemonie Stability Theories of the International Money System // *Frieden J. A. / Lake D. A.*, S. 220–244.
- Elazar D.J.* (1998): Constitutionlizing Globalization, Lanham: Rowman and Littlefield Publishers.
- Elazar D.J.* (2001): The United States and the European Union // *Nicolaidis K. / Howse R.* (Hg.).
- Eleftheriadis P.* (2000): The European Constitution and Cosmopolitan Ideals // *Columbia Journal of European Law* 7, S. 21–39.
- Elkins D.J.* (1995): Beyond Sovereignty. Territory and Political Economy in the Twenty-first Century, Toronto: University of Toronto Press.
- Ellwein T.* (1992): Staatlichkeit im Wandel. Das Staatsmodell des 19. Jahrhunderts als Verständnisbarriere // *Kohler-Koch B.* (Hg.): Staat und Demokratie in Europa, Opladen: Leske + Budrich, S. 47–69.
- Embong A. R.* (2000): Globalization and Transnational Class Relations: Some Problems of Conceptualization // *Third World Quarterly* 21/6, S. 989–1001.
- Eppler E.* (1998): Die Wiederkehr der Politik, Frankfurt/M.: Insel.
- Eriksen T.* (1993): Ethnicity and Nationalism. Anthropological Perspectives, London: Pluto Press.
- Erne R. / Gross A. / Kaufmann B. / Kleger H.* (Hg.) (1995): Transnationale Demokratie, Zürich: Realutopia Verlags-Genossenschaft.
- Esping-Andersen G.* (1991): The Three Worlds of Welfare Capitalism, Cambridge (Mass.): Polity Press.
- Esser J.* (1999): Der kooperative Nationalstaat im Zeitalter der «Globalisierung» // *Döring D.* (Hg.): Sozialstaat in der Globalisierung, Frankfurt/M.: Suhrkamp, S. 117–144.
- Evans P.B.* (1997): The Eclipse of the State? Reflections on Stateness in an Era of Globalization // *World Politics* 50/1, S. 62–87.
- Falk R.* (1995): Humane Governance, Cambridge (Mass.): Polity Press.
- Falk R.* (1999): Predatory Globalization, Cambridge (Mass.): Polity Press.
- Featherstone M.* (2000): Technologies of Post-Human Development and the Potential for Global Citizenship // *Pieterse J. N.* (Hg.), S. 203–223.
- Fengler W.* (2001): Politische Reformhemmnisse und ökonomische Blockierung in Afrika, Baden-Baden: Nomos.
- Fichte J. G.* (1806): Der Patriotismus und sein Gegenteil. Patriotische Dialoge, S. 10 // *Woke Hg. von Fichte L.* Band III, S. 229.
- Fishman T. C.* (2000): The Joys of Global Investment // *Lechner F. / Boli J.* (Hg.).
- Flyvbjerg B.* (2001): Making Social Science Matter, Cambridge (Mass.): Cambridge University Press.
- Forschungsgruppe Weltgesellschaft (1996): Weltgesellschaft: Identifizierung eines Phantoms // *Politische Vierteljahresschrift* 37/1, S. 5–23.

- Forsythe D.* (2000): *Human Rights in International Relations*, Cambridge (Mass.): Cambridge University Press.
- Frank A. G.* (1998): *ReOrient: Global Economy in the Asian Age*, Berkeley: University of California Press.
- Franklin J.* (Hg.) (1998): *The Politics of Risk Society*, Cambridge (Mass.): Cambridge University Press.
- Franklin S. / Stacey J. / Lury C.* (2000): *Global Nature, Global Culture*, London: Sage.
- Frei N.* (1999): *Vergangenheitspolitik*, München: Deutscher Taschenbuch Verlag.
- Frieden J. A.* (2000): *Exchange Rate Politics* // *Frieden J. A. / Lake D. A.*, S. 257–269.
- Frieden J. A. / Lake D. A.* (Hg.) (2000): *International Political Economy. Perspectives on Global Power and Wealth*, London / New York: Routledge.
- Friedmann J.* (2002): *Transnationalization, Socio-political Disorder, and Ethnification as Expression of Declining Global Hegemony* // *Vincent J.* (Hg.), S. 285–300.
- Friedmann M.* (1999): *Consumer Boycotts*, London / New York: Routledge.
- Fröbel F. u. a.* (1980): *The New International Division of Labor in the World Economy* // *Roberts T. / Hite L.* (Hg.) (2000).
- Fuat K.* (1996): *Globalization, State, Identity and Difference. Toward a Critical Social Theory of International Relations*, Atlantic Highlands (NJ): Humanities Press.
- Garrett G.* (2000): *Partisan Politics in the Global Economy* // *Lechner F. / Boli J.* (Hg.), S. 227–235.
- Geddes A. / Favell A.* (1999): *The Politics of Belonging: Migrants and Minorities in Contemporary Europe*, Aldershot: Ashgate.
- Geertz C.* (1996): *Welt in Stücken. Kultur und Politik am Ende des 20. Jahrhunderts*, Wien: Passagen Verlag.
- Gell A.* (1998): *Art and Agency. An Anthropological Theory*, Oxford: Clarendon Press.
- Genschel P.* (2000): *Der Wohlfahrtsstaat im Steuerwettbewerb* // *Zeitschrift für Internationale Beziehung* 2, S. 267–297.
- Giddens A.* (1990): *Consequences of Modernity*, Cambridge (Mass.): Polity Press (dt. Übersetzung Suhrkamp).
- Giddens A.* (1997): *Jenseits von Links und Rechts*, Frankfurt / M.: Suhrkamp.
- Giddens A.* (2001, a): *Entfesselte Welt. Wie die Globalisierung unser Leben verändert*, Frankfurt / M.: Suhrkamp.
- Giddens A.* (Hg.) (2001, b): *The Global Third Way Debate*, Cambridge (Mass.): Polity Press.
- Gilbert A. / Gugler J.* (1992): *Cities, Poverty and Development. Urbanization in the Third World*, Oxford: Oxford University Press.
- Gill S.* (1995): *Globalization, Market Civilization and Disciplinary Neoliberalism* // *Millennium – Journal of International Studies* 24/3, S. 399–423.

- Gills B. K.* (Hg.) (2000): *Globalization and the Politics of Resistance*, New York: Macmillan Press.
- Gilpin R.* (1987): *The Political Economy of International Relations*, Princeton (N. J.): Princeton University Press.
- Gilpin R.* (2001): *Global Political Economy*, Princeton (N. J.): Princeton University Press.
- Gibroy P.* (1993): *Black Atlantic*, London: Verso.
- Gibroy P.* (2000): *Against Race*, Cambridge (Mass.): Harvard University Press.
- Goldstein J. / Kahler M. / Keohane R. O. / Slaughter A.-M.* (Hg.) (2000): *The Concept of Legalization // International Organization* 54/3.
- Goodman J. B. / Pauly L. W.* (2000): *The Obsolescence of Capital Controls // Frieden J. A. / Lake D. A.*, S. 280–298.
- Görg C. / Hirsch J.* (1998): *Is International Democracy Possible? // Review of International Political Economy* 5/4, S. 585–615.
- Goverde H.* (Hg.) (2000): *Power in Contemporary Politics. Theories, Practices, Globalizations*, London: Sage.
- Grande E.* (1995): *Regieren in verflochtenen Verhandlungssystemen // Mayntz R. / Scharpf F. W.* (Hg.): *Gesellschaftliche Selbstregelung und politische Steuerung*, Frankfurt / M.: Suhrkamp, S. 327–368.
- Grande E.* (1999): *Die Aufhebung des Nationalstaates. Perspektiven des Regierens in Europa // Fricke W.* (Hg.): *Jahrbuch Arbeit und Technik 1999 + 2000*, Bonn, S. 378–391.
- Grande E.* (2000): *Anmerkungen zur reflexiven Modernisierung der Staatlichkeit*, unveröffentlichtes Manuskript, München.
- Grande E.* (2001, a): *Die neue Unregierbarkeit. Globalisierung und die Grenzen des Regierens jenseits des Nationalstaats*, Arbeitspapier Nr. 2, München.
- Grande, E.* (2001, b): *Globalisierung und die Zukunft des Nationalstaates // Beck U. / Bonß W.* (Hg.).
- Grande E. / Jachtenfuchs M.* (Hg.) (2000): *Wie problemlösungsfähig ist die EU? Regieren im europäischen Mehrebenensystem*, Baden-Baden: Nomos.
- Grande E. / Kriesi H.* (2002): *Nationaler politischer Wandel in entgrenzten Räumen // Sonderforschungsbereich 536» Reflexive Modernisierung «, Antrag auf Finanzierung für die Jahre 2002–2005, Teilprojekt C6, Universität München*, S. 767–816.
- Grande E. / Risse T.* (2000): *Bridging the Gap. Konzeptionelle Anforderungen an die politikwissenschaftliche Analyse von Globalisierungsprozessen // Zeitschrift für Internationale Beziehung* 2, S. 235–267.
- Gray J.* (1998): *False Dawn. The Delusion of Global Capitalism*, London: Granta Books.
- Greider W.* (1997): *One World, Ready or Not. The Manie Logic of Globalization*, New York: Simon and Schuster.
- Grevén M.* (1999): *Die politische Gesellschaft*, Opladen: Leskc + Budrich. Grundmann,

- R. (2001): *Transnational Environment Policy. Restructuring Ozone*. London/New York.
- Guidry J. A. / Kennedy M. D. / Zald Mayer N.* (Hg.) (2000): *Globalization and Social Movements. Culture, Power and the Transnational Public Sphere*, Michigan.
- Günther K. / Randeria S.* (2002): *Recht im Globalisierungsprozeß*, Frankfurt/M.: Suhrkamp.
- Gustafsson B. / Johansson M.* (1999): *In Search of Smoking Guns: What Makes Income Inequality Vary Over Time in Different Countries?* // *American Sociological Review* 64, S. 585–605.
- Habermas J.* (1996): *Die Einbeziehung des Anderen*, Frankfurt/M.: Suhrkamp.
- Habermas J.* (1998): *Die postnationale Konstellation*, Frankfurt/M.: Suhrkamp.
- Habermas J.* (2001): *Zeit der Übergänge*, Frankfurt/M.: Suhrkamp. *Hajer, M.* (1995): *The Politics of Environmental Discourse: Ecological Modernization and the Policy Process*, Oxford.
- Hajer M. / Gomart E.* (2002): *Is That Politics?* // *Looking Back, Ahead – The 2002 Yearbook of Sociology of Sciences* (im Druck).
- Hall P.* (1996): *The Global Cities* // *International Journal of Social Sciences* 15–23, 8. 147.
- Hall S.* (1999): *Ethnizität: Identität und Differenz* // *Engelmann*. (Hg.): *Die kleinen Unterschiede*, Frankfurt/M.: Suhrkamp, S. 83–98.
- Hardin G.* (1974): *Living on a Lifeboat*, Boston: Beacon Press. *Hardt, M. / Negri, A.* (Hg.) (2000): *Empire*, Cambridge (Mass.): Harvard University Press (dt. Übersetzung Campus Verlag, Frankfurt/M. 2002).
- Hart J. A. / Prakash A.* (2000): *Strategie Trade and Investment Politics* // *Frieden J. A. / Lake D. A.*, S. 180–192.
- Harvey D.* (1998): *The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change*, Cambridge (Mass.): Blackwell. *Harvey D.* (2000): *Spaces of Hope*, Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Hauchler I. / Messner D. / Nuscheler F.* (Hg.) (2000): *Globale Trends 2000. Fakten, Analysen, Prognosen*, Frankfurt/M.
- Heintz P.* (1982): *Die Weltgesellschaft im Spiegel von Ereignissen*, Diessenhofen. Rüegger.
- Held D.* (1992): *Democracy: From City-States to Cosmopolitan Order* // *Political Studies* 40, Sonderausgabe, S. 10–39.
- Held D.* (1995): *Democracy and the Global Order*, Cambridge (Mass.): Polity Press.
- Held D.* (Hg.) (2000, a): *A Globalizing World? Culture, Economics, Politics*, London/New York.
- Held D.* u. a. (2000, b): *Die Rückkehr der Politik*, in: *Assheuer, T. / Perger, W. A.* (Hg.): *Was wird aus der Demokratie?*, Opladen.
- Held D.* (2002, a): *Law of States, Law of People* // *Legal Theory* 8/2 (im Druck).
- Held D.* (2002, b): *Cosmopolitanism*, Cambridge (Mass.): Polity Press (im Druck).

- Held D. / McGrew A. / Goldblatt D. / Perration J.* (1999): *Global Transformations*, Cambridge (Mass.): Polity Press.
- Heritier W. / Knill C. / Mingers S.* (1994): *Die Veränderung von Staatlichkeit in Europa*, Opladen: Leske + Budrich.
- Herold A. / O Tuathail G. / Roberts S.* (1998): *An Unruly World?*, London / New York.
- Hirsch].* (1995): *Der nationale Wettbewerbsstaat. Staat, Demokratie und Politik im globalen Kapitalismus*, Berlin: Ed. ID-Archiv.
- Hirst P. Q. / Thompson G.* (1999): *Globalization in Question. The International Economy and the Possibilities of Governance*, Cambridge (Mass.): Polity Press.
- Hitzler Ronald* (1996): *Der gemeine Machiavellismus*, unveröffentlichte Habilitationsschrift: München.
- Hobbes T.* (1966): *Leviathan*, Neuwied / Berlin: Luchterhand.
- Hobsbawm E.* (1991): *Nationen und Nationalismus. Mythos und Realität seit 1780*, Frankfurt / M.: Campus.
- Hoffe O.* (1994): *Demokratie im Zeitalter der Globalisierung*, München: Beck.
- Hofmann G.* (2002): *Abschiede, Anfänge*, München: Kunstmann.
- Hofmannsthal v. H.* (2000): *Der Brief des Lord Chandos*, Stuttgart: Reclam.
- Holden B.* (Hg.) (2000): *Global Democracy: Key Debates*, London: Routledge.
- Holmes D.* (2000): *Integral Europe. Fast-Capitalism, Multiculturalism, Neofascism*, Princeton: University Press.
- Holton R.* (1998): *Globalization and the Nation State*, Basingstok: Macmillan.
- Holzer B.* (1999): *Die Fabrikation von Wundern. Modernisierung, wirtschaftliche Entwicklung und kultureller Wandel in Ostasien*, Opladen: Leske + Budrich.
- Holzer B.* (2001): *Transnational Subpolitics and Corporate Discourse*, PhD. Thesis, London School of Economics.
- Holzer B. / Sørensen M.* (2001): *Subpolitics and Subpoliticians* (Arbeitspapier Nr. 4, SFB 536), München: Sonderforschungsbereich 536.
- Horsman M. / Marshall A.* (1994): *After the Nation-State: Citizens, Tribalism, and the New World Disorder*, London: Harper & Collins.
- Horstmann A.* (1976): *Kosmopolit, Kosmopolitismus* // *Historisches Wörterbuch der Philosophie*, Band 4, Basel: Schwabe, S. 1156–1168.
- Hove C.* (2002), *Ein toter Traum. Warum die Afrikanische Union Irrsinn ist* // *Frankfurter Allgemeine Zeitung* vom 12. 8. 2002, S. 31.
- Hutchinson C.* (1966): *Corporate Strategy and the Environment* // *Welford R. / Starkey R.* (Hg.), S. 85–103.
- IMF 2000: *World Economic Outlook May 2000*, Washington (D. C.): IMF.
- International Office of Migration (2000): *World Migration Report 2000*, Genf.
- Jameson F.* (2000): *Globalization and Strategy* // *New Left Review* 4, S. 49–68.
- Jameson F. / Miyoshi M.* (Hg.) (1999): *The Culturc of Globalization*, Durham: Duke University Press.
- Janett D.* (1999): *Vielfalt als Strategievorteil: Zur Handlungskompetenz von Nicht-*

- Regierungs-Organisationen in komplexen sozialen Umwelten // Altvater, E. et al. Vernetzt und Verstrickt. Nicht-Regierungs-Organisationen als gesellschaftliche Produktivkraft, Münster: Westfälisches Dampfboot, S. 146–175.
- Jens W.* (1992): Nationalliteratur und Weltliteratur – von Goethe aus gesehen, München, Kindler.
- Jessop B.* (1999, a): Reflections on the (II) logics of Globalization // *Olds K.* (Hg.), Globalization and the Asia Pacific, London: Routledge, S. 19–38.
- Jessop B.* (1999, b): Globalisierung und Nationalstaat. Imperialismus und Staat bei Nicos Poulantzas – 20 Jahre später // *Prokla* 29 / 3, S. 469–495.
- Jessop B.* (2000, a): (Un) Logik der Globalisierung. Der Staat und die Reartikulation des ökonomischen Raumes // *Das Argument* 42 / 3.
- Jessop B.* (2000, b): Regulationist and Autopoieticist // *New Political Economy* 6 / 2, S. 213–232.
- Jones C.* (1999): Global Justice: Defending Cosmopolitanism, Oxford, Oxford University Press.
- Jones R.J. B.* (2000): The World Turned Upside Down: Globalization and the Future of the Nation State, Manchester: Manchester University Press.
- Jones R.J. B.* (2001): The Political Sociology of World Society // *European Journal of International Affairs* 7 / 4, S. 443–474.
- Jönnsön C. / Tägil S. / Tönqvist G.* (2000): Organizing European Space, London: Sage.
- Joy B.* (2000): Manche Experimente sollten wir nur auf dem Mond wagen // *Frankfurter Allgemeine Zeitung* vom 13. Juni 2000.
- Kaiser K. / Schwarz H.-P.* (Hg.) (2000): Weltpolitik im neuen Jahrhundert, Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, Bd. 364, Bonn.
- Kaldor M.* (2000): Neue und alte Kriege, Frankfurt / M.: Suhrkamp.
- Kallen H.* (1924): Culture and Democracy // *The United States*, New York: Boni and Liveright.
- Kant I.* (1964): Werke in Zwölf Bänden, Band XI, Geheimer Artikel zum Ewigen Frieden, Frankfurt / M.: Suhrkamp.
- Katzenstein P.J.* (1985): Small States in World Markets, Ithaca (N. Y.): Cornell University Press.
- Kaul I. / Grunber I. / Stern M. A.* (Hg.) (1999): Global Public Goods. International Cooperation in the 21st Century, Oxford: Oxford University Press.
- Kautsky K.* (1907): Patriotismus und Sozialdemokratie, Leipzig: Verlag der Leipziger Buchdruckerei.
- Keck M. E. / Sikkink K.* (1998): Activists Beyond Borders. Transnational Advocacy Networks in International Politics, Ithaca (N. Y.): Cornell University Press.
- Keil R.* (1993): Weltstadt – Stadt der Welt. Internationalisierung und lokale Politik in Los Angeles, Münster: Westfälisches Dampfboot.

- Kennedy P.* (1987): *The Rise and Fall of the Great Powers*, New York: Random House.
- Keohane R. O.* (1988): *International Institutions: Two Approaches* // *International Studies Quarterly* 32, S. 379–396.
- Keohane R. O.* (1989): *International Institutions and State Power*, Boulder u. a.: Westview Press.
- Keohane R. O. / Nye J. S.* (Hg.) (1971): *Transnational Relations and World Politics*, Cambridge (Mass.): Harvard University Press.
- Kieser A.* (Hg.) (1999): *Organisationstheorien*, Stuttgart/Berlin/Köln: Kohlhammer.
- Kindleberger C. P.* (2000): *The Rise of Free Trade in Western Europe* // *Frieden J. A. / Lake D. A.*, S. 73–89.
- Knight F. H.* (1921): *Risk, Uncertainty, and Profit*, New York: Kelley 1967.
- Koch C.* (1995): *Die Gier des Marktes. Die Ohnmacht des Staates im Kampf der Weltwirtschaft*, München: Hanser.
- Koch K.* (2000): *Leviathan, ad!* *Süddeutsche Zeitung* am 22./23. Juli 2000.
- Köhler B.* (2002): *Soziologie transnationaler Konzerne. Eine empirische Untersuchung der «inneren Globalisierung»*, unveröffentlichte Diplom-Arbeit Universität München.
- Kohler-Koch B.* (Hg.) (1998): *Regieren in entgrenzten Räumen (PVS-Sonderheft 29)*, Opladen: Westdeutscher Verlag.
- Körten D. C.* (1995): *When Corporations Rule the World*, West Hartford (Connecticut): Berrett-Koehler.
- Korzeniewicz M.* (2000): *Commodity Chains and Marketing Strategies: Nike and the Global Athletic Footwear Industry* // *Lechner F. / Boli J.* (Hg.), S. 155–166.
- Korzeniewicz R. P. / Moran T. P.* (1997): *The Global Distribution of Income, 1965–1992*, in: *American Journal of Sociology* 102 / 4, S. 1000–1039.
- Koselleck R.* (1979): *Vergangene Zukunft*, Frankfurt/M.: Suhrkamp.
- Krasner S. D.* (1999): *Sovereignty. Organized Hypocrisy*, Princeton (N. J.): Princeton University Press.
- Krasner S. D.* (2000): *State Power and the Structure of International Trade* // *Frieden J. A. / Lake D. A.*, S. 19–36.
- Kratochwil F.* (1989): *Rules, Norms, and Decisions*, Cambridge (Mass.): Cambridge University Press.
- Kriesberg L.* (1997): *Social Movements and Global Transformation* // *Smith J. / Chatfield Ch. / Pagnucco R.* (Hg.): *Transnational Social Movements and Global Politics*, Syracuse: Syracuse University Press, S. 3–18.
- Kriesi H.* (2001): *Nationaler politischer Wandel in einer sich denationalisierenden Welt*, in: *Blätter für deutsche und internationale Politik* 26 / 2.
- Kriesi H. / Koopmans J. W. / Giugni M. G.* (1992): *New Social Movements and Political*

- Opportunities in Western Europe // *European Journal of Political Research* 22, S. 219–244.
- Krueger A.* (1998): *The WTO as an Institutional Organization*, Chicago: Chicago University Press.
- Krüger H.-P.* (1996): *Nachwort // Dewey J.: Die Öffentlichkeit und ihre Probleme*, Bodenheim: Philo, S. 193–211.
- Krugman P.R. / Obstfeld M.* (2000): *International Economics: Theory and Policy*, Reading (Mass.): Addison-Wesley.
- Krugman P.R. / Venables A.* (1995): *Globalization and the Inequality of Nations // The Quarterly Journal of Economics*, CX, S. 4.
- Kuper A.* (2000): *Rawlsian Global Justice: Beyond the Law of Peoples to a Cosmopolitan Law of Persons // Political Theory* 28, S. 640–674.
- Läidi Z.* (1998): *A World Without Meaning: The Crisis of Meaning in International Politics*, London / New York: Routledge.
- Lakatos J.* (1974), *Falsifikation und die Methodologie wissenschaftlicher Forschungsprogramme // Lakatos J. / Musgrave A. (Hg.), Kritik und Erkenntnisfortschritt*, Braunschweig: Vieweg.
- Lake D. A.* (2000): *British and American Hegemony Compared // Frieden J. A. / Lake D. A., S. 127–144.*
- Lane J. E. / Ersson S.* (2002): *Government and the Economy: A Global Perspective*, London: Continuum.
- Lash S.* (1999): *Another Modernity*, Oxford: Blackwell.
- Lash S.* (2002): *Foreword: Individualization in a Non-linear Mode // Beck U. / Beck-Gernsheim E.: Individualization*. London: Sage.
- Lash S. / Urry J.* (1994): *Economies of Signs and Space*, London: Sage.
- Latour B.* (1995): *Wir sind nie modern gewesen. Versuch einer symmetrischen Anthropologie*, Berlin: Akademie-Verlag.
- Latour B.* (2001): *Das Parlament der Dinge*, Frankfurt / M.: Suhrkamp.
- Latour B.* (2002): *Is Remodernization Occurring – And if so, How to Prove it? // Theory, Culture & Society* 6 (4) (im Druck).
- Lechner F. / Boli J.* (Hg.) (2000): *The Globalization Reader*, Oxford: Blackwell.
- Leutner H.* (2000): *Politics, Power and States in Globalization // Goverde H. (Hg.)*.
- Lerner D.* (1958): *The Passing of Traditional Society // Roberts T / Hite A.* (2000).
- Levett R.* (1966): *Business, the Environment and Local Government // Welford R. / Starkey R. (Hg.)*, S. 251–269.
- Levy D. / Sznajder N.* (2001), *Erinnerung im globalen Zeitalter: Der Holocaust*, Frankfurt / M.: Suhrkamp.
- Linklater A.* (1998, a): *Cosmopolitan Citizenship // Citizenship Studies* 2 (1), S. 23–41.
- Linklater A.* (1998, b): *The Transformation of Political Community*, Cambridge (Mass.): Polity Press.

- Lipschutz R. D.* (1992): *Reconstructing World Polity: The Emergence of Global Civil Society* // *Millennium* 21/3, S. 389–420.
- Long N. / Villarreal M.* (1999): *Small Products, Big Issues: Value Contestations and Cultural Identities in Cross-Border Commodity Networks* // *Meyer B. / Geschichte P.*, S. 125–151.
- Luard E.* (1990): *The Globalization of Politics*, London: Macmillan.
- Luhmann N.* (1975): *Die Weltgesellschaft* // *ders.*, *Soziologische Aufklärung*, Opladen: Westdeutscher Verlag.
- Luhmann N.* (1999): *Ethik in internationalen Beziehungen*, *Soziale Welt* 50 (3), S. 247–254.
- Luhmann N. / Scharpf F. W.* (1989): *Politische Steuerung. Ein Streitgespräch* // *Politische Vierteljahresschrift* 30, S. 4–21.
- Luttwak E.* (1999): *Turbo-Capitalism*, London: Orion Books.
- Machiavelli N.* (1986): *Il Principe / Der Fürst*, Stuttgart: Reclam.
- Macropoulos M.* (1989): *Modernität als ontologischer Ausnahmezustand? Walter Benjamins Theorie der Moderne*, München: Fink.
- Mann M.* (1986; 1993), *The Sources of Social Power (Vol. 1 und 2)*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Mann M.* (1997): *Hat die Globalisierung den Siegeszug des Nationalstaates beendet?* // *Prokla* 27/1, S. 113–141.
- Mann M.* (2001): *Globalization and September* // *New Left Review* 12, S. 51–72.
- March J. G. / Olsen J. P.* (1989): *Rediscovering Institutions: The Organizational Basis of Politics*, New York: Free Press.
- Marchand M. / Runyan A. S.* (Hg.) (1999): *Gender and Global Restructuring. Sightings, Sites and Resistance*, London: Routledge.
- Margalit A.* (2000): *Ethik der Erinnerung*, Frankfurt/M.: Fischer.
- Markl H.* (1988): *Wissenschaft gegen Zukunftsangst*, München: Hanser.
- Martin H.-P. / Schumann H.* (1996): *Die Globalisierungsfalle. Der Angriff auf Demokratie und Wohlstand*, Reinbek: Rowohlt.
- Martins H.* (1974), *Time and Theory in Sociology* // *Rex J.* (Hg.), *Approaches in Sociology*, London: Routledge.
- Marx K. / Engels F.* (1969): *Das Kommunistische Manifest*, *Studientexte* 4, München: Fink.
- Mayntz R.* (1996): *Politische Steuerung: Aufstieg, Niedergang und Transformation einer Theorie* // *Beyme v. K. / Offe C.* (Hg.): *Politische Theorien in der Ära der Transformation (PVS-Sonderheft 26)*: Opladen, Westdeutscher Verlag, S. 148–168.
- McBride S. / Wiseman J.* (Hg.) (2000): *Globalization and Its Discontents*, Basingstoke: Macmillan.
- McBride S. / Roach C.* (2000): *The New International Information Order* // *Lechner F. / Boli J.* (Hg.).

- McCarthy T.* (1999): On Reconciling Cosmopolitan Unity and National Diversity // *Public Culture* 11, S. 175–208.
- McGrew A.* (Hg.) (1997): *The Transformation of Democracy*, Cambridge (Mass.): Polity Press.
- McNeill W. H.* (1986): *Polyethnicity and National Unity in World History*, Toronto: University of Toronto Press.
- McRobbie A.* (1999): *In the Culture Society*, London: Routledge.
- Meier C.* (1980): *Die Entstehung des Politischen bei den Griechen*, Frankfurt/M.: Suhrkamp.
- Meinecke F.* (1922): *Weltbürgertum und Nationalstaat*, München: Oldenbourg.
- Merkel, R. (Hg.) (2000): *Der Kosovokrieg und das Völkerrecht*, Frankfurt/M.: Suhrkamp.
- Messner D.* (Hg.) (1998): *Die Zukunft des Staates und der Politik*, Bonn: Dietz.
- Meyer B. / Geschiere P.* (Hg.) (1999): *Globalization and Identity: Dialectics of Flow and Closure*, Oxford: Blackwell.
- Meyer J. W.* (2000): *Globalization: Sources and Effects on National Societies and States* // *International Sociology* 15, S. 233–48.
- Meyer J. W. / Bolí J. / Thomas G. / Ramirez F.* (1997): *World Society and the Nation-State* // *American Journal of Sociology* 103/1, S. 144–181.
- Mies M.* (2001): *Globalisierung von unten. Der Kampf gegen die Herrschaft der Konzerne*, Hamburg: Rotbuch.
- Miller D.* (1988): *The Ethical Significance of Nationality* // *Ethics* 98, S. 647–662.
- Miller D. / Slater D.* (2000): *The Internet – An Ethnographical Approach*, Oxford: Berg.
- Mißbach A.* (1998): *NGO-Netzwerke – transnationale Zivilgesellschaft im Entstehen? Forschung im Rahmen des Projekts:» Das Klima zwischen Nord und Süd «unter der Leitung von Volker Borschier*, Zürich: Soziologisches Institut der Universität Zürich, Vortrag am 21. 1. 1998.
- Mißbach A.* (1999): *Das Klima zwischen Nord und Süd. Eine regulations-theoretische Untersuchung des Nord-Süd-Konflikts in der Klimapolitik der Vereinten Nationen*. Münster: Westfälisches Dampfboot.
- Mittelman J.* (2000): *The Globalization Syndrome*, Princeton: Princeton University Press.
- Modelski G.* (1972): *Principles of World Politics*, New York: Free Press.
- Modelski G.* (1999): *From Leadership to Organization: The Evolution of Global Politics* // *Borschier V. / Chase-Dum.* *The Future of Global Conflict*, London: Sage.
- Modelski G. / Thompson W. R.* (1995): *Leading Sectors and World Powers: The Co-evolution of Global Politics and Economics*, Columbia (S. C.): University of South Carolina Press.

- Mol A. P. J. / Sonnefeld D. A.* (Hg.) (2000): *Ecological Modernisation Around the World: Perspectives and Critical Debates*, Essex: Frank Cass & Co. Ltd.
- Munck R. / Waterman P.* (Hg.) (1999): *Labour Worldwide in the Era of Globalization: Alternative Union Models in the New World Order*, Basingstoke: Macmillan.
- Münkler H.* (2000): *Thomas Hobbes*, Frankfurt/M.: Campus.
- Narr W.-D. / Schubert A.* (1994): *Weltökonomie. Die Misere der Politik*, Frankfurt/M.: Suhrkamp.
- Nicolaidis K. / Howse R.* (Hg.) (2001): *The Federal Vision*, Oxford: Oxford University Press.
- Nietzsche F.* (1966): *Werke in drei Bänden*, München: Hanser.
- Nölke A.* (2000): *Regieren in transnationalen Politiknetzwerken? Kritik postnationaler Governance-Konzepte aus der Perspektive einer transnationalen (Inter-) Organisationssoziologie* // *Grande E. / Risse T.* (Hg.), S. 331–359.
- Nowotny H. / Scott P. / Gibbons M.* (2001): *Re-Thinking Science*, Cambridge (Mass.): Polity Press.
- Nussbaum M. C.* (1996): *Patriotism and Cosmopolitanism* // *Nussbaum M. C.*: *For Love of Country: Debating the Limits of Patriotism*, Boston: Bcacon Press.
- O'Briek R. / Goetz A. M. / Scholte J. A. / Williams M.* (2000): *Consulting Global Governance*, Cambridge (Mass.): Cambridge University Press.
- O'Neill O.* (2000, a): *Bounded and Cosmopolitan Justice* // *Review of International Studies* 26, S. 45–61.
- O'Neill O.* (2000, b): *Bounds of Justice*, Cambridge (Mass.): Cambridge University Press.
- O'Rourke K. / Williamson J.* (1999): *Globalization and History*, Cambridge (Mass.): MIT Press.
- OECD (2000): *OECD Economic Outlook June 2000*, Paris: OECD.
- Offe C.* (1975): *Strukturprobleme des kapitalistischen Staates: Aufsätze zur politischen Soziologie*, Frankfurt/M.: Suhrkamp.
- Ohmae K.* (1995): *The End of the Nation-State: the Rise of Regional Economies*, New York: Harper Collins.
- Ohmae R.* (1990): *The Borderless World. Power and Strategy in the Interlinked Economy*, New York: Harper Business.
- Ong A.* (1999): *Flexible Citizenship – The Cultural Logics of Transnationality*, London: Duke University Press.
- Ortmann G.* (1994): *Dark Stars – Institutionelles Vergessen in der Industriesoziologie* // *Beckenbach N., van Treek W.* (Hg.): *Umbrüche gesellschaftlicher Arbeit, Soziale Welt, Sonderband 9*, Göttingen, S. 85–115.
- Ottmann H.* (1987): *Philosophie und Politik bei Nietzsche*, Berlin: de Gruyter.
- Ottmann H.* (2001): *Die Geschichte des politischen Denkens, Bd. 1/1*, Stuttgart: Metzler.

- Palan R./Abbott J.* (1999): *State Strategies in the Global Political Economy*, London/New York: Routledge.
- Palan R.* (Hg) (2000): *Global Political Economy: Contemporary Theories*, London/New York: Routledge.
- Palonen K.* (1995): Die jüngste Erfindung des Politischen. Ulrich Becks» Neues Wörterbuch des Politischen «aus der Sicht der Begriffsgeschichte // *Leviathan* 23, S. 417–436.
- Palonen K.* (1998): *Das Webersche Moment: zur Kontingenz des Politischen*, Opladen/Wiesbaden: Westdeutscher Verlag.
- Parsons T.* (1970): *Das Problem des Strukturwandels // Zapf W.* (Hg.): *Theorien des sozialen Wandels*, Köln/Berlin: Kiepenheuer & Witsch.
- Patomäki H.* (2001): *Democratising Globalization*, London.
- Patterson O.* (1998): *Rituals of Blood*, Washington: Civitas/Counterpoint.
- Perrano M. G.* (1998): *When Anthropology is on Home // Annual Review of Anthropology* 27, S. 105–128.
- Penttinen E.* (2000): *Capitalism as a System of Global Power // Goverde H./ Cerny P. G./ Haugaard/ Lentner* (Hg.).
- Pettman J.* (1996): *Worlding Women: a Feminist International Politics*, London: Routledge.
- Pfleiderer E.* (1874): *Kosmopolitismus und Patriotismus // Zeit- und Streitfragen: Deutsche Hefte*, Nr. 6, Berlin.
- Picciotto S.* (1991): *The Internationalisation of the State // Capital and Class* 43, S. 43–64.
- Pierre J./ Peters B. G.* (2000): *Governance, Politics and the State*, London: Palgrave.
- Pieterse J. N.* (2000): *Shaping Globalization / Pieterse, J. N.* (Hg). Pieterse, J. N. (Hg.) (2000): *Global Futures: Shaping Globalization*, London: ZEd. Plessner H. (1931): *Macht und menschliche Natur // Gesammelte Schriften V*, S. 135–234, Frankfurt/M.: Suhrkamp 1981.
- Plessner H.* (1962): *Die Emanzipation der Macht // Gesammelte Schriften v*, S. 259–282, Frankfurt/M.: Suhrkamp 1981.
- Pocock J. G.* (1975): *The Machiavellian Moment*, Princeton: Princeton University Press.
- Pogge T. W.* (1992): *Cosmopolitanism and Sovereignty // Ethics* 103, S. 48–75.
- Pogge T. W.* (2001): *Global Justice*, Oxford: Blackwell.
- Polanyi K.* (1944): *The Great Transformation. The Political and Economic Origins of Our Time*, Boston: Beacon, dt. Ausgabe Frankfurt/M.: Suhrkamp 1997.
- Porter M. E.* (1990): *Wettbewerbsvorteile: Spitzenleistungen erreichen und behaupten*, Frankfurt/M.: Campus.
- Portes A.* (1997): *Neoliberalism and the Sociology of Development: Emerging Trends and Unanticipated Facts // Roberts T./ Hite A.* (2000).
- Poster M.* (1995): *The Second Media Age*, Oxford: Blackwell.

- Pries L.* (1997): *Globalisierung und Demokratie: Chancen und Risiken aus ökonomischer Sicht*, Ruhr-Universität Bochum.
- Pries L.* (1997): » Transmigranten «als ein Typ von Arbeitswanderern in pluri-lokalen sozialen Räumen, *Soziale Welt* 49, S.135–150.
- Pries L.* (1998): *Transnationale soziale Räume* // *Beck U.* (Hg.): *Perspektiven der Weltgesellschaft*, Frankfurt/M.: Suhrkamp, S.55–86.
- Pries L.* (2000): *Globalisierung und Wandel internationaler Unternehmen. Konzeptionelle Überlegungen am Beispiel der deutschen Automobilindustrie* // *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie* 4/52, S.670–696.
- Ramirez F. O. / Soysal Y. / Shanahan S.* (1997): *The Changing Logic of Political Citizenship: Cross-National Acquisitions of Women's Suffrage Rights, 1890 to 1990* // *American Sociological Review* 62, S.735–745.
- Randeria S.* (1999, a): *Jenseits von Soziologie und soziokultureller Anthropologie: Zur Ortsbestimmung der nichtwestlichen Welt in einer zukünftigen Sozialtheorie* // *Soziale Welt* 4, S.373–382.
- Randeria S.* (1999, b): *Geteilte Geschichte und verwobene Moderne* // *Rüsen J. / Leitgeb H. / Jegelka N.* (Hg.): *Zukunftsentwürfe. Ideen für eine Kultur der Veränderung*, Frankfurt/M.: Campus, S.87–96.
- Randeria S.* (1999, c): *Globalisation, Modernity and the Nation-State* // *Füllberg-Stollberg K. / Heidrich P. / Schöne E.* (Hg.): *Dissociation and Appropriation: Responses to Globalization in Asia and Africa*, Berlin: *Das arabische Buch* (Ed. Orient).
- Randeria S.* (2001): *Local Refractions of Global Governance: Legal Plurality, International Institutions, the Post-colonial State and NGOs in India*, Berlin: unveröffentlichte Habilitationsschrift.
- Report of the Commission on Global Governance* (1995): *Our Global Neighbourhood*, Oxford: Oxford University Press.
- Rawls J.* (1999): *The Law of Peoples*, Cambridge (Mass.): Harvard University Press.
- Redding S. G.* (1990): *The Spirit of Chinese Capitalism*, Berlin/New York: de Gruyter.
- Reich R.* (1991): *The Work of Nations*, New York: Knopf.
- Reinecke W.H.* (1997): *Global Public Policy: Governing Without Government?* Washington (D. C.): Brookings Institute.
- Reinicke W.H. / Brenner T. / Witte J. M.* (2000): *Beyond Multinationalism: Global Policy Networks* // *International Politics and Society* 2/2000 (Politik und Gesellschaft Online).
- Reinicke W.H. / Deng F.* (Hg.) (2000): *Critical Choices, The United Nations, Networks, and the Future of Global Governance*, International Development Research Centre, Ottawa, Cairo, Dakar, Johannesburg, Montevideo, Nairobi, New Delhi, Singapore.
- Rex J.* (1998) *Transnational Migrant Communities and the Modern Nation-*

- State // *Axtmann R.* (Hg.): *Globalization and Europe: Theoretical and Empirical Investigations*, London: Pinter, S. 59–76.
- Richter F.J.* (Hg.) (2000): *The East Asian Development Model. Economic Growth, Institutional Failure and the Aftermath of the Crisis*, London: Macmillan.
- Risse T. / Ropp S. / Sikkink K.* (Hg.) (1999): *The Power of Human Rights: International Norms and Domestic Change*, Cambridge (Mass.): Cambridge University Press.
- Risse-Kappen T.* (Hg.) (1995): *Bringing Transnational Relations Back // Non-state Actors, Domestic Structures and International Institutions*. Cambridge (Mass.): Cambridge University Press.
- Ritzer G.* (1999): *The MacDonaldisation Thesis*, London: Sage.
- Roberts T. / Hite A.* (Hg.) (2000): *From Modernization to Globalization. Perspectives on Development and Social Change*, Oxford: Blackwell.
- Robertson R.* (1992): *Globalization, Social Theory and Global Culture*, London: Sage.
- Robertson R.* (1998): *Glokalisierung, Homogenität und Heterogenität in Raum und Zeit // Beck U.* (Hg.): *Perspektiven der Weltgesellschaft*, Frankfurt/M.: Suhrkamp, S. 191–220.
- Robinson W.I.* (1996): *Promoting Polyarchy: Globalization, US Intervention, and Hegemony*, Cambridge (Mass.): Cambridge University Press.
- Robinson W.J.* (1998): *Beyond Nation-State Paradigms: Globalization, Sociology, and the Challenge of Transnational Sociological Forms* 13/4, S. 561–594.
- Rodrik D.* (1997): *Has Globalization Gone Too Far?* Washington (D. C.): Institute for International Economics.
- Rorty R.* (1989): *Contingency, Irony and Solidarity*, Cambridge (Mass.): Cambridge University Press.
- Rosenau J.* (1980): *The Study of Global Interdependence*, London: Pinter.
- Rosenau J.* (1990): *Turbulence in World Politics. A Theory of Change and Continuity*, Princeton: Princeton University Press.
- Rosenau J. / Czempel E.-O.* (Hg.) (1992): *Governance Without Governance*, Cambridge (Mass.): Cambridge University Press.
- Ruggie J.* (1998): *Constructing the World Polity*, London: Routledge.
- Ruigrok W. / van Tulder R.* (1995): *The Logic of International Restructuring*, London/New York: Routledge.
- Rupert M.* (2000): *The Ideologies of Globalization*, London/New York: Routledge.
- Said E. W.* (1993): *Culture and Imperialism*, New York: Knopf.
- Sassen S.* (1991): *The Global City*, New York: Princeton University Press.
- Sassen S.* (1998): *Globalization and its Discontents*, New York: New Press.
- Sassen S.* (2000, a): *New Frontiers Pacing Urban Sociology in the Millennium // The British Journal of Sociology* 51/1,8, S. 143–161.

- Sassen S.* (2000, b): *Machtbeben*, Stuttgart: Deutsche Verlagsanstalt.
- Scharpf F. W.* (1991): Die Handlungsfähigkeit des Staates am Ende des zwanzigsten Jahrhunderts // *Politische Vierteljahresschrift* 32 / 4, S. 621–634.
- Scharpf F. W.* (2000): The Viability of Advanced Welfare States in the International Economy. Vulnerabilities and Options // *Journal of European Public Policy* 7 / 2, S. 190–228.
- Scharpf F. W.* (1999): *Regieren in Europa – effektiv und demokratisch?* Frankfurt / M.: Campus.
- Schirm S.* (1999): *Globale Märkte, nationale Politik und regionale Kooperation – in Europa und den Amerikas*, Baden-Baden: Nomos.
- Schlichte K. / Wilke B.* (2000): *Der Staat und einige Zeitgenossen. Zur Zukunft des Regierens in der «Dritten Welt»* // *Grande E. / Risse* (Hg.).
- Schlosser J. G.* (1784): *Kleine Schriften* 2, Neudruck 2000, Marburg: Metropolis-Verlag.
- Schmidt K.-D.* (1999): Auf dem Weg zum Minimalstaat? Nationale Wirtschaftsordnungen im Wettbewerb // *Bürger im Staat* 49 / 4, S. 212–216.
- Schmitt C.* (1932): *Der Begriff des Politischen*, Berlin: Duncker & Humblot.
- Schmitt C.* (1983): *Verfassungslehre*, Berlin: Duncker & Humblot.
- Schölte J. A. / Schnabel A.* (2002): *Civil Society and Global Finance*, London / New York: Routledge.
- Schulze G.* (2001): *Europa und der Globus*, Stuttgart: Deutsche Verlagsanstalt.
- Schulze G. / Ursprung H. W.* (1999): *Globalisierung contra Nationalstaat? Ein Überblick über die empirische Evidenz* // *Busch A. / Plumper T.* (Hg.): *Nationaler Staat und internationale Wirtschaft. Anmerkungen zum Thema Globalisierung*, Baden-Baden: Nomos.
- Schumpeter J.* (1919): *Zur Soziologie des Imperialismus* // *Archiv für Sozialwissenschaften und Sozialpolitik* 46 (1918), Tübingen.
- Schumpeter J.* [1942] (1950): *Kapitalismus, Sozialismus und Demokratie*; dt. Ausgabe München: Franke.
- Scott A. J.* (2000): *Regions and the World Economy. The Corning Shape of Global Production, Competition and Political Order*, Oxford: Oxford University Press.
- Scott J. C.* (1998): *Seeing Like a State*, New Haven: Yale University Press.
- Sen A.* (1992): *Inequality Re-examined*, Cambridge (Mass.): Harvard University Press.
- Sen A.* (1999): *Development as Freedom*, Oxford: Oxford University Press.
- Senghaas D.* (1994): *Wohin driftet die Welt?*, Frankfurt / M.: Suhrkamp.
- Sennett R.* (1998): *Der flexible Mensch*, Berlin: Berlin-Verlag.
- Shaw M.* (1992): *Global Society and Global Responsibility: the Historical and Political Limits of «International Society»*, *Millennium* 21 / 3.

- Shaw M.* (2000): *Theory of the Global State. Globality as Unfinished Revolution*, Cambridge (Mass.): Cambridge University Press.
- Short J. R. / Kim Y.-H.* (1999): *Globalization and the City*, Harlow: Longman.
- Silverstone J. R. / Kim Y.-H.* (199): *Why Study the Media?*, London: Sage.
- Simmel G.* (1900): *Philosophie des Geldes*, Leipzig: Duncker & Humblot.
- Simmel G.* [1908] (1968): *Exkurs über den Fremden // ders., Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung*, Berlin: Duncker & Humblot.
- Skinner Q.* (1981): *Machiavelli*, Oxford: Oxford University Press.
- Sklair L.* (2000): *The Transnational Capitalist Class*, Oxford: Blackwell.
- Smart B.* (1995): *Globalization and Interdependence in the International Political Economy: Rhetoric and Reality*, London / New York: Pinter.
- Smith A. D.* (1975): *The Wealth of Nations*, Neuausgabe in zwei Bänden, London: Dent.
- Smith A. D.* (1995): *Nations and Nationalism in the Global Era*, Cambridge (Mass.): Polity Press.
- Smith A. D. / Solinger D. J. / Topik S. C.* (Hg.) (1999): *States and Sovereignty in the Global Economy*, London / New York: Routledge.
- Smith J.* (1997): *Characteristics of the Modern Transnational Social Movement Sector // Smith J. / Chatfield Ch. / Pagnucco R.* (Hg.): *Transnational Social Movements and Global Politics*, Syracuse: Syracuse University Press, S. 42–58.
- Smith J.* (Hg.) (2001): *Globalization and Resistance*, Sondernummer von *Mo-bilization* 6 / 19, S. 1–110.
- Soeffner H.-G.* (2000): *Gesellschaft ohne Baldachin*, Göttingen: Velbrück.
- Soysal Y.* (1994): *Limits of Citizenship*, Cambridge (Mass.): Harvard University Press.
- Spaargaren G. / Mo. A. P. J. / Büttel F. H.* (Hg.) (2000): *Environment and Global Modernity*, London: Sage.
- Spengler O.* (1979): *Der Untergang des Abendlandes*, München: Beck.
- Stalker P.* (2000): *Workcra without Frontiers*, Boulder: Lynne Rienner.
- Starr A.* (2000): *Naming the Enemy. Anti-Corporate Movements Confront Globalization*, London / New York: ZEd. *Stein U.* (1995): *Lex Mercatoria—Realität und Theorie*, Frankfurt / M.: Klostermann.
- Stewart A.* (2001): *Theories of Power and Domination*, London: Sage.
- Stichweh R.* (2000): *Die Weltgesellschaft. Soziologische Analysen*, Frankfurt / M.: Suhrkamp.
- Stieglitz J. E.* (2002): *Schatten der Globalisierung*, München: Siedler.
- Stieglitz J. E. / Squire L.* (2000): *International Development: Is it Possible? // Frieden J. A. / Lake D. A.*, S. 383–391.
- Storper M.* (1997): *Regional Worlds*, New York: Guilford.

- Strange S.* (1996): *The Retreat of the State. The Diffusion of Power in the World Economy*, Cambridge (Mass.): Cambridge University Press.
- Strange S.* (1998): *Mad Money*, Manchester: Manchester University Press.
- Strange S.* (2000): *States, Firms, and Diplomacy* // *Frieden J. A.* (Hg.).
- Streeck W.* (1998, a): *Industrielle Beziehungen in einer globalisierten Wirtschaft* // *Beck* 19983, S. 169–202.
- Streeck W.* (1998, b): *Internationale Wirtschaft, nationale Demokratie*, Frankfurt: Campus.
- Stubbs R. / Underhill G.* (Hg.) (2000): *Political Economy of the Changing Global Order*, 2nd edition, Oxford: Oxford University Press.
- Suter C.* (1999): *Gute und schlechte Regimes. Staat und Politik Lateinamerikas zwischen globaler Ökonomie und nationaler Gesellschaft*, Frankfurt/M.: Vervuert.
- Szerszynski B. / Toogood M.* (2000): *Global Citizenship, the Environment and the Media* // *Allan S. / Adam B. / Carter C.*
- Sznajder N.* (2000): *The Compassionate Temperament. Gare and Cruelty in Modern Society*, Lanham / Boulder / New York / Oxford.
- Tamás G. M.* (1996): *Ethnarchy and Ethno-Anarchism* // *Social Research* 63/1, S. 147–190.
- Tamás G. M.* (2000): *On Post-fascism – How Citizenship is Becoming an Exclusive Privilege* // *Boston Review*, Summer 2000, S. 42–48.
- Tarzi S. M.* (2000): *Third World Governments and Multinational Corporations: Dynamics of Host's Bargaining Power* // *Frieden J. A. / Lake D. A.*, S. 156–166.
- Teiväinen T.* (1999): *Globalization of Economic Surveillance, Passages – Journal of Transnational and Transcultural Studies* 1/1, S. 84–116.
- Teiväinen T.* (2000): *Enter Economy Exit Politics*, Helsinki: University Press.
- Teubner G.* (Hg.) (1997): *Global Law Without a State*, Dartmouth: Aldershot.
- Teubner G.* (2000): *Des Königs viele Leiber: Selbstdekonstruktion der Hierarchie des Rechts* // *Brunkhorst H. / Kettner M.* (Hg.): *Globalisierung und Demokratie*, Frankfurt / M., S. 240–273.
- Thaa W.* (2001): *«Lean Citizenship»: The Fading of the Political in Transnational Democracy* // *European Journal of International Relations* 7/4, S. 503–524.
- Therborn G.* (1995): *European Modernity and Beyond. The Trajectory of European Societies 1945–2000*, London: Sage.
- Therborn G.* (1999): *The Atlantic Diagonal in the Labyrinths of Modernities and Globalizations* // *Therborn G.* (Hg.): *Globalization and Modernities*, Stockholm: FRN.
- Therborn G.* (2000): *At the Birth of Second Century Sociology: Times of Reflexivity, Spaces of Identity and Modes of Knowledge* // *British Journal of Sociology* 51, S. 37–58.
- Thomhson J.* (1999): *Globalization and Culture*, Cambridge (Mass.): Polity Press.
- Tilly C.* (1993): *Die europäische Revolution*, München: Beck.

- Tilly C.* (1998): *Durable Inequality*, Berkeley: University of California Press.
- Toffler A.* (1990): *Powershift*, New York: Bantam.
- Toynbee A.* (1958): *Gang der Weltgeschichte*, Band 2, Kulturen im Übergang, Zürich: Europa-Verlag.
- Trotha von T.* (2000): *Die Zukunft liegt in Afrika. Vom Zerfall des Staates, von der Vorherrschaft der konzentrischen Ordnung und vom Aufstieg der ParaStaatlichkeit // Leviathan 28 / 2.*
- Tshiyembe M.* (2000): *Vom Postkolonialen Staat zum Multinationenstaat // Le Monde diplomatique*, September 2000.
- Urry J.* (2000): *Sociology Beyond Societies*, London / New York: Routledge.
- Van der Pijl K.* (1998): *Transnational Classes and International Relations*, London / New York: Routledge.
- Vmer J.* (1950): *The Customs Union Issue*, New York: Carnegie Endowment for International Peace.
- Vincent J.* (Hg.) (2002): *The Anthropology of Politics*, Oxford: Blackwell.
- Voigt S.* (1999): *Exploiting Constitutional Change*, Cheltenham: Edward Elgar.
- Waddington J.* (Hg.) (1999): *Globalization and Patterns of Labour Resistance*, London: Mansell.
- Wade R.* (1996): *Globalization and its Limits: Reports of the Death of the National Economy are Greatly Exaggerated // Berger S. / Dore R.* (Hg.): *National Diversity and Global Capitalism*, Ithaca: Cornell University Press, S. 60–88.
- Wapner P. K. / Ruiz L. E. J.* (Hg.) (2000): *Principled World Politics*, Oxford: Rowman and Littlefield.
- Waldron J.* (2000): *What is Cosmopolitan? // The Journal of Political Philosophy 8*, S. 227–243.
- Walker, R.* (1994): *Social Movements / World Politics*, Millennium 23 / 3, S. 669–700.
- Walker R.* (2000): *Both Globalization and Sovereignty // Wapner P. K. / Ruiz L. E. J.* (Hg.), S. 23–34.
- Wallerstein I.* (1991): *Unthinking Social Science. The Limits of Nineteenth-Century Paradigms*, Cambridge (Mass.): Polity Press.
- Walzer M.* (1977): *Just and Unjust Wars*, New York: Basic Books.
- Walzer M.* (1983): *Spheres of Justice*, New York, Basic Books.
- Wapner P. / Ruiz L. E. J.* (2000): *Greenpeace and Political Globalism // Lechner P. / Boli J.* (Hg.).
- Weber M.* (1923): *Wirtschaftsgeschichte. Abriß der universalen Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*, in den nachgelassenen Vorlesungen, Hg. von Hellmann, S. / Papyi, M., München / Leipzig: Duncker & Humblot.
- Weber M.* (1972): *Wirtschaft und Gesellschaft*, Tübingen: Mohr.
- Weber M.* (1988): *Gesammelte Aufsätze zur Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*, Tübingen.

- Weiss L. (1998): *The Myth of the Powerless State. Governing the Economy in a Global Era*, Cambridge (Mass.).
- Weiss T. G. (2000): *Governance, Good Governance and Global Governance: Conceptual and Actual Challenges* // *Third World Quarterly* 21/5, S. 795–814.
- Welford R. / Starkey R. (Hg.) (1966): *Business and the Environment*, London: Earthscan Publications.
- Welskopp T. (1998): *Die Sozialgeschichte der Väter* // *Geschichte und Gesellschaft* 24, S. 173–198.
- Whitaker R. (1999): *The End of Privacy. How Total Surveillance is Becoming Reality*, New York: The New Press.
- Wichterich C. (2000): *The Globalized Women: Reports from a Future of Inequality*, London: ZEd.
- Wiener J. (1999): *Globalization and the Harmonization of Law*, London: Pinter.
- Wiesenthal H. (1999): *Die Globalisierung als Epochenbruch – Maximaldimensionen eines Nicht-Nullsummen-Spiels* // Schmidt G. / Trinczek R. (Hg.): *Globalisierung – Ökonomische und soziale Herausforderung am Ende des 20. Jahrhunderts*, Sonderband 13 der Sozialen Welt 1999.
- Willke H. (1992): *Die Ironie des Staates*, Frankfurt / M.: Suhrkamp.
- Willms J. (2001): *Die deutsche Krankheit*, München: Hanser.
- Willms J. (2002): *Glasperlenspieler: Frankreichs große Lebenslüge* // *Süddeutsche Zeitung* vom 7.5., S. 13.
- Wobbe T. (2000): *Weltgesellschaft*, Bielefeld: transcript Verlag.
- Wolf E. R. (2002): *Pacing Power – Old Insights, New Questions* // Vincent J., S. 222–233.
- Wolf K. D. (1999): *Die Neue Staatsräson – zwischenstaatliche Kooperation als Demokratieproblem in der Weltgesellschaft*, Baden-Baden: Nomos.
- Wolf M. (2000): *Why This Hatred of the Market?* // Lechner F. / Boli J. (Hg.), S. 9–12.
- Wood A. (1994): *North-South Trade, Employment and Inequality*, Oxford: Clarendon Press.
- Woods L. T. (1993): *Nongovernmental Organizations and the United Nations System: Reflecting Upon the Earth Summit Experience* // *International Studies Notes* 18/1, S. 10.
- World Bank (1999): *Global Economic Prospects*, Internet Ed. World Bank (2000): *World Development Indicators*, Washington D. C.
- World Bank (2000, a): *World Development Report 2000 / 2001*, New York: OUP.
- World Trade Organization (2000): *Annual Report (2000)*, Genf.
- Yearley S. (1996): *Sociology – Environmentalism – Globalization*, London: Sage.
- Yoshikazu S. (2000): *An Alternative to Global Marketization* // Pieterse J. N. (Hg.), S. 98–116.
- Young O. (1986): *International Regimes. Toward a New Theory of Institutions* // *World Politics* xxxix (1), S. 105–122.

- Young O.* (1994): *International Governance. Protecting the Environment in a Stateless Society*, Ithaca: Cornell University Press.
- Yongs G.* (1999): *International Relations in a Global Age*, Cambridge (Mass.): Polity Press.
- Ziltener P.* (1999): *Strukturwandel der europäischen Integration. Die Europäische Union und die Veränderung von Staatlichkeit*, Münster: Westfälisches Dampfboot.
- Zolo D.* (1997): *Cosmopolis: Prospects for World Government*, Cambridge (Mass.): Polity Press.
- Zürn M.* (1998, a): *Regieren jenseits des Nationalstaates. Globalisierung und Denationalisierung als Chance*, Frankfurt/M.: Suhrkamp.
- Zürn M.* (1998, b): *Schwarz-Rot-Grün-Braun: Reaktionsweisen auf Denationalisierung* // *Beck U.* (Hg.) (1998, a), S. 297–331.
- Zürn M. / Walter. G. / Dreher S. / Beisheim M.* (2000): *Postnationale Politik? Über den Umgang mit den Denationalisierungs-Herausforderungen Internet, Klimawandel und Migration*, in: *Zeitschrift für Internationale Beziehung* 2, S. 297–331.
- Zürn M. / Wolf D.* (2000): *Europarecht und internationale Regime* // *Grande E. u. a.* (Hg.): *Wie problemlösungsfähig ist die EU?* Baden-Baden: Nomos, S. 113–140.
- Zürn M. / Zysman J.* (1996): *The Myth of a «Global» Economy: Enduring National Foundations and Emerging Regional Realities*, *New Political Economy* 1/3, S. 157–184.

ВТОРАЯ ВЕЛИКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Публикуя книгу Ульриха Бека «Власть и ее оппоненты в эпоху глобализации. Новая всемирно-политическая экономия», издательство «Прогресс-Традиция» и издательский дом «Территория будущего» продолжают знакомить читателя с одним из известных немецких исследователей, чьи книги и статьи переведены на многие языки. Выход в свет данной монографии имеет большое значение, поскольку именно в ней Бек дает целостную картину социальных сдвигов нашего времени.

Публикуемое произведение — первая часть трилогии. В ней обсуждается, каким образом национально-интернациональные формы и правила «легитимного господства» (Макс Вебер) разрушаются и заново переписываются в процессе глобальной силовой игры между мобильным капиталом, государствами и социальными движениями. Книга отвечает также на вопрос, как «морально, интеллектуально и политически подготовиться к встрече <...> правопопулистских перемен», нарастающих с ростом социальных проблем глобального масштаба — изменением климата, разрушением окружающей среды, многочисленными рисками, миграцией, непредвиденными или негативными следствиями геномной инженерии и технологических инноваций. Автор уверен, что, «когда мировое внутривластное пространство власти будет концептуально и политически освоено вне старых категорий национального и интернационального, откроются <...> перспективы космополитического обновления политики и государства». Он ищет новую методологию, которая позволит это осуществить, и называет ее «критической теорией с космополитической целью». Но не будем спешить с выводами, ибо космополитизм понимается Бекком совсем не так, как его обычно трактуют. В данной книге космополитизму уделено большое внимание и как методологии исследования, предполагающей признание инаковости другого, и как политической стратегии, которая отказывается быть эгоистичной: в условиях взаимозависимости стран и народов все, что происходит где-то далеко, влияет на остальную часть мира, в том числе и на Запад.

Вторая книга трилогии, которая пока не завершена, будет названа, как сообщает автор, «Космополитический взгляд, или Мир —

это война». Третья книга трилогии подготавливается Бекем совместно с Эдгардом Гранде под заголовком «Космополитическая Европа». Сквозная тема трилогии — соотношение национального и космополитического. Сквозная тема издаваемой здесь ее части — государственные стратегии между ренационализацией и транснационализацией, обнаруживаемые критической теорией, которую предлагает Бек, соединяя воедино стратегии государства, капитала, становящегося глобального гражданского общества и его социальных движений на нынешнем этапе глобальных трансформаций.

Задачи данной книги, таким образом, чрезвычайно амбициозны в хорошем смысле этого слова. Они включают осознание настоящего посредством его сравнения с прошлым и прогнозирование предполагаемого будущего. Сознывая нелинейность социальных процессов в ходе всеобщих трансформаций, Бек не анализирует возможных сценариев будущего, а говорит преимущественно о желательном. Каким станет будущее, зависит от способности посмотреть сегодня на общество иначе, считает он. В 1800 г. классик немецкой философии Фихте в работе «Замкнутое торговое государство» писал, что в замкнутом торговом государстве нет свободы, но есть порядок. В «разомкнутом» (открытом) торговом государстве есть свобода, но нет порядка. Создается непрерывно качающийся «маятник» преобладания либо свободы, либо порядка. Как изменить ситуацию? Фихте сказал тогда: «Надо помыслить общество иначе». Сегодня Бек, рассматривая «маятник» новой эпохи «национальное» — «глобальное», по существу, также призывает изменить взгляд на общество, сетку категорий, сквозь призму которых мы смотрим на него. *Сутью же нового взгляда Бека является отказ от «методологического национализма», ограничивающего понимание общества его национально-государственными границами и рассматривающего государство в национальной изоляции, и переход к «методологическому космополитизму», позволяющему говорить о человеческом обществе в целом, о связи локального общества со всем человечеством и всеми обществами, отрицания либерального толкования Запада как центра (Бек — критик неолиберализма, признающий важность интереса и внимания ко всем странам и народам Земли). При этом «методологический космополитизм» Бек распространяет и на государства, нуждающиеся сегодня в сознательном осмыслении своей глобальной роли, глобальной связи с другими государствами и негосударственными акторами глобальной политики.*

Работа Бека велика по объему и весьма сложна по построению. В ней рассматривается много тем и проблем. Для российского читателя она особенно интересна своей конструктивистской направленностью, осмыслением глобализации, экономического господства, но-

вых форм эксплуатации, раскрытием сути потребительского общества и предположением о появлении новых социальных движений, которые подорвут его основы, описанием перспектив мультикультурализма и перспектив Вестфальской системы национальных государств, новой трактовкой космополитизма.

Книги такого масштаба сегодня редки — слишком велик риск генерализаций, концептуальных построений и теорий будущего мегатренда из-за высокой скорости изменений, происходящих как в каждой отдельной стране, так и в мире в целом, и возможности смены траекторий развития событий. На наших глазах некоторые выдающиеся гипотезы потерпели поражение. Так случилось с социологией знания Штарнбергской группы (Германия), утверждавшей, что фундаментальные исследования завершены и начался переход к формированию теорий только под влиянием внешних целей (экономических, медицинских, военных, экологических и пр.). Неоправданно сбрасывались со счетов учения и ученые, стоящие по ту сторону двух радикальных идеологий — коммунизма и неолиберализма. Как пишет Дж. Арриги, «есть поучительная ирония в том, что с исчезновением социалистического лагеря и наступлением либеральной гегемонии 1990-х гг. броделевские исследования оказались сданы в запасники. В интеллектуальных запасниках тогда оказались и коммунист Грамши, и христианский социалист Поланьи, и даже пессимистический австрийский консерватор Шумпетер. Все они оказались излишними в эпоху полной и окончательной победы капитализма <...>. Распад одной идеологической ортодоксии привел к бурной колонизации интеллектуального пространства ортодоксией противоположного знака»¹. Но вскоре подобное произошло и с концепцией «конца истории» Фрэнсиса Фукуямы. Хотя глобализация явилась победой либерализма в мировом масштабе, конца истории не наступило. Многие народы Азии, Латинской Америки, напротив, только начали становиться субъектами истории. Неудачные реформы в России 90-х и приход к власти «неоконов» (неоконсерваторов) в США приостановили качание маятника идеологических крайностей коммунизма и неолиберализма.

Называемые Арриги фигуры стали возвращаться, и даже с триумфом. Некоторые концепции, мало замеченные в момент их появления и недостаточно известные долгие годы спустя, получают вторую жизнь. Вышедшая в 1944 г. книга Карла Поланьи «Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени»² становится все более и более актуальной. Индекс ее цитируемости сегодня невероятно высок, хотя совсем недавно мало кто о ней знал.

Ниже мы проследим связь произведения Бека с этой книгой, на которую указывает он сам.

Фернан Бродель, Антонио Грамши, Йозеф Шумпетер приобрели актуальность. Возник интерес к концепции политического у Карла Шмитта, тоже забытого и даже политически скомпрометированного.

Появились исследователи, стоящие по ту сторону конфронтации коммунизма и неолiberaлизма и пытающиеся найти новые объяснения и новые идеологии. Среди них — Ульрих Бек. *Он работает не только как ученый, им предпринимается попытка создания новой идеологии за пределами национализма, коммунизма, социализма, неолiberaлизма, перспективы которой ему видятся в идеологии космополитизма.*

Долголетие концепций зависит не только от того, насколько точно они схватили свою эпоху, прошлое или предвидели будущее, от политических обстоятельств их времени и их последующих изменений, но еще и от факторов, относящихся к особенностям философских или научных сообществ. Макс Вебер и Эмиль Дюркгейм, живя в одно и то же время, игнорировали друг друга. Их разделяли мировоззренческие позиции и исследовательские программы — культурцентристская у Вебера, объяснявшего развитие капитализма из протестантской этики, и натуралистическая у Дюркгейма, по мнению которого разделение труда было источником «органической солидарности» обществ, имевших специализацию труда, трактовавшуюся им как причина формирования своего рода специализированных органов социума. Органическая солидарность по сути является организмической, капиталистические общества становятся целостными организмами. Один из социологов жил в протестантской стране, другой — в католической. Но есть и какие-то тайные пружины взаимного невосприятия этими выдающимися исследователями друг друга. Р. Коллинз, предложив концепцию философских сетей, или «социологии философий» (что распространяется, на наш взгляд, и на науку, особенно на ее сегодняшней междисциплинарной фазе развития), отмечал: «У нас нет способа узнать, о ком (если о ком-либо вообще) будут помнить как о выдающейся или второстепенной фигуре. Такова уж природа пространства интеллектуального внимания. Оно внутренне образовано потоком конфликтов и перегруппировок через поколения, а наша значимость как мельчайших человеческих узелков в этой долговременной сети производится не нами самими, но процессами резонанса, превращающими некоторые имена в символы того, что произошло в памятных поворотных пунктах этого потока»³.

Ульрих Бек — профессор Мюнхенского университета. Но его профессиональная самоидентификация как социолога не совсем точна.

Он относится к социальным теоретикам междисциплинарного плана, в значительной мере является социальным философом. В Германии, представленной миру такими крупными философами, как Карл-Отто Апель и Юрген Хабермас, Бек мог получить признание при взаимодействии с ними и при опоре на них. Однако из книги в книгу составляемый им в предисловиях список немецких исследователей, повлиявших на его деятельность, включает Ральфа Дарендорфа и ряд непосредственно связанных с Беком немецких коллег. О Хабермase имеется следующее упоминание в Предисловии к данной книге: «Последним в ряду (названных Беком ученых, повлиявших на его деятельность. — *Авт.*) по порядку, но не по значению нашел время обговорить со мной ранний вариант (данной книги. — *Авт.*) Юрген Хабермас». Имеется еще несколько упоминаний о Хабермase. Но и при этом не возникает впечатления, что Бека и Хабермаса связывают тесные научные взаимоотношения, что было бы возможно и по роду их деятельности (Бек — теоретик-социолог, Хабермас — социальный философ), и по сходству их теоретических интересов. Не имея возможности понять личные причины этого, упомяну возможные поколенческие различия; не исключено, что повлияло также различие в статусе: Хабермас был уже маститым исследователем в то время, когда Бек только начинал входить в науку. Признавая продолжение эпохи современности (модерна), два эти исследователя расходятся в своем понимании возможностей космополитизма и по ряду трактовок поздней современности.

Бек обращается преимущественно к англосаксонской традиции. Его идею рефлексивной модернизации поддерживают Энтони Гидденс, Скотт Лэш, с которыми он совместно публикует книгу, он общается с Дэвидом Хелдом, Стэнли Коэном и многими другими английскими и американскими исследователями, вводящими его работы в круг англоязычной научной литературы, читаемой во всем мире. Несомненно и даже более успешны англосаксонские связи Хабермаса, и количество переводов его произведений на английский язык превосходит количество изданий Бека за границей. Хабермас преподавал в США, участвовал в многочисленных международных конгрессах. Но при этом он остается выдающимся немецким философом, в то время как Бек безусловно перешагнул национальные границы и внес свой вклад в англосаксонскую социально-философскую и социологическую традицию, живя в Германии и являясь немцем. В опыте такой биографии космополитические элементы его картины мира приобретают доминирующее значение. Однако его противостояние неолиберализму меняет сложившийся взгляд на космополитизм как признание универсальности и приемлемости для всех западных ценностей и западного образа жизни.

Труды Ульриха Бека в России

Ульрих Бек принадлежит к числу ученых, в творчестве которых имеется сильный кумулятивный элемент — накопление результатов, ведущих к новому знанию. Его нельзя упрекнуть в повторах, ибо всякий раз повторяющиеся сюжеты и темы наращиваются новыми объяснениями и помещением проблемы в новые контексты. Поэтому представляется важным осветить идеи его предыдущих работ, изданных в России, ибо в новой книге просматривается их роль в осмыслении глобального процесса и его воздействия на локальные трансформации.

Бек хорошо известен российскому читателю. В 1994 г. его статья «От индустриального общества к обществу риска», изданная на Западе в 1992 г., была опубликована в журнале «Thesis» под редакцией А. В. Полетаева и И. М. Савельевой. Бек показывал здесь, что анализ риска — это не только проблема безопасности технологий, экологическая проблема, но и задача социальных теоретиков. Он ставил целью объединение усилий ученых, политиков и практиков в достижении предсказуемой безопасности перед лицом открытого и неопределенного будущего. Показывая, что риски могут перерасти в опасные угрозы, Бек критиковал «организованную безответственность» в отношении атомных, химических, генетических и экологических угроз.

Идеи этой статьи конкретизировали теоретические положения уже вышедшей в Германии книги Бека «Общество риска. На пути к другому модерну» (1986), переведенной и опубликованной издательством «Прогресс-Традиция» в 2000 г. Данная книга представляла совершенно новый взгляд на происходящие в мире процессы, вернее, даже предугадывала их. Ее публикация в России через четырнадцать лет после выхода в Германии отвечала скорости созревания тенденций, о которых писал автор. Здесь были применены социология науки и социология знания, а также политическая теория знания в качестве инструментов анализа рисков. Автор выдвигал концепцию индивидуализации неравенств, приближения к концу традиционных для индустриальной эпохи отношений больших социальных групп (классов, слоев), дестандартизации наемного труда. Тема индивидуализации и «перехода индивида в наше время к состоянию социотехнического субъекта» позже получает новый импульс развития⁴.

Показывая закат эпохи модерна, Бек тем не менее не провозглашал его конца. Он придерживался мысли о незавершенности модерна и писал о появлении его новой фазы — Второго модерна как следствия нового типа модернизации — «рефлексивной модернизации».

Это понимание противостоит постмодернизму и конкурирует с ним. В интервью «Журналу социологии и социальной антропологии» Бек говорит: «Мы <...> переживаем — и это так захватывает меня — смену общественных и социально-научных парадигм внутри модерна, которая принуждает нас к развитию новых понятий, а также новых общественных и политических институтов, к поиску подходящих ответов на эти вызовы. И <...> “постмодерн” не справляется с этим <...> теорией и теоретикой постмодерна бросают нас на произвол судьбы <...>. Теория Второго модерна делает вопреки этому возможной неностальгическую критику общественно-индустриального национально-государственного модерна под углом зрения будущего»⁵. Поясним, что в английском языке есть несколько слов, имеющих значение «современный» — «contemporary», «present-day», «modern». Первые два слова синонимичны и означают «происходящий в настоящее время», «сегодняшний». Слово «modern» имеет другое значение. В обыденной речи это «современный» в смысле «передовой, отвечающий сегодняшнему времени». Но оно же стало термином теории модернизации. Здесь его смысл состоит в том, чтобы подчеркнуть соответствие Новому времени, обозначить тем самым определенную историческую эпоху. Она называется «эпохой модерна», или — если хотят выразить это совсем по-русски — «эпохой современности». Этот термин также используется, чтобы выделить те общества, которые прошли успешную модернизацию, став «обществами модерна», или «современными обществами», в отличие от «традиционных обществ», не прошедших модернизации.

В разлом эпохи модерна прорывалось общество риска, ответом на который являлась «рефлексивная модернизация», критичная по отношению к индустриализации, на которую перестают смотреть как на непреходящую традицию. Вместе с детрадиционализацией индустриально-общественных основ разрушается монизм представлений об основе общества как распределении богатства, дополняя эти представления логикой распределения страха, сопутствующей нарастанию рисков. Но нередко эпоха рефлексивной модернизации рождает у тех, кто не является ее участником, состояние аномии — ценностного кризиса или путаницы ценностей, т. е. предполагает не менее тяжелый этап перехода от предшествующего состояния к отличающемуся от того, которое было при прежней догоняющей модернизации. Согласно теории рефлексивной модернизации, сегодняшний более образованный и расширивший свои познавательные способности индивид более осторожен в применении знания, считая это возможностью, к которой надо отнестись критически как в целом, так и на

каждом шаге реализации новых идей. В прежней «простой модернизации», как называет ее Лэш, т. е. модернизации, открытой Просвещением, наука была основой легитимации модернизационных процессов, а индивид рассматривался как сложившийся, «ставший», как кирпичик, из которого строится здание общества. В период «рефлексивной модернизации» сегодняшнего дня индивид теряет свои прежние свойства завершенности, является становящимся, научные средства и возможности не выступают как единственный источник легитимации развития и подвергаются при своем применении критической рефлексии. Многовариантность развития и отсутствие монополии на истину становятся нормой. Простому онаучиванию индустриальной эпохи противопоставляется рефлексивное онаучивание, т. е. критическое осмысление осуществляемых с помощью науки процессов, включая модернизацию, технологические инновации. Эта идея Бека стала затем предметом его совместного с Гидденсом и Лэшем исследования.

Бек вводит очень важное различие между конститутивными и регулятивными принципами организации общественного порядка. Первые – это принципы, создающие большой диапазон поведенческих норм, вторые – регулирующие правила, нормы, сокращающие возможности выбора. Институты «рефлексивной современности» – преимущественно конститутивные, первой современности – преимущественно регулятивные. *Исходя из этого, в новой, «рефлексивной современности» преобладает неравенство не столько в форме эксплуатации, как в первой, сколько в форме игнорирования властью и богатым слоем значительной части населения, для характеристики которой автор вводит термин «бразилизация».* Бразилия – образец этого нового вида эксплуатации.

В 2001 г. российский читатель познакомился с книгой Бека «Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию». Книга отставала от оригинального немецкого издания всего на несколько лет, и идеи известного социолога, уже вызвавшие в России большой интерес, снова были встречены с исключительным вниманием. Особенностью этой работы было то, что Бек интересовался глобализацией с социологической, а не с экономической точки зрения, четко реагируя на уже высказанные в этой области идеи А. Аппадураи, З. Баумана, И. Уоллерстайна, М. Олброу, Р. Робертсона, Д. Хелда. Эти ученые известны преимущественно теориями культуры обществ, вступающих в глобализацию, в которых давалось объяснение соотношению глобального и локального.

Бек намечает здесь болевую точку глобализации, которая становится предметом всесторонних размышлений: «Функционирующая

в глобальных масштабах экономика подрывает основы национальной экономики и национальных государств. Тем самым открывается путь субполитизации совершенно нового размаха и с непредсказуемыми последствиями. Речь идет о том, чтобы в новом раунде борьбы элегантно отодвинуть старого противника по имени “труд” на запасный путь истории; но также — и прежде всего — о том, чтобы одновременно заявить о расторжении договора с “идеальным совокупным капитализмом”, как Маркс называл *государство*; т. е. чтобы избавиться от пут труда и государства, как они сложились в XIX и XX веках»⁶. Здесь на повестку дня вступает тема космополитизма, которой в значительной мере посвящена книга «Власть и ее оппоненты в эпоху глобализации».

Отдельные фрагменты новой монографии, представленные в виде статей, публиковались в российских журналах и появлялись на интернет-сайтах. В 2003 г. «Журнал социологии и социальной антропологии» печатает статью «Космополитическое общество и его враги», в которой отдельные положения публикуемой книги получили четкое и гибкое выражение. В данной монографии многие из них даны в несколько более радикальных формулировках.

В 2004 г. журнал «Россия в глобальном мире» напечатал статью «Творческое саморазрушение мирового порядка», где под творческими автор понимал разрушения, приводящие к созиданию нового, и это новое затрагивало иное понимание национального государства. Этот пункт его концепции получил развитие в рассматриваемой нами книге в качестве сценарного прогноза, существующего наряду с другими, о возможности космополитического взгляда на развитие политики и перспективу формирования «космополитического государства».

Бек пишет: «Речь идет не о “столкновении цивилизаций” (имеется в виду широко известная концепция С. Хантингтона. — *Авт.*), а о борьбе за человеческую культуру, в которой уживались бы самые разные традиции. Никакая стена не защитит *государства центра* (курсив наш. — *Авт.*) от гуманитарных катастроф в других частях света. Новые угрозы существованию цивилизации не делают различий между нациями, расами, континентами». Обратим внимание, что речь идет о Западе как центре, о том, что все неравномерности и коллизии глобализации не могут его не затронуть.

Карл Полањи и Ульрих Бек

Книга Карла Полањи «Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени»⁷ имеет большое сходство даже с названием публикуемой работы Бека «Власть и ее оппоненты в эпоху

глобализации» и тем более с ее направленностью на анализ социальных трансформаций: «Новая всемирно-политическая экономия». Политэкономические проблемы стоят в центре каждой из работ как основа социальных трансформаций описываемых ими эпох. Поланьи изучает международную систему XIX века и ее развитие в XX веке, соотношение условий жизни и общественного прогресса, общества и экономических систем, эволюцию рыночной модели, рождение либерального символа веры, классовые интересы и социальные изменения, связь рынка и природы, рынка и человека, перенапряжения капиталистической системы, власть народа и рыночную экономику, свободу в сложном обществе. В поле зрения Поланьи первая глобализация – английский free trade 1885–1914 гг., в котором участвуют также Германия и Россия и который прерван Первой мировой войной. Все это «история под грузом перемен».

Бек изучает стратегии власти в связи со второй глобализацией, начавшейся в 90-е гг. XX века после распада коммунизма, глобализацию экономики и всемирно-историческую власть глобального капитала, факторы международной жизни в связи с этим, государственные стратегии ренационализации и транснационализации, демонополизацию и новые формы экономической рациональности, проникновение в государственную политику внешних факторов под влиянием глобализации, делегитимацию господства и проблемы свободы. В целом он считает это анализом глобальной стратегии космополитизации, трансформации государств во Втором модерне, всемирного капитализма и вызванных им социальных трансформаций, изменения типологии политик для Второго модерна, перспектив новой критической теории, а также глобального гражданского общества. Словом, речь снова идет об истории под грузом перемен.

Бек сам отмечает, что Поланьи описывает Первую великую трансформацию, в то время как он останавливается на Второй великой трансформации. Рассмотрим эти понятия и суть позиций того и другого исследователя.

Согласно Поланьи, первая Великая трансформация – это переход к индустриальному обществу и первой глобализации.

Индустриализация рассматривается Поланьи как драматический процесс. Ему способствовало переселение больших масс населения в города, рекультивация, коренное изменение жизни. Рост экономики увеличил в конечном итоге продолжительность жизни и численность проживающих на Земле людей, их комфорт и социальные условия, хотя цена этого была чрезвычайно велика. Он вывел основной закон социальных трансформаций: необходимость согласова-

ния скорости перемен и темпов адаптации населения к переменам. Политико-экономической основой мировой системы XIX века стали равновесие сил, золотой стандарт и либеральное государство. Эти институты были производными рыночных отношений, делавших, по мнению Поланьи, цивилизацию XIX века впервые в истории человечества сугубо экономической, ориентированной на мотив прибыли. Тема войны занимает большое место в работе Поланьи. Европу и мир не спас от войн даже имевший место столетний мир. В результате первая глобализация столкнулась с системным сопротивлением национализма и прекратила свое существование с началом Первой мировой войны.

В ходе первой глобализации «экономическое превосходство сильнейшего вынуждает капитулировать слабейшего; отсюда, однако, не следует, будто непосредственная причина его бедствий имеет экономический характер: причина эта – в смертельном ударе, нанесенном тем институтам, в которых воплощено его социальное бытие»⁸, – писал Поланьи. И далее: «Отделить труд от других сфер человеческой жизни, подчинив его законам рынка, означало полностью уничтожить все органические формы социального бытия, заменив их совершенно иным, атомистическим и индивидуалистическим типом общественной организации»⁹. Поланьи не радуется, что либерализм и первая глобализация пали под ударом таких системных оппозиций как национализм, коммунизм, фашизм. Но он считает, что либерализм сам подготовил причины для своего крушения. Либерализм, по мнению Поланьи, привел к «гибельному перенапряжению»¹⁰. Он считает его окончательно потерпевшим поражение, и потому особо интересно повторение тем и проблем, волновавших Поланьи, которые Бек рассматривает на новом витке либерализации – второй глобализации, принимаемой в качестве второй Великой трансформации. Глобализация уже не мыслится им в духе взаимозависимости между государствами, а рассматривается как фактор глобализации самих этих государств.

В 1947 г. Поланьи писал: «Историку не составляет труда безошибочно определить станцию, на которую мы прибыли. Путешествие называется индустриальная цивилизация. Первая стадия нашего путешествия уже позади, и мы находимся на второй. Машинный век или индустриальная цивилизация, начавшиеся где-то в XVIII веке, все еще далеки от завершения. Первая стадия этого периода имела много названий, таких, как либеральный капитализм или рыночная экономика; название следующей стадии мы еще не можем точно определить. Самое главное – провести различие между технологическим аспектом, общим для машинного века, или индустриальной цивилиза-

цией в целом, и социологическим аспектом, отделяющим фазу, которая уже позади, от фазы, которая еще должна наступить»¹¹. Станция, на которую прибыли в 1947 г., действительно известна — это место, где требование экономического роста предшествующего этапа начало сменяться социал-демократическими представлениями о справедливости распределения. В 50-е гг. Запад перешел к обществу потребления, и старая проблема экономического роста соединилась с проблемой экономической справедливости. Пирог стал большим, и его надо было делить.

В условиях второй глобализации, которая явилась победой неолиберализма в глобальном масштабе, социал-демократическая политика не могла обеспечить прежней социальной справедливости, т. к. капитал получил возможность убегать туда, где выгодно, где меньше налоги. Налоговая база не позволяла обеспечить распределительную социал-демократическую политику. Левые идеи трансформировались. Например, «третий путь» Гидденса, друга Бека, лег в основу нового лейборизма Тони Блэра, пытаясь соединить признание глобализации, рынка, гражданского общества со справедливостью. Бек, как прежде Поланьи, оказался в центре этих новых поисков устройства мира, который должен соединять «экономическую эффективность с сохранением человеческого бытия и справедливости».

Станция, на которую мы прибыли сегодня, имеет много названий. Среди них — «индустриализм азиатских и латиноамериканских обществ», «постиндустриальное общество Запада», «информационное общество», «вторая глобализация» — конец 90-х — настоящее время. Все вместе сохраняет статус «техногенной цивилизации» (термин В. С. Степина), которая вышла за пределы только индустриального производства.

Как и Поланьи, Бек испытывает разочарование в новом либерализме. Он утверждает, что «при глобальном восприятии риска утопия неолиберального государства утратит свою убедительность». Бека беспокоит не только нынешний вид второй глобализации с ее «диктатом экономического над человеческим бытием», но и рождаемый этим правый популизм, с критики которого он начинает свою книгу. Его заботят вопросы о том, как переписать правила новой глобализации, чтобы ее негативные свойства при Второй великой трансформации не стали еще более губительными, чем при Первой. Отодвигаемые глобальным капиталом труд и государство становятся главной проблемой глобализации. Кто будет работать в развитых странах, перенесших свои производства в Азию, сосредоточившись на информации и менеджменте этих производств? Кто будет выполнять грязную и тяжелую работу, какой поток иммигрантов для этого необходим

и как этот поток совместит себя с чужими культурными и политическими традициями? Что будет с государствами интегрирующегося Запада, когда рост индустриальной мощи в Азии осуществляется не при поддержке либеральных режимов правления, а с помощью набирающих силу авторитарных и дирижистских государств?

Космополитизм, его трактовки и его враги

«Космополитизм» — это прежде всего термин повседневной речи, который в переводе с греческого (*cosmo+polis*) означает «гражданин мира». Он ассоциируется с отказом от своего, локального, национального ради мирового гражданства, принадлежности ко всему человечеству. Космополитизм противопоставляет себя патриотизму, считая, что именно патриотизм как приверженность локальным ценностям препятствует объединению человечества. Вместе с тем в этой расхожей формулировке космополитизм не мог ответить на вопрос о том, каковы общечеловеческие ценности, есть ли они, всегда ли они одинаковы или меняются со временем.

Космополит — это тот, кто везде чувствует себя как дома. Но даже такой певец глобализации, как Т. Фридман, пишет, что если ты всюду чувствуешь себя как дома, то у тебя нет дома и ты ментально нездоров, не имеешь идентичности. Фридман убежден, что в глобализирующемся мире у каждого есть свое оливковое дерево или что-то другое сакральное из его родных мест¹². Но с другой стороны, человек чувствует себя как дома либо в Америке, либо в Европе, либо в Азии, тяготея к какой-то культуре и идеологии. Он не может чувствовать себя как дома всюду. Часто он чувствует себя как дома в чужой стране потому, что ему не нравится своя страна. Представители догоняющих стран, сталкивающиеся с проблемой идентичности, хотят быть космополитами, ориентируясь на неолиберальную идеологию. Широко образованный человек способен жить везде в мире, не становясь космополитом и представляя культуру своей страны.

Однако в качестве идеологии космополитизм имеет разные вариации. В идеологии *колониализма* он перемещал людей из развитых стран в колонии, а местных людей обогащал новыми знаниями, представлениями и навыками, «смещая» их традиции и создавая у них более современные представления об их месте, доме, стране. Но колониализм — это космополитический дискурс прошлого. Он приводил к конфликтам между космополитизирующейся модернизаторской элитой и более традиционными слоями. По существу, он был эвфемизмом слова «*вестернизация*».

Термин «космополитизм», использованный стоиками и реанимированный Иммануилом Кантом, содержал возможность взглянуть на людей и события поверх их локальности и временности, найти универсальные характеристики их бытия. Но эти характеристики мыслятся здесь как *западные*, и по этому поводу в книге «Власть и ее оппоненты в эпоху глобализации» Бек замечает: «Но чтобы из понятия космополитизма, который самое позднее с эпохи Канта принадлежит к философски-политической традиции западной цивилизации, могла возникнуть реалистическая критика господствующего порядка вещей, его сначала надо очистить от хлама <...>. Под словом “космополитический” я имею в виду не идеалистически-элитарное понятие, служащее в качестве идеологического оружия имперским притязаниям транснациональных элит и организаций; мне видятся ценности признанного, живого многообразия, пронизывающие все социальные позиции и исторические контексты в духе космополитического здравого смысла, который касается больших групп людей <...>. В начале третьего тысячелетия основной принцип национальной реальной политики: национальные интересы достигаются в национальных границах – следует заменить принципом космополитической реальной политики: “наша политика тем национальнее и успешнее, чем она космополитичнее”». Старые значения термина «космополитизм» плохо сочетаются с тем, о чем говорит Бек. А слова «следует заметить» в приведенной цитате явно выдают в Беке сознательного идеолога космополитизма, который он пытается поставить на место всех предшествующих идеологий. Однако он все же скорее глобализатор, чем космополит, если брать привычные значения этого термина.

Как известно, Маркс отрицал все национальное во имя интернационального, призывал к всемирному объединению рабочих как класса, поскольку при националистических подходах классовые противоречия представляются менее важными, чем национальное единство. В этом отношении Маркс придерживался интернациональных или даже космополитических идей. Но Бек не видит в марксизме разновидности космополитизма, направленного против господствующего западного буржуазного космополитизма.

После окончания холодной войны *неолиберальные теории* стали проводниками космополитизма, защищая глобализацию от провинциализма и признавая Запад в качестве единственного образца развития. Неолиберализм исходил из такой универсальной единицы культурного обмена, как индивид.

Бек следует такой трактовке космополитизма, которая не совпадает ни с колониалистской, ни с неолибералистской, ни с марксист-

ской. Экономика мирового рынка, по его мнению, обладает такой принудительной динамикой, что изменились даже правила политики. Второй модерн, Вторая великая трансформация осуществляются при одновременном существовании Вестфальской системы национальных государств и ослабляющей ее глобализации. Это противоречие разрешается, согласно Беку, сознательной ориентацией познания, политической практики, культурных отношений на многообразие, диалог и предотвращение общих для человечества угроз, а также на предотвращение глобализации локальных несчастий.

Сегодня рождается новое, пятое (после колониализма, либерализма, марксизма и неолиберализма) понимание космополитизма, которое основано не на признании унифицирующей роли Запада или антибуржуазных коммунистических идей, а на идеях диаметрально противоположного свойства — *глобализации* как вовлечения в капитализм самых разных народов, на признании *мультикультурализма* и глобальной *взаимозависимости национальных государств*. В сознании многих космополитическое сообщество ассоциируется с международными организациями, в которых при всем многообразии представленных в них людей разных культур царит английский язык и западное объединяющее начало. Но Бек и не говорит о реальности космополитизма в данный момент. Он строит обширную программу и сценарный прогноз, не имеющий обязательности, при котором космополитические методологии в социологии, в отличие от националистических (ориентированных на изучение обществ в рамках национально-государственных границ), получают преимущество, он надеется, что национальное государство претерпит внутреннюю глобализацию и сознательно перейдет на космополитические позиции, что сложатся институты глобального гражданского общества.

То, что глобализация не является унификацией и не может утратить культурное многообразие, стало очевидным, и этому посвящено немало книг¹³. Но наиболее близкие к концепции Бека принципы трактовки космополитизма изложены американскими авторами А. Брекенриджем, Ш. Поллоком, Х. Вхабой и Д. Чакрабарти¹⁴, двое из которых являются по своему происхождению индийцами. Они пишут: «Капитализм предусматривает, что он является широко распространенной сетью рынков и доходов; коммунизм апеллирует к рабочим мира с целью их объединения; поздний либерализм страстно выступает против инструментализма или детерминизма и за признание за человеком статуса носителя универсальных прав. Но любое из названных видений мира заключено в рамки идеала национального суверенитета <...>. Космополитизм наших времен не проистекает из капита-

лизированных “доблестей” Рациональности, Универсальности и Прогресса, он также не воплощен в мифе о нации в самом широком ее понятии и в фигуре гражданина мира. Космополиты сегодня – часто жертвы современности, капиталистической вертикальной мобильности <...>. Беженцы, представители диаспор, мигранты, изгнанники выражают дух космополитического сообщества»¹⁵. Авторы этих строк говорят также о новом, или *постуниверсалистском, космополитизме*, параметрами которого становятся *нации, мультикультурализм и глобализация*. Западный космополитизм отвергается в этой формуле. Противостояние двух мировых систем, национализмы составляли препятствие космополитизму, который перед лицом этих противников не мог организовать себя.

По мнению этих авторов, космополитические идеи представляют собой вызов традиционному академическому анализу и политической практике. При этом им, очевидно, не хватает детальной разработки и свойств проекта. Не вполне хватает этого и Беку.

Какого же типа космополитизма придерживается Бек? Его космополитизм противостоит неолиберальному пониманию. В статье «Космополитическое общество и его враги», о которой мы уже упоминали, он прямо пишет: «Монологическое национальное воображение в социальных науках предполагает, что западный модерн – это универсальная структура, а модерн “других”, не принадлежащих западной цивилизации, можно понять только в сравнении с идеализированной западной моделью. Господствующая концепция современности, сформировавшаяся в Северной Америке, в том виде, как она представлена в старых теориях модернизации и в теориях развития, помещает не-Запад в самом низу эскалатора, движущегося вверх по направлению к Западу. Запад же находится на пике современности с точки зрения капиталистического развития, секуляризации, культуры и демократических государственных образований. В космополитической перспективе нам, скорее, следует заниматься вопросом, как цивилизации, не принадлежащие Западу, по-иному, чем он, планируют и представляют себе свои особые сочетания культуры, капитала и национального государства, а не предполагать, что они являются недоразвитыми вариантами некоего западного первообраза. Таким образом, космополитическая социология находится в оппозиции к универсализирующей теории, которая создается в башне из слоновой кости»¹⁶. Поэтому те, кто исходит из универсализации опыта Запада и смотрит на национальную жизнь как на варварскую, приходят в радикальное противоречие с пониманием космополитизма у Бека, имеющим тот же деуниверсализированный характер, что и у упомянутой группы исследо-

вателей. Их основания, повторим, совпадают: глобализация, нация, мультикультурализм.

Наиболее агрессивно универсализирующая мир категория «капитал», нечувствительная к историческим различиям, сегодня не является столь универсалистской и функционирует в хозяйственных системах новых капиталистических стран посткоммунистического мира и Азии, а также в странах хозяйственной демократии Азии, таких, как Китай и Вьетнам, вполне сочетаясь с их собственными культурами и хозяйственными мотивациями. Существуют космополитические города в Европе и Азии. Многообразие является признаком Второй рефлексивной современности. Вышеупомянутые авторы считают главным «парадоксом эпистемологически-исторической траектории космополитической практики» то, что «чем более недавними являются эти практики, тем более интенсивно и рефлексивно опосредованными они являются...». Культуры сегодня, говорят они, не подражают культуре некоего центра, чтобы стать космополитическими. Просто центр возникает всюду. Именно об этом пишет и Бек. Космополитизм он рассматривает не только как идею, но и как «незавершенный путь существования», в котором различия культур противостоят универсализирующей функции капитала в условиях глобализации.

Те, кто готов противопоставить национальной жизни как варварству космополитизм, не могут сослаться на Бека, который пишет: «Я сомневаюсь в том, что космополитические общества даже ненамного менее этничны и историчны, чем национальные общества»¹⁷.

Сегодня прогресс не проект, а ход истории, при котором лидеры прогресса меняются. Подъем новых индустриальных стран Азии происходит не под антизападными лозунгами. Напротив, идет активная вестернизация в форме заимствования западных технологий, массовой культуры и ее собственного производства, формирования совместных предприятий, аутсорсинга и пр.

Наиболее адекватной формой развития сегодня многие теоретики считают национальную модель модернизации, возникающую на некотором уровне уже достигнутой вестернизации¹⁸. Каждое общество само решает, в каком типе модернизации оно нуждается. Появляется множество «модернизмов», складывающихся на локальном уровне. Это множество модернизмов ведет к многообразию форм прогресса, к воплощению других разумов в сообразное традиции и приемлемое для других политическое устройство, обеспечивающее глобальную открытость, в цивилизационно различные капитализмы. Запад пятьсот лет пребывает в состоянии Первого модерна, который стал для него самого традиционным обществом. Желая модернизироваться, он со-

вершает теперь переход к новой современности – Второму модерну, к капитализму, основанному на информационных технологиях, на всеобщем признании глобального рынка, на развитии гражданских инициатив, ограничивающих засилье рыночных отношений. Новые азиатские страны вступили в индустриальное развитие, в капитализм, упакованный в традиционные, коммунистические оболочки, в капитализм как хозяйственную систему западного капитализма, наконец, в капитализм, строящийся на рациональности этих народов, отличной от западной.

Мы оказались сегодня в начальной точке модерна для незападных стран. Перед лицом их подъема Запад с его капитализмом окажется одним из относительно локальных капиталистических образований, и именно в этом смысле, снова, как в Средние века, исчезнет различие между Западом и не-Западом. До сих пор казалось, что капитализм перемелет любую культуру, сегодня кажется, что пятитысячелетняя цивилизация Китая, тысячелетняя культура России и других стран перемелет капитализм, использует его для себя. Это не значит, что капитализм здесь будет лучше западного или что это следствие сознательного выбора. Выбор при «простой модернизации» состоял в догоняющей модели развития, но погоня за чужим будущим толкнула в сторону своей архаики, чуть ли не по закону Ньютона о действии и противодействии. Произошло это потому, что ни российское, ни китайское, ни индийское, ни другие общества не обладали способностью реализовать капитализм западного типа.

Вся книга Бека преисполнена пониманием, что глобальный капитализм, включивший в себя страны и народы самых разных культур и национальностей, может создать условия не только для господства капитала, но и для взаимодействия обществ и роста человеческой цивилизации как целого. По существу, это альтернативная модель глобализации, заданная на абстрактном уровне, не являющаяся ни сценарием-трендом, реализуемым по объективным причинам, ни сценарием-проектом, который можно предложить. Это образ желаемого будущего и сценарий-идеология, который может собирать своих сторонников. Пока среди них преимущественно теоретики, и альтерглобалистские движения весьма локальны и причудливы, не менее, чем антиглобалистские.

Итак, кто же сегодня носитель власти и кто ее оппонент? По мнению автора, *власть принадлежит сегодня глобальному капиталу*. Изучение его и есть «глобальная политэкономия». *Оппонентом капитала Бек считает глобальное гражданское общество*. Это во многом опережающая жизнь точка зрения, т. к. глобальное общество, в отличие от глобальной экономики, пока не существует. Человечество, или все че-

ловеческое общество, потенциально выступает как наиболее совершенное и позитивное (данное как факт), устремленное к развитию, прогрессу, порядку. Это не виртуальная характеристика, а то, чем человечество может стать, осознав свои угрозы и проблемы. Это не собрание индивидов, а особое бытие, которое еще не достигнуто. Политический потребитель, в отличие от экономического, может сдерживать капитал тактикой отказа от покупок. Если сегодня мы не знаем, как убедить консьюмеристски настроенного индивида и доказать ему ошибочность подобной ориентации, заполняющей его время, то Бек считает, что именно потребитель, осознавший свою зависимость от капитала, способен стать силой преобразования обществ: «Потребитель находится по ту сторону диалектического двуединства “хозяин – батрак”. Его противодействие власти вытекает из того, что он везде и в любое время может отказаться от покупок. “Оружие непокупания” нельзя сократить ни в пространстве ни во времени, ни материально <...>. Фатальным для интересов капитала является то, что против растущей власти потребителей не существует контрстратегии: даже всемогущие мировые концерны не могут уволить своих потребителей. Потребители – в отличие от рабочих – не являются членами корпорации и не желают ими быть <...>. Протесты потребителей *сами по себе* транснациональны. *Потребительское общество – это реально существующее мировое сообщество.* Потребление не признает никаких границ – ни границ производства, ни границ потребления. Потребители – это совсем не то что рабочие. Это делает опасной для капитала их еще не развитую силу противодействия». Это необычное и интересное сообщение важно тем, что, хотя мировая игра идет по новым правилам, из них нельзя исключить наличие социальных движений, способных преобразовать жизнь. Некоторые авторы, например Александр Бузгалин, Андрей Калганов, ищут их в неомарксистски понятых силах протеста, направленных на поиски альтернативной глобализации. Альтерглобализм вызывает интерес многих исследователей¹⁹.

По мнению Бека, государства подвергнутся макиавеллистски-космополитическим преобразованиям, чтобы ответить на политические и экономические вызовы глобализации и вместе с гражданским обществом взять власть в свои руки. Это опять же не вяжется с представлениями тех, кто жаждет распада Вестфальской системы национальных государств. Космополитизация государства – это не его исчезновение, а появление у него новых функций. Возникают новые глобальные акторы, среди которых – территориальные объединения. Все акторы и игроки объединены метаигрой глобальной политической экономии. Ограниченный космополитизмом национализм дает новые источники

легитимации власти. Тут все зависит от «адекватности» и «правильности» самого космополитизма, который не должен возвращаться к своим предшествующим формам. Космополитическая теория должна быть критической как в отношении к реальностям, так и к своим теоретическим построениям и эмпирической базе. В ее поле зрения находится в том числе проблема роста социальных неравенств в мире. Связь между глобализацией и бедностью мало исследуется в национальных социологиях. Методологический национализм становится источником ошибок. Бек предлагает таблицу смены парадигм социальных наук при переходе от Первого ко Второму модерну. Он ищет альтернативы метавласти экономического глобализма, рассматривает шансы различных акторов на заметное участие в глобальной политико-экономической игре, анализирует транснационализацию права и сокращение правовых функций национального государства. Им оцениваются стратегии капитала, среди которых отмечается формирование «конкурентного государства». Особое внимание автора вызывает проблема трансформации понятия и формы государства и политик во Втором модерне. Здесь важно то, что наступает конец «концу политического», что люди снова хотят решать свои проблемы политическим путем, не полагаясь на их видимую и не устраивающую их квазиприродность. Томас Гоббс, переписанный для общества риска, — это не «человек человеку волк», а «человечество человечеству волк», утверждает Бек. Поэтому государственные формы Второго модерна должны быть направлены против войны и самоистребления человечества. Ожидается формирование национальных космополитических партий, плюрализация правого и левого полюсов политического спектра. Политика прав человека начинает преобладать над господством национально-государственных интересов. Таким образом, автор отбирает из стратегий капитала и политических стратегий те, которые больше соответствуют космополитическому реализму его концепции.

Космополитизм признает инаковость другого. Он предполагает индивидуализацию, мультикультурализм и усиливает их.

И все же последняя глава книги называется «Маленькая надгробная речь у колыбели космополитической эпохи». В ней показывается, что старые антиномии живы, а институционализация космополитизма в понимаемом автором смысле слаба. Эти антиномии присутствуют в качестве норм речевой коммуникации и делают устойчивыми космополитические принципы. Здесь автору кажется — и возможно, так оно и есть, — что он перестарался с применением выдвинутого им принципа критики и самокритики к своей теории космополитического реализма. И в ответ на это подозрение он предлагает список ин-

ституциональных шагов по поддержанию космополитизма: усиление транснациональных организаций; реформа МВФ и Всемирного банка; правовые государства; правозащитная политика; всемирный парламент; посредничество в конфликтах и пр. Надгробная речь в итоге таковой не оказалась.

У. Бек, Ю. Хабермас, А. М. Янг

Бек касается судьбы Вестфальской системы национальных государств, к которой сегодня обращаются многие ученые, создавая научный контекст проблемы, неразрывно связанный с контекстом социальных трансформаций.

Тридцатилетняя война между католиками и протестантами в 1648 г. завершилась Вестфальским миром. Новое мировое устройство разрушило политическое лидерство Священной римской империи и главенство римского папы, столь очевидное прежде. Оно не отменяло стремления государств к господству, вытеснив австрийских Габсбургов посредством возвышения Франции и Швеции, и допускало впредь, что государство, занимающее господствующее положение, может потерять его из-за стремления других государств к господству. Вестфальский мир не утверждал мир вообще, а лишь мир в истощенной войне Европе этого времени и потому оказался непрочным. Кроме того, он не отменял войн потому, что не устранял их предпосылки, что И. Кант позднее обозначил в своем трактате «К вечному миру» как одно из важнейших условий его достижения. Но установленная им система национальных суверенных государств была основой международных отношений вплоть до конца XX века и до сих пор имеет значение, хотя заметно ослаблена.

Томас Гоббс рассматривает *врага* как центральную фигуру догосударственного существования, «войну всех против всех» как черту естественного состояния, которая может быть ограничена лишь путем передачи насилия легитимному его носителю — государству. Государство, государи наделялись правами и функциями, которые могли бы принадлежать отдельным гражданам. Но Гоббс считал, что только государство может обеспечить естественные права людей. Государство должно было обеспечить внутренний мир и безопасность. Но это был мир внутри государств, а не между государствами, ибо всемогущество составляет цель государства на международной арене. Поэтому фигура врага не исчезает.

Джон Локк показывает, что без контроля со стороны общества государство может выйти за рамки легитимных полномочий в приме-

нении силы, и утверждает необходимость самоорганизации общества в гражданское. Однако государства выступают как *соперники*. Поэтому между ними возможны войны. Вестфальская система допускает войны между национальными государствами.

Иммануил Кант в своем договоре о вечном мире открывает новую систему координат, где государства относятся друг к другу как *друзья*²⁰. Кант оспаривал право суверенного государства на войну, несмотря на то, что самое определение суверенитета включало (наряду со способностями управлять своей территорией, быть огражденным от вмешательства во внутренние дела и не вмешиваться самому, быть признанным международным сообществом) право начинать войну даже без объявления мотивов. Кант переходит от первоначальной идеи государства народов, опасаясь деспотизма такого государства, к свободной лиге национальных суверенных государств, предотвращающей войну посредством мирного арбитража споров и конфликтов.

Следовательно, для достижения вечного мира Вестфальская система хотя и не обеспечивает мир, но является его предпосылкой, поскольку побуждает индивидов объединяться в государства и создает некий баланс в их отношениях.

Написав рецензию на работу Канта через год после ее выхода, в 1796 г., и являясь ее страстным поклонником, Фихте все же робко предполагает, почему вечный мир все еще невозможен: «По-видимому, преимущества беспорядка все еще преобладают над преимуществом порядка. Значительная часть людей при всеобщем беспорядке приобретает больше, чем теряет, а у тех, кто теряет, остается надежда, что он тоже выиграет <...>. Блага, созданные в наших государствах, еще не распределены и не использованы, многое еще можно требовать и захватывать, и, наконец, если у тебя дома все уже исчерпано, то угнетение других народов и континентов посредством торговли — постоянный и обильный вспомогательный источник. Пока все это остается, несправедливость еще не так тягостна, чтобы мы могли рассчитывать на ее всеобщее устранение. Но как только большинство [по]считает более надежным сохранить то, что у него есть, чем стремиться к сомнительному приобретению того, чем владеют другие, тогда наступает строй, основанный на праве и разуме»²¹.

Пришли ли мы за время с 1796 по 2007 г., за столь длительный период, к тому, чтобы все успокоились на том, чем владеют? Это поистине риторический вопрос после слов Фихте, по сути характеризующих сегодняшнюю реальность. А есть ли сдвиги? Только в мышлении теоретиков. Сегодня ясно, что не большинство, а меньшинство (золотой миллиард) пришло, казалось бы, к состоянию, когда могло бы

удовлетвориться наличным. На XXI Всемирном философском конгрессе в Стамбуле (август 2003 г.) интеллектуальная элита Запада сплотилась в критике мирового неравенства, считая его несправедливым и, кроме того, несущим угрозу Западу.

Хабермас нашел основания, по которым вечный мир до сих пор не осуществился не только в неравенстве и несправедливости, не только в том, что многим еще выгодна война и беспорядок. Идея вечного мира Канта, по мнению Ю. Хабермаса, не реализовалась во многом потому, что Кант *не предусмотрел трудности диалога с другими, не такими, как европейский человек*. Кант, по его мнению, проявил нечувствительность к появлению нового исторического сознания и росту признания культурных различий, росту значимости неевропейских, нехристианских культур, что делает договоренность с ними, а следовательно, и вечный мир проблематичными²².

Трудности диалога с людьми другой рациональности и другой культуры есть главное препятствие космополитическому проекту Бека. Эти трудности им не рассмотрены и, полагаем, отложены на будущее.

Хабермас отмечает когнитивные трудности определения общих интересов международного сообщества и возможность подмены их частными интересами. Он пишет, что «это не вопрос доброй воли или дурных намерений, но предмет эпистемологии и практических размышлений. Любое ожидание, с одной стороны, того, что будет найдено нечто, приемлемое для всех, не может быть проверено ничем более, как только якобы беспристрастным рассмотрением, по правилам которого от всех вовлеченных сторон равным образом требуется принимать во внимание перспективы других участников тоже. Это является когнитивной целью беспристрастного суждения, которому юридические процедуры должны служить как на глобальном, так и на локальном уровнях»²³. В качестве моральной предпосылки мы будем использовать тезис А. А. Гусейнова о том, что насилие может быть неизбежным, но при этом оно никогда не станет моральным. Институциональной предпосылкой формирования мирового сообщества может стать реструктурирование международного порядка и международного права. Касаясь метафизических основ космополитизации, Хабермас на примере Европейского союза разработал процедурную модель космополитизации, при которой международное гражданское и политическое сообщество интегрируется на почве международного права. Процедурная легитимация для Хабермаса — основа интеграции в демократической и плюралистической культуре²⁴.

В отличие от тех, кто отрицает значимость Вестфальской системы суверенных государств сегодня, американский политолог А. М. Янг счи-

тает, что она важна, поскольку предоставляет суверенное право всем существующим государствам — сильным и слабым, большим и маленьким²⁵. Тем не менее степень взаимозависимости государств настолько возросла, что не многие государства могут закрыться от воздействия других государств и международных организаций. Поэтому изменения по отношению к прежним принципам Вестфальской системы состоят в том, что принцип самоопределения сегодня не тождествен суверенитету. Ни одна страна сегодня не является островом с четким разделением между собственным единоличным контролем внутренней территории и внешней территорией, над которой она не имеет власти. Автономия дает странам возможность принимать собственные решения внутри страны. Это близко к пониманию проблемы Бекком.

Роль государств в такой системе международных отношений не устаревает. Они по-прежнему имеют власть на внутренней территории. Но их действия подотчетны сообществу государств, которое может быть представлено в международных организациях. Государства становятся посредниками между локальными, региональными и глобальными уровнями. Они могущественные акторы, но они не так суверенны, как это традиционно понималось.

Сходные модели получили такие названия, как космополитическая демократия, расширенный федерализм, непосредственная совещательная многосторонность, многосторонний федерализм, децентрализованное рассредоточение, подотчетная автономия и дифференцированная солидарность. Ряд авторов считают их моделями ограниченного суверенитета.

Наилучший способ осуществления глобальных обязательств справедливости Бек, как и многие другие, находит в создании глобализированных моделей социального сотрудничества, при которых базовые структуры транснационального социального сотрудничества, производящие и воспроизводящие несправедливость между народами, могут быть демонтированы и заменены новыми.

Бек предполагает сознательное поддержание национальных государств, с видоизменением представлений о суверенитете с помощью концепции глобальных прав человека. Если права человека глобальны, но то или иное государство не соблюдает их, то сообщество государств может потребовать их соблюдения, не прибегая к войне. Возможно ли это? Пока нет. И видимо, вечный мир наступит не из доводов чистого разума, а только после опустошительной войны или бесконечного терроризма, когда уже не будет сил для войны. Запад многое потеряет, последуй он сейчас мнению социолога, но может потерять много больше, если не последует ему.

Хабермас методично проводит в своих работах мысль о том, что тема диалога не соответствует дискурсу модерна, построенному на признании западного разума и общего стремления к разумному освоению действительности. Он объясняет, что Кант критиковал разум, исходя из его перспективы, т. е. в рамках модерна, а вовсе не сопоставляя разум с «иным», «другим», предшествующим ему состоянием²⁶. Эпоха модерна апеллирует к разуму, как он сложился на Западе, не предполагая его оппонирования или диалога с носителями других рациональностей. Диалог, который тут мог быть, явился бы диалогом носителей одной рациональности. Поэтому потребность в диалоге, коммуникации, по мнению Хабермаса, возникает позже, примерно с Ф. Ницше, пошатнувшего старое здание рациональности. Так и Бек считает диалог концептом Второго модерна.

Методология Бека состоит в разделении конкретного анализа, связанного с изучением реальных процессов, в построении новой картины мира и в формировании теорий на пересечении этих двух компонентов анализа. Подобная методология эксплицирована академиком В. С. Степиным в физическом знании и обобщена в качестве общенаучной²⁷. Пожалуй, нигде в социальном знании это разделение компонентов познания не выступает так четко, как у Бека. Описание опыта отличается у Бека наблюдательностью и точностью. Картина мира вбирает новый опыт, но забегает вперед, пролонгируя его тенденции, иногда до такой степени, что сам автор называет ее утопией. Теории микроуровня, построенные как эмпирические обобщения, являются новыми и убедительными. Те теории, формулировка которых подключает картину мира, являются сценарными прогнозами возможного будущего. Но взаимодействие трех методологических уровней — опыта, картины мира и теории — на макроуровне часто заменяется экстраполяцией картины мира на опыт и тождеством выдвигаемой теории с картиной мира. Подобные случаи встречаются и в естественнонаучном знании. Но в науках об обществе, где теории не имеют математической строгости, такой «зазор» между картиной мира и опытом, преодоление которого ведет к построению теории, часто не соблюдается. Картина мира опрокидывается на будущее, отождествляясь с теорией, выступая, говоря словами Бека, как «полезная утопия».

В этой утопии-идеологии, утопии-проекте дана критика настоящего понимания власти, политики, государства. Политическое не исчезает, а видоизменяется. Не исчезнет, а станет более многообразным государство и соотношение национального и космополитического в нем. «Сила соблазна неолиберализма заключается в двойном импульсе: во-первых, в обещании наградить за открытость миру бо-

гатством; во-вторых, укрепить транснациональные институты и организации, т. е. *установить транснациональный миропорядок глобальной эпохи*. В то же время политика обретает негативный признак: под флагом безальтернативной модернизации мирового рынка она в конечном счете занимается самораскруткой. Поэтому можно говорить *о западне неолиберального толкования политики*», — пишет Бек.

Таким образом, мы имеем в неолиберальном исполнении не «конец политики», а начало новой мировой экономической политики, «мир без границ — не для труда, а для капитала». Сопротивление этому Бек видит на первом этапе всего лишь в разъяснении космополитизма как признания инаковости. На втором этапе он считает необходимым вернуться к новой позитивной диалектике Просвещения. На третьем этапе придется защищать космополитизм от его собственных недостатков. Космополитизм признает инаковость другого, американизация и неолиберальная глобализация — не признают. Даже демократия в этой связи представляется Беку идеологией прошлого, т. к. в новом глобальном мире *преобладать будет толерантность по отношению к многообразию, ограниченному только правом и моралью. Корни своей культуры и крылья космополитизма могут стать основаниями будущего, считает Бек*.

Итак, перед читателем очень необычная книга, сценарий-идеология будущего, попытка выстроить его некоторые искомые черты, отрицающая экстраполяцию настоящего. Бек не революционер, не антиглобалист. Он, скорее, сторонник неокapиталистической теории, воскрешающей труд, Просвещение, мораль, права всех людей Земли, концепт «человечество» против консьюмеризма, варварства, морального релятивизма, партикуляризма, не связанного с универсальностью, и универсальности, не имеющей локальных воплощений.

Книга Ульриха Бека тем более важна и тем более полезна, что ставит вопрос о выживании человечества: «Научно обоснованное заключение о том, что будущее человечества находится под угрозой, обращено не только к правительствам, к менеджерам <...> промышленных предприятий, но и к людям земли. От *всех* требуется немедленно и кардинально изменить свое поведение. Мировые проблемы суть научно сформулированные *моральные максимы с космополитической целью*», — утверждает автор в конце книги. Думается, что количество таких конструктивных сценариев с неизбежностью будет увеличиваться и что они будут разными — мы видели это на примере Хабермаса и Янг. Их судьба — стать предостережениями, может быть, идеологиями, собирающими сторонников, может быть, остаться утопиями, не доводящими до утопической практики.

Предлагаемая читателю монография Ульриха Бека характеризует особенности нашего времени и привлекает воображение для размышлений о будущем.

Ценность книги состоит также в предположении о возникновении социальных движений, поддерживающих гражданские инициативы в глобальном масштабе. Именно с ними будет связана в конечном итоге трансформация форм государства и политики во втором модерне.

Федотова В. Г., д. ф. н., профессор,
зав. сектором социальной философии
Института философии РАН
Федотова Н. Н., к. с. н., доцент кафедры
социологии МГИМО

¹ *Арриги Дж.* Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. С. 6.

² *Поланьи К.* Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002.

³ *Коллинз Р.* Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. С. 101б.

⁴ См.: *Beck U., Beck-Gernsheim E.* Individualization. Institutionalized Individualism and its Social and Political Consequences. L., Thousand Oaks, New Delhi. 2002.

⁵ *Социология.* Профессия и призвание. Интервью с Ульрихом Беком // Журнал социологии и социальной антропологии. СПб., 2003. Т. VI. № 1. С. 10.

⁶ *Бек У.* Что такое глобализация? Ошибки глобализации — ответы на глобализацию. М., Прогресс-Традиция, 2001. С. 10–11.

⁷ *Поланьи К.* Указ. соч.

⁸ Там же. С. 176.

⁹ Там же. С. 183.

¹⁰ Там же. С. 231.

¹¹ *Поланьи К.* О вере в экономический детерминизм // «Великая трансформация» Карла Поланьи. Прошлое, настоящее, будущее. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2006. С. 29.

¹² *Friedman T.* The Lexus and the Olive Tree. N. Y.: Anchor Books. 2000. P. 29–43.

¹³ См.: Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / Под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. М.: Московская школа политических исследований, 2002; *Бенхабиб С.* Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М.: Логос, 2003; *Многоликая глобализация.* Культурное разнообразие в современном мире / Под ред. П. Бергера и С. Хантингтона. М.: Аспен-Пресс, 2004.

- ¹⁴ *Cosmopolitanism*. Ed. by C. F. Breckenridge, Sh. Pollok, H. K. Bhaba, D. Chakrabarty. Durham, L.: Duke University Press. 2002. P. 6.
- ¹⁵ Ibid. P. 5–6.
- ¹⁶ Бек У. Космополитическое общество и его враги // Журнал социологии и социальной антропологии, 2003. Т. VI. № 1. С. 28.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ См.: Федотова В. Г. Будущее российского капитализма // Политический класс. 2006. № 3.
- ¹⁹ Kurasava F. A. *Cosmopolitanism from Below: Alternative Globalization and the Creation Of a Solidarity without Bounds* // Arch. Eur. Sociol. 2004. XLV. P. 233–253.
- ²⁰ См.: Wendt A. *Social Theory of International Politics*. Cambridge, UK: Cambridge University Press. 2000. P. 246–312.
- ²¹ Фихте И. К вечному миру. Философский проект Иммануила Канта // Трактаты о вечном мире / Сост. И. С. Андреева, А. В. Гулыга. СПб.: Алетейя, 2003. С. 248.
- ²² Хабермас Ю. Дискуссия о прошлом и будущем международного права. Переход от национальной к постнациональной структуре // Вестник Российского философского общества. 2003. № 3. С. 17.
- ²³ Там же. С. 22–23.
- ²⁴ Habermas J. *Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy*. Cambridge, MA, MIT Press. 1996; Habermas J., Derrida J. February 15, or What Binds Europeans Together: A Plea for a Common Foreign Policy, Beginning in the Core of Europe // Constellations, 10 (3), 2003.
- ²⁵ Янг А. М. Некоторые соображения о гегемонии и глобальной демократии // Философские науки. 2003. № 8; Young I. M. *Inclusion and Democracy*. Oxford, N. Y.: Oxford University Press. 2000.
- ²⁶ Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М., 2003. С. 312–315.
- ²⁷ Степин В. С. *Теоретическое знание*. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА

АЛЕКСАНДРА ПОГОРЕЛЬСКОГО

ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ:

Международный ежегодник по философии культуры «Логос»
1910–1914, 1925. Тт. 1–9 (+ 1 том дополнительных материалов:
библиография, история проекта, рецензии 1910–1914 гг. и т. д.).
Полное репринтное воспроизведение журнала, выходившего
под редакцией Ф. Степуна, И. Гессена, Б. Яковенко и др.

СЕРИЯ «ФИЛОСОФИЯ»

Эрнст Мах. Анализ ощущений (С предисловием *А. Ф. Зотова*)

Пауль Наторп. Сборник статей по философии, логике, теории культуры

Эдмунд Гуссерль. Избранные сочинения («Идеи к чистой
феноменологии»; «Парижские доклады»; «Амстердамские
доклады»; «Интенциональные предметы» и др. С предисловием
Виталия Куренного)

Мартин Хайдеггер. Что зовется мышлением

Людвиг Витгенштейн. Избранные работы («Логико-философский
трактат» в переводе и с комментариями *Вадима Руднева*;
«Коричневая книга»; «Голубая книга»)

М. И. Каринский. Избранные работы («Явление и действительность»;
«Об истинах самоочевидных»; «Критический разбор новейшего
периода немецкой философии» и др.)

Журнал «Логос», 1991–2005. Избранное в 2-х тт.

Философия в систематическом изложении **В. Дильтея, А. Рия,**
В. Оствальда, В. Вундта, Г. Эббингауза, Р. Эйкена, Ф. Паульсена,
В. Мюнха, Т. Липпса.

Журнал «Erkenntnis» («Познание»). Избранное

СЕРИЯ «СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ»

Питирим Сорокин. Социология революции (С приложениями и комментариями)

Джованни Арриги. Долгий двадцатый век. Деньги и власть в происхождении нашей эпохи

Иммануил Валлерстайн. Миросистемный анализ: Введение

Крэйг Калхун. Национализм

Социология вещей. Сборник статей (**Георг Зиммель, И. Гофман, Г. Гарфинкель, Р. Харе, У. Питц, Б. Латур, Дж. Ло.** Предисловие и составление *Виктора Вахштайна*)

СЕРИЯ «ЭКОНОМИКА»

Вернер Зомбарт. Избранные сочинения (Строй хозяйственной жизни; Идеалы социальной политики; Почему в Соединенных Штатах нет социализма?; Евреи и их участие в образовании современного хозяйства; Народное хозяйство и мода. Предисловие А. М. Руткевича)

Карл Менгер. Основания политической экономии. Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности

СЕРИЯ «ИСТОРИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ»

М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права
Анналы экономической и социальной истории. Избранное.

В. Лейбин. Постклассический психоанализ. Энциклопедия. В 2-х тт.

А. А. Кизеветтер. Исторические очерки (Из истории политических идей. Школа и просвещение. Русский город в 18 ст. Из истории России в 19 ст.)

В. Вальденберг. Древнерусские учения о пределах царской власти

А. С. Лаппо-Данилевский. Методология истории. Теория исторического знания

Ульрих Бек

**Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма
Новая всемирно-политическая экономика**

Редактор *Л. Павлова*
Корректор *Л. Трофимова*
Оформление серии *В. Коршунов*
Верстка *С. Зиновьев*

Формат 70 × 100 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл. печ. л. 37,4. Уч.-изд. л. 25,8. Тираж 1000 экз.
Заказ №

Издательство «Прогресс-Традиция»
119048, Москва, ул. Усачева, 29, корп. 9. Тел. (495) 245-49-03
Издательский дом «Территория будущего»
125009, Москва, ул. Б. Дмитровка, 7/5, стр. 2

Отпечатано в ГУП ППП «Типография «Наука»
121099 Москва, Шубинский пер., 6